

Эхо Миштар

вершины и пропасти I

Софья Ролдугина

Annotation

Случается иногда, что мир приходит в движение – и тогда не отсидеться ни в горах, ни в пустыне.

Зреет на севере пламя бунта, и чем дальше, тем больше противятся сыновья лорги воле царственного отца. А во тьме поднимает голову третья сила – алчная, жестокая, и не будет от неё никому пощады.

На юге храм схлестнулся с конклавом, восстали рабы в оазисе Кашим, и ведёт их за собой всадник с колдовским мечом, с печалью в сердце... А под барханами дремлет старое зло – и скоро настанет время ему пробудиться.

Между севером же и югом скитаются двое. Алар, странник-эстра, хочет вновь обрести утраченную память – и новое место в мире, который теперь не узнаёт. Фогарта Сой-рон, учёная-киморт, ищет потерянного учителя, того, кому всегда принадлежало её сердце...

Вот только они не знают, сколько боли принесёт им эта встреча.

-
- [Софья Валерьевна Ролдугина](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [1. Северное гостеприимство](#)
 - [2. Союзники и враги](#)
 - [3. Дева и воин](#)
 - [4. Тот, кто услышал эхо](#)
 - [5. Шрам](#)
 - [6. Беспощадное солнце](#)
 - [7. Вершины и пропасти](#)
 - [8. Крушение](#)
 - [9. Небесный огонь](#)
 - [10. След в след, рука об руку.](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Приложение](#)
-

Софья Валерьевна Ролдугина

Эхо Миштар. Вершины и пропасти

Моей подруге Ленте, без которой этой книги не было бы вообще – а ещё Жене, Мари и Хайм, без которых она была бы совсем другой...

...и всем-всем, кто покидает дом, чтоб отыскать утраченное или отправиться за мечтой.

Эта история – для вас.

© Ролдугина С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Много я повидал чудес, а привыкнуть не могу.

Говорят, что более прочих славится небывальщиной юг. И сложно поспорить: чего только не увидишь среди барханов великой пустыни! Есть там деревья с гору высотой, ствол чёрный, а листья серебряные, и каждый из них – погибель. Есть караваны из мертвецов, издали – точь-в-точь как живые: едут люди верхом на тхаргах, катятся повозки, трубит заунывно рог, звенят колокольчики... А присмотришься – и ахнешь: что наездники, что скакуны – кожа да кости, глаза чёрные и ссохшиеся, языки набок висят, а роскошные одежды уж давненько истлели, как паутина на просвет. Рыщет такой караван, рыщет – поживы ищет. А пропасти бездонные? А садхам – красный вихрь? А проказливый зверёк эль-шарих – юркий, ушастый, о двух хвостах и с ладошками, как человечьи, только маленькие? Этот, рассказывают, спас столько же людей, сколько и погубил, и нипочём ему ни солнце, ни мертвоходцы, ни зыбучие пески.

Даже я, Сэрим, не поручусь, что с эль-шарихом управлюсь без своей флейты.

Восток тоже богат на диковины. Чего только стоит Шимра, жемчужина Ишмирата! Во всём мире, пожалуй, второго такого города не сыскать. Шимра живёт чудесами – и немудрено, ведь здесь кимортов больше, чем на всём юге и севере вместе взятых. Там, на базаре, можно купить всё что угодно: и морт-меч, одним взмахом способный заковать Рукав Мира льдами и остановить бурное течение, и шкатулку, в которую уместится целиком ездовой гурн с ушами и хвостом, и тончайшие шелка, что не горят в огне, зимой согревают, а летом охлаждают. А средоточие чудес – цех кимортов. Стены в том дворце из благоуханного белого дерева, крыша – из тончайшей розовой яшмы, а во внутреннем дворе цветёт, не увядая, вечная эрисея, и трепещут в призрачном свете пунцовые лепестки... Любое чудо подвластно кимортам, и нет ничего, перед чем бы они отступили – кроме разве что смерти или сброса.

И хоть люблю я восток, а всё же редко там бываю: устаю от великолепия, да и тамошние вельможи больше ценят изысканный

перебор семиструнки, чем флейту и её печальный напев.

Есть чудеса и на севере – горы, чьи недра полны самоцветов, и плодородные туманные долины вокруг Ульменгарма, и Седая Хродда у самых гор – неприступная твердыня, возведённая кимортами в незапамятные времена. Ходят легенды, что в ту пору они оборонялись от напасти, перед лицом которой пали все прочие земли, но что нам до тех легенд? Ныне от бывшего величия севера только старая крепость и осталась... А ещё люди. Таких искусных мечников поискать в целом свете – и не найдёшь! Говорят, у них пламенные сердца и очи, что видят любую ложь.

Я не знаю – не проверял, но обманщиков на севере и впрямь поколачивают исправно.

И если уж речь зашла о диковинках, то скажите на милость, разве ли видано такое, чтоб юная дева покинула Шимру наивной ученицей, за которой глаз да глаз нужен, но уже через полгода превзошла своего учителя в силе? Истинно вам говорю, правда это – провалиться бы мне на месте, если б я солгал! Но только вряд ли расскажет вам та дева, какой ценою далось ей это чудо, что она потеряла, а что обрела... Да и мало кто понял бы её, даже если бы она и рассказала.

Или вот ещё чудо – встретить посреди далёких земель, там, куда не чаял уже вернуться, старого друга.

– Орра, Дёран! Надо же, и впрямь ты. То-то мне стон семиструнки издали знакомым показался, аж сердце прихватило да уши заныли...

– И тебе привет, Сэрим, приятель! Да и мне что-то вдруг захотелось рукою кошель накрыть и монеты пересчитать: ну, думаю, не иначе ты где-то рядом ходишь.

Он хохочет, да и я не отстаю; он сказитель, и я музыкант, а оба два мы – бродяги без роду без племени. Кому дружить, как не нам?

Приметив по запаху приличное заведение, беру по стакану горячего вина – не из раймы, но тоже неплохого – и мы садимся в свободный угол. Пока Дёран пристраивает рядышком чехол с семистрункой, разглядываю приятеля исподтишка. Он ничуть не изменился, только снова волосы стали короче, а взгляд – печальней; не иначе, потерял кого-то близкого не так давно.

И я догадываюсь даже, кого... Но прежде чем успеваю сказать хоть что-то, Дёран оборачивается ко мне и говорит:

– Послушай, приятель, и как там сейчас – на юге?

– Так же, как и всегда, только хуже, – пожимаю плечами. – Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть, правда, и добрые вести. Город Дабур, что далеко на юго-востоке великой пустыни, получил избавление от эпидемии. Долгих полгода бродила смерть по его улицам, не различая правых и виноватых; городской совет же постановил сокрыть правду, чтобы не потерпеть убытков, затворили ворота и подкупили проводников. Несогласных казнили. Перестали туда ходить караваны, кроме немногих избранных – или особенно несчастливых: те, кто всё-таки добирался до Дабура, обречены были остаться в его стенах, желали они того или нет. Спасение принесла благочестивая дева-киморт. За дюжину дней она исцелила больных без счёта и даровала городу волшебную храмовую чашу на случай, если напасть вернётся. Деву-киморта прозвали Избавительницей, и вознесли ей хвалу, и много почестей оказали... Однако разве же может южанин удержаться, если почует запах поживы? И разве же оставит какой правитель в живых свидетеля своей слабости и подлости? То-то же. Коварный Абир-Шалим арх Астар, глава совета, хитростью пленил деву-киморта, одурманил её и продал работорговцу из Кашима. Вот только радовался он недолго! Услышав о творимых советом беззакониях, конклав направил к городу отряд всадников-арафи, и ныне головы виноватых украшают пики над городскими стенами; в честь Избавительницы же в храме установили изваяние в образе Благодатного Ветра Дождей.

Перевожу дыхание; а Дёран, опустив глаза долу, говорит только:

– Вот как.

Мне, право, становится немного обидно – самую малость.

– Это ещё чего! – добавляю я с азартом и чуть наклоняюсь к нему заговорщически. – В городе-оазисе Кашиме случилось чудо, какого уже лет триста не видывали. Дождь пошёл. Да какой дождь – ливень, с громом, с молнией! Улицы ненадолго обратились полноводными реками, а в небе раскинулась двойная радуга – знак великих перемен. А виной всему, говорят, дева-киморт. Увидела она на базаре человека, обманом проданного в рабство, осерчала – тут-то буря и налетела. Торговец неблагочестивый тут же покаялся в обмане, отпустил того раба, а с ним вместе ещё дюжину; за ним и другие повторили, не дожидаясь, пока дева-киморт обратит на них ясный взор, и за то прозвали её Освободительницей, а ещё Подательницей Воды – за

ливень. Послала за ней сама михрани, желая испытать её мудрость за игрой в на-джи, но была посрамлена и повержена. Послал за ней и младший сын михрани по имени Ачир, но был он, в отличие от царственной своей матери, учтив и добродетелен, и за то дева одарила его дюжиной колдовских мечей, равных которым по силе нет. И недалёк уже тот день, когда власть в городе перейдёт к нему, а он... а он, говорят, рабство терпеть не будет.

Снова умолкаю, смотрю на Дёрана, жду, что он скажет. А он повторяет растерянно:

– Вот как.

И тут я, признаться, уже сержусь.

– Тебе как будто бы всё равно, – упрекаю его. И подвигаюсь ближе, понижая голос: – Ну, слушай, этого-то тебе никто не расскажет, кроме меня... В конклаве нынче наметился раскол. Издревле пять сотен семей правили пустыней; пятьдесят благородных мужей делили силу между собою, а пятерым давалась особая власть: один всадниками повелевает, другой страже приказы отдаёт, третий налоги собирает, четвёртый дорогами да источниками ведает, а пятый – добычей мирцита. И вот так случилось, что завладел рудниками паршивый пёс Ата-Халим – ох, и поганый же человечиска! Гордыня ему досталась от матери, что род ведёт от всадников-арафи, а подлость и изворотливость с жаждой наживы он унаследовал от отца, кашимского купца. А чем оазис Кашим славен?

И тут Дёран наконец выходит из забытья – и кривится.

– Как не знать, – говорит он, а его смазливое лицо на мгновение жутким становится. – Только славой бы я это не назвал. Из людской крови, из горького горя там золото добывают – Кашим свои богатства на рабстве сколотил.

– И будь уверен, что Ата-Халим – истинный кашимец, – усмехаюсь. – Первый он среди подлецов, и среди палачей, и среди предателей... Что уж говорить, сорок лет тому назад он собственную дочь продал в рабство за то, что она отказалась идти к нужному человеку третьей женой в гарем и хотела убежать с торговцем-северянином в Беру! Говорят, что треть рынка в Кашиме принадлежит Ата-Халиму. И вот такой человек – где обманом, где лестью, где угрозами – заполучил место в конклаве и прибрал к рукам мирцитовые рудники! А у кого мирцит, тот и суд вершит, как в пустыне говорят... И

давно бы он весь конклав под себя подмял, если б не сопротивление храма Пяти Ветров. Жрецы-то давно зуб точили на работорговцев, ведь Благодатный Ветер Дождей запретил человеку владеть другим человеком, а Справедливый Ветер повелел не терпеть зла. Вторая по силе в конклаве – Вещая Госпожа Унна, жрица Ветра Карающего, и Ата-Халиму она спуску не даёт, а городская стража ей опора. Всадники-арафи же Ата-Халима поддерживают, да и сборщики налогов тоже, говорят, хоть прилюдно не склоняются ни одному, ни к другой... Долго держалось хрупкое равновесие, пока в Город Ста Чудес, великий и славный Ашраб, не явилась дева-киморт, овеянная славой. Шла она по следу работорговцев, коварством и подлостью пленивших двух молодых кимортов с севера, брата и сестру – и, заручившись благословением Вещей Госпожи, сумела отыскать безвинно пострадавших и жестоко наказать виноватых! И кто б, ты думал, осмелился попрасть все законы и кимортов продать в рабство? Племянник Ата-Халима, подлый Радхаб! Благородная дева-киморт обрушила на него справедливый гнев, и багряный вихрь, садхам, поглотил в один миг поместье, где творилось беззаконие! Радхаб попытался отомстить и послал за нею вдогонку убийц, но ясноокая дева разметала их одним движением руки, и горе было тем, кто не внял предупреждению и атаковал снова... Лишь один из десяти наёмников вернулся живым. И знаешь, как прозвали тогда в Ашрабе деву-киморта?

Дёран легонько касается семиструнки, и она отзывается вздохом-трелью.

– Несущей Возмездие? Справедливой? – улыбается он краешками губ, точно вспоминает кого-то родного.

А я только вздыхаю:

– Рождающей Бурю. Ибо теперь, после такой пощёчины, ни Радхаб, ни дядька его Ата-Халим не сумеют усмирить гнева, а Унна, благородная Вещая Госпожа, не станет терпеть несправедливости. Она, я слыхал, уже выступила в конклаве, обличая злодеяния Ата-Халима, и всадники-арафи собираются к Ашрабу с разных концов пустыни, а храмы во всех оазисах, больших и малых городах, вывесили на стены знамя Ветра Карающего. Нет, не быть миру... А дева-киморт – Избавительница от недуга, Подательница Воды, Освободительница и Рождающая Бурю – двинулась к северу. К слову,

дружище, как тут дела-то... на севере? – добавляю несмело, ибо и желаю, и страшусь услышать ответ.

Дёран молчит, и сердце у меня замирает.

– Так же, как и всегда, – говорит он наконец. – Только хуже. Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть у лорги два сына, которых он больше других выделяет – Мирра, наместник юга, и Кальв, наместник востока. Прежде были они не разлей вода, а нынче глядеть друг на друга не могут – сразу ругаться начинают; и добро бы только ругались, так и десятидневья не проходит, чтоб одна дружина с другой на границе не схлестнулась. А лорга вместо того, чтоб сыновей осадить, помирить, только масла подливает! Дряхлый старик уже, что пень гнилой, а всё туда же – за власть свою боится... Между тем дальние деревни в упадок приходят; дети-киморты давно уже там на свет не рождаются, а где рождаются, добра, как сказывают, не приносят. Так в одно поселение на северо-востоке, что раймой промышляло, зачастили мертвоходцы. Сперва по одному, затем по двое, а после уже и вовсе житья не давали! Даже огненная ограда, мастером сработанная, и та не помогала... И быть бы большой беде, большой крови, если б не появился там откуда ни возьмись эстра – не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. Быстро он отыскал способ отвадить беду: мертвецов своей силой привлекала девочка-киморт, которую мастер от жадности да по глупости отказался отправлять в цех на воспитание. Мастера эстра отчитал, а девочку пожалел и взял в ученицы; наутро он тронулся в путь, и с тех пор мертвоходцы к деревенским воротам, говорят, не приближались. За то его Справедливым прозвали – мол, хоть и строг он, а беспристрастен.

Дёран говорит – семиструнка отзывается перезвоном, тихим-тихим, как вздох. А я слушаю – и вижу, как наяву, да только не то, о чём он рассказывает, а то, что давным-давно было. Города-крепости в горах, возведённые из белого камня; узорчатые мосты, переброшенные через пропасти; глубокие шахты, где невиданные сокровища добывают, и дороги, прямые и широкие, и всадников, что по тем дорогам летят, и стелются за ними по ветру зелёные плащи с рыжей меховой опушкой...

Всё это взаправду было, а нынче стало старой-старой сказкой.

Города заброшены и заросли лесом, от дорог и воспоминания не осталось, ажурные мосты обрушились, и лишь кое-где остовы торчат,

как обглоданные кости.

Сердце – глупое и жалкое – трепещет.

– Да, – выдыхаю еле слышно. – Бывает и так.

А Дёран вскидывается, кладёт на колени семиструнку, ставит чуткие пальцы на струны, и льётся тихая музыка.

– Это ещё что! – говорит он и лукаво улыбается. – Слышал ли ты, как прохожий странник вернул воду в Беру? Ну так слушай. Ещё в незапамятные времена кудесница Брайна подарила городу чудесный источник. Зимой он не перемерзал, летом вода лилась прохладная и чистая-чистая, и никакие засухи ему были нипочём. И тут нынешней весной вдруг затряслись горы, заходили ходуном, а источник обмелел. Поначалу никто в том большой беды не видел – есть и другие колодцы, и ключи, и ручьи... Но городской-то голова знал, что первая же засуха погубит Беру, а потому искал пути к спасению; но не так-то это было легко – нынешний лорга кимортов не привечает. И тут явился откуда ни возьмись эстра с ученицей – не то из-под земли вырос, не то с неба упал! Слово за слово, разговорился с городским головой – да взялся за сложное дело. Воздел он руки – и задрожала земля, горы ходуном заходили, послышался гул... а потом как взмыл вверх фонтан воды, как загорелась радуга! Целый день, говорят, она над городом провисела. Воды в источнике Брайны стало столько же, сколько и прежде, если не больше; а сама она прежде мечом в землю указывала, а нынче в небо целится. Эстра в городе долго не пробыл, дальше пошёл, а людская молва его новым именем наградила – Хозяин Вод. Ну, каково?

Дёран улыбается, смотрит на меня чуть исподлобья, искоса, как ишмиратские девы, и седая коса у него перекинута через плечо, а серые бродяжки одежды словно бы отсвечивают травяной зеленью, как в прежние времена, и будто бы проступает на них искусная вышивка... И вижу я, как наяву, Брайну-Кудесницу – ту, что была и лоргой, и кимортом, и искусной воительницей; давно она жила, но оставила по себе великую славу. Это она проложила в горах дороги; она отстроила дивные города, похожие на оживший сон; это её усилия растревожили недра гор, и...

Впрочем, неважно – больно давно всё было.

Нынче от неё только осталось, что один источник на юге, в Бере, и одна крепость на севере.

И память. Память жива ещё, да.

– Надо же, – вздыхаю, отводя взгляд. – И так бывает.

В груди щемит.

А Дёран, задетый невниманием, разминает пальцы, придвигается ближе, понижает голос, и вторит ему мелодия семиструнки.

– Ну, то присказка была, а сказка впереди... Вот, послушай, этого тебе никто не расскажет, особенно здесь, в столице, у лорги под боком. В славном городе Свенне, что в Западном Лоргинариуме, есть ночная ярмарка. Она для простого люда, который не в ладах с законом, и страже обычно туда ходу нет. И вот представь, в разгар торгов к прилавку обычного торговца пирожками подлетела дружина из самого Ульменгарма, всадники, что подчиняются самому лорге! Подскочили – и схватили одну девчонку-замарашку, а женщину, что с ней была, едва на месте не зарубили. Люди зароптали, но что против всадников с морт-мечами сделаешь? То-то же. И тут откуда ни возьмись явился эстра-бродяга – не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. «Где это видано, – молвил он, – чтоб малое дитя при всём честном народе похитили и никто за девочку не вступился? Стыд вам!» Женщину он исцелил – почитай, из мёртвых вернул, а потом вдогонку за всадниками кинулся. И знаешь, что, друг Сэрим? Его-то с девчонкой-ученицей позже на дороге увидели, а вот дружину – нет. И морт-мечи их не спасли. А прозвали его за то...

– Освободителем? – выгибаю я брови, вспоминая о Фогарте и её подвигах. Становится веселей. – Спасителем?

– Если бы, – вздыхает Дёран, и взгляд у него задумчивым становится, темнеет, как внешнее небо перед грозой. – Прозвали его Погибелью Лорги, а ещё Несущим Возмездие. И, сам понимаешь, приятель, знак это недобрый. Значит, пришёл срок – слишком долго лорга престол занимал, а добра народу не сделал, и чаша терпения переполнилась. Не сегодня – так завтра север запольхает... И вот ещё что. Слухи ходят, что не просто так дружинники ту девчонку похитили. Говорят, что они по всему Лоргинариуму забирают кимортов-детей, но не приводят их в цех, учиться у старших, а продают на юг, в рабство.

И всё веселье разом пропадает.

Пригубляю вино, а оно горчит; у Дёрана тоже – вон, как он морщится.

– Похоже, что всё ещё хуже, чем мне на юге виделось, – говорю в сердцах.

Дёран кивает:

– А то. Ещё, рассказывают, недавно появился мирцит необыкновенной чистоты – лучше, чем из южных рудников. А с юга везут морт-мечи, да больше, чем из Ишмирата – знай плати только! А откуда морт-мечам на юге взяться, если кимортов там нет, клинки заклинать некому? То-то же. И горы ещё потряхивает, чем дальше – тем чаще. Не к добру, – тихо-тихо заключает он, и я откликаюсь эхом:

– Не к добру.

А что тут ещё скажешь?

Вино мы допиваем в молчании. Закат успеваешь разгореться и угаснуть; один край небосвода ещё алый, словно густая кровь, а другой уже иссиня-чёрный, и напоздаёт туман из долины, укутывая город, словно одеялом. И чудится, что прошлое и будущее перемешиваются, размываются, исчезают... Вот-вот пройдёт рядом великая Брайна, бряцая колдовским мечом – и развеется, словно тень; исполинские горы, которые всегда казались нерушимыми, выглядят хрупкими, будто ишмирятские поделки из цветного стекла.

– Эй, приятель, – зову я негромко. Дёран оборачивается – глаза у него чуть вытянуты к вискам, как у пустынного зверька эль-шариха, да и светятся так же, красноватым. – Доведётся ли нам ещё так вместе посидеть, вспомнить былое?

Он замирает сперва, а потом улыбается озорно:

– А зачем его вспоминать-то? Зачем назад оглядываться, не лучше ли вперёд посмотреть? Вдруг там не так страшно, как мнилось? – Дёран поднимается, закидывает за спину семиструнку, треплет меня по плечу. – Да и не так одиноко... Что ни говори, друг, а я устал просто так ходить и смотреть. Может, я и странник без дома и без рода, а всё же друзья у меня есть – и я за них, пожалуй, поборюсь. Даже если б мне для этого пришлось вернуться на проклятый юг! А ты что решишь?

Я не успеваю ответить – он перешагивает через порог и выскакивает на улицу, оставляет меня в тумане, в густом чаду, где бродят призраки. Вот только надолго меня в покое не оставляют – дверь распаивается, и в зал шагает дева-киморт в ярких ишмирятских одеждах. Хиста у неё бирюзовая, нижнее платье – бледно-лиловое, как

закатная дымка, а из-под него блестит нательная рубаха, точно сотканная из серебра. Волосы у девы подкрашены рыжеватым и завиваются в локоны от влаги, а взгляд прямой, дерзкий.

Вот она, Фогарта.

И впрямь, Рождающая Бурю, лучше и не скажешь.

– А! – видит она меня и улыбается. – Вот куда ты запропастился! Что с ночлегом-то решим? И есть у меня мысль, как пробиться к лорге, но сперва я бы обсудила всё... ты слушаешь?

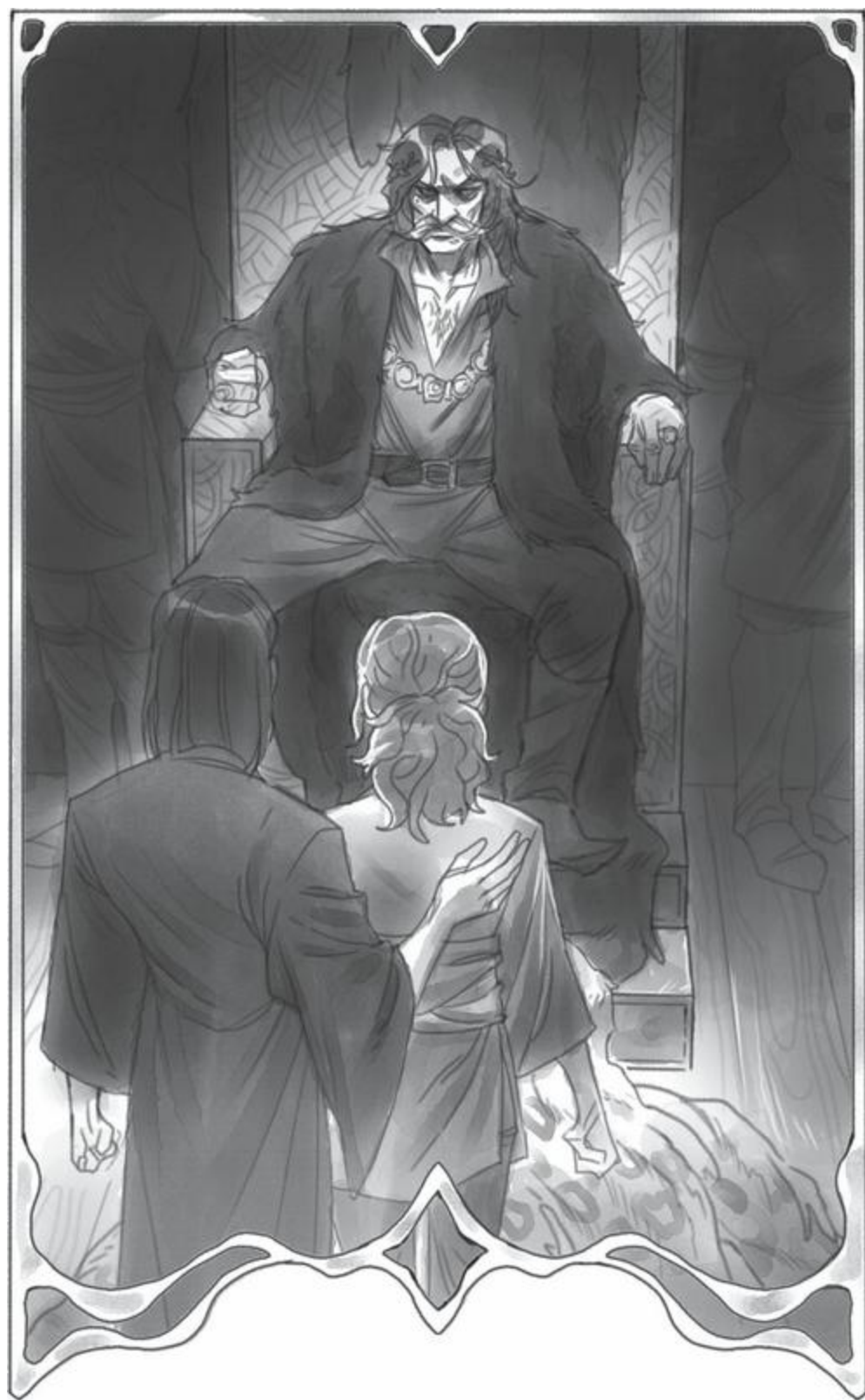
Она говорит – и тени прошлого отступают.

А я понимаю, кажется, отчего у Дёрана глаза заблестели, а семиструнка запела на боевой манер.

– Слушаю, – говорю. – Продолжай, конечно.

И если быть беде, то мы её, пожалуй, встретим – вместе.

Может, и победим.

1. Северное гостеприимство

Фогарта Сой-рон, Ульменгарм, столица Лоргинариума

Про северян говорили, что они радушные и гостеприимные, но беглецов с юга Ульменгарм встретил неласково – словно чувствовал, что впредь будет от них одно беспокойство.

Начать хоть с того, что пришвартовать дирижабль у городской мачты Сидше не позволили, хоть она и пустовала. Дружинник, потрясая богато украшенным морт-мечом – скверно сработанным, впрочем, такую игрушку и киморт-ученик мог бы походя сломать – велел убираться подобру-поздорову. Фогарта попыталась было его уговорить, потянулась даже за шкатулкой с самоцветами, но он и слушать не стал, напротив, озлился ещё больше.

Сидше, впрочем, отказ не смутил.

– Что же, на нет и суда нет, – мурлыкнул он, сузив глаза, и направил дирижабль обратно к крепостным стенам.

Там, примерно в пятнадцати минутах лёта от города, в низине обнаружилось высокое сухое дерево, оголённое до самой вершины. Судя по многочисленным отметинам, дирижабли частенько здесь останавливались, а окрестные холмы укрывали стоянку от любопытных чужаков.

К примеру, от столичной дружины.

– Тебе приходилось уже здесь бывать раньше? – спросила Фог, с интересом наблюдая за тем, как легко Сидше отыскивает сперва землянку, затем тайник с запасом дров и затейливо спрятанный ключ с питьевой водой. – Или у вас, у контрабандистов, есть свои секретные знаки?

Но он лишь улыбнулся лукаво:

– Как знать. Быть может, мне просто повезло?

Прежде Фогарта, наверное, обманулась бы таким ответом, отвлеклась на интригующе распахнутый ворот хисты, смутилась бы от прикосновения вскользь – кончиками пальцев по напряжённому плечу. Но теперь она научилась видеть, что стоит за манерами Сидше,

замечать и дрогнувшие уголки губ, и потухший на мгновение взгляд... А потому поняла: да, ему случалось здесь бывать, вот только вспоминать об этом он бы не хотел.

«Снова Дуэса и её дела?»

– Я бы больше волновался о другом, – вмешался неожиданно Сэрим, спрыгивая с верёвочной лестницы на землю. – Вон там, глядите, кострище, а вот свежие отпечатки подков, а тут, у корней, вырезан хадарский знак. Не боишься, капитан, что они твою ненаглядную «Штерру» уведут?

– Северяне – люди чести, – невозмутимо откликнулся тот. – И честь их велит не обижать простых контрабандистов. Кто иначе продаст им оружие из Ишмирата и драгоценные пряности? Откуда они станут брать яркие шелка на подарки своим жёнам и дочерям? Кому, наконец, продадут свою добычу, стоившую им и пота, и крови, а порою и жизни товарища? На городские ярмарки хадарам путь заказан... – с притворным сожалением покачал он головой.

– Да уж, тут хочешь не хочешь, а будешь честь блюсти, – хмыкнул Сэрим. – Думаю, что на случай, если уж совсем какой подлец попадётся, у тебя на борту что-то припасено?

– Припасено, – не стал спорить тот.

– Оружие? Гремучая смесь? Ловушки? – не унимался Сэрим.

– Март, мой телохранитель, – ровно ответил Сидше, присаживаясь на корточки, и обмахнул от сора знак, вырезанный у корней швартовочного дерева. – Прежде чем я его нанял, уважаемый, он три года ходил главарём у хадаров, так что обычаи их знает как никто иной... Март, ну-ка, спустись. Здесь написано «третьего дня» или «седьмого»?

Оказалось, что рядом с опознавательным знаком хадаров были нацарапаны ещё тайные письмена – тоненько, словно бы швейной иглой. Они предупреждали о грядущей облаве дружинников – уже минувшей, судя по датам – и сообщали о новой встрече «под молодой луной».

– Значит, несколько дней у нас есть, стоянка будет пустовать. Удачно, – подытожил Сидше, задумчиво скрестив руки на груди. – Как поступим? До Ульменгарма отсюда идти несколько часов. Случись что, быстро вернуться мы не сможем, даже если получим знак. Все вместе пойдём в город или разделимся?

Фогарта ожидала почему-то, что ответит Сэрим, но он промолчал, искоса поглядывая на неё круглыми птичьими глазами.

«Выходит, что решать надо мне?»

Там, на юге, это выходило как-то естественно. Она, как гончая, шла по следу похищенных кимортов, хваталась за любую подсказку, за всякий намёк; со стороны могло показаться, что дорог много, выбирай – не хочу, но на самом деле путь оставался один, узкий и извилистый, однако же и свернуть с него бы не получилось.

А потом, во время спешного отступления из Ашраба, задумываться было попросту некогда.

Лиура, старший из близнецов-кимортов, мысленно так и остался в плену. По ночам он видел кошмары и часто просыпался в поту – и, что совсем скверно, иногда спросонья бил наотмашь волной чистой морт. Фог укрепила стены его каюты, но надолго это не помогло, так что к исходу первого десятидневья, когда пустыня осталась позади, пришлось посадить дирижабль на берегу Рукава Мира, чтоб залатать пробоину. После починки Сидше попросил пожалеть «Штерру» – и путешествовать только днём, а на ночь останавливаться.

Желающих возразить не нашлось, и только ящерка-садхам заметалась как-то беспокойно... впрочем, возможно, она просто тосковала по бескрайним дюнам, оставшимся позади.

Онор же, в отличие от брата, наоборот, спала целыми днями, точно впервые за долгих два года почувствовав себя в безопасности. Днём она просыпалась на несколько часов, ела, брала дочь ненадолго, понячить, или вспоминала, как управляться с морт... А затем снова ложилась спать, теперь уже до самого вечера. Ярость, питавшая её в первые дни, угасла, и на смену пришла меланхолия. Лишь когда на горизонте показались горные хребты, окружавшие Лоргинариум с юга, Онор немного оживилась и спросила, можно ли будет заночевать у Поющего озера и развести там костёр на обрыве.

– Как раньше. До... до всего, – добавила она, опустив глаза, и морт вокруг неё взвилась языками злого бездымного пламени.

Озеро они и впрямь отыскали – на карте крохотную точку, а наяву дивной красоты место в окружении водопадов – пусть и пришлось заложить изрядный крюк, чтобы туда добраться.

Онор проплясала у костра до полуночи.

Иаллам терпеливо исполнял обязанности няньки, иногда разделяя их с Сэримом. И только в Бере его охватило такое волнение, что он жарко, едва слезу не пустив от избытка чувств, попросился отпустить его на ярмарку.

– Я на родине пять лет не был, – сказал он, не в силах оторвать жадного взгляда от черепитчатых крыш и булыжных мостовых. – А когда и был, то проездом... Дайте хоть до источника Брайны добежать, что ли!

Фогарта, разумеется, его отпустила – да и как могла бы задержать? Силой разве что, но это надо было совсем совести лишиться... А следом за Иалламом отправился «кой-чего разведать» и Сэрим – и пропал почти на сутки.

Поволноваться тогда пришлось изрядно.

Пожалуй, что единственной, кто не доставлял никаких проблем, была Садхам – девочка-кроха, которой едва исполнилось полгода. Она с одинаковой охотой ела и спала, иногда принималась хныкать, но дело обычно было или в сырых пелёнках, или в коликах; за несколько дней Фогарта научилась справляться и с тем и с другим даже во сне, не покидая собственной каюты.

В остальном же всё шло гладко. И, несмотря на капризы и просьбы пассажиров, маршрут выбирал всё-таки капитан – а Фог большую часть времени коротала в каюте, то за чтением дневников Миштар, то за игрой в на-джи с Сэримом, то за уроками для Лиуры. А в ночь, когда дирижабль подлетал к Ульменгарму, она увидела в небе над городом дивной красоты фейерверк – золотые и лиловые сполохи, зелёные искры, синие и серебряные спирали, быстро гаснущие во тьме... Почти как в тот раз, когда Алаойш вместе с приятелем, Дёраном, задержался в пьяном доме на целых три дня – на радость ласковым его хозяйкам с медовыми очами. Небосвод над Шимрой тогда стал что шкатулка с самоцветами. Фогарта затворилась в комнате и рыдала от ревности в расшитые подушки, а когда учитель вернулся наконец, то крикнула ему, что лучше б он не приходил вовсе. Сейчас-то и вспоминать было смешно, а в ту пору казалось, что всё всерьёз.

– Вот бы увидеть его снова, – пробормотала она еле слышно, вглядываясь в разноцветные вспышки во тьме за стеклом. – Хоть краешком глаза. Я б его больше ни в чём не попрекнула. Я бы...

Сидше тогда находился совсем рядом и, без сомнений, всё слышал, но сделал вид, что оглох, только хватка на штурвале стала такой крепкой, что костяшки побелели.

Впрочем, то было вчера, а сегодня он стоял и ждал решения, безмятежно скрестив на груди руки и спрятав ладони в широких рукавах хисты.

– Вместе пойдём, – наконец ответила Фог, крепко всё обдумав. – Если ты говоришь, что для защиты «Штерры» достаточно одного Марта, то пусть он остаётся. Вместе с Чирре, наверное, – добавила она уже менее уверенно. – Что же до способа связи... Могу, к примеру, наполнить два прутика своей морт. Тогда, если их переломить, я пойму, что здесь беда.

– Разумно, – согласился Сэрим, прищурившись. – Значит, близнецов ты с собой берёшь. А младенца?

– Садхам тоже, – кивнула Фогарта. И добавила спешно: – Обоих то есть, и девочку, и ящерку. И в город можно войти по отдельности. Иаллам у нас нянь... то есть за ребёнка отвечает, Онор и Лиура пойдут вместе с ним. На севере ведь не редкость, когда родич-мужчина сопровождает в путешествии молодую семью?

– Чем больше людей, тем легче отбиться от хадаров, – подтвердил Сэрим. – Ну а мне-то можно никем не притворяться. Любому достаточно взглянуть на мою рожу бродяжью и вот на эту малютку, – погладил он флейту, заткнутую за пояс. – Сразу и станет ясно, что я странствующий сказитель, а нашего брата на севере, пожалуй, уважают побольше, чем на юге... Что же, вот и решили. А вы с этим хитроvanом, стало быть, вместе в город войдёте? Тоже супругами назовётесь?

Фог бросило в жар, а Сидше отвернулся, пряча лукавую улыбку.

«И когда эти двое успели спеться? Ведь недавно же были что вода и масло, только и делали, что спорили!»

– Обойдёмся без обмана, – ответила Фогарта, опалив Сэрима яростным взглядом – безуспешно, впрочем, нахал и бровью не повёл. – Но пойдём мы, конечно, вместе, Сидше ведь единственный из нас, кто не очень хорошо изъясняется на лорги. Вдвоём сподручнее! И вообще, нам надо будет купить еду, местную одежду... И что-то для младенца тоже. Ведь здесь есть нечто вроде молочных орехов, наподобие тех, что в оазисах растут?

После этих слов воцарилась странная тишина. Март замер у верёвочной лестницы, точно изображая дорожный столб; Сидше продолжал улыбаться, чуть склонив голову набок. И только Сэрим, кашлянув, пробормотал себе под нос:

– Вот потому-то я и предложил сразу назваться мужем и женой... Кто после таких покупок поверит, что вы не супруги?

Ответом его Фог не удостоила: если чему пустыня её и научила, так это тому, что любую неловкость и глупость можно замять, а то и превратить в триумф, если держаться поуверенней и делать такое лицо, как будто в нос пушинка попала, а чихнуть нельзя.

Выступать условились тут же, не мешкая. Лиура сам, пусть и не с первой попытки, переделал одежды для себя и сестры на северный манер, и теперь они щеголяли в одинаковых штанах, рубахах с высоким воротом и дорожных плащах, которые только цветом и отличались. Иаллам остался в шароварах и в просторной накидке, с шарфом, обмотанным вокруг головы, поскольку собирался представиться страже у ворот сыном небогатого купца из Ашраба: смешанных браков хватало, так что это никого бы не удивило. Первым в город должен был проникнуть Сэрим и, если опасности нет, подать сигнал; Фогарта с Сидше решили идти последними.

«Штерру» спрятали за клубами облаков, сквозь которые живописно просвечивали острые верхушки деревьев, чтоб её случайно не протаранил другой дирижабль. Затем попрощались с Мартом и Чирре – и отправились в дорогу.

Пахло сыростью, молодой листвой, лесом и слабо-слабо – цветами; издали, с востока, тянуло дымком.

Одурающе пели птицы.

Ульменгарм располагался в самом центре Туманной долины, словно яблоко на серебряном блюде у великана. От края до края – почти дюжина дней пути; впрочем, всадник на резвом гурне мог бы справиться и быстрее. Здесь было ощутимо теплее, чем даже в Бере, у южных границ, а солнце даже в полдень светило точно бы через дымку: земля изобиловала не только реками, но и горячими источниками, и пар, который вечерами окутывал долину плотным одеялом, утром поднимался вверх. Здешние почвы славились плодородием и давали несколько урожаев в год, а скот, который бродил в тумане по зелёным пастбищам, давал обильный приплод и, как

уверяли северяне, никогда не болел... Кое-кто утверждал, что необычайными свойствами эту землю наделили духи предков, и в какой-то степени с этим можно было согласиться.

Когда-то в незапамятные времена – тысячу лет назад, если не больше – Туманную долину создали киморты.

Ступая по желтоватым, словно старые кости, камням тракта, Фог знай себе крутила головой по сторонам, не зная, куда смотреть в первую очередь. Её восхищало всё, но больше прочего – потоки морт, которые текли вокруг подобно полноводной реке. Их направляли древние мирцитовые монолиты, спрятанные под плодородным слоем почвы, в глинисто-песчаных слоях, на глубине в три-четыре человеческих роста. Благодаря этим потокам не пересыхали многочисленные оросительные каналы, а разводящие трубы под землёй оставались целыми. Морт доставляла из недр на поверхность воду горячих источников и позволяла не истощать поля частыми урожаями, а ещё не допускала в долину опасные болезни и прожорливых жуков; говорят, что двести лет тому назад появилась какая-то новая напасть, с которой древняя защита не справилась, и пришлось обращаться за помощью к кимортам.

Одним из тех кимортов – Фогарта знала это наверняка – был Алаойш Та-ци. Другим – его наставница.

С тех пор, по счастью, хвори продолжали обходить окрестности Ульменгарма стороной. Но сама Туманная долина с каждым десятилетием всё больше приходила в упадок – меньше засеивали земель, да и стада были не такими тучными, как в стародавние времена. Говорят, что теперь попросту не требовалось кормить столько народа: жизнь сосредоточилась в нескольких крупных городах, а прочие оказались позаброшенными. Что же до деревень, то там обитатели сами себя обеспечивали, возделывая окрестные поля – не такие богатые, конечно, но всё же их было достаточно.

Разглядывая вдаль, за пеленой, белёсые остовы старых каменных домов и башен, Фогарта как никогда жалела о том, что прежде мало интересовалась историей и стеснялась расспрашивать учителя о прошлом, больше налегая на учёбу... В итоге искусством управляться с морт она всё же овладела сама, а вот рассказывать ей старые сказки было уже некому.

Сердце точно осколок кольнул.

– Да-а, – раздался вздох совсем рядом. – Вот делали же раньше – на века.

Говорил Сэрим; проследив за его взглядом, Фог увидела впереди мост, перекинутый через канал – ажурную арку из серого ноздреватого камня, одновременно и воздушную, и основательную. Красиво – но обычно, в общем-то, не сравнить с Шимрой, где встречались мосты из хрусталя, из живой лозы и даже из чистого света.

– Да, – растерянно согласилась она, думая совсем о другом – о том, что прежде киморты не боялись менять сам мир вокруг, делая его более удобным и безопасным, а теперь в основном занимались починкой вещей для богатых вельмож и всякими безделушками. – Раньше делали... Ой, посмотри-ка! Это не городские ворота впереди?

Вообще ей уже довелось сегодня их увидеть, пока Сэрим и Сидше объяснялись со стражей на городской стене. Но мельком и слишком издали: две сторожевые башни, между которыми полагалось пролетать дирижаблям, прибывающим в город, располагались значительно правее основного входа. Тогда, с высоты, подъездная дорога и подъёмный мост через канал показались не шире портняжной ленты.

Теперь же они поражали воображение.

На главной дороге могли разъехаться без труда четыре телеги, да ещё пешим странникам бы место осталось; мост оказался сделан из необыкновенного камня, точно бы пузырьчатого, хорошо укрепленного морт и изрядно облегченного. Сами же ворота – вчетверо шире и вдесятеро выше обычных – почти сливались по цвету с чёрными стенами, если бы не узоры из серебра. Точнее даже, не узоры, а целые картины: гербы и вензеля, сцены охоты, ратные подвиги...

– Здесь вся история Лоргинариума, – негромко произнёс Сэрим, и лицо у него сделалось странное, печальное и светлое одновременно. – С давних-давних пор, когда жива была ещё память о напасти из западных пустошей, а сам Лоргинариум ещё на четыре части не разделился... Вон, там, видишь, вверху женщина с мечом? Над ней ещё две луны? Это Брайна. Такие, как она, раз в тысячу лет рождаются, и их не забывают, сколько бы лет ни минуло... Ну, вы полюбуйтесь на неё издали, а я, пожалуй, пойду, разведая, что к чему.

Фог думала, что Сэрим с его изворотливостью проскочит в одно мгновение, но стражи допрашивали его долго, с четверть часа почти. Пока он выворачивал дорожную суму, показывал содержимое кошелья

и оправдывался, мимо, под шумок, успел даже проехать табор кьярчи на нескольких телегах, расписанных синей и золотой краской. Стража допытывалась, нет ли у Сэрима какого-то меча и «девки на воспитании», а не обнаружив ни того ни другого, стала обыскивать его по второму разу, не поверив, что он просто странствующий музыкант. Наконец, видимо, для убедительности, Сэрим наиграл на флейте простенькую мелодию – и прошёл в город; Фог, правда, этот момент пропустила – отвлеклась на странное возмущение морт у ворот, исчезнувшее так же неожиданно, как оно появилось.

Вскоре с той стороны стены послышался сигнал – резкая, громкая трель – и следующая часть отряда направилась к воротам.

Поддельной семьёй с крикливым младенцем – Садхам как раз проснулась и недвусмысленно выразила желание перекусить – стражи, впрочем, не заинтересовались. Фогарту тоже никто не обыскивал, только сундук попросили открыть, на что она плечами пожала:

– А толку вам туда смотреть, если я могу содержимое хоть спрятать, хоть изменить?

Один из стражников положил было руку на рукоять морт-меча, но старший в отряде быстро оттеснил его, качнув головой, и обернулся к Фогарте:

– Вы уж простите его за рвение. Мы, скажу по секрету, одного опасного преступника ищем, который эстрой притворяется да по городам беззаконие чинит... – добавил он, чересчур близко наклонившись к Фог, так, что можно было почуять запах рыбного супа от его бороды. – Вы такого не встречали?

– Нет, – честно ответила она. Хотела добавить, что лишь сегодня прибыла в город далеко с юга, но затем передумала: к чему это рассказывать каждому встречному? – Но благодарю за предупреждение, добрый человек... И скажи, чтоб друг твой показал свой морт-меч хорошему мастеру или киморту: с балансом у него что-то не то.

И, сказав это, шагнула под арку ворот, больше не оборачиваясь на стражу – словно так и надо.

– Приятно видеть, как робкая дева превращается в женщину, которая точно знает, чего она хочет и чего стоит, – усмехнулся Сидше и, взяв её под локоть, аккуратно потянул в сторону. – Пойдём-ка к торговым рядам. Сэрим и прочие наверняка уже там; да и соглядатая,

которого приставила к тебе стража, сбросить со следа там будет проще.

– Соглядатая? – растерялась Фогарта, с трудом подавив желание оглянуться. – Укажи на него, и я его хоть сейчас отважу... Где он?

Самоуверенности у неё немного поубавилось.

– Видишь ту нищенку в коричневом покрывале? Я заметил, что начальник стражи дал ей монетку, а затем указал на нас, прежде чем вмешаться в твой спор с тем остолопом, который хотел заглянуть в сундук...

От слежки они избавились в ближайшем переулке, заставив женщину свернуть в неправильную сторону, а затем двинулись к городскому рынку.

А сам Ульменгарм оказался под стать стенам, окружавшим его, и потрясающим воображение воротам – сумрачный и торжественный, прекрасный и неудобный, древний и суетливый.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: столица процветает. Каждую площадь украшал фонтан – непременно с фигурой прекрасной девы либо ужасного чудовища, а если не фонтан – так монумент в честь какой-нибудь древней битвы или поединка чести. Новые скульптуры, видимо, установленные при нынешнем лорге, выглядели зачастую нелепо, словно большие куклы – с чересчур широкими плечами у мужчин и тоненькими, точно соломенные жгутики, руками у женщин. И два сюжета неизменно повторялись от раза к разу: воин грозно глядит вдаль, опершись на меч, а дева скорбит, прижав кулачки к груди. Более старые же изваяния были совсем иными – стремительными, точно пойманными в движении, и словно бы невесомыми. У одной из таких статуй, изображающей лукавого купца за подсчётом монет, Фогарта даже остановилась.

– Что-то особенное? – заинтересовался Сидше, проследив за её взглядом. Обошёл каменного купца по кругу; подобрав полы хисты, присел на корточки у памятной таблички, вглядываясь в символы; цокнул языком. – Здесь написано: «Сей скупец в голодный год отворил амбары и спас людей; обратись к его духу, и он одарит тебя золотом». Что думаешь? Он и вправду помогает людям разбогатеть?

«Думаю, что ты гораздо лучше знаешь наречие лорги, чем делаешь вид».

– Почему бы и нет? Золото в сундуке у него настоящее, а на дне ещё и самоцветов целая куча... Так что настойчивому просителю, который догадается разбить каменную крышку сундука, можно будет не страшиться бедности, – улыбнулась Фог. И снова повернулась к статуе, надвинув окулюс со лба на глаза. – О, так и знала, не показалось! Я не первый киморт, который заметил клад. Тут с полсотни записей на боку, сделанных морт... Только вот самой свежей лет пятьдесят, не меньше, – добавила она, посерьёзнев. – Получается, что с тех пор ни один киморт сюда не заходил?

– Или не заходил ни один киморт, любящий хорошую шутку, – задумчиво добавил Сидше и качнул головой. – Даже и не знаю, что хуже.

Фогарта улыбнулась в ответ, но в груди всё тревожно сжалось.

Спасённые из рабства близнецы мало что могли рассказать о делах кимортов на севере – после обучения они почти сразу отправились в путешествие. Омор припомнила, что друзей-погодоков у них с братом не водилось. Сперва, когда их только привели в Хродду, в школе вообще было, кроме них, только два ученика, точнее, ученицы: одна девочка почти уже взрослая, а вторая помладше, лет двенадцати-тринадцати. К концу обучения детей стало больше – почти полтора десятка, и двадцать взрослых кимортов едва с ними справлялись.

«Если б не терпение наставника Телора, который почти все уроки брал на себя, то прочие учителя, пожалуй, сбежали бы в леса и подались бы в отшельники», – добавил тогда Лиура.

Собственно, школу в Хродде и открыл Телор – не самый могущественный киморт севера, но точно самый влиятельный. Фог сперва решила, что остальные обучают по старинке: берут ученика к себе в дом и заботятся о нём, как о собственном ребёнке, пока тот не повзрослеет и не получит от цеха собственный отличительный знак. Но сейчас задумалась: а были ли они, другие ученики?

До сих пор, от самых южных границ, им не встретилось ни одного.

А ведь морт-оружия вокруг хватало. У стражи, у дружинников, даже в охране у обычных купцов, ожидающих в очереди у ворот... Столько колдовских клинков не производил даже цех в Шимре; низкое качество самоцветов и мирцитовых вставок в рукояти в сочетании с грубой работой вообще наводило на недобрые мысли.

«Лиуру заставляли делать камни-заготовки, – размышляла Фогарта на ходу, вспоминая горы мутноватых аметистов, топазов и разноцветного кварца на низком столе в подземелье у Радхаба. – И среди гостей работорговца был один купец с севера... Зря я его не расспросила тогда».

Но сокрушаться об этом было уже поздно.

Торговые ряды появились внезапно, словно из засады выпрыгнули. Фог в переулке наступила на подгнившую шкурку от ригмы, поскользнулась – и, неловко взмахнув руками, выскочила на открытое пространство.

Сундук выплыл следом, плавно и степенно.

«Ну вот, – огорчилась она, когда взгляды зевак сосредоточились на ней. – Даже короб из дерева, обитый железом, грациозней меня».

Но тут Сидше бережно взял её под локоть и шепнул, склонившись к уху:

– Идём-ка левее, я слышу флейту Сэрима. Хочешь пирожок в виде рыбки на палочке? Говорят, там внутри сладкая начинка из лесных кореньев, орехов и дикого мёда.

– Хочу, – откликнулась Фог, не рассуждая, и какие-то там осуждающие и любопытные взгляды тут же стали совершенно неважны. – А он вкусный? А ты пробовал? Откуда знаешь?

– Тебе понравится, – пообещал Сидше с улыбкой, остальные вопросы оставив без ответа. – И посмотри ещё вот на эти коржики, которые пекут на цветочной воде...

Среди торговых рядов он маневрировал с изяществом и непринуждённостью, выдающими давнюю привычку. Впрочем, рынки везде были одинаковыми. Те же прилавки; товары, разложенные так, чтоб выставить напоказ достоинства и скрыть недостатки; те же монеты, переходящие из рук в руки, сделки удачные и не очень, обман, лесть, деловитые покупатели и досужие зеваки... Разве что на юге одевались иначе и торговались охотнее, да и купцы были куда любезнее, зазывая прохожих к себе.

А ещё на севере не было рабов.

Проходя мимо угла, где торговали мелкой скотиной, домашней птицей и гурнами, Фог не могла не отметить, что эти клетки чище, просторней и светлей чем те, что в пустыне предназначались для людей.

– Найди остальных, – вздохнула она, резко отворачиваясь от закутка, где маленький, трогательный детёныш гурна на ломких длинных ногах с опаской отщипывал понемногу от вязанки свежей травы. Рядом с ним стояло ведро, полное чистой воды, а пол был тщательно выметен. – Я... я пока загляну кое-куда, спрошу у мастеров, откуда им доставляют камни-заготовки для морт-мечей.

Недоеденный пирожок-рыбку она убрала в мешочек на поясе – аппетит резко пропал.

Чтобы попасть в соседний ряд, пришлось обойти почти половину площади. Устав продираться через толпу, Фогарта взобралась на сундук и дальше полетела так. По пути остановилась сперва у одного прилавка – прикупить мешочек пряностей из Ишмирата, затем задержалась у торговки-разносчицы ради гребня из ароматного тёмного дерева. Торговка – кьярчи, судя по чёрным волосам, сильно подведённым глазам и ярким одеждам с обильной вышивкой – так нахваливала свой товар, что Фог схватила ещё один гребень, для Онор, и лишь потом сообразила, что волосы у той слишком коротки.

«Отдам Сидше, – решила она, сосредоточенно разглядывая покупку. По краю гребня вилась искусная резьба, залитая красным лаком. – Интересно, понравится ему? Цвет подходящий... А что, если ему алую хисту подарить? Возьмёт или нет?»

Мысль отчего-то будоражила.

Уже сворачивая с площади, краем глаза Фог заметила в толпе лицо – будто бы знакомое и чужое одновременно. Белая рубаша с синим узором, длинные светлые волосы... Сердце ёкнуло. Но в тот же миг зарыдала флейта где-то далеко, и откликнулась тревожным звоном семиструнка, и всё замельтешило, задвигалось, беспрестанно меняясь, а потом наваждение исчезло так же резко, как появилось.

Рыночная площадь снова стала такой, как прежде; таинственный незнакомец исчез.

Торговые ряды, где находились прилавки мастеров, располагались чуть наособицу. На входе там стояла настоящая стража – такие же хорошо вооружённые воины, как у городских ворот. Здесь никто не торговался, не сбивал цену; сюда приходили люди, которые точно знали, чего хотели.

– Орра, почтенный, – произнесла Фог, припомнив на ходу, как полагалось обращаться к незнакомцам на севере. Торговец, худощавый

усатый мужчина лет сорока пяти, неторопливо сдвинул окулюс на лоб и любезно обернулся к ней. – Не подскажите, откуда у вас эти камни?

В полумраке под навесом его живые голубые глаза казались тёмными, словно зимняя река; интерес в них, возникший было при виде киморта из Ишмирата, быстро угас.

– Не могу знать, госпожа, – скучным голосом ответил торговец и принялся аккуратно сортировать товар у себя на прилавке: заготовки под мирцитовые капсулы, грубовато пошитые окулюсы с отделкой из красно-коричневой кожи и чёрной кости, простой инструмент... Недорогие вещи, словом; шкатулка на двенадцать отделений, заполненная крупными жёлтыми цитринами, нежно-лиловыми аметистами, чёрными морионами, выделялась на их фоне, как сугроб снега посреди летнего луга. – У нашей семьи скромная мастерская. Эти камни отец приобрёл по случаю, но использовать их нам не под силу, так что остаётся только перепродать.

Взгляд у Фог растерянно скользнул по прилавку.

– Понимаю, – откликнулась она негромко и бережно взяла одну из заготовок. – Зато капсулы – ваш конёк, да? Хорошая работа, видно твёрдую руку. А вот эти, – и она выбрала из кучи ещё несколько капсул, – сделаны лучше прочих. Здесь видны не только усидчивость и старание, но и тонкое понимание материала. Такие заготовки прослужат дольше.

Мастер хоть и старался не подать виду, а всё же был польщён. И ясно почему – из всех капсул могущественная чужеземка выбрала его работу, отодвинув в сторону капсулы, сделанные отцом и братьями. Похвалила его, младшего среди всех; единственного, не сумевшего в столь почтенном возрасте найти жену, а потому вынужденного делить обязанности продавца с племянниками и племянницами...

...он не знал, конечно, что Фог схитрила и из кучи совершенно одинаковых изделий просто отобрала те, которые несли на себе отпечаток человека, стоявшего перед ней.

– Купите? – спросил он с надеждой.

– Куплю, – кивнула она уверенно, благо стоили заготовки совсем немного. – Давайте все четыре штуки... И две колбы мирцита, – добавила она, присмотревшись к товару повнимательнее. – Какой чистый! Почём будет?

Торговец назвал цену; увидев, что чужестранка нахмурилась, он поспешил добавить:

– Но если две колбы берёте сразу, то могу скинуть!

«Не в том проблема, – подумала Фогарта, прикусив губу. – У нас в Шимре за мирцит такой чистоты дерут вдесятеро больше... Только вот откуда он здесь?»

– Со скидкой возьму, пожалуй, и три... нет, пять, – вслух ответила она, рассудив, что хороший материал лишним не будет, рано или поздно в дело пойдёт. – Заплачу золотом. У меня южные монеты, годятся?

Торговец оживлённо закивал и принялся напоказ высчитывать сдачу, приговаривая, что цена хороша, и товар хорош, и госпожа, видно по всему, хороший человек.

И в это мгновение было не отличить его от сладкоречивого купца-южанина.

Уже собираясь уходить, Фог снова повернулась к камням, наполненным морт, словно бы в сомнениях. Затем оглянулась, поманила к себе торговца и, понизив голос, сказала:

– Не моё это дело, но уйти, промолчав, не могу... Видите этот морион, уважаемый? У которого словно бы снежинка изнутри проступает? Уж не знаю, какой киморт его обрабатывал, но больше у него товар не берите. Дефект в нём, стремление было неясным и морт вложено мало. Для длинного клинка его использовать нельзя, самое большое – для кинжала размером с ладонь, иначе может случиться беда. А вот эти два цитрина – хорошие камни, они сослужат добрую службу.

У торговца округлились глаза; быть может, в самом начале разговора он бы предупреждению не внял, но теперь проникся к щедрой чужеземке доверием.

– Благодарю за совет, уважаемая, – зашептал он в ответ, прикрывая лицо ладонью сбоку, словно боялся, что издали кто-то по губам слова прочтает. – Но вы поостерегитесь впредь говорить дурное про такие камни. Мы их не по своему почину продаём, их моему отцу принёс посланник из дворца с наказом сбыть другим мастерам; всю выручку за них мы посланнику потом и возвратим. А что из дворца пришло, то с изъясном быть не может, вы уж поймите. Уж сам-то, уж верховный-то не ошибается!

– Ясное дело, – тихо ответила Фогарта. – Что ж, и я за совет благодарю.

Когда она отходила от прилавка, то сердце колотилось где-то в горле: в одном из камней, на круглом цитрине с ноготь величиной, ощущался до сих пор знакомый след. Над этим самоцветом определённо потрудился Лиура, уж его-то манеру она успела изучить... И если камень из сокровищницы рабовладельца на юге неким тайным образом попал к лорге во дворец, и не для использования, а для перепродажи, то ничего хорошего это не сулило.

Задумавшись так, Фог почти не смотрела по сторонам, когда шла, а потому опасность заметила не сразу.

Аккурат посередине торговых рядов, между скромными прилавками, торчал, как пень посреди поля, магазин. Стены – из целых брёвен, обтёсанных до стеклянной гладкости; ставни – резные и изукрашенные, сплошь в алых узорах, места свободного – ни на ладонь; крыша горбатая, на четыре ската, с деревянными головами гурнов по углам, с красной и чёрной черепицей. На порожке, на стуле, больше похожем на трон, грелся на солнышке и раскуривал трубку немолодой мужчина с изрядным брюшком, снисходительно поглядывая на прохожих. Одет он был в кипенно-белые штаны и рубаху, поверх них – в узковатый парчовый жилет, багряно-золотой, с тремя расшитыми поясами, а на плечах висел, как плащ, бархатный кафтан, бордовый, с богатой вышивкой блестящими нитями и меховой оторочкой по подолу и по рукавам... Словом, всё в его облике и манерах говорило о большом достатке и немалом влиянии в столице.

Когда Фогарта прошла мимо него, на ходу разглядывая колбу с мирцитом, мужчина выпучил глаза, как рыба, и трубка выпала у него изо рта, а напوماженная пегая бородёнка затряслась.

– Она, – выдохнул он, приподнимаясь – и тут же рухнул обратно на сиденье. – Девка эта... Как успела? Откуда?

А Фог тем временем низко склонилась над прилавком у самого выхода, намереваясь купить про запас несколько заготовок для «Штерры».

«Раз уж у меня есть теперь лишний мирцит, – рассудила она, – то почему бы не восстановить полностью отопительный контур на дирижабле? Да и систему циркуляции и очистки воздуха можно

изменить... И баллон бы укрепить, но тут особые материалы нужны, это подождёт...»

Рынок шумел вокруг, перекликался на разные голоса, звенел монетами – а потом вдруг затих.

Фогарта подняла голову – и увидела, что вокруг неё полукольцом стоят шесть воинов с морт-мечами и лезвия еле-еле светятся багровым, как за мгновение до атаки. А за спинами у воинов застыл, скрестив руки поверх пуза, мужчина в красном кафтане, и лицо у него аж пятнами пошло от ярости.

– Ты, – выдохнул он, поймав у её взгляд, и губы у него затряслись. – Попалась, девка. Ужо я тебя... тебе...

В первую секунду она не узнала его из-за ярких северных одежд, так непохожих на светлые накидки южан, а потом вспомнила это лицо, так же перекошенное страхом – но в других обстоятельствах.

«Купец из поместья Радхаба, который выкупал камни, сделанные рабами... – пронеслось в голове. – Я тогда пожалела его, не стала память подчищать, а, выходит, Сэрим прав был. И что делать теперь?»

Справиться с мечниками Фог могла бы, хоть и не без труда, но тогда наверняка бы пострадали и лавочники, и прохожие, которым не повезло оказаться рядом. Да и из города пришлось бы срочно бежать, после погрома-то – а ведь она так надеялась найти здесь кого-то из кимортов, знакомых с Онор и Лиурой, чтоб не углубляться далеко на север. Её беспокоила судьба жрицы храма Пяти Ветров, выступившей открыто против Радхаба и его могущественного дядьки из конклава, да и к тому же могли на юге ещё оставаться рабы-киморты, и...

«Что же делать? – только и могла повторять она, застыв на месте. – Что же делать?»

Наверное, если бы мечники атаковали, то Фогарта решила бы. Но купец лишь продолжал браниться и брызгать слюной, суля страшные кары, гнев лорги и «тысячи клинков»... А зевак собиралось всё больше, и становилось ясно как день, что сражения не избежать.

И жертв тоже.

– А, уважаемый друг! – раздался вдруг приятный голос с сильным ишмиратским акцентом, перекрывающий даже ругань купца, не говоря уже о любопытных шёпотах. – Вот мзда, которую ты хотел! Сколько смог, столько собрал!

Не веря самой себе, Фог обернулась – и увидела Сидше в хисте наизнанку, светлой стороной наружу, и с ярко-синим платком кьярчи, намотанным на голову и завязанным под подбородком. В руках у Сидше был мешочек на завязках, в котором что-то зазывно звенело.

Купец так оторопел, что даже забыл на секунду, как браниться.

– Какая такая мзда? – пробормотал он, озираясь на зевак. Взятки, на юге дело обычное, лорга накрепко запретил и повелел взяточников, пойманных на горячем, сечь кнутом на площади. – Окстись, с чего бы мне...

А вокруг было уже слишком много любопытных бездельников – и торговцев, которые бы не упустили случай насолить сопернику.

– Мзду за право торговать! – откликнулся Сидше, торопливо развязывая тесёмки. – Вот, погляди, тут золото! Доброе золото для доброго человека! Так-то теперь мне допущено... дозволено... Ай-ай, трудный язык – ваш лорги! – покачал он головой, цокая языком. – Но я догадлив, быстро дело разумею, вот, погляди, всё, как ты сказал... Ай!

И, неловко дёрнув за тесёмки, он оборвал одну из них – и из мешочка посыпались монетки. И мелкие, медные, и серебро... Покатались в разные стороны – и мечникам под ноги, и зевакам.

А много ли людей могут устоять, если деньги сами в руки идут?

Фог, опомнившись, подтолкнула монетки силой морт, разбрасывая их как можно шире – и воцарился хаос. Сперва подбирать мелочь кинулись нищие, затем и обычные прохожие... Когда за серебряной монетой наклонился один из мечников, затем другой, мешкать она не стала – и нырнула с ходу под прилавок, оставляя хисту висеть в воздухе, как пугало.

Исчезновение добычи, загнанной было в угол, купец заметил не сразу, а когда понял всё – завопил так, что прилавки затряслись, но Фогарта уже пряталась в дальнем переулке, пытаясь отдышаться после бега, и размышляла, не надо ли ей теперь, в свою очередь, выручать Сидше. Пока раздумывала – он явился сам, посмеиваясь и на ходу сворачивая потуже бирюзовый свёрток, в котором легко узнавалась хиста, брошенная, чтоб отвлечь мечников. Синий платок-тюрбан куда-то подевался, всегда аккуратно приглаженные волосы растрепались, а на фарфорово-белой, истинно ишмиратской коже появился румянец.

Смотреть на него отчего-то было неловко.

– Задержался немного, чтоб кое-что подобрать, – улыбнулся он краешками губ, поднырнув под верёвку с развешенным на ней бельём. Огляделся по сторонам, кивнул сам себе. – Место хорошее, госпожа, но всё же лучше отсюда незаметно уйти, пока тот толстяк объясняется со стражей. Есть у меня предчувствие, что не встанет стража на нашу сторону, когда он с ней объяснится... Сможешь нас спрятать?

– Смогу, – вздохнула Фог, собирая вокруг себя морт. – Надо же было в первый день его встретить! И как он сумел раньше нас добраться до столицы?

Сидше пожал плечами и осторожно выглянул из проулка, чуть отодвинув в сторону чьи-то портки; на рыночной площади началась беспокойная возня, и стража сновала туда-сюда мимо прилавков.

– Несложное дело, если на примете есть хороший дирижабль. Видела, госпожа, сколько их над Ашрабом было? То-то же. А если заручиться помощью киморта, лететь день и ночь, то путь можно сократить втрое, если не вчетверо. Но прежде чем рассуждать и догадываться, хорошо бы встретиться с остальными и предупредить их, что в столице небезопасно.

Он ни словом, ни взглядом не упрекнул её за то, что она пожалела купца тогда, в поместье у Радхаба, но вина всё равно сжала сердце когтистой лапой.

Сундук пришлось замаскировать под навьюченного гурна и следить за тем, чтоб он не взлетал высоко над брусчаткой. Бирюзовую хисту Фог превратила в серый кафтан с меховой опушкой – что-то среднее между одеждами бедных северян и кочевников-кьярчи, а волосы сверху замотала вдовьим платком – переокрасить их с помощью морт бы не вышло. И велик был соблазн принарядить Сидше в броское алое и серебряное, как давно мечталось, однако она сдержалась и всего лишь преобразовала его хисту – ту самую, сделанную в Кашиме из драгоценного камня – в длинный тёмно-зелёный плащ с капюшоном.

Стража, которая искала деву-киморта на летучем сундуке, скромной парой с бочкообразным гурном не заинтересовалась.

Спустя некоторое время обнаружился Сэрим – на площади с фонтаном за съестными рядами. Взобравшись на полуразваленный тюк с сеном, он играл на флейте, а на расстеленной рубахе перед ним поблёскивали мелкие монетки – немного, но достаточно, чтоб снять

где-нибудь угол и несколько раз плотно отужинать. Фог и Сидше он узнал сразу, несмотря на маскировку, сноровисто собрал вещи и сделал знак пройти в таверну чуть поодаль, у большого дерева с широкими резными листьями. Там, внутри, за столом у окна уже сидели Онор и Лиура, отдавая должное жаркому из птицы, а Иаллам косился на них несчастно и кормил младенца коричневой жижей, страшноватой на вид; девочка, впрочем, ела с аппетитом.

– Вам кормилицу надо найти, – в сердцах бросил он, когда остальные заняли места за столом. – Я, между прочим, шпион и тайный посланник, а не нянька.

– И как тебя с такой глупой рожей и длинным языком только в шпионы взяли? – с фальшивым сожалением покачал головой Сэрим и осторожно забрал у него девочку. – Отдохни и перекуси пока, что ли... Ишь, как славно чавкает, красавица.

Иаллам сразу повеселел:

– Потому и взяли, что рожа глупая. Кто же поверит, что я шпион? Эй, разносчик, подойди-ка сюда и скажи ещё раз, что есть у вас посытнее и поострее...

К новостям о купце Сэрим отнёсся философски:

– Ну, чего-то подобного и стоило ожидать... Не сейчас, так позже. Мир-то вообще лишь чуток побольше пьяного дома Мин-раг в Шимре: если есть у тебя неприятель, то обязательно наткнёшься на него именно там, да ещё в самый неудачный момент, хоть ты тресни – и никак этого не избежать.

– Вообще-то избежать можно, – рассеянно откликнулась Фогарта, пытаясь зачерпнуть гуляш из горшочка так, чтоб в ложку не попал скользкий варёный лут. – Если, к примеру, в пьяный дом вовсе не ходить. Тем более учитель говорил, что там ничего интересного.

Сэрим аж поперхнулся, уставившись в столешницу. За ним раскашлялся Иаллам, и уши у него стали пунцовые. Даже близнецы – вот обидно-то – понимающе переглянулись, и Онор кивнула, а Лиура фыркнул, закатив глаза.

Фог стало обидно.

– Что? – буркнула она, ожесточённо разгребая гуляш. Чем ближе к дну, тем больше там было овощей. – Разве не так? – и уставилась на Сидше, который до сих пор помалкивал, уделяя больше внимания блюду с мясом, запечённым с ригмой, чем беседе.

– Всё так, – подтвердил он, быстро глянув из-под ресниц, и слизнул кисло-острый соус с кончиков пальцев. – В пьяных домах Шимры совершенно не на что смотреть, да и делать там, в общем-то, нечего.

И, хоть говорил он ровно то же самое, что и учитель Алаойш, но прозвучало это совершенно иначе – непристойно, скабрёзно даже. Фог покраснела до ушей и молча сунула в рот полную ложку гуляша, а Сэрим снова кашлянул и произнёс:

– Ну да неважно. Сейчас главное решить, что делать. Разумеется, ещё с утра я б сказал, что нужно лететь дальше на север, как только мы закончим с покупками... Но, как назло, я успел кое-что разузнать, и вот теперь думаю, что стоило б немного задержаться. Дело в том, что через три дня в Ульменгарм должна прибыть наместница Эсхейд Белая, а вместе с ней и Телор.

Онор вздрогнула и неосознанно потянулась к брату; тот сжал её ладонь и сглотнул, выдохнув:

– Учитель...

Фогарта деликатно отвела взгляд.

В первые дни после освобождения близнецы и слышать о Телоре не желали, потому что всё время, проведённое в плену, надеялись, что учитель придёт за ними. Однако он не пришёл; не справился и отступился, по косвенным свидетельствам посчитав их погибшими. Позже Онор узнала об эпидемии, которую он обрушил на Дабур, чтобы отомстить, и смягчилась; Лиура же до сих пор не мог определиться с тем, злится он на учителя или хочет поскорее его увидеть.

– Тогда подождём три дня и попробуем встретиться с Телором, – приняла решение Фог, крепко всё обдумав. Теперь, после того как она своими глазами увидела на рынке камень, обработанный Лиурой, и уверилась в том, что между работоторговцами с юга и дворцом лорги есть связь, путешествие на север через половину страны уже не представлялось таким уж безопасным. – Подыщем жильё. Я не стану выходить из комнаты, чтоб не наткнуться на купца снова, а сам-то он вряд ли меня найдёт. Вы с братом поселитесь по соседству, будем держаться поближе друг к другу, – добавила она, повернувшись к Онору. – А припасами тогда придётся Сэриму заняться и...

– Мне? – надеждой спросил Иаллам, у которого под глазами виднелись отчётливые синяки от недосыпа.

– И Сидше, – безжалостно закончила Фогарта. И улыбнулась. – Потерпи немного, если всё пройдет хорошо, то через три дня мы встретимся с Телором, а уж он наверняка сможет найти кормилицу для младенца. Ему-то это не так сложно: он на севере хозяин, а мы всего лишь гости.

– Которым к тому же тут не рады, – заключил Сэрим. И легонько хлопнул ладонью по столу. – Хорошо. Я и сам, признаться, собирался что-то такое предложить ... Так что побудьте пока тут, а я покуда поищу надёжное жильё. Уж что-что, а таверны близ рынка стража будет обыскивать в первую очередь.

Пропал он до самого вечера, до ночи даже; Фог пришлось его искать. Впрочем, новости он сообщил хорошие: мол, встретил старого друга, который-де подсказал обратиться к одной глуховатой нелюбопытной вдове на северной окраине города. У неё были свободны целых три комнаты – две на втором этаже и одна под самой крышей, с мансардным окном. Покойный супруг, мастер родом из Шимры, лет двадцать тому назад чем-то не угодил лорге и попал в тюрьму по ложному обвинению, так что доносить на подозрительных гостей вдова бы не стала.

– А ещё, – наставительно воздел палец Сэрим, – она изумительно запекает рыбу, так, что ни одной косточки в тарелке не попадётся. И делает настойки на травах, ух, вкусные... Ну, это так, к слову, – спохватился он. – Главное, что дом вдовы далеко от рынка. При должном везении мы там спокойно переждём три дня, а там уже и Телор прибудет в город.

...План и вправду был хорош, вот только им всё-таки не повезло.

Два дня Фог с компанией провела в доме у вдовы – рыба с пряными травами и впрямь оказалась выше всяких похвал – и на улице не показывалась. Тем временем Сидше и Сэрим постепенно закупили и припасы, и лекарства, и недостающее оснащение для «Штерры» – и втайне переправили на дирижабль. А утром третьего дня, на самом-самом рассвете, когда солнце ещё даже не выглянуло из-за горизонта, в дверь требовательно забарабанили. На пороге стоял дружинник – командир, судя по вышивке на вороте плаща и драгоценному обручу,

прижимающему седые кудри к вискам – с двумя помощниками; ещё два десятка воинов окружали дом.

«И это те, кого я вижу, – отстранённо подумала Фогарта, разглядывая их сквозь мансардное окно. – А ведь наверняка есть и бойцы со стреломётами... Сумею ли я всех защитить? И успел ли Сэрим вернуться? А вдруг его схватили?»

Командир, мужчина в годах и, видимо, умудрённый опытом, приказ об атаке отдавать не спешил.

– Орра, госпожа киморт, – произнёс он, сонно глядя из-под тяжёлых век, из-за чего карие его глаза казались ещё темнее. – Я воевода третьей столичной дружины, зовут меня Ирхан. От имени лорги и со всем почтением прошу тебя явиться на суд, ибо есть человек, который утверждает, что ты злоумышляла против него.

Фогарта зябко укуталась в хисту, запахивая её получше – воздух на рассвете был прохладным.

– А что, если я не хочу идти? – ответила она спокойно, глядя не в глаза командиру, а в точку далеко за его плечом – там, где над чёрно-красными горбатыми крышами только-только показался краешек солнца.

– Тогда тебя, госпожа, признают виновной, даже и оправдаться не дадут, – сказал командир Ирхан. И добавил вдруг уже человечнее, чуть улыбнувшись: – Судить будет сам лорга, а он строгий, но справедливый. Пустым наветам он не поверит. И киморту ли бояться человеческого суда?

«Я не за себя боюсь, – подумала Фог мрачно. – А за тех, кого не смогу защитить».

Два десятка морт-мечей нацелились на дом – а такой удар, да ещё с близкого расстояния было бы нелегко отразить даже учителю Алойшу, пожалуй.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Я приду на суд. Но мои спутники тут ни при чём, так что если им навредят...

– Лорга справедлив, вредить невиновным он не станет, – качнул головой командир.

...а Фогарта вспоминала камень, заклятый Лиурой и как-то попавший с далёкого юга аж в столицу севера – и не верила.

Она выторговала час на сборы, надеясь, что Сэрим появится или хотя бы подаст знак, но так и не дождалась; утешало лишь то, что

командир дружины никак не намекнул на то, что у него есть заложник. Зато времени хватило не только чтоб переодеться в чистое и нарядное, но и перекусить наскоро – и покормить ребёнка. Идти решили все вместе, не разделяясь: трёх кимортов разом одолеть всё же сложнее, чем поодиночке.

– А с сундуком – можно считать, что не троих, а четверых, – добавила Фог.

Лиура с сестрой заулыбались было, но затем увидели, как серьёзно закивал Иаллам, и тоже преисполнились почтения.

Когда настала пора выходить, солнце успело приподняться над горизонтом, позолотить туман на горбатых крышах. Воздух был ещё свежим, прохладным, но уже с примесью дыма из печных труб и запахов готовящейся пищи. А завтракали северяне обильно... Кто побогаче – гуляшом, который выкладывали на свежую лепёшку, маринованными яйцами, лесными ягодами и крепким травяным отваром; кто победнее – кашами, томлёнными в печи, хлебом, пресным сыром, сырым лутом и мочёной ригмой. Орехи же любили все, особенно колотые и прокалённые, и уличные торговки продавали их маленькими кульками прямо с лотков.

Сидше купил сразу несколько таких кульков, угостив и близнецов, и Иаллама; дружинники хоть и косились неодобрительно, но ни слова не сказали.

«Испытывает он их, что ли?»

Встретившись с ней взглядами, Сидше лукаво улыбнулся, точно подтверждая догадку.

Дворец лорги располагался на холме и точно парил над крышами – пожалуй, если б не вечные туманы, то его было бы видно из любого конца немаленького города. Две крепостные стены окружали его: внешняя – из серого камня, а внутренняя – из красного с белыми прожилками; семнадцать оборонительных башен высились по углам, и реяли на шпильях чёрные с золотом стяги... А прямо над воротами, в ветвях старого высокого дерева с пирамидальной кроной, виднелось сквозь бледную, сизоватую листву птичье гнездо.

Когда Фог проходила под ним, то увидела внизу, на дороге, мёртвого птенца.

Каменные ступени и террасы между внешней и внутренней стенами, возможно, хорошо подходили для обороны, однако идти по

ним было неудобно. Здесь пахло дымом, а ещё гурнами и звериными шкурами; во дворце запах только усилился, и прибавилась к нему кисловатая, старческая духота, вонь от прелой соломы и затхлых гобеленов. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке; щербатая кладка стен пряталась стыдливо под многочисленными шпалерами, восхваляющими воинскую доблесть. Фогарта принялась сперва считать отрубленные головы и поверженных врагов, но вскоре ей надоело, тем более что других сюжетов почти и не встречалось. И только у самого зала, где должен был состояться суд, висел на стене огромный гобелен, от потолка и до самого пола, где рука неведомого мастера выткала прекрасные зелёные горы, и реки, и города из белого камня, и ясное-ясное синее небо, и жаркое солнце, а под солнцем – ясноокою деву в воинском одеянии, и в левой руке у неё была звезда, а в правой – меч.

– Это Брайна, – негромко подсказал командир дружинников, утирая пот со лба, и лишь тогда Фог осознала, что стоит и смотрит на гобелен уже несколько минут. – Есть легенда, что хоть Брайна и ушла давным-давно, но всё же приглядывает за нами и в час горя и нужды придёт на помощь. Пусть бы и в ином облике, в иное время... Люди-то всё те же.

– Твоя правда, – ответила Фог, заворожённо прикасаясь к краешку гобелена, и ощутила слабый, но живой отклик морт, долгие-долгие века сохраняющей гобелен нетленным. – Люди везде одинаковые. Что ж, идём. Южное гостеприимство и справедливость я уже видела. Посмотрим, как тут у вас, на севере.

По сигналу массивные двери, обитые медью, распахнулись с протяжным скрипом.

Зал суда изрядно напоминал пещеру. Света здесь не хватало, несмотря на стрельчатые витражные окна по правой стене и изобилие свечей и лампад, которые коптили, чадили и добавляли ещё духоты. В дальнем конце зала виднелось возвышение, застеленное звериными шкурами, с единственным креслом по центру – но зато богато украшенным, обитым кожей и серебром. У стен в несколько рядов теснились деревянные лавки – не то для свидетелей, не то для зрителей, как на представлении. Посередине стояли два помоста, на каждом – по деревянному стулу, и на том, что справа, восседал уже

знакомый купец в окружении охраны, разодетый с такой пышностью, что от блеска золота и камней на кафтан смотреть больно было.

То, что слева, предназначалось для Фог.

– Спутники мои ни при чём, я их только в Бере встретила и взялась до Хродды проводить, – соврала она, не моргнув глазом, обратившись к командиру дружинников. – Пускай они в стороне сядут, тем более что с ними младенец, а дитя уж точно судить не за что.

Поколебавшись немного, командир исполнил её просьбу и усадил близнецов и Иаллама среди зрителей, приставив к ним двух мечников – не то сторожить их, чтоб не сбежали, не то от беды охранять. Сидше же вместе с ней поднялся на помост и встал за плечом, словно так и надо – и не смущали его ни взгляды, ни перешёптывания.

– Зачем? – спросила тихо Фог. – Ты же всё равно лорги не знаешь толком... А если купец и на тебя ополчится?

– Тем хуже для него, – мягко ответил он по-ишмиратски и улыбнулся тонко. – Сколько ты дружинников насчитала? Я три десятка, если с теми, что за дверьми остались.

– Я тридцать шесть... погоди, ты что, отвлекаешь меня?

Если Сидше и хотел ответить, то не успел, потому что вдруг коротко и торжественно взревели трубы, гулко отдаваясь под сводами, открылись настежь боковые двери – и к помосту, устеленному шкурами, прошествовал рослый мужчина в длинном плаще из стриженного чёрного меха с блестящей вышивкой по краю. Металлические подковки на подошвах высоких сапог высекали искры из каменных плит, а венец – неожиданно изящный, переплетение золотых цветов и листьев – утопал в седых, чуть курчавых и очень густых волосах.

Все вокруг тут же повскакивали и закричали невпопад «Слава!» и «Великий!» – и ещё что-то такое же нелепое.

«Лорга, – догадалась Фог, глядя на профиль, который напоминал о хищной птице, на кустистые брови и усы. – Как там его... Захаир?»

Для старика восьмидесяти трёх лет от роду лорга выглядел крепко – даже, пожалуй, чересчур. Широким плечам и безупречной осанке мог бы позавидовать и молодой воин; глядя на мощную шею и мускулистые руки, всадники-арафи, пожалуй, посчитали бы себя посрамлёнными. Лицо у Захаира напоминало треугольник, перечёркнутый пополам пышными седыми усами. Голубые глаза от

возраста помутнели, и взгляд казался мрачным; на подбородке справа чернела родинка, на которую, верно, полвека назад многие девицы заглядывались, считая пикантной...

«Или нет, – подумала Фог с сомнением. – Тут, на севере, вроде иное считают красивым, чем у нас, в Ишмирате. Интересно, а я для них тоже дурнушка, как дома была? Мать у меня ведь северянка...»

Рубаху и расшитый жилет лорга то ли подобрал не по размеру, то ли нарочно застёгивать не стал, открывая взглядам тяжёлую золотистую цепь, украшенную красными камнями, которая спускалась почти до живота – подтянутого, с выпуклыми мышцами, словно у древних статуй. На каждом пальце у лорги было по перстню, на поясе – кинжал, на запястьях – наручи, на ногах – поножи, и от всего этого так несло морт, что её хватило бы на целую армию, хоть и небольшую.

Хоть кимортов лорга и не любил, но плодами их трудов, похоже, охотно пользовался.

Пока Фог разглядывала его, через ту же боковую дверь в зал вошёл ещё отряд дружинников – дюжина немолодых суровых мечников в чёрных плащах, а также писцы, советники, шуты и почётные гости, и каждый занял своё место: кто за спиной у лорги, кто у его ног, на подушках из шкур, а кто – на краю помоста. Все они вместе смотрелись живописно, но как-то слишком уж нарочито, словно кокетничали – только по-своему, по-воински сурово.

Когда передвижения прекратились, поднялся один из писцов, круглолицый и кудрявый, чем-то похожий на саму Фогарту, кашлянул, прочищая горло, и громко возвестил:

– В этот благословенный день лорга Захаир, Великий и Справедливый, Погибель для Врагов и Защитник Лоргинариума, явит свою мудрость и рассудит непростое дело. Ибо Дурген Щедрый, сын Иргена, обратился к нему за милостью и возмездием против киморта с востока. Ибо есть оскорбления, что смываются лишь кровью, и есть угрозы, которые нельзя оставлять за спиной, ибо они несут зло для всего государства...

Он говорил бы, верно, ещё, но тут лорга махнул рукой и сказал:
– Начинайте.

После этого первый писец сел на место и прилежно открыл тетрадь, зато поднялся второй, более солидный, толстоватый, с окладистой бородой, и простёр руку, зычно провозглашая:

– Назовите себя!

Купец, который до того бросал на Фог злые взгляды, приосанился:

– Кхм-кхм... Бахвальство никого не красит, но если уж есть вопрос, должен быть и ответ. Имя мне Дурген, Иргена сын, скромный купец. Знают меня также в Ульменгарме как Дургена Щедрого, ибо на западной и на восточной окраине открыл я лекарские дома, а у южных ворот каждый десятый день раздаю беднякам еду, но разве это достойно упоминания? Что же до моих заслуг, то я продолжил обустраивать Южный тракт, как начал мой дед и как делал отец, и договорился о торговле напрямую с конклавом. И теперь Город Ста Чудес, Ашраб, покупает зерно, так необходимое ему, а в ответ поставляет драгоценные камни из дальних рудников и мирцит для наших мастеров. Что же я имею с этого, кроме небольшой прибыли, позволяющей содержать семью и помогать добрым друзьям и соседям? А имею я счастье знать, что веду жизнь, полезную для моего государя и народа! Таков я, Дурген, сын Иргена.

Пока он говорил, лорга согласно кивал, довольно сощурившись; а когда умолк – в зале поднялся одобрителный ропот, и зрители застучали каблуками по полу, выражая поддержку.

Так в Шимре хлопали актёрам после удачного выступления, вот только даже во дворце у ишмы от спектакля ничья жизнь не зависела.

– А я – Фогарта Сой-рон, – сказала Фог негромко, когда подошёл её черёд. Подумала, что бы ещё добавить, но ничего не показалось достаточно важным и значимым – ни достижения её семьи, ни слава отца, известного мастера... а о своих приключениях в пустыне тем более говорить не хотелось. – Киморт из Ишмирата.

Получилось, вероятно, слишком коротко, потому что дородный писец, сделав пометку в тетради, засопел-зафырчал, словно большой гурн, и спросил:

– И что привело тебя на север, Фогарта, киморт из Ишмирата?

– Личные дела, – сдержанно ответила она.

Онор, которая до сих пор баюкала ребёнка, напряжённо взглянула из-под вдовьего платка, скрывающего лицо почти целиком. Но Фог не хотела без крайней на то необходимости упоминать о работорговле кимортами, пока не станет ясно, что сам лорга к этому не причастен... или хотя бы намерен скрывать свою причастность и сбросить со счетов замаравшего себя в неприглядных делах союзника.

К примеру, Дургена, купца из Ульменгарма.

Писец поёрзал немного, но всё же решил больше дополнительных вопросов не задавать и повернулся к Сидше:

– А ты, добрый человек?

– Скромный торговец по фамилии Джай-рон, – ответил он, чуть наклонив голову в притворной покорности. – Сопровождаю яснооую госпожу в счёт неоплатного долга перед ней и по зову сердца.

«И это ты-то не знаешь языка лорги?!» – хотелось воскликнуть Фог, но она только сдержалась и метнула яростный взгляд искоса.

Полностью, впрочем, проигнорированный.

Щёки у неё запылали.

По счастью, вряд ли кто-то в зале был знаком с особенностями иносказаний и образных выражений, которые бытовали в Шимре, а потому никто и не понял, что Сидше сказал буквально: «Я люблю эту женщину и обязан ей жизнью».

– Лжешь! – неожиданно подскочил Дурген, вращая глазами; надо полагать, он наконец узнал человека, помешавшего ему схватить Фог ещё на рынке. – Какой из тебя торговец? Я уже видел тебя на юге, когда...

– Но такого не может быть, великочтимый господин, – перебил его Сидше мягко. И снова улыбнулся, показав чуть больше зубов, чем прежде. – Откуда такому честному человеку меня знать? Ведь я продаю яды.

Лорга, до того наблюдавший за ними со скукой, неожиданно заинтересовался.

– Это правда? – сказал он, немного подавшись вперёд. – У нас, на севере, продавать яды могут только лекари и аптекари – и лишь для исцеления болезней.

– Истинно так, – склонил голову Сидше ещё ниже, но продолжил смотреть на лоргу уже исподлобья. – Потому здесь я простой путешественник. А в Кашиме есть у меня по личному дозволению сына михрани, добрейшего Ачира, своя лавка. Там я держу яды, умерщвляющие быстро и медленно. Эликсир из плоти мёртвого тхарга, двадцать дней пролежавшего на солнце, и выдержку из бледно-розовых цветов илинки; жидкости, извлечённые из жала красного жука чи и из маленькой железы в голове пустынной змеи, я смешиваю в равных пропорциях и получаю яд, убивающий без спешки, но верно.

Яд ящера, живущего в синих барханах на северной окраине Земли злых чудес, любят покупать жестокие люди: если смазать им плеть, а потом хлестнуть ею до крови, то рана так и не заживёт, если не приложить противоядие... Есть у меня и высушенные цветы, ароматом и цветом схожие с чийной, вот только если добавить их в чай немолодому человеку, то он тихо угаснет за дюжину дней, и никто не заподозрит, что его отравили. И помнится мне, что некто, похожий на уважаемого купца Дургена, приходил в мою лавку за этими цветами... Или то мне померещилось? – добавил он с сомнением.

Купец хрипло выдохнул и замахал перед собой руками:

– Показалось, показалось! Я тебя в первый раз сегодня вижу, клянусь памятью отца!

Он не хуже Сидше знал простую истину: если кинуть грязью в белое – останется след, если запустить слух – его уже не выкорчевать. А для торговых людей репутация значит если не всё, то многое. Кто захочет потом разделить трапезу с человеком, которого видели в лавке у продавца смерти?

– Ты, Джай-рон, потом расскажи мне больше об этих ядах, – приказал лорга вдруг, шепнув что-то седоусому дружиннику, что стоял справа от него. – Я ведь уже немолодой человек, и врагов у меня много... надо знать, чего опасаться.

– Счастлив буду оказать услугу доброму государю, – поклонился Сидше, прижав руку к груди, и на губах у него играла улыбка.

А Фог видела одобрительный интерес в глазах у лорги – и сама себе не верила:

«Что же это получается, пока перевес на нашей стороне?»

Писец, выдержав приличествующую случаю паузу, снова прочистил горло и громогласно объявил:

– Имена названы – согласно заведённому порядку, переходите к сути! Пусть один обвиняет, а другой оправдывается! От наветов воздержитесь, и лжи ваши уста пусть не изрекают, ибо за ложь и наветы закон сулит строгую кару. Государь наш лорга же в мудрости своей решит, кто прав!

Купец заговорил не сразу, хотя была его очередь – обвинять; видно, не сразу оправился от удара, нанесённого Сидше. Первые слова прозвучали неуверенно. Но затем голос окреп; появились в нём нотки праведной ярости, а в глазах – влажный блеск. Расписывая, как именно

коварная дева-киморт уничтожила его повозки с товаром, купец даже пустил слезу и спрятал лицо в ладонях. Фог слушала – и просчитывала варианты, что сказать и о чём промолчать; и выходило по всему, что про Радхаба упомянуть всё-таки придётся.

«А если купец скажет, что это клевета? – думала она напряжённо. – А он ведь скажет, не признается же, что имел дело с работником и, скорее всего, выкупал камни, обработанные Лиурой, причём зная об их происхождении... Вызову я Лиуру в свидетели, а купец скажет, что ничего не знал и пострадал безвинно. И что тогда?»

Ответа не было.

– ...и, разрушив до основания дом моего друга, у которого я гостил тогда, – продолжал гневно вещать купец, – эта бесстыжая женщина стала надо мной насмехаться! Я пытался усовестить её, а она поносила и мой род, и моё имя, и даже на имя государя моего возводила хулу! А затем и вовсе приказала своим прихвостням избить меня, да так, что я до сих пор не оправился! Горе мне, горе! Как пережить такое беззаконие, такое унижение? Как быть с моими товарами? Велики убытки, ох, велики... Эй, подайте список с убытками, – деловито обернулся он к своим сопровождающим.

Один из мужчин, стоявший позади него, которого Фог сначала приняла за охранника, достал из-за пазухи длинный свиток, перевязанный красной лентой. Купец встряхнул свиток, разворачивая, и в таком виде передал его писцу, а тот – лорге. Много времени чтение не заняло. Пробежав список глазами, лорга возвратил его писцу, а тот – передал младшим помощникам, которые убрали его в шкатулку и унесли прочь. Писец же обернулся к Фогарте, вопрошая:

– Сказанное здесь – правда?

Она уже начала понимать, как проходят суды на севере, и припомнила, что рассказывал учитель, а потому спокойно соврала:

– Нет. Ни единого слова правды. Во-первых, повозки с товаром и усадьбу Радхаба разрушила не я, а красный пустынный вихрь, садхам. Обидно? Соглашусь. Но бывает и так; а ещё бывает, что, скажем, в дом попадает молния, и случается пожар. Что же, обвинять в этом кимортов? Во-вторых, никаких приказов избить уважаемого Дургана я не отдавала и уж тем более не поносила его имя, хотя бы потому что слышала его впервые не более часа назад, в этом самом зале. Возможно, садхам обрушил часть потолка, и осколок попал

уважаемому по голове... что ж, бесконечно сочувствую, но моей вины в том нет.

– Есть ли свидетели, которые... – начал было писец, но лорга раздражённо сделал ему знак замолчать и заговорил сам:

– Ты говоришь, что твоей вины в том нет, однако имя друга уважаемого Дургена, Радхаба, тебе знакомо, и в его поместье ты была. Объяснись.

Фог глубоко вдохнула, решаясь.

«Другого выхода нет».

– Всё очень просто, – произнесла она негромко. – Радхаб арх Ириль арх Ушар арх Талами, упомянутый почтенным Дургенем, не только надзирает за рудниками с мирцитом. Он ещё и рабовладелец. На юге это не запрещено, за одним исключением, и его-то Радхаб и нарушил... Он купил одурманенного киморта. Точнее, сразу двух.

– Ложь! – тут же вскинулся купец, и губы у него затряслись и побелели, а взгляд метнулся лорге, точно магнитом притянутый. – Радхаб – человек чести, он бы никогда... Это навет! Злостный навет!

«Началось».

– Отнюдь, – возразила Фог спокойно, хотя в душе у неё всё клокотало. Сейчас она не сомневалась уже, что купец прекрасно знал о тёмных деяниях Радхаба – и, скорее всего, сам помогал ему. – Мои слова может подтвердить Вещая Унна, жрица, одна из тех пятерых, что возглавляют конклав. Именно она раскрыла мне глаза на преступления Радхаба и направила меня, чтобы я спасла несчастных пленников. А вот что делал почтенный купец в поместье у работорговца, нарушившего запрет, подлого преступника – хороший вопрос. Уж поверьте, я никак не думала застать там, гм, приличного человека.

Шепотки, до сих пор тихие и робкие, с каждой фразой нарастали, как волна, пока не превратились в пересуды – почти во весь голос. Головы в полумраке склонялись одна к другой, снова и снова, длинные рукава у кафтанов, наброшенных на плечи, развевались – и издали казалось, что это волнуется разноцветное море... И только Лиура с Онор оставались неподвижными, как два изваяния, и Иаллам, спрятавшись за сундуком, укачивал хныкающую Садхам.

«Я ведь всё правильно делаю?» – подумала Фог.

Сидше сжал её плечо и улыбнулся ободряюще – аккурат в тот момент, когда купец завопил в очередной раз, стискивая кулаки:

– Ложь! Наглая, грязная ложь!

– Ты говоришь, что ложь, а я – что правда, – возразила она, чуть повысив голос. – И что теперь? Устроим суд чести, как у вас принято тут? Будем биться насмерть, кто выживет – тот и прав?

Купец побледнел:

– Так ты же киморт...

– Так и ты выбери киморта себе в защитники, уважаемый, – негромко посоветовал Сидше. – Если найдётся такой, разумеется.

– Ы-ы... А-а... – Шум нарастал, и купец вращал глазами, не в силах выдавить из себя ничего осмысленного. – Свидетель! Пусть придёт свидетель!

«Какой ещё свидетель? – промелькнуло в голове у Фог. – Какой-нибудь его помощник? Или человек Радхаба?»

Но тут боковые двери, из которых прежде вышел лорга, распахнулись, и на пороге появился высокий мужчина, крепко сбитый, с массивным квадратным подбородком, седовласый, но с лицом без признаков возраста. Облачён он был в тёмно-красную хисту почти до пят и чёрную рубаху, а из-под подола торчали загнутые мыски туфель. Черты его выглядели смутно знакомыми, а стоило ему ступить на свет – и всё прояснилось.

«Он из Шимры, – осознала Фогарта, холодея. – Я его в цехе видела иногда, издали... И не его ли Сидше упоминал, когда говорил про сообщников Дуэсы?»

– Я Ниаллан Хан-мар, – сказал он, подходя ближе. Имя его указывало на более высокое происхождение, чем у Фог – из семьи потомственного чиновника или воина, а лицо было добрым и немного усталым. – Я киморт. В цехе я занимаюсь заказами от иноземцев и потому часто бываю и на севере, и на юге... И не знаю, честно признаться, в чём суть дела, но одно могу утверждать точно: Фогарта Сой-рон – никакой не киморт. Она лишь нахальная девчонка, сбежавшая, не закончив обучения. Гордыня – её второе имя, хитростью и подлостью она ускользнула из Шимры от опеки цеха. И, будь я на вашем месте, то не поверил бы ни единому её слову... И вот ещё. Если лорга Захаир в мудрости своей признает эту девчонку виновной в буйстве, причинении ущерба и оскорблениях, я бы попросил проявить милосердие и позволить мне забрать её обратно в Шимру.

Фог слушала его – и земля уходила у неё из-под ног, а мир дрожал, точно готовый рухнуть в любой момент.

«И что теперь?»

А лорга – его-то появление киморта ничуть не удивило – обернулся к ней и с тем же живым любопытством спросил:

– Это правда? Если так, то и впрямь я должен буду выслать тебя в Ишмират, Фогарта Сой-рон. А что до убытков уважаемого Дургена, то, думаю, цех Шимры их охотно возместит.

– Для цеха выделить сундук или два золота не составит никакого труда, – подтвердил Ниаллан, и его хрипловатый, точно надтреснутый голос звучал издевательски. – Или же, если почтенный Дурген, сын Иргена, будет настаивать, эта ученица сама исправит нанесённый ею ущерб. В конце концов, нет ничего дурного в том, чтобы отработать провинность, а юным девам подобает смирение.

Дышать резко стало труднее – совсем как тогда, в Кашиме, в лавке у работорговца. Морт сгустилась настолько, что фитили у свечей начали потрескивать, а пламя сделалось меньше и ярче. В глазах у Фог потемнело, и казалось, что ещё мгновение, и бурлящая сила вырвется наружу, сметая всё на своём пути, как поток в горах по весне – и вековые деревья, и древние города, и...

– Тише, – выдохнул Сидше еле слышно, склонившись к ней. Осторожно прикоснулся к виску, отвёл за ухо непослушный золотисторыжий локон – нежно, очень нежно. – Он же того и хочет, затем и злит тебя. В пустыне говорят: кто с ветром бранится, тот ответа не дожждётся... Но ветер всё-таки отвечает – как пожелает и когда пожелает.

Его дыхание ласкало мочку уха, как невесомые поцелуи, и оттого тело на мгновение охватила дрожь. Но – на удивление – в голове прояснилось, и гнев отступил.

«Нападать бездумно нельзя, – осознала она, мысленно повторив всё сказанное. – Только не сейчас, если только я хочу понять, как этот напыщенный тхарг в красном связан с Дуэсой и имеет ли он отношение к работорговле кимортами».

При мысли о том, что может быть замешан кто-то из цеха – и не один, не двое даже – стало не по себе.

– В Шимру я не вернусь, – громко и ясно произнесла Фогарта, повернувшись к Ниаллану. Сконцентрированную морт она держала

наготове, но теперь не для атаки, а для защиты. – Алаойш Та-ци научил меня всему, что требовалось... Важное и неважное он научил отделять тоже. Не закрывать глаза, когда видишь зло; не отступаться от дела, которое необходимо завершить. У Радхаба не случайно оказалось сразу два раба-киморта, и я найду тех, кто за ним стоит.

У Ниаллана ни одна чёрточка не дрогнула, точно вести о кимортах в рабстве были ему не в новинку.

– Дети... – выдохнул он и посмотрел на неё из-под приопущенных век; широкое его лицо лоснилось и на фоне красных одежд казалось распаренным. – Дети склонны преувеличивать. Ну что же, не беда. Долг цеха – наставлять и направлять в обучении тех, кто сбился с пути.

Фог захотелось закричать – на весь зал, нет, на весь город... нет, ещё громче, чтоб даже небо услышало.

«Если это ваш долг, то где вы были, когда меня пленили в Дабуре? – думала она, стискивая кулаки так, что становилось больно. – Где вы были, когда меня одурманили, раздели, обрядили в белую кисею, как рабыню? Где были ваши наставления и защита, когда я правда сбилась с пути?»

– Тебе нечему меня научить, – тихо ответила она, вкладывая в простые слова угрожающий смысл: *ну же, попробуй, оспорь, заставь меня склониться – если сможешь.*

– Цех решит – так или нет, – с усмешкой ответил Ниаллан, скрещивая руки на груди, и морт зазмеилась вокруг него, скручиваясь тугими жгутами. – Может, и найдётся киморт-наставник, который признает тебя готовой завершить обучение. Может, и сам Алаойш Та-ци вернётся по такому случаю, чтобы эти слова подтвердить... А пока прояви смирение.

Сказал – как пощёчину отвесил. А Фог медленно поднялась со стула, чувствуя дурноту. Все смотрели на неё сейчас, весь зал; десятки любопытных взглядов – и десятки злорадных, в которых читалось – поделом ей, дурной девке. И тоненько хныкала Садхам; и Онор с Лиурой сидели плечом к плечу, взявшись за руки, согбенные, перекошенные, точно разом рухнули на них всей тяжестью два страшных года в рабстве.

Лорга тоже смотрел – с прищуром, хищно, предвкушая потеху.

«Я должна бросить Ниаллану вызов, – пронеслось в голове, и стало одновременно страшно и легко. – Бросить вызов и победить. Другого выхода нет».

Такой способ был, и цех бы признал победительницу завершившей обучение. Вот только поединки не проводились уже лет двести... да и не сражались киморты друг с другом. Только не после пятидневной войны, навсегда изменившей облик мира.

«А Дуэса бы, наверное, не колебалась».

– Значит, нужен киморт-наставник? – раздался вдруг мужской голос, высокий и чистый, как звук туго натянутой струны. – Тогда, полагаю, и я подойду. Немного мне известно о деяниях этой женщины, но и того, что я знаю, хватит на дюжину взрослых жизней. Моё слово достаточно веское? Государь Захаир.

Лорга скривился так, словно откусил неспелую ригму – и нечищеную к тому же.

– Телор Кудесник.

Он ещё не договорил – а воздух в зале совершенно переменялся. Исчезла затхлая духота, запах прелой соломы и ношеных сапог, как в казарме, и свечной чад, и повеяло вдруг снегом – чистым снегом высоко в горах, и ломкими стеблями, и лесными цветами, блеклыми, но живучими. И тот, кто стоял на пороге зала, под высокой дверной аркой, тоже был увенчан цветами – мелкими лиловыми, и голубоватыми, и белыми. Его волосы, гладкие и светлые, спускались до талии, не сдерживаемые ничем, кроме цветочного ободка, словно бы сделанного детской рукой, и глаза были как весенняя листва на просвет, и вилаась зелёная вышивка по рукавам белой рубахи и по высоким голенищами сапог для верховой езды, а на плечах лежал тёмно-зелёный плащ.

Онор вскочила, отбрасывая поддельный вдовый платок:

– Учитель! – и кинулась к нему со всех ног.

И Лиура тоже бросился к учителю, задержавшись лишь на миг – прижал ладони к лицу, резко выдохнул и побежал, как в омут нырнул. А человек в зелёном плаще – Телор, как назвал его лорга – обнял их крепко и посмотрел на Фог.

– Ты завершила то, что я не сумел, и вернула тех, кого я не смог спасти, – произнёс он тихо, но его услышал каждый, кто находился в зале – ибо никто, кажется, и дышать сейчас не смел. – Здесь, при свете

дня, при свидетелях, я говорю: ты, Фогарта Сой-рон, давно уже превзошла пределы, отмеренные простой ученице, а тот, кто это отрицает, или глуп, или завистлив. Равной я тебя признаю и как к равной обращаюсь; а если кто хочет оспорить это, то пусть шагнёт вперёд.

Телор умолк, но никто не двинулся с места, даже лорга, у которого лицо сделалось угрюмым и злым.

– А... как же убытки? – пробормотал купец, растерянно оглядываясь по сторонам, точно в поисках поддержки. – Убытки-то мне возместят?

Но Ниаллан Хан-мар, не слушая его, развернулся и вышел, ни проронив ни слова.

После этого даже присутствие лорги не могло удержать поднявшуюся волну. Зал охватило смятение. Точно буря налетела на зимний сад, и ветви, сбросив снежные шапки, затрепетали; точно пламя костра вдруг разгорелось на ветру, а тени пригнулись и заколебались. Шёпоты, поначалу деликатные и робкие, превратились в ропот; застучали по полу каблук подкованных сапожек, зашелестела тяжёлая парча, и то и дело вспыхивал в полумраке самоцвет в драгоценном перстне на воздетой руке или вышивка серебром на воротнике при повороте головы.

«Как ночной шторм», – подумала Фог.

И ещё подумала, что она очень, очень устала и сил едва хватает на то, чтобы стоять, не горбясь, и позволять себе заплакать, и что если сейчас, сию же минуту её не отпустит, то суд она завершит сама.

Как сумеет.

– Потерпи немного, – тихо сказал Сидше и провёл костяшками пальцев ей по спине, сперва вниз, а затем вверх, так, что пульс участился, а тело сделалось лёгким. – Ты уже победила; вот только позволить тебе этого не могут, а значит, станут напирать. Если выдержишь натиск, то тебе предложат перемирие.

– Но не мир? – еле слышно спросила она.

Сидше ответил не сразу; потянул Фог за рукав, побуждая повернуться вправо, и шепнул:

– У людей с таким взглядом есть или слуги, или враги. А служить ты отказалась, Фогарта Сой-рон.

Ей не надо было пояснять, что он имеет в виду, потому что лорга сейчас отбросил лицемерие, не пытаясь уже сойти за благодушного и справедливого хозяина. Он сидел неподвижно, сторбив плечи, словно от непосильной ноши, и смотрел исподлобья. Ноздри у него раздувались от тяжёлого дыхания, глаза пылали, точно уголья, а пальцы до того стискивали подлокотник кресла, что казалось, ещё немного – и древесина лопнет.

Потом он сказал:

– А ну молчать.

И ропот стих – так гаснет огонь, если накрыть его стеклянным колпаком. Только Онор продолжала всхлипывать негромко, прижавшись к плечу учителя – или то был Лиура? А учитель то гладил их по волосам, то обнимал крепко-крепко, и серебристые облака морт ласково обнимали всех троих – нежная сила, мягкая... смертоносная.

«Интересно, – подумала Фог отстранённо. – А как я сейчас выгляжу со стороны?»

– Любопытное зрелище предстало нынче нашим глазам, – произнёс тем временем лорга, и в его низком голосе было куда больше угрозы, любопытства. – И всё же пора вернуться к делу. Тяжкие обвинения выдвинула киморт Фогарта. И, как и Дурген, сын Иргена, с трудом я могу поверить в то, что почтенный Радхаб – о котором слышал я, что он человек чести и великой доблести – нарушил бы древний закон и стал бы скрывать киморта-раба в своём доме. Да и как такое возможно? Киморт – что снежная буря, что селевой поток, что лесной пожар. И как его пленить? Нет, – качнул головой лорга, и свита его тут же принялась трясти бородами тоже. – Не могу поверить. Есть ли у ученицы... у киморта Фогарты Сой-рон объяснения?

Пауза была короткой, но многозначительной. Дурген-купец несколько приободрился, хотя взгляд у него оставался растерянным, а гонору поубавилось.

А Фог глубоко вздохнула, набираясь сил – и соображая, что можно рассказать, а о чём следует умолчать. Снадобье, одурманивающее кимортов, секретом не было, но использовали его чаще чтобы убить, а не чтоб пленить. Ведь дольше десяти дней подряд применять его нельзя... Да и не снадобьем удерживали Лиуру, а шантажом.

«...мне сказали, что если я буду строптивым, – прозвучал в голове надломленный, безжизненный голос, – то к сестре снова придёт мужчина. Новый мужчина всякий раз, как я не исполню приказа...»

Онор замерла, затихла – словно тоже вспомнила что-то, почувствовала. А учитель обнял её ещё крепче и произнёс, громко и ясно:

– Объяснения есть у меня. И свидетель. Алар, войди!

...и когда двери открылись снова, Фогарта почувствовала себя так, словно она вот-вот разлетится осколками, потому что человека, который ступил в зал, она узнала тотчас же.

И пусть волосы у него были иссиня-чёрными, как зимнее небо, а стали белыми как снег, как пепел; пусть глаза его сделались прозрачно-голубыми, как вешняя вода; пусть вместо ишмирятских шелков облачился он в обноски – чёрные штаны из грубого полотна, синюю рубаху и серый плащ... Всё это было неважно. Ведь он оставался прежним, близким-близким, нужным-нужным вплоть до родинки на щеке, до взгляда гордого и спокойного.

Прежним-то прежним, но чужим.

Едва скользнув взглядом по Фог, он прошёл мимо неё – с посохом эстры в руках, с незнакомым мечом, притороченным к поясу – и остановился прямо перед лоргой. Так же невозмутимо, как стоял он перед ишмой в своё время, точно помнил, что род его древнее и что не он должен кланяться, а ему.

– Я странник-эстра, а зовут меня Аларом, – сказал он, и каждое слово, произнесённое голосом таким знакомым, таким родным, было для Фог как надрез острым ножом; она смотрела – и наглядеться не могла, точно взглядом его пила, а чувствовала себя так, будто с неё кожу живьём снимают. – Путешествую от поселения к поселению по воле морт. Со мной ученица, девочка по имени Рейна, киморт. Иногда, отлучаясь по делам, я оставляю её на попечение женщины – травницы и проводницы в горах. И близ славного города Свенна, на ярмарке, при всём честном народе, Рейну похитили. Ударили дубинкой по затылку, а после оглушили дурманым зельем и сунули в клетку наподобие звериной; ни прятаться, ни скрываться не стали, словно по праву действовали, по закону... И немудрено: ведь были это славные воины

из двенадцатой дружины Ульменгарма. Из твоей дружины, добрый государь.

И стало так тихо, что слышно было, как трещат фитили у свечей... а потом лорга захрипел, точно задохнуться стал, или из груди у него начало прорываться звериное рычание. И сказал:

– Все вон.

Он ещё договорить не успел, но тут словно плотину прорвало. Люди ринулись к выходу, не заботясь уже о том, чтобы сохранить лицо – и зрители, и писцы, и даже Дурген-купец вместе со всей своей охраной, а стражники понукали отстающих. Только на Фогарту никто не смотрел, и Алара с Телором толпа также обтекала по сторонам, как прибывающая волна огибает прибрежный валун.

О суде и о приговоре никто и не вспомнил.

Когда Телор, по-прежнему не отпуская от себя близнецов, тоже двинулся к дверям и попросил следовать за ним, Фог послушно кивнула, ощущая себя куклой на шарнирах, которую стиснула и тащит куда-то безжалостная детская рука. Мир точно подёрнулся туманом. Что-то низко гудело – оборванная струна ли, ток крови в собственных венах, горны, призывающие к атаке? А затем оказалось как-то вдруг, что замок остался позади вместе с древними шпалерами, с духотой, с мрачной стражей и испуганными взглядами зевак. И что вокруг сад, и веет зеленью и печным дымом, и по правую руку – чёрная крепостная стена, а поодаль пасутся стреноженные гурны и расположился на постой отряд воинов в белых плащах, а по правую руку убегает вниз с холма, к трубам и черепичным крышам, растоптанная тропа. И Телор просит подождать немного, пока кто-то важный подъедет, чтоб можно было двигаться дальше, а Онор с Лиурой жмутся к нему, как замёрзшие щенки, и Иаллам укачивает ребёнка, а рядом с ним – и откуда успел взяться? – стоит Сэрим, уперев руки в бока, и взгляд у него угрюмый.

Но Фог не смотрела и не слушала; для неё имело значение только одно, только одно было важно.

«Учитель».

На непослушных ногах она подошла к нему – о, какими длинными и тяжёлыми оказались эти несколько шагов! – и тихо спросила:

– Значит, Алар?

Тот обернулся; в глазах у него промелькнуло странное выражение, уголок рта дёрнулся, напряглась жилка на виске, точно от боли...

– Да. Так меня теперь зовут, – ответил он спокойно.

– Красивое имя. «Любимый»?

– «Желанный», – поправил он. И улыбнулся, не то неловко, не то смущённо: – Уж какое дали, бродяге-эстре привередничать ни к чему.

Под распушенным воротом рубахи виднелся шнурок. Уже зная, что придётся увидеть, Фог потянула за него – и достала амулет, камешек с выбитой на нём короткой надписью, не то отколовшейся наполовину, не то стёршейся.

В глазах у Алара промелькнул интерес:

– Знаешь, что это такое?

– Знаю, – кивнула Фогарта отстранённо. – Камень памяти, только незавершённый. Просто безделушка.

Брови у Алара выгнулись.

– Надо же, – откликнулся он с уважением. И взглянул в упор. – Может, и надпись прочитать сможешь?

Она провела подушечкой пальца по символам, еле заметным уже. В голове крутились разные мысли – о незнакомой девочке по имени Рейна, занявшей место, которое принадлежало прежде ей, Фог; о другой женщине, травнице и проводнице, увидеть которую пока ещё не довелось; о том, что яркие одежды кьярчи, право, смотрятся на учителе ничуть не хуже, чем белая хиста из варёного шёлка, на ощупь схожего с тонкой-тонкой замшей...

– ... Там написано «Фогарта».

– И что это значит?

– Уже неважно. – Перед глазами плавали золотые пятна, и Фог отступила. В груди стоял ком. – Я... я отойду ненадолго.

И – кинулась прочь, уже не думая о том, кто и что подумает.

Бежала долго, пока не выбилась из сил, а ноги не подкосились, и очутилась у чёрной стены, у старых камней. Сад превратился в заросли; клоки бирюзовой хисты висели на колючках, а из разодранного предплечья сочилась кровь, но Фог почти не чувствовала, словно онемела.

Она почти не удивилась, когда обернулась – и едва не уткнулась Сидше в грудь. Признаться, он тоже выглядел неважно. Одежда у него была в беспорядке; в волосах запутались веточки и сухая листва.

Фог выдохнула, обняла его – и разрыдалась горько-горько. Грудь точно сжало раскалённым обручем; горло сводило спазмом.

– Он меня не узнал, – всхлипывала она. – Не узнал, не узнал... Я думала, что готова буду, но... Отчего это так больно?

– Тише, – ответил Сидше, поглаживая её то по спине, то по голове. – Тише, ясноокая госпожа. Когда сердце разбивается, оно всегда сильно болит.

Сказал – а потом склонился ниже и поцеловал. Так, словно хотел все слёзы забрать себе; так, словно сам мучился от жажды, которую ничто не способно было утолить. Губы его были настойчивыми; язык то проникал глубоко, лаская, то дразняще плясал на кромке зубов... Нежные ладони оглаживали спину, шею, затылок; ногти покалывали чувствительную кожу на макушке, почти царапали. От него словно исходил жар, и в этом жаре плавилось то, что мешало Фог дышать и ложилось невыносимым грузом на плечи.

Сидше отстранился лишь тогда, когда слёзы у неё иссякли, а губы онемели от ласк.

– А с тобой такое бывало? – хрипло спросила она, комкая бессильно его хисту на груди.

– Да, – ответил Сидше странным голосом, точно бы виноватым. И снова поцеловал её, в висок, легко-легко. – Вот только что.

...Возвращаться не хотелось, но всё же пришлось. Тот, кого Телор ждал, так и не явился, зато послал весточку, что задерживается; после недолгих обсуждений из Ульменгарма решено было уйти и ждать уже за пределами городских стен. Фог почти не участвовала в разговорах; к ней, впрочем, никто и не лез ни по пути, ни позже, во временном лагере, позволяя сидеть поодаль, привалившись спиной к сундуку, и смотреть, как сгущаются сумерки. Не ощущая вкуса пищи, она поела; затем полезла зачем-то в сундук – и обнаружила, что там всё перевернуто вверх дном, а сверху лежит книжица в кожаной обложке, дневники Миштар.

Кто-то достал их – и вписал на последней странице торопливым, неряшливым почерком:

«...а днём позже мы узнаём, что на юге разразилась война – страшная, небывалая. Ночью Миштар уходит – и не возвращается больше никогда. Она, как и многие, многие, остаётся там – под

песками, которые теперь расстилаются до горизонта, сколько может охватить взгляд. Я отговариваю Д., но он всё равно спешит туда, пусть уже слишком поздно. Пустыня поглотила всё: и плодородные прежде земли, и государства, что веками стояли там, и их правителей... и тех, кто начинал войну, и тех, кто пришёл остановить.

А сейчас пески пожирают даже крик – и не возвращают в ответ даже эха.

Миштар больше нет».

Когда Фог дочитала, то ощутила странную пустоту – и ещё лёгкость, точно сердце выболело совсем, насквозь, и оставило дыру.

– И что это значит? – прошептала она, закрывая дневник. Теперь он жёг руки – не взаправду, но держать всё равно было невозможно. – Я не понимаю...

Рядом кашлянули.

– Может, не стоит за эхом-то гоняться? – произнёс Сэрим, глядя в сторону и ни к кому вроде бы не обращаясь. Он стоял чуть поодаль, заложив руки за спину, и флейта торчала у него под мышкой, нелепо и смешно, вот только смеяться не хотелось. – Пока не стало слишком поздно.

Фогарта прикрыла глаза, вспоминая дневники. Вот Миштар узнаёт о сбросе; ищет пути вернуть память и чувства, перебирает один способ за другим, пока не устаёт – и не отчаивается; вот начинается война, и Миштар спешит туда, чтобы остановить её...

«Потому что если сделать ничего нельзя, то хочется сделать хоть что-то», – подумала Фог.

А вслух сказала:

– Да. Ещё не слишком поздно.

Закат полыхал, как пожар; в груди было холодно.

Если что-то и болело, то искусанные губы.

Она глубоко вздохнула, собираясь с силами; подумала о делах на юге, ещё не завершённых; о кимортах, проданных в рабство, и о том, что их было, может, гораздо больше; о том, что лорга определённо знает что-то – и ещё что он не простит, не забудет того, что сегодня было сказано и сделано...

– Я почему-то не боюсь, – с лёгким удивлением сказала Фогарта. Поднялась, сунула бесполезную книжицу обратно в сундук, отряхнула хисту. – А ещё... а ещё я, кажется, проголодалась опять.

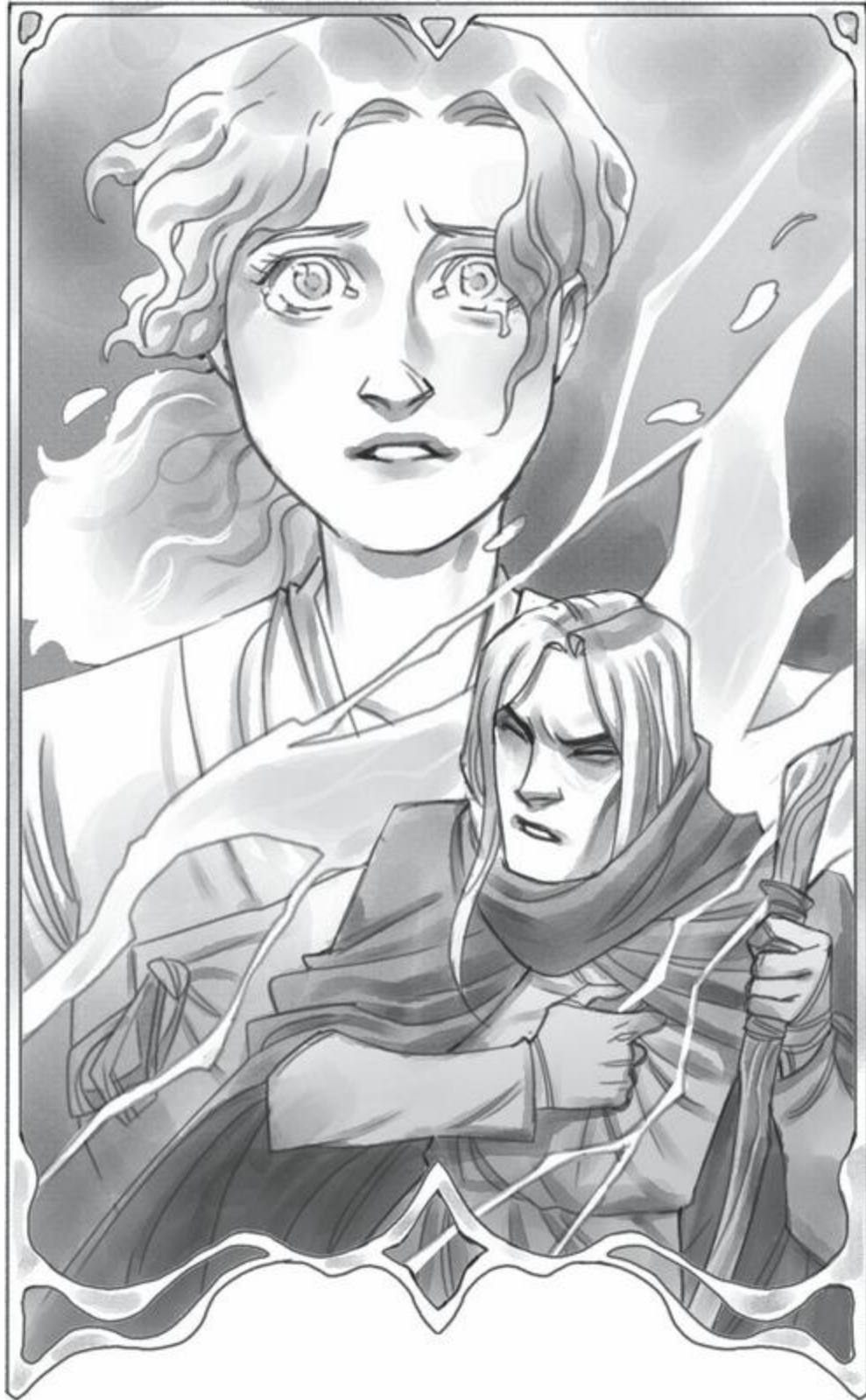
Сэрим посмотрел на неё долгим взглядом – и просиял.

– Это потому что ты умница, каких поискать, – потрепал он её по голове и, сунув флейту за пояс, торопливо потянул к кострам, откуда слышался смех и веяло запечённым на огне мясом. – Пойдём-ка, поешь нормально, а заодно и познакомишься со всеми... Ух, и дел у нас впереди!

Фог чуть склонила голову, признавая, что он прав.

И впрямь, ничего ещё не кончилось – по счастью.

Всё только начиналось.

2. Союзники и враги

Алаойш Та-ци, Ульменгарм и окрестности

То, что пребывание в Ульменгарме сулит неприятности, Алар понял в первый же день, когда к Тайре подскочил какой-то проходимец и крикнул:

– А продай-ка платок, добрая госпожа! За дюжину... нет, за полторы дюжины медяков!

Продимец был хорош – кожа как снег, глаза как зимняя ночь; гибкий, но по-мужски статный, с блестящими чёрными волосами, гладкими, как зеркало, и обрезанными на уровне плеч. Улыбался лукаво, двигался легко – как ветер. Разумеется, красотой и улыбками Тайру было не пронять... Однако она и мгновения не колебалась – стянула с плеч расшитый кусок ткани, скомкала и кинула:

– Ну-ка, лови!

А в ответ получила не россыпь медных монеток, а одну серебряную.

– Эй! – крикнула вслед. – А сдача?

– Это за срочность! – махнул рукой проходимец и затесался в толпе у рынка, точно растворился.

Алар наблюдал за ним, привалившись плечом к борту телеги, а затем обернулся к Тайре с любопытством:

– Почему продала? У тебя ж это любимый платок.

– Честную цену назвал, а потом сверху накинул не много и не мало, а сколько надо, – невозмутимо ответила она, перекладывая что-то из одного сундука в другой. – Сразу видно, что взгляд у него намётанный, язык хорошо подвешен – такому и помочь приятно... Хотя платка жаль, – вздохнула она. – Да и чую я, что его потом искать будут, а значит, к нам точно подойдут, цвета-то приметные. Впрочем, пустое это, отбрешусь. Как твоя голова, эстра?

Голову у него повело на рыночной площади, и поди пойми отчего – то ли солнцем напекло, то ли вчерашняя попойка с Тарри аукнулась, то ли морт взбрыкнула... Алар прислушался к ощущениям и вздохнул:

– Болит. Постоим тут ещё немного?

– Отчего не постоять, – ответила Тайра, пожав плечами. – Я-то никуда не спешу, наши вон, только прилавки раскладывают. Это ты хотел бежать куда-то и кимортов искать... Кстати, о кимортах. Где Рейна-то?

Рейна нашлась тут же, поблизости – сидела рядом с вайной и с интересом разглядывала мешочки с ароматными травами, которые та приготовила на продажу. Алар тоже подошёл глянуть, не найдётся ли среди них чего-то от головной боли, когда за рыночной площадью, близ рядов, где вели торговлю мастера, послышался шум, гам, брань. Что-то грохнуло, взметнулся полог над чьим-то прилавком – небелёное полотно... Потом забегала туда-сюда стража, приставая ко всем, у кого было хоть что-то синее в одежде.

Разумеется, подошли они и к Тайре – она как в воду глядела.

– Видела ли я такого человека? – переспросила она, с прищуром посматривая на стражника. – А как же! Он у меня ведь тот платок и купил.

– А как он без платка выглядел? Э? – насел усач тут же, потрясая мечом, благо что хоть из ножен его не вынул. – Живо отвечай, окаянная!

– Ну, ну, не грози мне тут, – шлёпнула Тайра ладонью по ножнам и подбоченилась. – Отчего ж не сказать, разве ж это секрет? Рыжий мужчина в преклонных годах, глаза голубые, на щеке шрам приметный. Потому, видать, платок и купил – приметку закрыть... Добрый человек, а как же монетку мне за усердие?

Стражник брезгливо плюнул себе под ноги, однако же монетку дал – самую мелкую, ещё и гнутую в придачу. Тайра отказываться не стала и невозмутимо сунула её в поясной кошель. Когда стражник ушёл, Алар тихо спросил:

– А почему соврала?

– Потому что у того красавчика на роду написано Аю-Насмешника веселить, – усмехнулась она, запрокидывая голову к небу, где солнце плавало в дымке, как золотая монета в молоке. – Уж кому, как не мне, ученице вайны, знать такие вещи... А тем, кому Аю-Насмешник благоволит, любой кьярчи рад помочь – авось тогда тоже немного удачи перепадёт. Ну, как твоя голова?

– Положим, лучше...

Но никаких кимортов в тот день искать они, конечно, не пошли. Рынок беспокойно бурлил до вечера: некий важный человек искал негодяев, посмевших его оскорбить, но тщетно – те как в воду канули. Торговля у табора шла бойко, даже слишком, так что Алара тоже пристроили стоять у жаровни с лепёшками, пока Рейна помогала вайне продавать травы. Вечер наступил незаметно, слишком быстро, словно набросил кто-то на город тёмно-синий платок, расшитый звёздным серебром. Бродить по улицам в темноте Алар благоразумно не стал и отложил поиски на завтра.

И тогда-то, почти сразу после рассвета, случилось то, чего он боялся после достопамятного случая в Свенне.

Рейну снова попытались похитить.

Переночевал табор спокойно, пусть и на отшибе, далеко за рынком, среди лачуг, жмущихся к узкой, грязной речушке. А поутру, после плотного завтрака, Алар взял ученицу за руку и снова повёл на рынок – где, если не там, можно было узнать свежие новости? По пути, чтоб не заскучать, показывал несложные фокусы с морт. Рейна охотно подхватывала любые забавы; особенно ей понравилось перекрашивать деревянные бусы, подаренные накануне вайной, в разные цвета.

– А саму себя так поменять можно? – спрашивала она на ходу, дёргая его за рукав. – У Тайры волосы тёмные, а на солнце красным блестят – красота...

– Не выйдет, – развеял её мечты Алар. – Морт киморту навредить не может – это ты знаешь. Однако же есть и обратная сторона: ни вылечить себя, ни изменить также не получится. Но если тебе захочется подкрасить именно волосы, то тут ничего сложного нет, купим немного листьев клиппы и сделаем краску. Красного оттенка не выйдет, правда, скорее, рыжеватый, – добавил он задумчиво, проводя ей рукой по макушке.

Рейна засмеялась:

– Рыжий ещё лучше! Рыжие люди – самые красивые!

А Алар с трудом удержался оттого, чтоб не поморщиться: отчего-то при попытке вспомнить, как из листьев клиппы делается краска, звезда спутника начала зло вибрировать.

«И это запретное знание, выходит? – думал он, потирая висок. – Наверное, кто-то из моей прошлой жизни так же подкрашивал волосы

... Тоже киморт? Женщина... ученица?»

Сердитое гудение над плечом стало таким настырным, что Алар, недолго думая, сунул спутника в меч.

Солнце к тому времени поднялось высоко, а небо расчистилось. Торговля шла бойко; хозяева в лавках частенько скидывали цену – не иначе пребывали в добром расположении духа по случаю хорошей погоды. С самого утра в город вошёл ещё один табор кьярчи, в коричневых и охряных цветах, и сейчас с двух телег чернобровые красавицы в звенящих браслетах продавали вышитые платки, маленькие аккуратные кульки калёных орехов и раскрашенные фигурки гурнов из соломы. Было шумно и весело; носились вокруг дети, темноглазые и юркие, и кланчили у прохожих монетки, а мужчины, серьёзные и степенные, раскуривали трубки, стоя у жаровни поодаль.

А вот стражников было не видать.

Прогулка по рынку затянулась, но результатов не принесла. Мастера в Ульменгарме охотно беседовали с эстрой, но вот подсказать, где стоит искать кимортов, увы, не могли. Кто-то советовал идти на север; кто-то советовал обратиться в крепость на холме – в замок лорги... Но большинство только руками разводили.

Промаявшись так несколько часов, Алар махнул рукой на поиски и обернулся к притихшей Рейне:

– Ты проголодалась? Если да, то давай зайдём куда-нибудь пообедать, а потом спустимся к реке. Я тебе покажу, как грязную воду делать питьевой.

– Очень хочу! – оживилась девочка тут же, бросив терзать верёвку, прикрученную к поясу – ту самую, которой она сумела из расщелины достать пострадавших людей, не прибегая к помощи учителя. – И поесть, и научиться воду очищать. А можно мне леденец в виде птицы ачир? Вон дяденька ходит, вразнос торгует, можно?

– Ну отчего нельзя, – засмеялся Алар. – А как вернёмся в табор, я тебе покажу ещё, как самой такие леденцы делать.

– Чтоб золотой был на просвет?

– Можно и золотой...

Он и сам не понял, в какой момент неопрятная старуха, причитая, потянула его в сторону за рукав, заклиная «пойти и пособить». Только

успел ответить: «Сейчас, сейчас», – и обернулся, пытаясь отыскать глазами Рейну.

А её не было.

Сердце ухнуло в пятки.

Но прежде чем вздыбилась морт, подобно капюшону у пустынной змеи, и разметала прилавки и людей, как невесомый сор, раздался вопль – а затем ругань. Бранился мужчина, барахтаясь в пыли, и ноги у него стягивала верёвка, извивающаяся, как живая, а на щеке алел след, как от удара кнутом.

Другой конец верёвки был в руках у Рейны – бледной, хмурой, напряжённой, непохожей на саму себя; даже веснушки, кажется, поблекли на носу.

А на земле валялась тряпица, пропитанная чем-то и неприметная с виду – ну, мусор и мусор.

«Это дурман, – осознал Алар, потянувшись к ней морт, благо спутник до сих пор находился внутри меча и не требовал ни жертв, ни поклонения за свою помощь. – Дурман вроде того, который был в курильнице... Снова похитители?»

Старуха, отвлекая его, попятилась – и ловко затерялась в толпе.

За считанные мгновения он преодолел расстояние до Рейны, перескакивая через прилавки и ничуть не беспокоясь об испорченном и разбросанном товаре. Очутившись рядом, в первую очередь похвалил девочку мягким голосом:

– Молодец. Хороший контроль и реакция тоже похвальная. Горжусь тобой, – а затем обернулся к притихшему разом мужчине, вытягивая меч из ножен, спрятанных на спине под плащом. – А теперь отвечай, кто тебя послал и чего тебе нужно. Солжёшь – отрублю ногу, солжёшь второй раз – руку. И поверь, ложь я почувствую.

Мужчина, крепкий, средних лет, с густыми бакенбардами и квадратной челюстью, сначала побледнел – а затем приподнялся на локтях и сплюнул в пыль:

– А ты кто такой, чтобы спрашивать? Стража! Эй, стража, тут смутьян!

Дружинники показались так быстро, словно поджидали поблизости, да ещё целым отрядом в дюжину человек. Среди них были две женщины, тоже, впрочем, рослые и грубоватые. Плащи и фибулы

незначительно отличались от тех, что носили похитители в Свенне, но нечто общее угадывалось – количество узелков, узор вышивки... Командир, круглолицый и совершенно лысый, зато с бородой, торчащей, как лопата, с ходу пошёл на Алара, грозя мечом:

– Ты откуда здесь взялся и по какому праву клинок обнажаешь, чинишь разбой? А ну-ка, бросай оружие!

– И не подумаю, – ответил Алар спокойно и сделал знак Рейне отступить к нему за спину. – Этот человек пытался похитить мою ученицу. И я с места не двинусь, пока не узнаю, кто он и кем послан.

Бородатый побагровел:

– Да ты, никак, споришь? Не больно ли высоко нос задрал, а, бродяга?

Алар успел уже собрать вокруг себя морт – и продолжал нагнетать, а потому произнёс ровным голосом:

– Если кто нос и задрал, так это ты; а борода тебе, верно, всю округу заслоняет – ты и не видишь, кто перед тобой. Говорю и советую услышать с первого раза: кто сейчас мне под руку полезет, станет моим врагом.

...страшал так – и посмотрел по сторонам, оценивая.

«Рядом люди, прилавки, товар; заведения важных людей, может. Здесь морт-мечом просто так не помашешь, значит, они будут осторожничать... Шанс у меня есть. Даже против... сколько их там?»

Выходило, что девять – если не считать тех троих, которые стояли поодаль и пока не вмешивались.

– Никак, грозишь нам? – рявкнул бородач. Но пальцы у него сами по себе сжались на скользкой рукояти, пытаюсь удержать меч – ладони от беспокойства явно вспотели. – Долго ли ты выдюжишь, один-то против десятка?

«Первые удары так точно выдержу, а дальше уже вам о себе надо волноваться», – подумал Алар, но сказать не успел, потому что высокий незнакомец в тёмно-зелёном плаще вдруг шагнул из толпы, откидывая капюшон:

– А если он будет не один?

Незванный союзник оказался, пожалуй, смазливей, чем давешний проходимец: с кожей белой, как молоко, и нежной, как у ребёнка, с длинными светлыми волосами, убранными в косу, и с венцом из трав и цветов. Глаза у него были зелёные, большие, чуть вытянутые к вискам,

но наивным или чересчур нежным его не позволяло назвать холодное выражение лица и уголки губ, чуть опущенные, словно бы за мгновение до презрительной гримасы.

А ещё незнакомец был весьма высок и очень силен – морт клубилась вокруг него, как туман, и благоухала весенним лугом.

Знали его в столице хорошо, по крайней мере, дружинники.

– Откуда?.. – прохрипел бородатый, вращая глазами... и согнулся пополам, кланяясь, так торопливо, точно от этого его жизнь зависела. – Прощу прощения, не признал.

– Приехал чуть пораньше, чем обещал, – ответил незнакомец певучим голосом. И махнул рукой. – Ступай отсюда. А этого, – он указал небрежно на распростёртого в пыли мужчину, всё ещё связанного верёвкой Рейны, – я забираю с собой. Ты здесь ещё?

...бегущего вприпрыжку дружинника Алар видел впервые. А ещё – совершенно точно впервые в жизни видел киморта, который, сохраняя благородное выражение лица и достойную позу, тихонько подставил бы подножку из морт бегущему человеку.

Бородач упал и врезался лбом в прилавок; поднялся тут же, конечно, что б ему сделалось, медноголовому, но шёл после этого уже медленней, изрядно пошатываясь. А светловолосый незнакомец понаблюдал за ним ещё немного, а затем обернулся к Алару с дружелюбной улыбкой и кивнул:

– Не откажешься разделить со мной трапезу, эстра? Это пока полежит под лавкой, никуда не денется. Да и девочка за свою храбрость заслужила вознаграждение. Что ты там хотела, милая? Леденец в виде рыбки?

– Птички, – робко поправила Рейна и спряталась обратно за Алара.

Первый настоящий киморт, которого она встретила, явно ей не так уж понравился.

Да чего уж там говорить – напугал.

Вёл он себя, впрочем, дружелюбно. Толпу досужих зевак аккуратно разогнал, наполнив окружающую его морт особым стремлением, внушающим скуку, смутную тревогу и желание заняться своими делами. С Рейной говорил ласково, но ни дотронуться, ни приблизиться не спешил... А когда спутник вырвался из меча, и отдача

заставила Алара пошатнуться – подхватил его осторожно под локоть и не позволил упасть.

– Ты хорошо держался, эстра, – заметил на ходу, свободной рукой накидывая глубокий капюшон и скрывая приметные белые волосы, а заодно и венки. – Но, прямо скажу, в прямом столкновении с дружинниками победителем тебе не выйти. Они, видишь ли, редко ходят по одному, а ещё реже – без оружия. Сколько атак морт-мечом сможешь отразить?

Неудачливый похититель, надёжно усыпленный морт, летел за ними по воздуху; судя по тому, что прохожие на него не оборачивались, видели они нечто совсем иное.

Незнакомец оказался мастером наводить мороки и дурить людям головы.

– Наверняка – полдюжины, – ответил Алар, против воли тяжело опираясь на подставленную руку: спутник вернулся на положенное место так резко, что накатила дурнота. – Если больше их больше будет, то как повезёт.

Ещё месяц назад он бы не отважился выступить и против троих вооружённых дружинников, но теперь, когда научился обходить некоторые ограничения спутника, то сил у него прибавилось.

«Если б я за одного себя отвечал...» – пронеслось в голове.

– Немало, – с уважением кивнул незнакомец. – Особенно для эстры, а не для киморта. Я, пожалуй, с дюжиной справлюсь, если лоб в лоб... Беда в том, что охотиться на кимортов они научились хорошо, и, пока трое-четверо буянов будут тебя задирать и отвлекать, остальные нападут из засады. Встречал ли ты морт-стреломёты?

От рыночной площади, от шумных рядов они свернули незаметно на боковую улицу. Здесь в подворотнях стоял стойкий неприятный запах, а окна домов были наглухо закрыты ставнями – без росписи и резьбы, самыми простыми. Зато и люди, попадавшие навстречу, не пялились с любопытством, а равнодушно отводили глаза в сторону – и сами стремились поскорее убраться с дороги... Рейна цеплялась за рукав Алара и смотрела только себе под ноги, сосредоточенная лишь на том, чтобы шустро передвигать ногами и не поскользнуться на гнилой шкурке от ригмы.

– Ещё не приходилось.

– И я раньше нечасто видел. А в прошлом году мне из такого стреломёта прострелили плечо, – произнёс незнакомец, и в его красивых глазах промелькнуло что-то ожесточённое, злое. Промелькнуло – и тут же пропало, а сам он улыбнулся дружелюбно. – Кстати, моё имя Телор.

Самое сложное было в тот момент не споткнуться.

«Видно, судьба».

– Тебя-то мы и искали! – вырвалось у Алара само. – Я Алар, а это моя ученица, Рейна.

Телор окинул их внимательным взглядом, особенно задержавшись на верёвке, свёрнутой в кольца и притороченной к поясу у девочки, словно кнут.

– Что ж, догадываюсь почему... Этот ведь, – киморт кивнул на похитителя, который послушно летел за ними, как привязанный, – не первый?

– Нет.

– А первый куда делся?

Алар только усмехнулся; уточнять Телор не стал.

Они свернули несколько раз, всё глубже забираясь в трущобы, пока не оказались у порога не то питейного дома, не то заведения ещё более сомнительного. На вывеске красовалась кривоватая голова гурна; из распахнутых окон густо пахло дымом, копчёным мясом... и свежим хлебом, из тонко-тонко смолотой муки, нежным внутри и с хрустящей золотисто-коричневой коркой снаружи.

– Как мама пекла, – пробормотала Рейна и шмыгнула носом, чуть горбясь.

О родном доме она вспомнила впервые с тех пор, как покинула деревню; Алар помедлил мгновение – и погладил девочку по голове широкой ладонью:

– Значит, точно стоит зайти.

– Несомненно, – кивнул Телор и улыбнулся вдруг озорно. – Тем более что кормят здесь даже лучше, чем во дворце у лорги, уж поверьте мне! Идём, идём, эстра, я угощаю.

Внутри оказалось на удивление чисто. Столы отнюдь не пустовали, но найти свободное место оказалось несложно. Неблагополучными или грязными здешние завсегдатаи не выглядели, скорее уж диковатыми для большого города. Куртки из прочной,

грубовато выделанной кожи; меховая оторочка на плащах и на голенищах сапог; ножи и походные фляги на поясах, украшения из зубов и когтей... А ещё у них было слишком много оружия для столичных обитателей, причём не благородных мечей, а луков, стреломётов и тяжёлых, грубых топоров из тех, какими можно перерубить не только молодое деревце с одного удара, но и шею лесного хищника.

За прилавком, у бочек с хмельным, стояла хозяйка, высокая, мощная женщина с широкими плечами, квадратным лицом, кустистыми бровями – и такими ясными, яркими голубыми глазами, что называть бы её некрасивой язык не повернулся. Две косы в руку толщиной лежали у неё на плечах, а плотно зашнурованный кожаный жилет поверх белой рубахи подчёркивал стройный стан и внушительную грудь. Две подавальщицы, бойко сновавшие по залу с подносами, полными кружек и тарелок, выглядели точь-в-точь как хозяйка – голубоглазые, с густыми волосами цвета дикого мёда, только носили не мужскую одежду, а платья – и были помоложе.

Телор, судя по всему, знал их хорошо.

– Мне того же, чего и всегда, милая, – сказал он, отловив одну из подавальщиц за юбку и коротко поздоровавшись. – Другу моему того же, но вдвое больше. А девочке принеси... Твоя младшенькая-то чего любит?

– Чаво подам, таво и любит, – ответила голубоглазая красавица грудным голосом, но, глянув, на Рейну, смягчилась. – Экая пигалица... Пирог с рыжей ягодой ишь?

Девочка сперва сжалась, а затем, видно, вспомнила, что она киморт, и гордо распрямила плечи:

– У нас только красная ягода растёт!

– Вот и поишь тада, – удовлетворённо кивнула подавальщица и двинулась куда-то в сторону кухни.

А Телор уже отыскал свободный стол у стены, на которой натянута была звериная шкура с пятнами и полосами, и махал рукой, подзывая остальных.

– Садитесь, садитесь, – указал он на лавку напротив, а сам устроился у стены, чтобы видеть входы и выходы из зала. – Я на свой вкус заказал, тем более что с местной кухней вы вряд ли знакомы... В Ульменгарм только сегодня вошли?

– Вчера, – ответил Алар коротко, умолчав пока о том, что путешествуют они вместе с табором; Рейна тоже благообразно притихла.

– Оно и видно, – кивнул Телор больше сам себе. Взглянул на капюшон – сползший рукав открыл изящное запястье с браслетом из зелёных бусин – и тут же отпустил, то ли передумал, то ли побоялся открывать лицо даже здесь. – Тогда вам тем более повезло меня встретить, ибо кормят тут хорошо. Хозяйку я знаю лет двадцать, – продолжил он, чуть опустив веки, так, что взгляд стал отстранённо-мечтательным. – В ту пору она осталась с тремя дочками, мал мала меньше: мужа-купца зарубили хадары, а с ним его братьев, отца и охрану. И две подводы с товарами, понятное дело, прибрали к рукам... Другая бы утопилась с горя, а эта прошла по окрестным деревням, нашла таких же, как она, пострадавших, сколотила бабий отряд и отправилась мстить хадарам. Три года потратила, но всех отыскала, с каждого спросила за своё горе, – улыбнулся он, и в выражении его лица снова появилось что-то холодное и жестокое. – Я её встретил, когда она одной рукой придерживала у себя кишки, чтоб наружу через рану не вывалились, а другой – замахивалась на хадарского атамана топором. И ведь попала же! Не знаю, как у тебя, а у меня к таким женщинам слабость, эстра. Так что я её тогда вылечил и с тех пор старался понемногу помогать, да и она в долгу не оставалась. Так и дружим... А что до бабьего отряда, то те из них, кому возвращаться было некуда, пошли в дружину к Эсхейд – я замолвил за них слово.

– Повезло им, – заметил Алар.

– Это как посмотреть. Скорее уж, повезло нам с Эсхейд – на самом севере людей всегда не хватает, – качнул головой Телор. – Всяких. И земледельцев, и охотников, и мастеровых, и воинов... И тем более кимортов, – и он обернулся к девочке. – Как тебя зовут, дитя?

– Рейна, – тихо отозвалась она, глядя в сторону. На висящие под потолком вязанки с пахучими травами, на закопчённые от времени балки, на грубоватых, молчаливых по большей части завсегдатаев, интересующихся больше едой, чем друг другом... Куда угодно, кроме Телора – первого настоящего киморта, которого довелось ей встретить.

Он выдержал небольшую паузу – и, кажется, смирился с тем, что его побаиваются:

– Хорошее имя. Ну, а теперь, когда мы все знакомы, расскажешь, какие ветра тебя сюда занесли, эстра?

Алар успел мимоходом удивиться, откуда северянину знать южное присловье, но всё же начал излагать историю своих приключений, с самого начала – с пробуждения в горах, без памяти и почти без сил. Тем временем вернулась подавальщица и принялась сноровисто расставлять по столу миски и тарелки – с густым гуляшом, с овощами, маринованными и свежими, с копчёной рыбой, переложенной пряными травами... Перед Рейной она поставила большой кусок запечённого мяса, нарезанного на аккуратные розоватые пласты, порцию лёгкого супа из каких-то местных корешков и клубеньков, здоровую чашку компота и горку пирогов, затем сказала строго:

– Ты – девка молодая. Хошь вырасти – ишшь! – и, потрепав её по плечу, ушла.

Глядя на всё это, Алар понял вдруг, что и сам ужасно проголодался – спутник сил отнимал немало, хотя в последнее время частенько удавалось его обманывать и не расплачиваться кровью за всякую мелкую помощь.

Повествование изрядно затянулось. Телор, впрочем, не торопил его и слушал внимательно, отвлекаясь разве что на гуляш, на хмельной напиток с резким запахом дыма, горькой травы и смол, а ещё на то, чтобы проверить, как там полёживает под лавкой пленник, густо обёрнутый морт. Почти ничему не удивлялся, но изредка хмурился – или, наоборот, улыбался в неожиданных местах, к примеру, когда Алар перешёл к рассказу о том, как избавился от усача из дружины.

– Как, говоришь, его звали? – переспросил Телор, и черты его красивого лица хищно заострились.

«А то ты не помнишь, – подумал Алар. – Киморты ничего не забывают».

Но вслух ответил спокойно:

– Райдо. Из двенадцатой дружины Ульменгарма, если он не соврал.

– Не соврал. – Улыбка у Телора стала по-настоящему неприятной. – Я его знал. Гадкий был человек и пристрастия гадкие имел... Однако же лорга ему благоволил и доверял. И давно бы поставил во главе дружины, если б этот Райдо не снасильничал внучку воеводы, человека важного и злопамятного. Другого бы давно за такое

головы лишили, а этот легко отделался – впрочем, ему и с тобой повезло. Встреться он мне в подобных обстоятельствах, я бы с него заживо кожу снял и в лес выпустил.

– Не до того было, – пожал плечами Алар. – Вреда он больше никому не причинит – и хорошо. Но об одном я жалею: что не расспросил его получше.

– Этого расспросим, – коротко ответил Телор. – И жалеть его, поверь, не стоит. Я тоже кровь не люблю, а войну и распри так вовсе не выношу, эстра, – добавил он вдруг, и взгляд у него потускнел, потемнел. – Мне бы школу у нас, на севере, до конца обустроить, осесть там спокойно, набрать учеников... Чтоб как цех в Шимре, только лучше, только наш. Но пока это мечты. На таких, как ты, да я, да она, – он снова глянул на Рейну, явно стараясь не напугать её, – тут охотятся. Прямо нападать боятся, так что загоняют по одному. В самых слабых метят; будь ты эстра или ребёнок – чудо, если несколько лет протянуть сможешь, показываясь время от времени в крупных городах. Эстр-то сразу убивают хоть, а дети... Дети исчезают, – понизил он голос. – Дважды мне удавалось взять след – и дважды он обрывался. Раньше я думал, что похищенных убивают... А потом столкнулся с дурманом, лишаящим сил, когда меня самого пытались то ли похитить, то ли убить. И оказалось, что одурманенного киморта отыскать привычными средствами нельзя, словно он становится на время кем-то другим. Я так собственных учеников потерял, – заключил он совсем тихо и замолчал, уткнувшись в кружку.

Алар не спешил с ответом. Отчего-то рассказ о дурмане показался ему знакомым, будто бы по прошлой жизни, хотя спутник молчал. Словно бы уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным... знать человека, который... которая...

Перед глазами появился на мгновение образ – сладкий аромат, золотые и пурпурные шелка, жёлтые глаза с поволокой – и в висках заломило.

Спутник караулил запретные воспоминания, точно сторожевой пёс.

– Что станешь делать, когда найдёшь виновных?

Вопрос застал Телора врасплох.

– Тех, кто этому вот приказы отдаёт? – пнул он несильно дружинника, лежавшего под столом. – Загляну вечером и поговорю

по-свойски.

– Нет, – покачал Алар головой. – Я о тех, кто стоит за всем – и о тех, с кем не получится по-свойски поговорить так, чтобы не погрузить страну в пучину кровавой междоусобицы. Сам понимаешь, наверно: если замешана дружина из Ульменгарма, да не одна, то искать виноватых придётся высоко.

Телор вздохнул еле слышно, опуская белёсые ресницы – глаза у него были как инеем подведённые.

– Да, как бы не на самом верху. А у нас и без того смута. Сыновья у лорги воюют друг с другом, наместник запада на этом наживается, а север... север не в чести.

– Не в чести, но только там, – кивнул понятиливо Алар, указывая пальцем куда-то в сторону замка, который отсюда, разумеется, видно не было. – А простой народ помнит легенды о Брайне и пересказывает их до сих пор, и не шёпотом у очага, а громко и ясно – в тавернах, на площадях, под носом у стражи... Да и сама стража такими историями не брезгует. Всем рты не заткнуть; и слишком многие помнят, от кого ведёт родословную Эсхейд Белая, наместница севера. Я, конечно, чужак здесь, и не мне судить о ваших делах, но смуты при таком раскладе не избежать. Не знаю, что удерживает лоргу сейчас от того, чтоб посадить в Хродде своего человека...

– Он боится, что Эсхейд бросит ему вызов, – ответил Телор, не позволив даже договорить. – Поединок ему не выиграть, а отказаться тоже нельзя, иначе отвернутся старики-воеводы, а за ними уйдёт половина войска. Это тебе не стража и не столичные дружины, которым только плати – они всё стерпят и всё исполнят. К тому же киморты лишь на самом севере остались, а обычному человеку против морт не выстоять.

Рейна, которая поначалу без особого аппетита ковырялась в своей тарелке, настолько увлеклась разговором, пусть и не слишком понятным, что съела весь суп, умяла половину мяса и теперь по одному таскала сладкие пирожки вприкуску с компотом.

И – старательно делала вид, что не слушает, вот совсем-совсем.

«Умница девочка», – усмехнулся Алар, а вслух ответил:

– Вот на морт бы я не рассчитывал. Ты ведь меня сам пугал стреломётами, а теперь что? Ты справишься с дюжиной вооружённых дружинников, с двумя дюжинами, с полусотней – хорошо. Сколько

таких, как ты, в Хродде? А сколько из них вообще готовы воевать? Север переполнен оружием. Если лорга до сих пор не повёл войско на север – поверь, это не потому, что он боится кимортов, а потому, что осторожничают и ищут достойный повод для нападения, чтобы не растерять союзников. Значит, и тебе надо не на дружинников по переулкам охотиться, а свой альянс собирать. И ещё выяснить, откуда взялось столько заготовок-камней для оружия. Бесспорно, морт-мечи опасны, но любой клинок можно переломить, а если новый будет неоткуда взять, то и одного киморта хватит, чтобы остановить войско – и без лишнего кровопролития... А покуда всё складывается слишком удобно для твоего врага.

Если в самом начале Телор выглядел так, словно вот-вот перебьёт его, то затем нахмурился и притих, и чем дольше слушал, тем мрачнее выглядело прекрасное лицо и темнее становились зелёные глаза.

– Что же, вот этого отпустить надо, получается? Раз всё равно ему бесполезно мстить, нечего силы тратить на мальков, пока в глубине ходит крупная рыба? – спросил он наконец, когда дослушал.

– Нет, почему же сразу отпустить, – улыбнулся Алар, искоса глянув на Рейну, которая как раз доедала последний пирог и уже отнюдь не выглядела оробевшей, как поначалу. – Детей ведь похищают не ради забавы, и, сдаётся мне, это как-то связано с появлением множества камней-заготовок. Следы мальчика-киморта, которого некая женщина забрала из Свенна, уходят в пустыню – а там, поверь, знают, как сломить волю и обратить человека в удобный инструмент. Морт-оружие и похищение детей; чистый мирцит, свара между наместниками востока и юга, чудища из глубин и землетрясения – всё связано, понять бы как... Но начать можно с малого: к примеру, спросить у нашего пленника, кому он должен был передать Рейну. Глядишь, потихоньку клубок и размотается.

Телор ответил не сразу. Помолчал, прихлёбывая хмельной напиток; глядел внимательно, задумчиво, слегка опустив белёсые ресницы... И лишь затем сказал:

– Значит, ты безымянный эстра?

– Ну, имя мне, положим, подарили...

– Бродяга без семьи и без дома, лишённый памяти и сил? – продолжал Телор, и в глазах у него появилось опасное, дурное веселье, как за секунду до приснопамятной подножки дружиннику. – Чужак на

севере, не сведущий в наших традициях и обычаях, жизни не знающий?

Звучало это так насмешливо, что Алар даже смутился немного:

– Ну...

– Что же, одного союзника я, кажется, нашёл, – улыбнулся Телор – и чуть приподнял свою кружку, словно приветствуя его. – И думать боюсь, каков ты из себя был до сброса, если даже сейчас от тебя мороз по коже.

– Учитель хороший! – Рейна от возмущения позабыла, кажется, что боится этого странного незнакомого киморта с цветами в волосах. – Он добрый, терпеливый, и руки у него тёплые, и никакого мороза нет! И гурна он чистит даже лучше Тайры! И похлёбку варит... ну, иногда, – добавила она неохотно, видимо, вспомнив, как в последний раз пригорела уха в котелке. – Когда о важных вещах не задумывается!

Выпала на одном дыхании – и застеснялась снова, уткнулась в опустевшую чашку из-под компота.

– Вот и славно, – ответил Телор и осторожно, точно опасаясь спугнуть, погладил её по волосам. – Посидишь немножко с хозяйкой, пока мы с твоим учителем побеседуем вот с этим добрым человеком? Недалеко тут, в подвале.

Храбрая Рейна обещала посидеть тихо, как птичка, а Алару, за которого уже всё решили, не оставалось ничего, кроме как спуститься в подвал вместе с Телором – и с дружинником, который как раз пришёл в себя и задёргался, бешено вращая глазами. Тщетно – морт держала крепко.

...и пощады не давала.

Сперва дружинник отпирался, уверяя, что дурного не хотел. Однако Телор умел убеждать. Не болью и страхом, как можно было бы предположить, вовсе нет: он расспрашивал пленника спокойно и тихо, внимательно слушал ответы – и опутывал его морт всё гуще и гуще, аккуратно изменяя *стремление*, точно калибруя тонкий прибор. И так – до тех пор, пока дружинник не заплутал в глубинах собственного разума и не начал отвечать так же честно, как самому себе, во сне или в дурманном забытии... Вот только знал он, увы, не так много.

Поймать девочку ему приказал командир; для чего – не говорил, но намекнул, что это для её же блага и «для великой пользы престолу»,

а девочка «не знает, чего ей надо, якшается с бродягами». Узнать подробности дружинник и не стремился: ему хватало мысли, что он действует во благо и по указанию старших. Кимортов он боялся и ненавидел, эстр презирал, считая их шарлатанами. Девочку ему велено было обездвигнуть особым «лекарством» и оставить тут же, в подсобном помещении одной лавки на рынке, а уже оттуда её забрали бы некие «доверенные лица» и повезли бы «на обучение».

Когда Телор услышал имя торговца, которому принадлежала лавка, то нахмурился.

– Знакомый кто-то? – спросил Алар. – Что за Дурген, сын Иргена?

– Особый поставщик дворца, который прославился тем, что наладил торговлю напрямую с Ашрабом и с конклавом, – ответил он мрачно. – Так что, боюсь, насчёт следов, уходящих на юг, ты не ошибся... И меня тревожит ещё, что раньше яд, лишаящий нас связи с морт, можно было разве что добавить в еду или питьё. А теперь гляди: им уже и тряпицы пропитывают, которые достаточно к носу приложить, чтоб сил не стало.

– И ещё смешивают особые благовония – горе тому, кто по неосторожности вдохнёт дым, – согласился Алар, вспомнив курильницу, стоявшую в клетке, где держали Рейну. – Может, есть и ещё что-то, чего мы не знаем... А уж одурманенного киморта можно перевезти куда угодно, особенно если ты купец, у которого идёт караван за караваном. Что будешь делать с пленником?

Телор посмотрел на дружинника – сторбленного, с бессмысленным стеклянным взглядом, с ниточкой слюны, тянущейся от угла рта – и резко отвернулся, дёрнув острым подбородком.

– Отпущу, только затуманю ему память. Ты прав, эстра, не тех надо карать, кому приказы отдают, а тех, кто приказывает... Через два дня в Ульменгарм прибудет Эсхейд – проездом, у нас дела на юге, но лоргу почтить визитом стоит. Поговоришь тогда с ней? – не то спросил, не то попросил Телор. – Одному тебе в Хродду идти небезопасно, а сопроводить вас я пока не смогу. Может, решишь пока с нами путешествовать.

Алар задумался. Предложение было хорошим, и даже очень. Во-первых, Рейна слишком к нему привязалась и сейчас бы не согласилась расстаться, а тем более – остаться в школе где-то на дальнем севере, среди незнакомцев. А так бы за время путешествия

она бы привыкла к Телору и – кто знает – согласилась бы учиться у него. Во-вторых, странствовать в одиночку и впрямь становилось небезопасно, особенно в свете рассказов про морт-стреломёты и новые виды дурмана. Да и не хотелось подставлять кьярчи – Тарри и его люди немало делали для него, и рано или поздно дружинники подметили бы это.

А значит, табор оказался бы в опасности.

Морт, наполненная особым стремлением, ткнулась в виски пленнику; тот пошатнулся, закатил глаза – и рухнул плашмя на глиняный пол.

– Хорошо, – ответил Алар наконец, отводя взгляд от неподвижного тела. – Мысль дельная, но сперва мне надо поговорить с Тайрой, всё же это её тоже касается.

– Что за Тайра? – заинтересовался Телор.

Пришлось рассказывать.

В конце концов он проводил их почти до того самого места, где расположился табор, и там распрощался. Притворно, разумеется. Алар ещё долго ощущал его присутствие – ореол прохлады, призрачный аромат молодой листвы и робких лесных цветов, мягкий свет, сдержанное любопытство.

«Сколько ему лет? – пронеслось в голове. – Ста ещё нет, пожалуй... Молодой».

Мысль эта удивила его самого – так, словно пришла не извне даже, а из прошлой жизни, а камешек-талисман на шнурке вдруг кольнул грудь.

...Появление киморта Тайра восприняла как нечто само собой разумеющееся. Выслушала историю, пожала плечами:

– Так сколько ты его искал? Или другого кого-то из вашего племени... Странно было б, если б не нашёл, с таким-то упорством. – Она помолчала, сосредоточенно очищая от кожуры неказистые клубни для похлёбки на ужин. Затем глянула исподлобья. – И что делать будешь? С ним пойдёшь?

– Скорее всего, – кивнул Алар – и присел рядом с ней, прямо на землю. Взял клубень, стряхнул землю – и принялся тоже счищать шкурку, только не ножом, а морт. В четыре руки работа спорилась. – Рейне будет полезно пообщаться с кем-то из нашего племени, как ты выразилась. Но сперва я к нему присмотрюсь. С большим отрядом,

конечно, путешествовать безопаснее, но только если этот отряд не собирается поднимать бунт против лорги. А ты что думаешь? Если я приму его предложение, ты пойдёшь с нами – или останешься с братом?

Тайру вопрос словно застиг врасплох. Она выронила недочищенный ноздреватый клубень в мутную воду, ойкнула и поспешно запустила руку в котелок. Смуглое её лицо залил румянец – если знать, куда и как смотреть, это было заметно. Длинные чёрные ресницы отбрасывали лёгкую тень, и глаза казались ещё зеленее – по-другому, чем у Телора, ярче и живее.

– Теплее, – сказал он вслух.

Сказал – и сам смутился, чего не было давным-давно.

– Дурной ты, эстра, – пробурчала Тайра, доставая злополучный клубень и поудобнее перехватывая нож. – Вот мудрый-то мудрый, но иногда такой дурной... Куда же я денусь? Если понадобится, то хоть во дворец к лорге пойду, хоть к морю, хоть в пустыню. И только попробуй меня не взять!

– И что тогда? – заинтересовался Алар.

Хотелось притянуть её к себе – и поцеловать, а потом отпустить и посмотреть, как темнеют глаза и пунцовеют щёки.

Но вокруг шумел, пересмеивался, громыхал утварью табор; Рейна, сидя поодаль, на телеге, рядом с вайной, громко считала птиц в туманном небе – одна, две, три...

«Не время».

– Догоню и покажу, что почём, – мрачно откликнулась Тайра, снова присаживаясь у котла и подтыкая юбку, чтоб удобнее было тянуться за клубнями в корзину. – Эй, эй, ты чего столько счищаешь? Этак похлёбка вдвое жиже будет, если снимать столько шкурки! Иди-ка ты лучше посиди в сторонке, поразмышляй о своём, о высоком, а я тут лучше сама.

Это, конечно, был только повод, но Алар и впрямь поднялся и ушёл, на ходу оттирая руки лоскутом морт, как тряпицей. Не потому что плохо чистил клубни, нет; просто весёлый гомон табора вдруг отдалился, и стало казаться, что на них никто не смотрит, а потому нет причин не поцеловать болтливый Тайрин рот, пусть бы в шутку.

...а камешек на груди царапался сильнее прежнего, и мерещились отчего-то рыжеватые кудри и распахнутые, точно удивлённые, серо-

голубые глаза.

Искать на следующий день Телора не понадобилось.

Ранним утром, когда все завтракали у жаровен – кто привалившись к борту телеги, кто сидя на брёвнышке, а кто прямо на земле, раздался вдруг звонкий голос:

– Добрый человек, передай-ка мне травяной отвар, будь любезен!

Широкоплечий мужчина со стрелкой седины в бороде послушно вложил кружку из обожжённой глины в изящные белые ладони. Клацнули крупные зелёные бусины в браслете, смещаясь от резкого движения; упал на плечи капюшон, открывая взорам неряшливый венчик из полевых цветов на серебристых волосах... Телор перехватил кружку поудобнее, взял с тарелки у Алара надкушенную уже лепёшку с начинкой из сыра и пряностей – и когда успел уже её утащить? – и улыбнулся:

– Спасибо, добрый человек.

Тогда-то его только и заметили.

Мужчина, передавший кружку, отскочил в сторону от неожиданности и выругался. Кто-то поперхнулся глотком и пролил травяной отвар, кто-то выронил лепёшку; коротко стриженная женщина, раздававшая детям еду, отшатнулась и выхватила нож из-за голенища... Тайра тоже испугалась – расширились зрачки, тело на мгновение прошило дрожью. Однако виду не подала. Глянула надменно, дёрнула подбородком, указывая на телегу:

– Да уж не благодари, кудесник, лучше монетку потом брось в общую казну. Рано ты, мы тебя к обеду ждали.

– Может, я лепёшки люблю, – ответил Телор, продолжая улыбаться. И – и посматривать поверх чашки с отваром на табор.

– Так на обед тоже лепёшки, – фыркнула Тайра.

– Ага, те, что от завтрака остались, – поддакнул Тарри, появляясь точно из-под земли. Изрядно заспанный, но зато в синей рубахе, чёрных штанах и чёрном жилете с белой вышивкой – как нарочно принарядился. Отвесил гостю шутовской поклон; монетки на поясе звякнули. – Ну, здравствуй, важный человек! Ты по делу или потехи ради?

О киморте в зелёном плаще он уже слышал вчера – дважды, сперва от сестры, затем от самого Алара, а потому его появлению

ничуть не удивился. Остальные кьярчи, увидев, что предводитель нисколько не обеспокоен, тоже расслабились и вернулись к привычным разговорам. И лишь изредка нет-нет да и бросали на чужака взгляды искося.

Его это, впрочем, нисколько не беспокоило.

– И то, и другое, – ответил Телор, чуть сощурившись. – Зашёл за своими друзьями. Но прежде чем мы уйдём, хочу тебя расспросить. Ты ведь встречался с необычным отрядом на границе Южного и Восточного Лоргинариума, верно? Сядь-ка поближе и расскажи. И не бойся, я тебя не обижу.

Тарри округлил глаза так, словно сказать хотел: «Это кого, тебя-то, что ли, бояться?» – но, по счастью, сдержался и просто сел рядом, не погнушавшись забрать у Алара ополовиненную кружку с отваром.

История о вооружённом отряде – «все при мечях» – и без гербов на плащах Телору не понравилась. Он создал прямо в воздухе объёмное изображение Кимень-горы и окрестностей, а затем попросил точно указать, где кьярчи столкнулись с теми людьми.

– Круглое озеро – Зерцало, а вот это, серповидное – Гребешок, – чуть нахмурившись, объяснил он. Двинул пальцами – и от синего кругляша-озера потянулась вниз воронка. – Зерцало очень глубокое, дно у него и морт не нащупаешь. Там есть расщелина, она уходит аккуратно под гору. Давным-давно, ещё во времена Брайны, там добывали мирцит, но затем рудник истощился, а из расщелины полезли твари, а округу начало трясти. Кто-то считал даже, что Кимень-гора может стать огнедышащей, как эта ваша гора Анцу в Ишмирате. – Он быстро глянул на Алара. – Место пришлось запечатать и забросить: риск не стоил возможной выгоды. Я никогда не думал, что кто-то окажется настолько глуп, чтобы раскопать старый рудник, да и нет в Лоргинариуме кимортов, сведущих в горном деле, а без кимортов там так просто скалы не отомкнуть. Но если Алар не ошибся и центр землетрясения у Кимень-горы...

– Я не ошибся.

– ...значит, дела ещё хуже, чем я думал, – продолжил Телор – и бровью не повёл. – И у того, кто всё это затеял, кто стравливает наместников юга и востока, чтобы отвлечь внимание от рудника, есть свой киморт. Возможно, что и не один.

– Или эстра, – качнул головой Алар.

Телор улыбнулся ему – как показалось со стороны, немного виновато.

– Ты не суди по себе. Те эстры, кого я встречал, едва могли защитить себя от стаи диких зверей. Куда им колебать земные недра? Нет, здесь нужен киморт в расцвете сил, может, и не один, – качнул он головой. – И как я это проглядел...

– Ну, немудрено, – заметила Тайра, ни к кому не обращаясь. Закинула в рот последний кусочек лепёшки, облизнула кончики пальцев, стрельнула взглядом искоса. – Если сидеть у себя в городе за высокой стеной. Землю-то не глазами, а ногами разглядывают: кто дальше ходит, тот больше видит.

Телор на удивление ничуть не обиделся – рассмеялся даже:

– Твоя правда. Спасибо за науку. А чтоб закрепить урок – пойду, пожалуй, прогуляюсь по городу. Ногами. Осмотрюсь, так сказать... Алар, идёшь? Рейна?

«Будто у меня выбор есть».

По коже отчего-то прокатился холодок, как в предчувствии сильных перемен – или перелома.

Ульменгарм оказался большим – вдесятеро больше любого другого встреченного города – и разнообразным. Квартал у южных ворот был самым шумным, суматошным и, пожалуй, недружелюбным. Здесь располагался крупнейший рынок в столице: запутанные торговые ряды на площади, многочисленные лавки в ближайших переулках... В любом закутке, на всяком свободном пятачке непременно появлялась или телега, с которой сбывали товар бродячие торговцы, или горластый лоточник с коробом за плечами. За утро Алар успел насчитать три незнакомых табора кьярчи; у всех были одинаковые повадки, только цвета повозок и рубах отличались.

Чуть дальше виднелись чёрно-красные крыши – небогатые дома, по местным меркам, конечно, потому что в той же Бере два этажа и выше могли себе позволить только очень состоятельные горожане. А стоило пройти ещё, и начиналась настоящая роскошь: на каждой площади красовался если не фонтан, то статуя в три человеческих роста, а жилища, напоминавшие, скорее, дворцы в миниатюре, утопали в садах. У лекарского дома толпились люди: каждый десятый день бедняков тут принимали бесплатно, и многие из Туманной долины

готовы были пуститься в долгое путешествие, чтобы обрести наконец исцеление. В витрине одной из мастерских, за огромным выпуклым стеклом, стоившим целого состояния, отплясывала деревянная куколка, а вокруг огромных часов летали две луны – вместо маятника. Тут же, на площади, торчали, пронзая низкие облака, причальные мачты, и свободными оставались лишь четыре крайние, а около остальных гордо парили дирижабли.

Рейна только и делала, что вертела головой по сторонам и глядела во все глаза, такая изумлённая, что у неё даже на вопросы, кажется, не хватало ни сил, ни внимания... Алар наблюдал за девочкой с улыбкой, стараясь не замечать, как у него самого сердце сжимается, словно от тоски по чему-то очень важному, что он позабыл.

– Сто лет назад город выглядел иначе, – негромко пояснял Телор, придерживая его за локоть и мягко направляя в нужную сторону. – Больше лавок, где работали мастера; целые улицы, где жили одни иноземцы... Был даже цех кимортов, хотя так он, конечно, не назывался. Я успел пожить там с наставницей, но совсем недолго. Потом случился пожар, и часть западных окраин выгорела, огонь даже к дворцу подбирался, но его сумели остановить, пострадали только деревья на склоне. Обвинили одного киморта, который-де повздорил с тогдашним лоргой. Другие за него вступились – и отказались помогать с восстановлением сгоревших домов. Лорга этого, конечно, не забыл. Многие надеялись, что его сын что-то изменит... А он был ещё хуже. Даже пытался избавиться от изображений Брайны, но где там – многие из них можно вынести разве что с куском стены. Но время шло; лорга одряхлел, и началась «сыновья борьба» за власть – Эсхейд по малолетству выслали на север, к матери, потому она и уцелела, а вот остальные друг друга извели. И на трон сел тот, кто был хитрее и безжалостнее остальных – Захаир, внук тогдашнего лорги. Он-то и правит по сей день. Вон оттуда, – и Телор указал на чёрную громаду замка, точно парящую над городом. – К слову, о Брайне. Хочешь взглянуть на самую большую её статую? Она тут неподалёку, старая работа, ей лет этак с полтысячи, если не больше. Говорят, что тот, кто встаёт на постамент у ног Каменной Брайны, должен говорить лишь правду, а если солжёт, то его тут же пронзит меч, который она держит в правой руке.

– И потому там не протолкнуться от бродячих сказителей? – понимающе усмехнулся Алар.

– А ты смекаешь, в чём суть! – обрадовался Телор и рассмеялся. – Впрочем, ничего дурного я в том не вижу. Вчера утром я видел там музыканта-ишмиратца с семистрункой, и играл он очень славно, да и историю рассказывал интересную...

– Тогда, конечно, стоит взглянуть. Рейна, пойдём послушать сказителей?

Девочка с жаром закивала. Впрочем, она сейчас согласилась бы на что угодно, хоть гурнов чесать, хоть котлы мыть, хоть на голове стоять, если б ей сказали только, что делать это надо по-столичному.

Идти и впрямь оказалось недалеко. И если издали чудилось, будто чёрный замок лорги нависает над Ульменгармом, готовый его раздавить, то с каждым шагом всё яснее выступали из тумана очертания белой статуи с мечом в воздетой руке. Острие клинка словно бы подпирало крепостные стены, всё глубже вгрызаясь в них; а когда на миг выглянуло солнце в прогалину между облаками, то меч вспыхнул вдруг – и расколол чёрные камни.

...не по-настоящему, конечно; померещилось просто.

«Неудивительно, – подумал Алар, – что её пытались убрать».

Дома здесь были чуть попроще, чем в соседней части города, однако такие же опрятные и чистые. Чаще встречались расписные и резные ставни – с белой, зелёной, синей краской, с листовным узором и затейливой вязью по самому-самому краю. Пахло едой, в основном отчего-то хлебом, а над трубами вился дым: огонь-камни для готовки и обогрева тут, похоже, использовали реже, чем обычные печи и очаги. Улица, необычно пустынная для столицы, змеилась и изворачивалась между заборами, доверху увитыми лесным плетунном, и делалась то шире, то уже – а потом внезапно вынырнула на площадь.

И сразу стало шумно, людно, суетно – пожалуй, даже чересчур.

Не раздумывая, Алар взял Рейну за руку и подтянул к себе поближе: в такой толпе человеку со злым умыслом ничего не стоило одурманить девочку и увести прочь, в точности как на рынке. Поверх гомона, как туман по реке, стелилась песня флейты, одновременно нежная, трепещущая, словно мотылёк, и тревожная; временами от неё бросало в жар и становилось неловко, как если услышать по случайности непристойный разговор, проходя мимо открытого окна.

Телора, впрочем, ничего не беспокоило. Он протискивался вперёд, сноровисто расталкивая людей – где силой морт, а где и просто локтями; толпа расступалась, затем снова смыкалась – как ряска на поверхности лесного озера, по которому скользит лодка. Алар и Рейна попевали за ним с трудом и, наверное, именно потому сами не заметили, как выскочили к основанию статуи.

Брайна поражала воображение.

Складки каменного одеяния не были проработаны особенно тщательно, черты лица – скорее, намечены, чем высечены; что-то стёрлось от времени, что-то сгладилось – но тем явственнее становился порыв, словно движение неподвижного, словно жизнь в неживом. Тусклое солнце, проникавшее сквозь туманную дымку, окутывало статую зыбким сиянием, вспыхивая ярче на лезвии меча – и в её глазах, оттого Брайна казалась зрячей. Алар знал – об этом шептал спутник – что всё дело в небольших вкраплениях слюды в камне, однако не мог стряхнуть наваждение и отделаться от мысли, что ещё немного – и изваяние шагнёт на площадь.

– ...вот такой она была, ясноокая дева! Ничто не могло сбить её с пути! – прозвучало вдруг совсем рядом, откуда-то сверху.

В первую секунду Алар даже не понял, что это говорит обычный человек – один из тех бродячих сказителей, которые любят забраться на постамент Брайны и оттуда вести речи. Голос был по-мальчишечьи звонким, чистым; когда слышишь такой, сложно поверить, что тебе могут соврать. Сам сказитель также выглядел молодо: с ясным, простовато-одухотворённым лицом, по-птичьим круглыми глазами и смешно оттопыренными ушами. Волосы, сероватые, будто седые, топорщились во все стороны. Профиль выглядел чуть благороднее, пожалуй: нос с лёгкой горбинкой, высокий лоб... Впечатление, правда, изрядно портили шутовские ужимки, кривляние и чересчур широкие, вдохновенные жесты.

В руках у сказителя была флейта – та, что так сладостно пела чуть раньше и умолкла, когда заговорил он сам.

– Стойкость её, – продолжал тем временем сказитель, потешно вытаращивая глаза, – и Брайне бы честь сделала... Итак, три дня искушал дух ясноокою деву! Сладким вином угощал её, вёл сладкие речи – и всё попусту. Непреклонной оставалась она, и от цели своей не отступилась, ибо чистым было её сердце, и владела она великой силою

– силою морт. А на четвёртый день разразилась буря! О, скажу я вам, долго я живу, а таких бурь не видал. Почернело небо, заклубились тучи, взъярился ветер – и загрохотал гром; только что было темно, как ночью, и вдруг от молний стало светло – ох, светло...

Он снова поднёс флейту к губам – и полилась музыка, яростная, будоражащая, безжалостная. Словно вторя ей, воздух пришёл в движение, и туман полетел клочьями. Рейна зябко обхватила плечи руками, бессознательно обёртывая вокруг себя морт, да и Алару захотелось сделать то же самое – настолько уязвимым и беспомощным он ощутил себя вдруг, точь-в-точь как рыбак в шторм на утлой лодке. Музыка то становилась громче, то почти утихала, и когда она замолчала окончательно, то сердце пропустило удар.

Бродячий сказитель опустил флейту и замер на полминуты с помрачневшим лицом, глядя вниз. А когда заговорил снова, то голос его звучал тише – и тем не менее его слышали все, потому что на площади царила мёртвая тишина, и лишь усилившийся ветер громыхал флюгерами и перебирал гибкие ветви у верхушек деревьев.

– Да, страшная была буря, – повторил бродяга, посмотрев исподлобья. – И недобрые силы сотворили её. Даже дева-киморт утрастилась... Но разве есть позор в том, чтоб испытать страх? Нет, молчите вы, брюхатые смельчаки, которые дальше собственной лавки не ступали и никого, свирепей жареного поросёнка, не сражали. И вы молчите, юнцы, которым ничего не страшно – вы-то жизни пока не знаете, а потому не разумеете, чего бояться стоит, а чего – нет, и невежество вам застит глаза. А бывалые воины, или купцы, которые водят караваны далеко на юг, или женщины, которым случалось оборонять дом от хадаров, пока братьев и супруга нет рядом – те сейчас, вижу, качают головой. Ибо знают, что нет дурного в том, чтоб испугаться – дурно поддаться страху, позволить ему затуманить разум. И, хотя боялась ясноокая дева, смело вышла она против колдовской бури, зная, что иначе всех ждёт гибель. И сразилась с нею, и усмирила яростный ветер, и молнии поставила себе на службу, и тучи разметала по небу... А когда буря утихла, склонился перед ясноокой девой дух-искуситель и обещал верно служить ей отныне. Ведь путь её лежал дальше и дальше на юг, где преданные союзники – дороже воды, а вода – дороже золота...

Он снова поднёс флейту к губам, и на сей раз мелодия напомнила заунывный шелест песка, который ветер выдувает из древних развалин, обнажая камень, белый, как кость.

– Идём, – тихо позвал Телор, накинув капюшон и сделав шаг от статуи. – Это «сказание о деяниях», вид песни. Иногда часть истории – правда, и тогда послушать бывает любопытно, однако, похоже, не сейчас.

Сказитель, который до сих пор играл на флейте с закрытыми глазами, вдруг быстро глянул в их сторону.

«Померещилось?»

Впрочем, Алар тоже не прочь был уйти, хотя история ему нравилась: уж больно яркие чувства вызывала музыка, сродни наваждению. Потому он осторожно взял замороженную Рейну за руку и потянул за собой, намереваясь увести прочь.

И тут сказитель заговорил снова:

– Да, путь ясноокой девы лежал далеко на юг, в город Дабур.

Телор застыл, как громом поражённый.

– И не знала она ещё, что там, за высокими стенами, ждут её алчные работорговцы, которые научились пленять кимортов, и неведомая хворь, что косит и правых, и виноватых. Хворь, ниспосланная в наказание за гибель двух невинных отроков-кимортов... Вот только тот, кто её наслал, не ведал, что отроки эти живы и страшные муки претерпевают в плену, ожидая спасения. Истинно так всё было, и пусть Брайна поразит меня мечом, если я солгал! А теперь, почтенные, отсыпьте монет, кто сколько сможет, чтобы я промочил горло и вечером бы рассказал вам, чем кончилась история... Ох, спасибо, добрая госпожа, как щедро! И тебе спасибо, доблестный воин! Сразу видно, вы – люди добрые, страждущего голодным не оставите.

Он ловко пробежался по первым рядам слушателей с мешочком – знай себе монеты звякали – и, затесавшись в толпу, исчез. Телор бросился было за ним следом, но куда там! Сказитель оказался ещё ловчее его, умудряясь затеряться среди людей без всякой мот.

– За ним, – сказал Телор, нахмурившись, и вытянул из-за шиворота кристалл с вплавленным в него мирцитом, поисковый маятник. – Он что-то знает... он там был!

И – ринулся следом за беглецом.

Безуспешно.

Сказитель точно дразнил их. Его лохматая нелепая голова мелькала то там, то здесь; кажется, что вот-вот получится догнать, но то пройдёт наискосок угрюмый носильщик с ящиком на плече и заслонит цель, то бросится под ноги ребёнок, то залает вдруг собака – и откуда ей взяться на площади?.. Когда Телор, изрядно взмокший, сумел выдраться наконец из толпы и выскочить на свободный пяточок, то сказитель обнаружился тут же, рядышком, в начале длинной извилистой улочки, уходящей в северную часть столицы. Он постоял немного на месте, таращась в туманное небо, заткнул флейту за пояс – и двинулся дальше; вроде бы шёл небыстро, однако догнать его никак не получалось.

– Может, поймать его? – спросила наконец запыхавшаяся Рейна, многозначительно отвяжав с пояса свою «морт-верёвку», как прозвала её Тайра. – Вот ведь приткий! Уф...

– Не стоит, – ответил Алар сдержанно и покосился на Телора: оба они уже не по одному разу испытали удачу, пробуя спеленать или хотя бы задержать беглеца морт, но всякий раз что-то отвлекало. – Мы же не варвары какие-то.

– Только варвары бездумно тянутся к тому, о чём ни малейшего представления не имеют, – сквозь зубы развил мысль Телор, которому явно хотелось сказать что-то менее витиеватое и более грубое. – Вот же паршивец! Куда он... А, вижу!

Сказитель с флейтой, исчезнувший было из виду, обнаружился за поворотом, на дальнем краю маленькой площади, грязноватой и немощёной даже, зато с покосившимся колодцем. Постоял у порога питейного заведения, весьма сомнительного с виду... и юркнул внутрь.

«Сочувствую хозяину, – подумал Алар, – если нашего беглеца внутри не окажется».

Телор, судя по стиснутым челюстям, размышлял о чём-то подобном.

По счастью, сказитель обнаружился за общим столом, на длинной, до каменной твёрдости и блеска отполированной скамье, которую он оседлал верхом, как гурна. Он ворчливо выговаривал что-то подавальщику, мужчине неряшливому, тощему и донельзя

подозрительному, достоинство у которого было ровно одно: котелок с гуляшом, который тот держал обеими руками.

– ...не прошу я у тебя в долг, дурень ты этакий, но и платить вперёд за вонючее варево, которое за еду можно было счесть разве что три дня назад, не стану! – донеслось до Алара.

– Не хочешь – не плати, и-ихь! – присвистнул в ответ щербатый подавальщик насмешливо. – Иди отсюда, вона какой переборчивый!

– А что же сразу переборчивый, если помои лакать не хочу, как пёс? Видел я, как тебе занесли птицу, вот если б её ощипать да с кашей потушить...

– Куда тебе, окаянному, целую птицу, если по дрянному твоему платью видать, что денег ты и издали не видал?

– Да как не видал, если полный кошель звенит!

– А если звенит, так плати вперёд!

– Дичи с кашей на четверых... на пятерых и попить чего-нибудь, только не хмельного, – прекратил спор Телор, бросая на стол монету. Серебряный кругляшок завертелся, подскакивая; подавальщик с неожиданной ловкостью подхватил монетку, прижимая котелок к груди одной рукой, и услужливо закивал. – Чтоб всё было чисто и быстро и рожу твою поганую мы даже издали не видели. Ясно?

– Ясно, добрый господин, дочку пошлю! – осклабился тот и бочком, бочком отступил, а затем нырнул за неприметную дверцу, ведущую, вероятно, к кухне.

Рейна уже успела сесть на лавку, разругавшаяся и изрядно притомившаяся после бегства. Сказитель её не пугал, а обстановка не удивляла – и немудрено, после всех столичных чудес; пожалуй, для радости ей довольно было уже и того, что им удалось-таки догнать беглеца.

А вот Телор ни довольным, ни радостным назвать бы не получилось.

– Откуда ты знаешь про Дабур? – с ходу спросил он, усаживаясь напротив сказителя.

Тот и бровью не повёл.

– А ты, никак, хочешь бесплатно дослушать мою историю, да ещё раньше всех? – откликнулся он препротивным голосом; глаза у него, впрочем, смеялись. – Ишь какой пронырливый.

Судя по румянцу на скулах, Телор готов был вот-вот взорваться, и Алар поспешил также сесть за стол и ответить дружелюбно:

– Отчего же бесплатно? Этот добрый господин готов и обедом тебя угостить, а потом и вознаградить по справедливости. Спешить, впрочем, ни к чему, – добавил он мягко, бросив на Телора предупреждающий взгляд искоса. – Скажи сперва, как тебя зовут. Я вот, к слову, Алар, эстра без рода, без дома, а это ученица моя, Рейна. Чем-то мы с тобой похожи: я бродяга и ты бродяга.

Сказитель обернулся, и уголки губ у него дрогнули, опускаясь вниз, словно при виде чего-то необычайно печального; смотрел он будто бы не на самого Алара, а поверх его плеча, точно мог углядеть зависшую там звезду спутника, тревожно пульсирующую.

– Да, – произнёс он рассеянно. – И впрямь, двум скитальцам лучше вместе держаться и помогать друг другу. Меня зовут Сэрим.

– Телор, – нехотя представился киморт, но капюшон так и не скинул. – Я... я с дальнего севера.

На сказителя имя не произвело, кажется, ровным счётом никакого впечатления.

– И что же вам надо, Телор с севера и Алар-бродяга, от скромного рассказчика и музыканта? – спросил он, чуть прищурившись, и пальцы его легли на флейту, заткнутую за пояс, как могли бы лечь на рукоять меча.

Телор явно хотел сказать что-то столь же резкое, что и раньше, но Алар успел пихнуть его ногой под столом и ответил сам:

– Скрывать не буду, история твоя понравилась. О ком она? Что за ясноокая дева-киморт?

Выражение лица у Сэрима стало лукавым.

– Да есть одна странница, весь юг всколыхнула тут... неужто не слышали?

– Так где юг и где мы, – резонно ответил Алар. Телор уже и не пытался вмешиваться в беседу, только вслушивался настороженно и жадно. – Звучит так, словно ты её подвиги видел своими глазами. Твоя приятельница, что ли?

– Ну, а если и так?

Вдали, на кухне, за стеной, что-то грохнуло, и знакомый уже писклявый мужской голос разразился бранью; послышался женский

плач. Рейна вздрогнула и завозилась на месте, явно забеспокоившись впервые с тех пор, как переступила порог питейного дома.

– И не совестно тебе перевернуть её слова и дела? – мягко укорил сказителя Алар, стараясь не думать о том, что если на кухне уронили горшок с кашей и птицей, то обеда не видать – или видать, но явно порченного, с глиняными черепками вприкуску. – Как-то не приятельски.

– Нет такого закона, чтоб нельзя было наживаться на своих друзьях, воспевая их славу! – возмутился Сэрим вполне искренне. И добавил, уже куда добрее, чем прежде: – Но историю досказать не проси, приходи лучше к вечеру на площадь и слушай там, вот тебе моё последнее слово. За угощение, впрочем, спасибо, не откажусь...

Телор молча развязал тесёмки кошель и выложил на стол по очереди три монеты.

Сэрим фыркнул презрительно.

Звякнула четвёртая монета.

Сэрим поджал губы и качнул головой.

И тут Рейна, которой, кажется, здесь совсем разонравилось, подалась вперёд, облакачиваясь на столешницу, и жалобно протянула:

– Ну, пожалуйста, расскажи! Очень дослушать хочется.

И уставилась на него в упор.

Сэрим охнул, крикнул, почесал в затылке – и, махнув рукой, принялся говорить... А серебряные монеты незаметно пропали, точно просочились сквозь стол или растворились в воздухе.

Без благодарной публики история растеряла половину живописных оборотов и философских отступлений, зато обрела детали – и имена. Только героиня, учёная-киморт, оставалась безымянной «ясноокой девой», остальных Сэрим называл, не стесняясь. И главу совета в Дабуре, Абира-Шалима арх Астара, который сперва извёл всех свободных мастеров города, заменив их рабами, а затем повадился одурманивать и продавать и странствующих кимортов. И сообщника его, караванщика Халиля-Утара арх Ташира, который упивался своей властью и не стеснялся калечить пленников, чтобы вселить в них страх. И михрани, правительницу Кашима, закрывавшую глаза на торговлю кимортами, покуда ей поставляли достаточно морт-клинков, чтоб держать в повиновении сыновей... Телор слушал внимательно и запоминал – а ещё, судя по

оледеневшему от гнева лицу, изобретал особенную кару для каждого из злодеев и неизменно разочаровывался, когда их настигало чьё-то ещё возмездие.

Алара же больше интересовало другое.

Обычные люди из Дабура, дважды оказавшиеся в ловушке: сперва под пятой тирана-самодура, а затем в горниле страшной эпидемии, насланной кимортом; рабы, которых перевозили тем же караваном, что и пленённую «ясноокою деву», и которых уж точно бы никто не стал спасать – или мстить за них... Думал он и о деве-учёной: что она чувствовала, когда её предали сразу после того, как она спасла город? Откуда взялись у неё силы и упрямство, чтоб обхитрить караванщика и сбежать? О чём она размышляла, скитаясь по пустыне, и позже, в Кашиме, встретив своего мучителя?..

Рейну, как водится, тоже беспокоило что-то своё.

– Сэрим, Сэрим, скажи, – потянула она сказителя за краешек потрёпанной хисты. – Скажи только сразу, их спасут ведь?

– Кого? – Он, кажется, смутился.

– Тех кимортов, которых, ну, – Рейна потупилась, а потом и вовсе отвернулась, – которых злые люди украли... Работорговцы.

В этот миг Алар понял – и у него перехватило дыхание.

«Так она себя представляет на их месте».

И немудрено: для сообразительной девочки не составило труда догадаться, выслушав рассказ, для чего её в своё время одурманили дружинники и куда собирались передать дальше. Сэрим не знал о её злоключениях – но, кажется, многое понимал тоже.

– Спасут, – уверенно сказал он. – О том-то и повесть, разве нет? Что однажды всё будет хорошо.

Рейна улыбнулась, кивнула – и покрепче прижала к груди моток морт-верёвки, как иные дети обнимают любимые игрушки.

...А между тем рассказ затянулся. Настолько, что явилась наконец подавальщица и принесла большой котелок каши с птичьим мясом – недурной, к слову, сытной. Пришлось ненадолго прерваться, чтобы потом продолжить историю уже за чашкой ароматного травяного настоя со сладкими ягодами. Впрочем, до финала Сэрим не дошёл, даже когда солнце начало клониться к горизонту; а когда начало темнеть, спохватился:

– Ох, я ж обещал песню на площади закончить! Нехорошо людей обманывать. Если нынче не приду, то в следующий раз мне разве что палками по спине заплатят, – вскочил он с лавки, закинул суму на плечо и махнул рукой. – Завтра к полудню приходите снова к Брайне, я дорасскажу! Не обману, честное слово!

Дверь хлопнула – а его и след уже простыл.

Телор подхватился было за ним, но Алар остановил его:

– Не стоит, сядь.

– Почему? – голос у киморта дрожал от нетерпения.

Алар посмотрел в ту сторону, где исчез сказитель. По морт расходились круги, словно от камня, брошенного в воду – и только.

Самого камня было не видеть.

– Всё равно не догонишь, – ответил он наконец. Сэрим казался ему смутно знакомым, но при попытке вспомнить его звезда спутника начинала протестующе вибрировать, а во рту появлялся привкус железа. – Не знаю, кто этот сказитель на самом деле, но он отнюдь не прост... И что-то мне подсказывает, что обманывать он и впрямь не станет. Если сказал, что продолжит завтра – значит, так и будет.

– Предполагаешь? – Телор с подозрением сощурился.

– Уверен, – твёрдо сказал Алар.

И ошибся.

Сэрим отыскал их ранним утром, сразу после рассвета, когда они завтракали вместе с табором. Ворвался на стоянку, безошибочно их нашёл – и с ходу отвесил Телору поклон:

– Не думал, что дело этим обернётся и придётся просить тебя о помощи... Не откажи!

Волосы у него выглядели ещё более растрёпанными, чем накануне, серая хиста запачкалась, точно ей улицу подметали – и лишь флейта, заткнутая за пояс, ярко сияла, точно испускала свет сама по себе, а не отражала скупое солнце.

– В чём не отказать? – спросил Телор, скрещивая руки на груди.

Со вчерашнего дня он порядком успокоился – похоже, что обдумал услышанное и что-то решил – и уже не так изводился от нетерпения. А ещё – явно счёл долговязого Сэрима достаточно полезным, чтобы не припоминать ему все дерзости, а делать вид, что позабыл их.

Хотя киморты, конечно, ничего не забывают.

– Нужно во дворец к лорге, – выпрямился сказитель. Взгляд у него, против ожидания, был не отчаянный или потерянный, а уверенный и спокойный. – Та ясноокая дева из рассказа... она ведь правда нашла кимортов, проданных в рабство, спасла их и вернула на север, в родные края. И Лиуру... и сестру его, Онор.

Два имени – и точно два удара под дых; Телор встал, едва не опрокинув стакан с травяным чаем, и неосознанно прижал к губам пальцы:

– Что?..

– Она их спасла, – повторил Сэрим упрямо, глядя на него в упор. – А теперь их всех по ложному обвинению вызвали в суд... по обвинению человека, которого мы видели в доме Радхаба – того Радхаба, который полтора года владел Лиурой и Онор, истязал их и мучал. Ты вчера хотел узнать, кто из северян знается с работорговцами? Вот и возможность подвернулась. Посмотришь в его бесстыжие глаза, а заодно учеников своих поприветствуешь – и обнимешь, если они позволят, конечно. Ну как, выручишь мою ясноокую деву, Телор с Севера, Погибель Дабура?

Он ответил не сразу. Выдохнул тихо, сжимая кулаки; зажмурился. Морт заклубилась вокруг него, словно грозовые тучи – нет, не грозовые, снеговые, холодные, смертоносные... а затем схлынула, и запахло вдруг молодой травой и робкими лесными цветами.

– Имя назови, – тихо попросил он.

– Кого, купца того? Ну...

– Нет, – прервал сказителя Телор. – Её. Девы-киморта, которой я, если тебе верить, должен теперь даже больше, чем жизнь.

– Это легко. – Сэрим усмехнулся. – Фогарта Сой-рон.

– Я запомню, – пообещал Телор.

...А Алар застыл, комкая рубаху на груди, потому что вдруг стало невозможно дышать.

«Я её знал», – понял он.

А ещё – что спутник никогда, ни за что не позволит ему её вспомнить.

Телор хоть и выглядел порывистым, но в омут с головой бросаться не спешил. Первое, что он сделал – неторопливо допил травяной чай. Перевернул пиалу вверх тормашками и отстранённо постучал

пальцами по доньшку; затем тихо приказал кьярчи, которые сновали поблизости, делая вид, что заняты какой-то работой и совсем не подслушивают:

– Ну-ка, отойдите пока. Для вашей же пользы, – и обернулся к Сэриму. – А теперь расскажи, что мне ещё стоит услышать. Что за купец? Почему судить будет сам лорга?

– Откуда же простому бродяге знать, что у самого государя на уме? – поддельно удивился тот. И улыбнулся плутовато. – Впрочем, кое-какие соображения имеются...

Рейна собралась было уйти подальше вместе с людьми из табора, но Алар её остановил и заставил присесть рядом с ним, заметив:

– Привыкай вникать и делать выводы. Это в деревне тебя за ребёнка держали – и зря. Ты киморт; в твоих руках – большая сила и власть. Будешь наивной, станешь закрывать глаза на интриги и хитрости – и непременно найдётся человек, который использует твою силу во зло.

Сэрим, услышав это, коротко усмехнулся – и одобрительно кивнул.

По его словам выходило, что купец по имени Дурген, известный благодетель, не просто так обратился к лорге за помощью в разрешении спора. Торговые караваны шли из Ульменгарма в Ашраб и обратно; туда купец отправлял зерно и иные припасы, а получал драгоценные камни и мирцит для мастеров. Вот только ходили упорные слухи, что на повозках, где везли скотину, попадались иногда клетки, закрытые со всех сторон тёмной тканью, и охраняли их столичные дружинники. Купец часто захаживал во дворец; кроме того, он один поставлял к государеву столу раймовое вино из некой дальней деревни и пряности из Ишмирата. Милостями его осыпали сверх всякой меры, а если и случалось кому-то из торговцев пожаловаться на несправедливость, то вскоре они отказывались от своих слов – или спешно покидали столицу.

Какие бы делишки Дурген ни проворачивал, лорга явно был о них осведомлён – и одобрял их.

– Это лишь предположение, – заключил Сэрим осторожно, поглядывая то на одного, то на другого собеседника. – В конце концов, я ведь просто бродяга, где мне судить о важном и высоком? Но одно

могу сказать точно: не за справедливостью звали Фогарту во дворец. Ей готовят ловушку, а вот какую... Что может киморту навредить?

– Дурман, – не раздумывая, ответил Телор. Лицо у него было точно изо льда высечено – светлое и холодное, и ни одна чёрточка не двигалась. – Морт-мечи, если их больше дюжины... Или другой киморт. Что же, самое необходимое я узнал – так не будем же медлить. Нанесём лорге Захаиру визит со всем почтением; не терпится узнать, как он скривит рожу, когда меня увидит.

Покидая стоянку табора, он отозвал в сторону Тарри и посоветовал ему подготовиться к скорому отъезду – на всякий случай. Тайра, как ни рвалась во дворец с Аларом, в итоге осталась с братом – помогать в сборах.

– Не знаю, как суд пройдёт, но добра ждать не приходится. Вот вам монетка; если она почернеет – тотчас же выезжайте из города через южные ворота и по старому тракту, мимо дерева с обугленной вершиной, отправляйтесь вдоль крепостной стены к северу через восток, – сказал Телор на прощание. – Через час пешего ходу увидите по правой стороне большой куст в человеческий рост, сплошь в розовых цветах. Ступайте прямо сквозь него – и дальше до округлой поляны с тремя старыми кострищами. Если там будут всадники в белых плащах с эмблемой зелёной ветви, дружина Эсхейд, скажите, что это я вас отправил туда на постой... И не медлите слишком. Здешняя стража умнее, чем кажется; а после того, что сегодня на суде будет, в покое вас не оставят.

– А что будет-то там, кудесник? – крикнул ему вслед Тарри.

– Вот придём и узнаем, – махнул рукой Телор, не оборачиваясь. – Но Аю-Насмешника мы повеселим изрядно, клянусь.

Табор ответил ему одобрительными возгласами: уж что-что, а суматоху и шумиху кьярчи любили не меньше, чем их незлой проказливый бог.

Всю дорогу до замка Алар крепко держал Рейну за руку и объяснял, как себя вести при дворе у лорги, что говорить и о чём молчать. Больше отвлекал от переживаний, чем учил, по правде говоря; да и у него самого сердце было не на месте – и то начинало биться втрое быстрее, то замирало. Спутник тоже беспокойно метался над плечом, точно был не всемогущим вместилищем силы и памяти трёхсотлетнего киморта, а встревоженной птицей; наконец Алару

настолько опостылел постоянный привкус крови во рту и дурнота, что он сунул спутника в меч.

«Надеюсь, – пронеслась мысль, – что хоть несколько часов он там пробудет».

Удерживать его внутри клинка в последнее время стало гораздо легче – и, сказать по правде, жизнь это изрядно упрощало.

Примерно на полпути Телор извлёк из поясного кошелька крохотную глиняную свистульку и дунул. Вроде бы ничего и не произошло, но почти у самых ворот замка послышался вдруг топот копыт позади – и вылетела из-за поворота дюжина всадников и всадниц. Гурны у них были высокие, мощные, серебристо-серой расцветки, а плащи – белые, с изображением зелёной ветви, заключённой в кольцо.

«Дружина Эсхейд, – догадался Алар. – Или, верней, её часть».

– Моя охрана, – подтвердил Телор его догадку, обменявшись с командиром отряда короткими приветствиями. – Эсхейд считает, что одному мне ходить не стоит – время тревожное... В другой раз я бы поспорил, но сейчас и впрямь ни один клинок лишним не будет. Если что лорга и уважает даже у своих врагов, так это силу.

Мечи и кинжалы у всадников в белых плащах оказались куда лучше тех, какими была вооружена городская стража: работа взрослого киморта, а не ученика или вовсе простого мастера. А потому даже дюжина воинов стала бы грозной силой – или, по крайней мере, причиной, чтобы Телора побоялись атаковать в спину. Двоих он оставил за стенами замка, в древней роще, помнившей, быть может, саму Брайну – сторожить гурнов; остальные вошли вместе с ним через главные ворота. Стражникам это не понравилось, но ещё меньше понравились им слова, брошенные через плечо:

– Лорге обо мне не докладывать. Я сам о себе доложу.

– Что, и впрямь ничего не скажут? – спросил Алар шёпотом, когда отряд миновал вторые ворота и оказался под сводами замка.

– А отчего, думаешь, Захаир меня так не любит? – усмехнулся Телор, и белые зубы влажно блеснули в полумраке. Но улыбка исчезла без следа едва ли не быстрее, чем появилась, и бледное прекрасное лицо снова стало холодным и отстранённым, как маска изо льда. – Идём-ка левее. Я знаю, как срезать путь, и что-то подсказывает, что

лучше бы поспешить. Чуешь, какая морт вокруг? Кипит, как смола в котле.

Дышать в замке и впрямь было тяжело. И не столько из-за спёртого воздуха, запаха старости и неубранной казармы, сколько из-за силы, собравшейся в одном месте. Морт уплотнилась настолько, что стала похожа на густое масло, вязкое – и жгучее, потому что наполняла его чужая воля, гнев и отчаяние... И это был ещё не предел, ведь вверх, к небу, тянулась огромная воронка, видимая даже сквозь перекрытия и стены.

«Не хотел бы я стать врагом киморту, способному на такое, – подумал Алар, невольно сжимая руку Рейны покрепче. – Да и найдётся ли кто-то достаточно безрассудный, чтоб с ним враждовать?»

Телор, вероятно, тоже чувствовал нечто подобное, потому что обернул вокруг себя морт, как плащ. Повеяло холодом, как с ледника, цветами и листвой – но этот слабый аромат почти тонул в раскалённой, яростной силе, разлитой вокруг. Даже обычные люди ощущали её отзвуки: моргали замедленно, как в полусне; чаще сглаживали вязкую слюну; неосознанно ощупывали грудь, точно пытаюсь унять сердцебиение сквозь рёбра.

Зал, где проходил суд, оказался в дальней части замка, у внешней стены. Двери охраняли с полдюжины дружинников; один из них выступил вперёд, поднимая руку в знак мира:

– Государь наш, лорга Захаир, не может сейчас принять тебя, кудесник. Прошу, прояви терпение и позволь отвести тебя туда, где ожидание не покажется столь обременительным, как здесь, посреди сквозняков и коптящих ламп.

Губы у него немного подрагивали – видимо, о дурном характере киморта из Хродды он знал не понаслышке.

– Благодарю за заботу, но останусь, пожалуй, здесь, – ответил Телор, чуть изогнув губы в намёке на улыбку. – Во-первых, сквозняки этому месту лишь во благо... А во-вторых, я пришёл сегодня не к твоему государю.

Он шевельнул пальцами, словно отталкивая что-то от себя – и морт, наполненная лесной прохладой, хлынула, обтекая стражу, расплескалась по арочным створкам тяжёлых дверей, по грубой старинной кладке стен; и там, где она касалась дерева или камня, те становились прозрачными, как лучшее ишмиратское стекло.

Стража, как по команде, подалась в стороны – стоять на пути у киморта не хотел никто.

– Что ж, посмотрим на справедливый суд, – произнёс Телор, скрестив руки на груди. И добавил с прищуром: – Сколько лет живу, а справедливость в таких местах мне видеть ещё не приходилось. Может, сегодня повезёт... вот только не верится что-то.

Он как в воду глядел.

В самом зале дружинников хватало, но даже больше их было в тайных галереях, опоясывающих его: оттого-то, видно, лорга и выбрал именно это место. Многие были вооружены не морт-мечами, а стреломётами – вполне обычными, зато от болтов веяло жутковатой смертоносной силой. У воздухопроводов под самым потолком, в скрытых нишах, затаились люди с курильницами наготове – и не было сомнений в том, что внутри не обычные благовония, а дурман.

«В обычное время его заметить легко, если знать, чего опасаться, – подумал Алар. – Но в бою, пожалуй, можно и пропустить угрозу».

Ему стало не по себе.

А потом Телор сделал что-то ещё, и звуки, доносившиеся из зала, стали громче.

– ...в Шимру я не вернусь, – раздался женский голос, чистый и звонкий, как металл.

Говорила молодая женщина в бирюзовой хисте, среднего роста, очень стройная, почти хрупкая, с рыжеватыми локонами. За плечом у неё стоял черноволосый красавец, в котором Алар тотчас же узнал давешнего проходимца, заслужившего уважение Тайры. Он придерживал женщину в бирюзовом за плечо и шептал ей что-то на ухо, а она смотрела, не отрываясь, на седовласого мужчину в богатых ишмиратских одеяниях, который стоял справа от лорги.

– Тоже киморт, – прошептал Телор, отступая на полшага. – Да, прав был бродяга, без моей помощи тут не обойтись... Эй, эстра, – обернулся он к Алару. – Умеешь говорить людям такое, от чего уши заткнуть хочется?

– Ну, наука это нехитрая...

– Раз так, то будь наготове, – предупредил он без улыбки и устремил взгляд к тёмной фигуре, скрючившейся на троне в глубине

зала. – Я пойду первым, а как понадобится, позову и тебя. Врагов наживать ты тоже не боишься, полагаю?

В зале седовласый киморт из Ишмирата насмеялся и зубоскалил, втайне готовясь к атаке; слова его разили, как стрелы, жгли, как злая пустынная трава, что растёт в заброшенных оазисах. Каждый его выпад против женщины в бирюзовом попадал в цель... а один задел и Алара.

– ...может, и найдётся киморт-наставник, который признает тебя готовой завершить обучение. Может, и сам Алаойш Та-ци вернётся по такому случаю, чтобы эти слова подтвердить.

«Он меня встречал раньше».

Осознание захлестнуло волной, оглушило, ослепило на мгновение. Всё отодвинулось, стало неважным – и суд, и замок, и земли вокруг, где кимортов почти извели за минувшие годы, и работорговля, и опасности. Зато прошлое приблизилось; из чего-то необратимо утерянного, начисто позабытого оно обернулось вдруг размытым силуэтом за бумажной ширмой – протяни руку и коснёшься. Странник завозился, задрезжал в клинке, пытаюсь вырваться, а затем снова притих. Во рту пересохло; пальцы конвульсивно сжались – и Рейна вскрикнула тихонько, пытаюсь высвободить руку.

«Я должен сосредоточиться. Нельзя давать волю чувствам».

Преодолевая мучительное головокружение, он медленно обернулся в поисках поддержки – и наткнулся взглядом на Сэрима, настороженно замершего с флейтой в руке, словно готового сейчас прямо сыграть. Осторожно развернув Рейну, Алар подтолкнул её к сказителю и попросил:

– Присмотри за ней, пока я буду в зале.

– Ступай спокойно, с её головы ни один волос не упадёт, – пообещал Сэрим ворчливо, удерживая девочку за плечо, чтоб та не ринулась следом за учителем. – Кроме тех, что она сама выдернет, пока будет за тебя переживать. Придумал уже, что станешь говорить?

– Там соображу, – отмахнулся Алар и перехватил поудобнее посох эстры с красной лентой наверху. Потом улыбнулся – для Рейны, чтоб та не волновалась так. – Чаще всего и выдумывать ничего не надо, достаточно правду сказать.

– И то верно, – кивнул Сэрим. И вытянул шею, потешно выворачивая голову боком к распахнутым дверям, чтоб слышать

лучше. – О, зовут тебя! Ну, ступай – и не переусердствуй там.

«Ну что же, пора».

Самым трудным стало пройти по залу, не глядя ни на женщину в бирюзовом, ни на дверь, за которой скрылся седовласый мужчина в ишмирятских одеждах... Телор стоял чуть поодаль, и лицо его было растерянным, счастливым и преисполненным вины одновременно. Он обнимал двух молодых светловолосых кимортов, юношу и девушку; справа – может, за большим сундуком – тихо ворчал-всхлипывал младенец, словно готовясь разразиться бурным плачем, и кто-то баюкал его, мешая лорги и пустынное наречие. А впереди, на помосте, застеленном шкурами, на потемневшем от времени деревянном троне восседал старик в багряных одеждах, в золотом венце, с ног до головы увешанный морт-оружием, и глядел исподлобья, а глаза у него пылали от ярости, как уголья.

Это и был лорга Захаир, государь Лоргинариума.

«Одно хорошо, – подумал Алар, останавливаясь аккуратно напротив него. – Такого разозлить или уязвить – много труда не нужно».

– Я странник-эстра, – произнёс он спокойно, с лёгкой улыбкой на устах – и внимательно отслеживая, как откликнутся его слова, какое эхо породят. – Путешествую от поселения к поселению по воле морт. Со мной ученица, девочка по имени Рейна, киморт. Иногда, отлучаясь по делам, я оставляю её на попечение женщины – травницы и проводницы в горах. И близ славного города Свенна, на ярмарке, при всём честном народе, Рейну похитили.

Лорга, впрочем, удивлён не был, точно уже знал об этом; скорее уж, у него на лице промелькнула досада, и губы брезгливо поджалась на мгновение.

«Что ж, тогда жалеть его не буду – заодно и узнаю наверняка, не он ли за всем стоит».

– Рейну ударили дубинкой по затылку, – продолжил Алар негромко, постепенно повышая голос. – А после оглушили дурманном зельем и сунули в клетку наподобие звериной; ни прятаться, ни скрываться не стали, словно по праву действовали, по закону... И немудрено: ведь были это славные воины из двенадцатой дружины Ульменгарма, – произнёс он громко и чётко. И добавил, качнув посохом эстры и положив руку на эфес меча в жесте недвусмысленной угрозы: – Из твоей дружины, добрый государь.

И лорга испугался – на один миг, но этого хватило, чтоб подтвердить догадки.

А затем – разгневался так, как могут лишь неправые, злоумышляющие и те, у кого совесть нечиста.

– Все вон, – приказал он придушенным голосом, чуть привставая на троне.

Пальцы его, вцепившиеся в подлокотник, мелко подёргивались от напряжения.

Зеваки, столпившиеся у стен, ринулись к выходу так быстро, что, кажется, пол задрожал, а гобелены на стенах заколебались, как от сквозняка. Одни причитали, другие бранились, третьи сетовали на судьбу, а дружинники, привычные, видно, к переменчивому нраву своего господина, подгоняли и первых, и вторых, и третьих. Приблизиться к Алару они, впрочем, опасались.

«Зря, – подумал он. – Не меня стоит бояться, а её. Вот уж где сила...»

И – обернулся наконец к незнакомке в бирюзовых одеждах.

...она оказалась куда более юной, чем померещилось издали из-за её подавляющей мощи. Лет двадцать, вряд ли больше; узкие плечи, хрупкое сложение – фигура подростка, а не зрелой женщины.

– И впрямь, ясноокая дева, – почти беззвучно шепнул Алар. Звон в ушах нарастал; пальцы, прикасавшиеся к рукояти меча, жгло как огнём, а сердце в груди с трудом ворочалось. – И как на неё такую рука-то поднялась?..

Особенно выделялись на нежном лице глаза – светлые, скорей, голубые, чем серые, и взгляд был обманчиво наивным и уязвимым. На носу и щеках виднелась россыпь бледных веснушек; рыжеватые волосы беспорядочно вились и казались спутанными... а ещё у неё тряслись губы, как бывает у очень смелых и стойких девочек за мгновение до того, как они расплачутся.

«Не плачь, – хотел сказать Алар. – Скажи, кто обидел тебя, и я...»

И даже шагнул к ней, точнее, попытался – а затем едва не согнулся пополам, как от резкого удара в живот, тяжело дыша и ощущая сильный привкус крови во рту. Спутник вырвался из меча, гневно трепеща – и начал расти, расти, расти, заполняя собой всё пространство, заслоня лоргу, и шпалеры у него за спиной, и

сводчатые потолки. Голова закружилась так, что не понять уже было, где верх, где низ...

Но потом всё внезапно закончилось.

Спутник снова был в мече; рядом стоял Сэрим, круглоглазый и нелепый, и встревоженно заглядывал к нему в лицо.

– Ты в порядке, приятель? – спросил он. И не дожидаясь ответа, подхватил его под локоть и потащил прочь. – Ай, без разницы уже! Идём, идём. Свалились на мою голову, дети малые, всему-то вас учить...

Кое-как они сумели покинуть замок, не встретив сопротивления. Возможно, потому что воины лорги слишком опасались Телора; или потому, что дружинники Эсхейд в белых плащах не позволяли никому приблизиться; или, быть может, всякое живое существо ощущало вихри дикой, необузданной морт, которые закручивались вокруг ясноокой девы в бирюзовых одеждах... Так или иначе, вскоре отряд миновал вторые ворота и вошёл в рощу, очень древнюю – и, без сомнения, повидавшую многое.

Алар к тому времени успел немного совладать с собой – и даже почувствовать укол совести за то, что даже не вспомнил о Рейне за последние минуты. Девочка, впрочем, нисколько не страдала и на удивление успела завести дружбу с рыжим северянином в пустынных одеждах, нянчившим младенца.

– Ну что, вошёл в ум? – ворчливо поинтересовался Сэрим, неожиданно возникая рядом. В руках у него была флейта, ярко блестящая, хотя солнце уже скрылось. – Да, беда с тобой... И мне возиться недосуг. Впрочем, – оживился он, – есть у меня приятель, тоже бродячий сказитель. Он, э-э, об эстрах многое знает, может, подскажет тебе чего. Как, свести вас? Он нынче в городе, только вчера его видал.

– Сведи, – согласился Алар, толком его и не слушая. Всё его внимание было сосредоточено на деве в бирюзовой хисте, а силы уходили на то, чтоб не смотреть слишком пристально – и чтоб не спросить в лицо, были ли они знакомы прежде. – Что хочешь, то и делай... Мы надолго здесь? Я б... я б передохнул, а то дурно что-то.

«А если спрошу, а она не ответит? – думал он. – Она ведь если и знала, то его, Алойша Та-ци. Которого нынче нет; и не будет никогда уже, нет возврата к прошлому. Так к чему беречь раны?..»

Сэрим глянул на него – и аж скривился:

– Да уж, дурной ты, иначе и не скажешь. Ну, в таких делах я тебе не советчик. Пойду, что ли, полезным чем-то займусь, за детьми пригляжу хоть, а то Иаллам, бедняга, от такого количества прекрасных юных дев того и гляди повесится. Привалило же счастья, эх...

Однако ни отдохнуть, ни даже выдохнуть не получилось.

– Значит, Алар?

Вопрос прозвучал с вызовом, дерзко, однако та, что его задала, выглядела так, словно вот-вот зарыдает.

«Ясноокая дева... Дева-беда».

– Да. Так меня теперь зовут, – ответил Алар, стараясь не обращать внимания ни на резкий укол боли, ни на вновь навалившуюся дурноту.

Лицо у девы исказилось от отчаяния, на ресницах – длинных-длинных – задрожали слёзы, однако говорила она ровно, не запинаясь.

– Красивое имя. «Любимый»?

– «Желанный», – бездумно исправил Алар и мысленно на себя выругался: нашёл время знанием языков козырять. Попытался оправдаться: – Уж какое дали, бродяге-эстре привередничать ни к чему.

Он думал, что дева развернётся и уйдёт, однако она стояла, болезненно выпрямившись, и сжимала кулаки. А затем резко подалась вперёд – на мгновение стало страшно, что поцелует – и выудила у него из-под ворота шнурок с камешком.

– Зна... знаешь, что это такое? – еле сумел выговорить Алар.

От девы слабо пахло цветочным мылом, чистой кожей – и солью. Слезами.

– Знаю, – выдохнула она едва слышно и провела по камешку пальцами, точно лаская. – Камень памяти, только незавершённый. Просто безделушка.

«Камень памяти, значит... Этот Алаойш Та-ци очень не хотел исчезать».

– Надо же, – вырвалось у Алара. Хотелось спросить о многом – и дева наверняка знала ответы, но на ум пришло только самое простое. – Может, и надпись прочитать сможешь?

Об ответе он уже догадывался.

– Там написано «Фогарта».

...глаза у неё в тот момент казались бездонными; на ресницах дрожали капельки влаги, а морт, густая, бархатная точно, окутывала их

обоих, точно обнимала.

– И что это значит? – тихо спросил Алар, ощущая себя последним подлецом – и трусом заодно.

Он знал ответ.

Точно знал, но желал – жаждал! – услышать от неё.

Однако дева – Фогарта Сой-рон, её звали так, да – отступила на шаг, смертельно бледная, очень сильная и слабая одновременно.

– Уже неважно, – произнесла она глухо. И глянула на него в упор, точно пытаюсь запечатлеть каждую чёрточку, каждую деталь. – Я... я отойду ненадолго.

И кинулась прочь, развернулась – и побежала, как вспугнутый зверёк. Сэрим крикнул недоумённо: «Эй, эй, ты куда?» – и сделал несколько шагов следом, но тут младенец у него на руках разразился пронзительным рёвом. Рыжий северянин тут же зашипел, забранился, пытаясь забрать ребёнка себе. Телор сидел на поваленном стволе, заросшем мхом, и не замечал никого, кроме близнецов-кимортов, что-то рассказывающих ему взахлёб; высокая светловолосая дружинница подставляла руку охотничьей птице, пикирующей с неба, и готовилась снять у неё с лапы капсулу с письмом, а остальные кто охранял временный лагерь, кто седлал гурнов... И даже Рейна больше интересовалась большим жуком, присевшим на пень, чем собственным учителем – то ли обиделась, то ли и впрямь отвлеклась.

«Никому нет до нас дела», – с обжигающей ясностью осознал Алар – и почувствовал себя очень одиноким.

...а затем увидел такой же потерянный, искажённый от боли взгляд у другого – у черноволосого красавца, который стоял у Фогарты – у Фог – за плечом во время этого проклятого суда.

И шепнул тихо:

– Ступай за ней.

Черноволосый оглянулся – опалил взглядом, в котором мешалось слишком многое – и направился вслед за Фог, сперва шагом, затем всё быстрее и быстрее, пока не перешёл на бег и не скрылся в зарослях. Но никто действительно ничего не заметил, кроме, пожалуй, Сэрима, который смотрел то на Алара, то на кусты – и бранился на пустынном наречии.

Фогарта и её спутник отсутствовали порядочно. За это время Алар успел узнать, что черноволосого красавца зовут Сидше Джай-рон, он

капитан дирижабля и контрабандист; человек опасный, коварный, и в целом с ним лучше за стол не садиться, если не умеешь по цвету и запаху различать хотя бы двести разных ядов. Чай капитан, впрочем, тоже заваривал непревзойдённо, а ещё прекрасно играл в на-джи и умел поддерживать разговор на любую тему так, что собеседник не чувствовал себя неловко.

Всё это охотно рассказал рыжий северянин, Иаллам, которого наконец освободили от повинности няньки и позволили немного отдохнуть перед тем, как тронуться дальше в путь.

– К тому же у Сидше на руках Садхам тут же затихает, – добавил он, наставительно подняв палец, и с подозрением оглянулся: не слушает ли кто посторонний. – Что первая, что вторая... Кстати, ты знал, что у садхама, который смертоносный пустынный вихрь, внутри ма-аленькая ящерка? Милая такая, умненькая.

– Не знал, – растерянно ответил Алар, принимая из рук у северянина флягу. Внутри на удивление обнаружился всего лишь бодрящий травяной настой, резковатый на вкус, но неплохой. – Нет, знал, – исправился он, быстро посмотрев на звезду спутника. – Но забыл.

– Да уж, вы, эстры, народ забывчивый, – поддел его Иаллам необходимо. Лицо у него было приятное: островатый подбородок, прямой нос, ясные серые глаза; черты крупные, но не грубые – простые ровно в той мере, чтобы вызывать доверие. Шутил он едко, но беззлобно, и над собой даже чаще, чем над другими, а ещё легко сходиллся с незнакомцами – может, потому и подсел к Алару первым. – Слушай, я всё в толк не возьму. Что ты сам-то за ней не пошёл? За Фог.

Алар чуть не поперхнулся настоем.

«Простоватый, значит?»

– Так ты понял?

– Тут много ума не надо, – не стал отрицать Иаллам. – К тому же у нас с Фог друг от друга секретов нет... Не смотри так, она как сестра мне. Младшая, – рассмеялся он коротко и почти сразу умолк. Повозился на месте, вздохнул. – И всё же? Учитель из Шимры, Алаойш Та-ци.

Имя резануло, как кинжал. Алар отвернулся, глядя на чёрную стену замка, на которой словно бы повис туманный клоч, на крикливых птиц, кружащих в дымке...

Сложней всего было признаться самому себе.

– Потому что я – не Алаойш, – произнёс он наконец. – Я другой человек. И не могу посягать на место, которое полагается кому-то... кому-то иному. Тому, кто уже исчез. И глупо давать надежду, если оправдать её никогда не сможешь.

Иаллам потешно выгнул брови:

– Да ну? Чудак ты. Какой же ты другой человек, если она тебя узнала тотчас же, как взглянула? Да и если бы ты и стал совсем чужим, что мешает заново узнать друг друга? Зачем самому мучиться – и её мучить? Хотя не моё это дело. Скажи лучше, ты с младенцами нянчиться умеешь?..

Когда Фог вернулась, то по-прежнему была бледна и шарахалась от собственной тени; взгляд у неё словно обратился внутрь, к собственному сердцу. Сидше вёл её за руку, но также выглядел растерянным – и потерянным; на Алара он больше не смотрел.

Телор же, дождавшись, когда все будут в сборе, сообщил, что из города надо уходить.

– Эсхейд задерживается, – сказал он коротко. – А нас слишком мало. Я послал кьярчи знак, они тоже покинут Ульменгарм. Есть у кого вопросы?

Тон не подразумевал, что вопросов быть не должно, однако Сэрим поспешно вскочил с места:

– У меня, у меня есть! А ничего, если я приятеля приведу?

– Ждать не станем, – отрезал Телор.

– Да как-нибудь догонит! – обрадовал его Сэрим – и сам просиял, точно вспомнив нечто приятное. – Он мастер спрямлять дороги... А как на семиструнке играет? Закачаешься!

Из Ульменгарма уходили спешно – и тайно. Телор окутал улицы плотным туманом – таким, что из седла даже уха гурна было не видать – и направил свой небольшой отряд прямо к городской стене, чуть восточнее южных ворот. Там в древней кладке проступал едва заметный узор, высокая арка; стоило напитать её морт – и камень обратился в две створки, медленно, со скрипом отворившиеся.

Когда последний всадник миновал тайный ход, дверь снова затворилась – и стала камнем.

От стены путь лежал сперва по едва заметной тропе меж холмов, под деревьями, а затем – по широкому тракту, пусть и порядком

заросшему. Здесь туман поредел. Из низин сильно пахло незнакомыми цветами, сладкими и терпкими одновременно, а в кустарнике по бокам от дороги заливались трелями птицы. В какой-то момент, когда стало уже смеркаться, справа показался большой куст, сплошь в розовых бутонах в мужскую ладонь величиной, где-то полураскрытых, а где-то уже и опадающих. Внизу, на земле, впрочем, увядших лепестков видно не было, и Алар сразу заподозрил, что перед ним морок.

Так и оказалось.

Телор, ехавший первым, смело направил гурна прямо в куст – и проехал насквозь. За ним последовали и остальные. Рейна с восторгом наблюдала за процессией и о чём-то оживлённо перешёптывалась со светловолосой всадницей, взявшей её в седло... Когда на тракте оставалось всего трое человек, не больше, послышался вдруг нежный перебор семиструнки – сперва издали, затем ближе и ближе, пока наконец не вынырнул из тумана странник в светлой хисте, высокий, с белыми волосами почти до середины спины, частично убранными в пучок на затылке; остальные удерживались несколькими прядями, перевитыми с синей ниткой – незамысловатая причёска, распространённая в Ишмирате.

– Друг Дёран! – тут же высунулся Сэрим из куста. Половина его туловища, утопающая в цветах, смотрелась одновременно жутковато и смешно. – Ты всё-таки пришёл!

– Друг Сэрим, – любезно ответил бродяга. Черты лица у него оказались по-женски изящные, губы – нежно-розовые, глаза – ярко-голубые, раскосые, в тени от длинных ресниц; в полумраке, пожалуй, его можно было принять за юную деву с широковатыми плечами. – Не скрою, меня вела надежда, что ты всё-таки вернёшь кошель, который одолжил пару дней назад... Но, вижу, причина была иная. Так или иначе, рад видеть тебя – и тебя, друг Алар, – улыбнулся он неожиданно, обернувшись. – Вот мы и встретились снова, хотя путь из Беры был неблизок.

Продолжить он не успел – всадник, ехавший замыкающим, поторопил их.

Сразу за миражом сделалось теплее и тише. Исчезли птицы; сладко-пряный аромат цветов сменился смолистым, островатым, словно от нагретой за день хвои. Слева и справа виделись ряды красноватых стволов-колонн, а кроны терялись в темноте где-то

высоко; узловатые мощные корни выпирали из земли, точно огромные змеи, укрытые зеленовато-коричневым мхом. Вскоре запахло дымом, послышался смех, голоса, звон посуды – кубков и бутылок...

Табор уже был на месте, умудрившись опередить Телора на добрых несколько часов.

– Мы сразу почти и уехали из города, как ты ушёл, приятель, – пояснил Тарри довольно, покачивая птичьей ножкой, жаренной в ароматных специях. – К сестре моей бедной подобрался некий мерзавец, дружинник Ульменгарма, судя по его усатой роже и эмблеме на плаще, и попытался расспросить её об Аларе. Когда она отвечать не стала, так пригрозил...

– Где он? – хмуро спросил Телор, легко спрыгивая с неосёдланного гурна, на котором ехал. – Твоя сестра не пострадала?

– Очень пострадала – юбку порвала, пока ногами махала, – охотно просветил его Тарри. И фыркнул: – Если пожелаешь, можешь возместить, отказываться не будем... Что же до того дружинника, то он лежит в канаве, наверное. У сестры, знаешь ли, удар сильный – как у норовистого гурна, ей-ей, иные невезучие, бывало, только к вечеру и прочухивались. Ну да полно об этом! Пожалуйте к столу, добрые господа – скромному, чего уж там, да и стола-то, в общем-то, нет... Зато дичь отменная, и лепёшки хороши, а пьяный мёд и настойки и сам Аю бы попробовать не побрезговал, я клянусь!

После суда, долгого ожидания под стенами замка лорги и утомительного путешествия ужин и впрямь пришёлся кстати. Вскоре, утолив голод, кьярчи достали музыкальные инструменты – дудки и бубны; семиструнка Дёрана тоже оказалась к месту. Полилась мелодия, разухабистая и бойкая. Тарри, нисколько не смущаясь, первым бросился в пляс, а потом умудрился как-то вытащить в круг светловолосую всадницу, которая днём везла Рейну на своём гурне, и уговорить потанцевать. Тайра тоже была не прочь сплясать и уже всюю искала Алара глазами, и он испытал постыдное облегчение, когда к нему подсел Телор с чашей разведённого тёплого вина – и важным разговором.

«Хоть сейчас объясняться не придётся».

Фог нигде не было видно – а ещё Сэрима, и на сердце было неспокойно.

– Послушай, что я скажу, и сразу не отказывайся, подумай, – начал тем временем Телор. В тёплом оранжевом свете костра его волосы выглядели грязноватыми, а глаза – тёмными. – После того, что ты сегодня сказал, лорга тебе покоя не даст. И выхода два. Первый – идти вместе с нами. С Эсхейд, с дружиной, – перечислил он спокойно. И добавил тише: – С моими учениками... и с их спасительницей.

Алар отвернулся к огню. Пламя дрожало, извивалось – а оторваться от обугленной древесины не могло.

– С Фогартой.

– Да, – не стал отрицать Телор. – Потому что мои ученики её от себя отпустить не хотят – пока, по крайней мере, а она их не бросит. Не таков её нрав.

– Не таков, – тихо согласился Алар, не отводя от костра взгляда. – А второй выход?

Телор не стал медлить с ответом.

– Отправиться на юг – и доискаться там до правды. У меня в Кашиме есть верный человек; если б ты нашёл его, то он бы помог разузнать, с которыми из наших купцов связались работоторговцы. Одно имя мы знаем – Дурген. Но есть и другие; и кто-то ведь создаёт дурман...

– Я согласен, – быстро ответил Алар, чтоб не передумать. И сразу стало стыдно за свою трусость – и одновременно спокойно. – Только дай мне день или два, нужно с Рейной попроситься... и с остальными. Наверное.

«Если смелости хватит – у Тайры-то удар и впрямь сильный».

Телор похлопал его по плечу, не то ободряя, не то благодаря:

– Понимаю. Тебя никто не гонит прямо сейчас... Спасибо, что согласился.

Отвечать он не стал – слишком скверно себя чувствовал. Отставил недопитую чашу – и пошёл прочь, в лесную прохладу, в сырой туман.

«Видно, такая у эстры судьба, – билось в висках. – Бросать и забывать, забывать и бросать... Оно и к лучшему. Того-то я и заслуживаю».

Фог появилась перед ним внезапно, выбралась из зарослей, вынимая на ходу паутину и листья из волос, и застыла, до полусмерти перепугавшись, кажется.

– Я... – выдохнула она, прижимая руки к груди, и отступила.

И тут же снова сделала шаг вперёд, навстречу.

Выглядела она бледной, но здоровой, точнее, оставившей боль в прошлом. Глаза смотрели твёрдо и ясно; спина была прямой.

«Сейчас или никогда, – понял Алар. – Если теперь не объяснимся, то, может, больше не встретимся».

Нащупал камень на шнурке сквозь рубаху... и решился.

– Я тебя не помню, – сказал он мягко, как только мог, но всё равно глаза у Фог заблестели. – Прости. И боюсь, что не вспомню никогда. Я не знаю, что значил для тебя Алаойш Та-ци, но он ушёл навсегда.

Она прерывисто вздохнула. Отвела взгляд – и посмотрела снова, в упор.

– Да. Понимаю.

Алар помедлил; дальше было сложнее.

– Я не знаю, что значил Алаойш для тебя, – продолжил он тише. – Но знаю, что ты значила для него. Больше, чем что бы то ни было ещё; настолько много, что его чувства пробиваются даже сквозь забвение, даже сквозь запреты спутника, и я... я ощущаю...

Дышать отчего-то вдруг стало сложно.

Фог смотрела на него широко распахнутыми глазами – а затем осторожно провела пальцами по щеке.

На них осталась влага.

– Ты...

Где-то невероятно далеко, словно в иной жизни, вспыхнул ярче костёр, выбрасывая в небо сноп искр, и кто-то расхохотался. Алар вздрогнул, и Фогарта тоже, и они шагнули друг к другу – и остановились в последний момент.

– Я не смогу заменить тебе того, кого ты потеряла, – произнёс Алар, едва размыкая губы – и тоже коснулся пальцами её лица, как давно хотел, очень давно, с того момента, как увидел её в замке у лорги. – Но мы можем... можем стать друг другу кем-то ещё. Когда... когда переживём это. Ты... ты хочешь?

Фог опустила глаза на мгновение, точно задумавшись, затем кивнула:

– Да. И... можно твою подвеску?

В её руках, окутанных мягким сиянием, растрескавшийся камень снова стал цельным. Вот только знаки с него исчезли – совсем, и

гладкая поверхность теперь отражала только звёздное небо да отсветы от костров.

Пела флейта; летел над лесом, над ночью, грустный перебор семиструнки.

– Так лучше, – тихо сказала Фогарта, отпуская кулон. – Что захочешь, то и напишешь. Но я рада буду, если ты меня всё-таки вспомнишь, так что постарайся, пожалуйста, Алаойш... Алар.

Сказала – и ушла к кострам, музыке и песням.

Алар остался один в темноте.

Утром, сразу после рассвета, он разбудил Телора, выслушал всё, что полагалось за неурочную побудку – и то, что требовалось знать о Кашиме, о дороге на юг и об опасностях в пути. Затем собрал дорожную суму – лёгкую, с одной сменой одежды и небольшим запасом воды, нашёл Тайру, спящую бок о бок с Рейной, и положил ей у изголовья пять золотых монет – ровно столько, сколько обещал когда-то давным-давно.

– Прощайте, – шепнул он. – И не сердитесь. Правду ведь говорят, что нет у эстры ни рода, ни дома.

Лагерь он покидал в безмолвии и чувствовал себя не лёгким даже, а невесомым, как птичий пух, как белое облако.

Дунет ветер – и унесёт.

3. Дева и воин

*Фогарта Сой-рон, где-то между Южным и Восточным
Лоргинариумом*

Утро началось с рёва.

«Садхам», – сквозь сон подумала Фог, но это была не она.

Плакала Рейна.

– Ушёл, – заливалась она, пока с одной стороны ей подтирал соплю Сэрим, а с другой дразнил сахарной рыбкой на палочке Иаллам, оба растерянные и несчастные. – У-у-учитель ушёл... Меня бросил!

Солнце успело подняться довольно высоко над горизонтом, и теперь просачивалось наискось между красноватыми стволами-колоннами; рыжеватые пятна света ложились на зеленовато-коричневый мох, тёплые и неровные, и ящерики выползали туда погреться. Пели птицы. Пахло хвоей, дымом от занимающихся костров и хрупкими лесными цветами. Лагерь ожил уже, и кьярчи снимали с кольев высохшие за ночь котлы, обменивались припасами с дружинниками и выясняли, кто пойдёт за водой. Шатёр, где легли спать Онор с Лиурой, стоял ещё закрытый, но их учитель Телор, который ночевал с ними же, проснулся уже и умывался чуть в стороне: большой глиняный кувшин парил рядом с ним в воздухе, изредка наклоняясь над подставленными ладонями.

Алаойша – Алара – нигде не было видно.

«Действительно ушёл», – подумала Фог.

Ощущалось это больно – и в то же время правильно, словно иначе и быть не могло.

С некоторым трудом поднявшись, она поправила одежду, стряхнула сухие иголки и прочий сор – и направилась напрямиком к Рейне. Девчонка выглядела чуть старше своих лет – довольно высокая, с широкими плечами, как у многих северянок, кареглазая и темноволосая, с двумя коротковатыми, но пышными косичками. На носу, сейчас покрасневшем от рёва, виднелась россыпь тёмных, мелких веснушек; ногти на руках были округлыми и короткими. Морт

крутилась вокруг неё, как лёгкое, зыбкое облачко – на большее сил пока не хватало, и по всему выходило, что девочка из тех кимортов, что своё берут не врождённым талантом, а трудом и упорством.

«Вот какая теперь у него ученица... – Зависть кольнула сердце, жгучая и злая – и исчезла. – Ей, пожалуй, сейчас хуже, чем мне».

– Привет, – сказала Фог, присев на корточки рядом с девчонкой.

Та удивилась настолько, что перестала даже всхлипывать.

– Привет... – откликнулась она, заморожённо наблюдая за вихрями морт, окутывающими Фогарту с ног для головы; не особенно густыми и вязкими поутру, в дружественном лагере, но достаточными, чтоб остановить шальную стрелу, и не одну. – А ты Фог? Которая ясноокая дева? Я про тебя сказку слышала! А ты правда бурю укротила? И духа-искусителя подчинила?

Фогарта хотела было решительно опровергнуть клевету, но Сэрим погрозил ей кулаком и сделал страшные глаза: мол, попробуй только мою историю испортить.

Пришлось соглашаться.

– Вроде того, – уклончиво ответила она. – Сама ведь понимаешь, что со стороны оно всегда иначе выглядит, чем изнутри... Почему ты плачешь?

Рейна застыла, хлопнула ресницами, густыми, как мох – и в уголках глаз у неё вновь собрались слёзы.

– Потому что у-у-у-учитель...

– Нет, – мягко перебила её Фог. – Я спрашиваю, почему ты плачешь здесь, вместо того чтобы идти за ним.

Девочку мысль поразила настолько, что слёзы враз высохли.

– А... можно?

– Я же пошла, – резонно ответила Фогарта. И добавила, поколебавшись: – Не спорю, тебе никто не подскажет, какие опасности встретятся на пути. И можно пожалеть о том, что вообще отправилась в путь... Но всё лучше, чем жалеть себя. К тому же ты киморт! Кто тебе может что-то запретить?

– Ну... Другой киморт? – неуверенно спросила Рейна, и взгляд у неё стал задумчивый.

– Вот и не спрашивай тогда другого киморта. Я же не спрашивала.

Когда она отошла от девочки, Сэрим догнал её в три шага и зашипел, как змей, в самое ухо:

– Ты ей чего насоветовала? Алар на юг отправился, в пустыню! Тебе ли не знать, что там беда на беде и бедой погоняет!

После вчерашнего разговора с учителем, вытянувшего, кажется, все силы, зыбкого сна и неурочного пробуждения Фог не чувствовала себя достаточно доброй, чтоб оправдываться за каждое слово.

– Чему сама научилась, то и посоветовала, – огрызнулась она. – Скажи лучше, что за история такая о ясноокой деве, буре и порабощённом духе-искусителе? Сидше-то знает?

Лицо у Сэрима вытянулось.

– Э-э... Я тут вспомнил, что котелок обещал почистить... воды натащить... каши наварить... Разве ж без меня справятся? Пора идти, что уж там!

Когда он улизнул, Фогарта успела сделать всего несколько шагов в одиночестве, прежде чем дорогу ей преградила высокая чернокосяя женщина-кьярчи с тёмно-зелёными глазами, точь-в-точь похожая на Тарри, предводителя табора. Платье она носила мужское: штаны, сапоги и вышитую чёрно-синюю рубаху, а поверх длинный, до колена, жилет с поясом. На раскрытой ладони незнакомка подкидывала золотые монеты, в сапоге прятала кинжал, в поясе – металлическую удавку... а ещё была обычным человеком, совсем, не мастером даже.

– Я Тайра Леворукая, – представилась она, поглядывая с вызовом, точно надеясь на ссору. – С Аларом путешествовала.

«Будто бы злится на меня за что-то и хочет уколоть», – пронеслось в голове.

От костров тем временем запахло едой – свежими лепёшками, поджаристыми, хрустящими, кашей сытной, с дичью, и сладкой, с ягодами и мёдом... Телор закончил умываться и теперь неспешно заплетал волосы, а его нетленный венец из цветов и трав лежал рядом, на земле. Близнецы, только-только проснувшиеся, выглядывали вдвоём из шатра, издали неотличимые друг от друга; Иаллам, пристроившись в стороне, на брёвнышке, сосредоточенно кормил маленькую Садхам смесью из особой бутыли...

Ссориться не хотелось – хотелось добраться поскорее до ручья и искупаться, чтоб проснуться окончательно.

– Фог, – коротко ответила она, собираясь обогнуть кьярчи и пройти дальше.

Но не тут-то было.

– Я тебя не отпускала, – дерзко сообщила Тайра, снова заступая ей дорогу. – Что ты ему вчера сказала, что он утром сбежал, даже не попрощавшись?

– Вот у него и спросишь, когда догонишь, – ответила Фог, скрещивая руки на груди. – Ты же это собиралась сделать?

– А твоя какая забота? – тут же нахохлилась кьярчи. – Ишь, какая, всё ей расскажи и покажи! Поди, ещё отговаривать станешь?

«Ага. Точно пойдёт за ним».

– Нет, – нахмурилась Фогарта. В голове крутилась какая-то идея, но ни во что дельное оформляться не спешила. – Удачи пожелаю – на юге люди коварны; не зная пустынного наречия и местных обычаев, легко угодить в западню, а одинокому страннику путешествовать ещё опаснее... А, вспомнила! Пойдём за мной! – и, ухватив оторопевшую Тайру за рукав, потянула её за собой.

– Эй-ей, ты куда? Я разве ж соглашалась с тобой идти? Погоди-погоди, я сама пойду, не надо меня тащить! Что ж ты бешеная-то такая?

Добравшись до места ночлега, Фог отпустила свою невольную спутницу и, откинув крышку сундука, перегнулась через край, шаря на дне – и руками, и морт, чтоб было быстрее. Отыскав нужное, выпрямилась – и протянула Тайре серебряное кольцо с большим полым кабошоном красивого бледно-лилового цвета.

– Вот, держи, – сказала она. Прищурившись, сравнила изящные пальцы кьярчи с размером серебряного ободка, досадливо качнула головой. – Великоватое. Погоди, исправлю... вот так-то лучше.

Тайра вытянула руку, разглядывая кольцо; затем обернулась задумчиво.

– Это что, отступные? Чтоб я здесь осталась, за Рейной приглядывать?

– Во-первых, Рейна сама его найдёт и тебя не спросит, – ответила Фог, стараясь не думать о том, что именно с этой женщиной учитель провёл последние полгода, если не больше. *Её* учитель. – Во-вторых, кольцо сделал Алаойш... верней, Алар, когда был ещё Алаойшем Та-ци, давно, лет двести тому назад, наверное. Ко мне оно попало случайно, уже сломанное; я его починила и заново наполнила силой. Если камень соприкоснётся с отравой, то вспыхнет, где бы она ни находилась: в еде, в питье, в купальне... или в воздухе. В пустыне

встречаются ядовитые курильницы; бывает и дурман, который киморта или эстру лишает силы, так что не снимай кольцо и следи за цветом камня. Обещаешь?

– Обещаю, – растерянно ответила Тайра, отступая на шаг. Всю свою ершистость она растеряла и выглядела теперь... уязвимой, пожалуй. – Но зачем?

«Уязвимой, напуганной и брошенной».

– Если не ты, то кто о нём позаботится? – тихо сказала Фог, отворачиваясь. – И ты бы с девочкой поговорила, а то с неё станется одной убежать, не дожидаясь тебя.

– А... Я поговорю! – пообещала Тайра, поглаживая кольцо на пальце. – И, это... спасибо!

Последние слова она уже прокричала в спину.

Когда лагерь остался вдалеке, и вокруг расстился только лес – смешанный, хвойники пополам с лиственными деревьями, а внизу, в овраге, призывно журчала река, дробясь на порогах, путь Фогарте заступили в третий раз.

– Что на сей раз? – в сердцах воскликнула она, поднимая глаза. – Ой...

– Что «ой»? – поддразнил её Дёран беззлобно. – Не ждала? Ну-ка, подойди ближе, я гляну на твои брови... Как, заросли подпалины?

Стало смешно – и горько, потому что слова и воспоминания были словно из другой жизни, счастливой, где всех-то тревог и было, что взорвавшаяся реторта. А Дёран остался прежним, не изменился совсем, только волосы отрезал чуть покороче, до середины спины. Глаза, чуть вытянутые к вискам, были изящно подведены тонкой кистью – серой и красной краской; за минувшие полгода они разве что посветлели немного, стали в точности как весеннее небо... а может, так казалось просто. На бледных губах играла знакомая улыбка, тёплая и будто бы подначивающая немного: *ну-ка, поглядим, на что ты способна, юная дева-киморт.*

– Я про них и забыла уже, – прошептала Фог, обнимая его и утыкаясь в плечо. Белая хиста знакомо пахла солоновато-свежим морским ветром – вернее, мылом, которым сказитель выстирывал одежду. – Заросли, наверное... Ты здесь откуда? Я слышала вчера твою семиструнку, думала, что померещилось.

– Друг позвал, – ответил Дёран, отстраняясь и снова заглядывая ей в лицо, точно выискивая что-то. – Кое о чём позаботиться, кое за кем приглядеть, так что скоро мне уходить.

– За Аларом, – догадалась Фог, и ей стало вдруг спокойно и легко, точно целая гора с плеч свалилась.

– За ним, – согласился он. И подмигнул. – Не оставлять же его на растерзание двум бойким девицам? К тому же, готов спорить, выпивку-то они с собой и не взяли, а в долгом пути без хорошего вина ой как тяжело... Ты тоже кое-что забыла, между прочим.

– Я? – растерялась она.

– Ну-ка, протяни руки, – приказал Дёран, деловито покопался в сумке – и Фог на ладони лёг бледно-розовый полупрозрачный брусок, источающий аромат цветов чийны и тягучих сладостей из Шимры, сделанных из вываренного молока. – Идёшь купаться, а мыла не взяла, как так? Вот и как глаза с тебя спускать?

– Подглядывать нехорошо, – не растерялась она, принимая подарок. Как прежде, в другой жизни, когда всё было устроено куда проще – а горести и испытания ждали ещё впереди. – Когда ты уйдёшь из лагеря?

– Скоро, – вздохнул Дёран и погладил её по голове, бережно и ласково. – Как же ты выросла... Не девчонка – девица уже. У вас с этим капитаном-разбойником волосы пахнут одинаково, – добавил он словно невзначай, и Фог вспыхнула.

– Мы... я... он просто мыло у меня одолжил! – выкрикнула она. Сказитель отступил, посмеиваясь. – Ничего такого! Ну, пока... Не то чтобы я... чтобы он... – и тут ей некстати вспомнились горячие, жадные поцелуи на задворках чёрного замка лорги, и язык присох к нёбу.

– Так это же разве плохо? – спросил Дёран, продолжая улыбаться, и взгляд у него стал лукавым. – Что ж, до встречи, Фогарта! Если повезёт, свидимся ещё.

Она махнула рукой в знак прощания и, лишь оставшись наконец в одиночестве, поняла, что сказитель совершил снова невозможное: развеял её печаль и тревогу – и отвлёк наконец от мыслей об учителе, Алойше.

Об Аларе.

...мыло, зажатое в кулаке, чуть скользило и одуряюще благоухало пьяными, медовыми цветами и молочной сладостью.

«А ведь Сидше, – подумала Фог, – этот запах бы подошёл даже больше, чем мне».

Вернулась она, когда завтрак уже подошёл к концу. Ни Рейны, ни Тайры, ни тем более Дёрана видно поблизости не было – похоже, что они уже сбежали. Сидше тоже собирался в дорогу: он хотел до прибытия дружины с севера подогнать дирижабль поближе. Иаллам неожиданно вызвался помочь, кажется, только для того, чтоб передохнуть от заботы о младенце... В остальном лагерь жил своей жизнью. Кьярчи или рукодельничали, готовя безделушки на продажу, или чистили и вычёсывали гурнов – или просто ленились в тенишке, как Тарри, которого исчезновение сестры ничуть не смутило. Всадники из дружины Эсхейд делали примерно то же самое: отдыхали, заботились о снаряжении или тренировались, а одна сероглазая светловолосая воительница вызвалась помочь женщинам из табора добыть чего-нибудь съедобного к обеду.

– К вечеру мы должны вернуться, – пообещал Сидше, поставив перед Фог блюдо с полдюжиной лепёшек, копчёным мясом и горсткой кислых болотных ягод. – Если не получится, то догоню вас позже: сверху отряд всадников разглядеть нетрудно.

– А если Телор нас опять облаком прикроет?

– Облако, которое идёт против ветра и стелется по самой земле, ещё заметней, чем отряд, – усмехнулся он... и, склонившись, поцеловал её ладонь, едва касаясь кожи губами. – Отдыхай, госпожа. Вчера был нелёгкий день.

По спине мурашки пробежали – не то от прикосновения, не то от тона, которым произносил капитан самые обыкновенные слова.

– И правда, – согласилась Фог со вздохом, медля, прежде чем отнять руку. – С тобой точно не надо пойти? Нет? Тогда береги себя, ладно?

– Обязательно сберегу, если это доставит удовольствие моей госпоже.

Она залилась краской и отвернулась, пряча смущение; Сидше, посмеиваясь, отступил.

После завтрака делать было решительно нечего. Сэрим нянчился с ребёнком, и соваться к нему означало обречь себя на возню с

пелёнками, а никого из табора или дружины Фогарта не знала. Возвращаться к дневникам Миштар не хотелось, особенно теперь, когда в конце появилась таинственная приписка...

«И к чему они, если там нет ни ответов на вопросы, ни даже надежды? – пронеслось в голове. – Да прочитай я их раньше, может, и вовсе на поиски учителя бы не отправилась... Или он этого и хотел?»

На мгновение стало страшно.

– Нет, – пробормотала она, вскакивая на ноги. Открыла крышку сундука, перегнулась через край, едва не свалившись внутрь, вытащила разом охапку одежды, аккуратно сложила и сунула обратно – просто так, чтоб руки занять. – Учитель бы не стал. Он не такой. Он...

«А какой он был? – подумалось вдруг. – И знала ли я его вообще? Чем он занимался, пока не осел в Шимре? Путешествовал много, это точно... А где? И что вообще заставило сына древнего рода, последнего в своей семье, покинуть столицу на долгие десятилетия? Что стало с его наставницей? Где он познакомился с Дёраном? Когда успел побывать на севере?»

Ничего из этого она не знала – и никогда уже не смогла бы узнать.

– О чём задумалась, ясноокая дева? – прозвучал звонкий голос за спиной, и Фог резко обернулась.

Телор подошёл совершенно беззвучно, скрывая своё присутствие морт. Вблизи он выглядел совсем иначе... и, пожалуй, немного пугал: высокий, бледный – ни следа румянца на лице, с прозрачно-зелёными глазами, холодными, словно горное озеро ранней весной. И то, что такой человек вмешался и спас её на суде, лишь заставляло чувствовать себя ещё более неловко.

– О прошлом, – ответила она честно. И опустила взгляд. – Как там Омор и Лиура?

– То, что произошло, до сих пор довлеет над ними, – мягко произнёс Телор. – Но они справятся. Омор нужно осознать, что она в безопасности и никто больше не посмеет тронуть её, никогда; Лиуре – смириться с тем, что киморты не всеильны и не всегда получается защитить то, что дорого. Однако я верю в них.

– А Садхам?

Вопрос был скользкий. Омор хватало сил, чтоб не ненавидеть дочь и не винить её за то, что произошло там, в подземельях у Радхаба

– но и только. Может, искра любви и зажглась в сердце, но лишь искра, и её не хватало, чтобы обогреть их обеих.

– Мы отдадим её на воспитание в семью мастеров в Хродде, когда вернёмся на север, – ответил Телор, помолчав недолго. – Так будет лучше для всех. Скорее всего, девочка унаследует лишь часть дара – или вовсе останется простым человеком. Птицам лучше с птицами, а рыбам – с рыбами. Не печалься, – улыбнулся он вдруг, и это было похоже на то, как если бы солнце показалось из-за туч хмурой зимой. – Садхам не почувствует себя заброшенной или нелюбимой: обычай передавать детей на воспитание у нас, в Хродде, очень старый. Так поступают воины, отправляясь в дозор к Белым горам, и киморты, уходящие в странствие... Женщина, потерявшая мужа, или овдовевший мужчина также могут попросить кого-то разделить с ними заботы о ребёнке. Видишь Хильму? – указал он незаметно на светловолосую мечницу, как раз возвращавшуюся из леса с женщинами табора; с плеча у неё свисала связка подбитой дичи – птиц и мелких ушастых зверьков с локоть длиной. – Два года назад она родила тройню. Отца не назвала даже мне: видно, расстались они не по-доброму... А для неё нет ничего важнее, чем совершенствовать своё воинское искусство и побеждать в бою. Поэтому мальчишек взяла к себе семья гончаров – у них-то своих детей четверо, но все девицы. Хильма их навещает и отдаёт деньги на содержание. Мальчишки будут расти и знать, кто их мать, а там сами решат, чем захотят заниматься, мечами размахивать или гончарное мастерство изучать. И таких много.

Фогарта не знала, что ответить, и просто присела на край сундука. Телор сел рядом, придерживав свой зелёный плащ, чтоб не наступить, таким обыкновенным, человеческим жестом, что сразу стал чуть ближе и понятней.

– Наверное, это хорошо... Ну, насчёт Садхам.

– Всё лучше, чем им обоим мучиться, – улыбнулся он снова. – Вижу, ты повеселела. Рассказать тебе ещё об обычаях Хродды? У нас интересная земля, непохожая на остальной север.

«Уж вижу», – подумала Фог. Помялась, разглядывая кьярчи, бахвалящихся перед табором добычей – птицей, съедобными кореньями, рыбой из ручья и даже прошлогодними орехами... И спросила, решившись:

– Что за дозор у Белых гор? Я о нём не слышала никогда, а учитель мне многое рассказывал о Лоргинариуме.

– Дозор и у нас многие старинной легендой считают, – усмехнулся Телор нехорошо. – Трудом лорги: Захаиру невыгодно, чтоб люди знали правду. История долгая, но стоит того, чтоб её выслушать. Заодно и время скоротаем до той поры, когда Эсхейд придет...

...Белые горы были рукотворными. Некоторые их создание приписывали Брайне, однако появились они задолго до неё, в те времена, когда земли на западе ещё не обратились в бесплодную пустыню, где бродили только смертоносные вихри морт и губительные туманы. Хроники, летописи и иные источники сгинули во тьме веков, остались сказки – и огромные, сложные барельефы, высеченные прямо в скалах. Они повествовали о хищном, ненасытном зле, которое долго-долго спало во льдах, а затем пробудилось – и обрушилось всей своей мощью на некий «город под заходящим солнцем».

Город погиб; те, кто выжил, бежали на восток – и отгородились от зла неприступными горами.

– Сейчас уже не понять, что выдумка, а что истина, – задумчиво произнёс Телор, запрокинув голову к небу и покачивая ногой. На краю сундука он сидел непринуждённо, как птица на жёрдочке, кажется, без труда сохраняя равновесие. – Что на тех барельефах иносказание, а что изображено буквально... Однако иногда туман на западе редет, и тогда в мощную подзорную трубу у вершины горы можно разглядеть там, на пустынных равнинах, очертания необычайного города сплошь из башен. А из вечных льдов на самом севере, за белыми горами, приходят иногда твари. Иные из них напоминают наших зверей, к примеру собак в три человеческих роста, покрытых чешуёй и изрыгающих пламя, или гурнов, только рогатых, огромных, выдыхающих отраву. Другим и вовсе-то подобия нет, их и не опишешь-то: одно как большой зелёный плевок, который прыгает по скалам, второе – колючая звезда с тремя пастями... Подымают они, к счастью, от морт-оружия так же легко, как и знакомое лесное зверье. Ты, погляжу, не удивлена.

– Земные недра тоже полны странных тварей, вроде червя Шалпана, отчего б им во льдах не водиться, – пожалала плечами Фог, стараясь не выдавать охватившее её любопытство, больше подобающее наивной ученице, чем взрослому, умудрённому киморту. –

И в глубинах морских тоже. А о том, что далеко на западе, возможно, раньше жили, мой учитель тоже думал, даже написал трактат! Мол, случилось большое бедствие, вроде пятидневной войны, и пришлось покинуть эти земли... А там, за вихрями и туманами, может, до сих пор люди, но ни мы о них не ведаем, ни они – о нас.

Телор рассмеялся:

– Звучит так, словно он хотел туда отправиться однажды и проверить свои размышления... Может, ты его дело и продолжишь, если пожелаешь. Что же до Белых гор, то там есть несколько мест, где преодолеть их проще, самые-то пики укрыты облаками злой морт. И вот в тех местах и стоят гарнизоны – и охраняют покой Лоргинариума от хищных тварей. Потому-то лорга никогда и не трогает наместника севера – и потому наместник севера никогда на трон не претендует. У нас свои заботы, у государя – свои... Так было раньше.

– А сейчас?

Он вздохнул:

– А сейчас всё смешалось. И потому госпожа моего сердца, Эсхейд Белая, держит путь на юг, чтобы договориться с наместником Миррой – и, быть может, предостеречь его... Но об этом она расскажет тебе сама, – обернулся он с улыбкой, и стало ясно, что больше пока ни слова о намерениях Эсхейд с его уст не слетит. – О чём ещё тебе поведать? О Хродде? О вечных садах на склонах Белых гор? Об озере Арирамар на границе между землями ишмы и лорги, что раз в тысячу лет вместо воды наполняется огнём? Или, быть может, об отшельнике-киморте, который, как сказывают, живёт далеко в лесу – и не знает сброса уже тысячу лет, поскольку он слеп и глух?

Фог, конечно, хотела услышать всё – и сразу.

За беседой время до вечера пролетело незаметно. Через несколько часов Телор уже не пугал так, как поначалу: стало ясно, что он не чужд хорошей шутке, злопамятен, но милосерден... а ещё старается улыбаться пореже лишь потому, что не хочет пугать детей: зубы у него были мелкие, очень белые и острые, как у лесного зверя, да к тому же клыки изрядно выделялись.

«Надо ему заглянуть как-нибудь в Шимру, во дворец Великого Ишмы, – подумала Фогарта, изрядно повеселев. – Вот посмотрит на придворных красавиц, которые чернят себе зубы особой краской, и сразу поймёт, где настоящий страх, а где глупости».

А когда солнце опустилось к горизонту, а небосвод начал темнеть, и на востоке проступили первые звёзды, вдруг затрубили громко рога, задрожала земля от топота копыт. И не прошло и четверти часа, как на край луга, где остановился табор, выехал отряд – четыре дюжины всадников, все в белых плащах с эмблемой зелёной ветви. Мужчин и женщин в нём было поровну, а возглавляла его высокая широкоплечая всадница с золотыми волосами, заплетёнными в косу до самого пояса.

– Эсхейд! – закричали дружинники, сопровождавшие Телора. – Белая Эсхейд! Орра, орра!

Кто-то стучал мечом по щиту, кто-то потрясал копьём... Тарри ударил разок в бубен, но на него зашикали соплеменники, и бубен пришлось убрать.

Наконец Эсхейд остановилась и спешила. На вид ей было лет тридцать или сорок, хотя она давно разменяла шестой десяток; серые её глаза, казалось, видели насквозь и могли читать потаённые намерения так же легко, как учёный читает книгу. Нынешнему лорге она приходилась тёткой: прежний государь, ныне покойный, был охоч до женщин и не стеснялся брать жён куда моложе себя, а Эсхейд стала последней его дочерью, самой младшей, самой любимой. Он успел воспитать её, пожаловать титул и меч – с неё, восьмилетнюю тогда, ростом – и отправить к матери, в Хродду, ровно перед тем как умер. И вовремя – потому что следом началась двадцатилетняя смута, сгубившая многих и многих...

Всё это успел рассказать Телор, который наблюдал многие события сам, а не знал по летописям и рассказам.

При виде Эсхейд он поспешно, по-мальчишечьи даже, спрыгнул с сундука, отряхнул зелёный плащ и поправил цветочный венец на голове, улыбаясь так светло, что никаких объяснений и не требовалось.

«Значит, вот какая она, госпожа его сердца», – подумала Фог, вспоминая отчего-то Вещую Унну и её киморта-северянина.

Тем временем к Эсхейд подскочили два серых зверька с крупную собаку величиной, изящного сложения, с круглыми головами и огромными глазищами; на ушах у них были кисточки, а хвосты подёргивались из стороны в сторону.

– Лесные коты, – тихо пояснил Телор, заметив замешательство Фог. – Эсхейд спасла их из пожара ещё котятами и воспитала. Не

смотри, что они малы: немногие свирепей их в бою, и свою хозяйку они защищают отчаянно... У вас таких не бывает? Нет? Ну, пойдём, я вас познакомлю.

– С котами?

– С Эсхейд, – усмехнулся он. И глянул искоса с лукавством, которое никак нельзя было от него ожидать. – Готов спорить, что характерами вы сойдётесь. Она любит сильных, а ты – добрых... Не бойся. Наместница севера совсем не похожа на лоргу.

«Уж вижу», – хотела сказать Фог, но не успела, потому что Эсхейд не стала дожидаться и подошла к ним сама.

...и – поцеловала Телора, властно привлекая к себе, словно никто на них не смотрел.

Фогарта глядела на них – и не могла оторваться, хоть знала, что так нельзя.

«Значит, и женщина тоже может обнимать мужчину, словно он ей принадлежит, – думала она отстранённо; сердце у неё билось всё чаще, но не от зрелища, что предстало её глазам, а от будоражащих воображение мыслей. – И ласкать его тоже? И я могу... Сидше?»

Эсхейд как раз провела Телору ладонью по спине, особенно крепко – чуть пониже поясницы; он выдохнул коротко и тихо – и переступил с ноги на ногу, немного отстраняясь.

– И впрямь, не время, – с сожалением произнесла наместница севера. Голос у неё оказался под стать облику, низкий, грудной, но приятный, вызывающий доверие. – Для начала пойду и лицо сполосну после дороги, а потом поговорим за трапезой – и представимся друг другу, как должно. – И она обернулась к Фог, слабо улыбнувшись, точно извиняясь.

– Я... я на руки тебе из кувшина полью, – хрипловато ответил Телор. – Пойдём, я покажу тебе, где мой шатёр, тут недалеко...

Лагерь между тем пришёл в полнейший беспорядок. Пока дружинников было меньше, чем людей из табора, кярчи себя чувствовали вольготно: распорядились припасами, добывали на общий стол припасы охотой и ловили рыбу, дудели в дудки, созывая к трапезе, жгли высокие костры, смеялись и зубоскалили. Однако в присутствии почти что полсотни воинов в кольчугах, с мечами и копьями, они оробели. Женщины накинули платки, пряча косы с

яркими лентами и бусинами, а мужчины притихли и помрачнели. Кроме Тарри, конечно: его-то ничего не могло смутить.

– Орра, добрые люди! – громко поприветствовал он всадников, едва те спешили и принялись рассёдлывать гурнов. – Дозвольте спросить, не сердчайте сразу: не хочет ли кто со мной в карты сыграть до ужина? Что, совсем никто?

«Добрые люди» помалкивали и знай себе занимались своими делами, а если кто и глядел в ответ, то отнюдь не по-доброму. Может, и совсем бы никто не заговорил, если б один из воинов, сопровождавших Телора, рослый усач, не пробасил, отвлекаясь от полировки меча:

– Соглашаться не вздумайте! У этого прохиндея не выиграть, и впятером сговорившись.

– Навет! – возмутился Тарри вполне искренне. – Чтоб меня молния поразила, если я жульничаю!

– Так кто про жульничество говорит? – удивился усач. – Удачлив больно. Обманщика-то хоть вразумить можно, поколотив, а с везунчиком-то что делать? Вовсе играть не садиться разве.

Тарри отвернулся, изображая смертельную обиду, и скрестил руки на груди.

– Ну и не садитесь, если не хотите. А я тогда не расскажу, в какую сторону в дозор ходить нельзя, потому что там госпожа киморт, ясноокая дева, купаться любит. И ещё не скажу, с какого куста ягоды рвать нельзя, потому что там пелёнки сушились. Ничего не расскажу, в общем, грустить пойду.

И шагнул вперёд.

Далеко не ушёл, впрочем. Одна из всадниц, рыжеволосая и коротко стриженная женщина лет пятидесяти с виду, задержала его, приобняв за плечо.

– Полно сердиться, красавчик. Так и быть, я с тобой сыграю. Что ставить будем?

– Как что? – не растерялся Тарри. Выудил невесть откуда бубен, извернулся на месте, ударил в него раз, другой – и замер, улыбаясь. – На танец! Если я проиграю, то я с тобой вечером танцую, а если ты проиграешь – то ты со мной! Ну как, идёт?

– Идёт! – усмехнулась рыжая всадница по-разбойничьи. – А теперь, будь добр, подскажи, куда ваша дева купаться ходит. Может,

мне тоже надо.

После этого дело пошло на лад. И, когда Телор с Эсхейд вернулись наконец, посвежевшие и спокойные, то кьярчи уже всю балагурили с дружинниками, рассказывали о лучших местах для выпаса гурнов и рыбной ловли – и бойко подсчитывали запасы вина, прикидывая, хватит ли на всех. За ужином тоже сели вместе, вперемешку. Разве что для кимортов, Сэрима с младенцем и госпожи наместницы запалили отдельный костёр, обложенный камнями: на них и лепёшки подогреть было удобнее, и искры так не стреляли в стороны.

– О твоих подвигах я наслышана, ясноокая дева, – с ходу сообщила Эсхейд, наполнив свою миску густой ароматной похлёбкой. – Но всё же хотела бы услышать о них из первых уст: в пересказе половина правды теряется.

С этим Фогарта была согласна, а потому больше часа потратила на то, чтобы изложить историю своих скитаний в пустыне, дополняя её размышлениями, к которым пришла спустя некоторое время, оглянувшись назад. О связях между севером и югом; о том, что на Земле злых чудес киморты появлялись слишком редко, а рабов оказалось слишком много для «случайных жертв», и обставить похищения с такой хитростью и ловкостью сами работорговцы просто не могли – не хватило бы ни опыта, ни знаний, а одна-единственная ошибка грозила обернуться катастрофой... О том, что похищенных детей-кимортов на юге кто-то должен был обучить тому, как делать самоцветные вставки для морт-оружия – и о том, что купец Дурген, похоже, хорошо знал по крайней мере одного киморта из Шимры и не боялся вызывать его как свидетеля в весьма щекотливом деле.

– Значит, думаешь, что замешан Ишмират? – спросила Эсхейд, выслушав её. – Или только ваш цех?

Вопрос был с подвохом; Фог нахмурилась.

– Ни то, ни другое, – сказала она наконец. – Ишма у нас очень молод, ему и пятнадцати нет. За него правят советники, евнухи и наложницы, и никто из них не набрал ещё столько власти, чтобы замыслить сложную интригу. Но если б он узнал о работорговле, то мог бы, наверное, подумать, что это не его дело... верней, что ему выгодней не вмешиваться, потому что всё происходящее ослабляет север.

Телор поморщился:

– Мы и так вам не соперники. В одной Шимре две сотни кимортов, а в целом Ишмирате, верно, с полтысячи. – Он пригубил кислотоватое подогретое вино и чуть смягчился. – А у нас едва ли два десятка, включая меня – это в Хродде, а всего-то не больше сорока, из которых взрослых половина только... Нет-нет, это на место поставь, тебе рано ещё.

Он ловко забрал у неё кубок с вином – и поменял на такой же, только с настоящим восточным чаем из наместничьих запасов.

«Значит, сражаться, карать работорговцев и спорить с лоргой – так я взрослая, а пить – ребёнок?» – с толикой обиды подумала Фог, но спорить не стала, тем более что пьянела она и впрямь слишком быстро. И продолжила как ни в чём не бывало:

– Цех тоже не станет покрывать работорговлю кимортами. У моего учителя там было много друзей, и никто бы такого не потерпел, а открыто выступать против них... – Она с сомнением качнула головой. – Беда в том, что они слишком заняты своими делами: кто-то странствиями, кто-то исследованиями, кто-то трактат пишет; политика же им не интересна. Сколько государей они повидать успели? С дюжину, а кое-кто и больше. Восстания, перевороты, войны... Всё это им давно наскучило. И, пожалуй, если бы нашёлся кто-то достаточно беспокойный, жестокий и подлый, чтобы помочь работорговцам, в цехе бы его могли и не заметить. – Фог помолчала, собираясь с мыслями, прежде чем продолжить, и на мгновение ощутила призрачный сладкий аромат и тёплое, дурманящее прикосновение розовых волн морт – тоже призрачных. – Особенно если б этот кто-то был дружен со всеми, а многими любим; если б он был вхож во дворец ишмы и имел влияние на государя; если б ни таланта, ни усердия ему не досталось, и он бы захотел отомстить тем, кто больше одарён...

Она замолчала, и в наступившей тишине отчётливо стал слышен треск хвороста в костре; остальные же звуки – звяканье бубнов и трели флейт, песни, хохот и говор – отдалились, точно оказались где-то за незримой стеной.

– Ты так говоришь, словно знаешь уже, кто это может быть, – произнёс Телор, недобро сузив глаза, и стал похож снова на гневливого лесного духа, покровителя ранней весны.

– Может, и знаю, – тихо ответила Фог. Имя давно вертелось на языке, и, по правде сказать, она уже почти уверилась, что не ошибается, но обвинить кого-то знакомого было нелегко. – Есть одна женщина... Нынешнему ишме она приходится двоюродной прабабкой в десятом, что ли, поколении. Она принцесса по рождению: её мать приходилась сестрой тогдашнему ишме, а отец был кимортом из цеха. Воспитывал и обучал её друг моего учителя, вернее, подруга, которая отправилась исследовать пустыню, да так и не вернулась... И сейчас я уже задумываюсь: а было ли это случайностью?

– Имя! – не то попросил, не то приказал Телор.

Фог облизнула пересохшие губы и продолжила так же вполголоса, точно опасаясь собственных выводов:

– Эта женщина отправила меня в Дабур, зная, что город охвачен эпидемией – и что кимортов там одурманивают и продают в рабство. А перед тем попыталась известить дважды: сперва направила к капитану, который занимался контрабандой и потому чужаков на своём дирижабле не любил, а затем наслала бурю. Но с капитаном я нашла общий язык, а от бури сбежала, – слабо улыбнулась она. – Её зовут Дуэса Шин-раг, и, думаю, именно она явилась к Лиуре, чтобы сломить его волю: женщина-киморт в золотых и пурпурных шелках, чьё лицо скрыто за вуалью, окутанная дурманной морт.

Лиура ничего не ответил, только кивнул и как-то резко колени сдвинул, точно защищаясь, а ещё обхватил себя руками, хотя сидел у самого огня. Онор же не стала дальше слушать. Бросила вскользь, что устала – и пошла прочь, не оглядываясь, и морт клубилась вокруг неё, как грозовые тучи.

Взгляд у Телора потемнел.

– Та же мерзавка, похоже, надоумила Радхаба надругаться над Онор и зачать ей ребёнка, – глухо сказал он. – Полагаешь, что напыщенный старик, который свидетельствовал против тебя, сообщник этой Дуэсы?

– Возможно, – кивнула Фог. – Мой... мой друг-капитан упоминал, что видел вместе с Дуэсой чаще всего двух кимортов: высокого седовласого мужчину в багряных одеждах и женщину, одетую по-мужски, с изумрудами в волосах.

– Похож, – вздохнул Телор. – Ну, с твоим приятелем я попозже поболтаю. Но если ты права, то дело скверное. Против лорги идти, по

которому давно погребальный костёр грустит – это одно, а против двухсотлетнего киморта, да ещё и с сообщниками – совсем другое.

Эсхейд задумчиво перекинула косу через плечо.

– Так-то оно так, но все смертны, – в её серых глазах отразились костры, и ночь, и искры... и ещё что-то жутковатое и холодное. Может, тень смерти; может, просто воспоминания. – И любого врага можно одолеть. Зато теперь я понимаю яснее, отчего не родятся на севере киморты и куда запропали странники-эстры... Их пленяют и продают на юг, а от тех, кого не могут продать, избавляются. Не один год и не десять; может, уже и не двадцать – началось-то всё, поди, ещё при прежнем лорге. Он, видишь ли, настолько боялся возвращения Брайны, что запретил эстрам входить в столицу, а Захаир и рад был обычай подхватить: ему власть большой кровью досталась, руки-то скользкие, выронить корону легко, – усмехнулась она жестоко. И добавила вдруг: – У меня, вишь, две дочери есть... было. Старшая больше в мою родню пошла, мастером стала. А младшая родилась кимортом и пропала, когда мы гостили в Ульменгарме; едва ей двенадцать миновало... ну, тому уж двадцать лет, поди, умерла давно.

Эсхейд сказала это очень легко, словно давно отгоревала, но на виске у неё напряглась жилка, а сердце забилося неровно и часто. Телор ничего не сказал, только опустил взгляд и стиснул кулаки.

– Кто бы это ни начал, теперь в выигрыше остаются и север, и юг, – услышала Фог свой голос точно со стороны; и правильно, потому что молчать было нельзя, только не сейчас. – Радхаб с сообщниками получают рабов-кимортов, укрепляют власть и копят силу. А лорга избавляется от возможных противников и тех, кто может угрожать его трону, и заодно получает морт-оружие. Вот только неужели он мог собственную сестру на рабство обречь, пусть и двоюродную? – вырвалось у неё.

– Фьють! Выискала диво, – ворчливо отозвался Сэрим, который помалкивал до тех пор, баюкая младенца. – Он и сыновей-то своих не жалеет, стравливает их между собой, как собак. Слышала, что Тарри-Трещотка намедни рассказывал про дружину без гербов и знаков?

– Точно же, я его не дослушал, – оживился немного Телор, с облегчением, как показалось Фог, меняя тему. – Да и, думаю, не лишним будет повторить. Эй! – кликнул он проходящего мимо дружинника. – Приведи-ка нам Трещотку.

Пока Тарри шёл, то балагурил, как обычно. Но, когда его усадили напротив Эсхейд, он неожиданно оробел – возможно, потому что она оказалась выше его и глядела серьёзно и ласково, как мать... Или, может, побаивался лесных котов, дремавших слева и справа от неё. Поначалу на вопросы он отвечал односложно и осторожничал; затем немного разговорился и начал даже пошучивать, и историю о том, как табор спойл, утанцевал и раздел отряд воинов без гербов, рассказывал уже в лицах. Телор, который её уже слышал, время от времени уточнял детали: *как выглядел их предводитель? Не было ли у него шрама на шее, под ухом? С какой стороны приехал отряд?* С каждым ответом он становился задумчивее, а затем воссоздал с помощью морт образ Кимень-горы и двух озёр подле неё – Зерцала и Гребешка.

– По всему выходит, что сперва нужно здесь побывать, а потом уже к Мирре ехать, – вздохнул он, подперев голову кулаком. Обернулся к Тарри, милостиво улыбнулся. – Можешь идти. Поверить не могу, что кто-то и впрямь взялся разрабатывать старый рудник... Тогда неудивительно, что север в последние годы изрядно потряхивает. Ты здесь ещё?

– А что? – выгнул брови Тарри, посерьёзнев и сделавшись точь-в-точь похожим на собственную сестру, дерзкую и смелую. – Должен же я хоть узнать, за что нас казнить будут.

– Это кто же ещё? – выдохнул Телор со смешком, не иначе от неожиданности.

– Да хоть бы и ты, добрый человек, – охотно откликнулся тот и, заложив руки за голову, подмигнул ему. – Лишние болтливые рты никому не нужны, а у нас тут таких ртов десятка три... Ну, а не ты, так наместник Биргир нам любезно выделит виселицу-другую. Я ведь верно понял, что мы его ребят повстречали?

Вместо Телора ответила Эсхейд, улыбнувшись:

– Верно. Люблю понятливых. – Она сделала знак, чтоб ей принесли кошель, быстро заглянула внутрь – и кинула его целиком Тарри, не пересчитывая. – Как догадался?

– По вопросам, – не стал скрытничать он; кошелёк убирать не спешил, так и держал обеими руками, чуть сторбившись. – С какой стороны, мол, они Кимень-гору обогнули, каким мехом были плащи подбиты, чего среди вещей нашлось приметного... Как ты, добрый человек, – кивнул он Телору, – красной свистулькой заинтересовался, я

сразу и вспомнил, где такие штуки делают. В Свенне. Там, почитай, с такими свистульками вся ребятня бегают. А потом уж я сам припомнил, что вышивка у них на портах западная была. Исподнее-то в таких делах не врёт – это не плащи, его обычно людям не показывают. К тому же распря между братьями ещё и Биргиру выгодна, не только лорге: если оба брата в бою голову сложат, кто первым в очереди к трону будет? Вот то-то.

– Умно, – похвалила его Эсхейд снова. Затем добавила: – Деньги – плата и тебе, и твоим людям. Считай, я вас наняла развлекать меня в пути.

– Отчего не развлечь, развлекать я умею, – согласился Тарри. И быстро взглянул на Сэрима, укачивающего малютку. – К слову, если вам кормилица нужна, то наша Лалла весной в подоле дитя принесла, и ей что одну кроху нянчить и кормить, что двух – всё одно. Видали её? Такая пигалица рыжая.

Сэрим наконец поднял голову, широко улыбаясь:

– Ну, я как чуял, что недолго потерпеть осталось! Где, говоришь, ваша Лалла? Я б с ней прямо сейчас знакомство свёл.

Тарри только собрался ответить, как в небе над лагерем показалась вдруг огромная тень, и послышался гул от двигателей и от лопастей, рассекающих воздух со свистом. Дружинники повскакивали с мест, роняя миски и кубки, Эсхейд нахмурилась, нащупывая рукоять морт-меча... А Фог медленно поднялась, чувствуя, как сердце начинает колотиться чаще.

– Сидше вернулся, – прошептала она. И обернулась виновато, обращаясь не то к Телору, не то к наместнице: – Я пойду его встречу?

– Иди, – ответил за всех Сэрим. И закатил глаза. – Вот уж не думал, что ему обрадуюсь, но, право, уж лучше с лисом в догонялки играть, чем за эхом охотиться...

Но Фогарта уже не слушала его – она бежала.

«Штерра» остановилась у высоченного дерева с сухой верхушкой, рассечённой молнией – Сидше его заметил ещё днём. Вскоре показалась швартовочная петля; без помощи киморта закрепить её сумели не с первого раза, но довольно быстро, и вскоре верёвка натянулась, а гул двигателей утих. Дирижабль начал снижаться; верёвка укорачивалась, пока от неё не осталась от силы десятая часть. Открылся люк, и оттуда вывалилась лестница, разворачиваясь в

воздухе. До самой земли она, правда, не достала – на человеческий рост или около того... Сидше вышел первым и принялся спускаться быстро и ловко, как, верно, тысячу раз до этого; на полпути заметив Фог, он остановился, махнул ей рукой... а затем прыгнул вниз.

«Разобьётся», – промелькнуло в голове, и сердце замерло.

Морт сама выгнулась навстречу, плотная, как морская волна. Фог едва успела наполнить её стремлением – и подхватить Сидше уже у самой земли, замедлить и притянуть к себе.

И обнять.

– Дурак ты, – простонала она, задыхаясь, и уткнулась ему в плечо. – А если б я не успела?

От него пахло теплом, сухими травами и немного дымной горечью – точь-в-точь как в его каюте наверху; он мягко обнял её в ответ, точно извиняясь, и рассмеялся:

– Но ты ведь успела. Скучала?

«Очень», – хотела признаться Фогарта... но вспомнила вдруг Алара и то, как он ушёл утром, ни с кем не простившись, и отстранилась.

«Быстро же я забыла учителя».

– Скажешь тоже, – ответ прозвучал неестественно, даже на её собственный взгляд. – Всего день не виделись. У Марта с Чирре всё спокойно было?

– Вполне, – кивнул Сидше – и отступил на полшага, продолжая касаться её плеч. Взгляд у него был странный, невесёлый и жгучий одновременно. – Однако они уже мечтают о том, чтобы поспать на твёрдой земле, а не в каюте, в подвесной кровати... А чтоб ты сказала, если бы я захотел разделить с тобой ложе?

Во рту у неё резко пересохло; звуки лагеря отдалились.

«Это же тот самый момент, – подумалось вдруг, – когда мне надо его поцеловать и потрогать так, как Эсхейд трогала Телора?»

При мысли о том, что можно провести Сидше ладонью по спине, между лопатками, там, где начиналась татуировка в виде роя чёрно-алых мотыльков, спиралью обвивающих его поджарое тело и спускающихся к бедру, стало жарко.

– Я бы тебе сказала, что сначала стоит искупаться, – хриловатым голосом ответила она, резко опустив голову, чтоб не видно было

румянца. – Дёран, сказитель, подарил мне мыло перед уходом... новое... и я могу сделать воду в реке тёплой. Хочешь?

– Конечно, – улыбнулся он. – Ты ведь помнишь, что я люблю купаться.

«Да, – подумала она. – Нагишом».

Из лагеря они ушли вдвоём. Фог казалось, что все смотрят с осуждением, но на самом деле никто не обернулся даже, кроме Иаллама, который ворчал, что ему-то никто спуститься не помог. На достаточном отдалении, когда шум стих, стало как-то неловко. Они шли рука об руку и не разговаривали даже. Сидше невесомо ласкал большим пальцем её ладонь – но больше ничего сделать и не пытался. Фог действительно отдала ему розовое мыло и согрела воду в ручье, а затем села на берегу, дожидаясь, пока он закончит; после подала полотенце и отступила на полшага. Ожидала от себя смущения и волнения, но не ощутила ни того, ни другого – наверное, потому что мысли всё время возвращались к учителю, к Алару, которого она совсем не знала, может, даже и до сброса. И сейчас представляла, как догоняют его те, кто стал ему по-настоящему близок: смешная конопатая девчонка, гордая зеленоглазая красавица-кьярчи и сказитель, такой же бродяга... И Алар улыбается им, так знакомо по прошлой жизни – спокойно и чуть виновато, хоть и не жалеет ни об одном своём решении.

Полотенце с шелестом упало на траву.

Сидше сделал шаг, два, три вперёд – и обнял Фог крепко, почти до боли, нагой и будто бы раскалённый добела.

– Я бы мог заставить тебя забыть его прямо сейчас, – произнёс он отрывисто, словно отчеканил. – Ты ведь чувствовала ещё так мало, не знала удовольствий... Тебе ведь немного надо. Ты бы даже не поняла, что происходит, плавилась бы в моих руках, изгибалась бы, открываясь навстречу. Саму себя бы позабыла, не то что его... Знаешь ведь, зачем женщина и мужчина уходят ночью подальше от других?

Фог зажмурилась, сморгнув слёзы; сердце колотилось часто-часто. Было стыдно и горько, а вот отчего – не понять.

Страшно, правда, не было.

– Чтобы полить друг другу на ладони воду из кувшина? – тихо откликнулась она. – В одиночку ведь неудобно...

Сидше замер – а затем рассмеялся снова, отрывисто и сухо, точно раскашлялся. Отступил; подобрал одежду и принялся облачаться, не спеша, но и без лишних промедлений.

– Прости, – сказал он, не оборачиваясь, когда просунул руки в рукава хисты. – Я поторопился. Пойдём назад?

...когда они возвращались, то за руки, как по пути к ручью, не держались – но Фог всё равно чувствовала себя ближе к Сидше, точно невидимая стена между ними... нет, не исчезла, но стала ниже, тоньше и прозрачней.

Совсем как туман, выползающий ночью из низин.

Наутро небольшое войско – дружина Эсхейд, охрана Телора, табор кьярчи и дирижабль, паривший над ними – выдвинулось к югу. Идти решили самым коротким путём, благо с двумя кимортами – с четырьмя даже, если считать Онор и Лиуру – любую тропу можно было превратить в торную дорогу, а реку или пропасть преодолеть без задержек. Из Ульменгарма за ними увязалась слежка, но шпионов Телор быстро отвадил: в том, чтобы затуманивать разум и наводить мороки, ему равных не было.

Так за день иногда удавалось покрыть расстояние, равное трём обычным переходам.

В пути Фог неожиданно для самой себя сдружилась с Эсхейд, а ещё больше – с её котами, которые повадились спать на крышке парящего сундука, прижимаясь друг к другу тёплыми боками. Наместница много рассказывала о повадках своих любимцев – и о другом зверье, которое на севере водилось в изобилии, а на востоке считалось диковинкой. О рогачах, властителях лесной чащи, с их мощными копытами, способными одним ударом смять шлем воина, точно бумажный фонарь; о вертунках, пушистых, с длинными чуткими ушами и мощными задними лапами; о птицах, ящерицах и змеях, о диких собаках с чёрной полосой по хребту, необузданных и безжалостных хищниках... Наконец, о лисах – мудрых зверях, способных управляться с морт. По количеству хвостов и по окрасу можно было судить о том, насколько лиса сильна: к примеру, белая девятихвостая красавица могла обратить в бегство даже городскую дружину, выдыхая пламя и создавая жуткие мороки из ночной тьмы и

туманов, а молодые лисы, рыжие и двуххвостые, были слишком наивными и запросто могли угодить человеку в услужение.

– Коты тоже не так-то просты, – с усмешкой сказала Эсхейд, оглядываясь на своих питомцев, привольно раскинувшихся и вытеснивших Фог на самый краешек сундука. – Видела, как глядят? По-человечьи. Каждое слово понимают, а что слушаться не спешат, это характер у них такой непростой. Мирра, наместник юга, нравом похож на них: близко к себе никому подойти не позволяет, чуть что – выпускает когти и шипит. А таким ласковым мальчишкой рос! Бывало, подойдёт, в обе щеки расцелует, обнимет, щекой к груди прижмётся и говорит: научи меня головы мечом рубить. Ну как тут отказать?

Фогарта закашлялась, поперхнувшись вздохом, и отвернулась, пряча улыбку:

– Действительно.

Отряд спускался по склону горы в долину, где виднелась широкая дорога. Оглушающе пахло северным летом: скромными лесными цветами, хвоей, разогретой на солнце, мхом и камнем. Но чем дальше, тем приземистей становились деревья и привольней раскидывались кроны, и трепетали на ветру сизоватые листья шириной в ладонь.

– Надо заметить, мечом ему размахивать нелегко было: стан девичий, руки как тростинки, весь в матушку пошёл, в Зиту, – продолжала Эсхейд с тёплой улыбкой. – Но вот упорства и ума ему было не занимать. Как он понял, что простой силой многого не добьётся, стал изучать морт-оружие и так преуспел, что я ему, пожалуй, доверила бы и Белые горы оборонять. Да и государь из него хороший бы получился...

– Несмотря на характер? – удивилась Фог. – Не то чтоб это моё дело было, но о его вспыльчивости и гордости легенды ходят.

Эсхейд фыркнула только:

– Вот потому он и был бы хорошим государем, что при таком скверном нраве умудряется поступать по справедливости, бедных не обирать, а слабых не обижать... Есть, правда, за ним один грешок, – чуть понизила она голос, скосив взгляд на дружинников, скакавших следом за ними. – Не терпит он, когда его дразнят «красавицей», уж больно натерпелся этого по юности во дворце; бывало, что и лорга ради шутки заставлял его надевать женское платье и подавать хмель на пиру... Так что если теперь какой воин брякнет, что, мол, Мирра похож

на девицу, то быть бою насмерть; если женщина это скажет, Мирра ответит: «А ты похожа на бревно». Ну, а на дитя несмышлёное разве что сердито глянет, ну да когда ребятня взглядов-то боялась?

– Дразнятся?

– Ещё как дразнятся! Говорят, Мирра потому набрал к себе в дружину таких же красавиц и красавцев, чтоб не больно-то выделяться...

Так, за разговорами, дни пролетали незаметно.

Огорчало разве, что видеться с Сидше теперь получалось лишь по вечерам: он управлял дирижаблем и спускался вниз лишь тогда, когда отряд останавливался на ночлег. Время песен и плясок, высоких костров и шумных пиршеств прошло, Эсхейд торопила своих людей, и за день все слишком уставали. Наконец даже Телор не выдержал и спросил, зачем так спешить, на что она пожала плечами и ответила коротко:

– Да как-то беспокойно.

Иногда ощущала тревогу и Фог, особенно ближе к ночи, после ужина, когда все, кроме часовых, начинали уже засыпать. Может, потому что где-то рядом бродили грозы и воздух казался спёртым и влажным; может, потому что на пути стали чаще попадаться люди, оставшиеся без крова – сироты, погорельцы и скитальцы, обездоленные войной... И хотя Эсхейд твердила, что ни Кальв, ни Мирра никогда не отдадут приказ сжечь деревню, кто-то всё же это делал – иначе откуда взяться пострадавшим? Из-за тревожных мыслей и духоты Фогарта подолгу не могла уснуть, и, когда одним вечером Сидше лёг рядом и осторожно обнял её, она не сказала ничего, только нашла его руку и сжала – и уснула, крепко-крепко, впервые за несколько дней.

Следующим утром – необыкновенно ясным и спокойным, ни ветерка, ни облачка на небосводе – вдали, на горизонте, показалась тёмная громада.

– Кимень-гора, – сказал Телор, указывая на неё. – Если поторопимся, то послезавтра к вечеру будем там.

«И что тогда?» – хотела спросить Фог, но промолчала.

...а ночью, перед самым рассветом проснулась вдруг с ощущением надвигающейся беды.

– Что такое? – пробормотала, привставая на локте и стараясь не разбудить Сидше, обнимающего её со спины. – Лиуре кошмар приснился? Или садхам чудит, которая ящерка?..

Вокруг было тихо, даже слишком. В высоком небе, слегка посветлевшем на востоке и почти что чёрном на западе, мерцали звёзды – мириады неверных, колеблющихся огней; умолкли ночные птицы, молчали и насекомые, обычно стрекочущие в траве. Погасли костры, даже сторожевые, и стало зябко.

«Морт, – осознала вдруг Фогарта. – Морт отхлынула, совсем, ни капли нет... А ещё все спят слишком крепко, и дозорные тоже».

Ей стало страшно, она кое-как растолкала Сидше, сонного, осоловелого, точно пьяного – а затем увидела, как из шатра, пошатываясь, выходит Телор, которого тоже что-то разбудило... И в голове у неё точно щёлкнуло, картина сложилась.

– Землетрясение! – выдохнула Фог, подскочив на ноги. Не устояла, повалилась обратно на ложе из одеял, к Сидше, который тряс головой, точно в ушах у него была вода. – Учитель рассказывал! Перед большим землетрясением морт уходит глубоко в разлом! Как на горе Анцу! И оттого бывает слабость, и удушье, и...

Телор, ещё мгновение назад заспанный и вялый, сообразил, что делать, едва ли не быстрее, чем она договорила.

– Вверх! – крикнул он. – Поднимай их! – и раскинул руки, вытягивая морт из трав и деревьев вокруг.

Фог растерянно оглянулась по сторонам – и последовала его примеру, только силу зачерпнула из низких грозовых облаков к югу, откуда дотянулась, сколько смогла... Спящие люди и гурны медленно, плавно воспарили, а с ними котелки, шатры и повозки. Себя и Сидше она подняла на одеяле, хмурясь от напряжения и прикусывая губу.

«Лишь бы не уронить».

Они едва успели обезопасить всех, как послышался вдруг гул, постепенно нарастающий – и земля заходила ходуном, трескаясь, точно сахарная корка на пироге. А морт, исчезнувшая было, хлынула обратно – жёсткий, плотный поток, невидимый глазу.

Люди начали просыпаться; кто-то закричал, увидев растущие трещины и оползающие склоны; послышался плач, и причитания, и воззвания к Аю-Насмешнику, и крепкая брань... Эсхейд парила в воздухе, крепко прижимая к себе обоих котов, и её ночная рубаха чуть

просвечивала в звёздном свете, а заплетённые на ночь косы завивались кренделями.

– Помрём мы, что ли? – спросил кто-то удивлённо – и тут же рассмеялся; Тарри, верно, или кто-то из его приятелей из табора. – Ух, так хоть полетаем перед смертью!

Когда с треском наклонилось и обрушилось в пропасть старое, кряжистое дерево, не по себе сделалось даже Фог. Грохот из-за обвалов и треск разверзающихся земных недр перекрывали крики и плач, постепенно сливаясь в монотонный, оглушающий рокот.

«Скорей бы прекратилось, – думала она, обливаясь холодным потом; рубашка неприятно липла к телу, а ворот царапал шею. – Скорей бы успокоилось всё, пока я ещё держу... пока могу...»

...и всё-таки они выстояли.

Само землетрясение продлилось недолго – меньше минуты, но какое-то время грохотали с разных сторон оползни и обвалы, возникали вдруг огромные ямы в неожиданных местах. Кое-где появились расщелины, из которых валил... нет, не дым, как померещилось сначала, а облака морт, густой и чёрной. Пейзаж вокруг, ещё вчера умиротворяющий и величественный, изменился, а силуэт Кимень-горы стал рогатым, точно она раскололась надвое.

– Боюсь, это не конец, – произнёс Телор, приблизившись к Фог. Выглядел он изрядно потрёпанным, а душистые лесные цветы, из которых был сплетён его веноч, высохли и почернели – как и трава под ногами, и ближние деревья. – Землетрясения у нас случались и прежде, но таких сильных я не припомню. А ведь говорят, что когда открываются недра...

– ...приходят беды, – закончила за него Фогарта. По спине у неё мурашки пробежали. – Да. У нас тоже так говорят. Надо проверить, что со снаряжением. Никто не ранен?

– Вроде бы нет, – ответил он. И улыбнулся. – Ты хорошо справилась. Знаю, что ты взрослый киморт и в одобрении старших не нуждаешься...

Фог вспыхнула.

– Нет! Спасибо, я... я рада, – ответила она, запинаясь немного. Телор не напоминал её учителя ни обликом, ни манерами, только ростом немного, но его похвалы были приятны; может, ей недоставало долгое время именно этого – услышать, что она делает всё

правильно. – И, к слову, пока я с мысли не сбилась! Нет ли у твоих людей или в дружине Эсхейд простого оружия, которое можно использовать как заготовку?

– Я спрошу, – кивнул он. И спохватился: – А какое нужно?

– Один короткий меч, – прикинула она, вспомнив, что носил Иаллам в Дабуре. Затем обернулась к Сидше. – А ты чем пользуешься обычно?

– Удавкой, – нехорошо усмехнулся он. – Это шутка была, не хмурься. Лёгкий кинжал подойдёт, с клинком вот такой длины. – Он постучал себе по запястью чуть пониже ладони.

– Да я и не хмрюсь, – растерянно ответила Фогарта, когда Телор, пообещав подыскать что-нибудь подходящее, ушёл. – Просто задумалась, куда в удавку встроить самоцвет или мирцитовую капсулу, а то у меня заготовки такие только, крупные, я ведь для Ачира делала их... Разве что в рукоять; но если вместо рукоятей у удавки кольца, то получается, что вовсе некуда. Почему ты смеёшься?

– Потому что ты полна сюрпризов, моя госпожа, – тихо ответил Сидше и привлёк её к себе мягко. – Так много знаешь – и так мало.

Он мягко коснулся губами её лба; вокруг переговаривались, причитали и плакали люди, гурны тревожно фыркали в отдалении, светлело небо на востоке, а ветер тормозил уцелевшие на склоне деревья, но всё это было неважно.

Сердце у Фог колотилось часто-часто.

– Если я чего-то не знаю, то научи, – сказала она, беспомощно стискивая у него на груди рубаху из нежного и тонкого полотна, и чуть повернула голову в смятении.

– А если ты испугаешься? – щекотно улыбнулся Сидше ей в макушку.

– Значит, повторяй, пока не привыкну.

...наверное, она бы сама его поцеловала, приподнявшись на цыпочки, если б не заголосил вдруг Сэрим в отдалении:

– Садхам! Куда побежала, поганая ты ящерица! Ей-ей, держите её, она к расщелине улепётывает!

Когда алую ящерку удалось поймать – и впрямь, недалеко от пролома в земле, который словно притягивал её, – Фогарта изрядно взмокла, проголодалась, устала и разозлилась. А Сидше успел

накинуть плотную чёрную хисту поверх рубахи, и это разочаровывало едва ли не больше всего остального.

Солнце взошло – начинался новый день, и он обещал стать весьма беспокойным.

Насчёт бед, приходящих за землетрясением, Телор угадал.

Первую тварь они встретили у подножья горы – огромного серого паука с человеческими руками. Быстрее всех его обнаружила, как ни странно, Омор, ехавшая в середине отряда. Она обернулась вдруг вправо и наотмашь рубанула морт, как большим клинком; располовиненный паук свалился с дерева под изумлённые вопли и брань кьярчи – и лязг мечей, которые дружинники разом вытащили из ножен. А Омор смотрела не на паука, и на собственные руки и повторяла недоверчиво:

– Какой большой – и так легко умер... Значит, я могу?..

Сэрим, который ехал на телеге с кьярчи и, похоже, не особенно был этим доволен, ворчливо откликнулся:

– Ты, милая моя, киморт. Ты горы двигать с места на место можешь, что тебе какая-то уродливая тварь... Как там она зовётся, к слову?

– Прядильщик, – ответила Фог, подлетев на сундуке поближе. Коты, до тех пор безмятежно дремавшие на крышке, проснулись и принялись выгибать спины, вздыбливая шерсть. – Их иногда встречают в глубоких шахтах, особенно там, где раньше был мирцит... А раз мы не в шахте, то похоже, что он вылез из разлома.

– Да, вероятно, – согласился Телор хмуро. – Надеюсь, что он один такой, но вряд ли. Сожгу-ка я его на всякий случай: бывает, что подобные твари таскают в собственном брюхе живых детёнышей.

– Я сожгу! – неожиданно вызывалась Омор, по-прежнему бледная, но необычайно оживлённая – и впервые за многие дни бодрая. – Я могу!

– Попробуй, – разрешил Телор с улыбкой.

Огонь вспыхнул в три человеческих роста, жаркий, бездымный, белесовато-синий; выражение лица у Омор на миг стало свирепым, и дальше она уже ехала не в середине отряда, сонная и печальная, а с краю, хищно высматривая, кого б подпалить ещё.

Долго ждать не пришлось.

Следующее чудовище сразила Эсхейд – огромного червя, прозрачного, точно выточенного из хрусталя. Он метался в тенистой низине, круша всё на своём пути; тонкие деревца были поломаны, как трава, а в земле виднелись глубокие рывины. Копьё одного из всадников отскочило от чешуйчатой шкуры, как от металлической болванки, но наместница не растерялась – и, воздев меч, обрушила на тварь пурпурную молнию.

– Червь Шалпана, – опознала чудовище Фог, холодея. – Очень опасное существо! Питается морт, которую извлекает из живых существ, а когда насытится – разделяется надвое. Нам ещё повезло, что мы повстречали его днём, в сухую погоду, ночью и в дождь он был бы почти непобедим... Не надо его трогать, оно ядовитое!

– А сжечь можно? – коротко спросила Онор.

Ей единственной, кажется, было весело.

Чем ближе к Кимень-горе, расколовшейся надвое, тем чаще встречались твари – а вскоре стали попадаться и люди. Мёртвые; растерзанные; изувеченные и умирающие. Больше всего запомнился отчего-то мужчина, лишившийся нижней половины тела. Он полз и полз по тракту упрямо, оставляя за собой кровавый след, а когда увидел впереди отряд, то вдруг завыл по-звериному. Помочь ему было уже нельзя; Фог хотела попытаться, но Телор велел ей отойти и отвернуться.

Она послушалась, но стало тошно.

Окрестности горы бедствие изувечило куда сильнее, чем склоны в половине дня пути отсюда: похоже, что его источник находился где-то неподалёку. Местами пласты слоистых скал вывернуло из-под земли и вспучило так, что дорога стала непроходимой, и передвигаться приходилось медленней – и осторожней из-за чудовищ. Несколько человек из табора были уже ранены, и Эсхейд приказала дружине окружить кьярчи со всех сторон и не терять бдительности. С тех пор всадники ехали, обнажив морт-мечи, и это спасло немало жизней.

Последнюю тварь, огромную чёрную многоножку с пастью, в которой поместился бы гурн целиком, пришлось загонять почти дюжине воинов во главе с Телором в перекошенном венке – и рубить по частям.

– Откуда же они прут? – в сердцах бросил Иаллам, который успел уже испытать подарок, воспламеняющий меч, который Фог наскоро

сделала в лагере. Точность у меча немного страдала, но это с лихвой искупалось мощью. – Конца им не видно!

– Из-под земли, – ответила она, пользуясь короткой передышкой. Отряд вышел на относительно неповреждённый участок дороги, где о недавнем бедствии напоминали только поломанные деревья и небольшие провалы, там, где почва осела в глубинные пустоты. – Потому, кстати, летучих существ среди них и нет, кроме жуков.

– Мне и их хватило, – содрогнулся Иаллам и машинально почесал шею, куда недавно пришёлся укус ядовитого жука. И глянул вверх, на дирижабль. – Везёт твоему капитану, летит себе в вышине, горя не знает. Можно и мне к нему?

– Можно. Я тебя морт вверх подкину, ты постучись в окошко, может, он откроет... А может, и нет.

– Тыфу ты, шутки твои, – откликнулся Иаллам, несколько не обидевшись, впрочем. – Лучше прокати меня на своём сундуке, а то мне опостылело уже месить грязь... Ох.

«Что – ох?» – хотела спросить Фог, но тут и сама увидела.

Лесная дорога вильнула в очередной раз, нырнула прямо в арку под сросшимися ветвями двух исполинских деревьев и влилась в луг. Прежде, наверное, зелёный – а нынче пёстрый от множества тел в примятой, истоптанной траве. Здесь были и воины в зелёных плащах с золотой вышивкой по краю, и в синих плащах со знаком в виде двух перекрещенных мечей над цветком... А больше всего – в неприметных тёмно-коричневых и грязно-серых плащах без гербов, зато с меховой опушкой.

– Те самые! – заорал вдруг Тарри, привставая на телеге, и приложил ладонь над глазами, словно от солнца их защищая. – Гляньте, те самые воины, что нам тогда встретились!

– У них раны от мечей и копий, а не от клыков и когтей, – хрипло произнёс Иаллам, бледнея, и даже его серые глаза, кажется, посветлели ещё больше. – Тут человек человека убивал...

Он почти не ошибся.

Тела, изувеченные подземными тварями, тоже попадались, но не так много. Телор осмотрел их и пришёл к выводу, что чудища появились намного позже, чем началась битва, и пожирали уже мертвецов, а не живых. Впрочем, раны от морт-оружия выглядели даже хуже, чем от когтей и зубов: иные покойники обгорели так, что

человеческого в них почти не осталось, другие были наполовину заморожены, третьи – точно частой сетью рассечены... Фог многое уже повидала, но вскоре и ей стало дурно; она вернулась к сундуку и привалилась боком к его стенке, мелко дыша и прихлёбывая холодную воду из фляги, пока дружинники, спешившись, осматривали поле в поисках выживших и изучая следы.

– Сперва сюда явились всадники из Беры, примерно пять дюжин, на закате, – подвела итог Эсхейд, выслушав все доклады и хорошенько оглядевшись. И указала мечом на тракт, теряющийся в роще на другой стороне луга. – Вон оттуда. Через час или два со стороны холма пришли воины из Орма, почти шесть дюжин, частью пешие, частью на гурнах; среди них точно был Кальв – такого огромного скакуна больше ни у кого нет. Остановились они вон там. И, похоже, что готовились не к битве: посреди луга установили жаровню, принесли серебряные кубки и вино.

– Примирение, – кивнул Телор, приблизившись. Один из кубков, погнутый и закопчённый, он как раз вертел в руке, рассматривая с разных сторон. – Земля там порядком обгорела, но кое-какие следы остались. Думаю, что Кальв и Мирра поехали навстречу друг другу, затем спешили. Вино не пили, им напоили землю в знак клятвы, а часть пролили на жаровню. Но завершить обряд не успели: по ним ударили из засады. Вот эти, в сером, – кивнул он на воинов в плащах без гербов. – Видимо, хотели избавиться разом от двоих наместников, а объяснить всё междоусобицей... А потом вспыхнула битва.

– И пошла не так, как задумывалась, – вздохнула Эсхейд. Перекинула косу через плечо, потеревшая задумчиво. – Сердцу беспокойно, как бы не было беды с Миррой и с Кальвом...

– Среди мёртвых я их не нашёл, а искал хорошо, – улыбнулся Телор и, ободряя её, осторожно прикоснулся к плечу. – Рано печалиться, пока мы правды не знаем. Отсюда ведут два следа. Один в холмы, а дальше в лес – туда дружину Кальва теснили воины в плащах без гербов. Другой – к озёрам: там один отряд всадников преследовал другой. Судить не берусь, далеко я по тому следу не прошёл, но, похоже, это Мирра за кем-то погнался.

Эсхейд помрачнела:

– Разделились. А затем земля вздрогнула и разверзлась... и полезли твари.

Она хотела что-то ещё добавить, но тут Тарри, помогавший осматривать место сражения, закричал с самого края луга, где начинался лес:

– Живые! Тут живые есть! Ступайте сюда быстрее... Ба, да тут не лекари – колдуны нужней!

Выжившие были из дружины Мирры, и их оказалось двое: молодая мечница с густыми светлыми кудрями, сейчас слипшимися от крови и грязи, и трубач, слепой на один глаз, совсем мальчишка ещё, лет четырнадцати, не больше. Вот ему-то и досталось сильнее: спина была рассечена от плеча и до бедра, позвоночник оказался повреждён, а крови вытекло столько, что сомнения брали – осталось ли хоть что-то в худеньком тельце? Мечница выглядела чуть лучше, хоть и почти лишилась правой руки, висевшей буквально на лоскуте кожи, и ноги у неё обгорели до колен.

– Спасите моего господина, – повторяла она почти беззвучно, пока Фог пыталась срастить ей кости. – Я... я ему ничем не помогла, подвела только...

Позже мечница рассказала, как всё было, подтвердив предположения Эсхейд и Телора. Наместники юга и востока действительно решили положить конец бесцельным стычкам и доискаться до правды: они давно подозревали, что их стравливают между собой, а последняя поездка Мирры в Свенн, к наместнику Биргиру, лишь укрепила эти подозрения. Собрав самых доверенных воинов, братья встретились втайне здесь, у Кимень-горы, и поклялись вместе найти подстрекателя и отомстить.

Но когда они обнялись, скрепляя клятву, на них обрушилась волна пламени.

– Господин Мирра укрыл брата своим плащом, – рассказывала мечница тихо, и взгляд у неё был стеклянный: Фогарта сумела избавить её от боли, но долгие часы нестерпимых мук не прошли бесследно. – Его плащ... его плащ ни стрела, ни огонь, ни молния не берёт, он особыми камнями расшит. И началась... началась битва. Мы сразили многих... но нас теснили. Я билась с пятью противниками разом, к Яльку не пускала, он... он трубач наш и знаменосец... ребёнок ещё...

– Это который чернявый и одноглазый? – спросил Телор, выплетая себе венец заново из трав и луговых цветов: мелких белых,

напоминающих звёзды, и крупных лиловых метёлок. – Да ляг ты, ляг, оголтелая, цел твой мальчишка. Не знал, что Мирра берёт в свою дружину увечных.

– Он красивых берёт, – улыбнулась мечница, слепо глядя в небо. – А Яльк... Яльк поёт красиво. Господин... господин сразил моих врагов и укрыл нас своим плащом, сказал, затаиться... сберечь мальчика и себя... я подвела... Господин Мирра! – вскинулась она вдруг, выгибаясь дугой, и Фог поспешно усыпила её.

«Разум так быстро не исцелить, как тело, – растерянно подумала она, касаясь спутанных кудрей мечницы, едва-едва отчищенных от крови. – Дольше болит».

А вслух спросила, обернувшись к Телору:

– Что будем делать? За кем прежде пойдём, за Миррой или за Кальвом?

– Разделимся, – ответил тот задумчиво, покачивая на пальце недоплетённый венчик. – Иначе, боюсь, быть беде. Помнишь ту многоножку? Вот в округе она, видно, прочих тварей и пожрала, ненасытная, а раненых не нашла лишь потому, что они были укрыты плащом Мирры. Так-то, может, и другие выжившие были... Кальв отступал не бездумно, в той стороне, в самой чаще, у него есть тайное укрытие – лесная крепость; с другой стороны, за ним-то большинство вражеских воинов и пошли, если по следам судить – почти сотня. Даже если там не у каждого врага морт-меч есть, сила не на его стороне. Мирра же бросился вдогонку за кем-то важным, как бы не за командиром этих, в серых плащах. Его воины вооружены хорошо, но их всего лишь дюжина. Я прошёл по следу, но всё, что нашёл – несколько мертвецов в плащах без гербов и большую расщелину поперёк дороги, шириной пятьдесят шагов, не меньше. И если Мирра не на её дне, то он на другой стороне.

– А там могут быть твари, – кивнула понятиливо Фогарта и поднялась. – И скоро ночь; с наступлением темноты появятся все, кто сторонится дневного света... Мы полетим на дирижабле к озёрам и попробуем отыскать Мирру с воздуха, так быстрее.

– Мы двинемся к лесной крепости вместе с табором, не бросать же их здесь... Повезло же бедолагам связаться с нами, – ответил Телор. И оглянулся в поисках наместницы. – Ступай, не медли. Я всё объясню Эсхейд. Как доберёмся до крепости и выручим Кальва, я

запущу в небо зелёные огни, видимые лишь кимортам. К ним и полетите.

Условившись так, они расстались.

Осмотревшись, Фогарта отыскала Иаллама: пользуясь случаем, тот задремал в телеге у кьярчи, не смущаясь ни мертвецов вокруг, ни близости расщелины, откуда могли вылезти новые твари. Она его растолкала и вкратце объяснила суть дела, а затем спросила, отправится ли он с ней или с Телором.

– Ну, если ты не станешь меня и впрямь вверх подкидывать, чтоб я постучался в люк, то на дирижабле, конечно, передвигаться сподручней, – хмыкнул он, потягиваясь и жмурясь. – Ох, и чудной сон мне приснился! Как будто покатила по небу звезда – и упала мне прямо в руки. И красивая, и колючая – и удержать нельзя, и бросить страшно, вдруг разобьётся... Как думаешь, к чему?

– А мне откуда знать? – Фог пожала плечами. – Я учёная и киморт, а не предсказательница. Забирайся на сундук. Надо успеть отыскать Мирру с его отрядом до темноты... А где Сэрим, кстати?

Поначалу всё шло гладко, даже слишком. Они беспрепятственно добрались до дирижабля; Сидше, вовремя заметивший их с земли, открыл большие дверцы, через которые обычно заносили груз, и сундук с тремя седоками влетел прямо через них. На борту Сэрим сменил подуставшего Чирре в кресле пилота, а Фогарта принялась копаться в вещах, разыскивая запасной окулюс, более мощный.

– Я могу опустить «Штерру» ниже, чтобы легче было заметить всадников, – заметил Сидше. – До самых верхушек деревьев. Летучих тварей до сих пор мы вроде бы не встречали...

Он стоял у стенки, прислонившись к ней и скрестив на груди руки; солнце, клонившееся к закату, зажигало тёплые искры в волосах и притворно разрумняивало бледную кожу. Ворот чёрной хисты и нижней рубахи из тонкого красного шёлка был распахнут ровно настолько, чтобы видны были ключицы, а грубоватые сапоги, подходящие для путешествий по северным лесам, капитан сменил на ишмиратские бархатные туфли, тонкие и надетые на босую ногу.

«Если б я его не знала, – подумала Фог, невольно заглядываясь на изящные очертания обнажённых щиколоток, – то решила бы, что он принарядился для меня».

– Лучше оставаться чуть выше верхушек, – вслух ответила она и отвернулась, чтобы сохранить ясность мыслей. – И попробуй остановиться над расщелиной. Хочу кое-что сделать.

– Что именно?

– Сомкнуть её.

Сэрим за штурвалом раскашлялся и пробормотал себе под нос что-то неразборчивое; различить получалось лишь отдельные слова, вроде: «молодёжь», «чего удумала» и «мы-то такими не были».

Расщелины они достигли за четверть часа, не больше – как Телор и говорил, она находилась недалеко. Землетрясение натворило здесь много бед, и с высоты это было видно как на ладони: кое-где верхний слой почвы пошёл складками, как ковёр, образовалось множество провалов, а русло небольшой лесной речушки перегородило вспучившимися породами. Сама расщелина на первый взгляд казалась пропастью без дна, протянувшейся на тысячу шагов, но в действительности по-настоящему глубоких участков было немного.

«Должно получиться, – размышляла Фогарта, свесив голову в люк и рассматривая через окулюс движение морт и положение слоёв песка, глины и камня. – Ага... вот здесь непрочное. Если подтолкнуть немного, то разлом сомкнётся. А там?»

– Голова не кружится, красавица? – бархатные чёрные туфли остановились в ладони от края люка. – Может, придержать тебя за плечи?

Самым трудным было не обернуться в тот момент и не посмотреть на него – снизу вверх.

«Я ведь сейчас у его ног», – подумалось вдруг, и стало неловко.

– Не надо, – ответила Фог и притронулась к колёсику на окулюсе, хотя и так настроила уже его безупречно. – Лучше подай мне пару колб с мирцитом... нет, пока одной хватит, наверное, он достаточно чистый.

Послышался смешок.

– Как пожелаешь.

Продолговатая колба из тёмного стекла была заполнена на две трети. Серебристый металл внутри казался сгустком жидкости, но если бы кто-то зачерпнул и растёр его между пальцами, то он рассыпался бы тончайшей пудрой с чёрным отливом. С некоторым трудом выпрямившись, Фогарта села у люка, поджав под себя ноги, и

осторожно вытащила пробку, одновременно наполняя мирцит своей волей – и морт.

«Странно, – пронеслось в голове. – Раньше мне приходилось взвешивать металл на самых чувствительных весах, чтобы прикинуть, какое количество морт понадобится... А теперь я гляжу – и понимаю, и никаких весов не надо. Совсем как учитель».

В груди кольнуло, и она нахмурилась, отгоняя несвоевременные мысли... а затем медленно опрокинула колбу над люком. Мирцит на мгновение завис в воздухе серебристой каплей – и брызнул в стороны мельчайшей пылью, смешиваясь с облаком морт, а затем устремился вниз невесомым дождём.

Одной колбы объёмом в две чашки для чая хватило, чтобы покрыть почти треть расщелины. Отслеживая изменения через окулюс, Фогарта осторожно проталкивала облако глубже: песок, насыщенный водой; плотная слоистая глина; снова песок, глина и известняк... Наконец добравшись до нужного участка, она аккуратно распределила мирцит – и резко увеличила количество морт.

Послышался глухой удар, точно взрыв где-то в глубине.

В глазах на миг потемнело.

– ...так и знал, что стоит придержать тебя за плечо.

Когда Фог очнулась, то обнаружила себя на полу, головой на коленях у Сидше. Он осторожно гладил её по волосам, очерчивал ногтями кромку лба, проводил пальцами по губам.

Окулюс лежал рядом.

– Я... – в горле резко пересохло, и она отвернулась, но сделала только хуже, потому что теперь прижималась к чужим ногам щекой, и жар, исходящий от тела, сквозь тонкую ткань ощущался болезненно остро. – Я в порядке, не устала даже. Просто разом вложила много морт, это как встать резко... Не как тогда, с бурей.

– Вижу, – согласился он спокойно и коснулся её щеки. – Тогда ты была бледнее смерти и бредила три дня, а сейчас у тебя румянец.

«Это потому что ты меня трогаешь».

Она выпрямилась и села; затем подвинулась к люку, снова надела окулюс – и взглянула в пропасть.

Потоки глубинной морт были теперь надёжно отсечены; расщелина сомкнулась – там, в глубине, а поверхностный разлом опасности не представлял.

«Я смогла, – в груди стало тепло. – Я правда сделала это!»

– Получилось! Теперь на можно не бояться тех, кто вылезет из бездны, – улыбнулась Фог, оборачиваясь.

Сидше ответил ей такой же улыбкой, точно в зеркале отразил:

– Да. Будем бояться только тех, кто уже вылез.

Поначалу Сэрим ворчал, что, мол, с высоты следов на земле не разглядеть, но вскоре вынужденно признал, что ошибался. Наместник юга отмечал свой путь не столько примятой травой и отпечатками копыт в глине, сколько поверженными врагами: каждую тысячу шагов – по изломанному телу в сером плаще. Морт-оружием он явно владел превосходно, ощущая его как продолжение собственной руки, и редко бил в полную силу – так, чтоб убить, но не разорвать в клочья. Там, где мертвецов не было, верное направление указывала взрыхлённая земля, дымящиеся обломки и расколотые деревья... Убитых из отряда Мирры долгое время не попадалось, пока Сидше не заметил сразу двоих, точнее, два кургана из камней, застеленных зелёными плащами, со сломанными мечами у изголовья.

– Задержался, чтобы похоронить их, – помрачнел Сэрим. – Даже зная, что так может упустить врагов. Впрочем, если уж такой, как он, тебе на хвост сядет, то пощады не жди – и под землёй найдёт... Ох, да вы ж посмотрите только!

В отдалении вспыхнул столб пламени почти до небес, отчётливо выделяющийся на фоне темнеющего неба.

А Фог ощутила сильную вспышку морт.

– Туда! – Она неосознанно вжалась лбом в стекло, словно пытаясь переместиться к источнику огня, яростного, но быстро затухающего. – Можно быстрее? Кто б там ни сражался, думаю, что противники его – не люди.

– Да, против человека такая силища – перебор, – пробормотал Сэрим, поёжившись, точно он тоже мог ощутить колебания морт. – Капитан?

– Иди пока отдохни, – ответил Сидше, не глядя на него. – Я сяду за штурвал.

Стоило ему занять кресло пилота, как «Штерра», точно почувствовав, полетела резвей – даже раньше, чем он прикоснулся к рычагу.

«Быстрее, – повторяла про себя Фог, прижимая ладони к стеклу. – Пожалуйста, быстрее».

Ей казалось отчего-то, что они ужасно, невосполнимо опаздывают.

Не увидеть с высоты нужное место не вышло бы даже при желании. Слишком уж приметным оно было. Изломанные, точно щепки, древние деревья, взрытая землю, тлеющая трава и валежник... и целая орда прядильщиков, огромных пауков с человеческими руками, заседающих на небольшой отряд всадников в зелёных и в серых плащах. Враги ещё день назад, они сейчас бились бок о бок.

И проигрывали.

Трое или четверо воинов уже пали – и вдвое больше скакунов. Когда дирижабль завис над полем боя, два прядильщика как раз вырывали друг у друга мёртвого гурна, пронзительно вереща. Дыхание у Фог перехватило – одновременно и от омерзения, и от ужаса, и от желания немедленно что-то сделать, вмешаться, спасти.

– Остановитесь здесь, – отчеканила она. – И готовьтесь сбросить лестницу.

– Спускаться будешь? – Сэрима аж передёрнуло. – Сейчас?

– Нет. Не сейчас. Когда приберусь.

Гнев клокотал у неё в горле; морт клубилась вокруг, густая, как тогда, в Кашиме, на рабском рынке – и такая же податливая.

«Я ведь давно хотела этого, – осознала она. – Хотела и сдерживала себя... И в оазисе, и в поместье Радхаба, и потом, у лорги во дворце».

Сила трепетала на кончиках пальцев.

«А теперь не буду».

Зажмурившись, Фогарта глубоко вздохнула, сосредоточиваясь на ощущении разлитой в воздухе морт – и продолжила стягивать её, пока дирижабль закладывал петлю, замедлялся и останавливался. Чудовища внизу были тоже полны морт, только иной, алчной, голодной; они напоминали расползающиеся жирные кляксы, а люди рядом с ними – тусклые фонари... нет, искры, которые гасли слишком легко.

«Сейчас».

Повинуясь воле и вложенному стремлению, морт рухнула вниз – тяжёлая, смертоносная.

Раздался звук, какой бывает, если хлопнуть ладонью по переспевшей ягоде.

Фог открыла глаза и глянула сквозь стекло.

То, что осталось от прядильщиков, напоминало вязкую кашу чёрно-коричневого цвета. Воины, только что готовые атаковать, недоверчиво оглядывались по сторонам – искали подвох; наконец, один задрал голову – и заметил дирижабль.

– Вот теперь, – произнесла Фогарта, – можно и спуститься.

На борту в итоге остались только двое – Март и Чирре. Фог сперва спустилась сама вместе с Сидше, а затем помогла Сэриму и Иалламу. Дружинники, едва выжившие в боине, поначалу приняли их настороженно, но имя Эсхейд развеяло их предубеждения. В конце концов, отчего бы наместнице севера не послать им на выручку киморта?

Кто, если не она?

– Помоги нашему господину, прошу, – хрипло попросила немолодая уже всадница, черноволосая, с единственной белой прядью в косе, изумительно красивая даже сейчас, в крови и в грязи. – Он... он спас нас, увёл в сторону чудовище, раздражил и выманил... К озеру поскакал. Огромное чудовище...

Сердце у Фог дрогнуло от недобрых предчувствий; вытоптанная земля под ногами показалась на миг топкой, как болото.

– Что за чудовище?

– Как змея, – ответил копейщик, широкоплечий и статный, с тёмными волосами и аккуратной бородкой, чётко обрамляющей челюсть. Он бился в первых рядах – и пострадал сильнее других, пусть жизни его ничего не угрожало. – Но чёрная, со множеством острых ног. Мечи от её шкуры отскакивали, как тростинки. А из пасти исходил едкий смрад, и трава точно обугливалась.

Перед глазами тут же возник образ твари, которую едва-едва сумел уничтожить Телор – и не в одиночку, а вместе с дюжиной воинов с морт-мечами.

– Оставайтесь здесь, – тихо приказала Фогарта. Щелчком подозвала сундук, привычно вскарабкалась на крышку. – Вы только будете мне обузой. Если не вернусь, садитесь в дирижабль и улетайте.

Сидше ничего не сказал, только сузил глаза. А Иаллам вскинулся, точно ему пощёчину залепили:

– То есть как обузой? А эту штуку – он потряс огненным морт-мечом – ты мне зачем тогда дала?

Фог вцепилась в крышку так, что пальцам стало больно.

– Чтоб ты выжил, дурак! – крикнула она, взмывая повыше. – Где там это озеро?

Никогда ей ещё не приходилось гнать сундук так быстро, даже в пустыне. Ветер бил в лицо, заставляя слезиться глаза; в висках стучала кровь – тук-тук-тук... Чем ближе к озеру, тем чаще попадались приметы битвы не на жизнь, а на смерть: стволы деревьев, обугленные и переломанные, как хворост, взрыхлённая от удара земля и валуны, рассечённые пополам. Увидев труп гурна, точнее, его половину, оплавленную, точно облитую кислотой, Фогарта на секунду похолодела: неужели опоздала?

А потом впереди, у озера, вспыхнул столб пламени – точь-в-точь как прежде.

«Туда!»

Огромную чёрную многоножку, выгнувшуюся дугой на мелководе перед атакой, она увидела издали – и, не задумываясь, ударила морт, вкладывая убийственное стремление. Тварь глухо заурчала, неожиданно приятно для своего омерзительного облика и немного похоже на котов Эсхейд. Плюхнулась в озеро, взметая целую волну ила и воды – а затем рванулась к новому врагу.

«Я её отвлекла. Хорошо, – сосредоточенно подумала Фог, заставляя сундук набрать высоту. – И, кажется, ранила... Убить не получилось – мало силы? Или нужен проводник?»

Времени на размышления, впрочем, почти не было.

Чудом выиграв фору в пятьсот шагов, Фог приземлилась, спрыгнула с крышки и быстро откинула её, почти вслепую нашарила колбу с мирцитом – по счастью, она лежала на самом верху – и выдернула пробку.

Всё произошло как тогда, с ущельем, только быстрее.

Мирцит разлетелся облаком, напитываясь морт; облако почернело – и ринулось навстречу многоножке, окутывая её, облепляя прочную шкуру, проникая внутрь...

– Сдохни уже, – шепнула Фог – и хлопнула в ладоши.

Чудовище, которое было уже всего в ста шагах, замедлилось, вздулось – и лопнуло, разлетаясь на кусочки не крупнее ногтя.

– Неужели получилось? – выдохнула она, недоверчиво шурясь. Пахло неприятно – едко и затхло, мертвечиной пополам с желудочным

соком. – Мирра! Где он?

Когда Фог возвращалась к озеру, то руки у неё тряслись; она и не чаяла увидеть его живым и представляла, как станет рассказывать Эсхейд, что не успела... Заметила тело на мелководье – и вздрогнула. Сунулась сначала в озеро сама, увязла в иле по щиколотку и только тогда опомнилась.

«Что же это я делаю?»

Глубоко вздохнув, она подтянула к себе морт – и раскинула во все стороны так далеко, как могла. Убедилась, что других тварей поблизости нет, и лишь затем переместила Мирру к себе, осторожно, чтоб не сместить сломанные кости, и уложила на траву.

...он всё ещё был жив. И действительно красив – красивее, чем рассказывали. Вот только лицо сейчас стало как восковая маска, левая рука повисла плетью, а справа тело облепляла не то слизь, не то студень – что-то едкое, отчего ткань плавилась и начинала пованивать палёным. Притрагиваться к слизи Фогарта побоялась и сдёрнула с него разом всю испорченную одежду; повреждённая кожа выглядела в лучшем случае воспалённой и вспухшей, а кое-где и обугленной до черноты.

К горлу подкатила тошнота, и справиться с ней удалось не сразу.

– Сперва избавиться от яда, – напомнила себе Фог вслух, заставляя себя не бояться и сосредоточиться на том, что нужно сделать – в конце концов, в Дабуре было страшнее, намного, да. – Затем восстановить повреждённое; наконец избавиться от последствий – и лишь тогда пробудить.

Настроить сито из морт, фильтрующее яд, вышло не с первой попытки, но потом дело пошло на лад. Мирра оказался счастливым: сражаясь с чудищем из глубин, он умудрился отделаться отравлением, ожогами и десятком сломанных костей. Дольше всего Фогарта провозилась с кожей: жалко было оставлять такого красивого человека со шрамами, а вот руку собрала и срастила почти играючи. Бережно вычистила грязь из его волос, скорее красных, чем рыжих; выудила из озера и сложила горкой морт-оружие, от меча до кинжалов; аккуратно окутала наместника облаком морт, пробуждая – и только тогда сообразила, что забыла кое-что.

«Одежда!»

Но Мирра уже открыл глаза – иссиня-серые, как лёд на озере по весне, как грозное небо.

– Я... жив?

Голос у него тоже оказался красивый, мелодичный – как третья струна на семиструнке, сейчас лишь самую малость хриповатый. Смутьившись, Фог поднялась и отступила к сундуку, отвечая слегка высокомерно и торопливо, точно защищаясь:

– Как видишь. Я от Эсхейд, она просила за тобой присмотреть. Ты ведь Мирра? Накинешь пока мою хисту? От твоей одежды мало что осталось.

Он присел, морщась, и кивнул, не то соглашаясь на хисту, не то подтверждая, что он и есть наместник юга. В ушах у него качнулись серьги – красные полумесяцы из полупрозрачного камня, и Фог ощутила слабый отклик морт.

– О, интересная работа! – заметила она с лишним, пожалуй, воодушевлением и расстроилась, что, пожалуй, глупо выглядит. – Серьги для защиты, да? Держи. – И она кинула ему белую хисту, которую не надевала, наверное, с самого бегства из Шимры.

Он неловко просунул руки в рукава и снова кивнул. Затем точно опомнился, тряхнул головой и ответил вслух:

– Да, мать подарила. Я их надеваю... иногда. – Он поморщился. – Голова болит.

– Это нормально, – успокоила его Фог. Сейчас, вблизи, наместник вовсе не казался таким пугающим, каким его описывали. Он говорил вежливо и тихо – и мало, надо признать; выглядел растерянным; двигался как в тумане. – Ты потерял много сил, тебе бы сейчас поесть и поспать... Присядь, куда ты встаёшь? Будешь резко двигаться – лишишься чувств. Как девица.

Последние слова она добавила нарочно, не то проверяя его, не то поддразнивая. Но он лишь кивнул снова – и опустил обратно на траву. Плохо завязанная хиста чуть сползла с одного плеча, открывая ключицу, и Мирра зябко натянул ткань повыше.

Фог стало совестно.

«Ему и так плохо, а тут я со своими шутками».

– Давай, я тебе воды наберу, хоть попьёшь, – предложила она вслух. – Только её сначала очистить надо, а то что-то ила у берега многовато... Ты пить ведь хочешь?

– Хочу.

Старшая, красноватая луна выглянула из-за раздвоенной вершины Кимень-горы, заливая всё ярким холодным светом – и берег, изрытый во время битвы, и спокойную гладь озера, и Мирру, который сидел отрешённо, едва прикрыв колени полами хисты. Серьги мягко отблескивали в лунных лучах – два багровых блика, по оттенку точь-в-точь как его волосы, сейчас чуть вьющиеся от влаги... Перестук копыт гурна Фог услышала издали, но, сосредоточенная на том, чтобы добыть немного чистой воды, обернулась лишь тогда, когда раздался жизнерадостный голос.

– Так и знал, что ты зря грозилась! – Иаллам спрыгнул с гурна, по-мальчишечьи счастливый и немного запьяневший от быстрой скачки. – Жива и здорова! Одолела чудище, да? Расскажи потом как. Ха, а капитан мне теперь должен серебряную монету – я и впрямь его обогнал, первым добрался... А что за красавица с тобой? – добавил он тем же ласковым, многозначительным тоном, каким иногда кокетничал с ящеркой-садхам.

Мирру точно подменили.

Взгляд у него вспыхнул – будто злое пламя запылало; заострились скулы; губы искривила надменная гримаса.

– Повтори-ка, что ты сказал.

Это прозвучало тихо, но Иаллам услышал каждое слово – и переменился в лице, разом бледнея настолько, что на щеках и переносице у него проступили веснушки.

– То есть ты не женщина?

Фог стало смешно и неловко в то же время; собранная вода вылилась обратно в озеро.

«Он только делает хуже с каждым словом».

– Что? – выдохнул наместник, плавно поднимаясь на ноги. Его слегка шатало, но впечатление надвигающейся угрозы это не уменьшало, даже напротив. – Да как ты...

Глаза у Иаллама уже совершенно округлились. Он отступил на полшага и растерянно забормотал:

– Но я ведь никогда не ошибаюсь. Если мне кто приглянется – это точно красавица, я ведь всегда узнаю, даже под семью покрывалами... А ты точно?..

Он не договорил, но Фог всё равно закашлялась от смущения. А Мирра молча, с каменным лицом, развязал пояс хисты и распахнул полы.

Иаллам сделал несколько заплетающихся шагов спиной вперёд, не отрывая от него взгляда, и плюхнулся на зад.

– Ох, вот же...

– Я тебя потом убью, – сообщил Мирра царственно; взгляд у него был мутный, с поволокой. – Когда отдохну... Хотя нет, сейчас. Подай мне меч, живо.

...К большому счастью для Иаллама, наместник всё-таки лишился чувств прежде, чем его пальцы сомкнулись на рукояти.

4. Тот, кто услышал эхо

Алаойш Та-ци, леса южнее Ульменгарма

Ещё до того, как проснуться, Алар осознал: что-то не так.

Во-первых, он был связан.

Во-вторых, кто-то сидел у него на груди и прижимал к горлу нож.

«Если б это был враг или убийца, то проснуться я бы не успел, – подумал Алар. – А значит, можно подремать ещё».

Но заснуть, конечно, больше не смог.

Он аккуратно, стараясь не привлекать внимания, стянул к себе немного морт – без помощи спутника это оказалось не так-то просто – и распределил её тончайшим слоем между чужим клинком и собственным горлом; затем немного изменил стремление, вложенное в морт – и перерезал гладкие верёвки, стягивающие его запястья над головой и опутанные вокруг щиколоток.

«А ведь искусно это провернули, – подумал он. – Я даже и не почувствовал».

И открыл глаза.

На груди у него сидела Тайра, злющая, как тысяча хадаров, и явно не спавшая несколько дней – и вот тут-то ему стало страшно.

– Говори, эстра, куда тебе пять золотых засунуть, – очень-очень тихо произнесла она, не отрывая от него яростного взгляда. – Видишь, какая я добрая – ещё выбор даю.

Земля под лопатками была пышной и тёплой; в ухо настырно лезла метёлка травы; в вышине, за густым переплетением ветвей, быстро неслись по небу облака – день обещал стать погожим и ветреным. Пахло разноцветьем, живой древесиной и самую малость рекой, которая текла поодаль, в низине...

Помирать не хотелось.

– В кошель к себе сунь, – предложил Алар миролюбиво. – Там им самое место.

– А вот я так не думаю! – рявкнула она и так тряхнула его за плечо, что если б не прослойка из морт между кожей и лезвием, то

щеголять бы ему с перерезанным горлом. – Рейну до слёз довёл!

– Поплачет и перестанет – всё лучше, чем угодить на юге к работорговцам в лапы.

Тайра склонилась к его лицу низко, как для поцелуя, и прошипела:

– А это уж ей позволь самой решать.

– Выходит, ей ты это право даёшь, а мне – нет? Я-то решил, что пойду один, – спокойно ответил Алар. – Как ты меня нашла? Следов я не оставлял... – Он скосил взгляд и заметил наконец, что с Тайрой они не одни. – Здравствуй, Рейна. Значит, с простым поисковым маятником ты управляться научилась – похвально. Но за то, что от Телора убежала, хвалить не стану.

Девочка, до сих пор заплаканная и перепуганная, хлюпнула покрасневшим носом и ответила, насупившись:

– Не он мне учитель, а ты.

– А раз я учитель, зачем идёшь против моей воли? – Алар выгнул бровь. Рейна застыла, потом губы у неё задрожали. – Ну, ну, не плачь. Тоже мне горе – врозь побыть. Я ведь не навсегда уходил – да и не по своей воле; есть важное дело.

Она судорожно вдохнула, обняла собственные колени, успокаиваясь, и спросила:

– Так ты вернулся бы?

«Не знаю, – подумал он, на миг прикрывая глаза. Ветви над головой с узкими тёмно-зелёными листьями, голубое небо и перья облаков исчезли, точно их и не было. – Если б выжил, то, может, и вернулся бы... Да только вряд ли бы ты сама меня видеть захотела».

А вслух солгал:

– Конечно. Киморты ведь долго живут, непременно бы встретились – чуть позже, чуть раньше...

– Ну хватит время впустую тратить, – раздался вдруг новый голос, смутно знакомый, ласкающий слух, точно бархат. – Разве вы не видите, что совести у него нет – и что он кого хочешь заболтает?

Из подлеска выступил мужчина с мягкими, нежными чертами лица, словно бы тронутыми печалью. Глаза у него были ясные, светло-голубые, чуть вытянутые к вискам и как бы удивлённо распахнутые; губы тонкие, с капризным изгибом. Снежно-белые волосы он собрал в простую причёску: две пряди шли от висков и на макушке скреплялись серебряной заколкой в виде цветущей ветви. На нём были белые, без

единого пятнышка одежды по ишмирской моде, длинные, с широкими рукавами хисты и узкими – нижней рубахи, но при всём его изяществе и изысканности отчего-то очень хорошо представлялось, как он бранится на чём свет стоит или опрокидывает в себя вино чашу за чашей.

За спиной у него висела семиструнка; поймав чужой взгляд, он улыбнулся.

– Дёран, – опознал тотчас его Алар. – Сказитель из Беры и приятель этого чудаковатого Сэрима... Верёвкой ведь ты меня связал? – добавил он вдруг, сам себя удивив: слишком это напоминало воспоминание, а не догадку.

Дёран – а это именно он и был – улыбнулся:

– Почему ты так решил?

– Потому что ты уже заметил, что я разрубил узлы, а Тайра – нет. Значит, не её работа, – сообразил Алар быстро. И перевёл взгляд на кьярчи. – И, кстати, если б я не защитил шею от лезвия, то ты сейчас бы меня третий раз убила – слишком давишь.

Побледнев, она выронила нож – и ойкнула; затем подобрала его, перегнувшись вбок, и наконец слезла с Алара, отпуская его:

– На всё-то у тебя есть ответ, всё-то ты знаешь... И чего ж ты один пошёл, если умный такой?

– На юге нужней всего две вещи: чистая вода и надёжные друзья, – добавил Дёран, чуть прищурившись. – Уж поверь мне, я те края хорошо знаю... Ну что, не погонишь своих девиц прочь?

– Таких прогонишь, если они дюжину дней по моему следу шли, – пробормотал Алар, стряхивая верёвки и поднимаясь. – Держи. Где научился вязать такие узлы?

– В Шимре, у богатой любовницы, триста лет назад, – усмехнулся Дёран – не то пошутил, не то просто солгал. – Завтракать будешь?

– После такого пробуждения плотный завтрак не повредит...

Трапеза вышла скромная, но сытная – хлеб, сваренные вкрутую яйца и молодые стебли, хрустящие и водянистые, которые Тайра отыскала у реки и очень обрадовалась:

– Они на ярмарке в Ульменгарме по серебрушке за пучок идут! А тут ешь – не хочу, и платить не надо. И Тарри их любит, вот был бы он здесь... – Она осеклась.

Пояснений не требовалось: одно дело – расстаться на время, с уговором встретиться в определённом месте, и совсем иное – убежать, не зная, когда возвратишься – сумеешь ли вообще... С братом Тайра никогда надолго не расставалась и, хоть и бранила его изрядно, однако явно любила.

«Но сейчас выбрала меня», – подумал Алар, и ему стало совестно – и приятно в то же время.

Наверное, поэтому он сказал позже, рискуя нарушить хрупкое перемирие:

– Сейчас ещё не поздно повернуть. Может, лучше отправиться на север, чем идти со мной? До Орма рукой подать, а там за пять-то золотых можно нанять дирижабль и добраться до Хродды быстро и безопасно.

Тайра как раз убирала вымытый котелок в сумку, готовясь взвалить её на гурна, и едва не уронила.

– Шутишь, что ли? – обернулась она, упирая руки в бока. – Я не для того за тобой гналась без продыху, чтоб сейчас отступить. И попробуй-ка возрази, что одному странствовать лучше: вон, сам не заметил, как тебя спеленали по рукам и ногам!

Возражать Алар не стал: он вопрос задал не для того, чтоб поспорить.

– Рейна? – Девчонка предсказуемо замотала головой, и он обернулся к сказителю: – Ну а ты, Дёран?

– Меня за тобой друг попросил приглядеть, – ответил тот просто, подтягивая струны на своём инструменте. – Приглядеть и уму-разуму поучить, если с пути собьёшься.

– Сэрим, что ли?

Дёран отвлёкся от настройки и уставился вдруг на него в упор немигающим взглядом, тем более жутковатым, что глаза были светлые до прозрачности:

– Нет. Ты.

Алар не нашёлся, что сказать.

После этого вопрос о возвращении больше не вставал. Да и вообще все так себя вели, словно с самого начала отправились путь вместе, сговорившись; наверное, так правильно – ведь чем опаснее дорога, тем важнее друг другу доверять, а доверие не растёт из взаимных упрёков... И даже если поначалу это, скорей, было

притворством, то мало-помалу стало правдой. Дни сменялись днями; реже встречались хвойники и чаще – деревья с раскидистыми кронами и крупными резными листьями. Цветы стали ярче и пышнее, луга – зеленей. Ближе к югу птицы уже отпели свои весенние песни, свили гнёзда и высидели птенцов, а потому ночи были тихими; разных зверей здесь попадалось больше, хоть и не всегда безобидных: однажды лагерь окружили крупные собаки рыжего окраса, с чёрной полосой по хребту, и отпугнуть их удалось лишь волной морт... А раз издали Алар увидел молодую гибкую лисицу с двумя хвостами. Она твякнула приветственно, точно прежде уже встречала его, и шмыгнула в лес, а наутро у костра обнаружилось несколько внушительных рыбин, заботливо уложенных у потухшего костра одна на другую.

...Орм, город воинов, появился на пути внезапно – выскочил из-за очередного лесистого холма, как разбойник, выставил крепостные стены в три ряда, зачернил небо дымом от множества кузниц.

– Как так? – нахмурилась Тайра, скрещивая руки на груди. – Мы сюда должны были выйти только через дюжину дней!

– Это потому что я с вами, – лукаво улыбнулся Дёран и тронул семиструнку, отозвавшуюся нежным звоном. – Говорят, что бродячих музыкантов дороги любят – сами нам под ноги стелются и вмиг доставляют, куда попросишь.

Она недоверчиво стрельнула взглядом и пробормотала:

– Пусть так, но мы-то шли по бездорожью, охотничьими тропами... И, будь я дорогой, ни за что бы не отпустила раньше срока того, кто нравится.

В город Алар сперва вошёл один и быстро убедился в том, что Кальв, наместник востока, был хозяином строгим, но справедливым: никакого беззакония дружинники здесь не чинили, эстре оказали уважение и почёт – и подсказали даже, как лучше всего преодолеть Пограничные горы, степь и достичь переправы через Рукав Мира.

Собственно, быстрый и безопасный способ был только один.

– Мы наймём дирижабль, – сообщил Алар, вернувшись к месту стоянки. – Завтра утром как раз отправляется один, ишмиратский. С капитаном я переговорил; сторговались на одной золотой монете. С отъездом лучше не медлить: в последнее время стало беспокойно, ходят слухи, что наместники юга и востока тяжело ранены, а кто-то вовсе убит, но это скрывают... А запад, говорят, взбунтовался.

– Что ещё говорят? – нахмурился Дёран; не удивился, впрочем, словно ждал подобных новостей, а может, и худших даже.

Алар помолчал, прежде чем ответить: пересказывать досужие сплетни ему не хотелось. С другой стороны, ещё путешествуя в одиночку, как-то перед рассветом он ощутил эхо чудовищного землетрясения – и вспомнил глубокую, жуткую расщелину, из которой выбрался червь Шалпана.

– ...говорят, что леса близ Кимень-горы наводнили невиданные чудовища – и что именно потому и вспыхнул бунт.

– Может, и к лучшему тогда, что мы отправляемся на юг, – задумчиво откликнулся Дёран. – Бунты-то ведь беспощадны, а страдает сильнее тот, кто слаб и незащищен: странники, чужаки, вроде кьярчи, и дети.

– Я киморт, а не ребёнок! – возмутилась Рейна, подбоченившись – но, конечно, никто её не послушал.

Несмотря на высокую цену, спорить и искать другой путь никто не стал: так и впрямь получилось бы избежать множества опасностей и добраться скорей, чем задумывалось изначально. А Тайра так и вовсе целый вечер посматривала гордо и выглядела исключительно довольной – ровно до того момента, когда Алар достал потайной кошель и легко расплатился золотой монетой.

– А ты думала, я тебе тогда отдал последнее и теперь мне придётся занимать? – понимающе усмехнулся он. И напоказ взвесил мешочек с золотом и серебром. – Как видишь, Телор был весьма щедр. Так что лучше побереги свои монеты на приданое.

Тайра на шутку страшно обиделась и не разговаривала целых два дня.

Капитан дирижабля, выходец из Шимры, стройный и убелённый благородными сединами, оказался большим ценителем искусства. Игрой Дёрана на семиструнке он проникся, кажется, даже раньше, чем её услышал, по одному лишь виду инструмента, и предложил сделку: услаждать музыкой его слух в пути каждый вечер, а в конце получить справедливую скидку в половину цены за проезд.

– Половина золотой монеты! – у Тайры аж глаза вспыхнули. – Соглашайся! В чужих землях каждый медяк на счету.

Красивое лицо Дёрана изрядно перекосилось.

– О, наивная женщина... – пробормотал он, однако предложение любезно принял, с единственной поправкой: выступать он будет не в капитанской каюте, с глазу на глаз, а за ужином, для всех.

Капитан особенно довольным не выглядел, однако согласился и с тех пор каждый вечер заворожённо наблюдал за тем, как тонкие пальцы легко касаются струн, лаская их; а под конец путешествия вернул часть денег – хотя и не половину, как обещал.

В целом же перелёт прошёл без приключений, быстро и спокойно. Лишь однажды вдали показался грозовой фронт, и Рейна изрядно перепугалась, вспомнив жутковатый рассказ Сэрима в Ульменгарме. Но буря прошла стороной, и в назначенный час дирижабль опустился у швартовочной мачты в шумном торговом городе близ Рукава Мира. Бурная река, что брала начало в верховьях заснеженных гор на западе, здесь разливалась необычайно широко и утихала; впрочем, её коварные водовороты сгубили многих, кто неосмотрительно пускался в путь к другому берегу на утлой лодчонке.

– Ух, – выдохнула Тайра восторженно, приставляя руку ко лбу, чтоб солнце не слепило глаза. – Так море выглядит? Другой стороны не видать...

– Так, но не совсем, – ответил Алар спокойно. Отчего-то наблюдать за ней сейчас – оживлённой, страстной и счастливой, пожалуй – было необыкновенно приятно. – Тут тоже бывают приливы и отливы, но не такие, как на берегу моря. И вода здесь другого оттенка – из-за водорослей.

– И ветер пахнет иначе, – согласился Дёран, довольно щурясь. – Давненько я тут не бывал – целую жизнь, пожалуй, а то и не одну... Рейна, ты куда?

Девочка, успевшая отбежать уже на десяток шагов, обернулась, довольно пританцовывая.

– Корабли! – ткнула она пальцем в сторону белых треугольничков-парусов, реющих над голубой водой. – Мы ведь поплывём на корабле?

Лицо её так светилось от предвкушения, что Алар помедлил с ответом.

– Сразу не получится, – мягко произнёс он наконец. – Сперва надо пойти на базар, продать гурна и избавиться от лишних вещей – а заодно и купить всё необходимое, чтобы на том берегу мы могли хотя бы издали сойти за местных.

Тайра, которая стояла у парапета и жадно разглядывала корабли, словно бы летящие над водой, тряхнула головой:

– С таким настроем, эстра, только за бесценок продать что-то и можно. Да и кто ж гурнов вот так, с наскоку продаёт? Надо походить туда-сюда, прицениться... Может, и вовсе не продавать: он выносливый, молодой, жары не боится.

В последние дни она нередко начинала спорить на ровном месте, словно сама себе пыталась доказать собственную ценность. А сейчас, под бескрайним синим небом, у кромки безбрежных вод, под крики морских птиц и незнакомую, непонятную речь – и вовсе как опьянела.

– Иногда лучше продать подешевле, зато сберечь время, – терпеливо ответил Алар. Спорить ему также не хотелось, но и настаивать на своём, ничего не объясняя, он не собирался, а потому обратился к Рейне: – Помнишь, о чём мы говорили на дирижабле? Отчего эстры часто гибнут вскоре после сброса?

Девочка помрачнела и посерьёзнела разом: подобные беседы пока давались ей нелегко, поскольку из кимортов она знала только Фогарту и Телора, а из эстр – одного Алара, а потому принимала всё слишком близко к сердцу.

– Когда случается сброс, киморт разом тратит всю силу, – буркнула она, опустив взгляд, точно надеялась на то, что если излагать факты с неохотой, то они как-нибудь сами отменятся. – И переносится в одно мгновение туда, куда хотел отправиться, но не мог. Но не точно туда, а к ближайшему возмущению морт от того места... Может, к озеру Арирамар, а может, в деревню, откуда он родом. Или просто подальше оттуда, где быть сил никаких нет.

Тайра, поначалу не слушавшая рассказ, на это месте вздрогнула.

«Интересно, – промелькнуло у Алара в голове. – О чём она подумала?»

– Или в другую страну, – добавил он вслух. – Повезёт, если эстра окажется в спокойном месте, где ни людей, ни зверья нет... А если на пути у стаи диких собак? Или того хуже, у какой-нибудь хадарской деревни? В одеждах, которые там не носят, в худшем случае – не знающий местного языка, да ещё и без сил. Долго ли он протянет? Ослабленный чужак – это соблазн, а здесь, на юге, с соблазнами не борются – им с радостью уступают.

Дёран отвернулся и принялся отстранённо перебирать струны; Тайра поморщилась:

– На всё-то у тебя ответ есть, эстра... А чутьё на что тогда? Вот что я тебе скажу: если мне не хочется продавать гурна, так это значит, что и не выйдет продать его без убытка! Но делай, как знаешь.

Она как в воду глядела.

Им пришлось обойти половину рынка, прежде чем удалось найти сговорчивого торговца, который согласился купить вьючное животное – хоть бы и за половину той суммы, которой оно стоило. Многие лавки были закрыты и пусты; а там, где хозяева присутствовали, они горячо обсуждали что-то со своими помощниками или друг с другом, выразительно замолкая, стоило появиться покупателю.

– Эхма! Неужто вы и впрямь собираетесь в пустыню идти? – удивился торговец, болтливый кьярчи-полукровка с аккуратно, по-северному подстриженной бородой, отсыпая им деньги за гурна. – Нет, где справную одежду купить – я вам подскажу, есть у меня кум... Но сейчас – и дале Шуду соваться... – Он поцокал языком и покачал головой.

Тайра, увлечённая пересчётом монет, нахмурилась только. Алар с Дёраном переглянулись со значением в полумраке лавки, пропахшей зверьём и плохим табаком.

– А почему же не стоит туда идти, уважаемый? – осторожно спросил Алар.

Торговец, рассеянно наблюдавший за Тайрой – он, без сомнения, узнал в ней соплеменницу, – ответил бойко:

– Так как же? Конклав, говорят, пал – война в пустыне! Каждый город сам за себя, а в Ашрабе и вовсе, говорят, крови пролилось – что дождя в горах на севере по весне... Ох, что же теперь будет, откуда же теперь взяться богатым караванам... здешний базар – и тот затих, опустел, обезлюдел... – запричитал он напоказ, почуяв благодарных слушателей.

Позже Алар прошёлся ещё по рядам, поговорил с другими людьми – и, к сожалению, пугающие вести подтвердились: юг, и без того беспокойный, уже месяц как был охвачен огнём междоусобицы.

– И Лоргинариум полыхает, и Земля злых чудес, – не удержался он от вздоха. Стоял полдень – самая жара; торговля на базаре замерла, зато чайные наполнились людьми – а значит, разговорами, смехом и

звоном посуды. Свободное местечко для обеда, сказать по правде, удалось найти с трудом, и то благодаря Дёрану, который приглянулся хозяйке. – Воистину говорят же: вылез из ямы, да упал в колодец. Хоть в Ишмират беги, право слово, да там, боюсь, и своих беглецов уже хватает.

– Может, так, а может, и нет, – возразила Тайра, вяло ковыряясь в своей тарелке – местная кухня пришлась ей не по вкусу, особенно обилием специй. – Ведь всякий человек считает, что уж его-то беда обойдёт. Наместники частенько лаются, простой люд привык уже... Если бунт вспыхнет, то пока лорга сотню-другую бунтовщиков заживо не сожжёт, на суше не утопит да без петли не перевешает, никто и не поверит, что всё всерьёз. Я б и сама не поверила, пожалуй, если бы не наслушалась ваших разговоров. Может, наоборот бы в самую гущу табор повела: там, где царит страх, люди своё добро задёшево распродают, а лекарственные травы наоборот в цене.

– Главное, что возвращаться теперь нет смысла, – подытожил Дёран. Со своим обедом, птицей, тушённой с овощами и сладкими плодами пальмы, он уже покончил и теперь наслаждался чаем с цветочным щербетом, ароматным и приторным. – Куда теперь?

– Сейчас – никуда, дождёмся, пока станет попрохладней, – усмехнулся Алар. Ему-то местная еда казалась совершенно незнакомой, однако рука тянулась к одним блюдам и избегала других: так, словно тело помнило чуть больше разума. – И вот ещё. Рейна, тебе очень жалко твоих кос?

Девочка тут же отвлеклась от миски, в которой с азартом выискивала знакомые овощи, и схватилась за обе свои куцы косички, испуганно вытаращив глаза.

– Надо резать? – догадалась она.

И погрустнела заметно.

«Какой всё же ещё ребёнок...» – промелькнуло в голове.

– Хорошо бы, – подтвердил Алар вслух, стараясь смягчить слова улыбкой. – Хочу нарядить тебя мальчишкой. У них и одежда поудобнее, и воли побольше. Ты для южан иноземка – по лицу тебя не узнают, да и манеры твои, по местным меркам, не девичьи: взгляд прямой и дерзкий, осанка гордая, шаг широкий. Чем переучивать, заставляя тебя семенить и кланяться, легче выдать за мальчика.

Тайра оживилась:

– Я тоже дерзкая – и меня мужчиной представишь? Это я могу, нас, бывало, с Тарри и родная мать не различала...

– Нет, – прервал он её, с трудом удержавшись от улыбки. – Тебя я наряжу вдовой и заверну в семь покрывал. Во-первых, ты по-местному говоришь плохо, пусть и торговое наречие понимаешь. А во-вторых...

По мере того как он говорил, лицо у Тайры вытягивалось, и она мрачнела всё сильнее; а когда молчание затянулось, то буркнула:

– Что «во-вторых»? Договаривай уж, раз обижать взялся.

– А во-вторых, ты слишком красивая, – ответил Алар прямо, взглянув ей в глаза, зелёные-зелёные, как хвойные леса, как тёмные воды лесного озера. – Был бы я работоторговцем, то, как увидел, украл бы сразу.

Болтливый рот у неё как открылся – так и закрылся, только зубы щёлкнули, а румянец на щеках проступил такой, что даже в полумраке чайной, на смуглой коже его было ясно видно.

– Де... делай, как знаешь, – буркнула Тайра, отворачиваясь. – Ты умный, тебе видней... Ай, и острая же у них еда, невозможно! Лицо горит.

Позже, по пути в лавку, Алар изложил выдумку, которую собирался скармливать местной страже, любопытным купцам и всякому иному, кто спросит, зачем-де чужестранцам идти в оазис Кашим, когда там неспокойно. Тайру он собирался представить вдовой, совершающей паломничество к храму, где в детстве воспитывался её супруг; Рейну – её сыном, «молодым господином». Себя же он собирался выдать за названного брата покойного и соврать, что, мол, поклялся тому на смертном ложе проводить несчастную женщину, когда она овдовеет, к нужному месту и в целости вернуть обратно...

– Вот только не знаю, кем представить тебя, – задумчиво произнёс Алар, поглядывая на Дёрана. – Может, второй женой... то есть вдовой? И завернуть в покрывала? А то, чувствую, внимания будет слишком много. Рост великоват, конечно...

– Да говори уж прямо – работоторговцы и на меня заглядываться начнут, – улыбнулся Дёран так тонко и ядовито, что любой здравомыслящий злодей передумал бы тут же его красть. – Не переживай, есть у меня один способ спрятаться на виду – люди ещё и

глаза отводить в сторону будут. А что до храма... Предположим, что я туда иду за исцелением, а к вам в дороге навязался.

– За каким таким исцелением? – спросила Тайра, смирившаяся, кажется, с ролью вдовы. – Хромым прикинешься? Или, может, струпья у тебя на лице нарисовать?

– Есть кое-что получше, – улыбка его стала ещё более коварной. – Смотри, ещё сама перепугаешься, как меня увидишь.

– Я-то? Ха! Поспорим?

Спорить Дёран не стал, а зря, потому что выиграл бы. Когда он вышел из-за ширмы к Тайре, которая училась передвигаться в многослойном вдовьем наряде, и к Рейне, печально ошупывавшей свои обрезанные волосы, то не только они обе взвизгнули, но и Алар сделал шаг назад.

Руки музыканта – прекрасные, бледные, с изящными длинными пальцами и вытянутыми розовыми ногтями – стали подобны образу из ночного кошмара. Кожа – бугристая, заскорузлая, с подсохшими волдырями и свежими струпьями; суставы – вспухшие, отвратительно раздутые; в довершение всего – почерневшие фаланги пальцев, точно отмершие.

Лицо Дёран замотал узкой тёмной тряпицей, оставив на виду только глаза, а волосы убрал под рыхлый тюрбан. Накинул на плечи драный серый плащ с капюшоном, спрятал свою дивную семиструнку в полотняный мешок – и вот уже никто к такому оборванцу не приблизился бы и на десять шагов из страха заразиться неведомой жуткой болезнью.

– Перчатки, – с облегчением выдохнул Алар, сообразив, в чём трюк. – Перчатки из тонкой кожи, особым образом обработанной. А чернота на пальцах – чтоб скрыть, где кончаются перчатки... Ты их обрезал, чтоб играть на семиструнке?

– А то, – глухо ответил Дёран из-под повязки – и улыбнулся будто бы. – Люди ведь любопытные, непременно начнут спрашивать, зачем вы такого, убогого, взяли с собой. А тут я сыграю чего-нибудь – вот и ответ.

– Хитро, – усмехнулся Алар. – Только определись, какому алтарю в храме Кашима будешь кланяться: Ветер Дождей, благодатный и милосердный, исцеляет, а Ветер Ночи – покровительствует искусствам, таланту и красоте.

Дёран рассмеялся:

– Обижаешь! И тому, и другому, конечно: так-то надёжнее, как люди говорят, – и подмигнул.

Маскировку решили опробовать тут же, на капитанах судёнышек, переправляющихся через Рукав Мира, и на купцах. Лишь пятый по счёту караван согласился взять из с собой и помочь добраться до Шуду: остальные побоялись мнимой болезни Дёрана. Сердобольный купец, пожалевший странников-чужеземцев, тоже явно опасался, но доброта у него взяла верх над боязливостью. Он спросил только:

– Скажи, бродяга... Эта твоя напасть-то не заразна?

– По счастью, нет, – ответил Дёран печально. И воздел руки повыше, чтоб все желающие могли их разглядеть. – Заразны хвори, а я-то повстречался с мертвоходцем и, если б не дева-киморт, которая проезжала мимо и смилостивилась, то, пожалуй, и не выжил бы. Увы, дева спешила, и от уродства меня не избавила... Но на всё воля Ветров; уповаю на то, что жрецы мне помогут.

– Да будет так, – набожно закивал купец, прижимая обе ладони к сердцу. По морщинистой, обветренной его щеке скатилась слеза. – Великие чудеса творят в храме! Да пребудет с тобой благословение Ветров, бродяга!

Корабль отходил от пристани утром; погрузиться на него уговорились ночью, по холодку.

Так и вышло – без промедлений и осечек: видно, возымело силу благословение купца. Само плаванье оказалось недолгим, чуть больше двух часов, но с погрузкой и выгрузкой переправа заняла почти полдня. Дальше, к городу Шуду, отправились с тем же купцом, но уже на телегах и повозках, запряжённых тхаргами; ехать предстояло четыре дня, за которые степь постепенно превратилась в настоящую пустыню – с барханами, миражами и злыми чудесами... Алар использовал всё своё обаяние и сумел без всякой морт очаровать купца настолько, что тот готов был с ним уже побрататься, платы за дорогу не взял и к тому же познакомил в Шуду с нужными людьми.

– Был бы ты со мной так любезен, я б за тобой на край света пошла, – проворчала Тайра, неловко вылезая из повозки. – Ай, клятые тряпки! И как в них бабы здешние ходят? Тоже, поди, ругаются... Да убери руку, я сама.

Руку Алар убрал, но остался на месте, готовый подхватить «вдовушку», если понадобится.

– С тобой я, пожалуй, даже любезнее, – улыбнулся он. – Ему от меня одни слова достаются, а тебе – я весь целиком.

Тайра всё-таки оступилась и подвернула ногу; от помощи, правда, отказалась – зашипела, как змея. В последнее время ей не нравилось ничего: ни пески, ни жара, ни непонятные, гнусавые местные говоры... А сильней всего тяготила её собственная беспомощность. У вдов на юге было немного больше возможностей, чем у юных дев, но всё же торговцы на базаре не желали с ней разговаривать, предпочитая иной раз даже Рейну, переодетую мальчиком. А если она заговаривала сама, то отвечали, обращаясь к старшему мужчине – и, если рядом никого не было, то норовили обмануть, точно думали, что женщина сама не сумеет ни деньги сосчитать, ни постоять за себя.

То же самое повторялось и на постоянных дворах, и даже в чайных.

Алар хорошо понимал, что творилось у неё на душе, а потому безмятежно сносил и едкие шутки, и брань, и капризы – как сейчас.

«Ума ей не занимать – привыкнет, – думал он. – А нет... так мы здесь ненадолго».

Если изначально он собирался задержаться в пустыне на год или два, переходя от одного оазиса к другому и набираясь опыта, чтобы найти всех причастных к торговле кимортами, то теперь, со спутниками, решил идти напрямую в Кашим. У Телора там был свой человек, мастер, который много лет слал ему донесения; и вот полгода назад он сообщил, что узнал о некоем тайном оазисе.

Там-то, по слухам, и изготавливали по особому рецепту дурман, делающий кимортов беспомощными.

Телор и сам собирался наведаться туда – хотя бы затем, чтобы покарать негодяев, по вине которых он потерял учеников, как думал тогда, навсегда. Но сперва одно, затем другое... Мастер же сам отговаривал его немедленно ехать, обещая разузнать об оазисе больше. Три месяца назад прибыло новое донесение, в котором он сообщал, что вот-вот раздобудет карту – а ещё осторожно намекал на то, что в тайном оазисе могут содержать некоторых пленённых кимортов. Сообщения мастер передавал через храм, пользуясь благоволением жриц, и обещал в случае малейшей опасности спрятаться там же, в древних катакомбах, укрывающих не одного беглеца...

И всё же он пропал.

«Мне одному бояться нечего, – размышлял Алар, договариваясь с капитаном грузового дирижабля. Капитан упирался, пытаюсь содрать с чужака сумму вдвое больше, чем назвал купец, который его порекомендовал; платить сразу столько не следовало хотя бы затем, чтоб не лишиться последних крох уважения. – А вот девицы мои... Да и Дёран тоже. Что, если будет надо сражаться всерьёз? Это ведь не забава, не игра».

Но стоило только задуматься о том, чтобы вернуться на север – туда, где оставалась Фогарта Сой-рон – сердце начинало болеть, а рука сама искала гладкий, плоский камешек-медальон, напоминая о прежней жизни.

«Я не готов», – подумал Алар, хмурясь.

Капитан же отчего-то резко побледнел и принялся лопотать-де, что он никак не хотел оскорбить ясноокого господина.

– Не гневайся на меня, слепого, не признал я чудодея, – бормотал он, кланяясь. – Есть, есть у меня места, а половины золотой монеты, право, хватит!

«Чудодея?..»

Рассеянно обернувшись, Алар увидел, как песок вокруг них закручивается спиралями, а воздух потрескивает от напора морт... Тощий, как палка, чернокожий капитан в пышном тюрбане бывал в Шимре не один раз и не мог не узнать киморта.

– Накину сверху серебряную монету, если затворишь свои уста – и ни имени, ни образа моего вспоминать не станешь, едва я сойду на землю, – произнёс Алар вслух, делая вид, что так и было задумано, благо изображать мстительного и могущественного выходца из Шимры с сумрачным взглядом ему было на удивление легко. – И кланяться прекрати.

Капитан застыл полусогнутым, выпучив глаза, и стал ужасно похож на гусеницу-палочника.

Дирижабль у него тем не менее оказался неплохой. Старый, но прекрасно отлаженный, с просторными гостевыми каютами – не зря купец рекомендовал именно его. В одной поселилась Тайра с «сыном», в другой – сам Алар и Дёран. Еду приносили прямо в каюты, холодную и простую, но приятную на вкус; дважды капитан

приглашал гостей выпить с ним чаю с приторными южными сладостями и, к его чести, даже не попытался отравить.

...и дважды Тайра отказывалась, отговариваясь тем, что не сумеет изобразить вдову.

Недоброе Алар заподозрил, когда ощутил, проходя мимо её каюты, сильный лекарственный запах. Пахло мазью, которую вайна делала не на продажу даже, а для своих, для собратьев-кьярчи: редким травами, жиром и немного алкоголем. Лекарство должно было снимать воспаление и уменьшать опухоли – а ещё облегчать боль.

«Значит, ногу она всё же повредила сильно, – подумал он с досадой. – А мне не сказала».

И, хоть понимал, почему Тайра так поступила, а всё же рассердился и в её каюту, обшитую небелёной бархатистой тканью, вошёл без стука. Повернулся к Рейне, выполняющей урок – разломать бусину морт, а затем срastить, – и сказал:

– Ступай к Дёрану, посиди с ним, пока не позову. – Дождлся, пока девочка выйдет, затем обратился к Тайре: – А ты перебирайся на кровать и снимай обувь. Правая нога, верно?

– Ой ли, а не боишься, что пойдут дурные слухи? С почтенной вдовой-то по ночам уединяться? – всплеснула она руками, и не думая подниматься с подушек, где сидела у низкого столика. – Седой уже, а всё туда же, ни стыда ни совести...

Не вслушиваясь больше, Алар спокойно укутал её морт – и пересадил на кровать, а затем сам сел на полу и потянулся к шнуровке ботинка.

– Потерпи, – сказал вслух, нахмурившись. – Сама виновата, что довела до такого... Сильно болит?

А Тайра не ответила – только вспыхнула, отвернулась и стиснула зубы.

«На меня сердится... А следовало бы на себя».

Лодыжка у неё под повязкой и впрямь выглядела прескверно: распухшая почти в полтора раза, покрасневшая и жирно блестящая от мази. Вот мазь-то Алар и удалил в первую очередь, чтоб не мешалась, и, загнав спутника в меч, осторожно прикоснулся к чистой коже, сухой и горячей.

Тайра вздрогнула.

«Наверное, сильно болит».

Лечение давалось ему легко – похоже, что в прошлой жизни он чаще спасал людей, чем убивал. Сперва он снял воспаление: это должно было уменьшить и боль. Затем тщательно изучил с помощью морт повреждения и убедился, что вред, по счастью, невелик: связки растянулись, но сам сустав был цел. Аккуратно срастив повреждённые волокна, Алар снова прощупал лодыжку пальцами, убедился, что всё хорошо, и лишь затем глянул на Тайру снизу вверх, продолжая удерживать ступню, неожиданно маленькую и изящную для кьярчи.

– Не скрывай от меня, если тебе плохо, – попросил он негромко, стараясь, чтоб голос звучал мягко, без укора и раздражения. – Я никогда не стану ни осуждать, ни насмехаться. И дурно о тебе тоже не подумаю.

У неё угол рта дёрнулся.

– Всё-то ты знаешь, всё-то понимаешь. Тебе, поди, и морт эта твоя не нужна, чтобы мне в душу заглянуть?

Алар сжал пальцы на изящной ступне чуть сильнее; раздражение, которое охватило его недавно при мысли, что Тайра скрыла своё увечье, исчезло... нет, верней, не исчезло, а переплавилось в иное чувство, горячее, требовательное.

То, которому было не место – здесь и сейчас.

– Нет. Не нужна.

– Потому что ты триста лет прожил и не таких повидал? – фыркнула она.

– Потому что я смотрю на тебя и не отвожу взгляда.

Сказал – и понял, что это правда.

И сразу стало спокойнее.

А у Тайры глаза потемнели вдруг – зрачки расширились. Медленно, очень медленно высвободила она ногу из его хватки... и провела ему по щеке боком стопы, легко, почти без усилия.

Кожа была нежной и очень горячей.

Алар опустил веки.

– ...что ты делаешь?

– А то ты не знаешь, – тихо ответила Тайра, однако ногу не убрала. Наоборот, прижала сильнее. – Если и впрямь меня насквозь видишь, то, верно, понимаешь.

Даже с закрытыми глазами он ясно видел, как поднимается; как толкает её на постель – нежно, чтоб не спугнуть, но и так, чтоб не дать

путей к отступлению; как снимает с неё непривычные, неудобные одежды, неторопливо, все семь слоёв – чтоб можно было наконец прильнуть всем телом к горячей коже, поцеловать сладкий рот, дерзкий, умелый... или наоборот, не знавший прежде поцелуев.

И то и другое было бы хорошо.

«О чём я думаю только».

– Не сейчас, – произнёс он вслух осторожно, точно опасался разбить её неверным словом.

– Потому что ты ту рыжую девку забыть не можешь? – зло бросила Тайра.

Это укололо неожиданно глубоко; Алар вздохнул перед тем, как ответить, чтобы не сказать лишнего.

– Потому что я пока не понимаю сам себя. Кто я теперь? Пытаться ли мне вернуть себя прежнего? Или всё ушло и не стоит гоняться за эхом? – сказал он негромко. И – склонил голову, потёрся щекой о свод её стопы. – Даже если все сомнения отодвинуть в сторону... Я-то знаю, чего хочу, и вижу, к чему это приведёт. А ты... у тебя и мужчины ведь пока не было, верно?

Тайра вспыхнула – и лягнула его пяткой в лоб. Попыталась, вернее – он без труда поймал её за лодыжку и поцеловал, не то извиняясь, не то поддаваясь жаркому чувству внутри.

– Пусти!

– Рейна за дверью. А через три дня мы приземлимся в Кашиме, и я не знаю, чего там ждать... Дай мне время, Тайра. И ноге своей тоже: день-два она ещё поболит, не опирайся слишком сильно.

Алар отпустил её наконец – и вышел. В голове был сумбур; хорошо хоть, лицо оставалось спокойным, а иначе не избежать бы расспросов от Дёрана и от Рейны... Одно он понимал хорошо: ночи – или даже многих ночей – Тайре было бы мало; она захотела бы удержать его рядом с собой надолго, может, даже на всю жизнь.

«...а захочу ли я остаться?»

От этой мысли становилось мерзко – и наваливалось сильнее, чем обычно, душное чувство вины.

С высоты пустыня казалась игрушечной – и её опасности тоже.

Испепеляющий солнечный жар днём, ночные холода, иссушающий ветер – всё оставалось снаружи, за прочной обшивкой с

вкраплениями мирцита. Дважды внизу проносились багряные вихри садхама, но что для каравана – гибель, для дирижабля – потеха... Предпоследней ночью Рейна проснулась в тревоге и слезах, постучалась к Алару в каюту, но что её напугало, объяснить толком не смогла. Позже, с трудом уложив её спать, он вышел к смотровым окнам с окулюсом, внимательно огляделся – и заметил почти у самого горизонта тёмное облако морт: там прошёл караван мертвоходцев.

Девочке об этом, конечно, не рассказал – ни к чему беречь давние страхи.

Наконец вдали показался Кашим. Оазисом его называли по старой памяти: сверху он напоминал, скорее, каменный лабиринт с редким вкраплением садов там, где располагались дворцы богачей. Когда дирижабль приземлился, был самый полдень. Жара стояла такая, что Алар, ступив на мостовую, невольно раскашлялся, а звезда спутника, до того свободно парившая над плечом, жалобно прижалась к нему. Тайра тоже принялась кутаться в свои семь покрывал: одежды, прежде неудобные и нелепые, теперь защищали от изнуряющих солнечных лучей.

– Идём в квартал чужеземцев, а там – вверх на гору, – предложил сразу Дёран, едва оглядевшись; дети-попрошайки, увидев его изуродованные руки, прыснули в стороны. – Раньше, чем начнёт смеркаться, выходить на поиски не стоит, только измучаемся.

– Звучит так, словно ты здесь уже бывал, – заметил Алар.

Спорить он, впрочем, не собирался: ему тоже не хотелось бродить по раскалённым улицам и уж тем более таскать за собой Рейну.

– Когда-то давно, – равнодушно пожал плечами Дёран. – Город с тех пор изменился... чего уж там, стал совсем иным. Но мой друг здесь всё исходил вдоль и поперёк, к его совету грех не прислушаться.

Другом, скорее всего, был Сэрим – и место он действительно посоветовал хорошее. Хозяин чайной, северянин, охотно сдал им комнаты на несколько дней, притом не очень дорого, и лишних вопросов не задал. Хотя он явно узнал в Рейне переодетую девчонку, и не обманул его ни кинжал на поясе, ни «кнут» – свёрнутая верёвка, напиганная морт, ни волосы, отстриженные до ушей, с двумя удлинёнными прядями у лица, заплетёнными в тонюсенькие косицы с бусиной на конце.

– К дворцу михрани не ходи, ясноокий господин, – посоветовал он только. – А ещё лучше – затаись на дюжину дней. Говорят, замолчала сладкоголосая птица ачир; и, говорят, повинна в том михрани. Видели люди, как та птица впорхнула в её сад – да не видели, как вылетела обратно.

«Ачир – имя её сына, – сообразил Алар, вспомнив краткие наставления Телора и рассказ Сэрима. – Плохо... Значит, борьба за власть началась».

А вслух поблагодарил и добавил:

– Птицы в небе летают, а мы по земле ходим; ни им до нас дела нет, ни нам – до них. Если будут ветра милостивы, я завершу свои дела за день или два, а затем отправлюсь дальше.

Хозяин явно хотел добавить что-то ещё, но затем увидел кого-то в зале и набожно сложил руки:

– Вознесём же хвалу михрани и помолимся о её процветании! Неистошима её мудрость!

– Прекрасен её облик, как орех дерева нут по весне, благороден её нрав, словно у хадарской вдовы, – закивал Алар.

Хозяин усмехнулся еле заметно: как северянин, шутку он оценил.

День они посвятили отдыху и подготовке. Дёран, когда жара немного спала, прошёлся по кварталу чужеземцев и кое с кем переговорил. Слухи подтвердились: в городе назревал бунт. Около месяца назад исчез старший сын михрани, тот, что набрал под своим началом целое войско; поговаривали, что его отравили, а тело вывезли из города и бросили иссыхать где-то в пустыне. После этого михрани в знак траура распорядилась закрыть половину колодцев – тех, которыми заведовал старший сын. Ачир воспротивился этому и послал своих людей открыть колодцы. Два старших брата его поддержали: писец из учётной палаты и купец, сколотивший немалое состояние на сделках с торговцами из Шимры. Ещё один брат, который возглавлял отряд всадников-арафи, подыграл матери и попытался снова закрыть колодцы, исполняя её волю...

...и был сметён разъярённой толпой в бедняцких кварталах: его буквально растерзали на части, и даже имя михрани не помогло.

А всё потому, что за день до этого Ачир совершил прежде немыслимое – запретил взимать с людей плату за воду, объявив, что

колодцы принадлежат всем и любой может прийти, чтоб наполнить свой кувшин.

Оборванцев из городских трущоб в драке погибло немало, но и отряд всадников-арафи уменьшился вполовину, а оставшиеся отступили ко дворцу михрани, где стража с морт-мечами оттеснила беснующуюся толпу. Больше дюжины дней михрани хранила молчание, а затем послала за своим непокорным сыном, за Ачиром, и предложила сыграть партию в на-джи.

На зов он ответил, и с тех пор его не видели.

«Ну, это не наши хлопоты, – подумал Алар, выслушав рассказ. – Если повезёт, то ни михрани, ни её сына мы так и не встретим».

– А о мастерской уважаемого Сетона арх Нери удалось что-то разузнать? – вслух спросил он.

Дёран помрачнел:

– Удалось. Ну, проще будет, если ты сам увидишь...

Как только стемнело окончательно, они вышли из чайной все вместе. Рейна, отвыкшая от больших толп, сперва шарахалась – и то и дело тянулась к «кнуту» у себя на поясе, хмуря брови, что, впрочем, вполне соответствовало образу гневливого «молодого господина». Воришки обходили её по широкой дуге, чего нельзя было сказать о Тайре. Её пытались обокрасть раза два или три, пока она, потеряв терпение, не схватила очередного ловкача за руку и не зашипела:

– Слышь, ты, шею сверну!

Воришка на лорги, разумеется, не говорил, однако общую суть уловил – и изрядно перетрусил.

Больше Тайру не беспокоили: дурная слава расходуется быстро.

А вскоре Алар понял, почему соглядатай Телора перестал высылать ему донесения.

...от мастерской, прежде, вероятно, очень богатой, остался один остов – четыре обгорелые полуразрушенные стены и провалившаяся крыша. Вывеска – прямоугольная глиняная плитка, расписанная, обожжённая и глазурированная – раскололась пополам, и часть её лежала в пыли у порога. Но и на том, что осталось, легко можно было прочитать имя мастера и упоминание о том, что работал он с благословения Милосердного Ветра Дождей.

«Жаль, что благословения – не защита против огня и меча».

– Наведаемся в храм, – произнёс Алар, поразмыслив. – Мастер в одном из писем упоминал, что собирается искать там защиты.

– Думаешь, что всем жрецам можно доверять? – усмехнулся Дёран. – Среди них тоже и трусы есть, и дураки.

– Если это им не мешает исполнять волю своих богов – значит, боги впрямь существуют, – отшутился Алар. – Чувствую, что долго искать союзников не придётся: они сами нас найдут.

Храм в Кашиме ему понравился.

Издали он напоминал замок лорги – башни, две крепостные стены, тяжёлые ворота, но только сложенный из белого камня; над городом он парил так же, подсвеченный мягко сияющими самоцветами – а холм под ним терялся в ночных тенях. У внешних ворот толпились люди: один молодой жрец в светлых одеждах, стройный и чернокожий, раздавал голодным лепёшки, а другой держал серебряную чашу, из которой предлагал утолить жажду. Ни стражи, ни охраны видно не было, но ни один нищий даже не пытался лишний раз прикоснуться к драгоценной утвари, не то что стащить.

И немудрено: у второго жреца, долговязого и бритого налысо, с кожей загорелой, точно мёд, на поясе висел кинжал с багряной рукоятью – знак Ветра Карающего.

Внутри храма оказалось тихо и свежо. Горели курильницы с ароматными смолами; богато украшенные изваяния окружал рассеянный свет, разного оттенка для каждого божества. Остановившись у статуи, изображавшей Благодатный Ветер Дождей, высокую женщину в зелёных одеяниях, Алар возложил к её ногам остатки таблички с дома исчезнувшего мастера, а затем снял тюрбан, чтоб было видно белые волосы, и сделал вид, что возносит молитву.

Ждать пришлось недолго.

– Да будет лёгок твой путь, странник, – послышался низкий женский голос. Судя по обращению, говорившая безошибочно распознала в нём эстру. – Прежде мне не приходилось видеть тебя под этими сводами, а ветер шепчет, что пришёл ты издалека... Может ли эта скромная жрица помочь тебе?

Назвав себя «скромной», она, конечно, слукавила. Чёрные одежды, расшитые серебром; драгоценный белый обруч-венчик на лбу; глаза синие, как вешнее небо над северными горами, и кожа смуглая, как глина, сильное тело и точёные черты лица... С виду ей было около

шестидесяти лет, и волосы у неё поседели, стали как снег, но это ничуть не портило её.

А ещё она явно привыкла повелевать.

«Значит, старшая жрица».

– Я пришёл помолиться об одном человеке, – спокойно ответил Алар, указав на разбитую табличку у ног изваяния. – У него есть друг далеко на севере, и друг этот давно не получал от него вестей. Так случилось, что мой путь пролегал мимо Кашима, и я вызвался разыскать того человека, но дом его оказался давно покинутым. Тогда я решил помолиться в храме: вдруг ветер и мне нашепчет, куда теперь идти?

Жрица смерила его долгим взглядом. Затем посмотрела поочерёдно на замершую напряжённо Тайру, на Рейну, сжимающую верёвку в кулаке, наконец, на безмятежного Дёрана. Поразмыслила некоторое время... Наконец приняла решение.

– Для этого человека поздно просить о милосердии, но молитва Ветру Карающему могла бы успокоить его дух. Идём со мной; я отведу тебя к нужному алтарю.

...спускаясь вниз по ступеням вглубь храма, Алар обернулся – и успел заметить, как юный жрец-служка убирает разбитую плитку с подножья статуи; мальчик в чёрных одеждах, посвящённых Ветру Ночи.

Тому, кто покровительствует всем делам тайным, скрытым во тьме.

Долго идти не пришлось. Жрица привела их в небольшую комнату под землёй, где горела жаровня и стоял низкий стол с чернильницей, явно сделанной в Ишмирате. Рядом лежали свитки и тонкие листы бумаги, а ещё исходила паром глиняная пиала с чаем – его, похоже, только недавно налили, и он даже не успел остыть.

«Похоже, что жрица трудилась здесь, когда ей сообщили о чужаках в храме, – подумал Алар, приглядываясь к обстановке. – Что ж, служители Ветра Ночи работают в Кашиме хорошо, ничего не скажешь... Тогда почему они допустили убийство своего союзника?»

В том, что мастер сотрудничал именно с ними, как и в том, что он мёртв, Алар уже не сомневался.

– Михрани три дня назад пыталась убить своего сына, – без предисловий начала жрица, вернувшись за стол. – Садитесь и вы,

разговор долгий... Принеси письмо Сетона, сына Нери, – обратилась она к молоденькой жрице в чёрных одеждах, ожидавшей приказов в тени. – Но ветры благоволят Ачиру, и он сумел бежать. С тех пор он стягивал к Кашиму верные ему силы из ближних оазисов, и теперь почти готов войти. Мы отворим ворота на рассвете, через два дня.

Она умолкла. Алар опустил взгляд, раздумывая, затем произнёс:

– Раз ты не просишь меня о помощи, зная, кто я, значит, рассказываешь лишь затем, чтобы предупредить об опасности.

– Всё так, – степенно кивнула жрица и пригубила чай. Судя по тому, как блаженно прикрыла она глаза, мечталось ей об этом уже давно. – Ачир победит; у него дюжина морт-мечей, а у михрани всего семь, и люди в городе на его стороне. Но ближайшие дни будет неспокойно... Сетон был моим давним другом, – продолжила она чуть мягче, и глаза у неё потемнели. – И служил храму десятилетиями... Полгода назад он узнал о тайном оазисе, называемом Сулвари, и о том, что там попираются многие законы. Вместе с верными мне людьми он добрался до него и успел отправить с птицей одно донесение, а затем вошёл в оазис и пропал. А дюжину дней спустя был убит сын михрани, и началась смута.

– И отомстить за друга не вышло, – кивнул Алар понятливо. – Что было в донесении?

Жрица не стала ничего утаивать:

– Короткая записка с несколькими словами, расположенными друг под другом: «тринадцать», «дым», «дом под домом»... И ещё одно редкое слово на старом диалекте, которое означает «человек, пожирающий членов своей семьи», – добавила она, поколебавшись. – Это бранное слово, однако он не стал бы писать его тайным храмовым шифром в важном донесении.

– Значит, он написал именно то, что имел в виду, – улыбнулся Алар, точно зная, что улыбка его сейчас выглядит неприятно. – Осталось понять, было ли то поэтическое сравнение, или там и впрямь люди друг друга поедают... Это всё?

– Есть ещё обрывок карты, – ответила жрица. – Неточной и плохой; но ведь такому, как ты, не нужна целая карта, чтобы найти человека, который её начертал.

– Нет. Не нужна. Но мне понадобятся тхарги, вода и пища... Да, и ещё заготовка для поискового маятника.

Жрица улыбнулась:

– Ты получишь их к середине ночи.

Они покинули Кашим за два часа до рассвета – на трёх быстрых тхаргах, с запасом питья и еды на несколько дней. Дёран прекрасно держался верхом, словно прежде ему не раз приходилось передвигаться по пустыне на ящерах, и Рейна поехала именно с ним. Алар тоже быстро вспомнил, что делать с поводьями: спутник, по счастью, не посчитал знание запретным. Сложности возникли у Тайры – тхарги с их выпуклыми глазами и цветными гребнями на головах пугали её, но освоилась она быстро – все кьярчи точно в седле родились и с любимыми скакунами обращались ловко.

В темноте пустыня была совсем иной.

Розоватые пески выглядели серыми и источали холод; до самого горизонта – только дюны и дюны, едва ощутимый ветер и тишина. Когда огни Кашима скрылись, стало казаться, что в целом мире ничего нет, кроме песка – и шелестящего звука, с которым тхарги взбирались на барханы, и дыхания, и шороха одежд. Глубокий купол неба на западе потемнел до черноты, а на востоке начал белеть, и звёзды там словно истончались, медленно выцветая. Один из полумесяцев уже опустился за край земли, другой, бледный и тонкий, висел низко-низко – огромный, красноватый из-за дымки. Воздух пах чем-то безжизненным, минеральным, сухим; изредка веяло жухлыми травами и пылью... а ещё северными цветами, ишмиратским прозрачным мёдом и вином – когда Дёран поднимал руку, чтобы поправить тюрбан, и одежды у него немного распахивались.

Аромат казался Алару смутно знакомым – по той, прошлой жизни.

На дневной привал они остановились в тени большой скалы. Жрица выделила им не только тхаргов, но и плотную ткань, из которой можно было соорудить подобие шатра, а ещё два камня, охлаждающий и светоносный, потому убежище получилось хоть и тесным, но удобным. Тайра ворчала, что ни за что не уснёт – и что после такой скачки искупаться бы.

– Рейна, помнишь, как я тебя в Шуду учил умываться одной горстью воды? – спросил Алар, не отвлекаясь от обустройства лагеря:

тхарги хорошо переносили зной, но им требовался навес от ветра. – Вот умой её. Заодно потренируешься.

Девочка просияла и схватила флягу. Тайра сообразила, что ей грозит, и юркнула шатёр, спасаясь, но где там! И полминуты не прошло, как послышались визги.

– Развлекаешься или отвлекаешь? – понятиливо улыбнулся Дёран.

Он сидел тут же, в тени от скалы, и усиливающаяся жара словно бы нисколько его не беспокоила. Уродливые перчатки лежали на песке, как сброшенная змеиная кожа; тонкие пальцы с зачернёнными кончиками нежно перебирали струны, и тихая музыка летела над барханами, смешиваясь с ветром.

– И то и другое, – вздохнул Алар; закончив с навесом для тхаргов, он достал самодельный мирцитовый маятник и обрывок карты. – Кто знает, что будет завтра? Пусть хоть сегодня подурчатся... Была б моя воля, я бы их вовсе не тащил сюда.

Пальцы, ласкающие семиструнку, замерли. Дёран глянул исподлобья, внимательно и остро.

– И всё же ты рад, что идёшь не один.

«Да», – подумал Алар.

А вслух сказал:

– Мне на маятнике бы сосредоточиться...

...Когда он заглянул в шатёр, то увидел, что Рейна и Тайра крепко спят – в обнимку, как сёстры, такие похожие – и уязвимые сейчас.

Просыпаться пришлось за несколько часов до заката, чтобы завершить путешествие до рассвета. Жрица уверяла, что оазиса они достигнут к следующему утру, если станут двигаться только по темноте, но, к удивлению Алара, ещё в середине ночи запах пустыни вдруг изменился. Повеяло чем-то сладковатым, дымным – и горьким одновременно. Маятник в руке странно дёрнулся...

– Дурман! – выкрикнула вдруг Тайра, скидывая руку: перстень на безымянном пальце у неё ярко опалесцировал. – Яд в воздухе!

Иных пояснений и не потребовалось.

Пожалуй, Алар был готов к этому с тех пор, как столкнулся с дружинниками, похитившими Рейну – и ждал даже.

Раз – спутник очутился в мече.

Два – и морт, неохотно отозвавшись, расплескалась вокруг, вместе с вдохом вошла в лёгкие, вытесняя отраву.

Три – и воздух на три шага вокруг очистился, потрескивая, и повеяло вдруг свежестью, как после дождя.

– Рейна, – тихо позвал Алар, поглаживая рукоять меча. – Видишь границу моих сил? Теперь и до тех пор, пока я не прикажу, очищай воздух на шаг дальше. Как я научил, помнишь? Здесь ничего сложного, как дым от костра в сторону отгонять... Что бы ни случилось, это твоя забота. Даже если я замертво упаду. Поняла?

Губы у неё задрожали. Однако наказ она выполнила в точности и очистила воздух ещё на два локтя дальше: теперь, даже если б защита Алара пала, отравы всё равно бы их не достигла.

«На меня надежды нет, – думал он, касаясь эфеса. – Кто знает, когда спутник вырвется... Но пока разум ясный, пока дурмана в крови нет – отбиться можно. Или сбежать».

– Если упадёшь, я тебя поперёк туловища верёвкой обвяжу и так домой уволоку, – сказала вдруг Рейна громко и ясно, хоть голос у неё и дрожал немного. – Понял?

У Алара только смешок вырвался. А Дёран, снимая семиструнку с плеча и перевешивая вперёд, словно перед выступлением, улыбнулся:

– Он пошутил. В его силах эту пустыню сделать снова цветущей – или небо на землю обрушить... А если сил всё-таки не хватит, так есть кому подсобить, верно?

Рейна просияла улыбкой – и закивала; бусины на концах тонких косиц запрыгали у лица, точно живые. А Тайра, рассматривая на вытянутой руке потускневший перстень, буркнула:

– Ишь, смотри... Видать, любит тебя девка всем сердцем, если даже издали сумела защитити...

– Что? – обернулся Алар. И нахмурился. – Откуда у тебя кольцо?

– Откуда, откуда – от меньшей сестрицы, – фыркнула Тайра. – Тебе-то какое дело?

Настаивать на ответе он не стал: спутник тревожно завозился в мече... Да и важней сейчас было другое.

Ветер и впрямь донёс от оазиса, скрытого пока ещё в ночном мраке, отраву. Немного, по счастью, но будь её чуть больше, и Алар бы очень скоро лишился сил, да и ученица его тоже, и тогда пришлось бы задержаться на день-другой, ожидая, пока яд выйдет из крови, и можно будет снова взывать к морт.

А времени-то как раз и не хватало.

Дальше нестись сломя голову было нельзя. Пришлось спешиться, уложить тхаргов на песок и накрыть их укреплённым пологом на случай, если пройдёт садхам. Там же они оставили припасы и вещи, включая охлаждающий камень – всё, кроме нескольких фляг с водой... Маятник, хоть и завис поначалу в нерешительности, поколебавшись из стороны в сторону, снова указал на оазис, очертания которого уже ясно просматривались через окулюс.

– Его скрыли киморты, – пробормотал Алар, всматриваясь в дрожащий, призрачный образ. – Вот что имел в виду мастер... «Тот, кто пожирает членов своей семьи». Что ж, если там правда содержат кимортов-рабов, то лучше и не скажешь.

– Войдём и узнаем, – задумчиво сузил глаза Дёран, и лицо у него стало недоброе. Глянул на Тайру искоса. – Точно не хочешь остаться с тхаргами?

Она с вызовом вздёрнула подбородок:

– А ты? У меня-то хоть есть пара ножей, я врагу горло перережу – и рука не дрогнет. А у тебя и вовсе одна семиструнка. Ею, что ли, отбиваться станешь?

Веки у него были подведены краской – багровой, как спёкшаяся кровь, и чёрной, как сажа; линии тонкие, летящие, вытянутые к вискам... Обычно это казалось красивым, но сейчас отчего-то выглядело страшным, а ясные голубые глаза точно пылали – как ледяная луна.

Тайра сглотнула и отвернулась.

– Музыка может убивать не хуже, чем холодное железо, – мягко произнёс он. Так, словно вот-вот улыбнётся... однако не улыбался. – И слово тоже. А я, видишь ли, и музыкант, и сказитель.

И – коснулся семиструнки.

Звук получился неровный, тягучий; поначалу высокий, он постепенно стал ниже, а затем, уже затухая, вышел снова на пронзительно-высокую, острую ноту. Алар сглотнул, внезапно осознавая, что во рту у него пересохло – и что сердце, кажется, только что не билось.

– Кто ты? – спросил он тихо.

– Странник без дома и без рода, – ответил Дёран, точно поддразнивая его. И наконец улыбнулся, развеяв напряжение. – И твой друг. Бываю там и здесь, слушаю то и это... И слышал, к примеру, что

если такой меч, как у тебя, напоить кровью, то звезда не покинет его, пока кровь не иссякнет.

Сказал – и двинулся к оазису, такими лёгкими шагами, что издалека могло померещиться, будто он вовсе летит.

– Эй! – Алар запоздало опомнился и побежал за ним, неловко поскальзываясь на осыпающихся барханах. – Что это значит-то?

– А мне почём знать? – крикнул Дёран, не оборачиваясь. – Я-то просто сказитель. Ты эстра, тебе видней.

Близость оазиса оказалась обманчивой: идти пришлось около получаса. Но чем ближе они подходили, тем явственней проступала из темноты морт, которая окутывала его и скрывала от посторонних взглядов. Странной она была: ярко-розовой, переходящей в пурпур, тёплой, обволакивающей, сладкой... Пусть Алар и знал, что ни на киморта, ни на эстру напрямую невозможно воздействовать морт, но касаться ядовито-яркой дымки и тем более вдыхать её ему не хотелось.

Так, словно он уже прежде встречал нечто подобное – и подспудно понимал, что оно может навредить.

«Наобум соваться нельзя, – пронеслось в голове. – И грубо сметать – тоже... Киморт, который создал защиту, может почувствовать это. А если осторожно раздвинуть?»

Сделав остальным знак остановиться, он вынул из ножен меч – так, чтоб удобнее было работать – и воздел его, собирая морт; не слишком много, но достаточно, чтобы окутать часть укреплений вокруг оазиса. Затем наполнил её стремлением, подсмотренным, если честно признаться, у Телора, мастера мороков и обмана... и медленно, осторожно влил в дурманное облако.

Это было похоже на то, как если в воду лить чернила.

Часть облака потемнела, изменяясь – и выгнулась вдруг, принимая образ арки.

Аккурат напротив ворот в стене из белого камня.

– Гляди и запоминай, – произнёс Алар, глянув на Рейну; та восхищённо замерла, разинув рот: сложные преобразования до сих пор приводили её в восторг. – Если всё получится, то ты научишься новому... А если нет, так хоть подумаем потом вместе, где я ошибся. Ну, идём.

Кто бы ни обитал в оазисе, на обычную стражу он не полагался. Охрана, если она и была, сейчас крепко спала, да и сама стена высотой

всего в два человеческих роста вряд ли защитила бы от садхама или от каравана мертвоходцев. Внутри, за ней, было прохладно и, пожалуй, сыро немного; вдоль широких улиц, мощённых светлым булыжником, плавно катились ручьи, заточённые в желоба. В воздухе плыла дымка, видимая даже простому глазу – тот самый дурман, что лишает кимортов сил. Всюду росли пальмы, цвели золотистые и пурпурные цветы – пышные гроздья на тонких чёрных прутьях с листьями-иголками, а постройки увивал вьюн, какой часто встречался в Шимре.

В самом конце же улицы, упирившейся не то в скромный дворец, не то в чересчур роскошный особняк, росла большая, раскидистая эрисея, по меньшей мере столетняя – и сплошь усыпанная белыми бутонами, готовыми вот-вот распуститься.

И вот там, под эрисеей, Алар ощутил наконец присутствие живого человека.

– Не киморт. Мужчина средних лет, пьяный, – шепнул он, осторожно касаясь чужака морт. – И вокруг никого... Трезвых никого, – поправился он, ощутив чуть дальше, в доме-дворце, ещё одного пьянчужку, спящего уже. – На нём много золота – это не простой стражник.

– Мне его пленить? – спросила Тайра тихо, доставая из-за пояса нож.

– Я сам.

Мужчина оказался купцом средней руки из Ашраба, дальним родственником некоего важного человека из конклава, прибывшим в оазис дюжину дней назад. Не в первый раз: сюда он приезжал каждые три-четыре месяца, доставлял товар, забирал товар, а затем отправлялся дальше. Нынче вечером ему вздумалось выпить перед дальней дорогой. Купец изрядно набрался, поленился искать уборную – и, akurat когда он справлял под эрисеей нужду, его спеленали, как младенца, не позволив даже штаны натянуть.

До смерти перепуганный, он бы даже мать родную продать согласился, не то что ответить на вопрос-другой.

Оазис, по его словам, делился на две части: «мастерскую лекаря» и «загон для скота». В мастерской изготавливали дурман, который здесь был повсюду – в воде, что текла по желобам, в дыме, поднимавшемся над жаровнями... А всё для того, чтоб «скот» не мог сбежать.

– И сколько же у вас здесь сейчас «скота»? – тихо спросил Алар, уже догадываясь, что скажет купец.

– Тринадцать голов! – просипел тот, бешено вращая глазами. Голоса он почти был лишён, да и двигаться не мог – морт держала крепко его сухое, жилистое тело. – Двух я должен в Ашраб отвезти, на замену бежавшим... помилуйте, господин, пощадите...

– Молчать, – приказал Алар. С каждой секундой омерзение его росло, и всё сложнее было удержаться и не сдавить посильней чужую тощую шею с кадыком, ходящим туда-сюда. – Говорить можно, только когда я спрашиваю. «Скот» – это?..

– Четверо мужчин и девять женщин разного возраста, о господин, и двух я должен...

– Обычных людей?

– Ки... кимортов.

Алару пришлось глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, прежде чем продолжить расспрашивать.

О том, сколько охраны в оазисе – «дюжина воинов с морт-мечами, господин»; о том, для чего кимортов держат здесь – «временно, временно содержат, господин; а иных для утех, а иных затем, чтоб лекари свои снадобья испытывали»; о количестве мастеров, изготавливающих дурман, о том, многие ли торговцы участвовали в переправке «скота» от города к городу, от хозяина к хозяину... На какие-то вопросы купец отвечать не желал, а на другие – не мог, но, так или иначе, вскоре Алар узнал уже всё, что было нужно.

А когда закончил – остановил купцу сердце.

– Рейна, тебе на такое смотреть, наверное, не стоит... – с запозданием спохватился он. Обернулся, оценил её взгляд, внимательный, лихорадочно-спокойный – и усмехнулся. – Хотя, может, именно тебе и нужно.

А вот Тайра в смятении отвернулась, кусая губы.

– Думала, ты его пощадишь.

– Его-то? Незачем, – нахмурился Алар. Спутник в мече пока молчал, но время, отпущенное на сражение, неумолимо уменьшалось с каждым мгновением промедления. – Сперва, пожалуй, избавимся от стражи, а затем можно и в мастерскую наведаться... Ах, да, второй купец, любитель поразвлечься со свежим «товаром».

Волна морт вкатилась в галерею, где, завалившись набок, храпел другой пьянчужка.

Послышался хруст ломающихся позвонков, отчётливо ясный в ночной тишине.

Дышать Алару стало чуть полегче.

Кто бы ни обустроивал оазис, кимортов он знал хорошо – и понимал, как можно от них защититься. Яд был здесь везде, и в воздухе, и в воде, и даже сам песок, кажется, пропитался отравой... Несведущего всё это могло застать врасплох.

«Да и нас-то почти застало, – пронеслось в голове. – Если б не перстень Тайры...»

О том, что тогда бы произошло, размышлять не хотелось.

...Но если бы киморт оставался настороже и отравы бы его не затронула, то защитники оазиса ничего бы не смогли поделать.

Как сейчас.

У наёмников, охранявших это место, не было общей казармы, как, к примеру, у городской стражи. Они жили в приземистых глинобитных домах, расположенных у внешней стены, по одному или по двое. Кормили наёмников на общей кухне; имелась и площадка для тренировки – за дворцом, напротив мастерской для лекарей. Торговцев, посредников и поставщиков ингредиентов для изготовления дурмана размещали в одном из пяти гостевых особняков в зависимости от ранга. В редких случаях их допускали во дворец, возведённый в точности посередине оазиса – но либо в пирашественную залу, либо в подземелья, где держали «скот».

Сам же дворец принадлежал хозяевам, но их купец не сумел назвать – или не посмел.

– Дюжина воинов, – пробормотал Алар, вслушиваясь в отклик морт, проникшей в каждый закуток в пределах внешней стены. – Два охранника у одного купца и три у другого... А это кто? Наверное, слуги или личные рабы... Старик – верно, мастер. И два подмастерья... Итого двадцать три человека.

Церемониться с наёмниками, вспомнив рассказ купца, он не стал – казнил их тихо и бескровно. Так же поступил и с охранниками; рабов крепко усыпил, рассудив, что им-то выбора не давали, помогать хозяевам или нет. Мастера и двух его помощников тоже погрузил в глубокое забытье, намереваясь позже хорошенько допросить... И лишь

затем, убедившись, что больше никто не сможет ему противиться или атаковать в спину, направился к мастерской.

– Заберём оттуда рецепты и образцы этой отравы, – объяснил он по пути. – Да, и пора бы от неё воздух очистить, что ли.

Тут же, повинаясь его воле, угасли жаровни в оазисе и задул сильный ветер, унося дурман далеко-далеко и без следа развеивая над пустыней. Туда, где он никому не причинил бы вреда... И только промелькнула тревожная мысль:

«Слишком уж легко всё получается».

Мастерская оказалась небольшим домом с толстыми глинобитными стенами, вроде того, что строят для небогатых семей, с обширным подвалом, где в ростовых кувшинах и сундуках хранились основные ингредиенты. Старик мастер был человеком старательным, дотошным, а потому вёл сразу несколько тетрадей: в одной записывал результаты опытов, в другой – итоговые рецепты с выверенными и испытанными пропорциями, а в третьей... в третьей описывал сами испытания, и первая запись была сделана гораздо более молодой и твёрдой рукой, более двадцати лет тому назад.

Алар наскоро пролистал все три тетради. Углубляться в чтение ему сейчас не хотелось – и без того уже мутило, да и время поджимало... Записи он сунул себе за пазуху; склянки с образцами Дёран сложил к себе в заплечную суму, рассовав по мелким кармашкам.

Оставалось самое сложное.

«Скот... жертвы».

– Мы сейчас спустимся в подземелье и выведем пленников, – тихо произнёс он, собираясь с духом, поскольку уже догадывался, что за зрелище предстанет их глазам. – Один из купцов прибыл в оазис с двумя повозками. Для тринадцати человек это тесновато, но нам лишь бы подальше убраться, хоть бы и вповалку ехать... Не нравится мне эта морт вокруг оазиса, – вырвалось у него.

– Липкая, – пробормотала Рейна, утыкаясь взглядом в пол.

Волосы надо лбом у неё взмокли; жилка на виске билась часто-часто.

«Утомилась девочка... Ну, немудрено – продержаться столько времени».

– Да, липкая, – кивнул Алар. И украдкой вытер шею сзади, под волосами: его тоже кидало в пот от усталости. – В подземелье будь особенно осторожна. Подозреваю, что там дурмана ещё больше и пары вдохов хватит. Справишься?

Она кивнула и расправила плечи, бодрясь, точно всем своим видом хотела сказать, что готова к испытаниям... Вот только к тому, что было в подземелье, не готов оказался никто, включая Алара.

Во дворце властвовал полумрак – и прохлада. Кое-где мерцали светонесные камни – золотым, пурпурным, бледно-розовым... Мягко журчала вода в фонтанах; покачивались нежные гроздья цветов на длинных стеблях, прямых, точно стрелы. Убранство напоминало, скорее, о домах потомственных шимри, чем о роскошных чертогах южан, разбогатевших на торговле: ширмы, низкие столы с изящными приборами для письма – чернильницами из нефрита, драгоценными кистями, стопками ароматной бумаги... Один раз попался на полу золотой гребень, украшенный фиолетовыми цветами из эмали, и вид его отчего-то вселил тревогу.

У входа в подземелья распостёрся на полу мертвец, лицом вниз, в луже кисло пахнувшего вина – видно, судьба настигла его, когда он только-только наполнил чашу и собирался сделать глоток. Тяжёлые двери были закрыты снаружи на засов, но и только – ни ловушек, ни тайных замков. За ними обнаружилась анфилада из дюжины комнат; в каждой из них – ещё по две двери, слева и справа, и некоторые из этих помещений пустовали, как подсказывала морт, а в других ощущалась жизнь.

И дурманных благовоний здесь было столько, что воздух помутнел.

Отбросив колебания, Алар распахнул ближайшую дверь, за которой почувствовал чужое присутствие – и застыл на пороге.

– Что за?.. – вырвалось у него.

Комната точь-в-точь напоминала покои некоторых хозяек в пьяных домах Шимры – тех домах, в которые не всякий благопристойный горожанин отваживался заглянуть. Много шёлка и парчи, расписных бумажных фонарей и красивых безделушек; роскошное ложе, усыпанное подушками и лепестками цветов; на дальней стене вместо картины или гобелена – плети, кнуты и розги... В противоположном от ложа углу стояла бронзовая лохань,

наполненная ароматной водой; там сидел, бессильно скорчившись, юноша с гладкими чёрными волосами длиной до пояса, чем-то неуловимо похожий на капитана-проходимца, спутника Фогарты. Услышав скрип двери и чужой голос, он испуганно вскинулся, неловко перевалился через край, изрядно расплескав воду, поклонился, стукнувшись лбом об пол, и забормотал:

– Позволь услужить тебе, госпожа, со всей страстью, жажду услышать, чего ты желаешь... – На его обнажённой спине отчётливо выделялись следы от плети, и уже поджившие, и совсем свежие. – Этот смиренный раб с радостью ждёт...

«А он ведь киморт, – осознал Алар, чувствуя предательский холодок. – Как давно он здесь? Сколько ему лет?»

Тем временем пленник украдкой посмотрел на них – и побледнел ещё сильнее.

– Я готов, – произнёс он помертвевшим голосом. – Я на всё готов, и, если такова воля госпожи, я могу... я хочу...

И пополз к ним на коленях, тяжело опираясь на дрожащие руки.

Дёран опомнился первым. Метнулся в сторону, подхватил покрывало с ложа, окутал юношу – и вздёрнул на ноги, а затем произнёс твёрдо, глядя ему в глаза, очень красивые, ярко-синие, но словно стеклянные:

– Мы пришли тебя спасти. Нет тут никакой госпожи. Слышишь?

Юноша моргнул недоверчиво, силясь осознать сказанное... а потом резко, свистяще выдохнул и осел вниз.

Его била крупная дрожь.

Оправился он, впрочем, быстрее, чем можно было ожидать. Скорее измождённый, чем сломленный, он торопливо, неловко оделся и завязал волосы лентой; ноги юношу держали плохо и подгибались, однако чужой помощи он не принимал и прикосновений избегал, только к Дёрану старался держаться поближе.

Всё время, весь тот бесконечный час, пока Алар обходил подземелье – и отворял дверь за дверью.

Двое мужчин; три женщины; шесть девочек и два мальчика. Самому младшему из узников едва исполнилось пять лет, он слабо понимал, что происходит, а потому безмятежно возился с игрушками. Его старший приятель-северянин не говорил и не смотрел в глаза, больше напоминая куклу, чем живого человека; одна из девочек-

подростков была истощена настолько, что не могла двигаться – или не хотела. Пленники мужчины выглядели похожими, как братья – черноволосые, стройные, с острыми скулами и твёрдой линией губ – словом, истинные шимри, какими их представляют иноземцы. Женщины... из них передвигаться могла только одна, северянка – высокая, широкоплечая, зеленоглазая, с застарелой ненавистью во взгляде, которую она прятала под густыми светлыми ресницами. Ей было тридцать два; её выкрали из Ульменгарма двенадцатилетней девочкой, и здесь она провела двадцать долгих лет, но не смирилась и не отчаялась.

– Я знала, – прошептала она, зажмурившись на мгновение, и стиснула кулаки. – Знала, что придёт время утопить эту землю в крови.

Кто-то сразу начинал ликовать; кто-то боялся даже надеяться на спасение... Были и такие, кто бросался к нему, пытаясь убить. Детям проще было довериться Рейне, сейчас непохожей на саму себя: серьёзной, напряжённой, сосредоточенной. А последние сомнения развеялись, кажется, только когда Алар начал выводить узников из подземелья, и они увидели у дверей поверженного стража.

Вывернутая шея и гримаса ужаса на лице у мертвеца были красноречивей любых слов.

Идти приходилось медленно. Тайра почти что волокла на себе одну из пленниц; зеленоглазая северянка, по-мужски высокая и сильная, несла измождённую девочку, а второй мальчишка-подросток ехал у неё на спине... Рейна вела за руку пятилетнего малыша и что-то быстро-быстро рассказывала ему на лорги. Аккурат когда стало разгораться зарево на востоке, они добрались до гостевого дома, около которого стояли две повозки; тхарги спали неподалёку, под навесом.

«Неужели получилось? – подумал Алар, невольно сжимая рукоять меча. – Остаётся только вернуться в Кашим, нанять дирижабль... и что потом? Лететь в Хродду, к Телору? Или в Шимру?»

Тайра помогла освобождённым узникам устроиться в повозках, а затем, не без участия Дёрана, впрягла тхаргов. Процессия двинулась к воротам, сперва медленно, а затем быстрее и быстрее. Над краем пустыни показалась кромка солнца, такого невероятного, пронзительного цвета кипящего золота, что им захлебнуться можно было; ночная прохлада неуклонно откатывалась к западу, как воды морские отступают с началом отлива. Пленники начали постепенно

осознавать, что всё действительно кончено и оазис постепенно отдаляется... Синеокий юноша, которого нашли первым, перебрался из-под навеса в повозке на козлы, поближе к Алару, и принялся взахлёб, почти бессвязно рассказывать ему о своих злоключениях. О том, как он закончил обучение пять лет назад и, окрылённый свободой, отправился в первое самостоятельное странствие и обосновался в Шуду, исследуя злые чудеса пустыни... И как встретил однажды на базаре соплеменницу из Шимры, обрадовался и с радостью принял предложение выпить прохладного вина – а очнулся уже в плену, лишённый сил.

– Я потом уже понял, что встречал её прежде, – лихорадочно бормотал он, то убирая волосы назад, то снова перекидывая через плечо. – В Шимре, в цехе; она звала прогуляться под эрисеями в свете лун, но наставница сказала, что мне бы меньше думать о любовных утехах, а больше – об учении. – И он резко помрачнел, подтягивая колени к подбородку. – А теперь я, наверное, вообще никогда не буду думать об утехах.

«Ведь это двадцать лет уже тянется, – подумал Алар, хмурясь. – Тот, прежний я, тогда в Шимре жил, и неужели ни разу даже слухи до меня не доходили? Чем я занимался – просто сидел дома и любовался узором на расписной ширме?»

Но рассуждать и казнить было поздно; он протянул руку и коснулся плеча юноши, не то ободряя его, не то успокаивая самого себя, и произнёс уверенно:

– Будешь, конечно. Наш век долог, и, хоть память и немилосердна, мы изменяемся, и то, что прежде казалось невыносимым, становится возможным. А нет, так и не беда: что в них, в любовных утехах, чтоб нельзя было без них жизнь прожить? Скажи мне лучше, как звали ту женщину, которая тебя опоила.

Юноша поднял на него сумрачный взгляд:

– Ту пустынную змею? – а потом вдруг побледнел резко и обернулся.

Да и Алар сам почувствовал неладное.

Пурпурная морт, окутывавшая оазис, встрепенулась – а затем потекла по песку, как река, догнала маленький караван в мгновение ока, забурлила вокруг, хлынула... и развеялась.

Рейна привстала на козлах второй повозки, стиснув зубы; из носа у неё капала кровь, но внешний круг защиты – тот, что Алар повелел держать любой ценой – устоял.

«Вот дурочка, – с нежностью подумал он, вынимая меч из ножен. – Я ведь сказал защищать нас только от яда, а не со взрослым кимортом сражаться».

Тхарги, повинувшись команде, медленно остановились.

– Спасибо, Рейна, – произнёс он вслух тихо. – Достаточно. Дальше я сам.

Позади повозок стояла, скрестив руки на груди, высокая женщина в мужских одеждах – укороченная чёрная хиста до середины бедра, серые штаны и рубаха, остроносые туфли, в которых только по дворцу и ходить. В её коротко остриженных волосах сверкали крупные изумруды, подобные росе; тёмные глаза, обильно подведённые краской, глядели недобро... А впереди дорогу преграждала другая женщина, в золотых и пурпурных одеждах, лёгких, почти прозрачных, но из-за обилия слоёв и складок вполне пристойных. Она была удивительной красавицей – стройная, гибкая, златоокая, с нежными пунцовыми губами и покатыми плечами. Волосы её, чёрные и блестящие, лежали пышной волной, и лишь несколько прядей у висков были перевиты с золотыми цепочками и сплетались на затылке в сложном узле.

...бывший узник смотрел на эту красавицу с таким ужасом, словно мог рухнуть замертво в следующее мгновение.

– Сам справишься? – рассмеялась она, чуть откинув голову, и смех оказался мелодичнее, чем перезвон ветряных колокольчиков. – Да, ты не изменился. Такой же надменный, как и был. И появляешься, как и прежде, не вовремя.

«Она меня знала, – отстранённо подумал Алар. Но ничего не шевельнулось в душе, и спутник тоже не трепетал, не рвался наружу, как это случалось раньше. – Что ж, даже если и знала, то для меня, похоже, не значила ничего».

– Тебе видней, я-то себя не помню, – улыбнулся он тонко. И добавил по наитию: – А раз ты злишься, то, верно, и я тебе отказал. Как там твоё имя?

Если б взглядом можно было убивать, то Алар, наверное, пал бы замертво в тот же миг. Однако даже киморты не умели такого.

– Дуэса, – прошипела красавица, и впрямь становясь похожей на пустынную змею. Морт взвилась вокруг неё пурпурными и лиловыми языками, точно пламя. – Дуэса Шин-раг. Ты, я смотрю, забрал мои игрушки... как насчёт того, чтоб вернуться вместе с ними туда, где им самое место? Как и тебе.

Сила у неё оказалась чудовищной.

Морт было немного, пожалуй, иные ученики могли бы собрать больше; но она изменяла всё, чего касалась – воздух, песок, свет, сами законы бытия преломляла, как некая чудовищная линза. Пурпурный туман вздыбился стеной, отсекая их от остального мира, задрожал – и обрушился всей мощью.

Алар подумал, что не успеет... а в следующее мгновение осознал, что уже успел: Алаойш Та-ци, кем бы он ни был прежде, не только знал с десятков способов избавиться от похмелья и переспорить даже табор кьярчи, но и умел сражаться с себе подобными.

Так, словно делал это не сто и не тысячу раз.

Его морт вонзилась в пурпурный туман мириадами тончайших игл, и там, где она проникала, Дуэса теряла власть.

Так лист бумаги вспыхивает на углях и рассыпается пеплом; так дурной сон без следа развеивается поутру.

Пурпур истаял. Восходящее солнце било наискосок, и Алар ощущал его безжалостный свет, словно плащ на своих плечах – невесомый и в то же время давящий.

Дуэса отступила на шаг назад, и пальцы у неё были скрючены, точно птичьи лапы.

– Лиадан, – не то окликнула, не то приказала она, снова призывая морт. – Помоги.

Незнакомка с изумрудами в волосах усмехнулась:

– Я думала, ты уже не позовёшь. Я Лиадан Ап-мар, – повернулась она к Алару. – И ты проклянёшь день, когда меня встретил.

«Надо бить первым, – промелькнуло у него в голове. – Если я не сумею устоять...»

Додумывать он не стал – ибо не мог, не имел права оказаться слабее.

А потом закрыл глаза.

И стал светом.

...так солнце, поднимаясь над пустыней, проникает везде, раскаляет камни и песок, и нет от него спасения. Дарует жизнь; отнимает жизнь; находится везде и всюду, во всём – но ничто не может достигнуть его.

Сила, которой нельзя не то что противостоять – осознать невозможно.

Пурпурный туман поднимался и опадал бледными розовыми волнами, бессильными и безвредными; в небе закипала гроза, и били изумрудные молнии, но солнце было слишком высоко, и изливало свет, и тучи распадались клоками.

Кажется, дул ветер.

Кажется, колебалась земля, тревожа древние кости и города, погребённые под песками...

И Алар чувствовал привкус ржавчины и соли во рту, но, наверное, всё-таки победил бы, если не ощутил вдруг, как спутник начинает ворочаться в мече.

Накатила слабость.

Свет угас.

«Да я теряю сознание, – с удивлением и ужасом понял он, отчаянно пытаюсь устоять, выпрямиться, потому что нельзя, никак нельзя было проигрывать. – А Рейна как же? И... Тайра, что сделают с ней?»

Его охватил страх.

Пурпурного тумана стало вдруг много, очень много, и изумрудные молнии били всё ближе, вздыбливая фонтаны песка... А потом вдруг весь этот грохот и шум перекрыла нежная, лёгкая мелодия, которая летела, как ветер, напоённый ароматом цветов. И за пурпурным туманом проступил облик Дёрана, отчего-то сияющий; тонкие пальцы ласкали семиструнку невесомыми прикосновениями, а лицо было сосредоточенным и одухотворённым...

...И очень злым.

– Напой меч кровью! – рявкнул он, и одна из струн жалобно тренькнула, обрываясь. – Сейчас же! Сделай его собой!

«Сделай собой?» – хотел переспросить Алар... а потом вдруг понял всё, словно когда-то давным-давно уже об этом размышлял.

И провёл клинком себе по ладони.

Ярко-алые капли впитывались в металл, как морт – без следа, но принося с собой изменения. И чем больше крови пил меч, тем больше прояснялся разум, и дурнота отступала.

Алар чётко и чисто видел, как мелодия семиструнки – или шестиструнки уже? – теснит одновременно и пурпурный туман, и бурю... и, пожалуй, это было красиво.

Как холодная, робкая весна после долгой зимы; как ярко-голубой клочок неба в разрыве туч.

– Кто ты? – спросил Алар спокойно. – Ты ведь не простой сказитель.

Дёран обернулся через плечо – и улыбнулся мягко.

– Тот, кто слышал эхо... Всё, – выдохнул он, опуская инструмент. – Дальше давай сам. Устал.

Алар кивнул, соглашаясь...

Нет. Не Алар уже – Алаойш Та-ци.

– И натворила же ты дел, Дуэса, – произнёс он негромко и поднял меч, призывая всю морт, до которой мог дотянуться.

Хлынула волна – бесконечный, испепеляющий, немилосердный свет, а когда он откатился, то на песке осталось изломанное тело женщины с изумрудами в волосах. Проклятый оазис исчез вместе с мастерской, подземельями и дворцом, а на его месте возник горный кряж, протянувшийся неровным изломом до самого горизонта; отчего-то пахло водой, и слышался шум реки, а розоватый песок вокруг побелел, и сквозь него начали пробиваться тонкие, упрямые ростки.

Дуэсы Шин-раг нигде не было видно.

– Так и знал, что упущу что-нибудь, – вздохнул Алаойш... нет, просто Алар, ощущая нарастающее головокружение. – Кто-то... кто-то может подать мне воды?

И покачнулся, оседая обратно на деревянную лавку.

5. Шрам

Фогарта Сой-рон, близ Кимень-горы

Возвращение на «Штерру» вышло хлопотным.

Мирра пришёл в себя довольно быстро, но, кажется, держался на одной силе воли и поостерегся взбираться на гурна. Верхом в итоге поехал Иаллам, понурый и задумчивый, а наместника Фог усадила к себе на крышку сундука и потом ненавязчиво придерживала морт во время полёта. Самое удивительное, что даже таким – босоногим и в хисте с чужого плеча – он выглядел угрожающе. Заметив его, уцелевшие воины из вражеского отряда разом побледнели и сникли, явно не надеясь на милосердие... Однако им он уделил ровно три слова:

– Связать и охранять, – а затем обернулся к одному из своих дружинников. – Одолжи-ка чистую одежду... И помоги мне переодеться. А с тобой я потом разберусь, – добавил он, искоса глянув на Иаллама. – Готовься и трепещи.

Фог хотела было вступить за приятеля, но потом заметила, как слегка изогнулись у Мирры уголки губ, и раздумала.

«Да он шутит».

Самым сложным, пожалуй, было разместить всех на дирижабле: пленных и дружинников, здоровых и раненых, чтоб никто никого не убил и никто никому не помешал. Свою каюту Сидше любезно уступил Мирре, не слушая никаких отговорок:

– Нет-нет, прошу, не спорьте, молодой господин, – улыбнулся он, склонив голову набок, в своих ишмиратских одеждах как никогда напоминая дорогую куклу. – Мне постель нынче не понадобится вовсе.

– Неужели? – выгнул бровь наместник, хотя ему явно даже стоять нелегко уже было. – Мне особых почестей не нужно.

– Второму пилоту нужно отдохнуть, а значит, пришло время мне занять место у штурвала, – подтвердил Сидше, словно и не заметил поддёвки. – А если почестей и особого отношения вам не требуется,

молодой господин, то и спорить вы не должны: на борту «Штерры» повинуются её капитану. Март проводит вас.

Рослый телохранитель-северянин молча шагнул вперёд, собираясь, если понадобится, увести гостя или волоком утащить. Мирра цокнул языком, но возражать не стал – скорее всего, сил не осталось. Фог лично проследила за тем, чтобы он лёг и пристегнулся правильно, а затем отправилась помогать с погрузкой уцелевших гурнов – они упирались и не желали забираться в дирижабль. Покончив с этим, она по очереди осмотрела раненых без оглядки на то, были они друзьями или врагами; затем навестила ещё раз Мирру и убедилась, что он спит и восстановление идёт своим чередом. Потом заглянула в навигаторскую – нет, разумеется, не для того чтоб повидать Сидше, у неё было какое-то важное дело – и заснула, присев на минуту в кресло второго пилота. Очнулась уже ближе к рассвету, когда небо стало светлеть, наливаясь на востоке розовым и золотым... и вспомнила наконец, что же за дело у неё было.

– Сигнальные огни! – подскочила Фог с кресла, но спросонья покачнулась и вынуждено села обратно. – Телор обещал запустить зелёные сигнальные огни, чтоб мы знали, куда лететь, и...

И только тут она заметила, что во сне согревало её не одеяло, а чёрная капитанская хиста. Сам же он стоял в одной только рубашке из тонкого красного шёлка.

Щёки потеплели.

– Знаю, – ответил Сидше и глянул на неё искоса. – Отдыхай, госпожа. Сэрим успел заметить эти огни, пока подменял меня в кресле пилота, и объяснил, где их видел. Через час-полтора будем на месте, а пока можешь ещё поспать – всё же день вчера был нелёгкий.

– Ага, – растерянно согласилась Фог, устраиваясь на сиденье поудобнее и снова накрываясь хистой. Капитан в алом шёлке на фоне пламенеющего рассвета был диво как хорош, и позволять ему прятаться за плотной верхней одеждой не хотелось. – Тогда посплю...

«Вот только как Сэрим огни разглядел? – пронеслось у неё в голове, когда сон уже вновь стал накатывать мягкой, неудержимой волной. – Телор ведь сказал, что огни будут видимы лишь для кимортов...»

Верно, оттого что мысль эта и во сне не давала покоя, Фогарта очнулась не со смутными подозрениями, а с догадкой – и не замедлила

проверить её. Подстеречь Сэрима в пустом коридоре, без свидетелей, труда не составило; после дело было за малым – окликнуть и похлопать по плечу, осторожно вливая в его тело морт.

Точнее, пытаюсь влить.

Морт скатилась с него, как скатывается вода с кувшина, и так уже переполненного.

Сэрим дёрнулся, явно заметив что-то – и пытаюсь скрыть, что он заметил, но Фог держала его крепко.

– Ты кто? – спросила она в упор, поймав его взгляд. Круглые жёлтые глаза как никогда напоминали птичьи. – Не киморт, но видишь то, что положено видеть лишь кимортам. Эстра? Но к спутнику ты никогда не взывал, да и морт вокруг тебя не вьётся... Что ж, теперь хоть понятно, почему ты так ловко подменяешь кошельки и незаметно шаришь по карманам.

– Как же это незаметно, раз ты заметила? – усмехнулся он. И надавил ей на запястье, заставляя отпустить его плечо. – Да и разве нужна морт, чтоб облапошить какого-нибудь простака? Я друг тебе, Фог, – смягчился он.

– Знаю, – рассеянно кивнула она, отступая. Теперь ей стало неловко – и из-за собственной догадливости, и из-за настойчивости. – И Дёран бы с плохим человеком дружить не стал, а раз вы приятели – значит, и ты хороший... Вот только не киморт и не эстра.

Сэрим несколько не изменился, остался прежним – круглоглазым, лопоухим немного, с взъерошенными светлыми волосами и молодым лицом, вот только за ровесника Иаллама теперь его принял бы разве что слепой и полоумный.

«А я-то и не замечала».

Улыбка у него померкла.

– Да есть ли разница, как называть? – вздохнул он и отвернулся, по-птичьи нахохливаясь. – Положим, был я эстрой, да вот вспомнил кое-что – и кое-что потерял.

В мыслях у Фог пронеслась разом, кажется, тысяча вопросов.

«Откуда ты родом? Что потерял и что вспомнил? Сколько тебе лет? Как давно странствуешь и почему скрываешься от кимортов? А Дёран знает? Или он такой же, как и ты? А знал ли учитель, когда привечал его в своём доме? Ту запись в дневниках Миштар – ведь ты сделал, да?..»

Но спросила она отчего-то совсем другое:

– Ты... ты позавтракать не прочь? Я обещала Сидше принести что-нибудь в навигаторскую, а заодно и перекусить вместе с ним, а то кто знает, не придётся ли сразу в бой кидаться там, куда мы летим...

Сэрим недоверчиво нахмурился – а потом просиял разом:

– Перекусить-то будет недурно, я полночи на ногах! Садхам-то, как битву почуяла, так и разбушевалась, насилу её усмирил. Ну кто б мог подумать, что в маленькой ящерке столько силы?..

В навигаторскую они возвращались перешучиваясь, как ни в чём не бывало. Фог думала о том, что если уж назвал человека другом, то не стоит щипцами тянуть из него секреты: захочет – и сам расскажет, а на нет и суда нет. И ещё теперь, когда мысли её обращались к учителю, то окрашивались, пожалуй, чуть иным светом.

«Ведь если Сэрим был эстрой и вспомнил, – вертелось в голове. – Если он вспомнил...»

Но погружаться в подобные размышления чуть глубже Фог боялась.

Нет ничего слаще надежд, это правда; так твердит молва, так пишут в учёных трудах и в бессмертных поэмах.

Но нет ничего горше надежд, которые не сбылись.

Будить Мирру не пришлось.

Когда «Штера» начала снижаться, и Фог заглянула к нему в каюту и застала уже полностью одетым, бодрым – и злым из-за безуспешных попыток хоть как-то прочесать пальцами спутанные после беспокойного сна волосы. Однако спутанная кудель – скорей алая, чем рыжая, при свете дня это стало даже очевидней – никак не желала превращаться в гладкую волну.

«Надо было вчера всё распутать, – ощутила Фог укол совести. – А не просто вычистить и высушить».

– Гребень одолжить? – спросила она.

Наместник одарил её убийственным взглядом – ещё более пугающим потому, что сейчас был облачён не в белую женскую хисту, а в чёрную рубаху, штаны и короткий кафтан с золотой вышивкой по вороту и по рукавам. Зелёный плащ с фибулой в виде листа свисал с края откидной кровати, и сапоги стояли там же. Наручи, поножи и оружие лежали в изголовье, очень аккуратно – и, кажется, их уже успели начистить и отполировать.

«Моей хистой причём».

Стало смешно.

– Одолжить, – неохотно признал Мирра. Дёрнул себя за локон, пытаясь выпутать пальцы, скривился и добавил: – И масло, если найдётся.

Фог смутилась и неопределённо указала на свои волосы, так и торчащие дыбом со вчерашнего дня, не зная, как сказать помягче, что в кремах, притираниях и прочих женских штуках не разбирается вовсе:

– Я, э-э...

Он смерил её долгим взглядом:

– Уж вижу, – и, когда она, откинув крышку сундука в углу, перегнулась через край, чтоб отыскать гребень, добавил: – Ты с капитаном живёшь, что ли?

– Ага, – не стала отрицать Фог. – Привыкла. Места всем хватает – он на кровати спит, я на потолке.

– На потолке?

– Ну, я сначала его опасалась, а потом как-то, э-э...

– Тоже привыкла? – подсказал Мирра.

Они посмотрели друг на друга одновременно, встретились взглядами – и рассмеялись; Фог – в голос, а он тихо и коротко, так, что это больше напоминало фырканье.

– Так сложилось, – ответила Фог, не желая объяснять подробнее, а наместник кивнул, точно ему было довольно ответа. – Присядь, я помогу распутать. Одним гребнем здесь не справиться.

На удивление Мирра спорить не стал и сел на край постели, повернувшись так, чтоб Фог удобнее было орудовать гребнем. Без масла и впрямь прочесать бы не вышло, но морт справилась даже лучше, развязывая мелкие узелки так, чтоб ни один волос не выдернуть. Наместник замер, опустив ресницы и чуть улыбаясь – того и гляди замурлычет, как один из лесных котов Эсхейд.

– Я тебя так и не поблагодарил за то, что ты меня спасла.

– Ты и так хорошо потрепал ту тварь, мне её только добить оставалось...

– Не надо, – поморщился он. – Я, конечно, хорош, но чужих заслуг мне не надо. Пустой похвалы от матери и от Кальва хватило.

– Вы дружны?

– С матерью?

– С братом.

Угрожать в каюте было некому, поэтому Мирра одарил пламенным взглядом открытый сундук.

– Ещё чего. С таким дурнем и занудой дружить – только мучиться... Но от брата куда денешься, – он помолчал. – Кальв... цел?

Фог уже распутала ему волосы и теперь бесцельно, бездумно водила гребнем, любуясь блеском.

– Ему на помощь отправились с Эсхейд с Телором – и с целой дружиной в придачу, – спокойно ответила она. – Если Кальв сумел продержаться до тех пор, то уж, наверное, теперь ему и подземные чудища не страшны... Мне говорили, вы с ним вместе воспитывались.

Вопрос вышел опасный – чересчур личный; однако Мирра только плечами пожал, точно скрывать ему было нечего.

– Мать у Кальва умерла родами, а тут как раз тремя днями позже и я родился; вот только он был сыном законной жены, а я – любовницы, простой танцовщицы-кьярчи. Но моя мать нас обоих вырастила, ни в чём не делая различий. Такой уж у неё нрав. У лорги жёны отчего-то долго не живут, – усмехнулся наместник жёстко. – Так что матери было на кого любовь изливать: она потом ещё троих мальчишек воспитала, хоть отцу-государю и это и не нравилось. Впрочем, и я его разочаровал: вырос невысокий и лицом подобный девчонке, – добавил он, явно передразнивая кого-то.

«Лоргу, наверное», – подумала Фог – и, вспомнив рассказы Эсхейд о том, как тот заставлял сына переодеваться в женское платье для забавы и прислуживать на пирах, сама отчего-то разозлилась.

– Мир больше, чем дворец лорги, – вслух ответила она. – Может, здесь ты и правда уже в плечах и милее лицом, чем остальные. Но у нас, в Ишмирате, изящество и миловидность – достоинства и для мужчины, и для женщины, как и умение играть на музыкальных инструментах, танцевать, слагать изысканные стихи... Я не умею, кстати, – улыbnулась она. – Но мне можно, я учёная-киморт.

Мирра фыркнул:

– Мне тоже всё теперь можно – у меня, видишь ли, меч острый и нрав скверный. Насмешников поубавилось, уж поверь.

– Иаллам не насмешник, – быстро сказала Фог, вспомнив происшествие у озера. – Не сердись на него, ладно?

– Я и не сержусь, – ответил Мирра, едва заметно улыбаясь. – Я забавляюсь. Скажешь, что он не забавный?

Ответить «нет», не покривив душой, Фог бы не могла, потому просто отдала ему гребень, пробормотав, что, мол, не прочь забрать его позже.

– Мне-то самой, э-э, – снова указала она неопределённо на собственные всклокоченные кудри. А наместник понимающе кивнул:

– А у тебя самой капитан есть, он тебе не только гребень одолжит, но и причешет сам, только обрадуется.

Щёки у неё вспыхнули. Мирра же, явно довольный собой, накинул плащ, скрепил фибулой и первым вышел из каюты, словно был здесь хозяином, а не гостем.

Дирижабль летел низко, почти над самыми верхушками деревьев, надёжно скрытый облаком: Фогарта усвоила урок, преподанный в Ашрабе, и не собиралась теперь подставляться под атаку морт-мечом или стреломётом. Частенько можно было заметить с высоты чудищ, выбравшихся из-под земли; к счастью, среди них не встречалось никого, столь же опасного, как та огромная многоножка. Места, где прошли сражения, попадались тоже – поломанные деревья, целые пустыри, выгоревшие дотла.

Сигнальные огни от Телора вспыхивали ещё дважды; в последний раз – когда «Штерра» почти достигла цели.

– Траурных костров нет, – прошептал Мирра, едва ли не вжимаясь лбом в стекло, точно хотел опередить дирижабль и успеть первым. – Верно, наместник востока жив... Хотя это ничего не значит, его могли ранить.

Фог скосила на него взгляд – осторожно, стараясь не смущать непрошеным вниманием.

– Главное – выжить, а киморт способен поставить на ноги любого раненого. И раз Телор посылает нам знаки, то дел поважнее у него нет... наверное.

Уточнять, что её беспокоят сигнальные огни, гаснущие слишком быстро, она не стала.

Мирра вздрогнул, точно его застигли за чем-то неподобающим, и отступил от стекла, надменно скрещивая руки на груди:

– До Кальва мне дела нет, эта оглобля дурная сама разберётся со своими бедами. Я беспокоюсь лишь о моей дружине: часть её ушла с ним. И да, держите-ка правее, вон к тому холму.

«Дела нет, как же».

– Ты же знака вроде не видишь? – улыбнулась Фогарта.

Он сердито глянул:

– Зачем мне видеть знаки, если я и без того помню, где у Кальва тайное убежище?

– Разумно, – поддакнул ему Сэрим из кресла второго пилота. – Конечно, это тайное убежище, раз о нём каждая собака знает, даже наместник, с которым идёт война.

Мирра ответом его не удостоил, только подбородком дёрнул и выдохнул резковато.

К сожалению, дурная шутка Сэрима оказалась слишком близкой к правде: пропустить и не заметить потаённую крепость Кальва сейчас мог разве что глухой и слепой. Уже издали слышался рёв, рокот и глухие удары – или, быть может, отзвуки взрывов. И вскоре стало ясно почему: лес вблизи от укрытия буквально кишел подземными тварями. Одни беспорядочно метались в поисках убежища от солнечных лучей или охотились друг на друга; другие остервенело бросались на земляную насыпь, укреплённую бревенчатым частоколом в три яруса.

Бросались – и падали замертво либо отлетали в сторону, оглушённые, обгорелые и обозлённые.

– Они чувствуют морт за стенами, – пробормотала Фог, отстранённо рассматривая копошение там, внизу. – Морт и жизнь: это для них самое лакомое, а если и то, и другое разом... Ну, я, пожалуй, тогда вниз спущусь и отвлеку их?

Повисла тишина.

Сидше не ответил никак, только снизил скорость дирижабля ещё больше и повернул штурвал, заставляя «Штерру» медленно заложить петлю вокруг крепости. А вот Сэрим резко обернулся:

– Ты у меня спрашиваешь, что ли? Не ты ли у нас нынче взрослый киморт? Не тебе ли самой решать, разумно ли бросаться в бой сразу с дюжиной червей Шалпана?

«Дюжина?»

Фог метнулась к стеклу, надевая окулюс:

– А где ещё два? Я только десять насчитала...

Сэрим так закатил глаза, что, казалось, они у него сейчас на затылке проступят – и буркнул:

– Один у стены мёртвым притворяется, а второй вон, в землю зарылся наполовину... Но речь-то не о том!

– А о том, что мне надо быть внимательней, – согласилась Фогарта, повторно оглядывая окрестности. – С той стороны, наверное, их не меньше, значит, надо будет облететь крепость по кругу, чтоб наверняка. За полчаса, думаю, управлюсь. Я отдохнула ведь... Интересно, отчего Телор до сих пор их не уничтожил?

– Потому что его сила в другом, – вздохнул Сэрим, оттягивая ворот рубахи, словно вдруг стало душно. – Он и ливень посреди пустыни устроить бы не сумел, даже если бы расстроился посильней тебя... Эй, стой! Ты куда? Одна не ходи!

– Я с ней! – подхватился с места Иаллам, который до сих пор тихо сидел у стены, стараясь лишний раз не попадаться рыжему наместнику на глаза. – Пригляжу по-приятельски!

– Вот видишь, я не одна! – крикнула Фог уже из коридора. Ей отчего-то весело стало, хотя должно быть страшно; может, оттого что, сражаясь с чудовищами, не надо думать, кто прав, а кто виноват – и так ясно. – Ты нам подуди сверху – на удачу!

Сэрим выбранился, но всё же флейту достал.

Уже очутившись у грузового выхода с сундуком, Фог обнаружила вдруг, что они с Иалламом не одни. Наместник Мирра – без плаща уже, видно, чтоб не мешался в бою – стоял подле них как ни в чём не бывало и проверял, надёжно ли закреплено морт-оружие и снаряжение: кинжалы, наручи, поножи, меч... Поняв, что его заметили, ничуть не смутился и усмехнулся зло:

– Думали идти без меня? Вот уж нет, я с самого утра хотел размяться. Так и тянет срубить голову-другую, – и глянул на Иаллама.

– Спихнёшь его с сундука – превращу твои одежды в женское платье, – пригрозила Фог, не оборачиваясь.

Мирра фыркнул:

– Тогда, пожалуй, не стану.

...Хоть решение стать приманкой и уничтожить всех тварей разом она приняла быстро, однако бросаться вниз без подготовки, конечно, не собиралась. Стянула морт к себе – сколько смогла; ясно представила, что собирается делать; наконец, пересчитала ещё раз

тварей внизу и вкратце объяснила Иалламу и Мирре, куда собирается бить. И лишь затем кивнула на сундук:

– Взбирайтесь. Или вас посадить?

«Самые опасные – первые минуты, – проговорила Фог про себя, пока сундук медленно опускался вниз, скрытый от чужих глаз. – Если продержусь – значит, всё получится».

И хоть сомнений в этом почти и не было, а всё же в груди холодело, а ладони становились влажными.

– В Дабуре сложнее пришлось, – раздался вдруг шёпот над ухом. Она обернулась – и увидела Иаллама совсем близко, хоть веснушки пересчитывай. – И всё же ты справилась.

«А ты доверился мне, – пронеслось в голове. – И едва не позволил себя убить».

– Там и я была другая.

– А сейчас что – хуже? – хмыкнул он. – Да ты и не одна. От парят червей я тебя прикрою.

Приземлились они на опушке – достаточно далеко, чтоб ни один из защитников крепости не задел их морт-мечом, и достаточно близко, чтоб твари их почуяли, как только полог развеется. Фог осмотрелась напоследок, убеждаясь, что рядом ни одного чудовища нет – и тихо произнесла:

– Сейчас я махну рукой, и мы станем видимыми для подземных тварей. Издали их бить не надо; пусть подберутся к нам. Вот если я замешкаюсь, а кто-то окажется в двадцати шагах или ближе...

– Тогда рубить, – кивнул понятиливо Иаллам и вытащил меч из ножен, готовясь. – Ну, что ж, давай, маши.

Фог глубоко вдохнула, словно перед тем как нырнуть.

Полог пал.

В первое мгновение чудища их словно не заметили. А затем почуяли морт – и тёплое, уязвимое биение жизни совсем рядом, и вся та кошмарная волна, которая, как прибой, колотилась в бревенчатый частокол, разом развернулась.

И хлынула.

Иаллам громко втянул воздух сквозь зубы, чересчур сильно стискивая рукоять меча; Мирра, напротив, улыбнулся тонко, словно и впрямь ждал возможности перерубить кому-нибудь шею.

Быстрее всех подобрался червь Шалпана – точно вырубленный из хрустала, он скользил в тени, избегая солнечных мест; шкура его в некоторых местах потемнела – то ли от света, то ли от огня. За ним плыл по воздуху ещё один, более мелкий и юркий; и кто-то проворно прыгал с верхушки на верхушку, заставляя деревья нагибаться, и...

«Сейчас».

Фог отпустила силу – и та распрямилась, как пережатая пружина, сметая всё на своём пути и обращая в тлен. Резко запахло чем-то кислым, как в лаборатории. Одна из тварей – в толстом панцире, с клешнями-лезвиями – уцелела и попыталась зарыться в землю, однако её настиг удар от Мирры, сильный и безжалостный.

С громким хрустом панцирь раскололся, являя уязвимую розовую плоть, тут же запекающуюся в огне до чёрной корки.

«А он и впрямь неплох, – украдкой глянула Фогарта на наместника, пока тот ловко убирал один кинжал и доставал другой. – Сколько морт-орудий он сейчас использовал? Два? Или три? Это надо твёрдую волю иметь – и внимание, как у киморта».

Мирра поймал её взгляд – и самодовольно улыбнулся, точно знал все потаённые мысли.

– Сейчас полетим вокруг крепости посолонь, – быстро сказала она, надеясь, что не сильно покраснела. – Я избавлюсь от тех тварей, что будут впереди, а вы – от тех, что станут нас преследовать. Если увидите кого-то вроде той чёрной многоножки...

– Оставить тебе, – кивнул Мирра. – Что ж, возражать не стану – мне хватило и одной.

Расчёт оказался верным.

Когда-то очень давно – в прошлой жизни, пожалуй – учитель рассказывал, что обитатели глубин вынуждены довольствоваться крохами с чужого стола. Ловить отголоски морт, пожирать друг друга... Большинство из них не были приспособлены к тому, чтоб просуществовать на поверхности дольше нескольких минут: свет и воздух убивали их верней любого оружия. Но те, кто выживал, самые крепкие и свирепые, могли принести много бед. Они без устали, алчно охотились за тем, чего так не хватало в подземельях – за свежей кровью и за морт, а значит, лучше добычи, чем киморт, и выдумать было нельзя.

«Понять бы, откуда они взялись... Может, это наших рук дело, и тогда забавно получается: творение стремится поглотить творца», – обронил учитель как-то, и Фог тогда не поняла, но запомнила.

А сейчас, наблюдая за глубинными чудищами, которые сбежались со всей округи в поисках жертвы, осознала вдруг, что как Алаойш дошёл до той мысли.

«Этих тварей нельзя убить ни простым клинком, ни стрелой, ни огнём, – промелькнуло в голове, когда очередной червь Шалпана, девятый по счёту, рассыпался от удара студенистыми комками. – А вот морт – запросто».

Они устремлялись к ней, как мотыльки летят на огонь в лампе, из двух источников света выбирая более яркий. Считанные особи пытались протаранить частокол или перебраться через него, и защитники крепости, без сомнения, это почувствовали – и воспряли. Когда сундук начал облетать крепость по второму кругу, ворота распахнулись – и на поле высыпал отряд всадников в синих плащах с настоящим великаном во главе, вооружённым копьём, самым обычным, большим только. Глядя на то, как он одним ударом пригвоздил к земле крупного прядильщика, Фог усомнилась, что простому человеку без морт-оружия не под силу справиться с подземными тварями.

«Хотя второго такого поди найди...»

– Дурень, куда! – рявкнул вдруг Мирра – и на полном ходу соскочил с сундука.

Иаллам ругнулся – и сиганул следом.

«Да это вы идиоты!» – хотела завопить Фог, но тут не то увидела, не то почувствовала чуть дальше, за изгибом частокола, у опушки леса нечто знакомое – и тут же земля вздыбилась, являя чешуйчатую чёрную спину.

В горле точно появился холодный ком.

– Многоножка, – прошептала она, стискивая кулаки до боли, так, что ногти впивались в ладони. – Да чтоб вас всех!

Второй раз сражение с громадным чудовищем далось чуть легче: Фог помнила правильное стремление, да и к тому же выпалась в дирижабле и восстановила силы. Морт сама льнула к ней и изменялась сообразно замыслу. Всё решилось быстро – однако же не мгновенно и

заняло несколько мучительно долгих минут. На поверженную многоножку Фог даже не глянула, только вдохнула полной грудью – и развернула сундук.

Перед воротами крепости разыгралось настоящее побоище.

Некоторые всадники лишились гурнов или получили раны; зато и подземных тварей почти всех положили – глаз выхватил трёх прядильщиков, одно чудище с клешнями и мощным панцирем, а ещё несколько таких, которым и названия-то пока не дали. Великан с копьём старательно добивал нечто, похожее одновременно на собаку и на змею, а Мирра умудрялся сражаться сразу с двумя червями – и теснить их. Вот он сразил одного, примерился ко второму, вынимая из-за пояса кинжал вдобавок к морт-мечу...

– Пожалуй, там и без меня справятся, – вздохнула Фог с облегчением, но всё же закатала рукава хисты, готовясь помочь.

И – заметила в последнюю секунду, как мёртвый будто бы червь извернулся вдруг на земле и ринулся на своего обидчика со спины.

«Не успею».

...она и не успела бы, верно, но навстречу твари взметнулась вдруг волна жаркого, безжалостного пламени, в один миг оставляя по себе лишь хрупкий остов – да пятно выгоревшей на локоть в глубину земли.

«Иаллам, – подумала Фог, отчего-то ощущая гордость. – Как наловчился пользоваться моим подарком! Столько силы, пожалуй, не каждый извлечёт при ударе».

А рыжий улыбнулся широко, словно подслушав похвалу, и обернулся к Мирре, который как раз расправился со вторым червём:

– Ну как? И теперь скажешь, что я бесполезен, или сменишь гнев на милость?

Мирра глянул на него, нахмурился... и рубанул мечом наотмашь, так, что Иаллам только и успел, что руками прикрыться и голову в плечи втянуть.

Ему, впрочем, ничего не грозило, а вот диковинная летучая ящерица, чем-то похожая на тхарга с крыльями, рухнула наземь, разрубленная надвое.

– Скажу, что мы в расчёте, – усмехнулся Мирра. И – вот удивление – взъерошил ему волосы, проходя мимо, и хлопнул по

плечу. – Ты меня спас, я тебя, всё честно... А за дерзость свою потом ответишь, и пощады не жди.

Лицо у Иаллама вытянулось.

Фог стало смешно.

«Кажется, – подумалось ей, – характерами они сойдутся».

После этого избавиться от оставшихся тварей особого труда не составило; это было, скорей, утомительно – как прибраться в лаборатории после неудачного опыта. Останки Фог методично сожгла дотла, стараясь не пропустить ни отсечённой лапы, ни хвоста: некоторые обитатели глубин обладали воистину устрашающими способностями к восстановлению. Лишь когда в округе не осталось ни живых, ни мёртвых тварей, она вздохнула с облегчением – и наконец вернулась к воротам.

...Ровно в тот момент, когда Кальв, наместник востока, безуспешно пытался сграбастать брата в охапку, приговаривая баском:

– Гляньте-ка, живой! И лицом пригож, и в бою хорош – так матушка говорит, да? Ну поди сюда, что ж ты сердитый-то такой!

Мирра уворачивался от его загребущих рук, как рыба в ручье, и бурчал под нос что-то неразличимое; правда, заметив Фог, он тут же принял более вид и, несильно стукнув брата по пальцам ножнами, громко произнёс:

– Если кого и хочешь хвалить, то лучше вот её: она меня спасла от верной смерти. И красоту мою спасла тоже, – добавил он с усмешкой.

Кальв повернулся всем телом – и Фог, признаться, оробела. Он был, пожалуй, выше даже собственного отца-лорги и уж точно шире в плечах и мощнее. В его огромную ладонь, казалось, могла поместиться целиком человеческая голова; пегие волосы, русые с сединой, чуть завивались, и оттого он чем-то напоминал кудлатого пса. Веса своей кольчуги Кальв словно бы и вовсе не замечал, двигаясь легко и, на удивление для его роста, грациозно; облачён он был в серебристо-серое и синее – и опирался на копьё, больше похожее на бревно.

– Вот как, значит, – взгляд серых, с пёсьей желтизной глаз остановился на Фогарте. – Что ж, тогда благодарю тебя, чужестранка. На мне долг.

Сказал – и поклонился ей низко, в пояс.

– Так я бы любого спасла, – пробормотала она, невесть отчего смутившись. Может, оттого что Кальв был так похож и одновременно

непохож на лоргу, изрядно её напугавшего раньше. – На то была воля морт, значит.

Кальв медленно выпрямился – огромный, как гора.

– Любого, значит? Значит, я тебе вдвое больше прежнего обязан. Государева сына-то многие б выручить хотели... Будь моей гостьей, окажи милость, – улыбнулся он и простёр руку, указывая на крепость. – Как там твоё имя, говоришь?

– Фогарта Сой-рон! – откликнулась она. И – услышала издали странный звук, похожий на ворчливую трель флейты. – Ой, я забыла! Надо дирижабль посадить, там же и гурны, они, наверное, там уже застоялись, им на траву надо...

Мирра только усмехнулся гадко и негромко уточнил, что, по его мнению, гурны должны на травке делать, если только в трюме ещё наделали со вчерашнего дня. Но Фог уже не слушала; взобравшись на сундук, она приготовилась взмыть вверх, к дирижаблю, когда заметила вдруг поодаль, на расстоянии в пару дюжин шагов, Иаллама, который задумчиво пялился перед собой, прикасаясь то к собственному затылку, то к плечу.

– Ты не ранен? – крикнула она, облетая его по дуге. Он помотал головой и наконец улыбнулся. – Тогда подожди здесь, я мигом за остальными!

Но мигом, конечно, не получилось.

Пока посадили дирижабль, пока разгрузили его, вывели гурнов и пленников – несколько часов пролетели как несколько минут. К концу Фог прокляла всё на свете и с радостью обменяла бы уборку в трюме «Штерры» на ещё одно сражение с многоножкой: та хотя бы не воняла, да и к тому же её можно было просто сжечь дотла... А вскоре выяснилось, почему Телор не участвовал в битве: он пытался спасти тех, кто был ранен подземными тварями.

Фог заглянула в лазарет – и, поддёрнув рукава, отправилась помогать.

Когда они закончили, была уже глубокая ночь; сил не осталось ни у него, ни у неё.

– Я бы Лиуру или Онор попросил, – выдохнул Телор, отирая пот со лба. – Но тут тонкая работа, им пока такое не под силу, надо заново учиться... Ты сама как? Пир в свою честь выдержишь? Насколько я знаю Кальва, он уже и вина где-то раздобыл, и столы накрыл.

Снаружи и впрямь немного тянуло дымом, жареным мясом и ещё почему-то подгорелыми хлебными корками. Правда, после целого дня в лазарете никаких приятных мыслей запахи не вызывали, скорее, наоборот; Фог хотела было уже отказаться вежливо и уйти спать, сославшись на усталость, а затем поняла вдруг, что голодна. До конца пира она, конечно, не досидела – заснула прямо над блюдом с жареной дичью, а очнулась только в полдень – на «Штерре», в капитанской каюте, переодетая во всё чистое и укрытая одеялом.

Сидше нигде не было видно, однако у изголовья, на низком столике, стоял кувшин с прохладным терпким чаем и блюдо со сладостями и лепёшками, самую малость чёрствыми.

Снаружи было свежо, зябко даже. И сыро, пожалуй. На рассвете, похоже, прошёл дождь, смывая едкую, горькую гарь, и теперь округа пахла смолистым лесом, свежей листвой, робкими полевыми цветами; дым примешивался, но самую малость, сладкий – от очагов и походных костров... О вчерашней битве напоминали только чёрные подпалины там, где прежде лежали туши поверженных чудищ.

Впрочем, ласковым северным летом трава прорастала быстро – даже на пожарищах.

У ворот Фог узнали. И это как раз не удивило; удивили взгляды, которых, по её мнению, чужестранке, пусть и киморту, не полагалось – так на Эсхейд смотрела её дружина, когда наместница вращала на тренировке тяжёлым мечом.

– Орра, госпожа! – улыбнулась дружинница-копейщица, коротко остриженная, зеленоглазая, с ямочками на щеках. – Наместник только что о тебе спрашивал, велел проводить тебя к нему.

– Который наместник? – Фогарта невольно улыбнулась в ответ.

После юга, где приходилось следить за каждым словом – и тем, что говоришь, и тем, что слышишь – такие манеры до сих пор были в новинку, но ощущались как-то правильно, словно так только и надо.

«Может, это оттого, что и я сама наполовину северянка?»

– Мирра. Оглобля-то наша сутулая, поди, спит ещё, после вчерашнего-то, – фыркнула копейщица, и только тогда Фог обратила внимание на то, что плащ у неё синий. – Дай-ка, я тебе провожатого сыщу, госпожа... Эй, мальчик! Да, ты, поди сюда.

Крепость изнутри напоминала город в миниатюре. За земляным валом, за двойным частоколом высились несколько башен. Напротив ворот красовался колодец под двускатным навесом с резным подзором; вокруг – несколько изб, крепких, добротных, крытых глиной, видно, затем, чтоб их сложнее было поджечь стрелой. Имелись тут и погребка с припасами, и поленница, и загон для гурнов. Лекарские палаты Фог узнала сразу – и немудрено, после того как она столько трудных часов провела там накануне; а вот палаты наместничьи при солнечном свете, хоть и послеполуночном уже, выглядели совсем по-иному, чем ночью.

– Тебя-то мы и заждались! – раздался низкий голос Эсхейд, стоило переступить порог залы. – Ну-ка, иди сюда, взгляни на карту и скажи, что думаешь.

В зале пахло старым деревом, чистым и сухим, и немного вином... и ещё ишмиратскими благовониями, медовыми, смолистыми. Она не поняла сначала, отчего, а затем увидела поодаль, у жаровни, Сидше, облачённого в чёрное с ног до головы – он не то грел руки, не то наблюдал за мерцанием углей. Наместник Кальв, вопреки наветам дружинницы, тоже был тут, хотя и выглядел помятым, сонным; Мирра склонился над картой, расстеленной на столе, с таким видом, словно хотел испепелить её глазами.

«Похмелье, наверное... Если предложу вылечить, он согласится или прибьёт меня? – подумала Фог, жалея его. Мирра, точно услышав, глянул искоса – весь живая ярость, кипящая злость. – Ох... не рискну, пожалуй».

Сэрим тоже обнаружился тут, с ногами на подоконнике; вертел флейту в руках, то и дело подносил к губам, но так и не наигрывал ничего, словно мыслями был где-то далеко. Между Эсхейд и Миррой стоял Телор в цветочном венке – свежий, как весна, и это после вчерашнего пира-то, а рядом Онор с Лиурой... А ещё Тарри, явно ощущающий себя в такой компании неловко – видно, и у его нахальства был предел.

– А на что надо смотреть? – спросила Фог, шагнув к столу, в то время как шагнуть-то хотелось к Сидше, поблагодарить его за заботу, услышать двусмысленность в ответ и смутиться. – И о чём думать?

Вместо ответа Эсхейд указала на карту.

...Кимень-гора и её окрестности узнавались без труда. И то, что раньше было всего лишь отметками на холсте, представало теперь

перед глазами как наяву: дороги, проложенные кимортами ещё в незапамятные времена; леса с неумолчно шелестящими кронами, где запутался неутомимый северный ветер; реки и ручьи, неподвижная зеленоватая гладь озёр... И грубыми шрамами поверх всего – расколы.

– Так просто это оставлять нельзя.

Фог сперва услышала голос со стороны, спокойный и сосредоточенный, а уже затем поняла, что он принадлежит ей.

Телор цокнул языком, не очень старательно скрывая досаду.

– Оно и понятно. В другое время я бы послал весть на север, дождался бы помощи; может, даже написал бы в цех, в Шимру. Но нынче ослаблять Хродду неразумно. Те командиры, которых мы допросили утром, просто мелкие сошки, – выражение лица у него стало брезгливым. – Но даже до них доходили кое-какие вести... Если б не землетрясение, которое спутало все карты, то нынче к Бере выдвинулось бы уже войско с запада.

«С запада, – отметила она про себя. – Значит, наместник Биргир».

– Может, и выдвинулось, – откликнулся Мирра, скривившись. И добавил, подтверждая догадку Фог: – Биргир осторожен, но не труслив, и что он хорошо умеет делать, так это просчитывать всё наперёд – и пользоваться чужими ошибками. Когда мы с Кальвом повздорили в Ульменгарме в последний раз, и отец велел нам обоим убираться прочь, Биргир первым подлил ему вина в чашу – и сел рядом, по правую руку, точно имел на это право. На моё место, – оскалился он. – А сейчас я припоминаю, что из-за него мы и повздорили... Хотя странно всё это, прежде он в Свенне отсиживался, с чего теперь высунулся?

– Ты сам говоришь, что Биргир не трус. – Кальв нахмурил кустистые брови. – Славу он стяжал не воинской доблестью, а книжной премудростью... И я так мыслю, что отец ему потому и благоволит: не видит в нём угрозы. Пожалуй, что такого лишь преемника, слабого и лебезящего, отец бы вытерпеть сумел. Мы-то ему не ко двору.

– Чтоб напасть на вас двоих, пока вы перемирие заключаете, и к Бере с войском выдвинуться – одного благоволения мало, – качнула Эсхейд головой. – Здесь нечто большее... Положим, отбиться бы вы не сумели, и что тогда?

Телор быстро глянул на Фог, точно ждал от неё тоже каких-то суждений, и стало неловко: на ум ничего дельного не шло, зато подумалось вдруг, что уж учитель бы придумал, что сказать, и догадался, какой смысл во всей этой неразберихе.

«Я и в Шимре о политике слушала вполуха, когда Дёран гостил у нас, – пронеслось в голове. – А была бы чуть повнимательнее, может, сейчас мне бы полегче было».

– Если б юг и восток разом лишились бы наместников, Биргиру бы сил хватило, пожалуй, и Беру занять, и Орм, – произнёс Телор наконец, вновь переводя взгляд на карту. – Но тогда у него под пятой бы оказалось больше половины Лоргинариума. Разве бы Захаир такое потерпел? Да ни за что! Даже если б Биргир с государева благословения действовал, стоило б ему в Ульменгарм только сунуться, Захаир бы его, конечно, радушно принял, закатил бы пир... да там бы на пиру обвинил бы в измене и обезглавил бы.

– На поединок бы вызвал, – усмехнулся Мирра жестоко. – А поединок на мечах против книжника – считай, казнь и есть... Да, отцу такое по нраву: сперва чужими руками кого-то сгубить, а потом отрубить эти руки; вот только ни за что не поверю, что Биргир сам до того же не додумался, с его-то хитростью... Нет, чудно это всё, и чем дальше – тем чудней.

Эсхейд будто хотела сказать что-то, но потом сжала губы в узкую линию и опустила глаза, призадумавшись; Телор рассеянно водил пальцем вдоль расщелины на карте, тоже погружённый в свои мысли... Болтливый Тарри, которого обычно вечером у костра не заткнуть было, кашлянул, поглядев по сторонам, и произнёс скороговоркой:

– Значит, у него кинжал в рукаве припрятан. Кинжал, – повторил он громче, словно оправдываясь, когда Эсхейд посмотрела на него. – Получается что? За рудниками Биргир присматривал. И что же, неужто он при своей хитрости ни разу руку в казну не запустил? Да будь я на его месте, – осмелел Тарри, – я б не всё государю отсылал, а часть припрятывал. Может, четверть, а может, и половину! А после сбыл бы добытое на стороне... и прикупил бы себе что-нибудь полезное, чтоб, если хозяин сунется проверить, что да как, мне было б, чем ему ответить, – заключил он торжествующе.

Мирра с Эсхейд быстро переглянулись.

– Морт-мечи.

– Скорее всего, – согласилась она. И повернулась к Телору. – Ты-то что думаешь?

– Думаю, что если тайком чистый мирцит продать в ту же Шимру, то можно заполучить в обмен морт-мечи, – нахмурился он. – Особенно если сторговаться не с кимортами, а с мастерами: одному шкатулку-другую мирцита посулить в обмен на полдюжины клинков, другому, третьему... И с каждого взять обязательство сделку хранить в секрете, а мирцит использовать не раньше, чем через полгода, скажем. Тогда и оружие получится раздобыть, и слухи не сразу дойдут до лорги.

– И в цехе у нас никто ничего не заподозрит, – добавила Фог негромко, задумавшись. Вспомнилось вдруг, что незадолго до сброса учителю заказали несколько морт-мечей, с дюжину как раз примерно, якобы для каравана, который направлялся в пустыню. – Ведь если сотню сразу в одном месте заказать – откажут, сколько ни заплати: Великий Ишма наставлял вооружать не войско, но воина. Не то чтоб цех ишму слушался, но это давний уговор, да и нам самим нарушать его не с руки.

– Ибо один человек с морт-мечом для киморта не опасен, чего не скажешь о войске, – поняливо кивнул Телор. – Что ж, если Биргир скопил достаточно оружия, чтоб пригрозить Захаиру и потягаться с ним, это и для нас скверно. Первый удар-то будет не против Ульменгарма, а против Беры... Как бы всем вместе не пришлось отступить на север.

– А хуже всего простому народу, – вздохнула Эсхейд и поморщилась. – Там одно войско, там другое, а из-под земли ещё и чудища прут...

У Фог словно камень с души свалился: наконец-то разговор снова стал понятным, и не надо было угадывать, какие козни готовил наместник запада и о чём раздумывал лорга у себя в чёрном замке.

– Вот потому и надо первым делом сомкнуть расщелины! – уверенно ответила она; пожалуй даже, чересчур горячо. – Отсюда на дирижабле не так уж далеко лететь, можем за один день обернуться, а после сразу выдвигаться к Бере. Может, мечей у Биргира и много, однако любому воину надо спать, даже самому свирепому. А уж когда меч в ножнах лежит в изголовье, переломить его не так уж сложно.

Телор посмотрел на неё с таким выражением лица, точно откусил неспелую ригму.

– Мысль, конечно, дельная, – произнёс он, явно подбирая слова с осторожностью. – Но нас тут всего четверо, а чтобы сомкнуть расщелину, нужно вдвое больше.

Фог непонимающе нахмурилась, пытаясь сообразить, что он имеет в виду.

«Или, может, я не знаю чего-то?»

– Думаешь, что те расщелины настолько глубоки? – спросила она наконец. – На ту, что близ поля битвы была, у меня ушла целая колба мирцита, конечно, однако тут рудник под боком – недостатка в мирците точно не будет... Да и не надо её смыкать на всю глубину, сверху достаточно. Если больше не тревожить недра, то подземные твари вверх и не устремятся... Что такое?

Все, как один, смотрели на неё – кроме, пожалуй, Сидше, который продолжал греть руки у жаровни, изредка подсыпая к углям благовония из маленького полотняного мешочка, и делать вид, что ему совещание нисколько не интересно.

– Ты хочешь сказать, что одну расщелину сомкнула уже сама? – очень тихо осведомился Телор. – Без чужой помощи?

– С мирцитом, – осторожно подтвердила Фог, всё ещё не понимая, в чём подвох. – Колба целиком ушла, большая такая, на две пиалы для чая, говорю же... Ну, и я устала, конечно, скрывать не стану.

– Устала? Просто устала?

Она втянула голову в плечи, не понимая, за что её бранят – бранят ли вообще.

– Ну, немного.

Сэрим раскашлялся, и флейта у его губ издала резкую трель.

– Каков учитель, такова и ученица, – пробормотал он себе под нос. – Слыхала? – повысил он голос, обращаясь к Фог. – Ты спрашивала, отчего Телор сам не вышел и поубивал всех чудищ – вот тебе и ответ.

Она моргнула недоверчиво:

– То есть... потому что, э-э... Не мог?

Сэрим издал странный звук – нечто среднее между кудахтаньем и смешком; Телор порывисто отвернулся, но Эсхейд поймала его за руку и притянула к себе, а Онор с Лиурой, которые до того очевидно

скучали, начали вдруг шушукаться, как дети, и поглядывать на Фог... А она совсем сконфузилась:

– Мало ли что, у всех свои трудности... Зато он, наверное, дом не взрывал, когда учился с поисковым маятником обращаться.

Онор оживилась:

– А ты взрывала?

– Случалось с дюжину раз, – призналась Фог, отчаянно краснея, и чуть не проговорила, что последний раз случился едва ли не накануне побега из Шимры. – У меня вообще раньше мало что получалось; учитель говорил, что это потому, что я саму себя боюсь... Но это поначалу.

– А потом? – жадностью спросила Онор.

Судя по её лицу, она как раз представляла, как кого-то взрывает.

– Потом была гроза, дирижабль начал падать, и пришлось перестать бояться, – ответила Фог честно – и против воли искоса глянула на Сидше; на губах у него была призрачная улыбка – такая лёгкая, что она, пожалуй, могла и померещиться. – А когда я попала в пустыню, то оказалось, что любой силы мало, сколько б её ни было... Так мы пойдём расщелину сомкнуть? Полетим то есть.

Телор вдохнул полной грудью – и обернулся к столу, поправляя покосившийся венок:

– Полетим. А теперь подойди-ка ближе и покажи, которую расщелину ты сомкнула и куда...

На севере говорили: «Не решил – не запрягай, а решил – так не зевай».

Едва окончился военный совет, как всё вокруг пришло в движение. На первый взгляд – суматошное и беспорядочное, но вскоре Фог поняла, что каждый занят своим делом. Кто-то – пленниками, кто-то – гурнами или обозами... Выступить решили двумя отрядами. Большой, во главе с Миррой и Кальвом, неспешно выдвинулся к тому месту, где прошла битва; Онор и Лиура отправились с ними, чтобы помочь с погребальными кострами. Эсхейд с полудюжиной доверенных дружинников и Телор отправились на дирижабле прямо к Кимень-горе – и Фогарта, конечно, вместе с ними.

От ночной непогоды и следа не осталось, лишь на западе тучи сбились в ком, как нечёсаная пряжа. В воздухе была разлита свежесть

и прохлада – слабое напоминание о дожде, но с юга уже подул ветер, сухой, знойный; казалось, что он из пустыни родом, из самого сердца горячих песков... И чудился порой запах дыма. Из-за него становилось неуютно; вспоминалась отчего-то яростная стычка на улицах Ашраба, среди белых дворцов и каменных мостовых, та, последняя, когда Радхаб послал своих людей, чтобы задержать или уничтожить «Штерру». Ящерка-садхам тревожно ворочалась под стеклянным колпаком; флейта Сэрима, заткнутая за пояс, порой точно оживала – и тихо вздыхала, сама по себе.

Уже на подлёте к Кимень-горе стало ясно – что-то не так.

Часть склона была выжжена дочерна.

– Это что за напасть? – нахмурилась Эсхейд, подступая к смотровому стеклу почти вплотную. – Неужели здесь подземный огонь наружу вышел, как бывает на озере Арирамар?

Телор жестом попросил окулюс, надел и взгляделся; потом цокнул языком, не то разочарованно, не то обеспокоенно:

– Нет, пламя глубин тут ни при чём... Это кто-то заметал следы.

– Киморт? – спросила Фог, забирая окулюс назад; перед глазами отчего-то промелькнул образ того седовласого мужчины в пурпурной хисте, который свидетельствовал против неё перед лоргой.

– Киморт, – согласился Телор, недобро сощурившись. – И немалой силы. Вряд ли его сила, конечно, больше твоей, но в битве важно не это.

«Опыт, – подумала Фог. – Способность вложить в морт жестокое, убийственное стремление. Решимость. Быстрота».

Но вслух сказала только:

– Нельзя киморту идти против киморта, иначе появится вторая Земля злых чудес.

– Ну, что верно – то верно, – Телор быстро скопил на неё взгляд. – Но если ты и впрямь так считаешь, то победы в бою тебе не видать. Не хочешь, чтоб мир страдал, плодородные поля обращались в пустоши и являлись злые чудеса? Значит, первая ударь. Враг твой, видишь, – указал он на выгоревший склон, – земли не щадит.

Ответить ему было нечего, и Фог промолчала; беспокойство её после короткого разговора никуда не делось, только усилилось... Но, по счастью, скоро стало не до возвышенных раздумий о том, что правильно, а что нет: дирижабль приблизился к Кимень-горе, огибая её

по дуге, и глубокая расщелина предстала во всём своём устрашающем великолепии.

– Да туда, пожалуй, Хродда провалится целиком, – тихо произнесла Эсхейд, отступая от смотрового стекла. И обернулась: – Уверена, что справишься?

Как зачарованная, Фог смотрела на расколотую вершину горы, на края пропасти, которая выглядела сейчас бездонной...

– Справлюсь, – ответила она севшим голосом, не чувствуя прежней уверенности. – Но присмотрюсь, пожалуй, получше... Если неправильно что-то сделаю – потряхнуть может сильнее прежнего.

Отыскать старую шахту оказалось нетрудно: она была точно в центре выгоревшего пятна. От нескольких землянок, служивших не то временным жилищем, не то складами, остались только углубления в склоне и кое-где – остовы крыш; добытый мирцит, вероятно, вывезли, а подъездную дорогу – разрушили. Киморт, заметавший следы, делал это в спешке, но оплошностей не допускал... а ещё не боялся действовать жестоко: на пепелище Фог обнаружила обугленные останки – и гурнов, и людей, три десятка хрупких остовов, обглоданных пламенем.

– Похоже, что горели заживо, – заметил Телор. – Если судить по тому, как расположены тела... Будем спускаться?

«Нет», – хотела сказать Фог.

Но отчего-то кивнула.

Внизу было ещё хуже – пожалуй, страшно даже. Сильно пахло гарью; земля хрустела под ногами. Сидше предположил, что киморт, который выжег склон, мог оставить ловушку для тех, кто захочет рассмотреть шахту поближе – так и вышло. Стоило притронуться к камню, закрывающему вход, как грянул взрыв. Фог едва успела заслониться волной морт, но ни о каком исследовании окрестностей и речи теперь не шло: обвал уничтожил последние следы, если они и были.

– Возвращаемся, – нахмурился Телор. – Теперь ничего и не докажешь... Впрочем, свидетели у нас ещё остались. Да и шахта теперь утеряна, а нет мирцита – нет и морт-мечей задешево.

– Им и того, что есть, надолго хватит, уж будь покоен, – буркнул Сэрим, скрестив на груди руки. – И если на то пошло, они не только мирцит обменивали на мечи.

Телор отвернулся резко, а у Фог горло перехватило.

«Пропавшие дети».

На дирижабль возвращались в молчании – да и не о чем было говорить.

– ...Ты словно сама не своя нынче.

Сидше произнёс это негромко, вскользь, не отвлекаясь от изучения длинного свитка, на котором делал пометки чёрным грифелем в серебряной оправе. Дорогая вещь, которую не всякий киморт доверял своим ученикам, смотрелась в его тонких пальцах совершенно естественно, правильно.

«Ещё бы, – пронеслось в голове. – Тушечницы и кисти – для убелённых сединами чиновников, которые неспешно выводят знак за знаком на шёлковой бумаге, сидя под сенью цветущей эрисеи».

Как-то само собой вышло, что с ней пошёл именно он, а за штурвал сел Сэрим – тем более что дирижабль всё равно пока завис в воздухе и никуда не двигался. Телор тоже остался в навигаторской, но не потому, что нужен был там, а потому, что тут был бы лишним.

– Наверное, потому что боюсь не справиться, – ответила Фог также вполголоса.

Люк уже был откинут. Там, внизу, простиралась расщелина – огромная, бездонная пропасть, устрашающая, чёрная. С высоты она выглядела точь-в-точь как рана, которая если и зажила бы, то оставила бы по себе шрам, уродливый и грубый.

«Нарушающий порядок вещей».

– Ты не веришь в свои силы? – Сидше посмотрел на неё поверх свитка – спокойный взгляд, чёрные глаза, точно у куклы, вроде тех, что дарят наследникам ишмы.

Фог закусила губу и отвернулась.

События последних дней – всё, что произошло с того момента, как случилось землетрясение – помнились ещё слишком живо, ярко.

И – породжали беспомощность.

Ведь нельзя накрыть землю ладонью, как тревожного, мечущегося щенка, и успокоить; нельзя повернуть время вспять и вернуть павших в битве. Нельзя успеть всюду; нельзя предусмотреть всё...

Пальцы не дрожали, нет – просто иногда хватка ослабевала, и тогда казалось, что колба с мирцитом вот-вот выскользнет из рук и

разобьётся.

– Я боюсь, что любой силы будет мало, – выдохнула Фог, прикрывая глаза. – Недостаточно ведь сомкнуть расщелину, чтобы всё исправить. То, что происходит – слишком большое. Даже... даже если убить лоргу вот прямо сейчас, ничего не изменится. Потому что есть ещё киморты, которые ему помогали, и наместник Биргир, и жадные купцы вроде Дургена, и дружинники, которым нравилось исполнять жестокие приказы, и есть сообщники на юге... А что до юга, так там ещё беспокойней. За жрицей Унной стоит храм Пяти Ветров, но и сторонники Радхаба сильны, и рабство... рабство кормило этот край не годы даже – века. Я... я как будто пытаюсь двигать гору, а приходится всю землю толкать. Разве... разве может что-то у меня получиться?

Наверное, она ждала, что Сидше её приободрит. Улыбнётся краешками губ; скажет что-нибудь туманное и одновременно почти непристойное... Но он только опустил взгляд, возвращаясь к записям, и пожал плечами:

– Как я могу обещать что-то, если некогда сам не справился?

У неё сердце точно остановилось.

– Ты...

– Но ты другая, – продолжил Сидше мягко, по-прежнему не глядя на неё. – И ты не одна. И гору двигать тебе без надобности. Не ты ли говорила, что вы, киморты, меняете мир вокруг? А это ведь происходит не в одно мгновение... Возможно, достаточно просто продолжать делать то, что ты считаешь верным.

Фог не знала, что сказать в ответ. Слишком много мыслей кружилось в голове; безупречная память подбрасывала то один образ, то другой, и всё это беспрестанно складывалось и рассыпалось, как в калейдоскопе – забаве для детей, которую торговцы предлагали на ярмарках в Шимре, кажется, испокон веков.

– Твой шрам, – неожиданно для самой себя произнесла она, глядя вниз, на бездонную пропасть, калечащую отметину на земле. – Откуда он?

Сидше обернулся:

– Ты спрашивала уже, госпожа.

И больше не сказал ничего.

На сей раз сомкнуть расщелину было гораздо труднее, но Фог справилась. Дольше, пожалуй, пришлось готовиться: изучать разлом, вместе с морт мысленно опускаясь глубже и глубже, мимо изломов скал, мимо чудищ, затаившихся в кавернах... В недра; во тьму; туда, где змеились мирцитовые жилы, а жар глубин становился невыносимым – для человека, разумеется, а не тех созданий, что обитали там.

Сидше находился рядом с ней всё это время – вплоть до того момента, когда тяжёлые породы сдвинулись, побуждаемые морт. Конечно, пропасть не исчезла совсем, а раздвоенная вершина горы не соединилась вновь, но теперь это уже не имело значения. Путь в глубины – и из глубин – был закрыт; снаружи оставались ещё чудовища, но не так много, и Телор пообещал взять их на себя, а Фогарта отправилась отдыхать.

В следующий раз она проснулась, когда уже стемнело, а «Штерра» приземлилась неподалёку от луга, который должен был стать местом для заключения мира, а превратился в место битвы. Всюду горели костры – верно, погребальные, но сейчас дым пах просто сухим смолистым деревом... а ещё пряным вином. Звучала музыка; слышался смех. Так, словно здесь не поминали усопших, а праздновали что-то, по-северному разгульно, свободно, легко.

– Наконец-то! – Иаллам встретил её у спуска с дирижабля. Всё ещё по привычке облачённый в светлые размашистые одеяния жителей пустыни, он двигался легко и бесшумно, как дух. – Идём! Только тебя и ждали. Не голодная? А то перекусить там толком и нечего, одни пресные лепёшки, горькие ягоды и мёд – так тут чествуют мертвецов.

– Да вроде бы не голодная...

– Ну, пеняй на себя! Хотя говори, если что, раздобудем тебе что-то посущественней лепёшек.

Он ухватил её за руку и потащил куда-то – мимо костров, сквозь искры, сладкий дым и аромат вина, мимо мужчин и женщин в синих, белых и зелёных плащах... Некоторые дружинники узнавали Фог и улыбались ей или приветственно поднимали чаши. Она не узнавала почти никого, несмотря на совершенную память киморта – пожалуй, потому что прежде не обращала на них внимания. Мимо гурнов, фыркающих в темноте; мимо копий и мечей, наискосок вонзённых в землю и украшенных лентами; мимо расписных телег кьярчи... Голова

кружилась от запахов и звуков, от темноты, переполненной движением и жизнью. Наконец Иаллам остановился у одного из костров, который ничем не отличался от прочих, кроме того, что здесь сидели оба наместника, и Эсхейд, и Телор с учениками, и Сэрим – и Сидше со своими людьми тоже, пусть и поодаль от остальных.

Сердце в груди трепыхнулось.

– А вот и ты, – усмехнулся Мирра, поднимая чашу. Одевания у него сейчас были проще обычного, бархатный кафтан только висел на плечах, как плащ, а ворот рубахи был непристойно распушен. – Одну тебя и ждали. Выпьешь вина во славу павших воинов?

«Пьян он, что ли? – засомневалась Фог, разглядывая его. Ничего ни в осанке, ни в движениях не говорило об этом, но чутьё киморта подсказывало обратное. – Хотя немудрено, если вспомнить, сколько его людей полегло...»

– Мне не стоит пить вино, – улыбнулась она виновато, присаживаясь на бревно рядом с Эсхейд, волосы у которой сейчас были заплетены в одну косу, лежащую вокруг головы, как венец. – То есть кимортам можно, но я никогда не пробовала, и...

– Тогда в костёр плесни, – перебил Мирра её и, не слушая возражений, вручил ей чашу, хранящую ещё тепло его рук. – Вот так-то лучше... Нельзя сегодня ни печалиться, ни грустить!

Фог ощутила растерянность, оглядываясь по сторонам; всюду, насколько хватало глаз, горели костры – от края до края леса, от холма – и до спуска к реке, змеящейся меж деревьев в низине.

– Но...

– Это ваши мертвецы уходят навсегда. – Мирра положил ей руку на голову, заставляя повернуться к нему. На его скулах, обычно бледных, цвёл румянец; ресницы были точно углём подведены. – А наши остаются, присматривают за нами... Здесь, всюду – в земле, в кронах среди шелестящей листвы, в ручьях и в скалах, в искрах, которые летят к небу. Они радуются за нас, Фогарта, потому что мы живы; они с нами здесь. Пей, веселись, пляши! Всё не зря!

Она упустила момент, когда в руках у него появилась новая чаша, зато наконец заметила у костра большой котёл с пряным вином; обернулась к Эсхейд – и встретила понимающую улыбку.

– Пьян уже, – шепнула наместница, следя за Миррой взглядом. – Хотя пьяный от трезвого он отличается, пожалуй, только тем, что на

гурна влезть не может, скорей, сам убьётся... Сперва с Кальвом пил, скрепляя мир, потом со мной, потом все телеги кьрчи обошёл. Он ведь сюда приехал с большой дружиной, а назад возвращается хорошо если треть. Его воины приняли на себя удар – и Кальва спасли, и врагов в бегство обратили, и Мирра, конечно, первым был повсюду, на острие... Вот только его судьба бережёт, и он иногда не может себя за это простить.

Фог повернула голову – ровно в тот момент, чтоб увидеть, как Мирра, осушив чашу, бросает её в огонь.

– Что за ночь жаркая, будто день! – громко крикнул он, и дружинники в зелёных плащах, сидевшие у соседнего костра, расхохотались, как от хорошей шутки. – Пойти, что ли, искупаться!

– А и искупайся! – крикнул кто-то со смехом.

– Только не потони смотри!

– Как же, нас без тебя и в Беру-то не пустят, скажут, возвращайтесь и ищите!

– Смотри, рыб не перепугай!

– Сам ты рыба, – ответил Мирра важно. И добавил невпопад: – Я меч возьму.

И у костра опять засмеялись – и у ближнего, и у дальнего. Иаллам, который до тех пор сидел тихо и смиренно, точно опасаясь привлечь внимание, тревожно вытянул шею и пробормотал:

– Зачем ему меч, если он на дно тянет... А если и впрямь утонет? Может, проводить?

Он говорил тихо, но Мирра услышал – и посмотрел на него в упор, неожиданно серьёзный, с лёгким прищуром:

– А и проводи, если не трусишь.

Дружина снова грохнула хохотом.

Иаллам вскочил на ноги, обернулся, словно в поисках поддержки, но никому не было до него дела: Телор шептал что-то на ухо Эсхейд, с каждым словом всё сильнее заливаясь румянцем, Кальв носом клевал, едва не макая его в чашу. Фог привстала было, сомневаясь, не стоит ли и впрямь присмотреть за Миррой, но тут вспомнила присказку Сидше о том, на что соглашается дева, когда уединяется с мужчиной на берегу ручья, смутилась и села обратно.

Мирра фыркнул – и, прихватив по пути ещё одну чашу, направился куда-то в темноту. Иаллам переступил с ноги на ногу,

точно сомневаясь, потом подхватил свою суму – и побежал вслед за ним, бранясь вполголоса.

Дружина проводила его свистом.

Сперва Фог было тревожно, однако затем она выбросила беспокойные мысли из головы, рассудив, что под надзором наместник уж точно не утонет, а привычные уже поддразнивания и угрозы Иаллам как-нибудь перенесёт, не ребёнок ведь. Несмотря на пылающие костры, прохлада пронизывала до костей; из низин напал туман, смешиваясь с дымом. Грядущее казалось изменчивым, непостоянным – точь-в-точь как пляшущие языки огня...

– И что теперь будет? – прошептала она, глядя на пламя. – Что делать? А-а... Надоело!

Повинуясь странному порыву, она подскочила; никто на неё не смотрел, даже Сидше, который негромко разъяснял что-то осололевшему от вина Чирре-пилоту. Наполнить чашу из котла оказалось несложно; опрокинуть её в себя, а не в костёр – ещё проще, а потом голова сделалась очень лёгкой, а тело – горячим.

– Эй! – окликнула Фог какую-то кьярчи, ухватив её за рукав; женщина выглядела удивительно похожей на Тайру, только, пожалуй, старше. – А научи меня плясать по-вашему? Я не умею.

Женщина посмотрела на неё – и кивнула.

И они действительно плясали у костра. Сперва движения были неловкими; потом, наверное, тоже, но только это стало неважно, а ещё незнакомка-кьярчи исчезла, а место её занял Сидше, и от него тоже пахло вином, и дымом, и жаркой летней ночью.

– Я много такого сделал, чем не горжусь, – шептал он, и его дыхание опаляло кожу, и ноги слабели и подгибались, и Фог вынуждена была цепляться за чужие плечи, чтобы не упасть. – Много исполнил просьб... И давным-давно меня попросили перевезти в Кашим одного мальчишку; киморта, одурманенного, он, пожалуй, лет был на десять младше меня. Мне было любопытно; я приходил и говорил с ним, пока мы летели. В Шуду я его отпустил. Дал ему одежду, деньги и посоветовал скрыться и не заводить больше таких врагов, как те, кто поручил его мне. А они... они, конечно, поняли всё. Ты спрашиваешь, как я получил тот шрам? Меня ударила в спину женщина, которую я любил больше жизни... для которой на всё был готов, как думал. Оказалось, что не на всё.

Они кружились в танце, и земля кружилась вместе с ними. Фог крепко жмурилась; по щекам у неё текли слёзы, терпкие, жгучие – а, может, это просто от костра жарко стало.

А Сидше продолжал говорить:

– От того удара у меня отнялась нижняя половина тела. Рабов я распустил сам; друзья и слуги меня покинули. Только Март остался; говорил, что станет моими ногами, если придётся... вот только я ничего уже не хотел. Я калекой был, Фог; грудой плоти, которой только и остаётся, что гнить... А потом, через два года, меня нашёл тот мальчишка, которого я отпустил. Киморт. Киморты ведь ничего не забывают, да? Он помнил; он меня исцелил, молча, не спрашивая ничего, только шрам оставил – верно, чтобы и я не забывал. И я помнил тоже... но всё равно вернулся к ней. К той, что меня искалечила, потому что к кому ещё?

«Не надо, – хотела сказать Фог, цепляясь за него так, словно могла утонуть, прямо здесь, на земле, среди костров, в ночи. – Ты не должен... не можешь...»

Но Сидше всё ещё говорил:

– Мне никто никогда ничего не давал просто так, – шептал он, и губы его почти касались её кожи. – Кроме отца, который не был мне отцом... и матери, которая не была мне матерью. Но и их я потерял. Осталась только... осталась только та, которой как раз лучше было бы исчезнуть. И когда ты появилась, я понял: это мне испытание. Ведь ещё днём на «Штерру» доставили маленькую шкатулку, а в ней – дурман... Я знал: если исполню приказ, то всё станет по-настоящему, у меня... у меня появится что-то настоящее. А я не стал. Не из любви; не из жалости даже, просто так... так неправильно было, слышишь? И она ведь наказала меня, Фог, снова. В прошлый раз – хребет переломила, а теперь хотела всего меня сломать, целиком. Потому-то и Кашим... потому-то и рабские оковы. Мне ведь никто никогда не давал просто так, – повторил он совсем тихо. – Только ты.

Фог обняла его крепко-крепко, и руками обвила, и морт – и сказала:

– Замолчи.

Горе, тревога, жалость, гнев – всё это не помещалось в ней, никак не помещалось. Тогда она запрокинула голову к небу, распахнула глаза – чёрный небосвод, яркие звёзды, жаркие искры – и отпустила всё.

...зелёные огни; пурпурные огни; золотые, багряные, льдисто-голубые.

На фоне полыхающих небес раздвоенная вершина Кимень-горы была как отметина.

Как шрам.

6. Беспощадное солнце

Алаойш Та-ци, близ оазиса Кашим

Короткая битва разительно изменила облик пустыни – всюду, насколько хватало глаз.

Там, где были только пески и пески, нынче высился горный хребет; в отдалении он раздваивался, и над долиной, заключённой между скалистыми отрогами, висел густой белёсый туман. Горы окутывала неяркая желтоватая зелень, словно припылённая: невысокие кряжистые деревья, которые ближе к подножью переходили в кустарник, а затем – в островки чахлой, жёсткой травы. Зелень становилась насыщеннее там, где протекала река – а река брала начало с середины одного из склонов и, петляя вдоль скал, постепенно отдалялась от них, пока не иссякала в небольшом оазисе.

Вот в оазисе, в тени пальм с резными листьями, и остановился маленький караван.

Алар, признаться начистоту, не чувствовал дурноты, только усталость, как бывает, если долго-долго бежать, а потом растянуться на траве. Тело ощущалось страшно лёгким, а сердце, кажется, сделалось огромным и заполнило его целиком – и билось гулко, быстро. Сознание оставалось ясным, но сосредоточиться ни на чём не получалось; отдельные мысли вспыхивали вдруг, как искры от костра в темноте, и тут же гасли, не успев толком оформиться.

– Тхарги, – вдруг вспомнил он и напрягся, пытаясь не то приподняться, не то сесть. – Тхарги, а ещё охлаждающие камни, и полог, и...

– Лежи, – мягко толкнула его в грудь рука, изящная, но сильная. – Тайра уже за ними отправилась. А тебе надо отдыхать, после таких-то подвигов.

«Подвигов?» – мимолётно удивился Алар про себя – и вспомнил.

– Я собой стал, – пробормотал он, закрывая лицо руками; ладони были влажные и холодные – или, возможно, это лицо пылало жаром. – Ненадолго, конечно... Дёран?

– Кто ж ещё будет с тобой нянчиться, – ворчливо отозвался тот.

В шатре, тесном и косоватом, места хватало лишь для ложа – и небольшой подушки, брошенной у входа. Тут было свежо и царил полумрак. Дёран сидел у подвёрнутого полога, где было достаточно дневного света, и аккуратно, неторопливо обновлял краску на лице. Окунал кисть в чёрный цвет, вёл по веку вдоль ресниц, делал росчерк к виску, затем брал другую кисть, потоньше, макал уже в красную баночку и выводил над первой линией не то зигзаг, не то завиток...

Алар моргнул; глаза отчего-то болели, как если посмотреть на солнце.

– Все сказители мажутся, как наложницы у богатого вельможи? – брякнул он, не подумав, и тут же прикусил язык. Но Дёран не обиделся вовсе – наоборот, рассмеялся:

– О, им до нашего брата далеко, поверь. Да и это сейчас придворные кокетки выбеливают лица и рисуют их заново, а зубы чернят. А лет семьсот назад признанные красавицы заплетали волосы в косы, лица скрывали под вуалями и носили хисты настолько плотные, что под ними нельзя было различить даже очертания тела... Чем больше девица напоминала бессловесный призрак, тем она красивей считалась. Другое дело мужчины! Вышитые одежды, золотая и серебряная парча, узоры на лице, замысловатые причёски... И я, уж поверь, был самым мужественным из всех, – подмигнул Дёран заговорщически. – Волосы отрастил до пят, и на причёску уходило по три ларца драгоценных бусин. Рукава у меня были такими широкими, что спускались до земли; а как я лицо расписывал! Одних помад ящик был, любого цвета, какого пожелаешь. – Он снова коротко рассмеялся и так же резко умолк. – Да, весёлые были времена. Нынче совсем иное считается красивым – да и правильным тоже.

Дёран поставил обе баночки в шкатулку и, встряхнув кисти, убрал их туда же. Крышка опустилась с громким сухим щелчком. Алар сглотнул; кожа у него покрылась мурашками, словно у испуганного или озябшего мальчишки.

– Кто ты? – спросил он тихо.

– Спрашивал ведь уже, зачем повторяешься? – мягко улыбнулся Дёран в ответ. И – отвернулся в сторону; его профиль на фоне светлого проёма в шатре выглядел словно бы вырезанным из плотной бумаги. – Я жил, как все, и особой судьбы себе не желал. Всегда любил одну

женщину, на других и не смотрел, но, пожалуй, заранее смирился с тем, что однажды забуду её – как и всю прежнюю жизнь. Так и случилось. Вот только она не смирилась, видишь ли, и попыталась вернуть меня прежнего... Но эстре не стать снова кимортом, не поможет ни камень памяти, ни целебные элексиры. Она не теряла надежды; река судьбы то разносила нас далеко друг от друга, то сводила вновь, и я сам не заметил, как снова полюбил – ту же самую женщину, что и в прошлой, утерянной жизни. Однако понял это, когда было уже слишком поздно. Она отчаялась; а отчаяние, знаешь ли, толкает на безрассудные поступки. Например, вмешаться в чужую войну – будто там своих мертвецов мало... И лишь тогда, лишившись её во второй раз, окончательно, навсегда, я вспомнил.

Звезда спутника тревожно замерцала, но Алару было не до неё – он сам догадался, что к чему.

«Эхо Миштар».

– А ты...

– А я вернулся в Шимру, – грубо перебил его Дёран, по-прежнему глядя в сторону, куда-то между сумраком в шатре и жарким светом снаружи. – Пытался разыскать нашу дочь, но она и знать меня не желала. Я уходил и возвращался; смотрел, как она брала учеников, как влюблялась, воспитывала детей; те выросли в свою очередь и тоже заводили семьи... На правнуках я сбился со счёта и перестал следить. Только изредка навещал дочь, наблюдал издали. А потом, на излёте жизни, за несколько лет до сброса она взяла ученика – мальчишку из семьи, древностью способной поспорить с ишмой; умного мальчишку, талант-ливого, но, вот беда, рано осиротевшего, – тихо произнёс сказитель и обернулся к Алару. – В наставницу он, конечно, влюбился без памяти и, когда её настиг сброс, ринулся из столицы прочь. Отыскать, вернуть... Я не выдержал и вмешался.

Алар с трудом вдохнул; голова у него шла кругом.

– Тот мальчишка... Его ведь звали Алаойш Та-ци, верно?

– Алиш, – ответил Дёран спокойно и снова положил ему руку на грудь, заставляя вернуться на ложе. – Тише, отдыхай, куда ты рвёшься... Я не собираюсь уходить, так что позже договорим. Покуда спи.

И хотелось возразить, но сердце по-прежнему колотилось как заполошное, и слабость никуда не делась. Алар послушно лёг и закрыл

глаза; в зыбкой темноте плавали яркие пятна.

– Значит, Миштар...

– Вот она-то никогда красавицей не была, – донеслось откуда-то издали, точно с другого конца света – или времён. – Долговязая, чуть сутулая, волосы обрезала нещадно; глазищи как у птицы, круглые и жёлтые... Да, не красавица – а всё же чудо как хороша, лучше её не было и нет. А уж упрямства и вовсе хватило бы на тысячу придворных кокеток, ещё и осталось бы... Ты спи, спи.

Навалилось беспамятство; в следующий раз Алар очнулся на излёте ночи, и Дёрана нигде не было видно, зато на подушке для сидения свернулась калачиком Тайра, уставшая настолько, что она даже не почувствовала, как её перенесли на постель.

Сказитель обнаружился поодаль от шатра, у реки – он сидел на плоском камне у воды и в скупом свете лун чинил семиструнку.

– Если хочешь поесть, то предложить могу только сушёных фруктов, хлеба и воды, – произнёс он, не отрывая взгляда от своей работы. – А если ты за продолжением беседы, то подожди немного: сперва здесь закончу.

Настаивать Алар не стал, тем более что он и впрямь не прочь был перекусить. Горсть вяленых ломтиков чи, маслянистых и чуть солоноватых, сладкая ригма и зачерствелые лепёшки немного притупили голод, хотя за полноценную трапезу бы не сошли. Зато слабость наконец отступила, и руки перестали дрожать.

«Надо же, – пронеслось в голове. – Выходит, я просто-напросто вымотался, и всего-то и надо было, что отдохнуть и поесть».

Прихлёбывая воду из фляги, он наслаждался прохладным ночным ветерком, чёрно-синим небом над головой в частой крошке звёзд и поглядывал изредка на чуткие пальцы сказителя, распутывающие то ли тонкий шнурок, то ли нить... А потом присмотрелся чуть иначе, больше обращая внимание на морт, да так и застыл.

Воздух показался вдруг каким-то уж слишком зябким.

– Это ведь струна для твоего инструмента, – тихо произнёс Алар, отставляя флягу с водой. – Из чего она сделана?

Тонкий-тонкий шнурок впитывал белесоватую дымку морт с той же алчностью, с какой пески пустыни, иссушённые жаждой, поглощают дождь. Дёран слегка направлял морт кончиками пальцев и

сосредоточенно хмурился – нечто подобное он явно проделывал не впервые и успел уже наловчиться.

– А то ты сам не догадываешься, – улыбнулся он, на мгновение отвлекшись от своего занятия и поймав взгляд Алара. – Для чего, думаешь, я волосы никак не отстригу, хотя мыть их в дороге – одно наказание?

Чем дальше Алар вглядывался, тем больше видел – и отчего-то ему становилось не по себе.

– Прядь волос киморта... И мирцит, верно?

– Верно, – подтвердил Дёран, вновь опуская глаза. – Единственная удавка, которую можно спутнику накинуть на шею, хоть шею-то у него, по правде сказать, и нет... Шучу. Что морщишься? Неприятно?

– Неприятно, – не стал спорить Алар. И не удержался от вопроса: – Выходит, ты разобрался в природе спутника? Разгадал его?

– Я-то? – фыркнул он в ответ, закрепляя струну на инструменте. – Нет, разумеется, я ведь всего лишь смазливый придворный щёголь, моё дело – красоваться и пустословить, а учёной девой была Миштар, вот она бы, пожалуй, разобралась... А я усвоил только несколько приёмов, как держать спутника в узде: что-то мне подсказали, до чего-то сам дошёл.

– Кто подсказал?

– Друг, – усмехнулся он, натягивая струну морт. – И ты его знаешь... Но с тебя станет быстрее самому докопаться до правды, ты ведь тоже учёный.

Невольно Алар покосился на звезду спутника, парившую над плечом.

«Может, и учёный, – пронеслось у него в голове. – А всё же никогда не слышал о том, чтобы от киморта что-то отсекали и насыщали мирцитом. Подобное ведь можно провернуть не только с локоном, пожалуй. Вот если взять кость...»

Тут его по-настоящему замутило, и дальше размышлять об этом он не стал.

– Прежде киморты не были настолько щепетильными, – заметил Дёран, точно подслушав его мысли. – И не брезговали тем, чтоб изменять собственные тела – к примеру, втирать в ногти мирцит, чтоб удобнее было управляться с морт... Впрочем, я сам этого уже не застал

и рассказываю с чужих слов, так что если хочешь поговорить – спрашивай о том, что я знаю.

Новая струна ничем не отличалась от старых, разве что сияла чуть ярче, но свет быстро угасал; когда Дёран коснулся их, то они дрогнули, не издавая ни единого звука... но морт дрогнула вместе с ними, откликаясь.

– Ты избавился от спутника и вспомнил, кем был прежде, – сказал Алар, чуть помедлив; по правде, с этого следовало бы начать, но смелости не хватало – ни услышать ответ, ни получить отказ, точно всё внутри сопротивлялось. Ведь нет у эстры ни прошлого, ни будущего, ни рода, ни имени – таков закон, так всегда было, испокон веков. – Если знаешь способ, то расскажи.

Дёран провёл по струнам ласкающим движением ещё раз – и отложил инструмент, бережно, точно живое существо.

– Способа нет, – вздохнул он, чуть откидываясь назад и упираясь ладонями в камень, а лицо подставляя свету звёзд. – Точнее, нет такого способа, который бы для другого сгодился... Нужно потерять то, что тебе дороже всего, тогда и путь откроется, вот только захочешь ли ты на него ступить? Мне-то тогда больше всего хотелось подохнуть, и, если б не гнев... Ну да полно об этом, – поморщился он и повернулся, глядя в упор. – О чём ещё желаешь спросить?

Признаться честно, вопросов у Алара было столько, что если б им всем случилось выйти через одну дверь, то там бы они и застряли. О спутнике; о прошлом; о том, куда подевалась Дуэса после схватки; об инструментах, способных удержать спутника, и о том, как в такой инструмент обратить морт-меч... Но с языка отчего-то слетело совсем другое.

– Если ты знал... знал нас в той, прежней жизни, то отчего позволил Фогарте отправиться вслед за мной?

Дёран посмотрел на него недоумённо – и рассмеялся вдруг, негромко и чисто:

– Это я-то позволил, а, Алиш? Да попробуй вам что-то запретить, упрямам... Ты ведь так и не смог в своё время догнать наставницу, может, потому и хотел так, чтоб хоть тебя догнали? Светает, – невпопад добавил он, перекидывая волосы через плечо, за спину, так, что выстриженная у виска прядь не сильно бросалась в глаза. – Конечно, в пустыне обычно передвигаются ночью, но время терять не

хочется, да и оставаться здесь – тоже. Как думаешь, не пора ли отправляться в путь?

Уже и впрямь занимался рассвет; край неба на востоке, даже там, где высились горы, порозовел, зазолотился, засиял... И разговоры о сокровенном, которые в темноте казались такими естественными, стали вдруг совсем неуместными.

«В конце концов, прошлое осталось в прошлом, – подумал Алар, поднимаясь на ноги. – А я буду собой, даже если не верну память».

– Да пора бы выдвигаться, – ответил он вслух, щурясь на бледный восход. – Вот только сперва позавтракать поплотней, а то что эти твои сушёные фрукты? Одно баловство.

Дёран рассмеялся снова, пробормотал что-то о мальчишках, которые много едят, а потому дылдами растут – и, проходя мимо, потрепал Алара по волосам так, словно и впрямь знал его ребёнком.

Сердце ёкнуло.

А над горизонтом показался наконец краешек солнца – уже ярче пламени, хоть пока ещё тоньше нити.

Перед тем как отправляться в путь, Алар с глазу на глаз переговорил с каждым из освобождённых пленников, оценивая их состояние – и не стесняясь обращаться к спутнику за нужными воспоминаниями. Как выяснилось, Алаойш Та-ци в той, прошлой жизни частенько имел дело с отравой, лишаящей кимортов сил, и даже сам подвергался её воздействию, а потому и знал, как справляться с последствиями. Сильней всего пострадала так и не назвавшая своё имя женщина, которая провела в заключении двадцать лет. Впрочем, услышав, что сила вернётся не раньше чем через три дюжины дней, а то и через десять дюжин, она лишь пожала плечами, нисколько не огорчившись:

– Когда столько ждёшь, то ещё чуть-чуть подождать несложно.

Некоторые из бывших пленников оказались слишком истощёнными – от голода, жажды или постоянных издевательств; им требовался, скорее, лекарь, и Алар собирался отвести их в храм Пяти Ветров. Жрецы Ветра Дождей, милосердного и благодатного, хорошо разбирались в лекарствах – а ещё лучше в утешении тех, кто много страдал.

Легче всех отделались маленькие дети – им отраву почти не давали – и, как ни странно, синеглазый красавец, похожий на капитана Сидше. Этот юноша хотя и провёл в плену почти три года, однако сумел сохранить себя, не ожесточиться и не сломаться; он единственный сразу поверил в освобождение, радовался искренне и светло, смеялся много, пусть зачастую и не к месту, и без умолку болтал. Алар пообещал ему, что способность управляться с морт вернётся через несколько дней, пусть и не в полной мере... и едва сумел скрыть удивление, когда услышал ответ:

– Моя семья никогда не забудет твою доброту и достойно тебя вознаградит.

Киморты редко полагались на родственные узы, обычно упоминая наставников вместо родителей; юноша к тому же говорил уверенно, словно и впрямь считал, что его семья может осыпать эстру-бродягу такими дарами, что земля дрогнет, а небо прослезится. Алар осторожно уточнил, из какого рода происходит его собеседник, и юноша скромно опустил взгляд, становясь немного похожим на придворного учёного или поэта:

– Моё имя Киар Ар-ишим.

«Ар-ишим, значит», – оторопело подумал Алар, а вслух спросил, не теряя лица:

– И кем же ты приходишься Великому ишме?

– Младшим дядей, – улыбнулся Киар, но улыбка быстро угасла. – А Дуэса Шин-раг, получается, мне прабабка...

Трудней всего в тот момент было сохранить невозмутимость.

– Ну, это преувеличение. Во-первых, двести лет прошло, слишком много поколений сменилось; во-вторых, с нынешним ишмой, конечно, она в родстве, но в дальнем, а значит, и вы с ней, считай, друг другу чужаки.

Юноша кивнул, но отвращение скрыть не сумел; Алар же не нашёлся, что ответить, и впервые, пожалуй, ощутил вину за то, что не сумел Дуэсу убить.

Пока тхаргов впрягали в повозки, пока грузили туда немудрёный скарб и помогали перебраться раненым, пока фляги наполняли водой из реки, Алар всё время был при деле. Едва-едва удалось улучшить момент, чтобы поговорить с Рейной, убедиться, что она в порядке, и

похвалить её за храбрость... Но в круговерти дел всё усиливалось ощущение, будто бы что-то не так.

«Тайра, – осознал он наконец, закончив распределять охлаждающие камни по повозкам. – С самой ночи её не видал... И не слышал».

Последнее вызывало особенное беспокойство: прежде ведь её голос, кажется, заполнял всю пустыню. А нынче умолк; и тут-то любой бы заволновался, потому что известно ведь, что ветер частенько стихает перед бурей.

– Присмотри-ка тут за всем, – бросил Алар, оглядевшись по сторонам. – И куда её понесло...

– Присмотрю, – со вздохом согласился Дёран, который после бессонной ночи, когда пришлось сторожить лагерь, явно с бóльшим удовольствием прикорнул бы в теньке, чем стал бы руководить сборами. – И не знаю, кого ты там ищешь, но, говорят, всякий зверь в час тревог к водопою бежит.

Такую пословицу не помнил даже спутник, так что Алар усомнился в её правдивости, однако же на всякий случай проверил округу. И, к собственному удивлению, обнаружил пропажу у реки, на отшибе, за пределами оазиса даже – там, где русло заглублялось, берега задирались вверх, а кряжистые деревья с неширокими кожистыми листьями и кривыми, словно бы мохнатыми стволами нависали над водой, почти смыкаясь кронами. Тайра сидела на большом камне босиком, опустив ступни в быстрый поток; фальшивая вдовья накидка лежала рядом, а чёрные волосы были распущены. В левой руке она держала гребень – странно, неловко, точно застыла на середине движения, устремив взгляд на воду.

– Ты обычно всех подгоняешь, – негромко сказал Алар. – А тут сама замешкалась. Не боишься, что без тебя уедем?

– Да куда вы денетесь, – откликнулась она тут же, не оборачиваясь, и подтянула колени к подбородку, обнимая саму себя. – Ты ведь даже портки один починить не сможешь. Покатаешься-покатаешься, да вернёшься. Тоже мне, сильномогучий эстра...

Тайра говорила всё то же самое, что и обычно, вот только с совсем другими интонациями, вяло, точно по привычке.

Так, словно сама себе не верила.

Алар подумал – и сел на камень рядом. Скинул ботинки; опустил ноги в воду, с трудом удержавшись, чтоб не отдёргнуть ступню – река оказалась холодной, точно текла с ледника.

– Расскажешь, что тебя встревожило? – спросил мягко. Не дождавшись ответа, чуть покачнулся, толкнув её плечом: – Если не расскажешь, так я и не узнаю.

Она поёрзала на месте и скрючилась ещё сильнее, пряча лицо в сложенных крест-накрест руках. Потом буркнула:

– Может, я и не хочу, чтоб ты знал.

– Не хотела бы – давно бы в воду спихнула, – усмехнулся Алар. Помолчал, затем добавил: – Чего ты боишься?

...и по тому, как она вздрогнула, понял, что угадал: именно боится.

– Такого спихнёшь, пожалуй, – отозвалась Тайра глухо. – Разве что ты сам позволишь. Вон, сколько вокруг нагородил... Реки, горы; видно, надо сказать спасибо, что не моря. Лодок-то у нас нет, одни повозки.

Он не сразу ответил; задрал голову вверх, к небу, спрятанному за плотным переплетением ветвей, прикрыл на мгновение глаза, впитывая запах горькой зелени и сладкой холодной воды, такой чистой, что даже в полумраке можно различить дно. Ладони, упирившиеся в камень, ощущали зернистый, шершавый узор, похожий на отпечаток большой ребристой раковины, закрученной спиралью.

«Значит, вот оно что».

– О моей силе ты знала и раньше, – спокойно произнёс Алар и посмотрел на неё искоса. – И даже видела кое-что.

Тайра вздохнула – и наконец-то распрямилась, перестала сжиматься в комок; села, подражая его позе, неосознанно, кажется – и тоже глянула из-под ресниц.

– Знать – одно, а видеть во всей полноте – другое, – произнесла она. Снова вздохнула; нахмурилась. – Ты... тебе привычно это, верно, а я-то чуть умом не тронулась, когда мир вокруг взял да и потёк, точно размокшая глина, что хочешь, то и лепи. Отроду никогда себя такой маленькой не чувствовала, а тут... Зато поняла, что тебя так разгневало, когда Рейну похитили. И почему киморта нельзя продать в рабство – тоже поняла.

– Никого нельзя.

– Так-то да, но мы с Тарри с горя полсвета перепахать и вверх тормашками поставить не сумеем, – возразила она упрямо, чуть повысив голос. – А если этакая-то ваша силища, да в дурных руках окажется... Рейна тоже что-то такое может?

– Пока нет, – ответил Алар честно. – Нарочно, по крайней мере; вот если испугается сильно, к примеру, то бед натворит. Но она ещё ребёнок, и то, что вчера ей удалось отразить удар взрослого киморта, чудо – и большая удача.

– А эта, как её, Фогарта? – с вызовом спросила Тайра. – С ней-то вы ровня? Она ведь взрослый киморт.

– Нет, – усмехнулся он. – Ей я и в подмётки не гожусь, теперь особенно.

– А прежде? А если силу свою возвратишь?

– Ты ревнуешь, что ли?

– А если и так? – повысила голос Тайра, наконец-то рассердившись по-настоящему, не понятно лишь на кого – на него или на себя. – Кто спокойным останется, если его мордой ткнут в то самое, что он замечать не хочет? Я-то думала, что всё уже про тебя поняла, всё узнала, а тут... Мы с тобой и прежде-то были что всадник и пеший, я вечно голову вверх задирала, а нынче что? Ты будто на горе, а я под горой. А с высоты-то люди меньше пылинки – ещё поди разгляди! Нет, будто ты сам гора, а я...

– И всё же я рядом с тобой, – прервал её Алар – и ухватил осторожно пальцами за подбородок. – И смотрю на тебя, вот прямо сейчас. А ты куда смотришь?

Она вздохнула, неглубоко и прерывисто; застыла на мгновение – бездонные чёрные зрачки, тоненький зелёный ободок вокруг, влажные потемневшие губы...

...а потом подалась вдруг вперёд, обхватывая его лицо ладонями, и поцеловала.

Всё неловко получилось, заполошно слишком, торопливо, словно они у кого-то воровали – время, ласки, прикосновения и дыхание. Тайра царапала его затылок ногтями, зло, отчаянно даже щипала за спину, точно хотела причинить боль – а всё же не отпускала; он повторял про себя, что нельзя сейчас, нечестно вот так поддаться, не подумав, не взвесив... и наваливался всё сильнее, всем телом, точно пытаясь вернуть её из раздумий о будущем в это *здесь и сейчас*. Морт

клубилась вокруг, как дым; узловатые ветки деревьев стукались друг о друга, словно, на сильном ветру; камень становился мягче и мягче, как песок, как перина, и кто знает, что случилось бы дальше, если б они не скатились вниз, с берега.

Река оказалась, по счастью, не такой уж глубокой – и оглушительно холодной.

Тайра вынырнула первой, отфыркиваясь; Алар – следом. Мимо проплыл платок, который он повязывал на волосы, – ярко-синий, в лиственных узорах – и, напитавшись влагой, медленно потонул.

– Надо вылезать.

Собственный голос со стороны показался хриплым, чужим. Тайра кивнула, глядя в сторону, и откинула назад намокшие волосы.

– А то. И впрямь, уедут ещё без нас... Ты как, подсобишь? Больно берег тут крутой.

Когда они вернулись к повозкам, уже готовым к отъезду, Дёран внимательным взглядом окинул высушенные наскоро одежды, волосы, торчащие дыбом, но ничего не сказал.

Глаза закатил только – да цокнул языком.

Алару было стыдно.

Стыдно, да; но, если уж признаться честно, очень хорошо.

Обратный путь до Кашима занял почти вдвое больше времени: тхарги, впряжённые в повозки, бежали гораздо медленней, да и к тому же приходилось иногда делать привалы. По счастью, никаких трудностей не встретилось. Больше всего Алар опасался, что Дуэса вернётся и атакует исподтишка, но, кажется, сражение достаточно её напугало, чтобы не искать возмездия – по крайней мере, немедленно. Изредка вдали, там, где барханы касались неба, мерещились опасные скопления морт, которые могли предупреждать о мертвоходцах, о бездонных провалах, о ядовитых испарениях, но пока маленький караван их избегал. Возможно, его хранил мелодичный перебор семиструнки или талисманы на удачу, которые Тайра вязала из суровой нитки и щедро раздавала... или же люди, измученные долгим пленом, попросту исчерпали запас своих несчастий на годы вперёд.

Лишь один раз опасность подошла близко: на горизонте поднялась вдруг багровая волна садхама, и загудел ветер, и опасно

вздыбилась морт. Но Дёран досадливо поджал губы, точно встретился с докучливой поклонницей, и тихонько сказал: «Кыш».

Буря стихла, так и не успев толком начаться.

Тем не менее, когда к вечеру второго дня показались наконец вдаль огни Кашима, а лиловатые сумерки наполнились далёкими-далёкими звуками голосов и запахом дыма, жилья, пищи, все выдохнули с облегчением, измученные долгой дорогой. И особенно Алар, который прошлую ночь почти не сомкнул глаз, опасаясь мести Дуэсы; уж ему-то, как никому иному, хотелось поскорее отдохнуть под безопасными сводами храма.

Со жрецами Ветра Карающего не каждый киморт рисковал связаться – их слава бежала далеко впереди.

«А ещё там есть купальни, – размышлял Алар сонно; караван только-только выбрался на прочную, широкую дорогу, и тхарги побежали резвее. – И нормальная еда... Странно, что людей вокруг нет».

– Слишком уж вокруг пустынно, – произнёс вслух Дёран, точно откликаясь на его мысли, и поудобнее перехватил семиструнку. – А ведь ночью путников обычно куда больше, чем днём. Уж не случилось ли чего в городе?

Он как в воду глядел.

Городские ворота оказались распахнуты настежь; стражи видно не было, более того, исчезли вездесущие попрошайки, досужие зеваки и торговые караваны. Над рынком рабов полыхало зарево, запах дыма стал горьким и едким, а по краю квартала чужеземцев точно прошёл ураган – крыши сорваны, стены проломлены.

– Бедствие? – спросила Тайра, нащупывая на поясе кинжал и словно бы невзначай заслоняя Рейну. – Одно из злых чудес пустыни?

Алар привстал на козлах, вглядываясь вдаль, в переплетения морт, и вслушиваясь в почти неслышный её шёпот.

– О нет, – откликнулся он и положил руку на рукоять меча. – Никаких чудес, дело вполне обычное: война. Только маленькая. Понять бы ещё, кто с кем борется...

– Так сходи и узнай, – предложил Дёран с усмешкой. – Всё лучше, чем если они сами потом к нам заявятся. На своих-то условиях веселей играть, верно?

Не успел он договорить, как громыхнуло, бухнуло; силуэты домов по границе квартала чужеземцев подсветило синеватым огнём – точно молния там ударила, но не с неба, а из-под земли. И если прежде Алар ещё колебался, то теперь последние сомнения ушли.

– Рейна, – позвал он негромко, скидывая верхнюю накидку, которая только мешала теперь, когда испепеляющее солнце скрылось за горизонтом. – Я отлучусь ненадолго, пригляди тут за порядком. Сделай такой же пузырь из морт вокруг, как в оазисе делала, и держи. Справишься?

– Да! – Рейна, всё ещё одетая мальчишкой, скатилась с телеги, не удержалась на ногах, но тут же вскочила, отряхнулась и выпрямилась; глаза у неё горели, и испуганной она не выглядела ни на гран – куда там делась робкая, хоть и любопытная девчонка из глухой деревни? – Я могу! Долго надо?

– Надеюсь, что нет, – качнул он головой неопределённо. – Слушай Дёрана, он подскажет, что делать... А ты идёшь или остаёшься?

Услышав вопрос, Тайра, кажется, не поняла даже, что это ей говорят – а потом спрыгнула на землю, на ходу сдёргивая вдовый покров, тяжёлые многослойные одежды, и оставаясь в рубаше, жилете и штанах – ровно в том, в чём на родном севере щеголяла.

– Так сподручнее, – усмехнулась она. Вытащила из-за пояса нож, перекинула из руки в руку, играя, снова убрала. – Тебе ведь не кукла в тряпке нужна, верно?

– Мне ты нужна, – улыбнулся он в ответ. Отметил с удовольствием, как вспыхнул еле заметный румянец на скулах; с трудом удержался, чтоб не потянуться и не убрать чёрный локон с лица. – Да и вдвоём веселее.

Дёран ничего не сказал, даже головы не поднял, но семиструнка под его чуткими пальцами тренькнула коротко, тоненько, насмешливо, точно хихикнула. Алар одёрнул себя – не время, не время – и двинулся в ту сторону, откуда доносился грохот, лязг, возгласы и то и дело загоралось зарево... Но, как ни крути, не мог избавиться от мысли, что вот такая-то Тайра ему и нравится: бойкая, колючая и готовая к любому повороту.

А в городе и впрямь разыгралось побоище.

Первое тело они увидели прямо посреди улицы – обожжённое, рассечённое надвое от плеча и до пояса. На выбеленной стене дома

напротив чернела подпалина, похожая на отпечаток огромного пера; обычное оружие или природное явление такой след оставить не могли.

– Морт-клинок, – кивнул Алар, приложив ладонь к отпечатку. Силы в нём почти не оставалось; он ощутил только слабое-слабое эхо. – Либо сработанный не очень искусно, либо попавший в руки к неумелому воину, который не может толком представить, что должно получиться.

– «Стремление»? – сощурилась Тайра и тоже коснулась подпалины.

– Именно, – подтвердил он. – Для простого воина важна сила, ловкость, скорость. Для того, кто использует морт-меч, гораздо нужнее живой ум и воображение... хотя без силы и ловкости не обойтись тоже. Хочешь, сделаю тебе потом морт-нож?

От неожиданного предложения Тайра оторопела – настолько, что не ответила ни да, ни нет.

«Тороплю события, – подумал Алар с раздражением, когда они направились дальше, вверх по улице. – А зачем? Сам ведь решил, что не время, что надо подождать, разобраться со спутником, с памятью... Не мальчишка ведь, чтоб собственным страстям потакать».

И – отогнал гаденькую, подлую мысль, которая прошмыгнула вдогонку: что он-то, конечно, подождёт, а вот Тайра может и не дожждаться.

Чем ближе к кварталу чужеземцев, тем чаще встречались знаки недавней битвы: тела, не успевшие ещё остыть, обрушившиеся стены, проломленные крыши, полосы наледи. Дважды пришлось перебираться через завалы. Рокот, далёкий и монолитный, становился громче, распадался на отдельные звуки – грохот, крики, треск... Поразмыслив, Алар направился левее, туда, где мощённая булыжником дорога начинала резко задыряться вверх и вилять среди глинобитных хибар. Справа к тому времени стало грохотать уже беспрерывно, а вспышки, то синеватые, то багровые, следовали одна за другой.

– Как бы по нам не попали, – пробормотала Тайра.

«Не попадут», – хотел ответить Алар.

...и едва успел воздвигнуть преграду из морт на пути огненного вала.

– Сглазила, – досадливо вздохнула Тайра, когда пламя с сердитым шипением угасло. Часть дома, куда пришёлся удар, обрушилась,

обнажая немудрёную обстановку – ларь с вещами и постель. – Ещё выше пойдём?

– Сперва взглянем отсюда.

Внизу, под скалой, были когда-то раньше торговые ряды, закрученные спиралью, с колодцем посередине. Но сейчас невредимыми остались считанные прилавки. Что не горело, то догорало – или вовсе лежало в руинах... Бойцы в чёрных накидках и тюрбанах хлестнулись с воинами в белых одеяниях, похожими на всадников-арафи, только пеших; с морт-кинками был, пожалуй, только каждый двадцатый, но и этого хватало, чтобы почти уничтожить и рынок, и окрестности.

«Вмешаться? – подумал Алар отстранённо. – Или пройти мимо? Не так уж их много; если один или двое за увяжутся нами, отобьюсь без труда».

Он уже почти что решил возвращаться назад, к повозкам, когда один из воинов в чёрном резко взмахнул морт-мечом, посылая во врага ударную волну. Сила, вырвавшаяся из клинка, показалась отчего-то знакомой. Алар присмотрелся к мечам повнимательнее – и вздрогнул.

«Фогарта. Это оружие создала она».

Не рассуждая более, он вытянул меч из ножен, повёл над головой, собирая морт... а потом рубанул воздух перед собой. Сила, облечённая в стремление, хлынула вниз – и две дюжины клинков разом переломились.

Те, что принадлежали воинам в белом.

После этого исход битвы был уже предречён. Понадобилось не более четверти часа, чтобы отряд в тёмных одеяниях одержал верх. Алар всё это время размышлял, правильно ли он поступил. Конечно, те, другие, уцелевшие морт-мечи сделала Фог, ясноокая дева, но это ведь не обязательно значило, что воины в чёрном были её союзниками. Даже если она и помогла им добровольно, её могли обмануть, ввести в заблуждение... наконец, просто заказать мечи, не объясняя, зачем они нужны.

«Поздно раздумывать, – решил наконец Алар. – Что сделано, то сделано. По крайней мере, дома в округе уцелеют, если битва прекратится».

Он качнул головой – мол, пойдём – и направился было вниз, к краю квартала чужеземцев, когда Тайра вдруг напряглась и потянула

его за рукав, побуждая остановиться, а сама вытянула из-за пояса кинжал.

– Глянь-ка, у нас гости, – выдохнула она хрипло, прищуриваясь.

И в тот же миг из-за угла полуразвалившейся хибары выступил мужчина лет тридцати, весь в чёрном. Худощавый, гибкий, с чёрными глазами, чуть вытянутыми к вискам и обильно подведёнными краской, он мог бы даже считаться по местным меркам смазливый, но всё портило выражение лица, хищное, жестокое – и цепкий, внимательный взгляд.

Мужчину сопровождали два телохранителя, один из которых, белоглазый и темнокожий коротышка, тощий, как палка, был вооружён морт-мечом.

«Значит, важная птица».

– Так вот кому я обязан победой, – приятным, бархатистым голосом произнёс мужчина, останавливаясь ровно на том расстоянии, чтобы не это не выглядело ни угрожающе, ни трусливо. – Киморт? Или эстра?

И его тембр, и поза, и выражение лица – всё внушало доверие; даже Тайра – и та немного расслабилась, хотя кинжал по-прежнему держала крепко. Но коротышка-телохранитель держал клинок наготове, да и другие воины в чёрном, кроме тех, что вязали пленников, начали постепенно собираться вокруг...

«Вот сражаться бы сейчас не хотелось».

– Благодарю за победу свои морт-клинки, которые сделала для тебя моя ученица, – откликнулся Алар. По тому, как расширились зрачки у мужчины, понял, что угадал – и усмехнулся. – Успел уже оценить их? В правильных руках они способны на многое. Да и союзников привлекают – видишь, и я мимо не прошёл.

Мужчина поколебался секунду – и сделал своему телохранителю знак убрать меч, а затем улыбнулся широко и едва наметил поклон, прижав ладонь к груди.

– И всё же позволь мне должным образом отплатить за твою доброту, странник, – сказал он уже обычным голосом, не пытаясь ни очаровывать, ни нравиться даже. – Моё имя Ачир, и с этой ночи я хозяин Кашима.

– Я Алар, эстра, – ответил он, также из вежливости убирая меч в ножны. И добавил неожиданно для себя самого: – Раньше меня знали

как Алаойша Та-ци, но нынче это имя в прошлом.

– В прошлом так в прошлом, – произнёс Ачир покладисто. – Не согласишься ли разделить со мной трапезу? Думаю, и тебе, и твоим спутникам не повредит отдохнуть после дневного перехода. Пустыня, как у нас говорят, выжимает досуха.

«Значит, знает уже, что в город мы вошли недавно и прибыли издалека... и то, что я не с одной Тайрой путешествую, ему тоже известно».

– Не откажусь, – вслух ответил Алар. – Благодарю за гостеприимство. Только сперва, думаю, стоит заглянуть в храм и поговорить с одной жрицей, которая служит Ветру Ночи.

Против всех ожиданий, улыбка Ачира после этого не исчезла, а стала ещё шире.

– Какая удача, – сказал он. – Мне тоже нужно в храм. И – вот совпадение – тоже к жрице Ветра Ночи. Хоть спрошу, отчего она считала, что у моей матери всего семь морт-мечей, а их оказалось два десятка.

От его слов повеяло холодком, несмотря на духоту, пропитанную запахами гари, пыли и крови; Алар подавил невольную дрожь. В сделанном выборе – кому помочь – он до сих пор сомневался, но одно знал точно: быть врагом этого человека ему бы не хотелось.

В других частях города, поодаль от квартала чужеземцев, сильных разрушений не было; только над рынком рабов полыхало багровое зарево – там бушевал пожар, но Ачир сказал, что об этом не стоит беспокоиться: «Там сгинет то, что давно должно сгинуть». Он же поведал, отчего в городе так безлюдно. Его союзники и те, кто мог пострадать в грядущем столкновении, ещё накануне укрылись в храме, потому что михрани два дня назад, страшась возвращения сына, принялась зачищать Кашим от всех, кто казался ей опасным.

– Ветер свидетель, не я это первым начал, – зло оскалился Ачир; в тот момент они ехали мимо богатого особняка, подсвеченного со всех сторон алыми и золотыми светоносными камнями, похожими на огромные куски янтаря. – Я пытался договориться – и как почтительный сын, и как правитель-рагди, который не желает худа своим людям и своему городу. Но михрани слишком долго обладала большой властью и теперь не хочет делиться даже малой её частью... Что ж, это и напоминание мне, и предупреждение, чтоб не стать таким.

Не зря ведь многие говорили, что я похож на михрани больше, чем остальные сыновья.

– Наследовать кому-то – одно дело, а выбирать свой путь – совсем иное, – пожал Алар плечами. – То, что заложено в нас при рождении, – лишь маленькая шкатулка с ингредиентами. Можно использовать их все или частично, а можно взять что-то совсем другое. Зависит от того, что ты хочешь получить в итоге.

Ачир усмехнулся:

– Если б я сам знал...

Тревожный красный свет упал ему на лицо, резче обозначая морщины в уголках глаз, почти незаметные под чёрной подводкой. И Алар понял, приглядевшись получше, что и злость, и бравада, и говорливость – это, скорее, знаки бесконечной, опустошающей усталости, когда и держишься-то на одной силе воли.

«Собственная мать попыталась его убить, – пронеслось в голове. – Ему пришлось бежать из города и братья за оружие, а враг оказался куда сильнее, чем он предполагал, почти втрое – вместо семи мортмечей все две дюжины... Однако же он выстоял – и даже постепенно одерживал верх».

И ещё:

«Вот эту силу, значит, заметила Фогарта, когда согласилась помочь?»

Стало досадно, что он не расспросил её получше о юге, когда решил уже сюда отправляться... И только спустя несколько минут вспомнилось, что и не мог расспросить-то: спутник начинал бунтовать всякий раз, когда Фог оказывалась поблизости. Потому-то и пришлось уходить в спешке, без прощаний и объяснений – и потому-то дорога и увела его так далеко от севера, как только получилось.

«Ничего, – подумал Алар, вскользь касаясь меча, где сейчас был заключён спутник. – Однажды я уже вернул память и силу; значит, получится и второй раз, нужно только найти способ».

И спутник, точно откликаясь на его мысли, сердито затрепетал где-то там, в глубине клинка, напитавшегося кровью.

Сердито – но и испуганно тоже.

Тем временем город, притихший и напряжённый, остался позади, и показался храм на холме, сейчас больше похожий на крепость. Огни на его стенах пригасли; ворота были закрыты. Впрочем, стоило Ачиру

приблизиться, как они приоткрылись – сперва медленно, осторожно, потом всё быстрее, пока не распахнулись гостеприимно во всю ширину.

– Глянь-ка, и здесь вечер оказался беспокойным, – тихо выдохнула вдруг Тайра. И кивнула на отчётливую чёрно-коричневую подпалину, переходящую со стены на створки. – Никак, кто-то заявился незваным да и получил от ворот поворот.

– У служителей храма есть свои способы обуздывать смутьянов, даже и смутьянов с морт-оружием, – ответил Алар так же негромко. – Тот, кто обязуется служить Ветру Карающему, проходит особое обучение, а потом получает нож или кинжал с багряной рукоятью. Такое оружие хранится в потайных ножнах, в мелких стычках его не достают. Но если приходит нужда, то клинок покидает ножны – и, как говорят, не возвращается в них, пока утолит свою жажду крови. Карающий Ветер направляет руку своего служителя, и клинок не знает промаха; не остановить его ни полным доспехом, ни тяжёлым щитом. Только морт способна его задержать, потому что морт – и есть воля мира... Что?

Ни слова не говоря, Тайра взглядом указала на влажное пятно чуть левее ворот, немного присыпанное красноватой сухой землёй. Тёмное, словно бы чуть маслянистое; чем дальше Алар на него смотрел, тем более явным становился солоноватый металлический запах, который примешивался к ночному воздуху, наполненному храмовыми благовониями и дымом от пожара внизу, на рынке рабов.

Самого тела нигде не было видно; кто бы ни был настолько безрассудным, чтобы напасть на обитель богов, от него не только уже избавились, но и успели благочестиво скрыть неприглядные следы.

Пока Ачир разговаривал со жрецами, и позже, когда процессия медленно продвигалась от одной стены до другой, от ворот к воротам, а затем – к храму, Алар успел рассказать ещё несколько баек. О Ветре Ночи, который даровал своим последователям чуткий слух, зоркие глаза и умение оказываться в нужное время в том самом месте, где произносились важные речи; о Ветре Дожей, несущем исцеление страждущим, и о его служителях, знающих толк и в ядах, и в лекарствах. О Справедливом Ветре – к нему обращались за возмездием и за беспристрастным судом те, кто мог получить их другим путём, и о жрецах, способных отличать правду от лжи, а верное – от неверного...

Наконец, о Незримом Ветре, пронизывающем всё и вся, ведающем прошлое и будущее. Ему служили бродяги – менестрели и сказители, и потому-то считалось, что они обладают пророческим даром.

Была легенда, что однажды все пять Ветров задуют разом, и пустыня перевернётся вверх дном, и на месте бесплодных, гибельных песков снова возникнут и горы, и реки, и леса, и плодородные земли.

– А так и правда будет? – спросила Рейна шёпотом, и Алар вздрогнул: он не заметил, как ученица выбралась из своей повозки и перебралась к нему поближе.

Не она одна: и безымянная северянка, и любопытный синеглазый Киар, и другие пленники, и даже воины Ачира слушали внимательно. Только Дёран сидел, как прежде, на дальней повозке и с видимым равнодушием перебирал струны.

– А отчего нет? – ответил Алар вслух. – Что было разрушено морт, может быть морт исправлено.

– Получается, что морт – и есть те Ветры, все вместе? – нахмурилась Рейна.

Один из жрецов в чёрных одеждах глянул на неё с интересом, но ничего не сказал. Алар же только пожал плечами.

Храм оказался переполненным, словно туда и впрямь набилась половина Кашима. И бедные, и богатые, и купцы, и воины, и рабы... Точнее, бывшие рабы: теперь, когда Ачир одержал верх, жизнь города должна была разительно перемениться. Жрецы сновали туда и сюда, распределяя воду для жаждущих, лекарства для хворых и раненых, пищу для голодных. Казалось, что в таком шуме, гаме и беспорядке отыскать что-то – или кого-то – воистину невозможно, однако стоило Алару ступить под своды, как навстречу шагнула уже знакомая жрица смуглая, голубоглазая и седая, облачённая в чёрные одежды и с драгоценным венцом на голове.

– Я ожидала твоего возвращения ещё вчера, – вместо приветствия произнесла она. – Верно ли, что оазиса Сулвари больше нет, а на его месте – большая гора?

– Горный хребет, вернее сказать, – вздохнул Алар и поморщился, вспомнив тяжёлое сражение с Дуэсой, в котором он едва не проиграл. – А ещё река, несколько оазисов поменьше, ущелье и, насколько я помню, водопад... Это всё, что мне удалось разглядеть.

Рейна вдруг подскочила на месте, затем потянула Тайру за рукав и что-то зашептала ей про пять Ветров и пророчество. Другие бывшие пленники начали тоже переглядываться, а Киар отчего-то фыркнул.

«А ведь и впрямь, – проскочила забавная мысль. – Звучит так, словно давнее предсказание начало исполняться».

– Остальное разглядят мои люди; я уже послала их составлять новые карты, – чуть наклонила голову жрица, соглашаясь. И повернулась к Ачиру. – Твоя мать два с половиной дня назад получила оружие в дар от некой женщины в золотых и пурпурных одеждах, киморта; я отправила к тебе гонца, но боюсь, что его перехватили. И всё же ты победил.

Ачир сжал кулаки так, что раздался хруст; однако же голос его звучал ровно.

– Это стоило мне половины войска.

– Ты не единственный, кто нынче несёт потери, – откликнулась жрица и, развернувшись, направилась вглубь храма. – Следуйте за мной. Час поздний, а битва была сложной; сперва потрапезничаем, затем поговорим.

Она отвела их в подземелья – туда, куда простым людям вход заказан. Бывшие пленники, которые провели в темнице под действием дурмана месяцы, а то и годы, явно ощущали беспокойство, вновь очутившись в похожем месте. Но вскоре голод и усталость победили тревогу. Жрица предложила воистину роскошную трапезу – а ещё купальни и покои для отдыха. Рейна храбро вызвалась присмотреть за порядком: ей понравилось сторожить покой маленького отряда и заботиться о безопасности, а Алар и не возражал.

Не то чтоб он считал, что в храме им что-либо угрожает... но всё же лучше было проявить излишнюю осторожность, чем беспечность.

Когда же трапеза была окончена, и в пиршественном зале остался только Ачир с телохранителем, сам Алар, Тайра и Дёран, жрица наконец перешла к делу.

– Вся пустыня запылилась, – произнесла она спокойно, однако за сдержанностью пряталась и тревога, и гнев, и печаль. – Спокойней всего, пожалуй, в Дабуре. Там недавно побывало войско конклава, главу совета и его приспешников, творивших беззаконие, казнили, а их союзников устрашили. Временно власть перешла к женщине по имени Кайта; она возглавляет тамошний храм и служит Милосердному Ветру

Дождей. Ей сейчас подчиняются четыре отряда всадников и дюжина воинов, обученных лично Унной, Вещей Госпожой... А хуже всего дела в Ашрабе. Конклав ныне раскололся надвое. Часть пошла за Унной; другие же решили, что нет ничего дурного в том, чтобы и кимортов тоже брать в рабство, и поддержали Радхаба и Ата-Халима. У Радхаба своё войско – и, что хуже, у его воинов нет недостатка в морт-мечах... И в кимортах.

Алар вздрогнул:

– Союзники из Шимры?

Жрица помрачнела:

– Хуже. Одурманенные молодые рабы, которые никогда и не знали свободы, а потому верны своему хозяину, и с ними не под силу справиться даже Ветру Карающему.

Она умолкла на мгновение – и словно холодок сквозняка пробежал по ногам и пояснице. А затем заговорила снова: о том, как Радхаб и его люди захватили часть колодцев и источников в Ашрабе, и великий Город Ста Чудес пришла жажда – а с нею болезни и смута; о том, как со всех концов пустыни спешили на помощь отряды всадников и караваны – как верные храму, так его враги...

– И чего ты хочешь от меня? – спросил Ачир, когда жрица договорила. Глянул на Алара искоса, поправился: – От нас.

«Значит, уже «мы». Забавно».

– Отправляйтесь на выручку Унне, – не стала лукавить жрица. – Михрани бежала в Ашраб к союзникам; если Радхаб одержит верх, то он, без сомнения, поможет ей вернуть власть в Кашиме. Но могу пообещать, что, пока вы не вернётесь с победой, я присмотрю за городом – и за тем, чтобы здесь исполнялись законы... новые законы. Твои.

Ачир всерьёз задумался, но с ходу ответ дать не смог – попросил время до полудня. Когда он отправился спать, жрица обратилась к Алару и спросила:

– А ты что решишь?

– Уже решил, – улыбнулся он. – Я отправлюсь в Ашраб на помощь к Вещей Госпоже.

– Понимаю, – кивнула жрица. Опустила взгляд, словно размышляя, затем снова посмотрела в упор. – А если передумаешь... Для тех, кто решит остаться здесь, храм станет защитой. Даже если

сюда явится та женщина, о которой ты упомянул за трапезой, Дуэса Шин-раг, под эти своды она не войдёт, я клянусь.

– Она не явится, – качнул головой Алар, бездумно касаясь пальцами рукояти меча, хотя спутник давно его покинул и занял место над плечом – колючая, переменчивая, злая звезда. – Слишком боится мести тех, кому столько лет причиняла боль. Может, попытается расквитаться с нами чужими руками, но, скорее, бежит на другой конец света и... и попытается ударить там, где, по её мнению, причинит мне как можно больше боли.

– И где же? – эхом откликнулась жрица.

Пальцы у Алара сжались на рукояти так, что стало больно; поверх легла чуткая, горячая женская ладонь. Тайра поймала его взгляд, и губы у неё едва заметно шевельнулись: «*Фогарта*».

В груди стало тесно.

«Да, – подумал он отстранённо, заставляя себя ослабить хватку. – Дуэса отправится за ней».

Но вслух сказал только:

– Не знаю. Но это и не важно; важно сейчас отстоять Ашраб и вернуть мир в Землю злых чудес. Впрочем, отложим разговор до утра – сперва Ачиру надо решить...

– Он согласится, – неожиданно улыбнулась жрица. – У этого ребёнка золотое сердце, и он благословлён всеми пятью Ветрами. Его судьба будет яркой, а жизнь – долгой... И да, он отправится Унне на помощь. Я знаю.

Когда они вышли из зала, Тайра снова взяла его за руку, не то ободряя, не то поддерживая, попыталась что-то сказать – но сама себя прервала, нахмурившись. Алар погладил её по щеке и быстро, легко поцеловал в лоб, в сердитую складку между бровей:

– Если ты беспокоишься о Дуэсе, то не бери в голову. Даже если она и придёт за Фогартой, чтобы отомстить, то не преуспеет.

– Потому что эта твоя ясноглазая посильней будет? – буркнула Тайра недовольно, однако хмуриться наконец перестала.

– Нет. Потому что она не одна.

– И то верно, – поддержал его Дёран, который до тех пор хранил молчание. – Отправляйтесь-ка спать; день был трудный. И не тревожьтесь: я, так и быть, постерегу ваш сон.

– Вот ещё – спать! – возмутилась Тайра. – А купальни? У меня после этой пустыни теперь песок в таких местах, про которые я и знать-то не знала! Чай, полночи буду выполаскивать... Да и поговорить надо, вон, какие новости.

В купальню она наведальась вместе с Рейной... и едва не заснула прямо там, сама не своя от усталости и оттого, что напряжение схлынуло наконец, и здесь, в стенах храма, она наконец ощутила себя в безопасности. Алару пришлось самому сушить ей волосы, одевать в чистую рубаху и относить в постель. А вот к нему сон так и не шёл; промучившись в тревожной полудрёме почти до рассвета, он поплутал по подземельям и кружными путями выбрался наверх, а там ноги сами понесли его бродить по галереям, опоясывающим храм. Изредка навстречу попадались жрецы и жрицы; они нисколько не удивлялись и приветствовали его, словно знакомого. Между тем небо постепенно светлело; густо-синий цвет бледнел, восток наливался нежным розовым и золотым сиянием... Поднявшись по очередной лестнице, Алар вместо ещё одной галереи угодил прямиком на стену, где от головокружительной высоты его отделяли только неширокие, в кулак толщиной, ажурные перила из белого камня.

«Работа киморта», – подумал он отстранённо, проводя ладонью по гладкой, точно отполированной поверхности... и вдруг заметил поодаль кое-кого знакомого, устремившего взгляд на восток.

– Тоже не спится?

Услышав окрик, Ачир вздрогнул – и обернулся. Сейчас, без тюрбана, в более лёгких одеждах из мягкой зелёной ткани, со смазавшейся краской на глазах он выглядел моложе – и уязвимей. Не гордый правитель, взявший свою власть силой, взбунтовавшийся против царственной матери, а просто усталый человек.

Тот, кто знает наверняка, что нужно сделать и как поступить правильно... вот только не уверенный, что на это хватит сил.

– Я ведь обещал, что подумаю над предложением, – ответил он точно нехотя, отворачиваясь.

Алар приблизился и встал рядом, бок о бок. Отсюда восточная часть города была видна как на ладони – и рынок рабов, ныне выгоревший, кажется, дотла, и богатые особняки... и сад вокруг поместья михрани, укрытый драгоценными шелками от злого южного солнца.

«Интересно, кто теперь станет присматривать за цветами».

Пахло ночной свежестью, терпкими храмовыми благовониями и отчего-то весной; дымом, кровью и гарью не пахло совсем.

– А разве ты ещё не определился?

– Определился, – признался Ачир, отступая от перил, развернулся и прислонился к стене, глядя на Алар с прищуром. – Но разве у тебя такого не бывает, что решение принято, а мысли и сомнения только множатся? И их так много, что того и гляди погребут...

– Бывает, – улыбнулся он, вспомнив, как в спешке уходил из лагеря. От Фог; от раздумий; от боли и тягот; от себя. – Но если начать делать то, что считаешь правильным, то становится легче... А даже если не становится, то потом хотя бы оборачиваешься назад и видишь, что дело-то сделано.

Ачир скривился.

– Справедливо. Если, конечно, хватит сил исполнить задуманное. Я ненавидел мать, – добавил он вдруг невпопад. – Всё лучшее, что у меня было, она отобрала.

Разговаривать с ним вполоборота, через плечо, было странно; Алар повернулся и облокотился на перила, и прохладный ветер, прежде овевавший лицо, стал щекотать затылок, раздувая и путая порядком отросшие волосы. Потoki морт, очистившиеся от гнева, страданий и страхов, переполнявших их ночью, во время пожара и битвы, сейчас ластились – или наоборот, ласкали.

Напряжение постепенно отпускало; веки тяжелели.

«Этак я здесь засну».

– Ненавидеть – одно, – вздохнул Алар, вспомнив отчего-то Дуэсу. – А знать, что любви никогда у этого человека не получишь, – совсем другое. Пусть вы с матерью и враждовали, но всё же делили один город, а нынче вы друг от друга далеко... Отпусти её. У тебя свой путь, а у неё свой; кто знает, куда вас жизнь заведёт.

Ачир слушал его жадно, но когда ответил, то явно старался, чтоб голос звучал небрежно:

– На всё-то у тебя есть ответ.

– Поживи с моё – так же заговоришь, – усмехнулся Алар и ощутил затылком тепло: похоже, солнце показалось над горизонтом. Веки стали совсем-совсем тяжёлыми и постепенно сомкнулись. – Мой тебе совет: отправляйся-ка спать. Жрица дала тебе время до полудня, вот и

употребил его с пользой. А размышления оставь на потом. Действуй. Глядишь, сомнения постепенно уйдут. А нет...

– А нет – так хоть дело будет сделано, – откликнулся Ачир как-то странно, хрипло. – Ты... Тебе говорили, что ты на солнце похож?

От удивления у Алара даже сонливость слетела. Он моргнул раз-другой; стало ощутимо светлее, и на стене напротив появились чётко очерченные тени. Ачир стоял, скрестив руки на груди и отвернув голову; губы, до сих пор бледные, наконец порозовели, и на смуглом лице также появился румянец.

«Жалеет, верно, что разоткровенничался, – промелькнуло в голове. – Ну, с кем не бывает».

– Нет, – ответил Алар вслух, с трудом подавляя зевок. – Не говорили.

– Значит, первый скажу, – хохотнул Ачир коротко. – Спасибо за совет... Глаза у тебя красивые.

Он махнул рукой и ушёл – хотелось надеяться, что спать, ибо дни предстояли нелёгкие и отдых бы не повредил. Помедлив немного, Алар тоже вернулся в подземелья, в отведённые ему покои – и проспал до самого полудня, даже дольше.

Снилась ему отчего-то зыбкая северная ночь, высокое тёмное небо, искры и костры.

...а ещё печаль такая, что замирало сердце.

С отбытием из Кашима решили не тянуть. Ачир попросил несколько дней, чтоб уладить дела: захватить власть – это одно, а удержать – совсем иное. Да и к тому же найти два дирижабля с надёжными капитанами, что уже задача нелёгкая, а в короткий срок – так почти невыполнимая... Жрица, впрочем, обещала помочь: у неё были на примете люди, достойные доверия. Алар же вынужденной передышке только обрадовался. Во-первых, и он сам, и уж тем более спасённые пленники нуждались в том, чтобы восстановить силы – и попросту прийти в себя; во-вторых, ему хотелось поговорить с каждым из них откровенно, прежде чем просить о помощи.

Кто-то мог отчаянно желать сразиться с врагами и испытать себя, но быть неготовым к этому; другой же мог сторониться битвы, однако нуждаться в ней.

Первой его отыскала та самая статная северянка, так до сих пор и не назвавшая своего имени. Дело было к вечеру; солнце уже наполовину опустилось за край горизонта, и красноватый воздух не то плавился, не то пылал – испепеляющая дневная жара не схлынула ещё, хотя ночной сумрак начал уже сгущаться. Алар, закончив с уроком для Рейны, отдыхал с пиалой чая в дальней части храма, в одной из тех галерей, куда заглядывали только жрецы. Миска со сладкими цукатами наполовину опустела, а свиток, повествующий о деяниях героев древности, был расправлен лишь наполовину, но уже успел наскучить – словом, как раз пришло время, чтоб прервать уединение.

– Я поеду с вами в Ашраб, – спокойно сказала северянка, глядя сверху вниз. – Слышала, на днях отправляетесь в путь?

Алар хотел было мягко напомнить ей, что способность управляться с морт восстановится лишь через долгие месяцы, но затем раздумал: с таким ростом и статью можно было полагаться в бою не только на силы киморта.

– Да, – не стал он отрицать. – Точнее узнаю завтра... Ты откуда вести услышала? Я пока никому не говорил.

Северянка пожала плечами:

– Подошла к жрице и спросила. На прямой вопрос отчего б не ответить, если секрета нет? Да и к тому же в городе слухи разные ходят, а я в храме сиднем не сижу... Так возьмёшь с собой?

Алар отставил пиалу, уже почти опустевшую, и поймал взгляд северянки:

– Зачем тебе надо в Ашраб?

– Себя найти, – усмехнулась она и, перекинув пышную светлую косу через плечо, наконец-то уселась напротив него, ловко подогнув ноги. – Человеком почувствовать... Сколько лет я молчала и кланялась? Хорошо ещё, что старый лекарь ко мне питал слабость, всё же я первой ему в руки попала... А не то продали б меня дальше, как поступали с другими. И всё же я б тому лекарю сама бы, своими руками бы шею свернула, если б могла. И остальным, кто к нему в мастерскую заглядывал – я каждого из них помню и всегда узнаю, даже под семью покрывалами. Купцов; дельцов; писцов из конклава, которые должны были блюсти закон, но первыми же его и нарушали... Что же до моих сил, то не беспокойся: я свой предел знаю и в бой лезть не стану. Для защиты довольно будет и простого ножа, если

морт-оружия мне не достанется, а пользу я и так приносить смогу: ужин приготовить, раны перевязать или детей сказкой в пути развлечь не только киморт может.

– И то верно. – Алар недолго помедлил, прежде чем кивнуть. Желания и устремления этой женщины он понимал хорошо, как и боль, что её терзала; и, что уж таить, надеялся, что в битве силы к ней вернутся быстрее. – Что ж, я возражать не стану. Но попрошу пока не говорить никому о том, что мы идём в Ашраб, на помощь храму. И вот ещё... Я не настаиваю, и всё же. Имя своё ты так и не назовёшь?

У неё вырвался короткий вздох; взгляд потемнел – глаза, которые только что были как первая листва на просвет, стали как болотистая вода.

– Я его не знаю, – тихо ответила северянка. – Настоящего. Только детское прозвище... Киморты ведь ничего не забывают, так? Но меня, видно, слишком долго травили дурманом. Я не помню о себе ничего – ни откуда я родом, ни как сюда попала. Эти годы тоже как в тумане – и к добру, думаю... Помню только, как чья-то рука мне рот зажимала, и всё плыло, а мать кричала: «Илка, Илка, выйди!» Ну, если нужно как-то звать, то так и зови. Мне-то что.

Она поднялась и пошла прочь – быстро, легко и почти неслышно.

Алар пригубил из пиалы остывший чай; на языке стало горько.

Солнце опустилось за край земли.

В следующие два дня он успел переговорить со всеми бывшими пленниками – взрослыми, конечно. Точней, попытался. Старший из двух спасённых мужчин, сероглазый шимри с волосами, остриженными по плечи, по-прежнему не разговаривал ни с кем и проводил дни, глядя в одну точку. Жрец Ветра Дождей, присматривавший за ним, впрочем, утверждал, что дела идут на лад: мол, его подопечный сам уже принимает пищу, откликается, когда к нему обращаются, а вечерами ходит наблюдать за тем, как город погружается во тьму.

Вот только к морт он не обращался совсем, хотя силы к нему уже начали возвращаться.

– Он оправится, – улыбался жрец, с виду юнец совсем, черноглазый, бритоголовый, с кожей чёрной, как смола. – Ему просто нужно некоторое время наедине с собой. Он не отказывается от

лекарств и принимает нашу заботу, а ещё в нём живо любопытство... Значит, он исцелится.

Сейчас, при взгляде на бледное лицо, застывшее, точно маска, в это верилось с трудом; однако жрецы разбирались в излечении ран – и тела, и духа – гораздо лучше, чем даже многие киморты, Алар доверился храму. Что же касалось освобождённых пленниц, то одна из них, совсем юная северянка лет семнадцати, едва не погибла от побоев: как выяснилось, она была устойчивей прочих к дурману и сумела вернуть себе силы, когда никто этого не ожидал – и убила тогда в ярости с полдюжины купцов, которые приехали взглянуть на свежий «товар». Верно, и сбежала бы тогда... если б не сообщница Дуэсы, которая оглушила бунтарку, а потом лично отходила кнудом.

– И хорошо, что она избила, – криво усмехнулась девица, когда Алар её навестил. Лицо у неё опухло настолько, что губы едва шевелились, а один глаз не открывался. – Зато на меня, полумёртвую, никто и не польстился... Гляди, эстра! – вдруг позвала она ослабевшим от радости голосом. – Гляди, морт меня снова слушается!

– Вижу, – улыбнулся Алар, глядя на то, как бледно-голубые потоки закручиваются вокруг искалеченного тела. – Не перетруждай себя, больше полагайся на жрецов. Хорошо?

Девица кивнула растерянно, как зачарованная – и поморщилась от боли.

Третья из спасённых пленниц, невысокая, с коротко остриженными рыжеватыми волосами, была чуть постарше. Северянка-полукровка, она воспитывалась в Ишмирате, правда, не в Шимре, а в Аримме. Два года назад с позволения учителя она направилась в Орм, навестить родичей, и у озера Арирамар остановилась переночевать... а очнулась уже в пустыне, одурманенная. За минувшее время она сменила нескольких хозяев, умудрившись половину из них убить, и трижды бежала. В последний раз её перехватила сама Дуэса – и лично занялась «перевоспитанием».

– Я ей чуть глаз не выбила, – рассмеялась полукровка хрипло, качнув клокастой головой. И подняла руку, на которой не хватало указательного пальца. – Ей-ей, даже не жалко, что вот этого вот лишилась, оно того стоило... А правда, что ты ей зад надрал?

– Правда, – не стал отпираться Алар. Но всё же уточнил, справедливости ради: – Однако убить не сумел. Сейчас собираюсь в

Ашраб, надрать зад её союзникам... Хочешь с нами?

– Хочу, – не стала отпираться она. И вздохнула. – Но не пойду. Я здесь нужнее: ко мне-то силы уже вернулись, да и голова ясная, значит, именно я и должна об остальных позаботиться. Во-первых, подожду сперва, пока Чалла оправится... Ну, одноглазая красавица наша, – засмеялась она и резко оборвала себя. – Во-вторых, надо приглядеть за детьми. Как все окрепнут, найму дирижабль – жрица помочь обещала – и вернусь в Аримму, к учителю, а оттуда вместе с ним отправимся в цех. И пусть уже тогда эта Дуэса по всему свету от нас побегает, как гурн с подожжённым хвостом, – добавила полукровка, и лицо у неё стало злым.

Злым – и отчаянным.

Как она ни храбрилась, а всё же боялась – и не столько Дуэсу, сколько собственной беспомощности страшилась. Потому и хотела так страстно вернуться к наставнику поскорее – туда, где её в обиду не дадут... Алару и самому это казалось разумным, да и к тому же было спокойнее, что за спасёнными детьми и за мужчиной-шимри, повредившимся рассудком, присмотрит, кроме жрецов, ещё и киморт.

Из взрослых пленников оставался только Киар – и он, конечно, согласился направиться в Ашраб с готовностью, с радостью даже. Его всё сейчас радовало и доставляло ему удовольствие: и вновь обретенная свобода, и дневная жара, и ночная прохлада, и острая пища, и знаменитые кашимские сладости, и прогулки, и блаженное безделье... Он часами возился с Рейной, помогая ей в учении – и сам вспоминал утраченные навыки, упражняясь в чём-то простом. Так что на его помощь Алар не то что надеялся – рассчитывал даже; что же оказалось полнейшей неожиданностью, так это то, что Рейна приведёт к нему подружку-шимри и скажет, что она едет с ними.

Девочку четырнадцати лет звали Мэв; когда её забирали из оазиса с остальными пленниками, она почти не двигалась, совсем не говорила, отказывалась от еды и питья. Её и сейчас можно было принять за скелет, обтянутый кожей, но тёмные глаза смотрели ясно.

– Я пойду, – тихо сказала она, и морт вскипела вокруг неё, как бездымное золотое пламя. – Там есть человек... там есть человек по имени Радхаб. Мне надо его убить.

Алар не спрашивал зачем – и так ясно было. Только уточнил:

– А сможешь?

– Я помогу! – вмешалась Рейна вдруг, нахмурившись, и кулаки у неё сжались. – А если не сможем, ты, учитель, ну...

Он ответил не сразу. Подумал о том, что детям об играх надо мечтать, а не о кровавой мести; ещё подумал, что эта Мэв никого, конечно, убить не сможет, а если у неё и получится, то облегчения это не принесёт... А ещё подумал, что иногда достаточно получить ясную цель, чтобы невидимые раны стали затягиваться.

И потому кивнул:

– Разумеется. Потому мы туда и идём. Но заниматься в пути придётся усердно, вы понимаете ведь?

Черноглазая Мэв яростно кивнула. А потом, когда вышла уже из комнаты, в храмовой галерее вдруг беззвучно расплакалась; Рейна, которая была младше на два года, но уже немного выше, обняла её, прижимая кудлатую голову к своему плечу и бережно прочёсывая пальцами спутанные тёмные волосы... тёмные волосы с проседью на висках.

Алар так же тихо, как выглянул наружу, вернулся в свои покои. Осушил пиалу чая; досчитал мысленно до полутысячи... Но желание убивать никуда не подевалось.

Да и не хотел он, сказать по правде, с ним бороться.

Жрица не подвела – и нашла-таки двух достойных доверия капитанов, которые согласились предоставить дирижабли. Правда, лететь до самого Ашраба они отказались. И немудрено: битва там кипела не один день, обе стороны ожесточились, и подозрительный дирижабль в небе наверняка попытались бы сбить – не одни, так другие. Но примерно в трёх-четырёх днях пути от города был небольшой оазис, который обычно использовали контрабандисты... Вот там-то и уговорились приземлиться, а дальше ехать уже на тхаргах.

– Есть несколько отрядов всадников-арафи, верных прежнему конклаву и лично Вещей Госпоже, – сообщила жрица. – Они встретят вас там и предоставят тхаргов.

– А если нет? – спросил Ачир, как показалось, с вызовом.

– А если нет – значит, уже слишком поздно.

Жрица произнесла это так, что дальше уточнять расхотелось.

Отправляться решили на следующий же день. Ачиру не хотелось уходить, оставляя Кашим практически без защиты, но выхода не было: он хорошо понимал, что, разделившись с Унной, придут за ним. Потому в городе он оставил лишь двоих воинов с морт-мечами, а остальные пошли с ним – как и сотня с лишним бойцов с обычным оружием; их едва удалось разместить в двух дирижаблях.

– Если я их потеряю, то и Кашим потеряю тоже, – пробормотал Ачир, наблюдая за тем, как его люди поднимаются на борт.

– А если здесь отсидишься, думаешь, что уцелеешь? – спросил Алар. Он тоже ощущал беспокойство, но виду не показывал – не сейчас, когда именно в нём-то опоры и искали. – Лучше соединить силы против общего врага, чем ждать, пока он вас по одному перебьёт.

Ачир только отмахнулся:

– Знаю и без тебя. Лучше б чего приятного сказал...

– А вот и скажу, – усмехнулся Алар. – Тебе жрица предрекла долгую жизнь и мудрое правление. И раз так, то изволь исполнять предсказание.

Он хлопнул южанина по плечу и направился к своему дирижаблю.

– Эй! – донеслось вслед. – А раньше отчего не сказал? А... она правда это предсказала?

Голос у Ачира в тот миг звучал совсем юно, по-мальчишечьи.

Правда, вскоре шутить и веселиться расхотелось.

Алар и раньше знал, что на борту дирижабля придётся потесниться, но не представлял насколько. На семерых им выделили одну каюту, и когда они устраивались ночевать в первый раз, то еле-еле все поместились. Узкую подвесную кровать заняли девочки, Рейна и Мэв; прямо под ней спала Тайра. У стены напротив входа вытянулся Дёран в обнимку с семистрункой. У другой стены легла северянка, пояснив смущённо:

– Мне бы в уголке приткнуться, чтоб во сне никого не зашибить ненароком.

То, что она и без морт способна тхарга остановить на бегу, знали уже, кажется, все, а потому возражать никто не стал. Алар с Киаром устроились в середине каюты, спиной к спине... Впрочем, они редко спали одновременно: обычно кто-то один дремал вполглаза, отслеживая колебания морт, чтобы вовремя заметить дурманящий дым или нападение.

Но если ночевать в тесноте ещё можно было, то дни превращались в сущее мучение.

Воздуховоды на дирижабле плохо работали – и немудрено, при таком-то количестве пассажиров. Прочищать и разгонять их приходилось дважды в день, вручную: встроенные мирцитовые капсулы с нагрузкой не справлялись. На любой высоте было душно и жарко; в единственной уборной на нижнем ярусе постоянно кто-то сидел, и в переполненных каютах быстро появились, точно из ниоткуда, разнообразные ёмкости, приспособленные под ночные вазы. Запах порой стоял такой, что Алар готов был сам, лично пройтись и вычистить морт все горшки, лишь бы вдохнуть наконец полной грудью... Однажды он проснулся посреди ночи от тихого перебора семиструнки и увидел, как Дёран с остервенелым выражением лица наигрывает на инструменте, и после этого вони на дирижабле изрядно поубавилось – везде, а не только в их каюте, где с очищением воздуха худо-бедно справлялась даже Рейна.

Она, к слову, делала большие успехи и занималась втрое усерднее, чем прежде – во многом потому, что явно хотела произвести впечатление на новую подружку. Вопросы становились всё заковыристее, и отвечать на них, не прибегая к помощи спутника, было сложнее и сложнее... Однажды она спросила, глядя на свою руку, отчего морт не может проникнуть к ней под кожу или смешаться с кровью, а с обычным человеком такое получается проделать без труда.

– Потому что ты и так заполнена морт до предела, только своей собственной, – объяснил Алар, быстро обратившись к спутнику. Знания не лежали в области запретных, но отчего-то появилось вдруг тревожное чувство. – Киморты рождаются такими – мы поровну состоим из морт и из смертной плоти, и потому не старимся, почти не болеем, а наши раны заживают чуть быстрее, чем у простых людей... В особенных случаях, когда вовне морт отчего-то нет, а положение смертельно опасное, киморту иногда удаётся использовать часть морт из своего тела. Те, кто вынужден был это сделать и выжил, описывают эту морт как поток ярчайшего золотого света, незримый для всех остальных. Но за отчаянный шаг и расплата великая: у киморта, который решится на такое, может повредиться рассудок, память, а тело неминуемо иссохнет... – Алар осёкся, осознав вдруг, что всё это напоминает ему кое-что.

«Спутник. Звезда, которую видит только эстра... киморт, лишённый памяти и прежней силы».

– Учитель? – жалобно спросила Рейна, когда молчание затянулось.

– Всё в порядке, – улыбнулся он. – Я отвлёкся из-за духоты. Покажи-ка лучше мне свою чудо-верёвку. Говорят, ты сумела сделать так, что она теперь сама за тобой летает, и не надо её привязывать к поясу?

– Да! Вот...

Разговор ушёл в сторону, а мысль о спутнике так и засела в голове. Алар чувствовал, что на шаг приблизился к разгадке тайны, но сколько ещё нужно сделать этих шагов, он не знал – и боялся, как бы не оказалось вдруг слишком поздно.

Ведь Ашраб, Город Ста Чудес, становился ближе с каждым днём – как и грядущие битвы.

– Не спится? – свистящим шёпотом спросила Тайра в одну из ночей, когда он лежал навзничь, невидящим взглядом упираясь в потолок. – Тревожишься, что ли?

До прибытия в оазис оставались считанные дни; на сердце у Алара и впрямь было беспокойно, но признаваться в этом он не собирался.

– Нет.

– А я тревожусь, – ответила Тайра, белозубо улыбнувшись в темноте. – Так что дай-ка мне руку, а то не засну никак, – и, не дожидаясь разрешения, нашарила его ладонь и крепко сжала, а после и вовсе аккуратно перекатилась под бок и уткнулась в плечо лбом.

Жаром от неё тянуло, как от раскалённой печки.

«Не засну, – подумал Алар, ощущая близко-близко биение чужого сердца. Если прежде было тревожно, то нынче стало маетно; в груди зарождалось томление и спускалось куда-то вниз живота, и даже пошевелиться было страшно. – Теперь-то уж точно».

Но уснул даже прежде, чем сама Тайра, кажется.

Оазис, на который указала жрица, было нелегко разыскать с земли – без кимортов, по крайней мере: он скрывался за протяжённой полосой бродячих дюн, грозящих неминуемой гибелью каждому, кто ступал на подвижные пески. Второй линией защиты от любопытных путников стали древние стены, закручивавшиеся спиралью в два неполных оборота. В центре располагались три источника в тени

пальм с широкими резными листьями и высилась причальная мачта, в которую, говорят, ранней весной, в краткий сезон дождей били яростные молнии. Чуть поодаль, у полуобрушенных стен стояли широкие, добротные навесы – исключительно для того, чтоб сделать удобнее краткие встречи контрабандистов... Встречи, но не ночлег: здесь никогда никто не жил – и конклав на удивление не знал об этом месте.

Зато знал храм.

– Говорят, что сто лет назад здесь воды не было, – сообщил капитан, рассказывая об оазисе. – Но однажды некий караван, который вёз товары в обход правил конклава, оказал гостеприимство одному жрецу-бродяге, у которого всего-то добра и было, что рваная накидка и старая флейта... И вот, чтоб отплатить за доброту, жрец указал на эти развалины. Когда он трижды обошёл их по кругу, играя на флейте, в старых колодцах появилась вода. А чтоб она не иссякала, жрец посоветовал купцам всякий раз кидать на дно колодца серебряную монету.

На этом месте Дёран не то раскашлялся, не то попытался кашлем скрыть смех, но что его так развеселило, не объяснил.

Алар же, хотя внешне и сохранял присутствие духа, приземления ждал с беспокойством. Но вскоре тревога его рассеялась: с большой высоты издали были видны костры – и сигнальные огни.

– Свои, – уверенно кивнул капитан и довольно огладил бороду. – Нас ждут.

И дирижабль пошёл на снижение.

Всадники-арафи, верные храму, исполнили обещание и привели тхаргов – белых, мощных, с яркими синими гребнями, а ещё несколько самоходных повозок, причём не купеческих, тяжёлых и медлительных, а стремительных и лёгких, вроде той, на которой раскатывал по Кашиму сам Ачир.

Но то были единственные хорошие новости.

Вещей Госпоже, Унне, отчаянно не хватало людей – а ещё больше морт-мечей. За минувшие дни их оттеснили в храм, который теперь осаждало целое войско. Стены, возведённые кимортами древности, покуда держались, не поддаваясь никаким атакам, но вечно это длиться не могло.

– А ещё подлый Радхаб – да будут дни его долгими, как дожди в пустыне, и счастливыми, как жизнь в чумном городе – разыскал по Ашрабу союзников храма, пленил их и пообещал казнить каждый день по одному, пока Вещая Госпожа не сдастся. – Старый всадник-арафи, чёрный, как уголь, и сморщенный, как высохшая ригма, сплюнул на песок и скривился. – Никого не жалеет – ни юных дев, ни младенцев. Уже девять человек предал он лютой смерти! А как истечёт срок на раздумья, так он и остальных казнит... и подходит этот срок ровно через два дня, на рассвете.

– Значит, поспешим, – коротко ответил Алар, подставляя лицо ночному ветру и прикрывая на мгновение глаза.

Воздух пустыни после долгих-долгих дней, проведённых в тесноте на дирижабле, казался почти сладким.

– И что же ты думаешь, о белый странник? – Старик-арафи пожевал губу в сомнении, точно пытаюсь найти нужные слова. – Сумеешь ли пленников спасти? И Радхаба-нечестивца одолеть?

Ответить Алар не успел.

Мэв, которая до того стояла смиренно, тихо, прячась у Рейны за плечом, вдруг вспыхнула свечой – это морт, облекающая её, взвилась, точно пламя – и резко вытянула руку вперёд. Раздался звук, точно от удара тараном – и часть древней стены в три человеческих роста вдруг рассыпалась на мелкие, не больше детского кулака, неровные камешки. Мэв согнулась, тяжело дыша, опустошённая вспышкой ярости, а старик-арафи покачал головой в белой чалме:

– Сильно, сильно, простите уж, что сомневался... А вернуть назад всё кто-нибудь сможет? Уж больно удобно было у той стены тхаргов привязывать...

– Я верну, – улыбнулся Алар. И, обменявшись взглядами с Ачиром – мол, всё ли делаем, как решили? – продолжил: – С час отдохнём, потом будем выдвигаться... Ах, да, Рейна, Мэв – наберите-ка пока по чашке песка и перекрасьте песчинки по одной в самый любимый цвет: киморт должен полагаться не на сырую силу, а на отточенность и ясность своих стремлений.

«А заодно, – подумал он, – успокойтесь обе. И не разломаете ничего, покуда мы собираемся в путь».

...Через час, когда надо было выезжать, песок в чашке у Рейны оказался нежно-голубым, как весеннее небо над горами Лоргинариума.

А у Мэв – чёрным.

Целую ночь и большую часть следующего дня они проехали без отдыха; затем тхарги утомились, и пришлось остановиться. Следующий же привал устроили в нескольких часах пути от Ашраба. Киар, почти уже полностью освоившийся с возвращёнными силами, возвёл из песка несколько больших шатров и охладил в них воздух... Конечно, небольшого перерыва вряд ли бы хватило, чтобы отдохнуть, но врываться в город, не отдышавшись даже, после долгой и изнурительной дороги, было бы совсем неразумно.

– Других отсыпаться гонишь, а сам-то что? – спросила Тайра негромко. – Тс-с, сиди-сиди, куда ты подрываешься... Рейну-то с подружкой я спать насилу уложила, они всё рвались пользу приносить и добро причинять. Гляжу, и ты такой же?

Недавно миновала полночь; до рассвета было ещё долго, однако небо на востоке начало уже немного светлеть, а чернильно-чёрная темнота посерела, поредела, точно её развели водой. Сменился ветер. Тайра, окончательно сменившая вдовьи пустынные одежды на обычный чёрно-синий наряд кьярчи, стояла, скрестив руки на груди, и глядела в сторону Ашраба – россыпи перемигивающихся огней во мраке.

Огней и дымов.

– А сама-то? – улыбнулся Алар, сдвигая окулюс вверх, на макушку, чтоб он удерживал волосы по обе стороны от лица, как обруч. – Чего не прилегла отдохнуть?

– Да что-то не спится...

Помявшись, она села рядом, подгибая ноги под себя. Повеяло сухими травами – горькими стебельками, сладкими цветами, чем-то острым, щекочущим, как взвар, который делала вайна; странный запах, приятный, но совершенно чуждый для пустыни. От гибкого тела исходил жар, живой и волнующий; в сумраке очертания профиля казались нечёткими.

Алар сглотнул и перевёл взгляд на тревожно мерцающие огни Города Ста Чудес.

– Я сообразить пытаюсь, с какой стороны лучше войти в Ашраб и где может ждать засада, – произнёс он, чтоб заполнить неудобную, вязкую тишину. Лагерь спал: и люди Ачира, и всадники-арафи, и даже

часовой, которого Алар с четверть часа назад отправил отдыхать. – Отсюда много не разглядишь, окулюс слишком слабый... Но хоть видно, где расположились воины, вооружённые морт-клинками. И киморты. – Он поморщился. – Один киморт сейчас в храме, если я понял верно; думаю, что это союзник жрицы Унны. Ещё один у северной стены, но его почти не видно: либо он болен, либо одурманен, либо скрывается. И шестеро собрались в одном месте, неподалёку от храма; морт у них неровная, мерцающая – думаю, это рабы Радхаба... В город, скорее всего, мы войдём беспрепятственно, а вот дальше будет сложнее.

Тайра выслушала его молча и кивнула – еле заметно, словно даже на такое простое движение сил не хватало.

– Мы пройдем прямо через ворота, только укроем отряд миражом... или стражу одурманим, по обстоятельствам, – продолжил он, вспомнив, как Дёран утром рассказывал, какими уловками пользовался, чтоб морочить головы дружинникам лорги. – Главное – успеть до рассвета и не дать ни Радхабу казнить пленников, ни Вещей Госпоже – выйти к нему и подставить шею под удар... Ты слушаешь?

– Нет, – честно ответила Тайра. Поёрзала на месте, затем сказала очень тихо: – Ты просил дать тебе время на раздумья. Но я ведь не слепая. Да и не дура тоже... Ты сейчас ни на одну женщину не смотришь, как на меня, а целовал-то... Так не целуют те, кто сомневается. И, может, я с мужчиной постель и не делила, зато и роды уже не раз принимала, и на ножах до смерти дралась. Жизнь я знаю. Я не высокоумная неженка, которая свою невинность единственным достоинством почитает, если что не сложится, горевать, не буду, но ты... ты один такой, кому я отдаться хочу, и верить всему, что ты говоришь, и рядом быть. С самого первого дня... Ты такой один, – повторила она и вовсе еле слышно.

Дышать отчего-то стало тяжело.

– Тайра... – у него сел голос.

– Не тайрай мне тут, – отозвалась она ворчливо. И глянула в упор. – Так что же? Я тебя люблю, да и ты ко мне тянешься. Ты не трус; попусту не сомневаешься никогда, не колеблешься... Чего кругами-то ходить?

Его кинуло в жар; было правильное время, чтоб повернуться словно невзначай, приобнять, привлечь к себе, поцеловать в угол рта, в

шею... Но злая, колючая звезда спутника висела над плечом – вечное напоминание о том, как всё может рухнуть в одно мгновение.

Перемениться.

– Если я верну себе память, то всё может стать иначе, – сказал он честно и горько. – И я буду совсем другим; не знаю, что стану чувствовать и как поступлю. Может так статься, что причиню тебе боль, и...

А Тайра рассмеялась вдруг – хрипло, прерывисто, потряхивая головой, точно воду из ушей пыталась выбить.

– Ну и дурной ты, эстра... Алар, – позвала она нежно, и он вздрогнул, словно ему горячими пальцами провели по спине. – А говоришь, что ваше племя не забывает ничего. Когда ты с той злющей бабой дрался, ты ведь себя уже вернул, да? Пусть бы и ненадолго?

У него горло перехватило.

– Да.

Тайра подняла на него взгляд; в тёмных глазах отражались далёкие огни – не то звёзды, не то пожары Ашраба.

– Так вот, когда это было, ты на меня посмотрел, дурень. И улыбнулся – вот так.

Она улыбнулась, светло и спокойно – как простым попутчикам не улыбаются; так, что сердце пропустило удар – а в следующее мгновение Алар уже целовал её, прижимая к остывшему за ночь песку, и это было очень, очень хорошо. Морт стекалась со всех сторон – как дождь, как ручьи, как полноводные реки; изменчивая и послушная его воле, она мягко касалась Тайры – сразу везде, как множество невидимых ладоней, и ласкала, и проникала внутрь, распаляя жар. Шнуровка на рубахе ослабла – и у него, и неё тоже...

...а потом Тайра вдруг упёрлась ему руками в грудь – и оттолкнула.

Он отстранился медленно и недоверчиво, ощущая себя пьяным:

– Что... такое?

Язык слушался с трудом. А Тайра – разрумившаяся, пышущая жаром, жаждущая – расхохоталась и стукнула его кулаком по плечу:

– Моя очередь тебя терзать, слышишь? – усталилась она на него широко распахнутыми глазами, тяжело дыша. – Ты, того... победи там всех – тогда отдамся. Ишь, сильномогучий эстра!

И, рассмеявшись снова, вывернулась из объятий – и убежала.

Алар выпрямился и сел – с изрядным трудом; потом усмехнулся.

– Да, так меня, кажется, ещё не отвергали, – пробормотал он. – Даже, пожалуй, и в прошлой жизни.

Лагерь должен был пробудиться через час; значит, оставалось время, чтобы решить известное затруднение – то, с которым хоть киморты, хоть эстры, хоть простые люди справляются одинаково.

Пусть за время остановки Алар единственный из всех не сомкнул глаз, чувствовал он себя бодро – отоспался накануне днём в повозке. Маленькое войско быстро несло к Ашрабу; когда городские ворота стали различимы, то ночная мгла обернулась уже предрассветными сумерками, зыбкими и зябкими. Радхаб то ли не ждал нападения извне после стольких дней противостояния с храмом, то ли чересчур полагался на единственного воина с морт-мечом, охранявшего въезд... Но, так или иначе, за крепостные стены они проникли без труда.

Ещё на подходах к городу Дёран принялся наигрывать на семиструнке странную мелодию, переменчивую, тоскливую и яростную; вскоре на горизонте показалось красное облако, за ним другое – и с трёх сторон надвинулись злые вихри садхама. Вот только странный это был садхам: он обтекал всадников и повозки, не касаясь их, но словно бы укрывая сверху и с боков. Резко стало темнее; свет давали теперь только яркие сферы, парящие в воздухе, которые создал Киар.

– Ну ты даёшь, бродяга, – одобрительно присвистнул Ачир, нарочно замедлившись, чтоб сравняться с повозкой, на которой ехал Алар. – Если б я раньше садхама вблизи не видел, то решил бы, что он настоящий. А как гудит-то, как воет! – одобрительно кивнул он – и ускакал прочь.

Алар прикусил губу, чтоб не рассмеяться. Он-то прекрасно видел юрких крылатых ящерок, которые шныряли вокруг Дёрана, счастливо попискивая – а ещё лучше видел, как Дёран погрозил ему пальцем: мол, помалкивай-ка.

Так, под прикрытием трёх садхамов, они вошли в город; немногочисленная стража при приближении вихрей благоразумно спряталась, но вихри остались бушевать близ врат, а всадники и повозки двинулись дальше. Город, измотанный короткой, но яростной войной, точно обезлюдел. На пути им несколько раз встречались люди

Радхаба, но больше поодиночке, и справиться с ними оказалось несложно. Однако чем ближе к храму, тем более плотным и тяжёлым становился сам воздух. Дёран прошёл вперёд первым, затем вернулся и сообщил, как располагаются войска Радхаба, где стоят киморты-рабы, где – пленники... Ачир с его людьми, согласно плану, должны были зайти с тыла и ударить, когда Алар подаст знак. Самого же Алара прикрывал Киар – его потряхивало от беспокойства, но он старался держаться смело – и Рейна, страшно гордая таким важным поручением.

А всех их вместе прикрывал Дёран, на которого, сказать по правде, только и была надежда.

– Как взглянешь на площадь, постарайся не рубить сгоряча, – шепнул он, остановив на секунду Алара. – Там... Впрочем, сам увидишь.

Сперва Алар не понял, о чём тот говорит; он, конечно, ощущал там, за домами, скопления морт – кимортов-рабов, но полагал, что готов к этому.

К чему он был не готов, так это к тому, что те рабы окажутся слишком, слишком юными.

«Дети», – пронеслось в голове, опустевшей разом.

...четыре девчонки-северянки, немногим старше Мэв – такие же истощённые, коротко остриженные; кое-кто с клеймами на лицах или с давними увечьями. Двое мальчишек, которые могли бы приходиться друг другу братьями, рыжие, голенастые... измождённые и потерянные. Морт клубилась вокруг них; их мучитель был рядом, где-то здесь – но они не смели обращать свою силу против него и с яростью смотрели вперёд, на храм, возвышающийся величественной громадой.

И – на людей, заполнивших площадь перед ним.

Полторы сотни, может, больше; коленопреклонённые, связанные; мужчины, женщины, совсем маленькие дети... Алар увидел даже младенца, настолько ослабевшего, что даже не плачущего уже: он лежал ничком на брусчатке, и лишь слабые колебания морт вокруг указывали на то, что в нём теплится жизнь. Вровень по числу пленников было и палачей – воинов с мечами, вынутыми из ножен.

Восток уже побелел; до срока, отведённого жрице, оставались считанные мгновения.

– Шестеро, – пробормотал Киар, сжимая кулаки. Он неотрывно глядел на кимортов-рабов – и, кажется, видел в них себя, а потому боялся нанести удар даже больше, чем получить удар. – Мы... мы справимся?

Алару лишь мгновение понадобилось, чтобы решиться.

– Я пойду один. Это же дети, – произнёс он, смягчаясь. – Дети и калеки, не знающие своей силы... Может, с шестерыми сразу Алару не совладать, но пусть тогда потрудится Алаойш Та-ци. Так что придётся мне вернуть себя прежнего.

Зрачки у Киара расширились.

– Ты ведь эстра... Разве это возможно?

– Вот попробуем и поглядим, – усмехнулся он. – Пусть я себя самого и не помню, но не думаю, что раньше я отступался от цели, зная даже, что достичь её невозможно.

И – шагнул к площади, проводя лезвием по ладони.

Он сделал шаг, другой, третий; кровь текла сперва по мечу, опущенному вниз, затем – по воздетому вверх, и впитывалась в металл, как в сухой песок; звезда спутника угасла, утонув в этой крови – зато вспыхнуло солнце, показавшись над горизонтом, злое, яростное...

Справедливое.

«Да, – подумал Алаойш Та-ци, ступая на площадь. – Интересная задача. Как спеленать шестерых, чтоб они сами себе не навредили... Впрочем, есть один способ. Или два. А если хорошенько поразмыслить, так и с полдюжины».

Полторы сотни мечей взметнулись вверх... и рассыпались лепестками чийны, нежными, благоуханными.

– Казнь отменяется, – с улыбкой произнёс он. – И рабству тоже конец.

Киморты-рабы попытались сделать что-то, но они были как люди, которых никогда не учили говорить, вынужденные подражать впервые услышанной речи. Алаойш подумал, что мелочиться не стоит – и просто разом убрал от них всю морт, а затем часть вернул назад, заставляя изменить свойства воздуха и обращая его в сонный дурман. Шесть тел мягко осели на брусчатку – со взрослыми кимортами так бы не вышло, но этих детей никто ничему толком не обучал... Натаскивали их только, как собак.

А этого мало.

Не успели люди Радхаба опомниться, как с другой стороны, с тыла, стали появляться всадники на белых тхаргах – маленькое войско Ачира вступило в битву. Завязался неравный бой; даже с палачами, лишёнными оружия, врагов было по-прежнему втрое больше, и многие владели морт-мечами...

«Медлят», – подумал Алаойш, поглядывая на храм, и тут большие ворота распахнулись – и словно бы десятки теней выскользнули наружу... Десятки живых людей, подобных теням – и вооружённых всего лишь ножами с багряными рукоятями.

Солнце поднималось над городом, над битвой; Алаойш и был этим солнцем, и светом, и жаром, везде и одновременно нигде. Но важным ему казалось не сражение – до победы оставалось совсем немного; не освобождение заложников и даже не киморты-рабы, сейчас погружённые в глубокий сон.

– Тайра, – крикнул он, оборачиваясь, и увидел её, замершую настороженно, недоверчиво. – Ты... ты была права. Иди-ка сюда.

Она, как замороженная, сделала шаг, другой – а потом опроретью ринулась навстречу.

В глазах у неё был свет.

Солнце.

7. Вершины и пропасти

*Фогарта Сой-рон, на границе между Восточным и Южным
Лоргинариумом*

Просыпалась Фогарта с трудом: то выплывала из забытья, то погружалась обратно, точно пытаюсь выдраться из болота. Голова не болела, но была какой-то тяжёлой, мутной. Во рту стоял кислый привкус, как после изнурительной лихорадки, а ресницы слиплись, точно от слёз. Беспощадное солнце то с укоризной светило в глаза, то снова исчезало... Когда она очнулась окончательно, то было уже за полдень. Вчерашние огромные костры угасли, оставив выжженные чёрные пятна; пламя жило только в походных очагах – кольцах, выложенных камнями, где готовилась еда или варились лекарственные составы.

Лежала Фог на тёплом плаще у бревна, на котором они вчера сидели у огня, а ещё один зелёный плащ, попроще, был натянут на две склонённые рогатины так, чтоб прикрывать её от солнца. Неподалёку горел маленький костёр; рядом, на траве, стоял горшок, прикрытой крышкой, рядом лежал свёрток, а чуть дальше сидел, скрестив ноги на ишмиратский манер, молодой мужчина-кьярчи в ярких чёрно-синих одеждах.

«Тарри, – вспомнила Фог, приподнимаясь на локте и отчаянно зевая. – Его зовут Тарри-Трещотка».

Тот, словно подслушав её мысли, вскинул голову и широко улыбнулся.

– Проснулась? – подскочил он, ловко наполнил чашу вязким отваром, прихватил свёрток и присел на корточки рядом с Фог. – Как ты, голова не болит? Ух, ну ты и плясала вчера! А как небо-то подпалила, ух! Я такое уважаю. Если голова болит и горло сушит, то вот, выпей.

Она механически направила было морт к чаше, чтобы проверить состав отвара, а потом узнала запах – и улыбнулась:

– Вам учитель мой, что ли, подсказал рецепт?

– Алар-то? Он самый, – усмехнулся Тарри. – А ты-то откуда знаешь?

– Так я его с двенадцати лет варю, – рассеянно призналась Фогарта. – Для учителя. И такой состав, и другие разные, рецептов много. А то он иногда уйдёт с Дёраном-сказителем прогуляться, а возвращается только дня через три... Вот только я не думала, что этот отвар когда-то понадобится мне самой.

Стало грустно; вот только печалиться долго Тарри не дал и подтолкнул к ней чашу.

– Ты пей, пей. И вот, тут свежие лепёшки, сыр, травы пряные... Варенья хочешь? Есть и варенье, сладкое-сладкое, из спелых ягод, только вот до телеги сбегать надо.

Ей казалось, что аппетита не будет, но после нескольких глотков отвара она ощутила голод и с удовольствием съела несколько лепёшек и немного сыра. Вчерашний вечер постепенно оживал в памяти – и выходка Мирры, и пляски у костра... и откровения Сидше, от которых было очень, очень больно.

– А... – начала было она, и Тарри понимающе закивал.

– С тобой просидел твой капитан, до самого утра, поди. Видно, сон сторожил... И я тебе скажу кое-что, ясноглазая дева, и не сердись уж, если не в своё дело лезу, – продолжил он неожиданно, понизив голос. – Но ты его береги.

– Сидше? – удивилась она.

– Его, – вздохнул Тарри. Подумал, стащил кусок лепёшки из свёртка, макнул в отвар, прикусил, скривился. – Таких, как он, очень любит Аю-Насмешник; а за теми, кого любит, он следит ой как пристально – и знай себе им судьбу наизнанку выкручивает для пущей потехи. Уж я-то знаю; я сам из таких, но сизмальства понял, как беды избежать: всего-то и надо, что первому начудить, развеселить Аю-Насмешника. Но то я; а капитан-то твой – человек печальный и серьёзный, хоть по нему так сразу и не скажешь.

Фог стало зябко; она обхватила ладонями чашу с еле тёплым отваром и спросила тихо:

– Если и так, то что я против вашего весёлого бога сделать смогу?

– Да просто будь рядом, – подмигнул ей Тарри и закинул остатки лепёшки в рот. – Потому что, когда ты есть, ни на кого другого смотреть уже невозможно. Даже и Аю-Насмешнику.

После этого он резко переменял тему и проболтал о чём-то необременительном почти целый час, пока не явилась направленная Телором дружинница и не сообщила, что скоро-де будут выдвигаться. «Скоро» это изрядно растянулось: покуда отыскивали Кальва, прикорнувшего в кустах поодаль, покуда прибрали по обычаю погребальные костры, пересчитались между собой, выкликали по округе потерявшихся и заспавшихся, решили, кто за кем едет... Быстрее всего управились с делами люди Мирры – сноровисто, ловко, перебрасываясь едкими, безжалостными шутками и ненавязчиво помогая друг другу. Сам же наместник юга выглядел ещё более злым, чем обычно. Он стоял, скрестив руки на груди, и глядел на собственного гурна с такой ненавистью, что Фогарта на месте бедного животного давно бы дала дёру.

«Не протрезвел, что ли? – догадалась она вдруг, вспомнив слова Эсхейд о том, что пьяный Мирра от трезвого отличается только тем, что не может в седло влезть, не свалившись. – Или с похмелья... Может, помочь?»

Но пока она размышляла, не оскорбительным ли будет такое предложить, мимо стремительным шагом прошёл Телор. Почти прошёл, точнее, а затем скользнул по Мирре взглядом – и запнулся на ходу; приблизился к нему, ухватил по-отечески за ухо и повёл куда-то в сторону, с укоризной выговаривая вполголоса:

– Сколько раз тебе твердить: воин и правитель должен думать наперёд, радеть о своём теле и о духе, дурным страстям необдуманно не поддаваться...

– Так я подумал! – ответил Мирра голосом, исполненным достоинства, схлопотал немилосердный подзатыльник и был утащен в заросли, с глаз долой.

«Будет лечить похмелье, – поняла Фог. – И воспитывать. Причём подальше от дружины, чтоб Мирра мог сохранить лицо».

После этого она зауважала Телора ещё больше.

Ей самой не нужно было собираться: все вещи помещались в сундук и, собственно, там и лежали. Со скуки она обошла по кругу лагерь в поисках знакомых лиц; не нашла ни Сидше, ни людей из его команды, ни Сэрима... зато, к своему удивлению, наткнулась на Иаллама, который угрюмо сидел на склоне, подставив солнцу веснушчатый нос – и, очевидно, предавался невесёлым мыслям.

– Грустишь? – спросила она, осторожно присаживаясь рядом. – Привет.

Иаллам, судя по выражению лица, собирался возмутиться вслух, но передумал и вяло кивнул:

– Да и есть отчего...

Фог придвинулась чуть ближе, подтягивая колени к подбородку; по правде говоря, сидеть здесь, на припёке, пока лёгкий ветер ласково перебирал волосы на затылке, было очень хорошо – спешить никуда не хотелось, а вспоминать о трудностях и горестях, которые поджидали впереди, и тем более.

– А расскажи, – тихо попросила она. – Я никому тебя не выдам.

Иаллам посмотрел на неё и фыркнул:

– Смешная ты... Ладно, слушай. И гляди, – добавил он и, поколебавшись, вытащил откуда-то из рукава маленький, в две ладони величиной, изящный кинжал с багряной рукоятью. – Знаешь, что это такое?

Она сперва думала качнуть головой, а потом пригляделась – и ахнула:

– Ты что, жрец?

– И да, и нет, – просто ответил он и, убрав кинжал, уставился вдаль невидящим взором. – Я родился на севере, об этом я рассказывал уже; а о чём умолчал, так это о том, что успел побывать рабом. Нашу деревню разграбили хадары: после бунта нам запретили иметь оружие, куда там отбиться... Меня вместе с другими детьми и женщинами, кто посмазливей, продали купцу-южанину; тот кого-то перепродал, а кого-то оставил себе. Я же оказался в услужении у одного мужчины, богатого торговца. Как мне тогда показалось, старика, а теперь-то я понимаю, что ему лет сорок было, не больше... Года два я прожил безмятежно, усердно работал. Хозяин был добр, не доставал плётку почём зря, кормил и одевал рабов хорошо, усердным и смыслёным позволял учиться грамоте. Вот только, на свою беду, я не имел ни уродства, ни увечья – а ещё был рыжим и светлокожим, что на юге почитается за красоту... Когда мне вдруг перестали поручать обычную работу и отдали в обучение рабыне из гарема, я понял, к чему меня готовят, – усмехнулся Иаллам криво. – И сбежал.

По спине у Фогарты пробежал холодок, хотя солнце припекало изрядно. Она поёжилась и спросила:

– И как, успешно?

– Да не особенно, – вздохнул он и запрокинул голову к небу, щурясь; серые его глаза в тот момент казались очень светлыми, почти прозрачными, как вода в ручье. – Мне тогда было лет двенадцать, не больше; бегал я, конечно, быстро, но всё же медленней, чем стража, да и Ашраб совсем не знал. На моё счастье, в тот день в храме был праздник во славу Пяти Ветров, и длинная процессия растянулась на несколько улиц. Не надеясь уже оторваться от своих преследователей, я пробежал прямо сквозь неё – и на полном ходу врезался в высокую женщину с кожей чёрной, как оникс. И хочешь верь, а хочешь нет, но из потайных ножен у неё выскользнул кинжал и упал на брусчатку; я взглянул на него... а в следующий миг понял, что стою над телом своего хозяина, всюду кровь, а два воина, которые преследовали меня, также лежат в крови бездыханные. Думал, меня на месте казнят, но чёрная женщина крикнула, что явлено чудо и что Ветер Карающий избрал жреца, отметил его своим знаком. Кто-то пытался спорить, но куда там... Меня увели в храм, отмыли, переодели в чистое и сказали, что я больше не раб, а выберу я стезю жреца или нет – это мне надо позже решить. Той женщиной была Вещая Госпожа, Унна, жрица Ветра Карающего, – улыбнулся Иаллам, прикрывая глаза. – Именно ей я обязан жизнью... Ну, она-то говорит, что ни при чём, это всё Ветер.

Он умолк; Фог поёрзала немного на месте, представляя себе всё это: раскалённые улицы Ашраба, мальчишку-раба, измученного погоней, тяжесть кинжала в руке, тёплую кровь...

– И что ты решил?

– Ничего, – опустил он голову, словно признавая вину. – Так и этак тянул с ответом, а Вещая Госпожа и не настаивала. Я очень старался стать полезным, весь юг обошёл, был глазами и ушами храма, укреплял его влияние как мог, учил наречия, выводывал секреты, добывал тайные документы... Так меня и занесло в Дабур; там-то я и познакомился с тобой, – повернулся он к Фог и улыбнулся тепло. – Когда мы снова встретились в Ашрабе, Вещая Госпожа призвала меня к себе, отдала этот кинжал и велела слушать голос Ветра – и голос своего сердца. «Ты вернёшься туда, где родился, – сказала она. – И станешь той нитью, что свяжет храм и правителя севера». Её ведь не зря называют Вещей... Я тогда не понял, о чём речь, но теперь-то понимаю. Тут мой дом, – сказал Иаллам тихо. – Пока я не вернулся, то

и не знал даже, как сильно тосковал... И как сильно хочу, чтоб всё здесь стало по-правильному. Чтоб не было ни рабов, ни хадаров, ни распрей, ни усобиц. Но как подступиться-то? Жреческий кинжал мне тут не поможет: он прерывает те жизни, которые должно прервать, а не указывает путь. А я... я сам ошибаюсь слишком часто. Вот и вчера я натворил дел...

– И чего же ты натворил? – опасно сладким тоном спросили откуда-то из-за спины. Повернувшись, Фог увидела Мирру в полном облачении, с зелёным плащом на плечах. Судя по сердитому прищурю, настроение у наместника ничуть не исправилось, даже если похмелье Телор вылечил. – Ну-ка, ну-ка, расскажи, а я послушаю, – добавил он вкрадчиво, вынимая из ножен меч. – Может, я пока не правитель севера, но если хочешь остаться близ меня и хорошо послужить, то знай: уныния и трусости я не потерплю... Так что?

Иаллам вскочил на ноги, смертельно бледнея.

– Прости, я... – глянул диковато на Фог и осёкся.

– Ну, с ясноокой девой ты поговорил по душам, поговори же и со мной, – продолжил Мирра почти кротко, но прозвучало это угрожающе. – Давай-ка отойдём в сторону.

Он шагнул было, но Фог поймала его за рукав, сама не зная, что собирается сказать.

«Попросить за Иаллама? Потребовать, чтоб не ругал его и не обижал?»

Она хотела, но засомневалась, не оскорбится ли Иаллам, что его защищает дева, пусть и учёная-киморт... Тут Мирра поймал её взгляд – и заговорщически подмигнул.

«Да он веселится, – поняла она. – По-своему, точно... Ну, у всех разные способы прогонять печаль; может, это и на пользу будет».

Фог разжала пальцы; наместник, понукая Иаллама мечом, спустился с пригорка и скрылся из виду за деревьями.

– Да-а, – вырвалось у неё.

Что ещё сказать, она не представляла – да даже и о чём думать, а потому потопталась немного на склоне и пошла назад.

Сундук плыл за ней по воздуху, вальяжно покачиваясь; внутри бряцали склянки, шелестели свитки и тетради. Пахло розовым мылом, которое подарил Дёран – и самую малость южными песками.

...Когда Фог увидела Иаллама снова, перед самым отбытием, лицо у него было одухотворённое и задумчивое – и точно уж не несчастное. Мирра же светился довольством, как человек, который совершил правое, хоть и трудное дело; на гурна он взлетел одним прыжком и тут же ткнул его пятками в бока, подгоняя – только и хлопнул плащ на ветру.

Дорога к Бере, как они ни торопились, растянулась на несколько дней. Сперва пришлось покружить у Кимень-горы и убедиться, что подземных чудищ в окрестностях не осталось. Потом, аккуратно на переправе, хлынул дождь – и лил потом весь вечер, ночь и утро, пока земля не раскисла. О том, чтобы срезать путь через горные тропы, на время пришлось позабыть.

– Будем держаться западнее, – сказал вдруг Мирра, когда до Беры оставалось всего ничего.

– Разве это не крюк? – ответила Эсхейд; не возразила – удивилась, скорее.

– Нет, – нахмурился он. – Всё думаю насчёт того наёмника и его слов... Если войско из Свенна выступило в тот же день, когда нас атаковали у Кимень-горы, то сейчас его отделяет несколько переходов от Беры. Насколько я знаю Биргира, он поведёт своих людей вдоль границы, мимо Туманной долины, не переступая пределов Южного Лоргинариума так долго, как только сможет. И, значит, выйдет он аккуратно напротив...

– А если не выйдет? – перебил его Телор, не дав договорить. – Ведь вряд ли те, в серых плащах, успели отправить донесение о победе. Так что Биргир может и побояться ударить, если не будет точно уверен, что ты мёртв.

– Вот ты и проверь, – сощурился Мирра.

Фог думала, что Телор начнёт спорить, однако он молча начал собираться в дорогу, не дожидаясь даже утра. Уже у самого выхода из лагеря она поймала его и попросилась пойти с ним.

– На сундуке быстрее, – прибегла Фог к последнему аргументу, когда Телор один за другим отверг их все. – И... и я сильнее! А если там и правда войско? С морт-мечами?

Сказала – и прикусила язык, вспомнив, как болезненно Телор отнёсся к тому, что их сравнивали между собой – и не в его пользу. Но

он, к её удивлению, сердиться и огорчаться не стал, наоборот, усмехнулся, напомнив в этот момент учителя:

– Сила не всегда определяет, кто победит. И, кроме того, если там и впрямь войско, то важнее быть не сильным, а незаметным. Вот ты сумеешь навести морок на сотню людей разом?

– Я смогу! – запальчиво откликнулась Фог. – Ты только покажи как, я быстро учусь...

– А если среди врагов будет киморт? – продолжил Телор вкрадчиво. И, когда она опустила взгляд, задумавшись, покровительственно потрепал её по волосам. – То-то же. В управлении морт важнее не сила, а ясность стремления. Свои навыки я оттачивал не годами – десятилетиями даже; бродил незамеченным по городам и деревням, мог заглянуть к лорге на пир, есть с его блюда, пить из его кубка, а он и не замечал... Хотя удовольствия в том, поверь, никакого, – добавил он шутя. – Так что не торопись в бой. Среди врагов и впрямь могут быть киморты, взять хоть того старика в багряных одеждах... Что сделаешь, если столкнёшься с ним?

– Не знаю, – честно ответила она и наконец отпустила его рукав.

Мысли о поединке и раньше приходили ей в голову, но смутные, размытые – и пугающие, надо признаться.

– То-то же, – повторил Телор, на сей раз со вздохом. – Вот и подумай пока. Киморт против киморта идти не должен, это так; но, может статься, что придётся. И что тогда?

В лагерь Фог вернулась в замешательстве. Короткий разговор взволновал её до глубины души, точно это были не поучения, а пророчество; ночью сон не шёл, и представлялось всё время, как Ниаллан Хан-мар выступает вперёд на поле брани – и поле, и всё остальное виделось весьма смутно – и бросает ей вызов.

«И что тогда? – эхом звучали слова в голове. – И что тогда?»

Для ясного стремления необходима решимость, сомнениям места нет; а нет стремления – и морт рассеется.

...Телор вернулся к следующему вечеру с неутешительными вестями: наместник запада, Биргир, действительно шёл с войском на Беру. Приграничный гарнизон уже пал; столица готовилась к обороне, а среди людей ходили жуткие слухи, что-де наместника юга убил собственный брат, а значит, нет надежды – и быть большой войне.

– Я им покажу надежду, – сквозь зубы произнёс Мирра. – Я им покажу войну...

По спине у Фог пробежали мурашки.

«Вот уж кто не сомневается».

Времени на раздумья почти не оставалось; принимать решения приходилось быстро. Военный совет получился самый скорый – и самый, пожалуй, странный из всех, что описывали летописи. На нём присутствовали три наместника с доверенными командирами, Телор с учениками, Фогарта, Сидше, Сэрим... и, как ни странно, Тарри-Трещотка, которому доверили доставить в Беру сообщение для городского головы, Гаспера.

– О тебе и твоей сестре он когда-то мне сам рассказывал, значит, и сейчас вспомнит тебя быстро, – усмехнулся Мирра и, небрежно стянув кольцо-печатку, бросил её кьярчи. – Люди Биргита будут перехватывать гонцов, но до табора им дела нет. К тому же твой народ знает тайные тропы и умеет действовать хитростью, а сейчас это-то мне и нужно.

Печатку Тарри поймал – и взглянул на неё хмуро, с непривычным для него выражением.

– А не боишься, что я предаю тебя?

– Нет, – ответил Мирра спокойно.

И всё – не добавил ничего, не объяснил, будто одного слова довольно было. А Тарри помялся, помялся – да и надел кольцо, правда, гербом к ладони, чтоб он в глаза не бросался; позже, отправляясь уже в дорогу, пробормотал только неразборчиво, что-де неразумно предавать человека, которого не можешь ни перепить, ни переплясать – а уж будущего победителя-то тем более.

Ударить по людям наместника Биргира решили сразу, не дожидаясь подмоги из Беры. Перехватить его не полпути к столице, в долине между двумя горными хребтами – и взять в клещи растянутое по дороге войско.

– Нас, может, и меньше, но округу-то мы лучше знаем, – сказал Кальв, соглашаясь с планом. – Будь я на его месте, то ни в жизнь бы не сунулся бы сюда, – постучал он пальцем по карте.

Мирра сощурился:

– Он торопится. Вестей нет ни от его людей, ни от меня; ты тоже в Орм не вернулся. Эту долину можно преодолеть за два часа, а обходить

её – делать большой крюк... Если, конечно, в войске нет киморта.

– У него нет, – нехорошо улыбнулся Телор, обнажая мелкие, островатые зубы. – А у тебя есть.

– Зато у него есть морт-мечи, так что слишком-то уж полагаться на силу кимортов не стоит, – ворчливо заметил Сэрим. – У нас их три дюжины, а у него – пять сотен.

– Пять с половиной!

– Ну, тем более...

Как Фогарта ни настаивала, участвовать в бою ей запретили. Зато доверили другое важное дело: перенести часть отрядов в тыл вражескому войску, а затем издали сломать столько морт-мечей, сколько получится.

– Не торопись замарать руки кровью, – сказала ей Эсхейд, положив тяжёлую ладонь на плечо. – Может статься, и не по тебе это вовсе; но вблизи на битву и смерть посмотреть стоит – это любому полезно, у кого есть большая власть и сила.

– Ты учёная-киморт, а не воин, – добавил Сэрим. Вроде как похвалил, но слова прозвучали печально; он поморщился, точно вспомнил что-то некстати, и его юное нелепое лицо стало на мгновение тёмным и страшным. – Защитить себя ты, пожалуй, сумеешь, а вот первой напасть...

Фог хорошо знала, что он прав, но всё-таки не удержалась:

– Тоже сумею! Может, сейчас и не знаю как, но я быстро учусь!

– А ты не учишься, – непонятно ответил Сэрим. И добавил ещё загадочнее: – Может, тогда додумаешься, как без бойни и без крови войны заканчивать. Ты ведь учёная; тебе это сподручнее, чем нам.

И он был, конечно, прав.

За те считанные часы, которые оставались до битвы, Фогарта успела изобрести с дюжину способов обезоружить и остановить вражеское войско без кровопролития... Но вот беда, по всему выходило, что в одиночку ей не справиться. Морт могущественна, однако не всесильна. Сломать один меч за раз легко, десяток – сложнее уже, а сотню так почти невозможно, если только ты не трёхсотлетний киморт в расцвете сил.

«Будь у меня достаточно мирцита – вышло бы, пожалуй, – размышляла Фог лихорадочно. – Или нет. Будь у меня двадцать... нет, тридцать колб, я бы попробовала усыпить всё войско! Или можно

придумать, как обратить снотворное в пар... нет, сначала придумать такое снотворное, чтоб действовало быстро, но не вредило...»

Все рассуждения упирались только в одно: она могла представить, как справляется с полутысячным войском – или с тысячным даже.

«...а если их окажется больше?»

Даже у самого могущественного киморта был предел; а из этого следовало лишь одно.

– Если война слишком страшная и силы должны столкнуться слишком большие – значит, надо вовсе такой войны не допускать, – пробормотала Фог.

– Чего-чего? – с подозрением откликнулся Сэрим, который ехал следом, вместе с всадником-коротышкой на одном гурне; смотрелось это, учитывая, насколько сказитель был долговязым, презабавно.

– Ничего, – улыбнулась она.

Решение показалось ей верным, а потому успокоило.

«Да, – кивнула она самой себе. – Это в последний раз. Больше я такого не допущу».

...План был простой – да и не вышло бы ничего сложного придумать, а тем более осуществить за столь короткое время. Табор кьярчи вместе с Онор – для подстраховки – двинулся к Бере, за помощью. Терпеливый, спокойный Кальв вместе со своими людьми устроил засаду на выходе из долины, а Телор укрыл их мороком – таким, который даже сквозь окулюс не получилось бы разглядеть. Остальные всадники вместе с Миррой и Эсхейд зашли с тыла и готовились атаковать, как только последний воин из Свенна войдёт в долину. Отряд получился маленьким, но с ними шла Фогарта. За нею увязался Сэрим с садхамом за пазухой... а ещё Сидше.

Его она долго уговаривала остаться на дирижабле – но так и не убедила.

День начался светло, ярко, жарко; солнце, по-летнему беспощадное, быстро вскарабкалось на небосвод, а там словно бы зависло, искажённое и дрожащее из-за душного марева. Воздух казался влажным и липким, а запахи цветов, почвы и хвои ощущались с болезненной, ошеломляющей ясностью. Потом внезапно потемнело, и налетела короткая, яростная гроза – выбелила вспышками чёрное небо, исхлестала и заболотила землю потоками ливня, а затем

откатилась. Резко похолодало; над низинами сгустился туман и поплёр вверх, вверх, как тесто, набухающее в кадучке, и когда объединённые отряды приблизились к долине, то на расстоянии вытянутой руки было уже ничего не видеть.

Не препятствие для киморта, впрочем.

Сложней всего оказалось не проложить для всадников «тропу» над буреломом, расщелинами, опасными склонами и топкими участками, а приглушить фыркание гурнов и звяканье сбруи... Фогарте казалось, что звуки разносятся на чудовищное расстояние, хотя Мирра и заметил резонно, что войско наместника запада уж шума-то производит гораздо больше, а потому вряд ли кто-то что-то расслышит, особенно в такой густой, зябкой белой мгле.

– Далеко до Биргитова войска? – спросил он с деланой небрежностью, хотя напряжение сквозило в каждом его жесте, даже в прищуре.

– Вот уже идут, – указала Фог вниз, в долину, где змейкой вилась над вереницей всадников разреженная землисто-сизая морт. Затем сообразила, что обычному человеку ничего не видно, и полезла в сундук за окулюсом. Настроила его, передала наместнику: – Вон там вьётся. Можешь различить?

– Смутно, – откликнулся Мирра. Увиденное, однако, его удовлетворило, потому что он кивнул самому себе: – Скоро выступим. И, послушай, Фогарта, – произнёс он, чуть понизив голос. Глянул отчего-то на Сидше, стоявшего поодаль, и добавил с едва заметной улыбкой: – Дева ясноокая... Мой тебе совет, держись от битвы подальше. Настолько далеко, чтоб видеть её только сквозь туман – или через эту штуку. – И он отдал ей окулюс.

– Почему? – опешила она. – Думаешь, я не смогу себя защитить?

А он неожиданно протянул руку – и провёл ей по щеке; из-за перчатки прикосновение получилось грубым, царапающим; в нос ударил резковатый запах: что-то металлическое, животное, а под всем этим, еле заметно – медовые цветы.

Фог сглотнула.

– Ты сможешь, – ответил Мирра так же тихо. – Но позволь и другим тебя защищать, хорошо? Не тревожься. Пусть их впятеро больше, но моя дружина не зря считается лучшей в Лоргинариуме, а

люди Эсхейд... они в дозор к Белым горам ходят. Потом у тебя будут свои битвы; твоя битва – не здесь.

– Ты так говоришь, потому что ты воин? А я киморт-учёная?

– Я так говорю, потому что желаю тебе добра, – фыркнул он.

Развернулся резко – плащ красиво хлопнул, и сверкнули алые серьги-амулеты в ушах – и вернулся к своему гурну. Фог выбросила тревожные слова из головы, занятая подготовкой к сражению... и вспомнила уже потом, когда объединённые отряды Эсхейд и Мирры стремительно сорвались со склона – и врезались во вражеское войско.

Белое марево тумана переполнилось криками боли и гнева, лязгом, грохотом и скрежетом.

«Страшно», – пронеслось в голове.

Туман был как милосердный покров, как зыбкая вуаль на лице погибели; Фогарта чётко видела вспышки морт-мечей, различала их между собой так же ясно и легко, как опытная швея кончиками пальцев распознаёт разные швы, каждый стежок. Но всё остальное оставалось за пеленой, еле различимое – движения, порывы, отступления и атаки. Люди Мирры вроде бы теснили противника, пусть и оставались в меньшинстве: внезапное нападение давало им преимущество, да и к тому же всадники из дружины Биргира ещё в самом начале лишились часть морт-оружия... Но остальная колонна уже изгибалась неповоротливо, как едва отошедшая от спячки змея, собираясь взять противника в кольцо.

«Если у них получится, – размышляла Фог, холодея, – то Мирра окажется под ударом пятикратно... нет, десятикратно превосходящего врага».

Морт сгустилась вокруг неё, плотная и вязкая, как смола, готовая обрушиться сокрушительным ударом, но войско Биргира там, за туманом, передвигалось слишком быстро – до пяти-шести мечей за раз ещё удавалось дотянуться и сломать их, но остальные за это время перемещались, ускользали от атаки.

«Не успеваю, – подумала Фог. – Мне бы хотя бы на минуту... хотя бы на полминуты их остановить».

Подумала – и упёрлась взглядом в скалу.

Недавнее землетрясение не прошло бесследно и для здешних гор. В склонах появились трещины, разрывы, расколы, и было видно, что, если чуть-чуть подтолкнуть камни – они покатаются сами.

Не рассуждая более, она ударила морт, вгоняя её в щель, как клин. Скала с грохотом стронулась с места – и съехала на дорогу, ломая вековые деревья, как тростинки.

– Запрыгивайте ко мне! – крикнула Фог, взбираясь на сундук; Сидше последовал за ней, а Сэрим остался на месте. – Ты не идёшь?

– Нет, – качнул головой он, доставая флейту из-за пояса. – Будь осторожней и держись подальше от... куда?!

Но сундук уже спланировал вниз, к завалу, над которым даже пыль не успела осесть.

Войско Биргира и впрямь пришло в замешательство из-за камнепада, обрушившегося на дорогу. Искры мечей в тумане замерли, точно в нерешительности. Фогарта, сосредоточенно хмурясь, распределила морт вокруг себя, опутывая столько клинков, сколько только могла, тщательно вложила знакомое уже стремление...

Раздался скрежет – и крики.

– Получилось! – оглянулась она на Сидше, счастливая и немного пьяная от перенапряжения. – Полторы сотни разом... видел? – спросила она.

И осеклась, потому что тоже увидела.

Туман из-за яростной вспышки морт частично развеялся, частично распался на клочки, обнажая уродливую изнанку поля битвы. Мертвецы, не успевшие даже остыть; конвульсивно дёргающиеся конечности; размозжённые, растёртые каменными глыбами тела; пробитые головы, где в надломе виднелось что-то белёсое; обожжённые лица и руки – у тех, кому не повезло, и морт-мечи не просто сломались, а взорвались.

И ещё – витающий над всем густой запах крови, содержимого кишечника и чего-то горького... горелого.

«Это я натворила, – с пронзительной ясностью поняла Фогарта. – Я».

Её резко замутило; она бездумно увела сундук в сторону, врезалась в склон, свалилась, с трудом поднялась – и побежала, петляя, где-то среди деревьев; запиналась за корни, падала, вставала – и бежала снова, пока её не схватили, не подмяли под себя, и невесомый горячий шёпот опалил ушную раковину:

– Аше-аше, ну что же ты... Тише.

– Сидше, я... они там из-за меня...

– Тс-с.

Он крепко обнял её, одновременно прижимая к земле всем телом. Фог попыталась двинуться – и не смогла; испугалась на мгновение, попробовала было освободиться с помощью морт, но потом увидела как наяву своих мертвецов – и ослабела разом. Сердце стучало где-то в висках; слабость из тревожной, гнетущей обращалась в спокойную, а затем и просто в покой. Глазам стало мокро и горячо, дыхание перехватило – и она расплакалась, коротко и бурно.

– Я их убила, – глухо произнесла Фог в чужое плечо; шевельнулась снова, и на сей раз Сидше её отпустил, помог сесть и привлёк к себе уже нежно, невесом. – Это... Я... Ужасно.

– Это война, – ответил он мягко, будто не оправдывая её вовсе, но объясняя, как маленькому ребёнку. Чуть отстранился, заглядывая ей в лицо; его же собственное лицо оставалось непроницаемым – глаза как чёрное зеркало, бледная, чуть обветренная кожа, полуразомкнутые сухие губы. – Здесь убивают.

– Я не хочу.

– Ты и не должна хотеть.

...они оставались здесь, вдвоём, ещё некоторое время, но Фог с её безупречной памятью киморта не могла бы сказать, долго или нет. Звуки битвы были где-то очень далеко, приглушённые, как морской прибой. Затем звонко прогудел рог, и странное оцепенение наконец отпустило, схлынуло.

Фог прерывисто вздохнула – и открыла глаза.

Вокруг был тот же туман, но порядком поредевший; шум от сражения сдвинулся куда-то в сторону, и, судя по отблескам морт-мечей, Мирра и впрямь теснил врагов. Он был жив, как и Эсхейд, а что до остальных...

– Мне надо идти, – произнесла Фог тихо, но твёрдо. Лицо щипало от соли, голова немного кружилась, и к горлу подкатывала тошнота, однако слабость прошла, и в целом всё было хорошо. – Там... там раненые, наверное.

Уже спускаясь по склону вниз, к тому месту, где остался сундук, она заметила двух мертвецов с гербами Западного Лоргинариума на плащах – а ещё брызги крови у Сидше на одежде, но не спросила ни о чём. Подумала только:

«Так вот почему он не сразу меня догнал».

Мысль об этом почему-то вызвала стыд, как случается, если грязную, трудную и гадкую работу сбросить на кого-то ещё, а затем увидеть результат.

На поле битвы, как ни странно, стало легче, и мутная тяжесть в голове развеялась – наверное, потому что у Фог было много дел. Она просто шла вперёд и останавливалась у каждого человека, который нуждался в помощи, не обращая внимания на то, какой на нём плащ и гербы. Просто одних после лечения погружала в сон, а других нет; некоторые из раненых были ей знакомы и пытались заговоривать, но вскоре, не получая ответа, умолкали. Сидше безмолвной тенью следовал за ней, не пытаясь ни судить, ни утешать – просто оставался рядом.

Фог была ему очень благодарна.

Мирра перед битвой не солгал. Его отряд, даже объединившись с людьми Эсхейд и Кальва, насчитывал едва ли сотню человек, в то время как в войске Биргира было больше полтысячи мечей... однако оно оказалось разбито наголову. Несколько командиров вместе с самим заместником запада пытались бежать, но попались прямо в руки Телору. С тяжелоранеными Фог к тому времени уже закончила, а потому прервалась ненадолго и решила взглянуть на допрос.

– Тебе не на nepoтpeбcтвa cмoтpeть ceйчac нaдo, a пpилeчь бы дa oтдoxнyть, – вopчaл Сэpим. – Вoн, кaкaя блeднaя, aж пpoзpaчнaя... Хoть бы и в тoт же cундyк зaбpaтьcя нa чac-дpyгoй, eсли нeдocyг вoзвpaщaтьcя нa диpижaбль.

Ворчал, но всё же отговаривать не стал – и пошёл вместе с ней.

Говорить с Биргиром отправились братья-заместники, Эсхейд и несколько доверенных воинов; Телор задержался, чтоб подлатать Иаллама, который в битве заработал несколько сломанных рёбер и длинную резаную рану на бедре... и славу, как посмеивались дружинники из отряда Мирры, собравшиеся вокруг и не то подбадривающие его, не то насмехающиеся:

– Ну-ка, ну-ка, не морщись! Ты герой или кто?

– Может, тебе чарку вина поднести, чтоб полегчало?

– Как господина нашего собой заслонять – так себя не жалко, а как лечиться – так жалко?

Иаллам, впрочем, не жаловался и зубоскалил в ответ, хоть и побелел, как полотно, даже веснушки все выступили ярче; Фогарте он

издали махнул рукой – и тут же обернулся к кому-то, откликаясь на поддѣвку.

...наместник Биргир оказался полукровкой-южанином: смуглым, с раскосыми карими глазами, кругловатым лицом и аккуратной бородкой клинышком. Облаченный в серые и алые одежды, он держался спокойно, с достоинством, словно не в плен попал, а явился перемолвиться словом-другим с младшим приятелем, неразумным и капризным – и потому не терялся даже рядом со своими командирами, как на подбор плечистыми и рослыми. И буйными; особенно выделялся среди них один – настоящий великан, немногим ниже Кальва, со светлой лохматой головой и бледно-серыми, почти прозрачными глазами. Он непрестанно сквернословил, а завидев Мирру, на миг замолк... чтоб вновь разразиться бранью:

– Ублюдок пожаловал! – Он привстал, дѣргая за спиной руками, точно хотел разорвать связывающую их верѣвку. – Шлюхин сын и сам-то знатная шлюха, и в дружину набрал себе таких же шлюх! Всех, поди, перепробовал, ублю...

Договорить он не успел.

Мирра, не особенно меняясь в лице, обнажил морт-меч, коротко замахнулся... На лбу, на переносице, на щеке у здоровяка проступила багряная капля, тонкая-тонкая, как нить – а потом часть головы просто съехала в сторону, срезанная ровно-ровно. Массивное туловище покачнулось – и рухнуло наземь.

– Говорить можно только когда я спрашиваю, – тихо произнёс Мирра и сощурился. – Или кто-то хочет возразить?

Один из командиров Биргира, который приподнялся как раз, поспешно сел обратно и сторбился, явно пытаясь казаться меньше, а Эсхейд цокнула языком осуждающе, но к кому это осуждение относилось, было неясно. Фогарта посмотрела на распростёртое в грязи тело, ожидая, когда её замутит; впрочем, не дождалась, словно весь ужас и отвращение остались там, у обвалившихся скал... Зато появилась неожиданная мысль, такая удивительная, что она даже озвучила её вслух:

– Так вот отчего тебя считают свирепым и боятся!

Мирра с недоумением обернулся:

– Что?

– Я о твоём скверном нраве, – ответила Фог, одновременно радуясь и тому, что ей не стало в этот раз дурно, и тому, что она поняла кое-что новое. – Мне всегда казалось странным, что о добром человеке так говорят... Но теперь ясно: ты хоть и добрый, но безжалостный.

Мирру это, кажется, настолько поразило, что он даже позабыл соорудить сердитое лицо, как обыкновенно:

– Я-то добрый?

– Ну да, – уверенно кивнула Фог. Вспомнила раненую всадницу под наместничьим плащом у Кимень-горы, некрасивого трубача с красивыми песнями и шутливые перебранки с дружиной – и добавила уверенно: – Заботливый, внимательный, справедливый и чуткий. И ничего, что безжалостный, это хорошо даже! В человеке ведь, как и в морт, главное – стремление: какое стремление вложено, такой результат и выйдет, а ты... ты хорошего желаешь.

Биргир, стоявший на коленях, беззвучно рассмеялся – и продолжал смеяться, пока не схлопотал пинок под рёбра и не закашлялся. А Эсхейд качнула головой, улыбнувшись:

– Вот и я тебе о том же твержу, котёныш... наместник юга, – поправила она.

Мирра глянул на неё свирепо, потом на Фог, но никого не устрасил – и тогда снова изобразил безразличие и повернулся к Биргиру, едва-едва отдышавшемуся:

– Ну что же, раз мы все собрались и выяснили сокровенную правду друг о друге – поговорим и о насущных делах.

Биргир криво улыбнулся, утирая кровь с подбородка – давешний удар ему достался такой силы, что из носа хлынуло – и произнёс с мягкой укоризной:

– У тебя как у верного сына одно дело может быть: слушать отца и делать, как он велит.

– Вот как? – холодно удивился Мирра. – А он-то меня, бывало, поучал в детстве, что настоящий мужчина, истинный воин, ни перед кем пресмыкаться не должен, пусть бы даже перед родителями... Впрочем, расскажи, чего желает отец. Исполнить не обещаю, но послушаю.

Он подцепил наместника запада кончиком меча под подбородком, заставляя поднять голову; тот застыл и закрыл глаза, точно готовый к удару, и промолчал.

– Твои люди чинили беззаконие в моих землях и стравливали меня с братом, – продолжил Мирра тем же безразличным, страшным голосом. – Портили колодцы, людей убивали... И всё ради той проклятой горы и рудника. Куда вывозили мирцит? На что меняли? Правда ли, что лорга неугодных продавал в рабство на юг, с семьями вместе? И кимортов он извёл?

Биргир не ответил, только ресницы, длинные, как у всякого южанина, задрожали. Он боялся, однако отвечать не желал. Мирра ожидал терпеливо; у Кальва же столько терпения не было, и через минуту-другую он почесал в затылке, хмурясь.

– Этак мы здесь заночуем... Может, сдавить ему колено, чтоб лопнуло, как орех? – предложил он, похрустывая кулаками. – Так поступить было б не по закону, но по разуму; а закон нам что говорит? Что на поле боя надо поступать разумно, без горячки, и по совести; совесть же моя говорит, что нехорошо добрых воинов, переживших трудную битву, держать без отдыха до самой ночи, а то и до утра. Стало быть, надо поскорей вызнать правду, а человек всяко становится разговорчивей, если колено ему раздавить, как орех.

Хоть слова его отнюдь не располагали к веселью, Фог с трудом сдержала смешок: ей наконец открылся и другой секрет – почему Кальва называли занудой.

– Да ты, братец, как одичалый зверь, – улыбнулся Мирра – и чуть двинул мечом, срезая у Биргира клочок бороды вместе с кожей. – Зачем же сразу братья за колено, когда можно разmozжить пальцы по одному? А лучше позвать знающего человека. Прибился на днях к моей дружине, видишь ли, один рыжий оборванец. Болтливый, пожалуй, но на том его недостатки заканчиваются, а достоинства велики и неисчислимы. Он сведущ и в иноземных наречиях, и в законах, и во всяких хитростях... а ещё в пытках. Готов спорить, и часа не пройдёт, как он развяжет язык любому молчуну. Но я, признаться честно, подождал бы и два часа, посмотрел бы, как он работает. Что скажете, друзья?

На висках у Биргира выступила испарина; он сглотнул несколько раз, облизнул пересохшие губы, но промолчал.

– Я скажу, что вы как одичалые звери, – неожиданно произнёс Сидше с интонациями любезного торговца с праздничного базара в Шимре. – Пытки, увечья... Зачем пачкать руки, если можно обойтись

без крови? Есть у меня одно снадобье, которое вызывает сильную жажду. Если дать его человеку, а потом оставить наедине с самим собой, то он через час-другой уже будет рвать зубами собственные жилы, лишь бы напиться, а за чашу воды выдаст любые секреты. Что скажете?

Воцарилась тишина; на горле у Биргира заполошно билась венка, и он уже не мог держать глаза закрытыми – смотрел то на одного, то на другого; то разевал рот, то снова стискивал зубы так, что раздавался хруст...

«Колеблется, – поняла Фог. – Что же ему посулил лорга... или он надеется протянуть немного время, а там и спасение недалеко?»

Ей стало не по себе.

– Что-то вы как одичалые... дети, – вздохнула Эсхейд, устало перекидывая растрепавшуюся косу через плечо и приглаживая выбившиеся из плетения пряди. – Не надо ни пыток, ни ядов. Сейчас мой супруг закончит пользоваться раны и придёт сюда, а там уж молчи – не молчи, а все секреты наружу выйдут. Мастер он у меня головы морочить... Вот только боюсь, что он после битвы слишком устал, а потому может ненароком из человека слабоумного сделать. Так что ты б сам лучше заговорил, Биргир, – добавила она. – Ты учёный муж; мудрость твоя прославлена, и я сама, бывало, к тебе за советом ездила... Печально было бы видеть, как ты пускаешь слюни и тетешкаешься, как младенец, – качнула она головой. – Так что говори; я же могу пообещать: что б ты ни сказал, я сама тебя жизни не лишу – и другим не позволю. В память о старой дружбе.

– Не было никакой дружбы, – хрипло ответил Биргир, избегая поднимать на неё взгляд.

– У тебя, может, и не было, – ответила Эсхейд спокойно, не спуская с него глаз. – А у меня была.

Он сглотнул; прикусил губу; выдохнул коротко... и начал рассказывать.

Всё это началось не двадцать и даже не тридцать лет назад, а куда раньше. Ещё при том лорге, который приходился нынешнему, Захаиру, прадедом и кимортов в целом привечал. Но не всех и не всегда; была у него любовница из Шимры, которая не сошлась характерами с одним из кимортов в столице. Затем случился пожар – едва полгорода не

выгорело, а обвинили отчего-то того самого киморта, и вскоре он уехал прочь вместе с многими и многими своими товарищами.

А после и вовсе, как говорили, сгинул.

Любовница лорги покрутилась в столице ещё несколько лет, но потом, когда тот погрузнел и обрюзг от частых пиров, тоже исчезла. А когда лорга умер, то к власти пришёл его сын – и уж он-то кимортов на дух не выносил; даже пытался избавиться от статуй Брайны, но не вышло. Он был изворотливым, мстительным, злопамятным... и ещё дотошным в том, что касалось истребления врагов и тех, кто метил на престол. Любой, кто вызывал недовольство правителя, рано или поздно исчезал; никто не мог рассчитывать на милосердие – ни старый соратник, ни доблестный воин, ни искусный мастер, ни молодая любовница, ни сын-наследник, только что женившийся. Как раз в то время стало меньше становиться кимортов на севере: якобы одарённые дети отчего-то рождались реже, да и эстры – вот удивительно – почти не заглядывали в эти края, странствуя по миру.

А ещё именно тогда на юге начали особенно цениться белокожие и светловолосые рабы.

Или рыжие; рыжие даже больше.

Шло время. Лорга старел, но оставался удивительно крепким. Люди шептались, что он-де хоть и гонит кудесников из столицы, а всё же не брезгует чудесами, чтобы сохранять здоровье и силы. Врали или нет, но он и впрямь до самого конца оставался бодрым: последнюю жену – мать Эсхейд – взял за себя уже в восемьдесят лет с гаком, каждое утро упражнялся с огромным мечом, который много позже перешёл к Кальву-оглобле, и любил объезжать норовистых гурнов... Однако же до ста лорга не дожил, умер внезапно, прямо на пиру – и тем вверх страну в пучину двадцатилетней смуты.

Смуты, из которой вышел победителем не один из его сыновей, изворотливых, жестоких и беспощадных, а внук, Захаир. Тот, на кого никто не ставил; угрюмец и молчун, выросший без отца... Многие слышали, что у Захаира-де был тайный союзник, но никто не ожидал, что этим союзником окажется женщина.

Киморт из Шимры.

– Впервые я увидел её лет двадцать тому назад, – криво улыбнулся Биргир. – Случайно. Она выходила из покоев Захаира, заметила меня и прижала палец к губам... к моим. И я онемел дня на

три. Позже мне не раз доводилось ей прислуживать, выполнять небольшие поручения в обмен на щедрое вознаграждение. Знаешь, чем она платила, Эсхейд? Морт-мечами. По десятку за одного киморта-ребёнка; по полдесятка – за мёртвого эстру. Чем ей эстры не угодили, я сам не спрашивал, но от кое-кого другого слышал, что она искала свою наставницу... уж не знаю, нашла или нет.

Эсхейд кивнула рассеянно, поглаживая косу, переброшенную через плечо, и сказала вдруг тихо:

– Двадцать лет тому назад... Не в тот ли год, когда в дерево у ворот замка ударила молния?

– Пожалуй, что в тот.

– А весной ли, осенью?..

– В самом начале осени, – ответил Биргир, задумавшись ненадолго. – Помню, то дерево, наполовину обожжённое, стояло в багряном уборе.

– А Иллейд мою ты... – начала было Эсхейд, но тут же оборвала саму себя, нахмурившись: – Пустое. Забудь.

– Клянусь, что не знаю ничего о твоей дочери и о том, как она исчезла, – ответил Биргир. И, опустив взгляд, добавил: – Но знаю, что в тот год лорге уж очень нужны были морт-мечи. И он их получил. Да и что таить, – скривился он. – Я потом тоже немало оружия добыл тем же способом. Ведь человеческая жизнь имеет не одну и ту же цену: своя-то всегда подороже, а чужая подешевле.

– И помогло тебе твоё оружие? – спросил Мирра негромко. – Помогли мечи, купленные в обмен на чужие жизни?

Наместник запада не ответил. Он помолчал немного, не то размышляя о чём-то, не то вспоминая, а затем продолжил рассказ. Поведал о том, как обнаружили у Кимень-горы старый, заброшенный рудник; как гостья из Шимры им заинтересовалась; как рудник стали вновь разрабатывать и во дворце у лорги начали появляться и другие киморты с востока... Биргир сам видел то ли пятерых, то ли шестерых, но чаще других встречал женщину с изумрудами в волосах и седого мужчину в багряных одеждах, которого знал даже по имени.

– Ниаллан Хан-мар, – подсказала Фог, и наместник кивнул.

Что же до лорги, то он с годами стал мнительным. Ему мало было сбывать врагов в рабство на юг и накапливать морт-мечи; он собирался превзойти собственного деда и дожить по меньшей мере до ста лет,

продолжая править... а значит, наследники, способные посягнуть на трон, ему были ни к чему.

Тут-то и пригодился верный Биргир.

Воевод в совете он рассорил; старших сыновей лорги тоже сгубил, благо это было нетрудно: один из них и без того любил выпить лишнее, а другой распутничал, и никого не удивило, когда первый допился до смерти, а второй расшибся, вылезая из окна у любовницы.

– Вот с ними просто вышло, не то что с вами, – усмехнулся Биргир, глянув сперва на Мирру, затем на Кальва. – И жаль, что вы и впрямь в дрязгах не увязли. Столько трудов впустую... А между тем, мирцита в старом руднике добывали больше и больше, и гору стало потряхивать, ещё немного – и разошлись бы слухи. А где слухи – там и любопытные гости из Ишмирата. Ваш цех не прошёл бы мимо чистого мирцита, а у нас... у нас ещё слишком мало морт-мечей, чтоб воевать в открытую.

– А вы с нами воевать собрались? – нахмурилась Фог непонимающе. – Зачем? Цеху нет дела до... отчего ты смеёшься?

– Ты не поймёшь. Когда такой сильный сосед под боком, нельзя вечно рассчитывать на его милость, – Биргир качнул головой.

– Так вы же сами своих кимортов извели! – возмутилась Фог. – Если так хотелось вровень идти, так сделали бы свой цех!

– И зависеть уже от милости своих кудесников?

Она хотела возразить ему, что кимортам-де власть не интересна и от людских дрязг они держатся подальше... а потом вспомнила Дуэсу.

И промолчала.

– Войной на мои земли ты тоже пошёл по приказу государя? – спросил Мирра вдруг, и Биргир ответил с хохотком:

– Ну, приказа, скажем, не было... Но волю его я угадывать научился. Сумел бы избавиться от вас обоих – получил бы свою награду. Или не получил бы, кто знает. – И хохоток перешёл в кашель. – Мне, видно, государь тоже не доверял, потому что, как только я переступил границу твоих земель, из Ульменгарма выступило большое войско. Куда больше, чем я сам даже мог предположить... Там не тысяча морт-мечей и даже не две. Со мной ты управился; но с ним тебе не совладать.

– Это мы ещё посмотрим. – Мирра сузил глаза.

– Ну, посмотри, – ответил ему Биргир, и за показным его смирением проступило злое торжество. – А я посмотрю, как ты поведёшь своих людей на битву, зная, что государь вызвал твою мать к себе. Как говорят, погостить; но, думаю, он не погнушается повесить её на воротах в назидание сыну-бунтовщику... а ты как думаешь?

Мирра, не дослушав, рванулся к нему; Кальв еле успел сгрести его поперёк груди, бормоча:

– Тише, тише...

– Тише, – эхом откликнулся Биргир. И добавил: – Быть может, государю и казнить её не придётся. Зная свою мать, Мирра, ответь: как скоро она сама шагнёт вниз со стены замка, чтоб не быть тебе обузой... чтоб руки тебе развязать?

...Фогарта даже не успела осознать, что происходит; свистнул клинок, мелькнул здоровенный кулак. Неповоротливый с виду Кальв оказался проворней брата и обрушил на голову Биргира чудовищный удар первым; клинок же, чуть запоздав, прочертил лишь косую линию от плеча к бедру.

Биргир отлетел на несколько шагов и затих.

– Обещала ведь жизнь ему сохранить, – вздохнула Эсхейд в наступившей тишине; впрочем, судя по её позе, она и с места не тронулась, чтобы защитить пленника.

– А он жив, – сказал Мирра, как плюнул. Развернулся, хлопнув плащом, и пошёл прочь, крикнув в сторону: – Телор! Телор, подлатай его, что ли, чтоб слова не нарушать... Телор!

На том допрос закончился.

Пока хватало сил, Фог помогала лечить раненых – и проигравших, и победителей. Временами ощущала головокружение и ломоту во всём теле, но остановиться значило остаться наедине с собственными мыслями; так продолжалось до тех пор, пока Сэрим, злой, как пустынный зверёк эль-шарих, не отловил её и тычками не погнал отдыхать. Вместе с Сидше она вернулась на дирижабль – и проспала, как убитая, остаток дня, всю ночь и следующее утро. Пропустила, как прибыла запоздалая помощь из Беры, и то, как обустроивали временный лагерь общими усилиями... Вроде бы отдыхала долго, а очнулась как в тумане: руки и ноги казались чудовищно тяжёлыми, а мысли путались. Когда она пыталась взбодриться пиалой чая и лёгким

завтраком, в каюту вошёл Сидше и сообщил, что скоро начнётся военный совет.

– А можно не идти? – вырвалось против воли.

После минувшей битвы всё, что связано с войной, кровопролитием и сражениями, вызывало дурноту; не из-за мертвецов или раненых, нет – на них Фог достаточно насмотрелась с детства, пока Алаойш обучал её врачеванию... а потому что этого можно было бы избежать.

Если б быть чуть умнее; чуть сильнее; проницательней.

– Можно, – улыбнулся Сидше – точь-в-точь как в первую их встречу; только облачён сейчас он был в чёрное с ног до головы, а потому выглядел не то благочестивым отшельником, не то коварным злодеем из уличного спектакля. – Никто не может заставить тебя судить о том, что тебе отвратительно, и принимать решения, за которые надо нести ответственность... Но тогда тебе придётся следовать чужим решениям.

Ничего не ответив, Фог со вздохом отставила пиалу и начала собираться.

Временный лагерь оказался обустроен на удивление хорошо: вместительные шатры, полевые кухни... Объяснилось это, впрочем, довольно просто: Лиура и Онор по поручению учителя «тренировали упорство» и возводили временные постройки.

– Сестра хоть очагами занимается, – вскользь пожаловался Лиура. По-настоящему недовольным он, к слову, не выглядел, наоборот, ожившим: в зеленоватой тени от крон глаза его оттенком напоминали янтарь, а изрядно отросшие волосы топорщились в стороны, как пух. – А мне Телор велел отхожее место выкопать, и не одно... Каково?

– Он показал, как надо?

– Ну да...

– Тогда мне потом покажи! – попросила Фог серьёзно. – А я тебя научу греть воду в реке, тоже бывает полезно.

Лиура засмеялся.

Онор она тоже углядела, но мельком; та о чём-то оживлённо болтала с Тарри. Других кьярчи видно не было, так что из всего табора он, похоже, приехал один. Тарри разделся как на праздник: сапоги из мягкой кожи, чёрные штаны, белая рубаха, а поверх – синий кафтан, расшитый чёрной и серебряной нитью. Волосы были не убраны под

платок, как обычно, а заплетены в куцую косицу и этим самым платком перевязаны... Во время разговора Онор нет-нет да и проводила кончиками пальцев, прослеживая затейливую вышивку на рукаве, или касалась амулета из косточек и перьев на длинном шнурке.

«А ведь раньше всех мужчин без разбора сторонилась, – подумала Фог, и на сердце у неё стало тепло. – Тем более черноволосых, как Радхаб».

Радхаба, конечно, Тарри не напоминал нисколько – смешливый, зеленоглазый, похожий на говорливый весенний ручей.

Совет решили держать в одном из больших шатров, за столом, наскоро слепленным из расколотых стволов упавших деревьев и изрядного количества морт. Фог досталось место рядом с Эсхейд; Сидше предложили сесть дальше, вместе с Сэримом, Иалламом и городским головой Беры, однако он предпочёл быть рядом и встал за плечом.

Как тень.

Фог это показалось несправедливым, однако возразить она сперва не решилась, а потом уже и поздно стало – Кальв взял слово и принялся подробно, вдумчиво излагать то, что рассказал накануне Биргир. Иногда Телор вмешивался и поправлял его – у него были свои способы раскрывать секреты и выяснять, насколько они правдивы; кое-что он видел и слышал сам, о чём-то ему рассказывали люди, достойные доверия.

Самой скверной новостью было то, что Биргир не солгал: из Ульменгарма действительно выдвинулось большое войско.

– Пожалуй, если мы вместе против него выступим, то сможем столько же людей собрать, – произнёс Кальв хмуро. – Но не морт-мечей. И даже если собрать всё, что добыли в последней битве. Да и много крови прольётся... Разве что с севера подмога придёт.

Он взглянул на Телора, но тот качнул головой:

– Я могу послать весточку в Хродду, но к нужному времени до Беры даже киморты не успеют добраться. Говорят, что в цехе Шимры знают, как перемещаться из одного города в другой быстрее, чем успеешь хлопнуть в ладоши. Это так?

Фог отчего-то не ожидала, что придётся говорить тоже, и смутилась, но всё же ответила:

– Так, но нужно, чтоб дюжина кимортов объединила усилия. И ещё у нас в цехе есть особая карта, вырезанная на обсидиановых плитах, с мирцитовыми капсулами и прожилками. Перемещаться можно только оттуда... Если б я знала, кому из цеха можно доверять, то попробовала бы обратиться за помощью, – добавила она неуверенно.

– Не стоит, – вздохнул Телор, уставившись на собственные пальцы, сцепленные в замок. – В чужую войну никто вмешиваться не станет, особенно в междоусобицу... Нет, здесь надо справляться своими силами. Мирра?

Наместник юга, против обыкновения тихий и словно бы озябший, поднял на него взгляд и тут же снова опустил, так ничего и не сказав.

«Это из-за матери, – догадалась Фог. – Лорга знал, куда бить».

Стало противно; во рту появился гадкий металлический привкус, и она придвинула к себе чашу с разведённым вином просто для того, чтоб избавиться от него.

– Я, конечно, не воин. И не северянин даже, – неожиданно произнёс Сидше у неё за плечом. – Но думаю, что войско лорги не надо побеждать. Надо сделать так, чтоб оно повернуло назад.

– Было б неплохо, – усмехнулась Эсхейд. – Вот только как? Хотя погоди-ка. – Она задумалась. – Если б Захаиру вдруг понадобилось войско в Ульменгарме...

Мирра, прежде точно омертвелый, резко, прерывисто вздохнул – и выпрямил наконец спину.

– Если отец чего и боится, так это власть потерять – или умереть, – произнёс он хриловато. Постучал пальцами по столу, прикоснулся вскользь к материной серье-амулету, выдохнул снова. – Раз он все двенадцать дружин Ульменгарма отправил на битву, значит, нашёл того, кто может защитить его и без морт-мечей.

Озарение было подобно вспышке.

– Киморт! – откликнулась Фог, порывисто вскакивая на ноги – так, что опрокинула чашу с вином и едва не попала Сидше затылком по подбородку. – Ой, простите... сейчас приберу... – розоватая жидкость воспарила над столом и вернулась обратно в чашу тоненькими струйками, перевитыми друг с другом. – Я говорю о том, что с ним, наверное, остался киморт. Может, тот седовласый в багряных одеждах... Или сама Дуэса. Значит, я отправлюсь в

Ульменгарм и... и... и... – Она сглотнула, не решаясь договорить. – ... и вызову её на поединок. Или его. Или их всех вместе! И маму твою спасу, скажи только, как она выглядит. Если портрет найдёшь – совсем хорошо!

Она ждала, что кто-то осадит её, скажет, что подобное вчерашней-то ученице не по силам... Но даже Сэрим промолчал, хотя лицо у него стало такое кислое, точно он от незрелой ригмы откусил.

– Я отправлюсь с тобой. Попробую Зиту выручить, – поддержала её Эсхейд неожиданно, и глаза у неё потемнели. – Возьму с собой дюжину воинов, стяги, знамёна. Войдём через главные ворота, с трубачами... Мирра, трубача-то одолжишь? Вот и славно. Иноземку лорга, может, слушать бы не стал, да и народ, пожалуй, если что, на его сторону встал бы. Другое дело я. Меня люди любят; обо мне песни складывают. Если ты пойдёшь в моей свите, то никто и не вспомнит, что ты родом из Шимры – зато вспомнят о Брайне. Тем более что ты на северянку похожа, только больно уж махонькая, как тростинка, – улыбнулась она тепло, как старшая сестра.

– Так и Брайна была как тростинка, – буркнул Сэрим с другого конца стола, покачивая в пальцах флейту; она слабо светилась – холодноватым молочным сиянием, от которого почему-то становилось жутко. – Пылающая тростинка... Рыжая, тощая, смешная. Меч ей сделали как по детской руке – другой и поднять не могла. Но вот иного могущества в ней было через край – другого такого киморта, пожалуй, тысячу лет потом не рождалось. И сердце у неё пылало, и любое дело в руках тоже. Если б она ещё поменьше всяким проходимцам доверяла... Ну, чего уставились? Мы здесь славное прошлое собрались обсудить, что ли?

– Славное будущее, – в тон ему ответил Мирра. От меланхолии и следа не осталось; от него снова исходило ощущение злой, пружинистой силы, как прежде. – Да, пожалуй, если отец почувствует угрозу, то, может, велит войску назад повернуть... Или хотя бы отзовёт дружину или две. А где перемены, там и сомнения; где сомнения, там и слабость.

– Будет надо, я сама его на поединок вызову, – усмехнулась Эсхейд. – А он отказать не посмеет. Только не мне, наследнице Брайны... Что, Мирра, доверишь мне спасти твою мать?

Он ни мгновения не колебался:

– Если кому и доверять, то тебе. Вам, – добавил он с усмешкой, глянув на Фог. – И портрет, пожалуй, разыщу. Хотя узнать её несложно: мы на одно лицо.

– Значит, решили, – подытожила Эсхейд. Помолчала, потом добавила веско: – Осталось последнее дело уладить.

Сказала – и, стянув тяжёлый перстень, положила его на стол.

Кальв, подумав, последовал её примеру. Последним положил кольцо Мирра, только не снял с руки, а вытащил на цепочке из-за ворота. И немудрено: с его тонких пальцев перстень тотчас бы соскользнул... Фог сперва не поняла, в чём дело, а затем разглядела-таки наместничьи гербы на каждой из печаток, и её осенило.

«Неужели они хотят решить, кто станет следующим лоргой?»

Догадка оказалась верной.

– Биргир тебе проиграл, стало быть, за тобой и юг, и запад, – произнесла Эсхейд, обернувшись к Мирре. – Верней было бы, конечно, перстни на весы положить и посмотреть, чья сторона перетянет, но обойдёмся, пожалуй, без них. И так ясно, что тяжелее – один или три, – хохотнула она.

– А я возражу, – пробасил Кальв; голос у него звучал вполне мирно, впрочем. – Отчего это запад к югу отходит? Сражались все вместе, плечом к плечу, стало быть, и делить надо на троих. Но наместничий перстень не разрежешь, так что верней будет его откинуть. И сразу скажу: я против того, чтоб ты стал лоргой, – обратился он к брату. – Ноша эта тяжёлая, а ты...

– Мал? – оскалился Мирра; видно было, что говорят они об этом не впервые и каждый может следующее слово угадать.

Кальв только вздохнул, склонив кудлатую голову:

– Молод. Да и я, уж скажем по правде, лишь тремя днями старше. А ты что скажешь? – обернулся он к Эсхейд.

Та молча подтолкнула перстень к Мирре.

– Стало быть, два против одного, – сказал Кальв. Прикрыл на мгновение глаза – а потом хлопнул по столу раскрытой ладонью. – Ладно. Лучше-то всё равно не придумать, да и хуже разлада нет ничего.

Сказал – и бережно, точно хрупкую стекляшку, переложил свой перстень поближе к брату.

– Вот и договорились, – улыбнулась Эсхейд. И встала из-за стола. – Сущя мелочь осталось... Примешь мой вызов, а, молодой лорга?

– Так старый ещё на троне сидит и отдавать его не собирается, – фыркнул Мирра, однако тоже встал. – Отчего нет. Что выберешь? Длинный меч?

– Морт-меч, – ответила она серьёзно. – Кто первым противника обезоружит, тот и победил; кто чужую кровь прольёт, на землю падёт или на оба колена разом встанет – тот проиграл. Идёт?

– Идёт.

Уговорившись так, они покинули шатёр – а дальше Фог едва успевала следить за тем, что происходит.

Лагерь в одно мгновение забурлил, как большой котёл, наполнился гомоном, шумом, звоном. Кто-то бегал, оповещая людей; кто-то расчищал большой круг, сто на сто шагов; кто-то тащил стяги и знамёна – северные, южные, восточные... Откуда-то прикатили две бочки вина и теперь наливали всем желающим, причём руководил раздачей Тарри, а один дружинник, рыжий, усатый и плутоватый, предлагал поставить монетку или две на победу.

– Вот вы, госпожа, – подобрался он и к Фогарте, – кому своё сердце отдадите?

Она хотела было ради интереса поставить на Эсхейд, но тут Сидше привлёк её к себе за талию и произнёс вкрадчиво:

– Сердце госпожи уже принадлежит мне. А поставим мы, пожалуй, на Мирру. Держи монету, добрый человек, – и кинул рыжему усачу серебряный кругляшок.

Усач одобрительно цокнул языком, завязал узелок на длинной красной нитке и помчался дальше, сунув монетку в кошель.

Тем временем поле было уже готово. Не без помощи Телора из травы выбрали мусор, палки, коряги – словом, всё, что могло сделать поединок менее честным, пусть и более зрелищным. Вокруг собралась толпа; у некоторых были чаши с вином, у других – стяги, третьи просто потрясали кулаками и кричали что-то одобрительное... С некоторым трудом Фог удалось протиснуться в первый ряд, к гибкому ограждению из прутьев, воткнутых в землю.

Судя по тому, что прутья успели пустить корни, а некоторые даже и зацвести, руку к ним тоже приложил Телор.

– Ты правда думаешь, что победит Мирра? – тихо спросила она Сидше.

Тот пожал плечами:

– В поединках я мало что смыслю. Но если бы оружие выбрали обычное, то преимущество было бы на стороне Эсхейд – она рослая, статная, и плечи у неё пошире, чем у Мирры, – задумчиво ответил он. – А вот с морт-мечами... Скажи, трудно ли управлять силой удара?

Фог отстранённо смотрела на поле, где Телор щепетильно выравнивал траву, срезая слишком высокие верхушки. Выражение лица у него было презабавное: одухотворённое и притом торжественное, а венец из цветов съехал на одно ухо.

– Легко, если ты киморт или мастер, привыкший работать с морт-инструментами, – произнесла она наконец. – А обычному человеку, пожалуй, сложно. Учитель говорил, что нужно иметь дисциплинированный ум. Стремление есть образ того, что ты желаешь достичь; чем яснее, полнее представляешь себе результат – тем лучше. Если разум закаменелый, то ничего толкового не вообразишь, конечно... Если чересчур свободный, то это ещё хуже: мысль будет скакать от одного к другому, а оттуда к третьему, и в итоге стремление будет размытым. Так понятно?

– Вполне, – кивнул Сидше. И прищурился. – Верно ли я понимаю, что проще ударить изо всех сил, чем вполсилы?

– Верно. Поэтому я и Иаллама хватила, когда он сумел разжечь костёр своим морт-мечом, – улыбнулась Фог. И нахмурилась тут же. – А ведь если так рассудить, то в поединке на морт-мечах у Мирры и впрямь большое преимущество... Особенно с такими условиями. Он ведь может использовать разом несколько морт-инструментов, а это вообще большая редкость. Выходит, он выигрывает?

– Если наместница севера раньше его на колени не поставит, – ответил Сидше невозмутимо. – С её силой достаточно будет раз хлопнуть противника по плечу, чтоб ноги подломились.

Фог хотела ответить, что для этого нужно сперва подойти на расстояние удара, что нелегко, если сражение идёт на морт-мечах, но не успела: собравшаяся толпа взорвалась криками, и с одной стороны поля к середине двинулась Эсхейд, а с другой – Мирра.

Она была облачена в белое и зелёное, он – в зелёное и золотое.

Потом вышел Кальв и произнёс путаную речь о справедливости, о доблести и о том, что за зимой неизменно приходит весна. Для Фог всё это звучало бессмысленно, однако собравшиеся зрители одобрительно ревели, потрясали мечами и топали. Эсхейд с Миррой в это время стояли бок о бок и тихо переговаривались; о чём-то весёлом, видимо – то один, то другая начинали улыбаться. Затем, по знаку Кальва, они разошлись на полтора десятка шагов...

...и ринулись в атаку.

«А я ведь считала, что они станут биться потихоньку, – ошарашенно подумала Фог. – Вполсилы... Как же, да».

С первого же удара Эсхейд отдача была такая, что первый ряд зевак едва не повалился наземь. А Мирра выстоял – потому что ударил в ответ ровно с той же силой. Да ещё эдак щегольски, небрежно, точно отмахнулся от сухого листа, гонимого ветром, или от настырного мотылька.

– Показушничает, – пробормотал кто-то рядом, и Фог обернулась. Это был Телор; он успел протиснуться через толпу и пробраться к ограждению – как всегда незаметно, и теперь стоял, слегка касаясь прутьев, а его морт, прохладная и серебристая, оплетала их, постепенно укрепляя. – Зря, конечно, Эсхейд опыта не занимать, если он зазевается – мигом окажется на земле... Хотя, может, для правителя показушничать и неплохо, если умеючи.

Глаза у него были сощурены и оттого казались темнее; между бровей залегла морщина.

– Волнуешься за него? – спросила тихо Фог.

– А как не волноваться? – ответил Телор с досадой, и морт вокруг него пошла искрами, а прутья задрожали и тронулись в рост. – Я его помню вот таким крохой, – развёл он ладони. – Чуть постарше младенца. Если посчитать, сколько он у нас на севере гостил – выйдет, что мы едва ли не как родного сына его воспитывали... Ай, хорош! – неожиданно воскликнул он громче, хлопнув себя по бёдрам, и короткая беседа прекратилась сама собой.

Потому что Мирра и впрямь был хорош.

Его удары не были так сильны, как у Эсхейд, но зато отличались точностью – и проворством. Если первые минуты преимущество оставалось на её стороне за счёт чистой мощи, то затем оно перешло к

Мирре – и вскоре стало подавляющим. Быстрый, лёгкий и ловкий, он вертелся вокруг неё – и бил снова и снова...

...только по мечу.

Эсхейд, видно, рассчитывала силу ответного удара не столь точно, а потому выходила сухой из воды лишь благодаря могучему телосложению – и опыту.

– Ха!

Выдохнув резко, Мирра крутанул мечом – и обрушил на противницу незримую волну, но не упругую, острую, как раньше, а словно бы рассеянную, как ветер. Эсхейд отступила на несколько шагов назад, пытаясь сохранить равновесие, и, судя по выражению лица, выругалась. Он торжествующе ухмыльнулся... и едва успел подставить клинок, отражая удар.

Трава пошла мелкой рябью; лента, которой Мирра увязывал волосы, лопнула – и он упал.

На одно колено.

– Эх, ты! – Телор подался, налегая на хрупкое ограждение, усыпанное мелкими бело-розовыми цветами. – Ну! Да как же так!

У Фог сердце тоже дрогнуло – не так, как в битве, от страха, но от азарта.

«Ну же, – подумала она, и губы у неё беззвучно шевельнулись. – Давай!»

Ей ясно были видны облака морт, закручивающиеся вокруг клинка Мирры. Пока ещё полупрозрачные, сизо-лиловые, они быстро темнели, густели...

«Да он почти как киморт, – подумала Фог, цепenea от странного восторга, крепко замешанного на каком-то глубинном, необоримом страхе. – Значит, в умелых руках даже простой инструмент способен на такое... Даже простой инструмент...»

А потом Мирра сделал что-то – не то чуть наклонил клинок, не то вывернул рукоять – морт брызнула в стороны.

Эсхейд шагнула назад, прикрывая глаза, как от ветра...

...и не успела правильно подставить меч под следующий удар.

Её клинок, сверкая в лучах солнца, крутанулся – и отлетел в сторону, плашмя падая в траву. Мирра застыл, опустив меч, тяжело дыша – торжествующий, сияющий, счастливый, а потом расхохотался вдруг, запрокинув голову к небу.

– Победил! Честно победил!

Эсхейд расхохоталась тоже – а потом шагнула к нему, заключила в объятия, крутанула, как ребёнка; вернула на землю – и потрепала по голове, приводя буйные рыжевато-красные кудри в полнейший беспорядок.

– Вырос! – кричала она. – Как вырос-то! Каков наместник, а? Каков повелитель!

Зрители неистовствовали тоже – вопили, трясли друг друга за плечи, точно дети, а не грозные воины; наполняли чаши вином, передавали друг другу монеты – верно, выигрыш... Из отдельных восклицаний Фог поняла, что Мирра с Эсхейд вот так бьются уже лет двадцать, если не больше – с тех пор ещё, как он был совсем ребёнком. Сперва в шутку, потом, позже – всерьёз. Конечно, раньше побеждала Эсхейд – не сотню и не тысячу раз даже, но в последние годы Мирра ей почти не уступал. Чаще всего поединки заканчивались вничью, изредка – победой наместницы севера.

А сегодня победил Мирра – и не где-то на задворках Хродды, после разминки поутру, а на глазах у целого войска, где были воины из всех четырёх частей страны.

– Сложу-ка, пожалуй, о нём песню, – вздохнул Сэрим, машинально пихнув обратно за ворот ящерку-садхам. Лицо у него было одухотворённое. – Может, сразу две.

– Боюсь, и без тебя будет много желающих его прославить, – фыркнул Телор.

– Вот потому и надо поторопиться! Как чую, что за эти песни будут много платить – особенно тому, кто поединок своими глазами видел...

И как-то совершенно естественно разошёлся слух, что Мирра-де нынче самый могучий воин – и, может, сам лорга ему в подмётки не годится. И что он-то, верно, и сядет на трон следующим, ибо кому ещё? Больше и некому... Кальв, слушая эти речи, обеспокоенно качал головой, но видно было, что единокровным братом он гордится; Эсхейд же подливала масла в огонь, то тут, то там замечая, что, мол, наместник юга молод пока и явно не все свои таланты показал.

Короткое и бурное празднование закончилось так же внезапно, как и началось. Пока одни дружинники поднимали чаши за победу Мирры и обсуждали поединок, другие уже собирались в дальний путь. Сидше

принял новость о том, что ему придётся предоставить для путешествия свою «Штерру», со смирением, даже сделал вид, что это он сам предлагает. Но наедине с Фог обмолвился с глубоко скрытой болью:

– Вот я всегда посмеивался над торговцами скотом, что даже издали их дирижабли можно отличить – по вони, а теперь сам открываю дверь для дюжины гурнов.

Фогарта незамедлительно прониклась сочувствием и пообещала отчистить потом грузовой отсек так, что он как новый станет, и Сидше поблагодарил её сердечно... Однако потом всё равно простоял несколько минут перед «Штеррой», печально скрестив руки на груди, точно извиняясь.

Как-то само собой вышло, что к ним присоединился и Сэрим, конечно, вместе с садхамом. А вот Иаллам остался с Миррой: за минувшие дни он влился в дружину, завёл себе приятелей и приятельниц, освоился и обжился. Прощаться с Фог ему было явно неловко; он прятал взгляд, точно боялся посмотреть прямо, и с облегчением вздохнул, когда она сама попросила:

– Присмотришь за наместником юга? Он, конечно, воин каких поискать, но битва ему предстоит нелёгкая... А с тобой благословение храма.

Иаллам оживился:

– А ты веришь в благословения, дева-киморт?

– Может быть, – улыбнулась Фог, разглядывая тонкие, как нити, багряные потоки морт, закручивающиеся вокруг жреческого кинжала, спрятанного в ножны под рукавом. – А может, просто полагаюсь на твою хитрость и везучесть.

– Я везучий, это так, – охотно подтвердил Иаллам, изрядно повеселевший. – Попади я, скажем, тогда в Дабур один – точно бы сгинул. Но ведь встретил же тебя! Ну, и ты тоже, – понизил он голос. – Будь там, в столице, поосторожней, что ли.

Фог пообещала быть.

Попрощалась она и с кимортами-близнецами. Онор на прощание разревелась и обняла её крепко-крепко; Лиура бледнел, краснел и улыбался невпопад, очевидно чувствуя себя уязвимым теперь, когда приходилось расстаться со спасительницей. Хоть рядом и оставался Телор, заботливый и внимательный наставник; хоть вокруг

расстигалась не зловещая пустыня, а высились зелёные горы, где рабство отродясь не признавали...

«Всё проходит, – размышляла Фог, поднимаясь по трапу. Солнце уже садилось; горы казались чёрными, а не зелёными. – Только некоторым ранам нужно чуть дольше, чтобы затянуться».

О том, что иные шрамы остаются на всю жизнь, хоть раны и затягиваются, она старалась не думать.

Вскоре дирижабль взмыл в небо – и, набирая скорость, полетел в сторону Ульменгарма. По уверениям Эсхейд, он перемещался вдесятеро быстрее войска лорги, а значит, у них оставалось время и на то, чтоб добраться до столицы, и на то, чтобы предотвратить кровопролитное сражение.

– Захаир и раньше был мнительным, осторожным, а теперь-то тем более, – сказала она за вечерней трапезой. – Если мы громко войдём в город и громко объявим о твоём поединке с тем кимортом, то, пожалуй, Захаир решит, что за этим всем есть коварный замысел. И, если нам повезёт, велит войску повернуть обратно: ведь Мирра-то там, далеко, а мы тут, близко.

– Повезёт, – уверенно ответила Фог, хотя ничего подобного не чувствовала. – Если его защищает киморт, то мне всего-то и нужно, что этого киморта обратить в бегство... я справлюсь. А там уже сила будет на вашей стороне.

– И то верно, – рассеянно согласилась Эсхейд, теребя косу, и без того растрёпанную. – Я вот думаю только всё, если мне тогда сообразить и бросить ему вызов, когда Иллейд моя пропала... Впрочем, пустое. Что миновало, того не вернуть; а на поединок его можно вызвать и сейчас.

Наместница сказала бы это словно в шутку, но серые её глаза потемнели.

«Так, словно она решила что-то, – вертелось у Фог в голове. – Так, словно решилась...»

Отчаянно хотелось верить, что решение это было не самоубийственным.

Дни на борту «Штерры» тянулись мучительно медленно, однако ночи были ещё тяжелей. Фогарта подолгу не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок. Ей то виделся то учитель – седой, обескровленный,

плотно сомкнувший веки; то Дуэса, торжествующе хохочущая... Иногда снилось и вовсе что-то странное: горячий, тяжёлый песок, сыплющийся и сыплющийся сверху, душащий, обездвиживающий... Как-то под утро, измучившись окончательно, Фог вышла из каюты и добрела до навигаторской; вроде как был черёд Сэрима занять место пилота, но в потёртом кресле сидел не он.

– Сидше?

– Я его отпустил подремать на час-другой, – негромко откликнулся капитан. – Всё равно не спалось. Зато полюбуюсь рассветом.

– И которым ты уже рассветом любишься с тех пор, как мы вылетели?

Он усмехнулся:

– Четвёртым.

До рассвета, впрочем, оставалось далеко. Восточный край неба только-только начал светлеть, разбавляя чернильную синеву неба... Фог молча приблизилась к смотровому стеклу и прижалась к нему лбом; руки бессильно повисли вдоль тела, и сейчас она напоминала самой себе ребёнка, брошенного и позабытого, неспособного занять себя ни делом, ни развлечением.

«Когда учитель воспитывал меня, такого никогда не случалось, – подумала она отстранённо. – Потому что я была дома – и знала, что не останусь одна, что учитель вернётся, даже если он ушёл надолго... И что это мой дом, да. А сейчас болтаюсь между небом и землёй».

Горы внизу укутывала дымка морт, более плотная там, где были дороги, жилища... и возможные разломы. Жизнь и смерть рядом; непроглядная тьма и переменчивая, сияющая сила.

Щёлкнул рычаг. Движение «Штерры» начало замедляться: если раньше она летела к северу, то теперь неспешно плыла. Потом вдруг повеяло слабым ароматом благовоний, смолистым, дымным и в то же время сладковатым, точно засахаренные цветы чийны; Фог ощутила спиной призрачное тепло – и обернулась.

Сидше, облачённый в непривычно длинную хисту из мягкой тёмно-красной ткани, стоял совсем рядом; шнуровка на вороте чёрного нижнего платья была распушена так, что проглядывал даже краешек нательной рубахи, белой и до того тонкой, что почти прозрачной.

Фог представила его в одной этой рубахе – и стало жарко.

– Я не слышала, как ты подошёл.

Голос немного сел.

– Наверное, потому что у меня очень мягкие туфли, – улыбнулся Сидше. – Хочешь, подскажу тебе мастера в Шимре?

– Хочу.

Фог сглотнула, надеясь, что это получилось не слишком громко, и скосила взгляд в сторону, на разгорающийся рассвет... Но волнующий запах – благовония, разгорячённая кожа – и жар всё равно окутывали её, и от них было куда не деться.

– Почему ты не спала?

– А ты? – порывисто спросила она в ответ. И тут же продолжила, не дожидаясь, когда он заговорит: – Думала о многом. О том, как сражались Мирра и Эсхейд... Он ведь талантливый, конечно, однако победил не поэтому – а потому что много и тяжело учился, потому что сражался уже. И он безжалостный! – Фог обернулась, задирая подбородок, и едва не стукнулась носами с Сидше, который склонился к ней. – А я... я не безжалостная. Я сомневаюсь; не умею сражаться. Тогда, во время битвы, я испугалась настолько, что саму себя позабыла, и... и Дуэса ведь не такая. Я сильнее её, это так. Но она... она умеет преобразовывать морт удивительным образом, исподволь менять мир. Меня она тоже заморозила; сейчас-то я понимаю, что её морт попросту обращает воздух в какой-то дурман, но тогда, в Шимре, я даже не заметила этого – и никогда не замечала! Хоть и училась у самого Алаойша Та-ци, как говорили, была лучшей ученицей... Дуэса может изменять мир, – повторила она растерянно и глухо, невольно сжимая кулаки.

Сидше посмотрел на неё долгим взглядом – и кивнул:

– Да. Я знаю.

В его голосе было нечто странное; сердце у Фог сжалось от дурных предчувствий.

– Ты... В тебе она тоже что-то изменила?

На одну бесконечную секунду чёрные глаза Сидше стали непроницаемыми – а потом он усмехнулся:

– Дуэса сделала меня бесплодным – так, видишь ли, можно предаваться любовным утехам, не беспокоясь о последствиях.

Это было как удар мокрой тряпкой по лицу – на мгновение вышибло дух и ошеломило.

– Но... зачем? – из всех слов, что теснились в груди, Фог смогла произнести только самые беспомощные, неуклюжие. – Она ведь киморт! Есть много других способов, например... например... – Ей стало неловко, она осеклась и сглотнула. – Учитель мне рассказывал и показывал, когда я вошла в возраст, а ещё я роды училась принимать, – добавила она зачем-то. – Можно, я на тебя взгляну?

Сидше, который выслушал короткую, но запутанную речь бестрепетно, с нежностью даже во взгляде, наконец-то удивился. Посмотрел растерянно, положил себе руку на пояс, точно собирался развязать, но затем опомнился и ответил с улыбкой:

– Ты снова говоришь так, что тебя можно понять неверно.

Сперва Фог не сообразила, в чём двусмысленность, а потом поняла и густо покраснела. Но всё равно продолжила упрямо:

– Я не глазами хочу взглянуть, а морт. На тебя всего. Можно?

Зрачки у Сидше расширились, и взгляд стал бездонным; дыхание пресеклось, однако почти сразу выровнялось снова.

– Попробуй, красавица, – шутливо откликнулся он, чуть склоняя голову к плечу – и развёл руки в стороны, точно собираясь обнять.

...дирижабль словно завис в безвременье; за прозрачным стеклом была редящая ночная тьма, туман в долинах и едва-едва занимающийся рассвет, робко подсвечивающий фигуру сбоку.

«Я учёная-киморт, – напомнила самой себе Фог сурово, прикусив губу. – А не бездумная влюблённая дева». Потом, скрепя сердце, признала, что одно другому не мешает; волнение постепенно отступило, а морт вокруг начала сгущаться, обостряя восприимчивость.

Кончики пальцев зудели.

Окутав ладони облаком столь плотным, что воздух едва не начал потрескивать, Фогарта обошла Сидше по кругу, примериваясь и привыкая, а затем протянула руки к его голове – почти касаясь, но всё же не касаясь. Морт уплотнилась ещё сильнее, и он прерывисто выдохнул, прикрывая глаза.

«Неужели чувствует что-то?» – промелькнула тревожная мысль.

Отбросив ненужные сомнения, Фог наполнила морт стремлением – и бережно, почти нежно погрузила в чужое тело. Помедлила немного, привыкая к ощущениям, из озорства очертила трепещущие веки невесомым прикосновением – как дыхание, как лепестки чийны –

и двинулась вниз. Неспешно; вдумчиво; отмечая старые раны, которые никогда не заживают до конца, давние увечья...

«У него плечи слишком напряжены, как камень, нехорошо. Болеть потом будет».

Тело говорит там, где сам человек хотел бы промолчать, выдаёт все тайны, доходчиво излагает на языке сросшихся переломов, застарелых шрамов и едва заметных отметин.

«...а ещё он слишком много пьёт бодрящих отваров и пренебрегает сном».

Сидше ломали столько раз и так жестоко, что теперь он напоминал мозаику; его часто лечили киморты, но не всегда умело – а порой и нарочито небрежно, что тоже оставляло отпечаток. Кровь, и кости, и сама плоть – всё в нём настолько чутко откликалось на морт, что иногда Фог казалось, будто перед ней не живой человек, а совершенный инструмент или заготовка, которая только и ждёт, когда её наполнят силой.

– Ах-ха... – вырвалось у Сидше вдруг тихое восклицание, больше похожее на вздох.

Он быстро совладал с собой, и лицо у него стало безмятежным, а плечи немного расслабились наконец. Но Фогарта всё равно замечала – не могла не замечать! – бисеринки пота на висках, повлажневшую кожу, сейчас пышущую жаром, и неровные пятна румянца на скулах.

«Ему ведь не больно? – растерянно подумала она, смещая облако морт ещё ниже, к поджарому животу и дальше. И поняла мгновенно; и смутилась донельзя. – Ой. Нет, не больно».

...Дуэса, по счастью, действовала небрежно – и не успела натворить ничего непоправимого. Но лечение требовало времени, которым они сейчас не располагали, и, пожалуй, знаний. Но знания могли дать в цехе, так что Фогарту это не смущало – зато смущало кое-что другое.

– Ты ведь ощущаешь морт, – не то спросила, не то предположила она.

Сидше быстро глянул на неё из-под ресниц, но не тронулся с места, точно опасался двинуться лишней раз.

– Да. Как тепло или холод. Иногда как туман или перо, скользящее по коже.

Фог вспомнила с необыкновенной ясностью, где и как сейчас касалась его морт, и ей стало разом жарко – и появилось вдруг странное чувство, будто она сейчас заявила на него, на Сидше, свои права.

– Тебя можно излечить! – выпалила она скороговоркой, отступая на полшага, и сцепила руки за спиной в замок. – Это будет даже не очень сложно, просто нужно выбрать свободный день и, наверное, спросить совета у кого-то сведущего в лекарских делах. Учитель бы, думаю, мог помочь, если б вспомнил... Словом, ты реши, хочешь ли излечиться или нет, а я всё сделаю, как скажешь!

– Как я скажу? – Сидше чуть выгнул брови.

– Не стану же я тебя лечить насильно, – смущённо ответила Фог, утыкаясь взглядом в пол, там, где мыски её разношенных серых сапожек были аккурат напротив бархатистых чёрных туфель Сидше, изящно облегающих ступню. – Захочешь ли ты быть отцом или нет – только тебе решать. И той женщине ещё, которую ты выберешь, – добавила она очень тихо.

– Этому тебя тоже учитель научил?

– Ну... да? – ответила она осторожно. – Если добро нести не спросясь, то можно причинить много бед. А разве не так?

– Фог.

– Да?

– Посмотри на меня.

Она послушно задрала подбородок – и едва успела ощутить-распробовать короткий, лёгкий поцелуй на губах прежде, чем Сидше отпрянул и со вздохом отступил в сторону, вплотную к смотровому стеклу.

– Я передумал, не смотри, – произнёс он негромко. – Мне хотелось бы сказать теперь сейчас: да, излечи меня; оставайся со мной, ясноокая дева, даже когда никто не останется... Но я не могу. Ты говорила, что опасаясь столкнуться с Дуэсой лицом к лицу? Так вот, я тоже боюсь. Я повстречал её ещё мальчишкой; я знаю её долгих двадцать четыре года. Она столько раз на части меня разбивала, а затем собирала вновь, что мне кажется – исчезни она, и я исчезну следом. И даже сейчас я хотел бы очутиться с ней лицом к лицу и спросить... сам не знаю что.

Фог переступила с ноги на ногу, стараясь не сопеть обиженно, как дитя.

– Ты любил её? – спросила она.

– Да, очень, – спокойно признал Сидше. Или не спокойно: дыхание у него по-прежнему оставалось неровным. – Даже после того как она меня превратила в калеку.

«А после того как продала в рабство?» – хотела спросить Фог, но вместо этого у неё вырвалось:

– Она красивее меня.

– Нет, не красивее, – ответил Сидше. И прижал к стеклу ладонь. – Дело не в этом. Посмотри вокруг: весь этот мир – вершины и пропасти, всё в непроглядной тьме. Я люблю тебя; и люблю наблюдать за тем, как разгорается рассвет и уходит ночь, но мне кажется, что я должен уйти вместе с ней. А ты...

Фог слушала его – с нарастающим гневом и не пониманием; не на него сердилась, конечно, а на что – сама не знала. На судьбу? На Дуэсу? На собственную недогадливость и слепоту? А затем перебила его просто, приказав:

– Помолчи. И закрой глаза. И не открывай, пока не скажу.

Ей было немного страшно пробовать новый фокус; нет, она знала, как устроены человеческие глаза и в чём они подобны линзам окулюса, да и с морт научилась обращаться куда как лучше с тех пор, как сбежала из дома... Но всё равно не верила до конца, что получится.

– А теперь смотри.

...уже по тому, как расширились у Сидше зрачки, она поняла: получилось.

Горы и долины внизу вовсе не были чёрными и мрачными. Их пронизывала морт, живая, сияющая; потоки и ручьи, текущие вверх вопреки всем законам мироздания, облака и спирали; молочно-белые, золотистые, лиловые, голубые, зеленоватые, пурпурные. Они изменялись, растворялись и возникали снова.

Тьма вокруг не была сплошной – она дышала жизнью и светом.

– Вот *это* мир, – сказала тихо Фог, не зная, как ещё убедить, показать... как излечить то, что лечению не поддаётся. – Он красивый, правда. Надо только разглядеть... И ты красивый тоже – и очень

сильный, потому что поступал по-своему, как правильно. И я бы хотела... я бы хотела с тобой...

Она сконфузилась и умолкла.

Сидше обернулся к ней, как зачарованный; в глазах у него отражался рассвет.

– Чтобы ты хотела со мной сделать?

– Уложить спать наконец, – раздался у дверей голос, ворчливый, скрипучий и самую малость сердитый. Фог, уже привставшая на цыпочки для поцелуя, шарахнулась назад; Сидше тоже резко выпрямился, принимая невозмутимый вид. – Потому что негоже четвёртую ночь подряд крохами сна перебиваться.

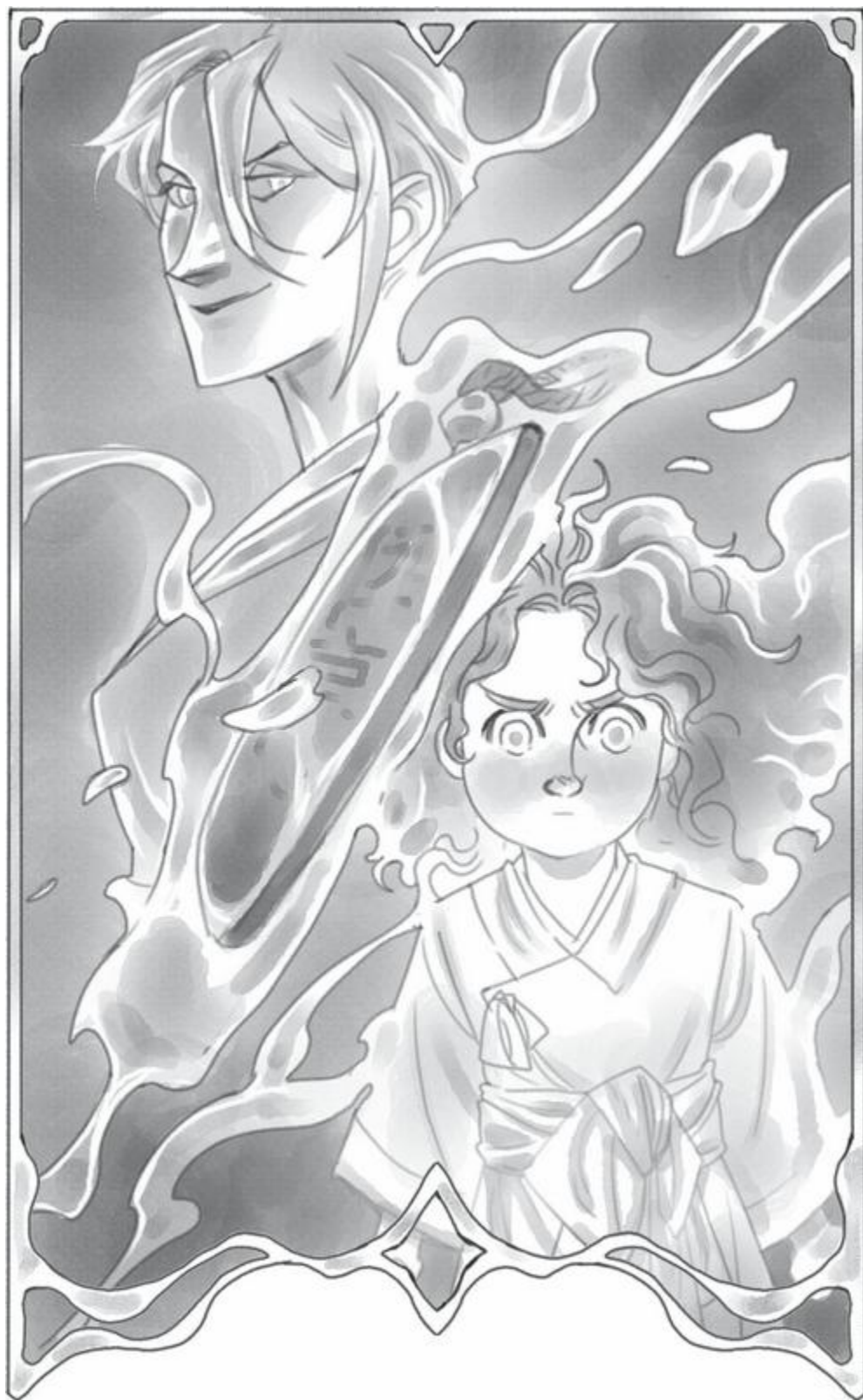
Сэрим стоял у входа в навигаторскую – взъерошенный, в криво запахнутой хисте, с неизменной флейтой в длинных, немного узловатых пальцах.

– Ты... – начала было Фог, и он поморщился.

– Я не подслушивал. Но кое-что и слышать не надо, чтобы понять... Ну, положим, тьма вокруг – или белый день, так какая разница-то? Путь всё равно один: тот, который выбираешь. По вершинам, через пропасти, – хмыкнул он. И, точно скрывая неловкость, изобразил гнев: – Вы тут ещё? Кого я за штурвалом пришёл подменить, добровольно, с открытым сердцем? Кому дал мудрый совет? Эх, вы, неблагодарные! А ну кыш, спать!

Посмеиваясь, Сидше приобнял Фогарту за плечо и увлёк за собой к выходу. На пороге она обернулась; за смотровым стеклом разгорался настоящий пожар: сияющее розовое золото, пьянящее, ослепительное.

Это всходило солнце.

8. Крушение

Алаойш Та-ци, Город Ста Чудес – Ашраб

Всякая битва оставляет после себя пустоту.

Подспудно Алар знал, что прежде, в другой жизни, он любил, рисуясь, изрекать нечто подобное – а теперь прочувствовал смысл этих слов на собственной шкуре. Память на сей раз откатилась не полностью, оставив по себе обрывки и ошмётки до того разрозненные, что почти бессмысленные; да и силы истощились не досуха, но хватало их лишь на то, чтоб стоять и не слишком шататься из стороны в сторону.

На умные разговоры и верные решения – уже нет.

Некоторое время Алар с величественным видом стоял у стены, обозревая поле боя, но затем сполз на брусчатку и прикрыл глаза; очнулся уже когда со всех сторон звучали ликующие возгласы, слышались песни, кто-то дудел в дудку, кто-то бил в барабаны, а жрецы – бесконечно терпеливые и спокойные – переносили последних раненых в храм. Справа от Алара подпирала кирпичную кладку Тайра; слева – Дёран, положивший руку на гриф семиструнки с тем же выражением лица, с каким воин прикасается к эфесу меча. Напротив же них стояли две служительницы храма – и киморт-северянин в полном жреческом одеянии, судя по всему, старший из троих – во всех смыслах.

– Моя госпожа ожидает тебя, – произнёс он дружелюбно. – Просит не отказать в милости и осенить своим присутствием трапезную храма, дабы почтить память несчастных, павших в битве, и радостью своей восславить Ветра – во имя выживших. Каков будет твой ответ?

– Осеню, – ответил Алар с некоторым трудом; голова была тяжёлая. – Там в этой трапезной одна радость с почтением или еда есть какая-то?

– О, в изобилии, – невозмутимо ответил жрец-киморт. И неожиданно подмигнул. – А ещё подогретое вино с пряностями,

исключительно для восстановления силы духа – и во славу Ветров.

Главный храм Ашраба изрядно отличался от святилища в Кашиме, которое теперь, в сравнении, казалось почти что скромным. И размахом – внутри поместился бы, пожалуй, небольшой ишмиратский город, и торжественностью убранства... и обилием тайных ходов, укрытий и подземных помещений.

«Скромная трапезная», к примеру, располагалась настолько глубоко, что, даже если б все киморты, подчинённые Радхабу, ударили по храму разом, она б осталась нетронутой.

На ужин – верней, пожалуй, было бы назвать его праздничным пиром – оказались приглашены немногие, всего чуть больше двух дюжин человек. Свод большого зала украшали разноцветные витражи, изображающие благодетели Ветров и прославленные подвиги жрецов; между витражным куполом и, собственно, потолком растёкся светящийся туман – порождение морт, настолько древнее, что все присутствующие киморты нет-нет да и косились на него с уважением... кроме, пожалуй, Настара, того самого северянина в жреческом одеянии, который за долгие годы, проведённые в храме, попросту привык. Гостей рассадили за пять низких столов, на расшитые бархатные подушки. Алару досталось место рядом с самой Вещей Госпожой Унной, главной жрицей, похожей на прекрасную статую, высеченную из обсидиана; когда подали вино с пряностями, она поймала его взгляд и накрыла свою чашу ладонью, а затем приложила палец к губам.

«Не пить, – догадался Алар сразу, хотя не так уж хорошо разбирался в тайных знаках южан. – Поманили вином, но даже пригубить не дали. Эх, а ведь так хотелось бы повременить с важными разговорами, пусть бы и одну ночь...»

Он не ошибся.

Когда трапеза шла к завершению и большинство гостей, включая Ачира, были уже изрядно пьяны, Вещая Госпожа поднялась и поманила Алара за собой. Идти пришлось недолго; место, куда они попали, немного напоминало кабинет не то сборщика налогов, не то заядлого книжника, не то хранителя редкостей. Указав на расшитую подушку, Вещая Госпожа сама села напротив – и заговорила, без предисловий переходя к делу:

– Сегодня ты одержал славную победу...

– Мы одержали, – миролюбиво поправил её Алар; меньше всего ему хотелось присваивать чужие заслуги, особенно учитывая то, что конец битвы он проспал.

– Мы одержали, – не стала спорить жрица. – Но это ещё не конец. Радхаба не оказалось ни среди пленённых, ни среди поверженных; кое-кто считает, что он бежал, я же думаю, что его не было здесь с самого начала: он уехал ещё два дня назад, после того как получил некую весть. А в одном переходе от Ашраба, в оазисе на полпути к мирцитовым рудникам, стоит большое войско: Ата-Халим арх Ушар, что прежде был первым в конклаве, собрал все силы, какие сумел, дабы помочь своему племяннику Радхабу нанести храму смертельный удар.

– Что ж до сих пор не нанёс? – усмехнулся Алар. – Дай-ка угадаю. Надеюсь, что этот самый Радхаб справится и один, вернее, вместе со своими рабами-кимортами?

– Хорошо же ты знаешь этого презренного человека, хоть никогда его не встречал, – ответила жрица. – Но даже если и так, то теперь Ата-Халим арх Ушар – да будут дни его сладкими, как воды моря, и безмятежными, как грозовое небо – станет сражаться отчаянно, словно от исхода зависит его жизнь... Сказать по правде, и зависит: ведь мой Ветер не милосерден, – прикоснулась она к кинжалу с багровой рукоятью у себя на поясе. – Тот, кто бросил мне вызов, будет повержен; старые законы прогнили – пришло время для новых законов, а пишутся они кровью.

– Врагов?

– Как водится, – обнажила жрица в улыбке белоснежные зубы. – Ибо так их легче запомнить тем, кто с ними не согласен. Что же насчёт пленных кимортов... Догадываешься, почему я позвала тебя поговорить с глазу на глаз?

В комнате словно похолодало – и в то же время стало душно; Алар чуть оттянул ворот рубахи в неосознанном жесте.

«Да уж. Не то чтоб я с самого начала об этом не думал...»

– Не «пленные» киморты, а спасённые, – со вздохом поправил он её. – Только им самим и решать, какую они судьбу выберут.

– Это когда они вообще смогут что-либо решать, – ответила жрица; мягко, но в голосе зазвенел металл, как если бы столкнулись два клинка. – Как ни прискорбно признавать, в последние десятилетия

храм упустил из виду слишком многое. Однако не так давно один из моих воспитанников, который сейчас отбыл на север, сумел вынести из поместья Радхаба несколько учётных книг. И, если им верить, те полдюжины одарённых юношей и дев, с которыми вчера пришлось сразиться, это редкие счастливики... Через руки Радхаба за двадцать лет прошло около сотни кимортов-рабов, большей частью детей. Но выжили лишь самые стойкие – или покорные. Дурман, который лишает кимортов силы, нельзя применять постоянно: он убивает хоть медленно, но верно. Хозяевам приходилось делать перерывы. А как удержать в повиновении того, кто способен одним лишь желанием изменять мир?

«Угрозами, – подумал Алар, испытывая всё большее отвращение. – Истязаниями. Унижением. Страхом. Снадобьями, заставляющими разум помутиться, или вызывающими сладкие грёзы... А потом возникает привычка, и делать-то уже больше ничего не надо».

А вслух ответил только:

– По-разному.

– Вот и Радхаб ничем не брезговал, – подтвердила жрица его догадки. – Он и впрямь превратил их в рабов. Они сломлены – и изломаны. Кто-то привязался к сладкому дурману, кто-то слишком испуган, кто-то вовсе разучился думать и теперь лишь существует... Милосердный Ветер Дождей даровал своим служителям знания, дабы исцелять не только те раны, что видимы глазу; разум тоже. Но всё-таки помощь киморта им не повредит – хотя бы затем, чтоб сдерживать силу больных, не прибегая к снадобьям.

– Хочешь, чтоб я занялся этим? – прямо спросил Алар.

– Или нашёл того, кто сможет помочь вместо тебя, – кивнула жрица. – Не сейчас; сперва надо одолеть армию на подступах к Ашрабу... К слову, куда ты собираешься направиться после битвы?

– Если переживу её? – усмехнулся Алар. И продолжил уже серьёзно: – Вернусь на север. Близ Кашима нам довелось столкнуться с кимортом... с женщиной из моего прошлого, с Дуэсой. Боюсь, именно она в ответе за творящееся здесь беззаконие. Дуэса расправлялась с неудобными кимортами из Ишмирата, одурманивая их и передавая работоторговцам, и она же поставляла Радхабу детей из Лоргинариума. Мне удалось одолеть её – почти чудом; она сумела

бежать и теперь, боюсь, собирается ударить по тому, что, по её мнению, я ценю даже больше, чем свою гордость и жизнь.

– По твоей возлюбленной? – предположила жрица. И нахмурилась. – Постой, она же здесь...

Алар помедлил, прежде чем ответить... и прикоснулся сквозь одежду к камню памяти, гладкому кругляшу на кожаном шнурке.

– Дуэса будет искать мою ученицу.

Жрица, до того уверенная, царственная и отстранённая, помрачнела вдруг – и поникла, так, словно услышала и впрямь дурные вести.

– Я знаю деву, о которой ты говоришь, – тихо произнесла она, и взгляд у неё точно бы потускнел. – Её путь теряется в дымах пожарищ, в злых вихрях и в огне. Она сильна и упряма, однако даже сильнейшие могут пасть жертвой коварства – или предательства. Слишком многое зависит от того, кто будет рядом с нею. Если сердце подсказывает тебе, что ты должен быть там, то иди, и да пребудет с тобой благословение Ветров.

– Ты её знала? – вырвалось у Алар. – Фогарту Сой-рон? Встречала ведь?

– Да, – подтвердила жрица глухо. И подняла на него взгляд, смягчаясь. – Ступай отдыхать. Пусть я прошу тебя о помощи, но с ответом не тороплю: и впрямь, сперва нужно победить, а уже после решать, что делать. Время позднее; мы выступим из города вечером следующего дня, а значит, надо набраться сил. Особенно тебе.

«А тебе нужно сейчас побыть наедине с собой, – подумал Алар, покидая покои жрицы. – Значит, дымы, вихри и пламя... Вот отчего жрицу Унну прозвали Вещей Госпожой, выходит; эх, если бы ещё и пророчества были добрые».

Когда он переступал порог, то заметил, как в дальнем конце коридора, за поворотом, мелькнул край синих одеяний. Пригляделся к потокам морт – и без труда прошёл по следу того, кто долго стоял у дверей, незримый.

И явно не потому, что стоять больше негде было.

– Много ли ты сумел услышать? – спросил Алар, без труда нагнав беглеца, который, впрочем, и не пытался толком сбежать. – Киар.

Пристыженным или раздосадованным тот не выглядел – скорее уж решительным.

– Я отправлюсь с тобой на север!

На это можно было бы ответить по-разному. Но слишком уж Киар выпрямил спину и напряг плечи, слишком тревожно стиснул пальцы на собственном поясе – витом серебряном шнуре... Широко распахнутые синие глаза напоминали сейчас прозрачное ишмирское стекло, а побелевшие губы немного дрожали. Поэтому Алар вздохнул только и спросил коротко:

– Зачем? Так, погоди вздохнуть и лишаться чувств, – почти беззвучно хохотнул он и шагнул вперёд, готовый подхватить Киара, если тот и впрямь завалится; к счастью, не понадобилось. – Давай-ка присядем, хоть бы и вон там. Я не против взять тебя с собой, но покоя на севере ты не найдёшь. Только не теперь: там идёт передел власти, брат восстал против брата, сын против отца... так говорят. И ещё. Ты и сам уже слышал, думаю, но всё же повторю: я иду на север, чтобы остановить Дуэсу, и почти уверен, что найду её там.

Киар, хоть и успел присесть на постамент статуи Незримого Ветра, подпиравшей потолок, потерял на мгновение равновесие и едва не свалился. К его чести, он быстро справился с собой: выдохнул, сцепил пальцы в замок, чтобы скрыть дрожь, и вскинул подбородок:

– Я не позволю Дуэсе владеть моей жизнью и мыслями ещё больше, чем сейчас. Не стану ни бояться её, ни думать о ней... Мне надо на север, потому что у Илки там дом, – тихо продолжил Киар – и сник немного, ссутулил плечи. – И семья. Может даже стать, мать с отцом живы ещё, ждут её... А она хоть и сильная, но морт пока управлять не может.

– Стало быть, ей нужен защитник, – кивнул Алар спокойно.

– Я могу её защитить, – упрямо ответил Киар, точно спорил с кем-то; не с Аларом, конечно, скорей, с самим собой. – И... и всё равно я не посмею пока вернуться в Шимру, – добавил он тихо и зачем-то взглянул на собственные руки, на запястья, где виднелись всё ещё следы от оков. – Может, потом. А если увижу кого-то, кто знает меня... кто знал меня прежнего... Что им сказать? Я и в глаза-то взглянуть не смогу.

Он ссутулился ещё больше; теперь ворот тёмно-синей хисты топорщился у него над шеей, и она казалась тонкой, как у птенца.

– Значит, свидетельствовать в цехе против Дуэсы ты не будешь, – произнёс Алар и почти тут же пожалел об этом.

Киар побледнел ещё сильнее, хоть, казалось уже, куда там.

– Не смогу, – ответил он еле слышно. – Это ведь надо будет рассказать... что она делала со мной... что я делал... что...

– Не можешь – значит, и не надо, моего слова против слова Дуэсы вполне хватит, чтобы цех поверил, – нарочито громко сказал Алар, не давая ему договорить. – А насчёт Илки ты хорошо придумал, в Лоргинариуме её защитить некому будет, а киморт без власти над морт – лёгкая добыча. Значит, лучше идти на север всем вместе. На том и порешим; а пока, приятель, ступай-ка ты спать – да и мне отдохнуть не помешает.

– Это точно, – кивнул Киар. И улыбнулся вдруг. – Тебя твоя кьярчи искала, Тайра. Клялась тебе голову открутить за то, что ты ушёл один, если сейчас же не вернёшься.

– Она, пожалуй, сможет, – вздохнул Алар.

Отчего-то при мысли о Тайре, которая сердится на него и ворчит, в груди становилось тепло.

«Значит, думает обо мне».

Празднество к тому времени почти закончилось. В пиршественном зале остались лишь самые стойкие – и самые пьяные. Рейна с новой своей подружкой, освобождённой из плена, с Мэв, уже сладко спала в отведённых им покоях – и даже во сне не выпускала чужой руки, тонкой, с выпирающими косточками и едва-едва зажившими отметинами от пут. Соседнее же ложе, предназначенное для Тайры, пустовало, и подушки были холодны. Алар обошёл комнаты, отведённые для сопровождавших его людей, и, нисколько не удивившись, обнаружил её в собственной спальне. Там, где слабо мерцала бездымная жаровня с морт-камнями в одном углу, а в другом – курились благовония, источая сладкий, немного прохладный аромат, напоминающий смутно знакомые цветы с севера, бледно-лиловые, с мелкими серебристыми листьями...

«Как они назывались-то? – пронеслось в стремительно пустеющей голове. – А, какая разница».

Тайра – без верхних одеяний, в одной нижней рубаше со шнуровкой и в тонких штанах на южный манер – сидела на краю его постели, подбрасывая на ладони монетки.

Пять золотых.

– Думала, ты опять сбежал, – произнесла она, когда молчание затянулось; монетки звякнули снова. В полумраке зелёные глаза казались чёрными, остекленевшими, и в них отражалось мерцание жаровни. – Как тогда.

– Может, и стоило бы, – вздохнул Алар, присаживаясь рядом. И добавил неожиданно для самого себя, поддавшись порыву: – А и правда, оставайся в храме. И за Рейной присмотришь, и за её подружкой, и сама целей будешь.

– А ты сражаться пойдёшь? – криво улыбнулась Тайра и согнула ноги, подтягивая колени к подбородку. – Я слышала ваш разговор, хоть и не целиком.

– Мне уже кажется, что легче найти того, кто его не слышал.

– Не ворчи, – фыркнула она. И – ссыпала злополучные монетки на край постели, на смятые узорчатые покрывала. – Скажи лучше спасибо, что я Рейну спать погнала вовремя и следить за тобой не пустила, а то она тоже в бой рвалась... Впрочем, отчего б её и не пустить, если она рвётся? Посчитай-ка, сколько раз бы ты уже помер тут, на юге, если бы один бродил!

Алар сперва хотел возмутиться, но, припомнив всё, что было, нехотя согласился:

– Один раз так точно, когда пришлось столкнуться с Дуэсой... А то и дважды уже, – добавил он, скрепя сердце, сообразив, что уснул и в последнем сражении, причём задолго до конца. – Но то было прежде, а нынче есть кому меня защитить, если понадобится. Взять хоть Киара. Или, положим, Дёрана...

– Этого-то бродягу? А что он сделает, семистрункой врага отходит или песню споёт? – белозубо усмехнулась Тайра; возразить, не раскрыв секрет Дёрана, не вышло бы, и потому Алар промолчал, а она продолжила настойчиво: – А если и так, то получается, что все самые сильные и надёжные в бой отправятся, а здесь тогда останется кто? Кто нас с Рейной защитит, если враг решит ударить в спину? Не надёжней ли идти всем вместе?

Он и сам прежде размышлял о чём-то подобном, потому спорить не стал.

«И впрямь, – пронеслось в голове. – Если так рассудить, то безопасней места, чем рядом со мной и с Дёраном, во всей пустыне не найти».

– Значит, вместе и пойдём.

– А если даже в спину никто не ударит, то... Пстой, – встрепенулась Тайра недоверчиво. – Ты что, согласился со мной?

Алар посмотрел на неё – взъерошенную, настороженную – и не выдержал, расхохотался.

– А тебе лишь бы поспорить, что ли? В единении радости нет? – спросил вкрадчиво, отсмеявшись. И добавил, не дожидаясь, пока она обидится: – Шучу. Отчего б не согласиться, если доводы разумные?

«Да и проще вас под надзором держать, чтоб вы подвигов не натворили», – подумал он, но вслух благоразумно ничего не сказал.

– Ясно, – ответила Тайра неожиданно кротко. И – опустила взгляд. – Послушай... А ты помнишь хоть что-то о своих чувствах в тот миг, когда ты стал... ну, прежним собой?

Это был очень тонкий лёд.

Ответил Алар не сразу.

– Помню, что говорил, – произнёс он наконец. – Но не помню, о чём думал или что чувствовал.

А Тайра вдруг вздохнула глубоко – и прикрыла лицо ладонями, словно маской.

– Ты сказал, что я права была, – её голос звучал глухо и хриловато. – Выходит, ты и впрямь выбрал бы меня, даже если вернул бы память? Не эту свою девку рыжую? То есть... – Она издала странный, свистящий звук, словно с трудом могла дышать. И продолжила торопливо, оправдываясь: – погоди, не говори ничего. Я знаю, что она славная и худого никому не желает, и что ты её знаешь сизмальства, и что это я тут себя веду как глупая сварливая бабища, но как подумаю о ней – так в груди всё закипает, и болит, болит... Так ты кого больше любишь? – чуть опустила Тайра ладони, так, что теперь прикрывала себе только рот, но не глаза – глазищи, вернее, казавшиеся сейчас бездонными. – Меня... или её? Фогарту свою? Ты ведь разлюбил её? – добавила она жалобно, просительно.

Мерцали морт-камни в жаровне, потрескивая тихо, совсем как настоящие угли; вился тонкий сизый дымок над курильницей с благовониями, прозрачный почти, как шёлковая ленточка... Тайра в невесомых одеяниях выглядела уязвимой, словно бы обнажённой, зажималась и горбилась – оробевшая, совсем не похожая на себя обычную.

Алар смотрел на неё, и горячее, страстное чувство у него в груди переплавлялось в нежность, от которой перехватывало дыхание.

– Иногда я забываю, как ты молода ещё, – тихо сказал он – и бережно коснулся её лица, самыми кончиками пальцев, вскользь. – Молода – и потому нетерпелива. Люди так мало живут... наверное, потому и судят поспешно, и жадно торопятся всё прочувствовать, всё решить раз и навсегда. А у кимортов другая беда: мы слишком медлим, потому что подспудно знаем: многое может измениться – и не единожды. И выходит, что я-то хочу, как лучше, а тем только мучаю тебя. – Он снова погладил её по щеке, заставляя опустить руки, открывая лицо, и расслабиться. А сам – вслушивался в себя, стараясь уловить нечто глубинное, необъяснимое, до чего даже спутник дотянуться не мог; не знание даже – отзвук, эхо. – Фогарта Сой-рон значит для меня очень много. Я не стану обманывать тебя, отрицая это. Она была для меня не просто ученицей, но и частью моего сердца, моей... моей... – Алар на мгновение прикрыл глаза, стараясь облечь в слова ощущение-впечатление, вымарать которое не мог даже сброс. *Отблеск рыжих волос; широкий рукав светлой хисты; движение, прикосновение, улыбка...* – Она моя семья. Да, семья. И она будет важна для меня, что бы ни случилось.

Стоило это сказать, и стало легче; многое точно стало яснее, приняло чёткую форму, наполнилось жизнью... стало настоящим.

Тайра побледнела в прозелень – и похолодела, кажется.

– А я? – еле слышно выдохнула она.

– А тебя я люблю, – ответил Алар спокойно; морт же, откликаясь, хлынула отовсюду, стекаясь огненным туманом, как сгустившийся солнечный свет. – И желаю. И никому не позволю забрать... ты ведь останешься со мной? Скажи, что да; всё равно ведь не отпущу.

Она глянула на него, ринулась вперёд почти яростно, почти зло – и поцеловала.

...невесомо, целомудренно и нежно.

Губы у неё были сухие.

– Люблю, – повторяла она, выцеловывая край рта, скулы, висок – всё более жадно и торопливо; от неё исходил жар и пахло солью, как после долгих слёз. – Люблю, люблю, люблю. Не отдам никому. Мой, мой...

Спутник вертелся вокруг, как докучливая муха, суля весь прельстительный опыт из той, прежней жизни, все сокровенные знания об удовольствиях... Но Алар только отмахнулся. Его это не волновало, а волновала только Тайра: её отзывчивость, её страхи и жажда, и то, как осторожно приходилось избавлять смуглое, разгорячённое тело от тонких одежд.

– И не отдавай, – шепнул он ей – и прикусил легонько солоноватую мочку уха. – Хотя кому я нужен, если так рассудить? Бродяга без дома, без рода.

– Дурак...

– Видишь, и дурак к тому же.

Она рассмеялась сдавленно, а потом вздохнула резко, точно захлёбываясь – и потянула его на себя.

«Вот ведь нетерпеливая, – подумал Алар с нежностью. – Словно боится, что я вдруг исчезну... Хотя, признаться по правде, не без оснований: сбежал же я уже раз».

Ему стало смешно – и очень, очень легко.

Он целовал её, и прижимал к себе, и оглаживал напряжённую поясницу, плечи, грудь; морт, вскипая, то растекалась вокруг, словно солнечный мёд, то закручивалась жгутами, и Тайра вздрагивала, когда эти жгуты касались обнажённой кожи.

«Она ведь не должна ощущать морт, – пронеслось у Алара в голове, звеняще пустой сейчас. – Впрочем, кто подскажет, на что способна вайна – вдруг её и впрямь благословило божество».

А потом и вовсе стало не до размышлений.

Тайра – бойкая на язык, бесстрашная, свободная – и впрямь не знала до него других мужчин; не знала – и всё-таки отчаянно рвалась показать, что умеет; выходило неловко, торопливо, даже целоваться и обнимать толком не получалось – то носы мешались, то локти... Но было хорошо, слишком даже. Алар нарочно останавливал себя, заставлял двигаться медленнее, осторожнее, чтоб ни в коем случае не напугать; хотелось не просто продлить мгновение – совсем остановить.

Чтобы не возвращаться туда, где была война – и горе, и смерть, и тьма.

... Тайра выгнулась, вскрикнула – и затихла.

– Устала? – спросил Алар, призывая морт и делая её текучей, прохладной, как вода – чтоб омыть тело, не спускаясь в купальню. – Я тебя утомил?

Тяжело дыша, Тайра открыла глаза; лицо у неё пылало так, что поднеси шёлковый платок – и он вспыхнет, как от углей.

– Выдумал тоже, – фыркнула она. И сощурилась. – А разговор-то было! Может, ты сам утомился?

«Вот ведь язва», – с нежностью подумал Алар.

А вслух сказал задумчиво:

– Кто знает... Мне после сброса было не плотских утех, недосуг было выяснять – вот сейчас и проверим. Спешить некуда – рассвет далеко.

– Какой такой рассвет? Эй, сильномогучий, ты погоди, м-м... м-м-м...

Много позже – солнце тогда и впрямь, наверное, уже взошло – они лежали бок о бок, разморённые, обессиленные; Тайра, давно охрипшая, растерявшая насмешливость и нахальство, и вовсе засыпала. А Алар никак не мог, хоть и впрямь устал. Он смотрел на неё, приподнявшись на локте, и невесомо гладил по волосам, завивавшимся крупными кольцами от влаги. Блаженная нега омрачалась тревогой, неясной, но мучительной. Когда Тайра пошевелилась и промычала что-то сквозь дремоту, Алар вздрогнул и быстро переспросил, сжав пальцы на чужом запястье чуть сильнее, чем надо бы:

– Что ты сказала?

– М-м, – отозвалась она неопределённо, потом утихла... и вдруг добавила чётко: – Завтра пойду с тобой.

И на долгую-долгую секунду Алар ощутил головокружение – такое, словно стоял у большой высоты.

...у большой пустоты.

Их не тревожили до вечера – почти до тех самых пор, когда настала пора отправляться в путь. Времени едва-едва хватило, чтоб забросить скудные пожитки в дорожную сумку и перехватить немного еды на ходу; впрочем, с голоду и второпях несколько лепёшек с пастой из бобов, зелени и пряностей показались роскошной пищей, достойной правителя.

– И вот этого глотни, – улыбнулся молодой жрец в зелёных одеяниях, подавая Алару пиалу с чёрной водой, горячей, пахнущей орехово и терпко. – Придаст бодрости перед долгой дорогой.

– Не откажусь, – усмехнулся он. Вдохнул аромат, затем пригубил из пиалы, покатав горечь на языке. – Отчего-то мне кажется, что этому напитку подошёл бы мёд и или специи...

Улыбка жреца стала лукавой.

– Так его и подавали, – подтвердил он, чуть склонив набок обритую голову. – Лет сто, пожалуй, назад.

Изрядно выцветшая звезда спутника над плечом возмущённо затрепетала – видно, сказанное расходилось с истиной, однако Алар не стал вслушиваться и отмахнулся. Сейчас он чувствовал себя настолько живым, насколько это возможно, и полным сил; шаг немного пружинил, разум был ясным, а будущее представлялось в светлых тонах.

Мрачное наваждение ночи сгнуло без следа.

Тайра тоже выглядела счастливой и посвежевшей; появившись здесь брат, Тарри, никто б уже не принял её за старшую сестру. В отличие от Алара, она не стала разнеживаться и выскользнула из спальни ещё днём: помогать Рейне собираться, примерять новые одеяния, подаренные храмом, и делать множество других, невидных, однако необходимых дел. Встретиться удалось уже перед самым отбытием. Одного поцелуя вскользь, на бегу, было отчаянно мало, но для большего не нашлось ни времени, ни места, чтоб остаться только вдвоём. В храме не было суеты. Скорей уж, он напоминал сейчас полноводную реку с быстрым течением: все передвигались точно в одном потоке, связанные общей целью... Люди Ачира тоже влились в этот поток, мягко направляемые жрецами; к назначенному часу мехи и фляги были полны свежей воды, тхарги оседланы – и объединённое воинство ступило за стены города.

Солнце тогда уже почти утонуло в песках, и жгучий ветер начал медленно остывать.

На пустыню опускался вечер.

Казалось бы, Земля злых чудес многое уже повидала – и плохого куда больше хорошего, но короткая ожесточённая война изменила её сильнее, чем можно было бы представить.

Ашраб, прежде бывший сосредоточением роскоши и богатства, обезлюдел и поблек. Исчезли с городских стен разноцветные полотнища, расшитые гербами уважаемых семей; многие дворцы лежали в руинах; всякая работа остановилась, кроме самой необходимой: не чадили кузницы, закрылись чайные, музыка не звучала в домах удовольствий... Да и за пределами столицы жизнь затихла. Не спешили от оазиса к оазису богатые караваны, нагруженные драгоценными товарами, не летели над песками всадники-арафи на своих стремительных скакунах, исполняя волю конклава и просто красуясь, не звучали степенные разговоры у источников. Даже барханы – и те выглядели нетронутыми, хотя прежде и часа не проходило, чтоб чья-то нога не нарушила прихотливый узор на склоне... За минувшие дни ветер стёр все следы – и человечьи, и звериные.

Пустыня выглядела безмятежной, прекрасной и тихой – если б не призрачный запах гари и не предчувствие беды.

На первом же привале Алар по указанию жрицы ещё раз осмотрел снаряжение, особое внимание уделяя мехам с водой – не отравил ли кто запасы? – и морт-мечам; затем сверился с картами и изучил округу, надвинув на глаза новенький окулюс. Однако в окрестностях и впрямь было тихо: ни коварных врагов в засаде, ни смертоносных аномалий на пути.

– Не понимаю, – нахмурилась Вещая Госпожа, глядя, как тонкие серпы лун висят над дальними дюнами, один над другим. – Ведь должна быть угроза... какая-то скрытая угроза, которая довлеет над нами, – пробормотала она непонятно.

– Вот проявится – тогда и будем с ней бороться, – пожал плечами Алар, изрядно утомлённый лишними проверками. – Глядишь, если скрытое не беспокоить, оно и не раскроется. Мы уже одолели основные силы Радхаба, осталось одно последнее усилие.

– И всё же недооценивать его не стоит, – качнула жрица головой. – Пустынные падальщики обычно пускаются наутёк, едва заслышав шум шагов. Но если такого падальщика загнать в ловушку, то он станет бросаться на противника с отчаяньем и свирепостью... Всё равно помрёт, но вреда причинит много.

– Ну, если самих себя измотать лишней бдительностью, то пользы точно не выйдет.

– И то верно.

Хоть Алар и возражал жрице вслух, но про себя задумался о том, откуда можно ждать удара; так ничего и не надумал, зато не успел толком перекусить во время остановки. Перед тем как снова тронуться в путь, он подсел к Рейне и ещё раз затвердил с ней, как действовать перед лицом врага.

– На рожон не лезть, – повторила девочка послушно, загибая пальцы. – Защитить прежде себя, потом кого-либо другого. Держаться или тебя, или Дёрана, или жрицы, а если совсем худо станет, то бежать прочь, прятаться и ждать помощи... Учитель, а если помощь не придёт?

– Пока я за тебя отвечаю, то права помереть у меня нет, – ответил Алар с улыбкой, хотя вовсе не ощущал той уверенности, с какой говорил. – А если я не помру, значит, непременно тебя найду... Ну-ка, покажи, как мы с тобой учились защищаться от морт-меча?

Затем он наведалься к Дёрану, который снова правил струны на своём инструменте; наконец, взял с Тайры обещание в драку не лезть и, если что, хватать Рейну в охапку и прятаться. Хотел и Киару поручить что-нибудь, но понаблюдал за тем, как тот безмятежно дремлет, пристроив голову на коленях у Илки-северянки, и отступил.

«Хоть один разумный человек во всём лагере, – с трудом удержался от вздоха Алар. – Ему сказано было отдыхать – он и отдыхает».

– Долго ли осталось ехать? – послышался тихий вопрос, когда Алар, улучив момент, подогрел остывшую лепёшку с мясом и попытался всё-таки поесть, раз уж подремать не получилось. – Жрица говорила, что вражеское войско стоит лагерем в одном дневном переходе...

– Нынче лето, ночи короче дня, – ответил он, не раздумывая; обернулся и увидел Мэв. Девочка была не такой болезненно истощённой, как в первые дни после освобождения, но вокруг глаз по-прежнему залегала чернота, на запястьях виднелись шрамы оков, а морт плясала вокруг золотистым бездымным пламенем, ярким и злым. – Но мы передвигаемся быстрее, чем рассчитывали; полагаю, что на место прибудем ещё до рассвета... А ты чего не с Рейной? Вы не поссорились?

На мгновение – слишком короткое, чтоб кто-то посторонний заметил, но Алар-то был не посторонним – лицо у Мэв смягчилось, а глаза чуть посветлели.

– Рейна хорошая, с ней ссориться не выходит, – ответила она. И добавила непонятно, ни к чему: – Она будет жить долго-долго.

– А ты нет, что ли? – с подозрением сощурился Алар, догадываясь, откуда может прийти «беда», о которой упоминала Вещая Унна. – К слову, ты с кем в седле едешь? С молодой жрицей вроде? А ко мне пересесть не хочешь? А то скоро к вражескому войску подъедем, вот мне тогда-то твои молодые глаза и понадобятся, – схитрил он невинно, предположив, что с девчонки станется обмануть жрицу и убежать навстречу подвигам, справедливой мести...

И смерти.

Мэв, против ожиданий, легко согласилась: и пересесть к нему, и помочь. Окулос нацепила без возражений, наоборот, с любопытством; когда освоилась, то даже задала несколько вопросов о том, что увидела: о красном вихре, следующем за войском, о том, почему одни морт-мечи выглядят ярче, а другие тусклее... Алар отвечал охотно, принимая её интерес за добрый знак. Лишь однажды помедлил, когда Мэв спросила о камне памяти.

– Ничего особенного, просто амулет, – откликнулся он, машинально прикасаясь к камню сквозь рубаху и накидку; даже так ощущалась противоестественная гладкость поверхности там, где прежде было высечено имя Фог. – Давным-давно я собирался сделать кое-что, но не преуспел. Теперь это просто... просто напоминание.

Девочка серьёзно кивнула, словно такой ответ её удовлетворил, и снова принялась вглядываться вдаль – туда, где поджидало, согласно донесениям храма, вражеское войско с Радхабом во главе.

...Так или иначе, но передвигались они и впрямь немного быстрее, чем рассчитывали. Было ли это благодаря стечению обстоятельств, неточным картам или аномалиям пустыни – никто не знал; Дёран, правда, шутил с серьёзным лицом, что это он-де спрямил пути, и многозначительно касался семиструнки, но его слова никто – кроме Рейны, пожалуй – всерьёз не принимал. Когда у горизонта показалось скопление морт, Вещая Унна велела войску остановиться, отправила разведчиков вперёд и созвала совет; кроме нескольких

старших жрецов, возглавлявших отряды, присутствовал Ачир со своим коротышкой-телохранителем и Алар.

– Радхаб, увы, не дурак, – вздохнула жрица, снова и снова просматривая карты и донесения. – И выводы из поражения в Ашрабе он сделает. Там он ожидал помощи от своей союзницы-киморта, но вместо этого внезапно столкнулся с врагом-кимортом... и не с одним. Теперь же он знает и о тебе, и о твоих друзьях, – обернулась она к Алару. – Значит, надо быть готовыми к любой подлости.

– Заложники. Дурман. Ловушки, – спокойно перечислил Алар возможности. Он и сам много размышлял об этом в пути – и придумал кое-что дельное. – Думаю, что для начала стоит наслать на армию Радхаба красный вихрь, садхам. Садхам – явление для пустыни естественное, потому он не удивится, увидев его на горизонте, и, возможно, ничего не заподозрит. А мы сперва поглядим, использует ли он кимортов-рабов, чтобы защититься от вихря, или только морт-мечи, а затем только атакуем.

Унна заинтересованно вскинула брови, подведённые золотом:

– Ты можешь приказывать садхаму?

– Ну, положим, не я сам...

План жрице понравился. На Алара она возложила две задачи: во-первых, обезвредить кимортов-рабов, если таковые у Радхаба остались, во-вторых, сломать столько морт-мечей, сколько получится, причём сделать это под прикрытием садхама.

– Остальное оставь нам, – добавила она, переглянувшись с Ачиром. – Мы лучше знаем, как воевать в песках... И это наша битва.

– Да и дурное дело, если киморту приходится мараить руки в крови, – добавил Ачир. – Особенно в крови обычных людей. Знаешь, почему рабство так быстро наполняет душу чернотой? – спросил он Алара вдруг. – Да потому что раб перед хозяином ничтожен; помыкая ничтожными, верша их судьбы, наказывая, мучая, убивая – привыкаешь к безнаказанности. К тому, что тебе всё дозволено лишь потому, что ты – это ты, а они – сор у тебя под ногами... Так и простой человек перед кимортом ничтожен, бессилен. Для нас это будет битва; для такого как ты – бойня.

И пусть над пустыней ещё реяли ещё тёмные знамёна ночи, пусть до рассвета с его пылающим солнцем, с мучительным зноем было далеко, Алара кинуло в жар.

– В бой я и сам не рвусь, но хоть защищать-то вас можно? – только и сумел ответить он.

– А это уж будь любезен, – с усмешкой произнёс Ачир. И добавил невпопад: – Интересно, а мать моя там, среди них?..

– Вернутся наши люди с донесениями – и узнаем, – пообещала ему жрица.

Но ни один из шпионов, оправленных храмом к вражескому войску, так и не возвратился.

«Плохо, – отметил Алар, взглядываясь до рези в глазах в тёмную даль; сумрак, впрочем, начал уже постепенно редеть. – Либо всем им очень не повезло, либо Радхаб хорошо подготовился к этой битве и ждал гостей».

Думать о том, что во вражеском войске может оказаться куда больше кимортов, чем предполагала Унна, и вовсе не хотелось.

Небо на востоке побелело, а у самого горизонта появилась медно-розовая полоса; пока размытая и бледная, с каждой минутой она разгоралась всё жарче. Времени оставалось не так много. Если Радхаб сумел перехватить разведчиков храма, то он мог напасть в любой момент, и тогда преимущество оказалось бы на его стороне... Оставив командование войском на Ачира и Вещую Госпожу, Алар разыскал Дёрана и коротко изложил ему новый план с садхамом.

– Попробовать можно, – со вздохом откликнулся сказитель, снимая семиструнку с плеча. – Не знаю, выйдет ли толк; но если так получится разыскать кимортов-рабов сразу, не вступая в сражение, то мы избежим многих и многих жертв.

Однако он не успел даже положить пальцы на струны, как с юго-запада, там, где царила ещё непроглядная ночь и небеса были иссиня-чёрными, донёсся призрачный гул – и взметнулась вверх над дюнами волна морт.

У Алара брань к языку присохла.

– Вот же... – вырвалось беспомощное, куцее. – Не успели.

– Успеем, – мрачно пообещал Дёран. И – сноровисто увязал волосы тонким шнурком, чтоб не мешались. – Ступай. Этот удар идёт вскользь, так что мне и самому хватит сил перенаправить его в сторону. Но это они так, примеряются, а вот в следующий раз... Иди, – повторил он, не отрывая взгляда от поднимающейся волны, только

сузил глаза, подведённые красным. – Что ты там делать должен? Вот и делай.

Ноги проскальзывали на песке – да и вообще двигались слишком медленно, как в кисель погружённые. Стиснув зубы, Алар шагал и широко размахивал руками, чтобы сохранить равновесие; тонкая ткань нижней рубахи липла к взмокшей спине, выбившиеся из узла волосы лезли в лицо, в рот... Волна морт, горячего воздуха и песка накатывала неторопливо, но неумолимо, как пыльная буря, и внутри мутного облака били молнии.

«Это работа не киморта, – подумал Алар, переходя на бег; в том, что Дёран отразит удар, он не сомневался, но другие-то об этом не знали, и потому лагерь наполнился криками, суетой, беспокойством. – Морт-мечи в единой атаке? Тоже нет... Киморт направляет атаку мечей? Больше похоже на правду, но тогда для раба он слишком уж умелый».

Некстати вспомнилась зыбкая тень чужой силы – силы, повелевающей морт – у самых ворот Ашраба, которая исчезла, когда отряд Ачира приблизился к городу. Алар тогда отметил это, готовясь схлестнуться с неизвестным кимортом в битве; но так и не встретил его – а затем и вовсе думать о нём забыл, не до того было.

– А зря, – бормотал он. – Очень зря.

Дёран, конечно, справился.

Огромная смертоносная волна прошла стороной – и сгнула, развеялась над розовеющими песками под тревожную, аритмичную мелодию семиструнки. А Алар – взмокший, запыхавшийся, со съехавшей набок чалмой – успел-таки добраться до цели.

...Рейна – одетая во всё чёрное, и впрямь как молодой воинственный господин из рода всадников-арафи – упрямо карабкалась на терпеливого, спокойного, и не такое повидавшего тхарга со снулым синим гребнем; Тайра, бранясь сквозь зубы, пыталась стянуть её за ногу вниз. Заприметив Алара, обе они одновременно ойкнули – и разжали руки.

Рейна мешком свалилась на песок; Тайра шагнула вперёд, навстречу, солнечно улыбаясь:

– Пришёл-таки!

– А куда я денусь? – откликнулся Алар, упираясь ладонями в собственные колени и пытаясь отдышаться. – Так... Погодите

минуту... Битва началась, но не на наших условиях, придётся потрудиться, чтобы победить, не умножая ненужных смертей. Тайра, приведи-ка второго тхарга, поедешь вместе с Рейной. Рейна – твоя задача следить за тем, чтоб в воздухе не было дурмана, вот отсюда и до того края. Справишься?

– Справлюсь, – кивнула она серьёзно, тут же прекратив суетиться; лишь то, как её посмуглевшие, обветренные пальцы касались верёвочного хлыста, притороченного к поясу, выдавало, что она беспокоится. – Справилась ведь один раз, а второй раз всегда проще!

– Вот и молодец, – подытожил Алар. И повернулся к настороженно замершей Мэв, на ходу придумывая задание: – А ты... ты поедешь со мной. Окулос при тебе? Вот и славно, будешь смотреть, где видны вспышки морт, и считать их. Надо понять, сколько кимортов держит при себе Радхаб... сможешь?

Она кивнула и задумчиво опустила взгляд; у Алара от сердца отлегло:

«Ну, вроде и эту мстительницу делом занял».

Выискивать кимортов-рабов и морт-мечи он собирался, разумеется, сам.

– А я?

Он не сразу даже понял, кто это спросил; осознал лишь тогда, когда поднял взгляд и увидел Киара, напряжённого, бледного; они с Илкой держались за руки, скрывая прикосновение под широкими рукавами, и старательно смотрели в разные стороны, как чужие.

– А ты защищай то, что тебе дорого, – с улыбкой ответил Алар; на сердце сделалось на секунду тепло. – И вперёд особенно не лезь; иногда важно бывает оказаться на шаг позади и заметить то, что другие упускают из виду... А вот и садхамы показались. Пора и нам трогаться в путь. Тайра?

– Да веду уже, веду... Ну куда ты прёшь, упрямая скотина!

Перебор семиструнки вдали стал неровным, сердитым; звук становился то громче, то тише, а тоненькое, высокое дребезжание сменялось вдруг низким, утробным гулом, словно большой тяжёлый жук напрягал крылья, пытаясь взлететь. Вихри садхамов – нынче не алые, а чёрные, оттого что света не хватало – двинулись от горизонта, сперва медленно, неохотно, затем всё быстрее.

«Один, два, – считал про себя Алар, вглядываясь в колебания морт в глубине вихря. – Пять? Ох, и постарался же Дёран...»

Его серый крапчатый тхарг шустро перебирал лапами, но садхамы, конечно, были резвее. Один из них, плотный, крупный, источающий тоску и жуть, как гаснущая лучина источает горький запах, проскочил совсем близко, шагах в пятидесяти. Тхарг, на котором ехали Тайра с Рейной, заартачился и встал на месте, как истукан, едва не сбросив их обеих, и Алар тоже натянул поводья, заставляя своего скакуна остановиться, потом крикнул:

– Вы целы? – и, когда Тайра махнула рукой, добавил: – Тогда переждём здесь. Заодно и посмотрим, где там войско Радхаба и его киморты... А Киар где?

– За тхаргом побежал! – крикнула Тайра в ответ, вроде бы весело, но в голосе её сквозило напряжение: ей явно было не по себе посреди пустыни, между смертоносными вихрями и вражеской армией. – Нагонит, чай, не дитя!

«Не дитя, конечно, – подумал Алар, невольно сжимая пальцы на плече у замершей Мэв чуть сильнее. – Но и ему несладко придётся, если окажется вдруг на пути садхама... Вон ещё один летит – как раз наперерез».

Но тут все посторонние мысли вышибло из головы, потому что первый, самый шустрый вихрь достиг наконец цели – и налетел на войско Радхаба.

Морт вскипела; прозрачный ночной воздух помутнел от бесчисленных частиц багрового песка, задрожал... и внезапно картина изменилась, вместо ровных, нетронутых дюн открывая хорошо укрепленный лагерь с шатрами, огнями и множеством бойцов: всадников на тхаргах, стреломётчиков, чьё оружие переливалось огнями морт, пеших мечников...

Враг был куда ближе, чем казалось.

– Морок, – пробормотал Алар, холодея. – Выходит, у него и впрямь есть опытный киморт.

«А если не один? – стучало в висках. – А если я ошибся и Дуэса на самом деле там, с Радхабом?»

Мэв поёрзала и ссутулилась; хоть сёдла для тхаргов и были приспособлены, чтоб брать дополнительного седока, она явно испытывала неудобства – возможно, уже потому, что сидеть

приходилось вместе с женщиной. Однако она не жаловалась и не просилась пересесть к Тайре – и сквозь мутноватые стёклышки окулюса смотрела не мигая, так напряжённо, словно от этого зависела её жизнь.

Алар, впрочем, тоже разглядывал чужой лагерь, не отрываясь.

...отсюда, издали, через массивный, устаревший, но мощный окулюс, вражеское войско напоминало рассеянный рой светляков. Огоньки кучковались по дюжине штук, словно бы зябко жались друг к другу, и различались цветом и яркостью. Подкрутив линзы, Алар стал различать больше деталей – и приблизительно понимать, что, вернее, кто стоит за каждым «светлячком».

– Мечники – четыре отряда по двенадцать человек, – выдохнул он еле слышно. – Что там у них? Огонь и ветер, ага... А эти три кучки по полдюжины – верно, со стреломётами стоят. Морт-стрела может много бед натворить... А вон там, верно, ставка.

– Ставка? – так же тихо переспросила Мэв, ёжась; за гулом садхама, нападающего на врага, её почти не было слышно.

– Там командиры сидят, – пояснил Алар рассеянно, пытаясь настроить окулюс получше, чтоб картинка не расплывалась. – Оттого её и защитили лучше, чем всё остальное войско вместе взятое. Видишь синеватый купол? Вот это защита и есть, а яркая звезда рядом – видно, киморт: вон как от него вверх потоки закручиваются. Молодой, похоже: мощи-то хватает, но ни опыта, ни аккуратности нет. Ах... ах-кха-кха!

Горло у него сдавило так резко, что сперва он даже не понял, что произошло. И, лишь падая с тхарга на холодный песок, плашмя, спиной, осознал:

«Мэв».

Это её сила, обманчиво спокойная, как глубокая вода, заставила свисающие сбоку ремни окулюса обернуться вокруг шеи – и сжаться так, что на мгновение у Алара в глазах потемнело, и он даже не ощутил толком боли от падения. Почти не сознавая, что делает, он подтянул морт, раздирая и ремни, и сам окулюс, и даже верхнюю часть накидки; сел, захлёбываясь кашлем – и ощутил горячие руки, поддерживающие его.

– Тайра... Мэв, она, кха-кха...

– Тебя скинула и к войску поскакала, – мрачно ответила Тайра. – Ну-ка, глотни воды... Ишь, как тхарга гонит.

– Вот ведь дурища, – выдохнул он, часто моргая; ресницы слиплись, а горло саднило, точно он песка вдохнул по скудоумию. – Погоди... А Рейна где?

– За ней скачет, – откликнулась Тайра ещё мрачней. – Думаешь, тебя одного наземь скинули?

Сквозь муть, застилающую взгляд, сквозь пылевую взвесь в воздухе и редющий мрак Алар углядел наконец два силуэта, мчащихся к багровым вихрям садхама, подсвеченным лучами восходящего солнца, и грудь пронзило мучительной, тянущей болью.

– Дурочки, – пробормотал он и с трудом поднялся на ноги, шатаясь. – Обе дурочки... Тайра, погоди тут, я...

– Да куда тебе?! Едва стоишь!

– Я сказал – подожди здесь! – рявкнул он, теряя терпение, и Тайра отшатнулась.

Стало мерзко – от самого себя; но времени оставалось слишком мало, чтоб терять его на извинения, и Алар просто поцеловал упрямую кьярчи в висок, невесом обняв; затем отодрал от края собственной накидки полосу, наполнил её морт, заставляя отвердеть, вскочил – и полетел следом за двумя всадницами, на белом тхарге и на крапчатом.

На фоне клубов алого песка, взметнувшихся до самого неба, они казались совсем крошечными.

«Вот ведь дурочки, – звенело в голове тревожным набатом. – Вот ведь... А и я-то хорош, разиня, остолоп».

Спутника он загнал в меч, и теперь клинок жалобно дрожал... или, быть может, это его собственная рука дрожала. Глотка огнём горела; перед глазами плавал туман. Алар двигался, конечно, куда быстрее, чем его своевольная ученица и её подружка, но всё-таки недостаточно споро; догнать их до того, как они достигнут вражеского войска, пока ещё укрытого за садхамом, никак бы не получилось. Недолго думая, он собрал морт упругой волной – и отправил перед собой, наделяя одним стремлением.

«Вернуть назад».

Тхарги, настигнутые врасплох, загарцевали на месте, высоко вскидывая лапы, а затем обмякли – и поплыли назад, приподнявшись над песком, а вместе с ними – и всадницы. Мэв пыталась

противостоять, но куда там! Рейна, недолго думая, обвинила её своей зачарованной верёвкой и спеленала, как младенца; девочки кричали друг на друга – голоса уносил ветер, и ветер пах солью, железом.

Так пахнет безжизненное море – или горячая, живая кровь.

– Неужели получилось? – пробормотал Алар.

...а затем над вихрями садхама вздыбилась новая, более чудовищная и смертоносная волна.

Войско Радхаба оправилось от первой неудачной атаки – и атаковало вновь, но теперь уже прицельно; садхам буквально смело – верней, он шарахнулся вбок, стремительно уменьшаясь в размерах, и полетел всё быстрее и быстрее.

Две всадницы на обмякших тхаргах двигались куда медленнее, несмотря на постоянно вливавшуюся морт.

«Не успеваю, – осознал вдруг Алар, и затылок сделался подозрительно лёгким. – Не хватает сил, даже сейчас... Да что ж такое!»

До девочек оставалось около тысячи шагов, и убийственная волна настигла бы их раньше, чем они добрались бы до него. А вокруг была всего лишь пустыня – дюны, барханы, некуда спрятаться, негде укрыться... Алар дёрнулся к ним навстречу, но затем обернулся – и увидел крошечную, хрупкую фигурку в тёмных одеяниях на тысячу шагов позади.

«Тайра».

Если б даже он успел перехватить Рейну и укрыться вместе с ней, то вернуться к Тайре бы уже не успел.

Во рту стало солоно и кисло; он с трудом сглотнул, сощурился, пытаясь согнать дурноту... Времени почти не оставалось.

«Сейчас или никогда».

Перехватив меч поудобнее, Алар попытался испытанным уже дважды способом на короткое время вернуть себя прежнего – и полоснул лезвием по едва поджившей руке, по запястью, обильно пропитывая кровью металл.

И – ощутил чудовищную, изматывавшую дурноту.

Меленько дрожащий клинок вдруг точно остекленел – и дал трещину.

Звезда спутника, злая, гневная, выскочила из меча и воцарилась над плечом, зажужжала, забормотала неразборчиво... А Алар осознал,

что он заваливается боком на песок и в глазах у него темнеет.

Умирать было не страшно – страшно было не успеть.

Не спасти.

– Только не сейчас, – шептал он, протягивая окровавленные пальцы к сердито мерцающей звезде. – Пожалуйста, не сейчас... Помоги, не оставь, Алаойш Та-ци...

Зрение сузилось до одного маленького кружка, и сквозь этот кружок – дырку в мути и темноте – виднелась только жаркая, смертоносная волна.

Две всадницы исчезли.

«Я смогу, – подумал Алар. – Я заставлю себя, я... не может же быть так...»

А потом всё померкло.

Когда он очнулся, то ощутил сперва страшную тяжесть. Затем – жажду.

Сел, выпрямился под шелест песка, скатывающегося по отвердевшей накидке, ставшей как щит, как заслон. Когда удалось её изменить и защититься от атаки из лагеря Радхаба, Алар не помнил, зато прекрасно помнил, что предшествовало этому.

«Рейна, – пронеслось в голове. – И Тайра».

Солнце, розовое, золотое, жаркое, уже приподнялось над горизонтом на целую ладонь; вокруг, насколько хватало глаз, простирались безмятежные, ровные пески с плавными изгибами дюн. Вражеский лагерь исчез – вновь скрылся за мороком; место, где должно было оставаться войско храма и отряд Ачира, растворилось в ослепительном солнечном свете.

Стояла мертвенная, стеклянная тишина.

На негнущихся ногах Алар шагнул вперёд, затем назад. Морт почти не слушалась, ускользала от прикосновения, точно дым, а звезда спутника мерцала то ярче, то тусклее, и гудела настырно, как жучиный рой.

Под рёбрами болело; воздух комом вставал в груди.

Нигде – ни на тысячу шагов вперёд, ни на тысячу шагов назад – не было видно живого человека.

– Я опоздал, – сказал Алар, но собственного голоса не услышал. В глаза точно попал мелкий, колючий песок. – Опоздал.

Спутник – предавший, не ответивший на мольбу – бесстыже горел над плечом.

Как ложное солнце.

Алар ненавидел себя, беспомощного, бесполезного, слабого... но ещё больше ненавидел его. И когда эта ненависть перехлестнула через край, когда забила горло, не давая вдохнуть, он окутал собственную ладонь морт – и схватил спутника.

А потом сдавил – так сильно, как смог.

...это было словно вонзить себе нож в живот и медленно, с усилием вести вверх, нажимая на скользкую рукоять дрожащими ладонями.

«Вот бы я умер, – подумал Алар отстранённо, глядя, как звезда корчится у него в руке. – Нет. Вот бы меня не было с самого начала. Тогда бы я ничего не испортил. Тогда бы я...»

И начал вспоминать.

...дом, всегда холодный и пустой. Некогда процветающий, но нынче покинутый: древний, могущественный род Та-ци за несколько веков захирел, истоцился из-за кровосмесительных браков. Алаоши был младшим из сыновей, и единственным здоровым – и то оттого, что мать зачала его от странника-эстры.

Наверное, когда-то она была красивой и полной жизни.

Теперь она почти не выходит из покоев и не делает ничего; пожелтевшая, истощённая и сухая, как надломленная ветка.

От неё плохо пахнет; Алаоши побаивается её.

– Аше-аше, – вдруг слышит от. – Поздно же я собралась навестить подругу... Погоди-ка, а дитя живое! Тебя как звать?

Он с трудом поднимает голову и видит женщину с короткими светлыми волосами, почти белыми; глаза у неё прозрачно-жёлтые, круглые и добрые.

– Алиш, – называет он своё имя.

От женщины исходит свет – яркий, тёплый, живой.

– Ну что, Алиш Та-ци, пойдёшь ко мне в ученики?

Звезда спутника хрустит в кулаке, словно она сделана изо льда; осколки холодят руку, проникают в надрез от клинка, и рука начинает неметь.

...когда наставница исчезает, он пускается на поиски, хотя и точно знает, что не сумеет её догнать. В момент сброса киморт может переместиться очень далеко, на край земли – туда, куда позовёт морт.

И собственная мечта.

– Я в горах давно не была, – обронила наставница как-то, отвернувшись к окну. За окном тогда цвела чийна, роняя лепестки; две луны, одна тёплая, другая холодная, висели, точно приклеенные к небу. – Есть такие Белые горы, все покрытые снегом. А за ними – мрак и запустение, вихри смертоносные... А что за ними, интересно?

Она говорила так, словно бы шутя.

А теперь маятник указывает на север.

Алаойшу не нужно много времени, чтоб собраться: кимортам не требуются ни слуги, ни поклажа, морт может возместить всё что угодно. Только живого человека не может заменить. Потому-то он и торопится – сейчас, пока ещё успевает сделать хоть что-то... В цехе посмеивались над тем, что он, первый красавец Шимры, потерял голову из-за собственной наставницы, долговязой, коротко стриженной, нескладной – и выцветшей уже совсем накануне сброса.

Но Алаойш точно знает, что они просто дураки и не видят главного: того света, что всегда исходил от неё. Он смутно надеется, что однажды тоже сумеет стать таким...

Чего он не знает, так это того, что неподалёку от озера Арирамар его перехватит чудак с семистрункой – не эстра и не киморт, но с морт обращающийся так умело, что половина цеха бы ему позавидовала.

И ещё Алаойш не знает, что они станут друзьями.

И что полмира обойдут...

А пока он спешит – туда, куда указывает маятник.

Ледяные осколки добираются до груди; становится трудно дышать. Онемевшей рукой Алар стискивает рубаху, машинально, почти неосознанно... а вместе с отсыревшей тканью – и гладкий камень на шнурке.

«Я его сделал – камень памяти, – думает он. – Сделал, чтобы не забыть... кого?»

...Алаойш знает, что ему осталась, самое большое, дюжина лет, а потом – сброс. Знает – и спокойно ждёт.

И всё-таки он – по давней привычке – не может упустить случая щёлкнуть зазнаек из цеха по носу.

Уже месяц как по всей Шимре шепчутся о том, что в семье мастеров-северян одна из младших дочерей оказалась кимортом. Семейству предложили отдать её в услужение цеху, как всегда поступали с инородцами, но оно, ослеплённое гордыней, отказалось: мол, подождём лучше, когда у нашей девочки появится достойный её таланта учитель. Конечно, в цехе только посмеивались: кто возьмёт к себе замарашку? Да и не дело это, считали они, уступать какому-то северянину...

Девочку Алаойш ещё не видел, но считал забавным взять её в ученицы и воспитать в обход цеха.

Если, конечно, успеет до сброса.

В доме Сой-рон его встречают радушно. Предлагают не только чай и пресные закуски, но и драгоценное раймовое вино... Глава семьи лебезит; это настолько противно, что Алаойш уже решает было отказаться от прежнего плана и выбрать на сей раз сторону цеха, когда замечает вдруг за сдвинутой ширмой девчонку.

У неё кудрявые рыжие волосы, которые, верно, и вовсе не знали ещё расчёски, и огромные серо-голубые глаза.

И смотрит она, не отрываясь... а потом вдруг говорит:

– Сияешь, как солнце.

У Алаойша ёкает сердце в груди.

«Похоже, судьба».

– И тебе что, не страшно?

– Нет, – серьёзно мотает головой рыжая. И добавляет жалобно: – Ты, пожалуйста, свети.

...свети.

Алаойш ощутил прикосновение – к груди, нет, к самому сердцу – и глубоко вздохнул, открывая глаза.

Камень памяти сиял ровным, ярким, тёплым солнечным светом... и это ощущалось очень правильно.

Так, как всегда должно было быть.

Чуть поодаль на песке валялся меч, богато изукрашенный, но с трещиной в клинке. Алар столько носил его, но так и не признал; Алаойш узнал тотчас же, потому что север исходил вдоль и поперёк, то есть изваяний Брайны повидал достаточно.

В том числе тех, которые сохранились на самом дальнем севере, у Белых гор, и которые воздвигли ещё при её жизни.

– Значит, Брайна потеряла, – произнёс он, поднимая меч и прилаживая его к разошедшимся ножнам на поясе. – А я нашёл. Ну, теперь он, стало быть, мой.

О том, что довелось потерять ему, Алаойш старался не думать.

Грудь до сих пор терзало призрачной, жгучей болью, но теперь, с высоты опыта, он понимал, что такой исход был неизбежен. Спутник ведь и впрямь обладал разумом – и приспособлялся... а ещё хорошо чувствовал слабость эстры и стремился занять своё место в минуты опасности. Он был как лекарство, по злой иронии обретшее подобие воли и сознания, однако исполнявший свою задачу даже во вред тому, кого должен был бы исцелить.

А простой эстра без помощи спутника никак не мог бы противостоять атаке, сродни той, которая пришла со стороны войска Радхаба.

– Что ж, горевать буду потом, – произнёс Алаойш, запрещая себе думать – и вспоминать. – А пока у меня есть дело; есть обещание.

Он обернулся на запад, готовый, если понадобится, идти в одиночку против всего войска... а потом застыл, потому что ощутил под песками биение жизни.

«Рейна жива?»

Дюны, точно откликаясь на мысль, задрожали, разомкнулись. Сперва наружу выскочила голова тхарга на длинной шее – облезлая, рябая; затем тяжело поднялась Мэв, стряхивая песок, и помогла выбраться Рейне. Алаойш обернулся – аккурат в тот момент, когда другая дюна рассыпалась на две стороны, выпуская наружу Тайру, бледную, но живую.

Последним появился Киар – вынырнул из песка, как выныривают из воды – вместе с Илкой-северянкой; от него-то и тянулась та морт, которая создала укрытие вокруг Рейны и Мэв, вокруг Тайры... и вокруг самого Алаойша, когда он был ещё Аларом.

Киар поймал его взгляд – и счастливо улыбнулся.

– Ты сказал – защищай тех, кто дорог! – крикнул он. – Я и защитил! Всех! И этого вот тоже!

И с этими словами он выпростал руку из-за пазухи: на ладони у него лежала ящерка, красная, с крылышками.

Она свернулась кольцом, по-птичьи курлыкнув, и задремала.

Кажется, её-то устраивало абсолютно всё.

– Ты сделал всё правильно, – произнёс Алаойш мягко, когда они оказались на достаточном расстоянии, чтоб разговаривать без крика. – Так, как я и сам бы не сумел. Спасибо.

Киар счастливо, по-мальчишески улыбнулся, поглаживая ящерку, дремлющую на сгибе руки... а потом замер как вкопанный.

– Ты кто? – спросил он настороженно. – Как будто бы Алар... но не совсем.

Рейна и Мэв медленно брели по пустыне и взбудораженно переговаривались: не то ругались, не то мирились, не то плакали, а может, всё одновременно; тхарги лениво тащились за ними, связанные одной верёвкой. Тайра остановилась, не доходя ста шагов, и принялась вытряхивать песок из волос – впрочем, она и не могла увидеть то, что заметил Киар.

Движение потоков морт, их напряжённость и цвет – всё то, что отличало одного киморта от другого.

Не торопясь с ответом, Алаойш выпростал из-под рубахи гладкий камень на длинном шнурке. Тёмный и мёртвый прежде, нынче он переливался и сиял – почти как звезда спутника, но всё же иначе. Воспоминания не вернулись совсем, они словно бы оставались за толстой стеклянной стеной, местами помутневшей, и иные из них были совсем тусклыми и размытыми, а другие, наоборот, горели. Однако образы и мысли не переполняли голову, рассеивая внимание, как в последние годы, а сознание прояснилось.

Стало легко.

– Может, и не совсем, – улыбнулся он в ответ. – И всё же это по-прежнему я.

Киар отступил на полшага – так, что его плечо коснулось плеча Илки – и сжал ящерку-садхам чуть сильнее.

– И как теперь тебя называть?

– Хочешь – Алар, – ответил он. – А если хочешь – Алаойш Та-ци. Разницы-то, как ни рассуди, нет.

– У тебя теперь глаза зелёные.

– Да? – удивился Алаойш. Обернулся машинально, потом решил, что не стоит тратить время, чтобы сотворить зеркало, и только рукой махнул. – Зелёные – значит, такие, как раньше были... – И он осёкся, заметив, что Тайра подошла уже совсем близко и, без сомнения, слышала их разговор. – Тайра... Ты не сердишься?

Она взглянула на него гневно, выгнув обе брови, набрала воздуха в грудь, точно готовясь разразиться бранью – а затем кинулась к нему на шею, обняла крепко-крепко и разрыдалась. Рейна сперва замерла в отдалении, ничего не поняла, конечно, но тоже на всякий случай захлопала носом и полезла обниматься. Расплакалась в голос, запрокинув голову к небу, и Мэв – впервые, кажется, с тех пор как её освободили из плена, а глупые добрые тхарги тыкались ей в плечи и в шею шершавыми носами и примирительно сопели.

Уже позже, когда все наревелись всласть, запили икоту тёплой водой из фляги – Илка-северянка оказалась на диво запасливой – и ощупали друг друга, убеждаясь, что они живы и невредимы, Алаойш усмехнулся мягко и произнёс:

– А теперь к делу.

Со стороны вражеских войск поднималась новая смертоносная волна, третья уже – но теперь это его уже не пугало.

Он точно знал, как с нею справиться.

...Сложно обездвигнуть тяжёлый камень, несущийся с горы; почти невозможно остановить бурное течение полноводной реки.

Но можно изменить направление – и сил для этого нужно не так уж много.

Алаойш так и поступил.

Со всей округи он стянул морт, затем придавал ей форму жёлоба... и попросту позволил вражеской атаке закатиться в этот жёлоб, уйти в небо, а там, в вышине, развеяться многоцветными полотнищами света.

– Красиво, – произнесла Илка хрипло; в её зелёных, как лесные озёра, глазах отражались блики – розовые, золотые, голубоватые, пурпурные. – У нас, на самом-самом севере, в ясные ночи тоже небеса иногда так полыхают. И я, бывало...

И она осеклась вдруг.

«Вспоминает что-то? – подумал Алаойш с теплом. – Что ж, немудрено; киморты никогда ничего не забывают по-настоящему.

Даже, как выяснилось, после сброса».

Но вслух он сказал только:

– Вот вернёмся на север и поглядим.

Под началом Радхаба и его дяди собралось почти четыре тысячи человек; пять сотен морт-мечей, полсотни стреломётов и множество всадников и пехотинцев, вооружённых обычными клинками, кнутами и копьями. Если б им довелось схлестнуться в неравной битве с воинством храма, то жертвы и с той, и с другой стороны были бы чудовищными, и Земля злых чудес нескоро бы оправилась от такого горя.

«Ненависть живёт пять лет, – думал Алаойш, огибая вражеское войско по широкой дуге; наскоро сооружённое летучее полотнище хоть и прогибалось, однако держалось в воздухе хорошо и двигалось куда быстрее тхаргов. – Но если её напоить кровью и смертью, то она будет жить, пока не исчезнет последний человек, который способен помнить».

Из нескольких сотен морт-мечей лишь единицы были сделаны толково, остальные перегревались, дрожали и вообще могли разлететься на осколки, если их перетрудить. Но ни один киморт, даже самый могущественный, не смог бы устоять, попади он под их слитную атаку...

Алаойш, впрочем, попадать под удар не собирался.

Невидимый для врага, он облетел войско и завис над ним – примерно на той высоте, какой достигали башни храма; затем собрал зыбкое облако морт, уплотнил его – и обрушил вниз, метя в самую уязвимую часть морт-мечей, в источник их мощи: в камни, вплавленные в рукояти.

Вражеский лагерь наполнился мелодичным стеклянным звоном – это лопались камни.

А затем – удивлёнными криками.

– Половина дела сделана, – удовлетворённо кивнул сам себе Алаойш, хотя всё оружие, пусть бы даже такое скверное, уязвимое, он испортить не сумел: на дюжину сломанных клинков приходился один целый. – Осталась вторая... Ну, это будет проще.

Песок состоит из множества крошечных зёрен; по чистоте им далеко до драгоценных камней, однако морт они впитывают куда охотнее, чем плодородная земля или болотная вода. Опытному

киморту ничего не стоит обратить это свойство себе на пользу. И вскоре удивлённые крики сменились испуганными: пустыня, ещё недавно знакомая и надёжная, обратилась ловушкой, и песок с жадностью начал втягивать людей. Кто-то увяз по пояс, кто-то – по плечи... Пожалуй, лишь один на сотню сумел устоять на ногах, в основном те, кому посчастливилось находиться в шатрах или у телег.

А ещё невредимым остался личный отряд Радхаба: безвестный киморт, хранивший его, сумел перехватить потоки морт и изменить вложенное в них стремление, обезопасив своего господина.

«Не Дуэса – изящества не хватает, – подумал Алаойш, и ему стало тошно. – Однако этого киморта определённо обучала она».

В том, что методы её добрыми не были, у него и сомнений не возникло.

Когда он спустился с небес перед Радхабом, тот ничуть не удивился, словно был готов к такому повороту. Наоборот, ждал этого – и почти сразу же крикнул гортанным голосом, отдавая приказ:

– Убей его! Немедленно убей!

Взметнулись в едином порыве морт-мечи – и, судя по направлению удара, пощады не стоило ждать даже тем союзникам, что увязли в песках и не могли сдвинуться. Воздух, напитанный злой силой, вскипел, забурлил, закрутился незримыми воронками... А человек, направлявший всю ту невероятную мощь, чуть привстал в переносном кресле, обитом бархатом, и воздел руку.

Вторая рука – на ней не хватало двух пальцев – бессильно повисла вдоль туловища.

Он был страшно истощён, этот киморт – худой, иссохший, как надломленная ветвь; веки его оставались плотно сомкнутыми, как у слепого, но глазные яблоки не то быстро двигались под ними, не то дрожали. Бледную, обветренную кожу испещряли многочисленные шрамы, словно от порезов и от ожогов, а на запястьях виднелись две застарелые багровые полосы, как если бы кожу зубами рвали и потом зашивали суровой ниткой... Но притом хисте и нижнему платью из сияющего шёлка бледно-зелёного цвета мог бы позавидовать и знатный ишмиратский вельможа, а длинные чёрные волосы, блестящие, гладкие, свободно ниспадали на плечи и на спину.

С морт искалеченный незнакомец также управлялся отменно.

Алаойш едва успел опередить его – обрушить поток сырой энергии, оглушить напором и, пользуясь замешательством, быстро переломать уцелевшие мечи или хотя бы выбить их у воинов из рук. Часть потока незнакомец сумел перехватить, но это дорого ему обошлось. Лицо, и без того бледное, и вовсе посерело; он качнулся вперёд, прижимая пальцы ко рту, закашлялся – пальцы окрасились алым, и он наконец открыл глаза.

А глаза у него оказались невероятного оттенка – изжелта-зелёные, словно редкое северное вино.

«Совсем как у меня были когда-то, – оторопело подумал Алаойш. – Да и волосы я заплетал так же...»

Промелькнула даже невозможная, абсурдная мысль о сыне, которого он не знал, но тут Радхаб, почувшый, что сила не на его стороне, взревел, подлетая к калеке:

– Ах ты, дрянь! Работай! Алиш! Слышишь меня? Работай!

И залепил ему оплеуху.

Киморт завалился вбок, и из носа у него побежала тоненькая струйка крови, маслянисто размазываясь по губам и подбородку. А для Алаойша всё встало на свои места: если облик ещё мог быть совпадением, то имя, верней, прозвище – уже нет.

«Лет пятнадцать, пожалуй, назад... нет, чуть больше, – отстранённо размышлял он, подсчитывая. – Примерно когда я взял в ученицы Фогарту, Дуэса заявила в цехе, что тоже отправится искать себе ученика, исчезла на несколько месяцев – и вернулась одна, больше о наставничестве не заговаривая. Выходит, кого-то она себе нашла, вот только не ученика – раба».

И ещё думал о цехе, где никогда не задавали неудобных вопросов, если киморт отработывал, что должен, и вовремя платил взносы; и о глупых традициях – величайшей добродетелью считали невмешательство и тихую жизнь в уединённом доме, подальше от тревог и забот мира; и о дальних оазисах, куда странники из Ишмирата почти не заглядывали... И о том, как давным-давно, лет двести тому назад, одного молодого киморта призвали во дворец и предложили взять на воспитание девочку, незаконнорождённую, плод запретной связи сестры тогдашнего ишмы с кем-то из цеха. Девочке, стеснительной желтоглазой красавице, было двенадцать лет, и

талантом она не блистала; киморт сослался на занятость и от наставничества отказался.

«Она ведь никогда не спрашивала, почему я её отверг, – подумал Алаойш, чувствуя себя отчего-то виноватым. – Но не забыла, конечно; киморты ничего не забывают».

Радхаб же продолжал наседать на киморта-раба и хлестать его по щекам, заставляя атаковать, но тот не отвечал, не глядел даже, и только голова моталась туда-сюда на тонкой шее.

– Оставь его в покое, – произнёс Алаойш вслух и, чтоб сделать воззвание к совести чуть убедительней, легонько ударил Радхаба морт под колени, заставляя рухнуть на землю. – Он даже не слышит тебя сейчас. Сражения, подобные этому, могут измотать и зрелого киморта, а твоему мальчишке сколько? Двадцать? Двадцать пять? Да и никогда не победит в поединке тот киморт, которого больше учили подчиняться, чем повелевать.

Радхаб выхватил морт-кинжал, пытаясь атаковать – и взвыл, когда рука сама собой у него выкрутилась с хрустом, а затем обвисла.

– Да ты... да я... – захрипел он, тяжело дыша, и с ненавистью уставился на Алаойша – коленопреклонённый, побагровевший от боли и гнева. – Да я тебя... да ты знаешь, кто я такой?

– А то ж не знаем, – охотно откликнулась Тайра; на местном наречии она пока сама не говорила толком, но понимала уже неплохо. – Знамо дело – мертвец. Ну, почти мертвец, полшажочка осталось.

И глянула на Алаойша заговорщически. Он усмехнулся, потому что фразу, конечно, узнал.

– Да, мертвец, – вздохнул он и, обернувшись, подманил к себе Мэв, неожиданно оробевшую. – Подойди сюда. Вот твой враг. Хочешь – убей его; хочешь – пытай, я научу как... вот только он никогда не поймёт, в чём ошибался, какое зло совершил. До таких, видишь ли, никогда не доходит. Как поступишь?

Стало очень тихо.

Пусть вдали громыхала сталь о сталь, а уцелевшие морт-мечи вздымали облака песка и извергали пламя, и хрипели тхарги, и пели рога – войско храма шло в наступление, пусть садхамы не то веселились, не то ярились среди дюн... Но сейчас все звуки отодвинулись, словно бы оказались отсечены невидимой стеной.

Мэв – черноглазая, черноволосая, бледная – неотрывно глядела на Радхаба, и под её внимательным взглядом он отчего-то перестал изрыгать проклятия и чуть ссутулил плечи, прижимая изломанную руку к груди. По сравнению с девчонкой он казался огромным – выше её раза в полтора, плечи широкие, большая голова, породистый крючковатый нос.

...огромным – и всё же очень маленьким.

По-прежнему не отводя глаз, Мэв выхватила поток морт и наделила стремлением. Радхаб вдруг воспарил над песком, перевернулся несколько раз с ног на голову – богато расшитые белые одежды смешно задралась – и затем скорчился, точно очутился в очень тесном пузыре, не рискуя не то что браниться – дышать слишком громко.

– Люди очень хрупкие, – сказала Мэв еле слышно.

– Да, – подтвердил Алаойш. – Как тонкий фарфор из Тайхэ, который может расколоться, если неосторожно взять чашку.

– Или как лепесток чийны.

– Или как лепесток чийны, – согласился он.

Радхаб крутанулся в воздухе ещё раз – и повалился на песок с глухим стоном.

Мэв на него даже не глянула; теперь она в задумчивости смотрела на собственные ладони, как если бы видела их впервые, а морт окружала её, словно сильное, ровное пламя в очаге.

«Она, разумеется, не забудет, – подумал Алаойш. – Но справится. Теперь-то уж точно справится».

Даже самый могущественный киморт не мог уследить за всем разом, поэтому бескровной битва не стала. Однако же она завершилась гораздо раньше, чем могла бы при другом раскладе сил, и унесла намного меньше жизней. Как ни странно, больше всего погибших и раненых было среди победителей: отвести вторую погибельную волну полностью Дёран не сумел, и даже сама попытка стоила ему трёх струн на семиструнке. Те немногие воины Радхаба, которые смогли уберечь морт-мечи, сопротивлялись до последнего, яростно, не жалея ни себя, ни врага. Жрецы, впрочем, тоже колебались, когда требовалось нанести последний удар...

И наконец – спустя несколько бесконечно долгих часов – всё завершилось.

Дольше всех боролся один отряд, дюжина воинов под предводительством низкорослого худощавого командира, который указывал только, но сам в сражение не вступал. А когда люди Ачира начали брать верх – повалился вдруг на колени и женским голосом закричал:

– Пощади! Пощади!

Накидка упала, открывая взорам уложенные в замысловатую причёску волосы, золотые серьги с алыми камнями, массивные налобные украшения... Всё в облике этой женщины выдавало знатную особу – или, по крайней мере, ту, что привыкла повелевать людьми и владеть многими богатствами. Многие из тех воинов, кто был родом из Кашима, тотчас узнали её, и послышались шепотки: «Михрани, михрани», – а сам Ачир замер и произнёс недоверчиво:

– Матушка?

То и впрямь была михрани, истощённая, посеревшая от усталости и гнева. Молча смотрела она за тем, как её воинов пленяют, а тех, кто продолжает сопротивляться, казнят. Лишь затем тихо произнесла:

– Меня тоже казнишь, о возлюбленный сын?

Ачир вздрогнул, как от удара, и его красивые глаза потемнели.

– «Возлюбленный»? – спросил он странно высоким голосом и хрипло усмехнулся. – Странная же у тебя любовь, матушка. И уж кому, как не тебе, знать, как долго и сильно я тебя ненавидел... Ненавидел – однако же уважал и почитал. Никто не посмеет причинить тебе вред, – продолжил он громче. – Ты вернёшься в свой дворец, к своему прекрасному саду, и будешь жить так же, как и прежде, в роскоши и неге. Только без прежней власти... Эй, там! – окликнул Ачир воинов, сопровождавших его, и отвернулся от матери. – Уведите госпожу со всем почтением и позаботьтесь о том, чтобы она не знала тревог и нужды, пока возвращаемся в Кашим...

Он хотел добавить что-то ещё, но не успел.

Михрани, свистяще выдохнув, подорвалась вдруг с колен, извернувшись, как змея, и выбросила вперёд руку с зажатым клинком. Почти дотянулась, но лишь почти – лезвие чиркнуло по краю одежд Ачира, а дальше всё случилось слишком быстро.

Сердитый коротышка-телохранитель, который всюду сопровождал Ачира, наискось рубанул мечом, выбивая кинжал из пальцев у михрани... и прочерчивая тонкую линию ей от груди до горла.

Запахло кровью.

Ачир, оттолкнув телохранителя, рванулся к матери, успев подхватить её уже над самым песком. Она хрипела, царапала себе горло, силясь выговорить что-то – проклятие ли, прощание ли – и затем утихла, обмякла. Лицо у неё посветлело и сделалось вдруг невыносимо прекрасным; сходство между нею и сыном стало таким очевидным, как никогда при жизни.

Она как будто бы спала – и наконец больше ничего не желала и ни о чём не жалела.

День пролетел в одно мгновение – в чаду погребальных костров, в едком запахе лекарств и подсыхающей крови, а ночью часть войска со жрицей во главе двинулась обратно к Ашрабу. С ними был и Алаойш, который за минувшие сутки глаз не сомкнул ни на минуту, и теперь ему казалось, что это не тхарг бежит вперёд по пескам, а пустыня плывёт им навстречу и стелется под лапы.

– Кинжал михрани был отравлен, – сообщила жрица, когда их тхарги поравнялись. Охрана, как по невидимому знаку, тут же приотсталала. – Хватило бы и одной царапины, чтобы убить человека... Видимо, она любой ценой жаждала лишить сына жизни.

– Или себя, – качнул головой Алаойш. Прохладный ночной ветер овеивал лицо, пронизывал тонкие одежды, но облегчения не приносил, а до Ашраба – до привала – оставалось ещё очень и очень долго. – Ачир, верно, считал, что проявляет милосердие, однако он забрал у матери то, что она создала всю жизнь, что по крупичкам собрала. Ты ведь сама женщина, Унна. Кому как не тебе знать, каких сил и жертв стоит женщине заполучить власть на Земле злых чудес.

Унна усмехнулась:

– Я знаю это. Но даже если власти я лишусь, то правда-то у меня останется – и Ветер, которому я служу... Однако довольно о михрани и тем более обо мне, – сощурилась она, глядя искоса. – Скажи лучше, кто ты теперь – и как тебя называть?

«А у жрецов зоркие глаза», – подумал Алаойш и вздохнул.

– Как пожелаешь, так и зови. Не в имени суть; а я прежний никуда не делся... стал, пожалуй, чуть больше, – пошутил он. – Потому что обрёл то, что считал потерянным.

– Как пожелаю, значит, – откликнулась жрица задумчиво. – Солнце Севера?

Алаойш подавился вздохом и закашлялся:

– Это-то откуда?

– Так люди о тебе говорят, – ответила она, невозмутимая, точно изваяние из чёрного обсидиана. И продолжила: – Усмиритель Бури? Освободитель? Белый Бродяга?

С каждым словом становилось тяжелее, будто камень громоздился на камень.

– Да откуда вы все этого понабрались, от Дёрана, что ли? – в сердцах брякнул Алаойш – и лишь тогда увидел, что жрица хохочет, беззвучно, но заразительно.

И улыбнулся сам – наконец-то осознавая, что эта битва окончена.

...пока только эта.

Оказавшись в Ашрабе, он затребовал в храме большое зеркало, несколько склянок с мирцитом и кое-какие инструменты. От усталости уже даже моргать больно было, но ещё оставались дела – точнее, всего одно дело, просто неотложное.

– Что ты делаешь? – с любопытством спросила Рейна; она успела подремать, пока ехала с Тайрой в седле, а потому вполне отдохнула и преисполнилась сил – наставнику на беду; его преобразование, к слову, она единственная воспринимала спокойно, верней, не видела разницы между прежним «Аларом» и нынешним «Алаойшем». – А я так смогу?

– Нескоро, – ответил он, вздыхая, и подкрутил колёсико окулюса, чтоб лучше видеть тонкие потоки морт. – А ну-ка, брысь, пока мирцит отмеряю! Если лишнее взять, зеркало может лопнуть.

– Что, и ты ошибаться можешь? – удивилась она.

– Всякий может... Так, если уходить не собираешься, вот тебе задание: мирцит из этой колбы разделить на девять совершенно равных частей. Справишься?

Через час напряжённой работы поверхность зеркала представляла собой, скорее, жидкость, только очень вязкую и словно бы прилипшую к основе, а потому не торопящуюся утекать. Перепроверив положение

аметистов в раме, переполненных морт, Алаойш подхватил поток – и наполнил его стремлением.

По зеркалу пошла рябь... а затем она отразила благообразного мужчину в пурпурных одеждах, возлежащего на подушках с древним свитком и чашей вина, судя по золотистому отблеску, раймового.

– Это кто? – высочила тут же Рейна, едва не повалив воронку, вплавленную в раму. – Друг?

Ответить Алаойш не успел, потому что мужчина заметил его – верней, его изображение, зависшее над краем ложа – и охнул:

– Наставник? Ты ведь... Но сброс... – Луноподобное лицо его вытянулось, а белесоватые брови высоко задрались. – Дуэса Шин-раг утверждала... Слухи ходили...

– И были правдивы, – улыбнулся Алаойш. – И неполны в то же время. Я и впрямь прошёл сброс, однако, как видишь, кое-что помню... Весьма многое, надо признать, но об этом позже. Как и о Дуэсе Шин-раг, – нахмурился он. – Послушай-ка, друг Невлин, мне нужно, чтоб ты призвал Гверна, Бойда, Филана и Нару – и ещё тех, кого сочтёшь столь же надёжными, и сделал вот что... – И он коротко, насколько смог, описал положение дел на юге: торговлю кимортами-рабами, восстание в Кашиме, применение дурмана; не забыл упомянуть и о том, что в работорговле была замешана и знать Лоргинариума, и кое-кто из цеха, а затем рассказал о храме – и об освобождённых кимортах, которым требовалась особая забота.

Невлин Рей-мар хоть и слушал, хмурясь и теребя косу, точно не желал верить, всё же ни единое слово под сомнение не поставил.

– Сделаю, – пообещал он, когда Алаойш договорил. – Пусть твоя жрица велит расчистить на площади белый помост под двумя перекрещенным арками; через три, самое большое, через четыре дня я соберу достаточно людей, чтобы устроить перемещение из Шимры в Ашраб... И, покуда связь не оборвалась, утоли любопытство, скажи, куда подевалась Фогарта? Мы с ног сбились, чтоб её найти, но маятник указывал то на юг, то на север. Сам знаешь, что сильного киморта отыскать нелегко, если он сам не желает, чтоб его отыскиали.

Алаойш почувствовал себя так, словно его укрыла глубокая тень.

– У Фогарты свои пути и свои дела; нынче, поверишь ли, она уже взрослая.

– Взрослая, значит, – с сомнением вздохнул Невлин, однако спорить не стал. Спросил только ещё: – А рядом с тобой, значит?..

– Рейна. Ученица, – ответил Алаойш и потрепал её, смущённую донельзя, по лохматой голове. – И, возвращаясь к сообщникам работорговцев из цеха, держи в уме следующее. Хоть доказательств у меня и нет...

Они договорили, когда уже пламенел закат; Алаойш едва сумел добраться до постели и проспал почти два дня.

На сборы и поиск подходящего дирижабля ушёл ещё один день, полный хлопот. С Тайрой за это время удалось перемолвиться всего парой слов, с Рейной – и того меньше... Наконец, устав от бесконечной суеты, Алаойш забрался по тайным лестницам на самую верхушку храма, на крошечную площадку, открытую всем ветрам – и, к огромному своему удивлению, увидел там Дёрана. Тот сосредоточенно полировал семиструнку и сердито ворчал себе под нос:

– Так и вовсе придётся волосы коротко обрезать, никакой длины не напасёшься, чтоб на струны хватило... Ну как, вернул память и силы? – спросил он, заметив Алаойша. И, дождавшись, пока тот кивнёт, улыбнулся по-лисьи. – И как, готов поделиться с другими способом?

Алаойш вспомнил отчаяние, охватившее его в тот момент, когда он поверил в то, что Рейна мертва, и Тайра, и битва проиграна, и всё из-за него... и качнул головой:

– Такое, пожалуй, и не расскажешь, если даже и захочешь.

– Вот и я так думаю, – ответил Дёран. Обнял семиструнку, словно она была живой, прижался к грифу щекой. – Как считаешь, что такое спутник?

Камень памяти, ныне наполненный нездешним светом, померк; стало холоднее – или так показалось.

«А мы ведь уже говорили об этом, и не единожды, – вспомнил Алаойш вдруг; это ощущалось странно – теперь воспоминания не являлись мгновенно, а будто бы поднимались из пучины, со дна, медленно проявляясь в мутной воде. – И всякий раз приходили к разным выводам».

– Отсвет, – произнёс он наконец. – Призрак. Далёкое эхо, которое вдруг обрело разум... Да, эхо – вся та сила и память, которую не

получается уже держать в себе, и она вырывается, как крик, и возвращается, отразившись от скал, искажённая. Он словно... словно стремление, которое потеряло смысл. Наверное, в незапамятные времена для кимортов, переполненных воспоминаниями и мощью, возникновение спутника было благом, как давным-давно, до изобретения лекарств, было благом всю руку отсечь, если загнила рана, но теперь-то мы знаем, что это дикость. И не изгонять надо эстр, а находить и помогать освоиться в новом положении. А не поклоняться спутнику, как заведено, и не поить его кровью, хотя кровь у киморта, пожалуй, лучший проводник для силы.

– Ну почему же только кровь, ещё волосы и кости, – коротко засмеялся Дёран и осёкся, коснувшись струн. – Куда отправишься теперь?

Алаойш бездумно обернулся; вышло так, что к северу.

– Вернусь в Лоргинариум, – ответил он, взглядываясь в сумрак над горизонтом – не то облако, не то пыльную бурю, не то и вовсе разгулявшийся садхам. – Там моя ученица, и я ей нужен. И так задолжал уже порядочно – пора бы и долги отдавать.

– Так она же нынче взрослый киморт? – усмехнулся Дёран, чуть сузив глаза.

– Пусть и взрослая, – ответил Алаойш. – А всё же моя ученица.

Сказал – и бездумно, не рассуждая, дотронулся до камня памяти у себя на груди.

Он был тёплым и, кажется, немного подрагивал, тихо, но размеренно.

Так, словно билось маленькое, хрупкое сердце.

9. Небесный огонь

Фогарта Сой-рон, где-то над Ульменгармом

С высоты Туманная долина больше напоминала продолговатую чашу, расписанную, как золотой краской, узорами морт – то были древние каналы, проложенные кимортами. Именно каналы и делали долину такой, какой её знали на севере: плодородной, тёплой и безопасной.

Фог находила это очень красивым.

К сожалению, времени, чтоб любоваться окрестностями, почти не оставалось. Стремительно приближался Ульменгарм, город за чёрными стенами, и чем меньше оставалось расстояние до него, тем труднее было дышать. Спрятать дирижабль решили в нескольких часах пути от столицы, чтоб уберечь его от людей лорги; Фогарта сама укрыла «Штерру» мороком, как научил её Телор, и заставила колючие плети «лишьей ягоды» в округе разрастись так, чтоб ни всадник не прошёл, ни пеший.

– Думаете, этого хватит? – с сомнением спросила она, когда отряд под предводительством Эсхейд выбрался уже на дорогу. – А если вдруг кто-то...

На сей раз на борту никого решили не оставлять – ни телохранителя Марта, ни рыжего пилота Чирре, которые могли бы увести дирижабль в сторону в случае опасности, так что беспокойство было объяснимо. Сэрим, которому, очевидно, надоело созерцать лица, полные мрачных предчувствий, махнул рукой:

– Ну, если тревожитесь, то я, пожалуй, кое-чего и от себя тут добавлю, чтоб уж наверняка никто посторонний не добрался до «Штерры». Вы поезжайте вперёд, я вас нагоню через час-другой.

– Пеший? – усомнилась Эсхейд. – Учти, ехать мы будем быстро.

– У нас, сказителей, свои дороги, – ответил он уклончиво.

...Когда отряд всадников завернул за поворот, оставляя Сэрима далеко позади, вдруг послышался тревожный, сумрачный напев флейты, а извечный туман, укрывающий долину, сделался гуще.

Зашумели кроны деревьев, а птицы, наоборот, умолкли; небо точно опустилось ниже, запах земли и сырости сделался сильнее, как в овраге, заваленном буреломом, и дорога – хорошая, старая, мощённая камнем дорога – вдруг дрогнула под копытами у гурнов, как мираж.

Всего на мгновение, но Фог заметила.

Она обернулась через плечо – и успела заметить, как вздымаются потоки морт, закручиваясь воронками, и пляшут, изгибаясь в согласии с тоскливой песней флейты... И чудилось, что ещё немного – и воронки заметят, что за ними наблюдают, и развернутся разом на любопытный взгляд, как змеи.

«Что за глупости мерещатся», – отругала себя Фог, но невольно подтянула завязки плаща – и подвинулась на сундуке так, чтоб немного касаться Сидше локтем.

Отчего-то так было спокойнее; назад, чтоб посмотреть, чем занимается Сэрим, она больше не оборачивалась.

На всякий случай.

Сказитель и впрямь нагнал их через пару часов – верней, это они натолкнулись на него, когда выехали к очередному мосту. Сэрим сидел на перилах, свесив ноги вниз, и беспечно любовался течением мелкой речушки, а когда увидел всадников – приветливо махнул им рукой как ни в чём не бывало. Забрался на крышку сундука, покрутился немного и сел, подогнув под себя ноги на ишмирятский манер, затем чуть наклонил голову и доверительно сообщил Фог:

– Я там на всякий случай дороги запутал – немного, как сумел. Я в этом не мастак, в отличие от одного моего приятеля. И кое-чего подсадил там в лощине, чтоб за дирижаблем присматривало, – подмигнул он заговорщически, и от этого у Фог почему-то мурашки по спине пробежали. – Пускай наводит жуть на воров, хадаров и тех, кто праздно шатается по роще в неурочном месте.

– А меня это «кое-что» пропустит, если что? – спросил Сидше негромко. Не напуганный, а озадаченный, скорее – и позабавленный. – Или придётся просить у тебя разрешения?

– Такой, как ты, спросит, пожалуй, – фыркнул Сэрим. – Пропустит, не изволь беспокоиться. Да и «Штерру» свою ты столько уже лет обхаживал, столько тепла ей отдал, что она, может, и сама тебе навстречу вылетит, если понадобится. Вещи, видишь ли, тоже могут ожить, если с ними по-человечески обращаться.

– Как твоя флейта? – спросила Фог бесхитростно, однако он помрачнел вдруг, и всё веселье как ветром сдуло.

– Нет, – ответил он еле слышно. – Моя флейта мертва.

Спрашивать о чём-то ещё расхотелось; да и не осталось времени, ибо дорога раздалась вширь, сделалась чище, а затем впереди показались наконец высокие стены и башни Ульменгарма. Над ними вился, растекался по небу сизый дым; кружили птичьи стаи; слышался далёкий мерный звон, точно кузнец проходил по молотом по заготовке... Вот только что-то ощущалось неправильным, жутковатым.

– Нет людей, – произнёс вдруг Сидше. – Дорога совсем пуста.

«А и впрямь».

Тракт, который всегда близ города был переполнен караванами с юга и востока, странниками, искателями лучшей доли, путешественниками, купцами и попрошайками, нынче пустовал. У главных ворот стояла, ожидая, пока стража соизволит дать добро, только одна повозка: старик правил бочкообразным серым гурном, а старуха сидела среди кувшинов, придерживая их обеими руками. Груз досматривал молодой долговязый дружинник, а ещё двое балагурили чуть поодаль.

– Все при морт-мечах, – тихо заметила Эсхейд. – И в башнях полно стражи, считай, по дюжине стреломётов глядят с каждой стороны... Эй, трубач! Начинай трубить, – приказала она, возвысив голос. – Развернуть знамёна! Держать строй! Едет наместница севера!

Фогарта не видела стреломётчиков, но всё равно сгустила морт, готовясь в худшем случае отразить выстрел, но обошлось. Ворота они миновали беспрепятственно; тот сонный молодой дружинник так и остался стоять около телеги торговцев, а откуда ни возмись выскочил седоусый командир – и с ним ещё двое мечников. Эсхейд он знал в лицо, а потому лично поприветствовал и с почётом пропустил.

– Нас будто бы ждали, – еле слышно выдохнула она. – Плохо... Но деваться-то некуда. Эй! Вперёд! К замку!

По улицам они проехали без спешки, но с шумом – юный трубач расстарался, надувая щёки, дружинники колотили мечами в щиты, а знамёна стелились по ветру. Изнутри город не выглядел вымершим, как округа, но людей на площадях встречалось меньше, и всё дышало тревогой: не видать было ни ярмарок, ни балаганов, многие лавки закрылись и забрали окна ставнями, а у исполинской статуи Брайны,

где бродячие сказители прежде состязались за право исполнить «правдивую песню», едва заметно пахло горелым и на постаменте виднелось чёрное пятно.

– Говорят, глашатай от лорги пришёл и зачитал со свитка весть о том, что юг-де взбунтовался и беспутный сын пошёл войной против отца, – опасливым шёпотом сообщил бородатый аптекарь, которого Эсхейд подозвала к себе и задала несколько вопросов. – Вот только до конца он так и не дошёл – на середине речи сгустились тучи да как ударила молния! Глашатай насилу жив остался. Выходит, соврал про бунт-то? – заключил аптекарь, боязливо покосившись на статую Брайны. – Ну да я человек простой, моё дело малое... могу я идти, добрая госпожа?

– Ступай, – кивнула ему Эсхейд с улыбкой. И добавила, кинув ему монетку: – Скажу тебе по секрету, добрый человек, что я тоже вернулась не без причины. Есть у меня дело величайшей важности: взыскать старый долг, долг жизни. И, покуда я его не заберу, назад не вернусь. Клянусь на этом месте кровью Брайны, что течёт в моих жилах.

– По секрету? – усомнилась Фог, когда аптекарь, беспрестанно оглядываясь, скрылся в переулках. – Судя по его лицу, он всё растреплет, не дойдя даже до трактира.

Эсхейд усмехнулась:

– На это-то я и рассчитываю. Если повезёт, то к вечеру уже полгорода будет повторять, что я сказала... А если очень повезёт, то и весь город.

После этого к замку они ехали без остановок. Стояла неуютная, плотная тишина – такая, что уши немного закладывало. Пахло застарелой горечью, пылью, прибитой дождём, отсырелой древесиной и ещё почему-то горячим хлебом, остро и очень близко, словно кто-то выпекал его тайком, прямо под улицей. Небо над Ульменгармом, и без того всегда хмурое, серое, понурое, опустилось ещё ниже, так, что чёрные башни наполовину утопали не то в тучах, не то в тумане; какое-то одно из высоких окон светилось ало-оранжевым даже сквозь эту муть, ярко, словно злой глаз. Сперва показалось даже, что там пожар, но затем Фогарту осенило:

«Это ведь морт».

Когда они подъехали ближе, то сияние поугасло. Теперь громада замка напоминала хищного зверя, затаившегося в ожидании добычи; ворота хищно щерились остриями наполовину опущенной решётки, а по обеим сторонам сторожевых вышек курились дымки – точно пар из ноздрей выходил.

Когда отряд Эсхейд приблизился, то путь ему заступили дружинники лорги.

– Нынче недоброе время, – произнёс предводитель стражи, избегая смотреть наместнице в глаза. – Сын восстал против отца, бунтует и юг, и восток. Плох же тот гость, что приходит, не скрывая оружия.

– Плох тот хозяин, который с годами становится не в меру труслив и начинает бояться собственной тени, – усмехнулась Эсхейд. – Со мной лишь дюжина человек, а одну эту стену охраняет целая дружина. Если так рассудить, это я должна опасаться удара в спину.

Стражник вздрогнул, как от пощёчины, однако продолжил гнуть свою линию.

– Клинок клинку рознь, – возразил он. И быстро глянул на Фог. – Отравленный убивает подло, и защиты от него нет.

– Ну, тут Захаиру виднее – он-то в ядах и отравках разбирается преотлично, – ответила Эсхейд и тронула поводья, подъезжая ближе. Стражник хоть и напрягся весь, закаменел, но ни шагу вбок не сделал. – Хватит уже трепать языком. Я не торговка-разносчица, которая стучит в двери в неурочный час, когда хозяева уже спят. Да и Захаир – не хозяин здесь, а лишь управитель, и лишь до тех пор ему править, покуда он первый воин на своих землях и, стало быть, лучше других их защитить сумеет.

Дружинник побледнел так, что под глазами у него синева проступила.

– Может, и так, – откликнулся он, – но за десять лет никто ему вызов не бросал.

– Твоя правда, – улыбнулась Эсхейд широко. – Ну да это исправить никогда не поздно... – И она воздела руку так, чтоб видно было наместничий перстень-печатку. – Эй, там, слышите? Я, наместница севера, Эсхейд Белая, чей род восходит к великой Брайне, требую созвать совет воевод! Требую по праву – и тот, кто слышит, да будет мне свидетелем!

Начинала она вроде бы негромко, но к концу голос её гремел так, что отдавался эхом, кажется, даже от дальних башен. Взлетела из кроны большого дерева чёрная птичья стая, шумно хлопая крыльями; хлопнули где-то ставни; звякнул металл, точно кто-то с испугу выронил меч или шлем... Эсхейд трижды повторила свой клич; в промежутках протрубил трубач и воины из её отряда колотили ножами в щиты. Когда же всё это было исполнено, она, не дожидаясь ответа, повернула своего гурна вниз по дороге, обратно к городским улицам, и люди её последовали за ней.

– Мы не войдём сейчас? – тихо спросила Фог, подлетев к наместнице на сундуке.

– Терпение, – ответила та спокойно. – Я сказала; меня слышали – и не только те, кто подчиняется лорге. Теперь у него нет выхода. Я могла бы прорваться сама, с боем, с кровью, но подожду немного – и войду с почётом и уважением. Он сам за мной пошлёт, ещё и солнце не сядет.

Так и вышло.

Эсхейд с отрядом снова спустилась в город; там они встали лагерем на площади у огромного изваяния Брайны, близ колодца. Сэрим немедленно взгромоздился на пьедестал и повёл рассказ о том, как злой старик двух братьев стравливал-стравливал, да правда сильней оказалась; затем о том, как белая Дева-Зима три дня и три ночи билась с огненно-рыжим Господином Лета – и уступила с честью, признав, что он сильнее, и посулив победителю богатый урожай; потом, для разнообразия, спел о Брайне – аккуратно перед тем как перейти к сказанию о славных защитниках Белых гор... Время от времени он прерывался, чтобы сыграть на флейте или принять в дар монетку-другую, хмельную чашу или пояс, расшитый серебром. Даже Эсхейд – и послала ему вина от своего имени, а любопытных зевак с каждым часом всё прибавлялось. Фог же было тревожно. Она нет-нет да и косилась на чёрные башни замка, подспудно ожидая, что в одном из окошек опять вспыхнет огнистое сияние морт, прислушивалась тревожно к перестуку копыт на дальних улицах и бездумно гладила лобастых котов наместницы, ласковых, вальяжных, урчащих рокочуще и утробно. Когда Сидше принёс ей перекусить лепёшку с дичью и пряными травами, то съела её, почти не чувствуя вкуса; когда он присел рядом, то положила ему голову на плечо и прикрыла глаза.

Когда же Сэрим уже немного охрип и туго набил монетами кошель, а рыжеватое, мутное пятно солнца сместилось ниже к горизонту, где слой облаков был не таким плотным, явились посланники из замка.

Не от лорги – от совета воевод.

– Твой призыв услышан, наместница, – сообщил посланник, побелённый сединами воин лет сорока, иссушённый и покалеченный, видно, после столкновения с мертвоходцем. – Совет начнётся, когда сядет солнце, а сейчас прошу следовать за мной.

Эсхейд поднялась, перекидывая через плечо светлую косу, и улыбнулась – так, что тех, кто на неё смотрел, невольно охватила дрожь.

Дорога до замка неуловимо переменилась. Вековые деревья вдоль обочины были теперь обвязаны чёрно-красными верёвками, точно подпоясаны; на невысоких резных столбцах, установленных через каждые двести шагов, горели факелы – коротким синеватым пламенем, про которое Сэрим сказал, что это из-за особого болотного мха, пропитанного маслом; а на внешней стене были вывешены полотнища с вытканными гербами славных воинских родов и иных уважаемых семей.

– Совсем как в Ашрабе, – шепнула Фог, привстав на цыпочки. Сидше качнул головой:

– Так и люди почти что одни и те же – что тут, на севере, что на юге.

– Да и глупости творят одни и те же, – мрачно поддакнул Сэрим, оглаживая флейту. – И через сто, и через двести, и через тысячу лет.

А потом стало не до праздных разговоров.

На сей раз Эсхейд встречали торжественно и пышно: пять дюжин воинов в полном облачении, трубачи, знаменосцы... На второй, внутренней стене тоже горели синеватые факелы – и они же отмечали путь к огромному залу, освещённому неистово-красным, чадящим огнём; там даже начало немного першить в горле, а голова сделалась мутной – ровно до того момента, пока Фог не окутала себя и своих спутников морт, вложив в неё очистительное стремление.

Стало полегче.

Зал и вправду поражал воображение. Кажется, что он занимал десятую часть замка, если не больше; посередине было нечто вроде

арены, узкой, вытянутой, а по бокам – пиршественные столы, расположенные рядами, один выше другого. За каждым столом сидели, вероятно, представители одного рода: в одежде схожих цветов, с одинаковой вышивкой по вороту и по низу кафтанов; обычно по три-четыре человека, среди которых обязательно был или мощный старик, или седовласая женщина-воительница.

– Воеводы, – пояснил тихо Сэрим, указывая на них. – Лорга ведь не сам содержит такое огромное войско, лично за ним стоят только двенадцать дружин Ульменгарма. А так каждая семья в случае надобности присылает кто полдюжины, кто дюжину, а кто и несколько дюжин воинов – зависит от того, кто сколько имеет. И пусть воевод порой кличут презрительно то «старикашками», то «седоусыми», то «немощью», сила за ними на самом деле немалая... А ещё они знают, что лишь старые законы удерживают лоргу от того, чтоб подгрести под себя всю власть, и потому они за эти законы будут стоять до последнего.

– Поэтому воеводы так быстро собрали совет, когда Эсхейд воззвала к ним? – догадалась Фог и покосилась на людей, сидевших за столами, уже с большим уважением.

– Конечно, – ухмыльнулся Сэрим пакостно. – Как не напомнить лорге, что свою силу он заимствует у них, а потому должен с ними считаться? Но ты не обольщайся: нас они поддерживать не станут, с лоргой-то привычнее, а значит, и спокойнее.

– Поддерживать не станут, но и случай щёлкнуть лоргу по носу не упустят? – тонко заметил Сидше без улыбки.

– А то! – почти беззвучно выдохнул Сэрим. – Самое благородное дело!

Но тут пришлось умолкнуть, потому что Эсхейд со своими людьми прошла уже больше половины от арены – и наконец остановилась.

На другом конце зала, напротив неё, на помосте, освещённом огромными пылающими лампами, восседал на троне лорга Захаир – а вокруг него стояла целая толпа. Воины, слуги, богато разодетые женщины, люди, одетые как купцы, и даже иноземцы... Ощувив колебание морт, Фогарта разыскала взглядом его источник – и накатило облегчение.

За плечом у лорги, в полутьме, стояла не Дуэса, а знакомый уже седой киморт в багряных одеждах, Ниаллан Хан-мар... и Фог он заметил тоже, без сомнений.

– Приветствую тебя, о лорга Захаир, – произнесла Эсхейд громко, и все прочие голоса затихли. – Великий и справедливый, погибель врагов и защитник Лоргинариума... Хоть я и солгала бы, если б сказала, что рада тебя увидеть.

Она в точности повторяла те титулы, которые озвучил глашатай на достопамятном суде, но у неё это выходило так, словно она не почтение высказывала Захаиру, а укоряла его... Он же сидел мрачнее осенней ночи, облачённый в меха и грубую кожу; золотая цепь свисала у него с шеи, и золотом был расшит ворот чёрной рубахи, распаханной почти до середины груди. Сидел – и смотрел исподлобья, выстукивая по подлокотнику пальцами, сплошь унизанными тяжёлыми перстнями, и глаза поблёскивали из-под кустистых бровей.

– И я тебя приветствую, наместница севера, Эсхейд Белая, – скупно произнёс он. – И с нетерпением жду, когда ты поведаешь, зачем созвала совет, который не собирался добрых десять лет.

Вокруг слышались шепотки – иные одобрительные, другие осуждающие; звук был такой, словно накатила на мелкие камни приливная волна.

– Не собирался – а стоило бы, – ответила Эсхейд веско. Рослая и широкоплечая, сейчас, напротив исполина-лорги, она казалась обычной женщиной; светлые её одежды, расшитые зелёными узорами, выглядели в багряном свете факелов и ламп грязными, а простой серебряный венец в волосах потускнел. – Что же до того, зачем я созвала вас всех... Я собираюсь бросить вызов.

«Мы так не договаривались, – похолодела Фог. – Ведь я должна была вызвать на бой киморта... как же всё так обернулось?»

Шепотки и пересуды как обрезало.

Лорга будто бы подспудно ожидал этих слов, потому что сперва напрягся, чуть ссутулил плечи, а потом снова распрямился и спросил:

– И кому же?

Эсхейд заговорила не сразу; взгляд у неё стал задумчивым, точно направленным внутрь, вглубь себя – или в давние времена.

– Двадцать лет тому назад ты позвал меня погостить, – сказала она наконец. – Позвал вместе с супругом – и с дочерью, которую-де

хотел познакомить с младшим своим сыном. Мы гостили два дня; на третий ты позвал меня по-дружески посостязаться в бою на мечах. Дочь моя, Иллейд, осталась с другими детьми... Меня не было всего лишь час. Когда же я вернулась, то не могла отыскать свою девочку нигде, и даже киморты не сумели выйти на её след. Как безумная, я металась по городу; ты же убеждал меня, что Иллейд, верно, решила пошутить и вскоре вернётся...

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, а лорга, нисколько не меняясь в лице, произнёс:

– Я помню это. Однако же это было слишком давно, чтобы созывать совет... если только один из присутствующих здесь не повинен в похищении твоей дочери.

– Как знать, – вскинула Эсхейд подбородок; на виске у неё забила жилка, часто-часто. – В то время в Ульменгарме появилась женщина-киморт родом с востока, облачённая в пурпурные и золотые одежды. Странную торговлю она вела... Платила по десятку морт-мечей за киморта-ребёнка, по полдесятка – за мёртвого эстру, – возвысила голос наместница, чтобы перекрыть вновь поднявшийся шум: редко за каким столом воевода мог удержаться оттого, чтоб не шепнуть словечко-другое соседу. – И вот что интересно... Был человек, который видел, как эта женщина выходила из твоих покоев. Моя Иллейд исчезла на исходе лета; а в самом начале осени ты вооружил свою первую дружину морт-мечами. Да, ты прав: я нашла человека, который повинен в похищении моей дочери, и собираюсь вызвать его на бой. Примешь ли ты мой вызов, а, лорга? – Она уже почти кричала, и голос её гремел под сводами, как гроза. – Детоубийца, работорговец и предатель своего народа... своего собственного рода предатель!

Отчего-то Фог стало вдруг очень страшно, и она отступила невольно на полшага, а язык у неё словно бы примёрз к небу. Кто-то продолжал шептаться, кто-то онемел, подобно ей; иные факелы горели ровно и ярко, а у других пламя дрожало и изгибалось...

– В тебе говорит горе, – ответил лорга неожиданно спокойно, и лицо у него смягчилось, посветлело. – Я ведь с малых лет знаю тебя, Эсхейд; хоть по крови ты мне и тётка, а всё же я старше и помню тебя ребёнком; помню и невестой, помню и матерью. Я не отказываюсь от

поединка, но всё же прошу подумать... Да и разве есть доказательства сказанному?

– Есть свидетель, – ответила Эсхейд, упрямо наклонив голову. – Биргир, наместник запада, видел и эту женщину, и мечи, которые ты получил от неё. Моя дочь была кимортом; уже тогда её звали наследницей Брайны и прочили ей великое будущее. И разве случайность, что именно тогда ты ни с того ни с сего призвал меня к себе?

– То был знак дружбы.

– И в знак дружбы же ты меня разлучил с дочерью?

– В тебе говорит горе, неразумная! – рявкнул лорга, поднимаясь с трона – нет, воздвигаясь, как косматая туча, как гора. – Ты сейчас не наместница, не воительница, а всего лишь мать!

– Ох, и когда же одно мешало другому? – послышался вдруг женский голос, немного скрипучий, но в то же время нежный. Толпа у трона лорги немного расступилась, и вперёд шагнула красавица в красном платье, в красном плаще; рыже-красные её волосы чуть завивались, а глаза, обильно подведённые краской, были цвета сумрачного неба. – Стало быть, воительница всегда права, и наместница ошибаться не может, а мать-то наверняка заблуждается, пусть все трое они и есть один человек? Да и разве не равны в своём праве требовать поединка и воевода, и наместник, и простой воин, и даже танцовщица-кьярчи, если она по обычаю предстанет перед лоргой?

«Ох, как похожа на Мирру, – оторопело подумала Фог, наблюдая за незнакомкой в красном. – Сестра? Так вроде бы нет у него сестёр... Неужели мать?»

В неверном свете факелов признаков почтенного возраста было не углядеть, а держалась женщина легко и свободно, двигалась гибко, словно и впрямь была танцовщицей.

– Зита, – выдохнул лорга, оборачиваясь к ней всем телом. Лицо у него исказилось на мгновение, но почти сразу же он овладел собой и вновь смягчился. – Я не пытаюсь умалить ничьих заслуг, лишь хочу проявить милосердие.

– Милосердие ли? – усомнилась женщина, скрестив тонкие руки на груди и качнув головой. – Или опасение схлестнуться в поединке за правду с той, кого кличут первым клинком севера?

Тут лоргу перекосило настолько явственно, что даже плохое освещение не могло этого скрыть.

– Ах ты, лисица... Умолкни немедленно!

– Позор, если простая лисица знает обычаи лучше, нежели знатный человек, – нисколько не смутилась женщина в красном. – Вы все, добрые люди, скажите мне: как надлежит воину отвечать на вызов? Стоит ли пустословить? Стоит ли рассуждать, говорит ли устами другого горе, или гнев, или страх? Как ответить-то надо?

Пока она говорила, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, Фог и впрямь показалось, что из-под красного подола у женщины показался хвост, а то и несколько – но это, конечно, была лишь игра света и тени.

А лорга, выслушав всё, стиснул зубы, обвёл сумрачным взглядом зал и произнёс:

– Я принимаю твой вызов, Эсхейд Белая. Но во имя нашего родства, во имя доброй дружбы на много лет, я даю тебе время одуматься. Поединку быть через пять дней, на рассвете, если только ты не решишь забрать свои слова назад... А теперь ступай.

– Ступать? А горазд ты указывать, – усмехнулась Эсхейд, чуть наклонив голову. – Мы ведь ещё не закончили, – сказав так, она обернулась к Фогарте и едва заметно кивнула.

Тотчас сердце подскочило, кажется, застревав где-то в горле, а тело сделалось лёгким-лёгким.

– Не закончили, – высоким звонким голосом подтвердила Фог, делая шаг, другой, третий, пока не вышла впереди Эсхейд – и не уставилась прямо, не мигая, куда-то за плечо лорги, где виднелись багряные одеяния по ишмиратской моде. – Ниаллан Хан-мар! Я обвиняю тебя в том, что ты пособничал работорговцам и продолжаешь покрывать страшные преступления даже теперь... Я вызываю тебя на поединок. Если откажешься и попытаешься бежать, то, то... – Она сглотнула. – То будем сражаться прямо сейчас!

«Он не откажется, – повторяла Фог про себя. – Он не откажется, потому что уверен в победе, я ведь просто ученица, и учителя на сей раз нет рядом, и... и...»

– Я принимаю твой вызов, глупая девчонка, – донёсся голос словно сквозь толщу воды, глухо и невнятно. – И также даю время

одуматься и принести извинения. А если нет... Утром третьего дня я преподам тебе урок, который стоило бы преподать ещё в прошлый раз.

– Через три дня и посмотрим, – улыбнулась она.

И – прикрыла глаза на мгновение, медленно выдыхая.

«Вот сейчас точно некуда отступать».

– Ну, пожалуй, можно и идти, – усмехнулась Эсхейд добродушно.

И чуть возвысила голос: – Зита! Спустишься-ка ко мне, обними, как сестру. Давно же мы не виделись!

Женщина в красном радостно вскинула подбородок и шагнула к краю помоста, подбирая на ходу юбки, но тут лорга цокнул языком – и сразу несколько дружинников обнажили мечи, преграждая ей путь.

– А это без надобности. Никуда она не пойдёт. Так? – Он обернулся к женщине; та замерла, прикусив губу, не отвечая ни да, ни нет, и немного вжала голову в плечи, точно в ожидании удара. – Не оставит же добрая жена своего мужа в минуту печали.

– Значит, как милостями одарить – так ты её зовёшь наложницей и лесной лисицей, а как милостей просить – доброй женой? – сузила Эсхейд глаза; тон у неё был шутивным, а вот взгляд – тёмным, страшным, напряжённым, точно в любой момент могла грянуть буря – или битва. – Полно. Даже если она и жена тебе, то никак не рабыня. Зита, – повторила она громче, и голос, низкий, гулкий и глубокий, заполнил, кажется, весь зал, и даже морт дрогнула, как вода, если ударить по ней ладонью плашмя. – Иди сюда. Поговорим о своём... о материнском.

Последнее слово было как тайный знак.

Зита поникла, обмякла – а потом, извернувшись, ловко проскочила под скрещенными мечами, словно в танце, и спрыгнула с помоста, прямо Эсхейд в руки. Ниаллан пытался ей помешать – морт вытянулась скользким щупальцем, чтоб поймать беглянку, но куда там! Фог, напряжённая, как струна, даже не стала отвечать на выпад, просто пресекла его, оттянув на себя всю силу.

Ниаллан сделал шаг назад, в замешательстве хмуря брови, и явно не понял, что произошло; лорга против воли обернулся на него. Этого короткого промедления оказалось достаточно, чтоб Эсхейд развернулась – и направилась к выходу, а Зита у неё на руках сжалась в комочек, точно пытаясь стать меньше.

«А ведь Эсхейд сдержала обещание, данное Мирре, – подумала вдруг Фог, развеселившись. – Выкрала его матушку из плена, причём на глазах у всех, не стесняясь... Хотя, наверное, так и надо было?»

– Лорга ведь бы её иначе не отпустил? – спросила она тихо, потянув Сэрима за рукав.

– Сама подумай, тебе голова нужна не только для того, чтоб лбом стены прошибать, – ворчливо отозвался сказитель. Но, когда они покинули зал, смилостивился: – Эта Зита, считай, сейчас ему не просто перечила, а взбунтовалась. Это при благородном-то собрании... Впрочем, она и до того была одной ногой в могиле: одолел бы Мирра отцово войско или проиграл бы, лорга её, мать бунтовщика-то, живой бы не оставил. Ну да и мы сейчас тоже наполовину мертвецы.

– Из-за поединков?

– До поединков ещё надо дожить, – непонятно ответил он. И, улыбнувшись, потрепал Фог по волосам. – Не тревожься пока. Эту ночь хорошенько отдохни, а там... там поглядим, что да как.

Для житья им отдали целую башню – северную. Как рассказал Фог болтливый дружинник, безусый ещё мальчишка с голубыми глазами, эта башня-то и принадлежала Эсхейд, как южная – Мирре, западная – Биргиру, а восточная – Кальву. Места хватило бы, пожалуй, чтоб без труда разместить там впятеро больше человек, но всем пришлось тесниться и занять лишь два этажа, один над другим.

– Нам ведь покоя не дадут, – объяснила Эсхейд, когда в очаге запылало жаркое пламя, и воздухе поплыл запах горячих лепёшек, мяса и пряного вина. – Лучше поближе держаться, приглядывать друг за дружкой... Зита, ты как? Живая?

Женщина в красном наряде, сидевшая близко-близко к огню, вздрогнула – а затем расслабилась всем телом, выдохнула.

– Не иначе как чудом, – признала она, обернувшись.

Теперь, вблизи, и сомнений не возникало, что Мирра ей сын: тот же редкий цвет волос, тёмно-рыжий в густую, венозную красноту; тот же разрез глаз, серых с синевой – как грозное небо, как речной лёд по весне; черты лица такие резкие, что, кажется, ещё немного – и порежешься, а ещё веснушки... и особенная улыбка, которая то ли есть, то ли нет её, померещилась.

Зита выглядела мягче Мирры, спокойней, добрее, словно свои-то войны она отвоевала.

– А чего не шла ко мне? – спросила Эсхейд, передавая ей чашу с вином. – На, выпей-ка, тебе надо... При всём-то честном народе, думаю, даже Захаир не посмел бы тебя зарубить.

– Так я перед ним всегда немею, – ответила Зита, улыбнувшись краешками губ. – Как чую, что он моя погибель.

– Я тебе дам погибель, – пригрозила ей Эсхейд и сама села рядом. – Пусть прежде меня одолеет... Кстати, слыхала новость? Твой котёныш бешеный наконец меня победил в честном поединке.

– Ой, какой он котёныш – лисёнок он, – отмахнулась Зита. – Весь в меня! Видать, потому лорга его и не любит.

И – рассмеялась, счастливая.

Потом было много рассказов, историй и песен. Фог почти ни о чём не спрашивала, опасаясь выпросить лишнее, отчего собеседнице станет больно; Зита, впрочем, ничего и не скрывала. С шутками и прибаутками она поведала о том, как выросла в таборе, воспитанная вайной; как попала в Ульменгарм и напросилась в ученицы к лекарю... как заметил её лорга, тогда немолодой уже – и лишь год-другой как женившийся второй раз.

– Он меня поманил, мол, запрыгивай в седло, – сказала Зита просто, и между бровей у неё залегла на миг складка. – Я хотела сказать «нет», но не посмела; а он, видать, решил, что это значит «да». Так и жили с тех пор... Ну, что печалиться! – встряхнула она волосами и вскочила. – Не лучше ли станцевать? – и обвела пиршественный зал взглядом.

Дружинники – видно, те из них, кто знал её получше – кто фыркнул, кто спрятал взгляд, а кто неосознанно потёр ногу, видно, вспоминая, как наплясывал в прошлый раз. Сэрим, которому в чутьё было не отказать, тоже сразу поднял руки.

– Нет-нет, на меня и не смотри, красавица! Плясун из меня негодный, а вот сыграть я могу. – И он достал флейту.

Улыбка у Зиты сделалась озорной.

– Тогда ты?

Фог не сразу поняла, что обращаются к ней. А когда осознала, то замотала испуганно головой:

– Ой, я... э-э... я не умею!

Настаивать Зита не стала – и повернулась к Сидше, который сидел тут же, рядом:

– А ты, красавец?

– Я тоже ваших танцев не знаю, – усмехнулся он.

«Так же не знаешь, как на лорги не говоришь?» – усомнилась Фог. Зита, верно, тоже почувствовала что-то, потому что ухватила Сидше за край рукава и потянула на себя.

– Ну, ну, не знаешь – так научу! Вон, как я своего сына плясать научила – никто на севере его теперь не перепляшет! – И она рассмеялась снова. – Давай, давай, выходи, ну!

Сидше обернулся к Фог, увидел что-то в её глазах... и неожиданно согласился:

– Почему бы и нет?

Поначалу он и впрямь двигался неумело. Но мало-помалу, под трели флейты и перезвон золотых браслетов у Зиты на руках начал плясать быстрее и попадать в такт, а затем, разгорячившись, и вовсе сбросил хисту, оставаясь в одном чёрном нижнем платье.

– Хэй, хэй! – хохотала Зита, отплясывая с ним среди столов, под бряканье кружек и хлопанье в ладоши. – Да тебе не эти бархатные туфли надо, а добрые сапоги с серебряными подковками, чтоб танцевать веселей!

Сидше ничего не отвечал – дыхания не хватало; на щеках у него проступил румянец пятнами, а волосы на висках чуть взмокли... Фог любовалась им – тем, как гибко и ловко он двигается, как подхватывает Зиту и кружит её. Но в то же время завидовала и, пожалуй, немного боялась; сердце ёкало всякий раз, когда бледная рука капитана оказывалась у Зиты на талии или поясице, а ещё больше – когда эти двое в танце ненароком прижимались друг к другу.

Прижимались, чтоб тотчас же разойтись.

«А они хорошо смотрятся вместе, – с тоской думала Фог. – Красивые... А я обычная».

Размышлять об этом было и больно, и сладко, как расчёсывать зажившую царапину.

...Когда Сидше утомился – или, верней сказать, Зита нашла себе новую добычу, молодую дружинницу со светлыми, коротко остриженными волосами – он подсел к Фог, разом осушил почти половину её чаши – и улыбнулся, тяжело дыша.

Он словно сиял, и глаза у него сияли тоже.

«Красивый», – пронеслось в голове снова.

– Понравилось? – спросила Фогарта, и голос у неё дрогнул.

– Приятно учиться тому, что не приносит вреда, – ответил Сидше мягко.

Она не сразу осознала сказанное, а когда поняла, то захотела обнять его крепко-крепко. Но почему-то вышло так, что он обнял её первым – разгорячённый, в повлажневшем нижнем платье из тонкой ткани... После этого не получалось ни думать, ни тревожиться – мысли путались, разбегались, а если и складывались во что-то, то это что-то непременно оказывалось непристойным.

Сидше же улыбался так, словно об этом знал.

...Фог проснулась ближе к утру, в зыбком сумраке, резко, словно от пощёчины. Было холодно; пахло дымом, гурнами, потом, сырым камнем и старым деревом – словом, так, как всегда, если в старые залы набивается сразу много народу, причём с дороги. Впрочем, за ширму ни посторонние звуки, ни запахи почти не попадали – работало ещё стремление, вложенное с ночи.

Ощущение близкой опасности было острым, тревожным.

Помаявшись немного, Фог осторожно выползла из-под руки Сидше – он шевельнулся, но не проснулся, измотанный плясками – и медленно пошла через пиршественный зал, кутаясь в хисту, сейчас, в отсутствие света, казавшуюся серой. Иногда приходилось переступить через людей или лужи вина... Дружинник, стоявший на страже, ничего не сказал, лишь кивнул в знак приветствия.

Морт дрожала мелко-мелко, как лист железа, если ударить по нему – разве что звука не было, угас, утих.

«Точно, – подумала Фогарта. – Звук».

Мало-помалу она вышла к вершине башни – и, почти не удивившись, обнаружила там, на площадке, продуваемой всеми ветрами, Сэрима. Он сидел, сгорбившись и подогнув под себя одну ногу, покачивая в пальцах флейту; глядел не на восток, как можно было ожидать, а на север, в сторону Белых гор, не видных отсюда, и глаза у него казались очень тёмными, почти чёрными.

– Ты чего не спишь? – спросил он мягко, не оборачиваясь. – Сказал же – отдыхай. Я посторожу нынче.

Фог замерла, догадавшись:

– Ниаллан хотел избавиться от нас?

– Куда ему, – скривился Сэрим. – Но он попытался. Теперь жалеет, небось... Хотя такие не жалеют и выводов не делают, уж больно кость башке толстая, не доходит, как ни бей. Ты не стой на ветру; иди спать.

– Ага, – кивнула Фог растерянно. Взгляд, точно сам по себе, притягивался к флейте, сейчас точно бы сияющей слабым, тёплым светом, едва заметным; в ушах стоял звон, как от лопнувшей струны. – Ты... ты ведь на флейте играл сейчас? Кто... что она такое?

Сэрим вздрогнул всем телом – и обернулся наконец; лицо у него стало растерянное.

– Значит, «кто»... Потешная оговорка. Впрочем, почему бы и не ответить на вопрос, если уж он задан правильно, – улыбнулся он криво. И сел нормально, на самый краешек парапета. – Спрашиваешь, значит, что это за флейта такая... Ты уже, верно, поняла, что когда-то очень давно я был кимортом. Сперва молодым и глупым; потом старым и глупым, а ещё сварливым, злопамятным и заносчивым. И была у меня ученица, девчонка вроде тебя, только вот курносая и побойчей немного. До того сильная – аж дух захватывало, как если б простому человеку глядеть вблизи на лесной пожар, что ветром раздувает! Однажды мы повздорили, и я в запале сказал, что, мол, пока она свою вину не признает, я палец о палец не ударю, чтоб ей помочь. А годы тогда были тёмные, страшные – то одно, то другое...

Фог слушала, как заворожённая, и, кажется, видела наяву всё то, о чём говорил хрипловатый, надтреснутый голос.

...Моя непоседа везде попевала.

С её лёгкой руки выросли города, пролегли между ними дороги, Белые горы сомкнулись и упёрлись в небеса, не пуская большие на земли севера смертоносных тварей из заснеженных пустынь. Мало-помалу Лоргинариум стал един и принял те очертания, какие сейчас имеет. Только не всем это было по нраву; многие жаждали вернуть времена междоусобиц, когда проще было грабить соседа. И вот такие-то люди и сгубили мою непоседу... Я опоздал совсем немного, однако же застал лишь погребальный костёр.

Флейта, говоришь...

Она сделана из невучего серебра – и из кости моей ученицы, самой большой, до которой не успел добраться огонь. Разум у меня тогда помутился; не помню, о чём думал – помню только, что хотел,

чтоб она подольше осталась со мной, пела мне, как раньше, и смеялась. А потом случился сброс; я потерял и то небольшое, что сохранил до тех пор, но флейта осталась со мной. Мы с нею бродили по далёким-далёким уголкам, куда не забредали ни люди, ни дикие звери, и был там только ветер, да голые камни, да седые мхи. Над нами сияла звезда спутника, и он был молчалив и будто бы переполнен болью. А флейта мне пела; и казалось порой, что она живёт сама по себе – и утешает меня в долгом странствии.

А потом – кто знает, сколько лет спустя – я вышел к городу и там увидел её.

Девочку мою...

Каменное изваяние над источником – каменное, а всё же как живое.

И вспомнил.

И так стало больно вдруг, веришь, нестерпимо... Помню, одного тогда желал: оказаться там же, где она, а когда пришёл в себя, то спутник мой исчез, а флейта будто бы ожила взаправду. Не смотри так: я знаю, что это не она, моя непоседа, но это всё, что осталось от неё.

С тех пор не сто лет прошло и не двести; ничего не забылось, конечно, но сейчас, пожалуй, почти что не болит. Веришь?

...только кажется иногда, что флейта плачет.

Но это кажется просто.

Когда Сэрим договорил, то выглядел старше на тысячу лет – а, может, Фог только сейчас разглядела его настоящего.

Сказать можно было многое; можно было и промолчать.

Но она произнесла только:

– Ты научишь меня сражаться?

Очень медленно Сэрим выдохнул – и прижал флейту к губам, точно в целомудренном поцелуе; затем опустил её, открыл глаза, и уголки у него чуть дрогнули.

– Такому не учат... Но приходи завтра, как отдохнёшь. Я дам тебе совет.

Ниаллан Хан-Мар оказался человеком изворотливым и подлым.

Хоть он и держался так, словно не сомневался в своей победе и ему не терпелось наказать дерзкую девчонку, но возможностей навредить не упускал. И, что ещё хуже, не позволял Фог вздохнуть с облегчением – ни на миг.

Всякий раз удар приходил с другой стороны. То обрушивалась вдруг часть крыши, то служанка опрокидывала чан с кипятком, то на приبلудного гурна находило вдруг бешенство, и он принимался кидаться на всех подряд, лягаясь и щёлкая зубами... А уж сколько раз пытался Ниаллан наслать на башню дурман, лишаящий кимортов сил! И в порыве ветра, и в дожде, и в пряди тумана из долины; о пище и питье и говорить не стоит: ни единый кувшин с вином или водой, копчёный окорок или даже лепёшки из печи не остались нетронутыми, везде была отравка. Её, конечно, ничего не стоило оттуда удалить, но главной цели удар всё же достиг: Фогарта больше не чувствовала себя в безопасности, нигде и никогда.

– Тебе надо отдохнуть, – ворчал Сэрим, убирая флейту. – Не бойся, он тебя не достанет. Ишь, пронырливый, едва успеваю дыры затыкать... Ты не бойся, не бойся, – повторил он с кривой улыбкой. – Этот дурень ведь не только тебя изматывает, но и себя.

Любую пищу теперь сперва пробовал Сидше, который различал яд там, где даже морт находила его не сразу. Сперва посмеивался; к вечеру же ему это настолько опостылело, что он перестал улыбаться, а потом и вовсе достал из своей дорожной сумы какие-то тёмные склянки и, подвернув рукава хисты, принялся смешивать некий состав. Час спустя он вручил его Фог и попросил отослать к Ниаллану, смешав с ветром или туманом.

– Я, конечно, попробую, – с сомнением откликнулась она, заглядывая в чашу. Морт потыкалась в мутную жидкость, однако ничего вредоносного не обнаружила. – Но он ведь поймёт, что его хотят отравить...

– Не поймёт, ибо это не яд, – ответил Сидше обманчиво любезным голосом, и лицо у него стало, как у дорогой ишмиратской куклы. – Тут пыльца одного совершенно обыкновенного цветка, который в изобилии растёт у нас в Шимре, а ещё морская соль и редкий минерал, что встречается лишь тут, на севере. Ни каждая часть по отдельности, ни всё это вместе не принесёт никакого вреда, пусть бы даже младенцу или старику.

Фог осторожно качнула чашу, прикидывая, как бы смешать её содержимое с туманом, не изменив свойств состава.

– А в чём же тогда подвох? Ну, если дышать этим не пагубно для здоровья?

– О, секрет, – улыбнулся Сидше лукаво. – Но наш любезный друг тотчас же узнает, в чём подвох, как только выпьет вина.

– А он выпьет? – усомнилась Фог.

– Вот это предоставь мне, – последовал уклончивый ответ.

Сидше отлучился на час или около того – и вернулся уже в сумерках; дружинники утверждали, что видели, как тот заговаривал то с одной служанкой, то с другой... Возвратившись, он не стал ничего объяснять, просто попросил подождать немного. А к ночи распространилась презабавная весть: якобы гость лорги, седовласый киморт, за ужином опьянел от одной чаши вина, повёл себя непристойно, а затем и вовсе заснул, упав лицом в блюдо с квашеными овощами.

– Это из-за того состава? – догадалась Фог.

– Если не мешать его с вином, то он и впрямь безвреден, – усмехнулся Сидше, чуть склонив голову к плечу. – Но, соединяясь с любым хмельным напитком, он заставляет человека пьянеть быстрее. А как потом наутро с похмелья болит голова!

– Что хоть руби? – поддакнул Сэрим понятно.

– Бывает, что и так, – скромно опустил Сидше взгляд. И, выдержав паузу, раскрыл тайну: – Это двусоставный яд. Он хоть докучливый, но не смертельный – и не слишком-то известный... а ещё он проявляет себя лишь соединяясь с вином, а до тех пор пыльца и минерал существуют словно бы по отдельности и не сливаются воедино.

– А соль зачем нужна?

– Усиливает действие, – охотно ответил он – и принялся пояснять на примере.

А Фог задумалась невольно о другом.

«Выходит, он мог, если бы хотел, отравить меня на дирижабле в любой момент, а не играть, как с ребёнком... Да, как с ребёнком, – повторила она про себя, ощутив холодок по спине, однако не от страха, а от иного чувства, подобрать которому название не могла. – Он ведь учил меня... готовил к встрече с опасностями юга. Почему?»

Спросить об этом вслух она не осмелилась.

Между тем наступила ночь – на сей раз спокойная, потому что Ниаллан Хан-мар был беспробудно пьян. Фог крепко проспала до самого рассвета – и лишь тогда очнулась с тревожной мыслью.

– Сэрим, – прошептала она, садясь на постели и прижимая одежды к груди. Сидше лежал рядом и размеренно дышал; не то спал, не то просто делал вид, что спит. – Он же обещал дать мне совет!

Оглянувшись на Сидше напоследок, она накинула хисту на плечи – и тихо выскользнула из покоев.

...Сэрим обнаружился там же, где и в первую ночь, на самом верху башни. Правда, небо на сей раз не хмурилось и не нависало над самой головой, и туман внизу не вспучивался пышными серыми лохмотьями; была ясная ночь, точнее, самый её излёт, когда восток постепенно розовеет, затем белеет – и наконец вспыхивает раскалённым светоносным золотом; время, когда воздух особенно прозрачный, а звуки разносятся очень далеко... Флейта покоилась на груди, за отворотом хисты; на широком бортике стоял небольшой чайник и две пиалы из тонкого ишмирятского фарфора, а рядом высилась горстка засахаренных фруктов и цветочных лепестков. Сам Сэрим сидел тут же, рядом, свесив ноги в пустоту и опираясь спиной на столб, поддерживающий своды.

– Присаживайся, – улыбнулся он, увидев её. – Думал уже, ты не придёшь... И угощайся. Соскучилась, небось, по домашним сладостям?

В груди стало тепло; тугой, холодный узел внутри будто ослаб немного, пусть и не исчез до конца.

– Соскучилась, – улыбнулась Фог, устраиваясь на бортике; подумав, она подогнула под себя обе ноги, как привыкла уже. – Откуда только им здесь взяться, домашним?

– Из Шимры, знамо дело, – ответил Сэрим, и его улыбка превратилась в каверзную усмешку. – Лорга, видать, подготовил угощение для своих ишмирятских гостей... а я навестил его кладовые и позаимствовал немного. Разве ж это тяжёлая провинность?

– Не провинность, а обязанность, – в шутку исправила его Фог, обхватывая ладонями тёплую пиалу, прозрачно-белый фарфор, расписанный лепестками чийны. От чайного настоя, прозрачно-янтарного, исходило благоухание – нежное, точно воздух над

цветущими садами по весне, и самую малость терпкое. – Как было не наведаться! Сласти для кого? Для ишмиратцев. А мы кто?

– Ну я, положим, северянин, – ответил он и невозмутимо подхватил с блюда несколько ароматных лепестков, жёстких и хрустящих от сахарной корочки. – Родился недалеко от Белых гор; ох, и дикие это места были в то время... Ни отца, ни матери я не знал; воспитывал меня эстра, но и он сгинул, когда у него случился сброс. Так что учился я, считай, сам у себя, жил подаянием – играл на флейте и показывал в деревнях безыскусные чудеса. К чаю вашему и к сладостям приистрастился, когда покинул родные края, как думал, навсегда, и отправился на восток в тщетной надежде расстаться с собственным прошлым... – Он задумчиво качнул пиалу в руке, сделал глоток и снова улыбнулся. – Впрочем, это дело давнее. Сейчас-то, я, пожалуй, ничейный: с севером распрощался, но больше нигде корней не пустил, хоть и повидал жизнь и там, и здесь.

Фог слушала, кивая, и наблюдала за ним вполглаза. Сэрим был каким-то другим, словно сбросил с себя тяжесть, открывшись наконец и рассказав о себе правду. Он так же ворчал, как прежде, и шутил, но будто бы стал честнее – в первую очередь даже с самим собой.

«Точно он боялся вернуться в родной дом и увидеть его в запустении, покинутым и мрачным, – подумалось ей. – Но когда вернулся на самом деле, то дома не нашёл вовсе, даже остова – лишь духовитые дикие травы по пояс, деревья до облаков и ветер, гуляющий между небом и землёй».

– Если повидал жизнь, то мне тем более разумно было бы спросить у тебя совета, – вслух ответила она. Прикусила засахаренный цветочный лепесток, затем ещё один... – Надо же, и впрямь как дома. Сладко.

– Ты молодая, тебе всё сладко, – вздохнул Сэрим и перевёл на неё взгляд; круглые жёлтые глазищи как никогда напоминали птичьи. – Что же до совета... Как думаешь, что за человек Ниаллан Хан-мар?

– Человек? Не киморт? То есть каков его характер? – уточнила Фог и, дождавшись кивка, задумалась. Минувший день многое прояснил, но кое-что и запутал. – Пожалуй... пожалуй, он осторожный.

Полоска света над горизонтом будто бы мигнула и сделалась неуловимо ярче; воздух стал чуть теплее, но не равномерно, а будто бы

слоями; внизу, у оврага, вспучился белый гребень тумана и начал расползаться по округе, карабкаясь вверх по склону.

– А ещё? – спросил Сэрим.

На поверхности янтарно-зеленоватого настоя беспокойно плясала одна-единственная чайника, стоямя, точно крохотный рыбацкий поплавок.

«К удаче, – подумала Фог, сжимая пальцы на пиале чуть крепче. – Надо же, у меня руки дрожат. Немного, но...»

– В средствах он неразборчив, – вслух сказала она. В памяти всплыл образ служанки, опрокинувшей чан с кипятком, и её руки, красные, обожжённые, и ноги тоже... и лицо, побелевшее от боли. – Обычных людей он не жалеет и считает их не более чем средством.

– Хорошо, – кивнул Сэрим и, прищурившись немного, отпил ещё чаю. – А теперь вспомни, как он выглядит. Что-то ещё на ум приходит?

Она представила, как въявь, свою первую встречу с ним: брезгливый изгиб губ; взгляд, снисходительный и хмурый; многослойные багряные одежды с широкими-широкими рукавами – такие в Шимре носили только в дни больших праздников при дворе ишмы, где церемониал не менялся уже дольше века.

– Ниаллан Хан-мар старомоден, но только оттого, что смотрит на людей свысока, – произнесла Фог задумчиво. – Меняться не умеет; учиться, полагаю, не любит. Считает себя проницательным и мудрым... и, пожалуй, за мудрость принимает жестокосердие, а сострадание ему кажется проявлением слабости или глупости. Не очень силен, не очень искусен – и знает это, но... но поединок его не пугает?

– Не пугает, – согласился Сэрим. – А почему, как думаешь? Что даёт даже слабому уверенность в победе?

На сей раз Фог размышляла недолго и ответила почти бездумно:

– Опыт? Постой, – нахмурилась она. – Выходит, он уже сражался с кимортами сильнее себя? Но в цехе об этом никогда не говорили! Да и вообще его имя ничем не прославлено, он даже учеников не брал! Я слышала-то о нём раз или два, когда он что-то для торговых караванов делал... Значит, получается, что все его поединки были за пределами Шимры и цеху он о них не сообщал?

– Получается, что так, – не стал спорить Сэрим. Улыбка у него стала недоброй. – Сражался с кимортами моложе и сильнее себя,

побеждал – и хранил это в секрете. Прямо интересно знать, куда девались проигравшие, особенно если учесть его дружбу с Дуэсой, а значит, и с работорговцами... Ну, или этот Ниаллан просто высокомерный дурень, который сто лет прожил, а ничему толковому не научился, – добавил он ворчливо, утыкаясь в чашку с настоем.

Фог недоверчиво моргнула:

– Всего сто?

– А ты думала, небось, что ему все триста? – подмигнул ей Сэрим – и рассмеялся. – Ну, пузо и седина, конечно, солидности прибавляют, но и только. Меня-то самого частенько за мальчишку принимали, долговязого и нелепого, но мне это на руку; а ему, видать, важно притворяться стариком – значит, он часто бывает в тех местах, где возраст в почёте и где судят о важности человека по умению скорчить кислую рожу... И как же будет действовать такой человек, как Ниаллан Хан-мар?

Допив чай одним глотком, она отставила пиалу в сторону. Туман уже клубился под самыми стенами, а солнце, не успев показаться над горизонтом, застряло в густых облаках и сделалось красным: так монета, раскалённая добела, багровеет, остывая. Окрестности выглядели зыбкими, однако то, что было скрыто за серым маревом, легко домысливалось по памяти.

– Затягивать сражение он не станет, – сказала Фог задумчиво. Теперь, когда образ противника стал более ясным, это казалось очевидным. – И в лоб, сила против силы, сражаться не будет. Его оружие – подлость, к тому же нацеленная зачастую на других людей... А ещё удары исподтишка.

– Умничка, – похвалил её Сэрим. – Всё правильно сказала. А на деле-то применить сумеешь?

– Конечно! – горячо откликнулась она и потянулась за чайником – подлить себе ещё ароматного настоя. – Теперь ведь понятно, что...

...отчего-то пальцы вместо ручки сомкнулись на пустоте – а в следующую секунду Фог поняла, что падает со стены, прямо в серый гнилой туман.

– И-и-и-и!

Звук, который вырвался из горла, был совершенно не достоин учёной девы. На миг разум точно оцепенел. Морт прыснула в стороны, а затем взвихрилась ураганом, но тщетно: держаться за неё киморту –

всё равно что обычному человеку хвататься за воздух... Неровная кладка стены промелькнула – Фог и выдохнуть не успела, не то что сообразить, что делать.

Наверное, она бы и разбилась так, но туман вдруг стал плотным и мягким, словно перина, а затем обернулся вокруг, смягчая падение. Почти сразу же подскочил откуда-то сверху и сундук, весь обсыпанный каменной крошкой и опоздавший всего на несколько мгновений.

– А говорила, что сумеешь, – цокнул языком Сэрим разочарованно, перегнувшись через бортик. – Думаешь, этот Ниаллан будет ждать, когда по всем правилам объявят поединок? И только потом начнёт сражаться?

– Не думаю, – с долей досады откликнулась Фог, поднимаясь верхом на сундуке обратно на вершину башни. – Но он-то враг, а от тебя я вреда не ожидала!

– А с чего ты взяла, что он всегда будет вредить своими руками?

Она не сразу осознала сказанное, а когда поняла, то в груди похолодело, и обида испарилась... Настой в чайнике потемнел и изрядно остыл, но по-прежнему благоухал северной весной, долгой, сладкой.

«А на вкус горько».

– И как же мне его победить? – тихо спросила она.

– Используй то, чем одарена без меры, – ответил Сэрим мягко и ткнул ей указательным пальцем в лоб, точно печать оставляя.

– Ум? – с надеждой спросила Фог, просветлев.

– Силу, – усмехнулся он. – Твою страшную, давящую, невозможную силу, которой нечего противопоставить. А состязания в хитроумии и коварстве оставь нам, старикам.

Перестоявший чай Сэрим выплеснул и заварил новый, а за хлопотами вскользь, невзначай дал ещё несколько советов. Что отвести большую силу в сторону всяко легче, чем противостоять ей; что в сражении между двумя кимортами бесполезно воздействовать морт напрямую, можно лишь изменять мир вокруг; что поединок начался в тот же миг, как его объявили, и идёт уже прямо сейчас...

Фог слушала и думала сразу о многом. О подлости; о том, что есть вещи, которым нельзя научиться из книг; о том, что проигрывать иногда ну никак нельзя.

Чай в пиале был совсем как дома, в Шимре.

Очень хотелось домой.

Наконец настал день поединка.

Эсхейд и её люди, кажется, нисколько не сомневались в победе своей союзницы, даже оделись как на праздник: достали вышитые парадные плащи – признаться, изрядно мятые – и блестящие металлические фибулы вместо деревянных; те, у кого волосы были длинные, заплели их в косы и украсили цветами – и женщины, и мужчины. Сама наместница перевила пряди с тонкими цепочками из белого золота и надела венец, так тонко сработанный, что казалось, будто это мороз прихватил живую лозу и одел её инеем, точно серебром. Зита, конечно, была в красном, только талию обхватывал широкий чёрный пояс.

«Словно надлом», – подумала Фог и тут же отогнала от себя тревожные мысли.

Времени ведь почти не оставалось.

Примерно за час до поединка она попросила всех выйти во двор и под одобрителем взглядом Сэрима проверила, нет ли ни на ком подозрительных отпечатков морт. Перед глазами, как наяву, стояли два образа: тонкие, сияющие пурпуром волоски, натянутые с обратной стороны карты, и перстень в зловещих багровых сполохах, подаренный Дуэсой. Испорченная карта тогда запутала и сбила с пути, а перстень... перстень едва не погубил.

«И не только меня», – пронеслось в голове.

Сперва было совестно беспокоить людей попусту, тем более что некоторые посмеивались втихую над её дотошностью; но затем Фог, к собственному удивлению, обнаружила, что у одной из дружинниц испорчен камень в мече.

Хватило бы небольшого возмущения морт, чтоб он разорвался, искалечив всех поблизости.

– Быть такого не может, – нахмурилась Эсхейд. – Телор ведь все мечи проверял, недавно совсем, перед битвой.

– Значит, после него кто-то постарался, – хмыкнул Сэрим. – Кто б это мог быть, э?

Больше смешков и шуток не было.

После осмотра побледневшей Зите пришлось избавиться от плаща: лёгкая, с виду безвредная дымка морт внутри волокон ткани

должна была заставить её воспламениться в условленное время. Схожим образом оказались испорчены и сапоги у Эсхейд, и наместница, поразмыслив, сообразила, что вредоносная морт появилась, вероятно, когда они с Зитой наведались к ней в покои за чистой одеждой.

– И та дружинница вас сопровождала? – тихо спросила Фог, ощущая себя очень усталой, хотя поединок даже не начался; Эсхейд кивнула. – А кто ещё... кто ещё был тогда с вами?

– Никто, пожалуй, – ответила та. И нахмурилась. – Хотя нет, постой. Коты мои увязались следом. Неужто и они?..

Коты тем временем нежились на солнце: большой вытянулся во всю длину, подставляя пузо тёплым лучам, а меньший свернулся клубком, чутко поводя ушами в ответ на малейший посторонний звук. Дрожащими руками Фог направила морт и мягко окутала зверей, ощупывая их, всматриваясь...

«Вот и оно».

Под мягким серым мехом обнаружили две тонкие, тусклые «удавки», прижатые так плотно, что они казались, скорее, чернильным узором, рисунком на коже. Вложенное морт стремление Фог опознать не сумела, однако не сомневалась, что нацелено оно было на вред.

– Вроде бы всё, – сообщила она, выпрямляясь, когда избавилась от удавок. Никак не получалось отогнать от себя мысль: а что, если б не заметила, не успела, не справилась... Что случилось бы тогда? – Ниаллан Хан-мар, полагаю, собирался отвлечь меня во время поединка и тем приблизить свою победу, но не выйдет... и не вышло бы, конечно: я бы одолела его и так, и так.

– Не сомневаюсь, – проворчал Сэрим. – Вот только сладость победы он бы тебе изрядно отравил – и, если б ему повезло, обеспечил бы и лорге преимущество. С покалеченными ногами сражаться бы неудобно было, верно, наместница?

– Неудобно, – подтвердила Эсхейд, сузив потемневшие глаза. Одной рукой она обнимала притихшую Зиту, другой – гладила серых желтоглазых котов, ошалевших от избытка внимания. – Вот только я б всё равно одержала верх, ибо на моей стороне правда... И тридцать лет сражений с чудищами на перевалах Белых гор. А у Захаира что? Страх, гордость, жадность и зад на троне, а это, знаешь ли, весьма в битве отягощает. А ты готова к поединку, дева-киморт?

– Готова, – решительно соврала Фог, выпрямляясь.

– Умница, – вздохнул Сэрим. И посоветовал напоследок: – Покажи лучшее из того, что необходимо.

– Я всегда показываю всё лучшее, что только могу! – немного обиделась она.

– А вот «всё» как раз и не надо, – ответил он непонятно и обернулся по сторонам. – Мало ли кто смотрит?

Последняя фраза прозвучала совсем уж тихо – так, словно и вовсе померещилась, однако Фог стало не по себе.

Но было уже не до сомнений.

Место для поединка выбирал сам лорга, не слишком далеко от замка, но и не слишком близко – видимо, чтоб противники, даже если и разошлись бы не на шутку, не снесли башню-другую совершенно случайно. Пришлось сперва спуститься с холма той же дорогой, что и поднимались на него, а затем ещё немного проехать, постепенно углубляясь в рощу. На опушке росли нежные, молодые деревца, стройные, с зеленоватыми стволами и пышными кронами, но чем дальше уводила дорога, тем становилось темнее. Справа и слева точно колонны высились, мощные, изъеденные временем; кое-где в трещины, разбежавшиеся по коре, можно было спрятать ладонь. К тонкому, щекочущему аромату свежей листвы примешивался резкий запах прения и сырости, как на дне старого оврага, сперва немного, а потом больше – и так, пока не заполнил собою всё вокруг. Кроны туго сплелись в вышине; корни вспучились, точно лапы чудовищ, и Фог невольно поёжилась, вспомнив, как лезли из разлома близ Кимень-горы подземные твари.

А ещё доносился издали шум – будто много людей говорили разом, и бряцало железо.

– Плохое место, – произнесла вдруг Эсхейд. – Во времена моего отца здесь казнили бунтовщиков... Ну как казнили. Приводили сюда – и заставляли биться между собой до смерти.

Наверное, это должно было напугать, но Фог отчего-то сделалось смешно.

– Интересно, а Ниаллан Хан-мар знает? – фыркнула она.

– Даже если и знает, – вкрадчиво ответил Сидше вместо наместницы, – то мнит себя исключением. Ничего нового в мире ни под солнцем, ни под лунами.

– Ну не скажи, – возразил Сэрим, кажется, исключительно по привычке. – Глупости-то всегда разные: случается, и там предупредишь, и тут соломки подстелешь, а дурак-то извернётся – и снова испортит дело небывалым образом!

Вдруг стало светлее: дорога раздалась вширь, и кроны вверху расцепились, а в разрывы заглянуло солнце – мутное пятно за слоем облаков; многоголосый гомон стал громче, и развернулось впереди огромное истоптанное поле, тёмное, будто выжженное. По кромке его росли исполинские древние деревья, кряжистые и чёрные, с толстыми кривыми ветвями и скупой листвой, а под деревьями толпились люди – и обычные горожане, досужие зеваки, и дружинники в полном облачении.

– Я слышала, – сказала Эсхейд негромко, повернув голову, – что Захаир нынче утром отправил войску приказ и велел двум дружинам возвращаться назад, в столицу.

Фог замерла.

– Это же хорошо?

– Для нас хорошо, – ещё тише ответила наместница. – Но отчего именно сейчас? Не в день, когда было объявлено о поединке, и не позже, когда бы ты победила... Видно, он что-то знает, а мы нет.

– Значит, узнаем, – твёрдо ответила Фог, против воли сжимая кулаки – и с усилием их расслабляя. – И не говорите мне пока больше ничего страшного, хорошо? А то я и так слишком волнуюсь, ещё немного – и что-нибудь сломаю, наверное.

– Например, что? – заинтересовался Сэрим.

Она задумалась, прикидывая.

– Например, Ульменгарм.

Сэрим закашлялся; Эсхейд улыбнулась в сторону.

Хоть поле и было огромным, но сразу стало ясно, куда надо ехать: одно дерево изукрашили стягами и знамёнами в бело-зелёных цветах наместницы севера. Справа и слева от него оставалось свободное место: дружинники лорги оттеснили остальных зрителей подальше, видно, чтоб не мешались.

«Или чтоб не попали под удар, если Ниаллан станет якобы не нарочно мазать мимо цели», – пронеслось в голове.

– Я послежу тут за порядком, – сказал Сэрим вполголоса, точно угадав, о чём думает Фог. – Без нужды вмешиваться не стану, но

проверю, чтоб ни дерево не обрушилось на наши головы, ни земля под ногами не провалилась. С остальным ты, небось, и сама справишься.

Она пообещала, хоть отнюдь не была уверена, и шагнула к полю, обнесённому флагами. Затем остановилась; развернулась, зажмурившись, вслепую сделала несколько шагов и обняла Сидше крепко-крепко, а потом и поцеловала.

Быстро, точно украли поцелуй.

– Держись поближе к сундуку, – шепнула она ему куда-то в шею. – Если что, откинь крышку, садись внутрь и вели лететь прочь. Сундук умный, он тебя защитит.

– Не хочу, – ответил Сидше спокойно и погладил её по непокорным волосам, которые завивались от здешних туманов сильнее прежнего и топорщились во все стороны, хоть что делай. – Так что придётся тебе побеждать. Зато если победишь, – он понизил голос, наклонившись к её уху, – я научу тебя, как целоваться правильно.

Сказал – и оттолкнул со смешком.

У Фог все разумные, взрослые, учёные мысли из головы куда-то подевались.

«Это что получается, – думала она, хмуро вышагивая к середине поля под крики и свист толпы. – Я всё время неправильно целовалась? А в чём ошибка? И кто вообще решает, что правильно, а что нет?»

...А потом она внезапно поняла, что стоит одна посреди вытоптанной травы и точно бы укатанной земли.

И что все эти люди вокруг молчат; молчат и смотрят на неё.

В горле резко пересохло.

«Страшно».

– Ниаллан Хан-мар! – крикнула Фог, усиливая звук морт, так, что он раскатился по всему полю, до самых дальних краёв. – Пришёл день поединка! Явись и сражайся... или не являйся, если испугался, я пойму. Я иногда и сама себя боюсь.

В тишине было отчётливо слышно, как сперва рассмеялась Эсхейд, как затем расхохотались, подхватывая за ней, её дружинники, а после уже смешки слышались то справа, то слева. Мало, конечно; но всё же это было лучше, чем молчание – и легче.

А потом явилась чужая морт, вновь приглушая звуки, и прозвучал голос, негромкий и усталый.

– Вижу, что учитель хорошо выучил тебя болтать, – произнёс Ниаллан Хан-мар, спускаясь с небес; багряные его одежды зловеще развевались в тумане и словно бы источали слабое сияние. – Посмотрим, что ты умеешь ещё.

Тут же истошно завопила труба – и Фог, обернувшись на трубача, наконец углядела помост, где восседал лорга со свитой: невысокий, в два ряда окружённый дружинниками с морт-мечами наголо, устланный чёрным сукном и мехами. Выскочил вперёд глашатай, гаркнул:

– Пришёл день для славной битвы! Странница без семьи и рода, дева Фогарта Сой-рон, оскорбившая Ниаллама Хан-мар, почтенного гостя славного нашего государя, нынче получит поединок, о котором просила, и да свершится...

Он всё ещё говорил, когда Ниаллан ударил – как и предсказывал Сэрим, куда раньше, чем заголосили трубы, подавая знак к началу сражения.

Морт, которая лёгкой дымкой была рассеяна в тумане, в ореолах вокруг особенно старых деревьев, растворена в земле – вся она разом вдруг пришла в движение. Там, в глубине, прятались горячие источники, где вода была насыщена газом без вкуса и запаха; морт собрала его, подтолкнула вверх – и провела сквозь слои и слои почвы. В считанные мгновения Фогарту окутало смертоносное облако, мало что ядовитое, так ещё и способное воспламениться от малейшей искры.

«Он готовился, – промелькнула мысль, и стало обидно. – Он пришёл, изучил это поле, придумал опасную ловушку... А мы ещё считали его недалёким гордецом!»

Сама Фог, впрочем, подготовилась тоже.

Сейчас её окутывала морт, плотно, как кокон – и она-то и не пускала смертоносный газ ближе к телу, давая время, чтобы ответить на удар.

«Сила, – повторила про себя Фог. – Образ. Стремление».

Это было сложно там, в Шимре, десять жизней назад, но сейчас получалось пугающе легко.

...глашатай едва-едва договорил, трубы только-только запели, когда она расплескала вокруг морт, изменяя мир; подул ветер – не вдоль земли, а вверх, вверх, унося ядовитый газ и развеивая его в вышине.

Ниаллан Хан-мар картинно отступил на несколько шагов, закрывая лицо от особенно сильных порывов, от пыли и сухих листьев. Со стороны зрителей послышался глухой ропот, который почти перекрыли завывающие трубы – но почти.

«А ведь и правда, – подумала Фог. – Простые люди не видят морт, для них это я первой начала сражение, когда ещё не прозвучал сигнал».

Стало обидно.

В тот же момент почва под ногами вдруг просела, сперва немного, а потом всё больше, больше... и снова попёр из глубины всё тот же газ, только теперь он не собирался тугим облаком, а растекался в стороны безобразной кляксой.

«Зрители!»

От страха ли не успеть и увидеть, как гибнет разом много-много людей, от перенапряжения ли Фог зачерпнула разом очень много морт, вытянула отовсюду, докуда сумела дотянуться – из рожи вокруг, из тумана и облаков высоко в небесах, из недр земли... и, развеивая вновь ядовитый газ, с удивлением увидела, как Ниаллан Хан-мар пытается призвать морт – и не может.

Просто потому что рядом её нет.

Осознание накатило внезапно.

– Ага, – прошептала она, ощущая странную лёгкость. – Так вот о чём говорил Сэрим! Вот о какой мощи!

Колоссальная воронка из морт раскручивалась над ней, уходя в небо, и с каждым оборотом втягивала ещё силу. Ниаллан Хан-мар бледнел на глазах. Его усталое лицо с кустистыми седыми бровями некрасиво вытянулось, рот сам собой распахнулся, в багряные одежды задралась, хлопая на невидимом ветру.

«Неужто я победила?»

...и в тот же миг бок у неё обожгло болью.

Воронка морт распалась; Фог недоверчиво прижала пальцы к рёбрам и ощутила что-то влажное, липкое...

– Кровь, что ли? – недоверчиво произнесла она.

А Ниаллан, успевший уже немного отдышаться, торжествующе оскалился. Выглядел он кошмарно: наполовину выцветший, изрядно осунувшийся, словно последний удар он нанёс силой, извлечённой из своего собственного тела.

– Попрощайся с друзьями, – отчётливо сказал он – и в воздух взвились тысячи, нет, десятки тысяч иголок.

Тонкие веточки и прутики; прожилки на листьях; сухие травинки и всяческий сор – всё это, напитанное морт, превратилось в смертельное оружие и хлынуло, хлынуло сплошным потоком без разбора. Кто-то вскрикнул – зрители, оказавшиеся на пути убийственной волны, дружинники ли? Фог швырнула навстречу этой волне сгущённый воздух, выставила как щит, но часть игл всё равно прошла насквозь.

– Ещё! – кричал Ниаллан, а кожа на лице у него трескалась, и наружу проступала кровь, мелкими багряными каплями-росинками, в тон его одежам. – Ещё, ещё!

Уже не обращая внимания на боль в боку, Фог стянула морт, сколько могла, бросила как таран, сминая иголки, толкая её вперёд, вперёд, и воздух точно вскипал, земля вспучивалась и напирала, летели камни, били из глубины фонтаны горячей воды... И весь этот хаос, мешанина из сырой силы и сумасшедшего желания закончить сражение раз и навсегда, катился как колесо, как жёрнов – к одной-единственной цели.

Ниаллан попытался перехватить его, изменить, обратив себе на пользу, но это было всё равно что пытаться удержать голыми руками глыбу, сорвавшуюся с горы.

– А-а-хр-р...

Оглушённый и потерянный, он повалился на землю, почти не шевелясь, и только грудная клетка у него вздымалась слабо-слабо. Почти не глядя, Фог выставила в сторону руку и, опутав морт полусгнившее бревно на глубине, выдернула его из земли, как ребёнок выдёргивает прутик из песка, играя. С него осыпались плотные глинистые комья; оно перемещалось в воздухе рывками, подрагивая.

Ниаллан Хан-мар в драгоценных багряных одеждах распластался по земле, даже не пытаясь подняться.

Он был истощён.

«Я победила, – думала Фог отстранённо. Короткая битва вымотала её сильнее, чем можно было представить. – Я победила и теперь... теперь я должна его добить? Ведь так?»

Вся решимость подевалась куда-то, зато отчётливо вспомнились переломанные тела всадников, попавших под обвал – и собственное

чувство беспомощности и вины.

Фог остановилась, не дойдя до своего врага всего двадцати шагов; сперва почудилось, что в ушах гудит, но постепенно мир вокруг прояснился, и стало ясно, что это кричит, неистовствует толпа – и требует в одном слитном порыве:

– Убей! Убей! Убей!

Стало очень, очень страшно, и гнусно, и дурно – а потом Фог обернулась и увидела Эсхейд и её дружину, и Сидше, облокотившегося на сундук, и Сэрима – с перепуганной ящеркой-садхамом на голове, с флейтой, поднесённой к губам. В воздухе перед ними застыли иглы – сотня или две, тонкие, искривлённые, точно вонзившиеся на лету со всего размаху в прозрачную стену... нет, не в стену – в тончайшую ширму из воды.

Сэрим опустил флейту – и вода осыпалась на землю дождём.

Вместе с иглами.

«Это сделал Ниаллан, – подумала Фог обречённо. – Я... я должна».

И – отпустила бревно, позволяя ему обрушиться на врага.

Она трусливо зажмурилась на секунду, ожидая услышать мерзкий чавкающий звук, почувствовать запах крови и внутренностей, но ничего этого не было. Наоборот, повеяло чем-то сладким, дурманным, как цветение садов Шимры по весне. Морт хлынула со всех сторон, образуя плотный заслон, отсекающий всякое влияние внешнего мира, и Фог не сразу осознала, что это она делает сама – подспудно, неосознанно.

– Очень умно, – раздался нежный голос, который просто не мог звучать здесь. – Но недостаточно.

Фог распахнула глаза широко-широко, недоверчиво.

Бревно, разорванное на мельчайшие щепки, лежало в стороне бесполезной грудой. А прямо подле Ниаллана Хан-мара, который всё ещё пребывал без сознания, застыла, скрестив руки на груди, необыкновенно красивая женщина в одеждах цвета пурпура и золота, и глаза у неё тоже были золотые, а бледно-розовые потоки морт плыли вокруг, как небесное благоухание, как лепестки чийны.

– Дуэса... Ты!

– Это я забираю с собой, – указав на Ниаллана, улыбнулась Дуэса – а это была именно она, точно такая же, как в Шимре бесконечность

тому назад, и только волосы с одной стороны головы у неё выглядели словно бы обкромсанными или обгорелыми. – И ухожу. Найди меня у озера Арирамар, если сможешь... и если справишься здесь.

Фог задыхалась от наплыва чувств; в груди саднило почти нестерпимо, так, что даже меркла боль от раны на боку... Наверное, через мгновение получилось бы собраться, кинуться в новый бой, пытаться отомстить за всё разом, но тут дрогнула земля под ногами.

Дрогнула – и раскололась.

Разлом был не таким глубоким, как у Кимень-горы, но он расползлся и расползлся, пока не упёрся краем в каменистый холм, на котором стоял замок. Зашатались вековые деревья, падая в пропасть; взметнулись вверх птичьи стаи, таившиеся в кронах... Люди – такие маленькие сейчас в сравнении с вздыбленными пластами почвы, вывернутыми из глубины обломками скал – не могли удержаться на ногах. Кто-то, кому не повезло находиться близ разлома, уже катился кувырком вниз, и всюду были крики, грохот, стоны, проклятия и облака пара из подземных источников. Фог сперва запрыгнула на сундук, ринулась в погоню за Дуэсой – но увидела всё это с высоты и повернула назад.

«Здесь я нужнее».

Сперва она подхватила тех, кто пока ещё цеплялся за самую кромку – и вернула на поверхность, в безопасное место. Затем, обернув вокруг себя морт, чтоб не пострадать от жара и ядовитых испарений подземных источников, направила сундук ниже, вглубь разлома. Вглядывалась сначала, разыскивая тех, кто ещё жив, кого ещё можно спасти... а потом забирала уже всех без разбора, надеясь, что там, наверху, как-нибудь справится, что-нибудь сумеет сделать.

«Пожалуйста, – стучало в висках. – Пожалуйста, пусть никто не умрёт».

Хоть разлом и был делом рук Дуэсы, Фог отчего-то ощущала вину – и ныряла в бездну снова и снова, пытаясь что-то исправить.

Потому она и сумела заметить новую опасность заранее.

– Чудища, – прошептала Фог, вглядываясь в разлом, туда, где бушевали возмущения морт. – Откуда здесь? Ведь недостаточно глубоко же... Не Дуэса же их приманила?

Верить в это не хотелось – только не в то, что киморт способен умышленно, без малейших колебаний устроить чудовищную

катастрофу, не считаясь с жертвами, лишь для того, чтоб замести следы и сбежать.

Когда она собралась было уже подниматься наверх, чтоб оттуда попытаться сделать что-то с трещиной, то заметила вдруг ещё ниже, на уступе, живое существо. Сперва показалось, что зверька, но затем она пригляделась – и поняла, что это мальчишка лет пяти-шести, тощий оборванец, белобрысый и глазастый, укутанный в потасканную меховую накидку не по размеру. Он должен был бы уже умереть, задохнуться от подземных газов, перегреться, разбиться о камни... но был жив – и цел, только вымазался с ног до головы. Он не ревел, не дрожал, только дышал часто-часто, а вокруг него клубилась морт.

«Киморт, – поняла Фог, и тяжёлый ледяной ком в груди исчез, точно его и не было. – Видно, пробудился только что, возраст-то подходящий, ну, чуть постарше обычного... Надо же, какой везучий – выжил под носом у Дуэсы, под боком у лорги, избежал работорговцев, свалился в бездну – и тут уцелел».

Очень осторожно она спустилась к нему, протянула руку; мальчишка разглядывал её несколько мгновений – а потом вцепился крепко, почти до боли, и вскарабкался на сундук.

И лишь тогда захлюпал носом.

В облаках пара они взмыли вверх, над трещиной, откуда выбирались уже первые твари – пауки с длинными человеческими руками, рой блестящих зелёных жуков, а ниже, обдирая бока о стенки в узком разломе, стремилась на поверхность здоровенная чёрная многоножка, хоть не такая крупная, с какой пришлось сражаться Мирре у озера. Фог завертела головой, пытаясь в кутерьме разыскать кого-то, кому можно доверить ребёнка... и остолбенела.

Потому что здесь тоже кипел бой.

Дружина Эсхейд отбивалась от воинов лорги, которые пытались оттеснить её к пропасти – и не могли, хоть их и было втрое больше. Сама наместница севера, вращая морт-мечом, отбивалась сразу от пятерых; когда выскочило на неё сбоку чудовище, многорукий паук, она отбросила его назад в бездну одним точным ударом, а затем крикнула, обращаясь к противникам:

– Вот ваши враги! Видите? Не мы! Вот они! – глаза у неё горели так, словно их подсвечивала морт, а цепочки из белого золота в волосах сияли, как раскалённые. – С ними сражайтесь, не со мной...

Эй, Захаир! Захаир, великий государь, защитник простых людей... Если хочешь битвы – сражайся сам! Я вызываю тебя на битву! Только тебя! Убийца!

Тот дружинник лорги, которого она спасла от чудища своим ударом, первым встал с ней плечом к плечу, обращаясь против своих же товарищей... а за ним последовали и другие. Фог видела с высоты, как, глядя на них, остановились и воины, пытавшиеся добраться до Зиты, как опустил меч противник Сидше и крикнул что-то, поднимая одну ладонь. И тогда лорга, до того сидевший на помосте неподвижно, точно истукан, тяжело поднялся – и шагнул вниз, гаркнув куда-то через плечо:

– Меч!

Ему принесли меч – почти такой же огромный, какой использовал Кальв.

Эсхейд перехватила поудобнее свой клинок – и ринулась ему навстречу; даже с её исполинским ростом и мужским разворотом плеч на фоне лорги, облачённого в чёрную парчу и меха, она казалась обыкновенной женщиной... и всё же веяло от неё скрытой силой.

Может, той самой «правдой», о которой она говорила – или тридцатью годами сражений в Белых горах.

Но времени смотреть за их поединком не было.

Превозмогая боль в боку, на который пришёлся удар Ниаллана, Фог собрала морт в хлыст – и одним ударом отправила первый десяток чудищ обратно в пропасть. «Пауки» покатались вниз, вереща; жуки забарабанили по склону, как градины. А она опустилась на землю, ссадила мальчишку с сундука и подтолкнула к Зите:

– Иди к ней, она за тобой присмотрит! – а сама повернулась к Сэриму. – Помоги сомкнуть разлом! Без мирцита я одна не справлюсь!

Он шагнул было вперёд – а потом замер, и лицо у него потемнело, сделалось рассеянным.

– Так прежних сил у меня нет... разве что флейта подсобит...

Фог почти в отчаянии обернулась – на поле, рассечённое пропастью, где на одной стороне Эсхейд сшиблась в смертельной схватке с лоргой, заклятым своим врагом, а на другой дружинники Белой Хродды и Ульменгарма сообщая сражались с тварями из-под земли. Валил густой пар; было душно; древние деревья, изломанные, как прутья в старом венике, сползали вниз, в пропасть...

«Я одна не смогу».

– Помоги! – крикнула она снова, ощущая, как к глазам подступает горячая влага. – Сэрим, пожалуйста!

– Если откликнется флейта, если моя девочка...

– Нет! – перебила она его почти яростно, почти зло. – Флейта эта – не Брайна, это... это ты сам!

На мгновение Сэрим остолбенел; потом лицо у него смягчилось. Он достал из-за пазухи флейту, отёр рукавом, глянул на неё как впервые – и осторожно поднёс к губам.

На сей раз его мелодия была совсем иной, не похожей на прежние.

Она спотыкалась и запинаясь; то утихала совсем, то делалась пронзительной и громкой, настолько, что зубы сводило... Словно человек шёл ощупью, постепенно вспоминая путь – или как если бы слепой медленно обретал зрение, и мир вокруг него становился шире и ярче, и был то невыносимо прекрасным, то просто невыносимым. И морт, насколько хватало глаз, поднималась над землёй, как пар над закипающим котлом – золотистая, зеленоватая, пурпурная, багровая, голубоватая и белёсая.

«Ого, – думала Фог. – Ого...»

Она так загляделась, что едва не упустила момент, и опомнилась лишь тогда, когда флейта сердито взвизгнула – мол, не забывай, тебе то тоже надо поработать.

«И впрямь».

Фог глубоко вздохнула и закрыла глаза, чтоб ничто больше не отвлекало. Она не видела, как сошлись Эсхейд и лорга в неистовой схватке, где клинки сшибаются с такой силой, что звон их отдаётся в костях; или как Зита обнимает мальчишку-оборванца, вытирает ему чумазое, заплаканное лицо, и приговаривает: «Ну, ну, не плачь, пойдёшь со мной, где двое сыновей – там и третий»; или как Сидше замер посреди поля битвы, безмолвно и потерянно глядя на восток, а в руке у него зажат лёгкий отрез прозрачно-пурпурного шёлка, и лепестки чийны кружатся в воздухе и медленно оседают на волосах...

Именно сейчас ничто из этого не было важно.

Вокруг бушевала морт, словно нечто притягивало её отовсюду, от холодных небес и до раскалённых недр земных. Воздух искрился от напряжения, и ярилась незримая буря, где потоки силы, уплотняясь, вращались и смешивались всё быстрее, и в самом сердце хаоса

застыли двое: рослый мужчина с лицом мальчишки и седыми волосами и рыжая дева в бирюзовой хисте.

А затем песня флейты снова изменилась.

Морт, повинуясь общему стремлению, ясному и чистому, хлынула в расщелину, заполняя её целиком, проскальзывая так глубоко, где не смог бы выжить ни человек, ни даже киморт. Проникла в пустоты; сгустилась, изменяя свойства... и пришла в движение.

А с нею и разлом.

Земля снова дрогнула, так, что Фог едва сумела устоять на ногах, и края огромной трещины начали смыкаться. Это давалось сложнее, чем тогда, близ Кимень-горы, потому что там были лишь пустоши, а здесь вокруг раскинулся город, огромная столица, и так изрядно пострадавшая. Замок на скале; дома, улицы, площади; подземные каналы и трубы; мосты, оборонительные стены, башни... Разлом медленно исчезал, как срастается густое тесто, разрезанное ножом. Те чудища, которым повезло, сумели проскочить наверх или вернуться в подземные пустоты, а иные, кто замешкался или застрял, как огромная чёрная многоножка, оказались раздавленными.

– Получилось, – прошептала Фог наконец, открывая глаза. – У нас получилось!

Кругом плыли обрывки тумана, скрывающие округу; слышался тяжёлый звон металла и крики, а ещё плач, гул, ропот.

Ничего ещё не кончилось – битва продолжалась.

– Да, – откликнулся тихо Сэрим, не то чтобы удивлённый – задумчивый. – Получилось. Теперь бы отдохнуть, а то, признаюсь, в голове уже звенит. А потом и песню сложить о том, что тут было, а то люди так и норовят всё неверно истолковать – глядишь, и всех кимортов скопом обвинят в своих бедах... Впрочем, и так уже бывало, и эдак. Со временем многое забывается.

«Но не всё», – подумала Фог. А вслух сказала:

– Я только сейчас поняла, какой ты высокий. Как учитель, наверное.

– Как Алиш-то? – усмехнулся Сэрим. – Хотелось бы соврать, но нет: вот на столечко пониже буду. – И он немного развёл пальцы. – Он из нас троих самый рослый, нас знаешь как звали в весёлом доме? «Три каланчи – от винного погреба прячь ключи». Нас троих – его, Дёрана и меня. Ну, здесь-то, на севере, таким ростом никого не

удивишь... А вот Брайна кроха была совсем, поменьше тебя даже, бывало, обнимет меня – и в грудь лицом уткнётся, выше не достаёт.

И что-то такое было в его голосе, что Фог не выдержала – шагнула вперёд и обняла его крепко-крепко, утыкаясь лицом в плечо.

– Я думаю, Сэрим, – сказала она, – что ты был хорошим учителем.

Он ничего не ответил, только выдохнул странно – и положил ей руку на голову, не позволяя смотреть вверх.

В это время подул ветер, сдёргивая с поля туман, как вуальный покров с лица у вдовы. На месте разлома осталась полоса вздыбленной земли, как уродливый, багровый, незаживший рубец. И если по одну его сторону ещё завязывались стычки то там, то здесь – или наоборот, дружинники сообща пытались одолеть чудище, явившееся из-под земли, то по другую сторону место нашлось лишь для одного сражения. Все другие казались рядом мелочными, неважными, глупыми... а от этого не отвести было взгляда.

От Эсхейд – и её противника, Захаира.

Его меховая накидка уже валялась в ногах, истоптанная; вся почва вокруг была взрыта, опалена, изуродована ударами морт-мечей. Эсхейд побелела от напряжения, и лицо у неё покрылось испариной, а одна из кос была срезана вражеским кликом так, что висок казался выбритым. Лорге Захаиру, впрочем, тоже изрядно досталось: пот каплями летел с него в стороны, жилы на голове вздулись так, что проступали даже под волосами, а глаза налились кровью. Мечом он вращал с натугой, но каждый удар наносил с такой силой, что, хоть и не задевал Эсхейд, воздушная волна заставляла её отшатнуться.

– Ха! – выдыхал он хрипло перед каждой атакой. – Ха-а-а...

Фог стало жутко; появилась даже мысль вмешаться, но Сэрим, точно почуяв это, ухватился за край бирюзовой хисты и пробормотал:

– Погоди-ка. Она ведь не просто так отступает. Вот ведь хитроумная женщина...

«Почему хитроумная?» – хотела спросить Фог, но присмотрелась и поняла.

Эсхейд всякий раз отступала не назад, а немного вбок – и словно бы шла по кругу и вела противника за собой. Дружинники – и его, и её – стояли на расстоянии неплотным, рыхлым кольцом, но не колотили мечами в щиты и не покрикивали одобрительно, как во время поединка с Миррой, а помалкивали и лишь напряжённо наблюдали.

Видно, потому что решалось сейчас что-то несоизмеримо более важное – значит, и вмешаться было бы подлостью... Но когда лорга, преследуя Эсхейд, наступил на собственную меховую накидку и на мгновение потерял равновесие, многие не сдержались – послышались возгласы, почти заглушившие звук, с которым клинок лязгнул о клинок.

...наместница, кажется, вложила в удар всю силу, какая в ней была.

Лорга выпустил меч из рук и тяжело опрокинулся навзничь, как огромный жук. Ропот вокруг стал громче – и резко стих, когда Эсхейд, откинув уцелевшую косу за спину, приставила острие меча к горлу врага, наступив ему на грудь, и спросила отчётливо:

– Где моя дочь? Отвечай!

– Х-ха... ты, сумасшедшая... я не знаю, – прохрипел лорга; попытался сплюнуть – не вышло, слюна стекла из уголка рта.

– Отвечай, – повторила Эсхейд чуть тише – и опустила меч ниже. – Или я отсеку тебе голову прямо сейчас.

На сей раз он молчал долго – и, верно, не заговорил бы вовсе, если б не появился у него на горле короткий надрез – и тонкая нитка крови не побежала бы вбок, по сморщенной коже, в мятый воротник.

– На юге, – ответил лорга тихо. – Если она ещё жива, то ищи её на юге, в оазисе за Кашимом.

Эсхейд замерла – а затем обернулась яростно:

– Эй, люди, вы слышали? Слышали его ответ? – и рывкнула лорге: – Поднимайся и бери меч! Ну! Ну же!

Когда тяжёлый сапог наместницы исчез с его груди, лорга некоторое время лежал неподвижно, выдыхая тяжело. Затем поднялся; подобрал меч... и попытался наискосок резануть.

Не мечом – морт-кинжалом, спрятанным в рукаве.

Эсхейд точно этого ждала.

Ещё быстрее, чем он завершил движение, она рубанула в ответ с ошеломляющей силой – отсекла разом руку до локтя, пропоролла кожаный доспех, усиленный морт, вскрыла рёбра. Лорга отлетел на несколько шагов и тяжело рухнул набок – да так и замер. Эсхейд, впрочем, не устояла на месте тоже – её мотнуло назад от собственного же удара, но она всё же удержалась на ногах.

И подняла меч в знак победы.

– Бой был честным! – крикнула она, по кругу оглядывая всех собравшихся. – И вы видели, чем он кончился! Победа! Моя! Правда! Моя!

Голос её был твёрд, но в глазах блестели слёзы.

А дружинники, стоявшие поодаль кольцом, сперва молчали; но затем послышался один выкрик, и другой, и третий... и все до одного кричали одно и то же:

– Лорга! Лорга Эсхейд! Лорга Эсхейд!

– На время, – отвечала она. – Пока не появится кто-то более достойный.

Взгляд у неё был пустой.

Захаира унесли – ещё живого, но явно доживающего последние часы. Собрали и других раненых... и мертвецов, которых оказалось хоть и много, но не столько, сколько могло быть, если б подземные твари всё же вырвались бы наружу. Фог рвалась помочь – хоть куда-то, хоть кому-то, но её шатало и мutilо одновременно, а под конец вывернуло – почти насухо, желчью.

– Пустите, я могу спасти, – шептала она, чувствуя, как закатываются глаза. – И там твари сбежали, я...

– Доверь это другим, – прозвучал ворчливый голос Сэрима.

Фог не хотела.

Она пыталась рассказать про мальчика-киморта, про то, что раскол мог вызвать в городе обрушения, по вырвавшимся чудовищ, про сбежавшую Дуэсу и странные слова, брошенные ею напоследок, но язык ворочался с трудом. Сидше умыл её водой из фляги и дал немного попить; у питья был сладковато-травяной привкус, и тело после него сделалось тяжёлым, но хоть перестало трясти. Тогда она позволила наконец себя увести – и уложить на постель под красным бархатным пологом, на красные простыни.

– Тише, тише, – сказала темнота голосом Зиты. – Умаялась же девочка...

И Фог провалилась в сон.

Забыватьё было тревожным.

Ей снился странный дирижабль, объятый морт, точно пламенем; снился учитель – такой же, как прежде, а всё же не такой, поседевший, одетый на пустынный манер, но с прежними зелёными глазами;

снилось озеро, в котором вода вдруг начинала бурлить, как в кипящем котле...

«Я куда-то не успеваю, – билась одна навязчивая мысль. – Но позабыла куда».

Когда Фог очнулась, вокруг было сумрачно и тихо. Над головой колыхался красный полог; в углу тускло мерцала «вечная» свеча из камня, напитанного морт. На стуле подрёмывала, запрокинув голову далеко назад, девчонка-северянка, одетая добротно, но просто, во всё тёмное. Словно почуяв, она вскинулась, просыпаясь, захлопала глазами, поклонилась, сложившись вдвое, и выпалила:

– Орра-госпожа-сейчас-позову! – выскочила, хлопнув дверью.

– Служанка, что ли? – пробормотала Фог, пытаясь сесть. Голова немного кружилась. – А где моя одежда?

Хиста и нижние платья куда-то подевались; на ней была незнакомая тонкая-тонкая сорочка. Правда, рядом, у изножья кровати, обнаружился верный сундук – он хвостом-то не завилял при виде хозяйки только потому, что хвоста не было, а так обрадовался точь-в-точь, как, бывало, Ора в Шимре радовалась возвращению Алаойша... Фогарта едва-едва успела откопать среди приборов и материалов запасную хисту, одеться и кое-как разодрать щёткой волосы, когда двери спальни отворились, и вошла целая процессия: Эсхейд, разряженная непривычно торжественно – в белые одежды с серебряным шитьём, а с ней несколько дружинников, та самая глазастая перепуганная служанка, а также Зита, одетая на мужской манер и необыкновенно похожая сейчас на собственного сына. Последним шёл – Сидше, тихий и задумчивый.

Поймав взгляд Фог, он непроницаемо улыбнулся и отвёл взгляд.

– Ты спала три ночи и три дня, – с ходу сообщила Эсхейд. – Сейчас вечер четвёртого. Рану у тебя на боку пришлось зашить, но заживёт она без последствий, там, считай, просто кожа рассечена... Голодна? Пить хочешь?

От напора Фог растерялась и смогла только кивнуть рассеянно:

– Ну, пожалуй, немножко...

– Тогда по пути попьёшь, – ответила Эсхейд. – Времени и так почти нет... Захаир умирает, но никак не померёт, – добавила она, помрачнев. – И говорит, что хочет сказать что-то важное, но скажет только тебе. И чтоб я о нём ни думала, но воин он и впрямь был

великий, да и Лоргинариум он под объединил своей рукой, прекратил дразги между наместниками, так что не уважить его волю не могу. Выслушаешь его?

Сердце у Фог сжалось от дурных предчувствий.

– Почему именно я? То есть... – Она сглотнула и, заставив себя успокоиться, поднялась с постели, оправляя хисту. – То есть я пойду и выслушаю. Эсхейд, а ты теперь... лорга, что ли?

– Я наместница, – усмехнулась она. – Но теперь, видать, ещё и Ульменгарма.

По пути к покоям Захаира она рассказала, что связаться с его войском и отдать приказ вернуться в столицу удалось не сразу. Гонцам лорга не доверял; старые методы – огневые знаки – считал чересчур медленными; в итоге с дюжину лет назад ему доставили из Шимры «чёрные зеркала», вот их-то он и использовал.

– Вот только без киморта чужаку с таким зеркалом не совладать, – добавила Эсхейд, нахмурившись. – А сам Захаир помогать отказался... Оно и понятно. Тебя же будить твой приятель Сэрим запретил наотрез: сказал, мол, это всё равно что убить. Я кликнула по городу клич, есть ли поблизости киморт или эстра, но никто не отозвался... Наконец вчера этот Сэрим пришёл и заявил, что он ни то, ни другое, но пособить может.

Фог несколько не удивилась, что он не стал сразу признаваться и раскрывать свою тайну – скорее, не поверила, что он вообще отважился это сделать.

«Он же только-только с флейтой примирился, едва-едва отпустил Брайну, – размышляла она. – Так почему передумал скрываться?»

Раздумывая так, она встретилась взглядом с Сидше; тот снова улыбнулся мягко, ускользяще...

«Так значит, он его убедил», – осенило её.

И впрямь, больше было некому.

В итоге битву удалось остановить перед самым началом. Четыре дружины, правда, взбунтовались; Мирру с небольшим отрядом верных людей окружили и едва не убили.

– Спасло их «небесное знамение», чтоб это ни было, – подытожила Эсхейд. – Ну, прибудет котёныш в столицу – и сам расскажет. А мы покуда его здесь подождём, благо дел много: некоторые чудища скрылись и теперь ночами рыщут по округе, благо

здесь народ не слишком пугливый – отпор даёт. Но один дом на окраине подчистую вырезали... Впрочем, это не твоя забота, – спохватилась она. – Я уже дружину отрядила, справимся. О чём задумалась?

От неожиданности Фог ответила честно:

– О том, что, наверное, Мирру теперь не стоит называть «котёнышем».

Эсхейд расхохоталась:

– И впрямь, совсем уже большой вырос, скоро и вовсе лоргой станет... Ну, вот и пришли.

Они очутились перед большими арочными дверями. Справа и слева стояла стража, седоусые могучие дружинники – и, судя по тому, как поглядывали они на Эсхейд, их преданность прежнему лорге была отнюдь не поверхностной и легковесной.

Перед Фог стража расступилась, а затем снова загородила путь.

– Покуда государь жив, его слово – закон, – произнёс один из дружинников мрачно. Похоже, что он и сам уже знал, что жить Захаиру осталось недолго. – И гостью он ждёт лишь одну.

Эсхейд не стала спорить, лишь пожала плечами:

– Тогда мы подождём здесь.

Расправив плечи, Фог толкнула арочные двери – и шагнула через порог.

...внутри было душно, темно и пахло скорой смертью. Морт клубилась под потолком – рваная, сизая, тревожная. Огромные покои были совершенно пусты. Ровно посередине, напротив наглухо занавешенного окна, стояла огромная кровать под балдахином; на четырёх столбиках по углам висели сияющие кристаллы, излучающие ровный, неяркий желтоватый свет, который ложился на постель четырьмя непересекающимися кругами. Ближе к изголовью, на деревянной приступке сидел бородатый лекарь-южанин, благоухающий травами и микстурами.

Когда Фог прошла в покои, то над кроватью показалась почерневшая рука и сделала знак приблизиться.

– Иди... сюда, – прозвучал хриплый голос. – А ты прочь пошёл, шарлатан.

Лекарь, собрав склянки, безмолвно удалился; на его мясистом лице была печать искреннего горя, и, уходя, он бормотал:

– Такой великий человек, такая воля – и такая злая смерть, да...

Приблизившись, Фог поняла, что он имел в виду: лорга гнил заживо. Раны, нанесённые морт-мечом, всегда получаются разными, а Эсхейд... слишком много в ней было гнева и печали. Вскрытая грудная клетка гноилась; почерневшие, точно обугленные рёбра просвечивали даже сквозь повязку; культя тоже сочилась чем-то белесоватым, смрадным. Любой другой человек на его месте давно бы умер, но только не Захаир: десятки, если не сотни средств, которыми он поддерживал силу и здоровье, теперь не давали ему испустить дух.

«А ещё воля, – подумала Фогарта. – Да, пожалуй, теперь я понимаю, о чём говорил лекарь».

В глазах у лорги светилось такое мрачное упрямство, что кожа покрылась мурашками.

– Всё же пришла, – произнёс он хрипло. – Садись.

Сесть можно было либо на приступку, либо на пол, либо на постель; Фог выбрала постель. На болезни и смерти, даже самые жуткие, она давно уже насмотрелась – и не боялась теперь; даже противно не было. От одеял и подушек пахло травами, сильнее даже, чем гниением. Она потянулась было к его руке, чтобы если не исцелить, то хотя бы облегчить боль, но лорга остановил её, обнажая в улыбке жутковато белые зубы:

– Не надо. Я уже ахр-р... – Он захрипел, откашлялся, выплёвывая на сторону черноватые комки. И продолжил тогда: – Такие, как ты... Такие, как ты – зло. Вот только ты этого никогда не поймёшь... – И он хрипло рассмеялся. Потом посмотрел на неё в упор. – Ты... только ты появилась, и всё вдруг пошло прахом. Земля в огне; люди гибнут. Война.

В горле у Фог пересохло; она отвела взгляд в сторону, однако ответила твёрдо:

– Если механизм внезапно начал ломаться без видимых причин – значит, он давно был неисправен. Или при создании взяли плохой, негодный материал: со скрытой трещиной, с изъяном.

Лорга снова засмеялся, затрясся, пока повязки на груди не промокли и не ослабли.

– Вот о том и речь, – сказал он, успокоившись. – Ты... тебе правда, как ты её видишь, дороже равновесия. А когда равновесия нет,

то всё приходит в движение, катится... горит. Но есть люди и похуже тебя.

Это прозвучало как шутка, и Фог растерялась даже на секунду, не нашлась, что ответить.

– Да? – спросила только.

– Да, – ответил лорга с усмешкой. – К примеру, я. Или эта шлюха из Шимры, кха-х-ха... – И он закашлялся снова. – Я-то хоть знаю, где остановиться, признать поражения, но вот она – никогда. И ненависти в ней много, обиды, что когда-то выбрали не её; а раз она не достойна оказалась – значит, и никто другой достоин быть не может, а потому сломать его, раздавить... – Он прервался, тяжело дыша. Досадливо скосил взгляд на собственную грудную клетку, выбранился крепко. – Я спросил её как-то: а что, мол, если о твоих развлечениях прознают там, в Шимре? Станешь бежать и прятаться? А она засмеялась и сказала: «Сделаю так, что, мол, всем станет не до того, чтобы меня искать». И потом рассказала, что есть на границе моих земель гора – не гора, озеро – не озеро, и дремлет под ним огонь, и если его тронуть... если разбудить...

Фог нахмурилась.

«На границе? Озеро Арирамар, что ли? Там Дуэса и назначила мне встречу... Но почему?»

– Я не понимаю, – произнесла он вслух растерянно.

– Эсхейд – упрямая баба, – тем временем произнёс лорга сквозь зубы, без сил откинувшись на подушки. – Кальв – тугодум. Мирра – шлюхин сын и сам шлюха, упорный, гневливый без меры, смазливый слишком, во всём дурной... Однако я лучше свою землю и людей оставлю им, чем никому. Иди за Дуэсой; не дай ей озеро тронуть. Пообещай мне... – И он снова закашлялся, сильно, и Фог испугалась даже, что он умрёт прямо здесь, перед ней. – Пообещай...

– Обещаю! – выпалила она быстрее, чем сообразила, что происходит. – Я и так собиралась за ней погнаться, победить и доставить в цех, чтоб суд был.

Лорга махнул рукой – и затих.

Дыхание у него становилось всё тяжелей, реже, точно каждый вздох причинял боль – так и было, впрочем, почти наверняка. Фог сидела рядом, не зная, что делать; мысли были в разброде. Прошло

несколько минут. Она собиралась уже встать и пойти, когда лорга вдруг схватил её за запястье – единственной уцелевшей рукой.

Лицо у него сделалось удивительное, словно бы нежное и в то же время искажённое от муки.

– У меня... у меня жена была, – произнёс он тихо. – Совсем... совсем девочка. Родила мне двоих детей; сына такого славного родила, а я, дурень, назвал его в честь лорги... в честь деда. А дед в ночи подослал людей; дом мой сожгли, жену... жену закололи, а детей... сына-то, сына... Я никого больше не любил, никогда, – сказал он вдруг ясно, глядя куда-то вверх. – Почему ж она плачет-то...

Лорга смотрел так, как будто и впрямь видел кого-то в тених под сводом балдахина, и Фог сделалось жутко – и очень, очень грустно.

– Кто плачет? – спросила она еле слышно.

Лицо у лорги сделалось беспомощным – и будто бы даже красивым.

– Она, – ответил он.

И – медленно указал пальцем вверх.

А потом затих.

Когда Фог выходила, лорга был ещё жив, но не хрипел больше, не кашлял и не двигался; воля словно покинула его – а вместе с ней не стало и страдания.

– Ну как? – окликнула её Эсхейд снаружи. – Что он рассказал-то?

– Ничего особенного, – ответила она растерянно. – Сказал, что Дуэсу надо остановить, но это я и сама знаю... А Сэрим сейчас где?

Наместница рассказала, как его найти. Фогарта кивнула и, всё так же погружённая в размышления, двинулась в путь – идти нужно было далеко – и не сразу поняла, что она не одна.

Сидше шёл следом, отставая всего на несколько шагов.

– Ты как тень, – улыбнулась она, чувствуя себя отчего-то неловко.

– Я ведь обещал, – улыбнулся он в ответ, чуть склоняя голову набок; облачённый во всё чёрное, с ног до головы, от хисты и до туфель, белокожий, темноволосый, совершенно чужой здесь, на севере. – Если только пожелаешь, я стану для тебя кем угодно. Не любовником – так братом или тенью.

Неловкость усилилась; Фог сконфуженно отвернулась, чересчур пристально разглядывая каменную кладку на противоположной стене.

– Сейчас всё как-то не до любви, то одно мешает, то другое, – вырвалось глупое, неуместное. – Извини, я... А дирижабль ещё за городом? – ухватила она за дело, спасительно насущное и неотложное, что откладывать нельзя. – Он может понадобиться, и очень скоро.

– Тогда «Штерра» в твоём распоряжении, ясноокая госпожа. Она уже в городе, – спокойно ответил Сидше, как будто ничуть не обидевшись. И – протянул руку, осторожно прикасаясь к её лицу. – Ты не плакала ведь?

Фог накрыла его ладонь своей, прижимая к щеке плотнее; вспоминать о лорге и его последних словах не хотелось.

– Немножко. Видно, чтоб потом не плакать, – пошутила она. – А как думаешь, у Сэрима есть чем перекусить?

Сидше рассмеялся – и легонько поцеловал её в лоб.

– Я найду что-нибудь, а ты пока ступай.

Как и рассказывала наместница, сказитель остался в северной башне, на самом верху. Запасная одежда, отстиранная по-простому, руками, сохла на верёвке, протянутой у окна; сам Сэрим в обнимку с флейтой дремал на нерасстеленной кровати, накинув одеяло на ноги, по колено. Впрочем, на звук открывающейся двери он откликнулся мгновенно: проснулся, сел на постели и сделал вид, что вовсе не спит.

– О, очнулась, дева-учёная, – вскинул он брови. – Ну как, отдохнула? По лицу вижу, что нет. Поела хоть?

– Сидше принесёт еду, – отмахнулась Фог. – Ты лучше послушай, что мне рассказал лорга...

Сэрим выслушал молча. Потом так же, не произнося ни слова, достал из сумы старенькую карту, расстелил прямо на полу и чиркнул ногтем, проводя линию от гор на севере Ишмирата до середины Лоргинариума.

– Видишь? – спросил он таким ворчливым тоном, словно указывал на нечто очевидное.

Фог не понимала, и ей стало неловко.

– Ну... нет?

Глубоко вздохнув, Сэрим снова провёл линию, уже морт, и принялся объяснять:

– Вот тут, к северу от Шимры, у границы, гора Анцу. Что про неё знаешь?

– У горы были огненные недра. И когда они забурлили, то над горой поднялось огромное раскалённое облако, которое уничтожало всё на своём пути, – заученно протараторила Фог с немалым облегчением – уж эту-то историю она знала хорошо. – Остановили его семеро братьев-кимортов, они же усмирили гору, и тем предотвратили большую беду.

– Верно, – кивнул Сэрим и провёл пальцем чуть ниже, наискосок. – А вот про эту гору что знаешь?

Изображение было мелкое, и Фог пришлось потрудиться, чтобы понять, что это такое; когда она поняла, то просияла:

– А, тут мирцит добывали! Но перестали, потому что гору начало трясти и, чтоб не вышло как с Анцу, ишма постановил рудники закрыть.

– Мудрое решение, хотя Ишмират это богаче не сделало, – фыркнул Сэрим. И провёл пальцем ещё. – А тут что?

– Кимень-гора! Погоди... – насупилась Фог встревоженно. – Там тоже добывали мирцит и прекратили, потому что недра земные колебались... Но огня под ней ведь нет?

– Он глубоко, – непонятно ответил Сэрим. – Ну, а между горой Анцу, старыми рудниками и Кимень-горой у нас что?

Она склонилась над картой:

– Озеро Арирамар? Но это же не гора?

– А ты там бывала? – ответил он вопросом на вопрос. И закатил глаза. – Ох уж эта молодёжь, которая дальше столицы носа не кажет... Озеро Арирамар находится на возвышенности. А если посмотреть сбоку, то станет ясно, что оно как бы лежит на большом холме – только срезанном почти под самое основание.

Фогарта остолбенела – так, что не сразу заметила, что в комнату вошёл Сидше с подносом, полным небольших закусок, и с горшочком, из которого пахло супом или гуляшом.

– Холм? Спасибо. – Она улыбнулась, забирая горшочек и ложку. Сняла крышку, заглянула внутрь: там плескался тёмно-красный суп, судя по запаху, острый и пряный. – Ух, как хорошо... Но ведь озеро Арирамар огромное! Выходит, что и гора была до самого неба, что ли?

Сэрим на удивление не стал спорить; прихватил пару закусок – лепёшек с начинкой – с подноса и подвинулся, давая Сидше место, чтоб сесть.

– Может, и до неба, кто знает? Мирцит-то там добывали точно, но так давно, что никто, кроме меня, наверное, и не помнит этого... Ты ешь-ешь, набирайся сил. Само-то озеро холодное и чистое, но, говорят, на самом дне бьют у него горячие ключи, оттого оно не перемерзает до конца даже в самые суровые зимы. Кто знает, может, под ним тоже недра, полные пламени. Я-то думаю, что и Анцу, и Кимень-гора, и всё, что между, стоит на большом разломе, оттого там и мирцит легко добывать – но оттого и трясёт эти места.

Аппетит у Фог резко поуогас.

– То есть если озеро потревожить... – медленно произнесла она, откладывая ложку. Подумав, прихлебнула суп через край; рот обожгло пряностями. – Та древняя гора, на месте которой сейчас озеро, была ведь больше, чем Анцу? Выходит, что если и она выплюнет жгучее облако, то оно навредит гораздо сильнее!

– Ну, что поближе – то просто выжжет и зальёт жидким огнём, – кивнул Сэрим невесело. – А пепел заслонит небеса, солнечного тепла и света будет меньше, зимы станут суровые и начнётся голод. Пожалуй, что и впрямь тогда будет не до поимки Дуэсы.

– Я её остановлю! – порывисто откликнулась Фог, подсакивая и едва не выворачивая на себя суп из горшочка. – То есть...

– То есть сейчас ты поешь и отдохнёшь, – осадил её Сэрим. – А потом мы уже решим, что делать. Все вместе. Может, это вовсе ловушка? И лорга тебя нарочно к Дуэсе заманивает. Огненную гору не так-то просто пробудить, молчу уж о том, что тому, кто на это осмелится, тоже выжить будет нелегко.

Она слушала его и кивала – но не верила.

Зато верила в то, что Дуэса и не на такое способна.

Попрощавшись с Сэримом, Фог вышла на воздух, но даже ночная прохлада не остудила её беспокойства. Из низин напал туман; на стенах замка горели траурные багровые огни. Где-то там, в темноте, Мирра во главе большого войска двигался к столице, чтобы принять венец лорги, Захаир умирал в пустой комнате, уцелевшие подземные твари выбирались на ночную охоту, а дружинники преследовали их...

«Я должна что-то сделать, – крутилось в голове. – Я должна».

Резко остановившись, Фогарта глубоко вздохнула – пахло острой, свежей зеленью, как после дождя, и одновременно прелыми, увядающими листьями – и спросила, обернувшись к Сидше:

– Ты ведь говорил, что «Штерра» в городе, да?

...а через час дирижабль уже отчалил от мачты – и направился на восток.

Край неба там уже светлел, но сейчас казалось, что это не ранний летний восход, а зарево злого пожара, что Дуэса уже добралась до озера – и разбередила его огненные недра. Мысли путались; притом усталости не было, и голова оставалась изумительно ясной. Фог легко управляла «Штеррой», заменяя целую команду, и морт слушалась каждого её желания, а Сидше оставалось только сидеть за штурвалом и выдерживать курс.

Небо светлело всё быстрее; земля внизу проносилась ужасающе быстро.

«Сэрим, наверно, рассердится, – рассеянно думала Фог. – Ох, и я так и не спросила его, как вернуть учителю память. Ведь если он сам всё вспомнил, то знает, как это сделать?..»

Где-то в логических построениях таился изъян, но она не могла понять какой.

Занялось утро; прошёл день, и снова настала ночь. Остановившись вечером для короткого отдыха, они снова двинулись в путь – до озера оставалось не так уж далеко. И когда в небе снова начал разгораться рассвет, а ничего страшного так и не произошло, то шевельнулась совесть где-то внутри. Захотелось извиниться перед Сэримом; не вернуться назад, конечно, нет, но всё-таки...

«Может, Дуэса и впрямь просто сбежала»? – хотела сказать Фог, но когда обернулась к Сидше, то вдруг ощутила: что-то не так.

А затем осознала, что весь дирижабль пронизывает бледно-розовая, зыбкая, почти не видная морт.

– Берегись!

Она успела крикнуть это, рвануться к Сидше – и почти в тот же миг «Штерру» тряхнуло с ужасающей силой и разорвало на части, а части охватил огонь. Фог, наполовину ослепшая и оглохшая, пыталась удержаться в пустоте, хватиться за что-то... хотя бы добраться до Сидше и удержать его, но тщетно.

Вокруг было только небо и пламя.

Пламя и небо.

10. След в след, рука об руку

Алаойш Та-ци, Лоргинариум, у границы Туманной долины

Всякое крушение начинается с маленькой ошибки – или с большой гордости.

Если бы жрица в Ащрабе так не торопилась с выбором дирижабля; если бы получилось заранее побеседовать с его капитаном, верней, капитаншей – приземистой, коренастой северянкой с сильной примесью ишмиратской крови; если б Тайра не похвасталась во всеуслышанье золотом, которое прибрала к рукам после битвы; если б Дёран не обещал посторожить лагерь ночью и не проспал легкомысленно...

...сейчас бы Алаойш не наблюдал со смесью восхищения и досады, как резво исчезает на горизонте нелепый раздутый дирижабль, отсвечивая желтоватым боком, как недозрелая ригма.

А вместе с дирижаблем – всё золото и большая часть вещей.

– Вот ловкачка, а, – выдохнула Тайра, качнув головой. Кроме золота, она лишилась всей сменной одежды и пары мягких сапожек, в которых передвигалась по пескам. – Видать, давно задумала это провернуть, как бы не с самого начала. А ты куда глядел? Обещал же последить!

– Я и последил, – с достоинством ответил Дёран, расчёсывая спутанные после сна волосы частым гребнем из ароматного дерева. – Только за нами, а не за дирижаблем. Нас, как видишь, никто не тронул, не обидел.

– Да я б сама их тронула! Ух... Ротозей ты! И пустомеля!

– Бродячему сказителю и положено рот разевать и пустомелить, мы этим и живём, – откликнулся Дёран миролюбиво, но бровь у него выразительно дрогнула. – И что шуметь? Я, положим, тоже лишился кое-чего ценного. Всё мыло, тяжким трудом накопленное за полгода...

– Да кому нужно это твоё вонючее мыло, тьфу!

– Вернуть дирижабль, может? – спросил жалостливый Киар, глядя то на одного, то на другую. – Я могу, мне не сложно...

– Не надо, – сохраняя достоинство, усмехнулся Алаойш. Ему-то пришлось тяжелее всех: к горизонту сейчас улетало всё его нательное бельё, кроме того, собственно, которое было на нём надето. – Кому-то это будет уроком, чтоб меньше хвастаться, а кому-то – напоминанием о том, что опасности могут подстергать там, где их не ждут.

Тайра на него смертельно обиделась – и воинственно молчала целых полдня, пока он не сжалился и не вернул ей украденное золото, а заодно остальные вещи, украденные предприимчивой капитаншей.

– А мыло? – спросил Дёран с долей упрёка.

– Неужто тебе жалко? – в шутку удивился Алаойш. – Тьфу ты! Может, человек в кои-то веки будет приятно пахнуть, а если с командой поделится – так и команда заблагоухает. А ты ещё наваришь.

Но и мыло всё-таки отдал.

Сейчас, возвратив память, он чувствовал необыкновенную лёгкость; так, словно все печали и заботы остались там, в песках. Прежние силы вернулись не полностью, но разница между возможностями эстры и зрелого киморта ошеломляла: дотянуться до каюты жадной капитанши на быстро движущемся дирижабле не составило большого труда, да и ощущалось это, скорей, как приключение... Всё доставляло удовольствие: и пробуждение рано поутру, и бессонные ночи за долгими разговорами или кое-какими занятиями поприятней, и равно непривычная северная и южная еда. Встреча с Фог представлялась радостным событием – и каким-то неминуемым, что ли; дразги между наместниками в Лоргинариуме – чем-то неприятным, но вполне преодолимым.

Даже попасть впросак и очутиться где-то в лесах на границе Туманной долины было несколько не обидно.

– Куда идём? – с любопытством спросил Киар после трапезы; Тайра уже не дулась, но всё ещё изображала обиду, а потому разговаривала только с Рейной и Мэв, верней, шушукалась с ними обеими в стороне, выразительно поглядывая на Алаойша. – Ты говорил, хоть отыскать Фогарту маятником не выходит, она точно на севере... Но север большой.

И впрямь, в последний раз кристалл с мирцитом, раскачавшись, очертил долгую дугу между Ульменгармом и Берой. Фог определённо была где-то там, но точнее узнать не получалось: она либо

использовала очень много морт разом и потому невольно сбивала маятник, либо пряталась нарочно.

– Встретимся сперва с Телором, – ответил наконец Алаойш, неосознанно прикасаясь к камню памяти под рубахой. – Он здесь недалеко, полдня пути, не больше, пожалуй. Фогарта собиралась путешествовать вместе с ним, и если они и расстались, то вряд ли давно. Думаю, Телор подскажет, куда она отправилась – и зачем.

Все согласились; это звучало разумно.

Чего никто не ожидал, так того, что они угодят напрямик на поле боя.

Сама схватка уже словно бы подходила к концу. И странной она была! Огромное войско – десятка два или три дружин под разными стягами – стояло лагерем поодаль, между холмами и рекой, и не вступало в бой. Воины в зелёном и золотом, а также в синем и чёрном, как охотники, гонялись по окрестным лесам и рощам за воинами с гербами Ульменгарма, побросавшими стяги. У опушки, не доходя до большого оврага, виднелось огромное пятно: вековые деревья там полегли, словно трава на поле под сильным ветром, а морт опустилась в низины, притихла.

Даже Алаойш со всем своим опытом не мог сразу сообразить, что тут произошло, хотя состояние морт и казалось отчего-то знакомым; знакомым – и не тревожащим.

Впрочем, долго размышлять попусту он не стал – отловил одного из дружинников в зелёном плаще и расспросил хорошенько.

– Что здесь случилось – не твоего ума дело, бродяга! – заносчиво ответил сначала дружинник, молодой, с буйными чёрными кудрями и тёмными, как у многих кьярчи, глазами. – Хоть пытай меня – не скажу!

Но, узнав, что Алаойш дружен с Телором и что Фогарту учил тоже он, смягчился.

На севере нынче и впрямь все воевали со всеми. Якобы брат ополчился на брата, наместник запада подло ударил в спину наместнику юга, а лорга, устав от этой смуты, послал неслыханно могучее войско, чтоб усмирить всех разом... На самом же деле с братом Мирра не враждовал, хотя их давно стравливали между собой, а вот Биргир и впрямь попытался откусить кусок от земель южного соседа под общий шум. Лорге же собственный сын, набравший много

власти и славы, стал как бельмо в глазу, потому он и попытался избавиться от него, представив бунтовщиком.

Так или иначе, дело шло к великой сече, однако в последний момент положение неожиданно переменилось.

Одни говорили, что лоргу предательски убили, другие – что он пал в честной схватке... Прямо накануне сражения пришёл из столицы приказ: возвращаться без боя, а наместника Мирру, если он того пожелает, со всем почётом, ему полагающимся, сопроводить до Ульменгарма.

Приказ отдала наместница Эсхейд.

Большая часть войска ему подчинилась. Однако несколько дружин, особенно преданных лорге, притворились, будто бы присягают лично Мирре – и ночью напали на него, пользуясь тем, что они все встали общим лагерем. Перевес был на их стороне, и вскоре наместника с несколькими верными людьми оттеснили к глубокому оврагу, по топкому дну которого протекал ручей...

И тут, как утверждал всадник, случилось чудо.

– С Миррой-то и было всего три человека: хромая дружинница с копьём, старик-повар и какой-то южанин, который недавно прибился к дружине. А врагов-то немерено! И все кричат: «Бей его, руби!» – и знай мечами машут. Мирра-то наш не промах, но с одним-то морт-клинком да с хлыстом разве много сделаешь против такой кучи народу? И вот упал он на одно колено, а враг занёс над ним меч... И тут этот южанин-то рыжий как выскочит вперёд, как махнёт крохотным ножичком! Крохотным, но страшным: рукоять у него была багряная, а лезвие – чёрное, и глаза у южанина такие же стали: багряные в черноту, как бельма, только наоборот. Раз ножом махнёт – и тут же враг замертво падает... – живописал всадник. – А уж ветер-то, ветер-то какой свистел – деревья ломал, как щепки!

И тут Алаойш вспомнил.

«Точно. Кинжал с красной рукоятью».

– Ясно какой ветер, – пробормотал он задумчиво, опуская взгляд. И произнёс нараспев: – Кто несправедлив и немилосерден, кто слеп в своих страстях, кто не соблюдает давний закон, что ночью нельзя проливать кровь беззащитного путника, или купца, или ребёнка, или государя – того растерзает Ветер Карающий. Да уж, слышать о таких чудесах мне приходилось, а вот видеть воочию – нет. Многие жрецы

Ветра Карающего – хорошие убийцы или воины, однако есть среди них особенные, те, кого божество ведёт... точнее, те, за кем божество идёт и направляет их руку, но только если они действуют во имя правды и блага, по велению сердца, без сомнений. А Телор-то где был в это время?

– Телор почти сразу подоспел! – вступился всадник за киморта с неожиданной горячностью. – Вот на столько, на столькохонько опоздал – и то потому, что пытался, говорят, через колдовское зеркало докричаться до Ульменгарма! Вот и сейчас опять корпит над зеркалом, велел не беспокоить его. Ну а мы и не беспокоим, сейчас переловим предателей, клятвопреступников, и...

– И славно, – перебил его Алаойш мягко. – А с кем из старших можно поговорить, кроме Телора?

Всадник задумался.

– Ну... с самим Миррой разве что, пожалуй. Вон его шатёр, с зелёным стягом! Да куда ты попёр, куда? Стрелу в зад захотелось? Ну-ка, я тебя провожу, такого ретивого.

Он не то и впрямь боялся за незнакомого киморта, то ли напротив, побаивался его, но, так или иначе, проводил до нужного места, переговорив по дороге с командирами. В итоге Алаойша и его спутников сопровождала дюжина человек, все хорошо вооружённые; никто, впрочем, в него из стреломёта не целился и мечом на него не указывал – видно, понимали, что если киморт и впрямь захотел бы навредить, то подбираться к наместнику поближе ему не понадобилось.

– Вот здесь, – сказал наконец темноглазый дружинник, когда они подошли к шатру с зелёным стягом. – Только, это... может, погодишь пока? Вдруг наместник, э-э, занят, – добавил он, покосившись на задёрнутый полог.

Внутри было тихо; никаких подозрительных звуков не доносилось. Морт подсказывала, что там всего два человека – и оружие, которого хватило бы на дюжину воинов, а ещё жаровня с огонь-камнями и некоторое количество светильников.

– Он там не с женщиной? – деликатно осведомился Алаойш, чуть понизив голос.

Черноглазый их проводник замотал головой:

– Нет, он с южанином со своим, только-только лекарь вышел, видать, раны обработал...

– Так доложишь обо мне?

– Я самоубийца, что ли? – ужаснулся он; дружинница, стоявшая рядом с ним, открыто расхохоталась, да и другие нет-нет да и фыркнули или усмехнулись в кулак. – То есть...

– Сам тогда зайду, без доклада, – улыбнулся Алаойш, вспомнив, какие слухи бродили о буйном нраве наместника. – Как-нибудь да выживу: нашего брата вообще трудно убить... А ты, приятель, помоги-ка обустроиться моим спутникам. Если нужна с чем-то помощь по лагерю, то обращай к Киару, к моей ученице Рейне или к Мэв – они хоть и молодые, но умелые киморты, кто больше, кто меньше... А Тайра – ученица вайны, она неплохо смыслит в лечении.

– Эй! Разве ж я на это соглашалась!

– А что, откажешься, что ли? – выгнул брови Алаойш. Тайра хмыкнула и скрестила руки на груди, но не сказала ни да, ни нет. – Тогда я пойду. – И он, откинув полог, шагнул через порожек, краем заметив, что черноглазый всадник бросился выполнять просьбу.

Ни ему, ни другим дружинникам словно бы и в голову не пришло, что киморт-чужак может оказаться врагом – или вредителем; отчего-то это грело душу – и казалось ещё, что в том немалая заслуга Фог.

В шатре же, вопреки всем подозрениям, не происходило ничего предосудительного. Он вообще выглядел... пожалуй, обычно. Три ширмы, делящие пространство надвое; несколько светоносных камней, наполненных морт, руку к которым явно приложил Телор, и маленькая медная жаровня для обогрева, тоже безопасная, без углей. У входа располагался низкий стол, сидеть за которым, похоже, приходилось прямо на земле или на подушке, на ишмиратский манер, чуть дальше лежали в беспорядке седельные сумки и стоял небольшой сундук, совсем простой, больше похожий на ящик, но с гербами: там, очевидно, тоже лежали личные вещи, которых наместнику полагалось чуть больше всё же, чем простому всаднику.

За второй же ширмой виднелись два силуэта: один склонённый над другим.

Когда Алаойш, предупредительно кашлянув, шагнул за неё, Мирра выпрямился, не спеша, впрочем, убирать руку со лба человека, лежавшего на постели. Отдалённо знакомого, к слову: в прошлый раз

он путешествовал с Фогартой и помогал то с одним, то с другим – с младенцем нянчился, ухаживал за гурнами... А ещё запомнилось, что он, несмотря на простоватый облик и дурашливые манеры, сразу же догадался, что Алаойш – учитель Фог из той, прежней жизни, и назвал его правильным именем.

«Иаллам, – пронеслось в голове. – Да, точно. И почему говорят, что он южанин? От южного-то в нём только штаны, пожалуй».

Сейчас, впрочем, он лежал под одеялом, и штанов, конечно, не было видно. Зато видно было бледное лицо, беспомощно запрокинутое вверх: островатый подбородок, прямой нос, россыпь веснушек на переносице; глаза – по памяти ясные, серые – оставались закрытыми, верхней, почти, так, что блестела влажно белая полоса.

– А, эстра, – ничуть не удивился гостю Мирра. Не расстроился, не испугался, не смутился тоже – он оставался странно спокойным, только немного печальным. Всклокоченные волосы в полумраке напоминали оттенком венозную кровь; рукава простой чёрной рубахи наместник закатал почти до плеч – и немудрено, из-за жаровни в шатре стало очень тепло; алые серьги-полумесяцы, полные морт, покачивались в ушах. – Ты сильно изменился. Сейчас отцова дружина, наверно, не отважилась бы тебя остановить.

– Зато ты бы не струсил, даже и сейчас, – усмехнулся Алаойш и присел рядом, скрестив ноги; так отчего-то казалось правильной. Затем добавил: – Я учитель Фогарты; то она меня искала, а нынче я её.

– О, – откликнулся Мирра коротко. – Значит, вспомнил... Ну, тебе к Телору нужно. Знаю только, что она в Ульменгарме вызвала на поединок того ублюдка-киморта, который помогал моему отцу. Вызвала – и победила, хоть стоило ей это дорого. Не бойся, жива... Дождись Телора, – добавил он, улыбнувшись мягко; Алаойш сначала удивился, но потом сообразил, что эта улыбка предназначалась не ему – и даже не Фог. – Ты посмотри, какая нелепая рожа.

Наместник, сместив руку, потыкал Иалламу пальцем в щёку; тот пошевелился, болезненно заломил брови, но не очнулся.

– Нужна помощь? – спросил Алаойш, уже зная ответ.

– Да этот дурень не ранен, спит просто, – качнул головой Мирра. – Он ведь не воин; и куда полез только?

Иаллам во сне поморщился, словно собираясь чихнуть, потом завозился – и наконец затих.

«Он просто истощён... Ну, ещё бы».

– Люди становятся способны на многое, если защищают то, что для них дорого, – вслух ответил Алаойш, пожимая плечами. – А если ему доверили жреческий кинжал, значит, он уже куда больше, чем обычный человек. Особенно если Ветер Карающий и впрямь может им овладеть.

Мирра в ответ ухмыльнулся и непристойно пошутил про овладение, как если бы он был уверен, что чужому божеству приходится ровней – или, по крайней мере, сумеет с ним договориться. А Алаойш шутку оценил, хотя не был уверен, оценит ли её Иаллам; потом спросил вдруг, неожиданно для самого себя:

– Ты, получается, путешествовал с Фогартой?

– Недолго, – отмахнулся наместник. И быстро глянул искоса. – Хочешь, расскажу?

Алаойш кивнул; Мирра начал рассказывать.

О том, как разверзлась земля у Кимень-горы и из разлома полезли кровожадные твари, а бывшие враги вынуждены были сражаться бок о бок, спиной к спине, чтоб не стать добычей; о том, как дева-киморт неожиданно явилась на поле боя, спустившись с небес; о том, как она спасла его, Мирру, и исцелила многих раненых. О сражении с чудищами близ лесной крепости; о том, как сомкнулся чудовищный разлом, о предательстве Биргира – и о новой битве, на сей раз не против подземных тварей, а против таких же обыкновенных людей, которые войны, может, и не хотели, но шли за своим наместником, ибо верили ему.

«Да-а, далеко же забралась Фог от дома, – думал Алаойш, слушая рассказ, и в груди отчего-то становилось тесно. Может, от жалости; может, от гордости за ученицу – или от того, и от другого одновременно, и стыдно тоже, но уже за себя, потому что исчез, пусть и не желая того, и бросил её одну в целом мире. – И ведь неплохо справилась... Но больше я никогда не позволю ей остаться один на один с бедой. Пока я помню; пока живу».

– Получилось! – раздался тут возглас снаружи; затем полог сам собой завернулся наверх, и в шатёр вошёл Телор, взъерошенный, с неряшливо заплетённой косой, с кафтаном, накинутым на плечи, как плащ. – Наконец-то получилось не подсмотреть одним глазком, а поговорить по-человечески. И, скажу тебе, надо бы поспешить в

Ульменгарм, там беда, а у Эсхейд не так много воинов было. Что молчишь? Никак не можешь оторваться от своего друж... друга? – исправился он, едва заглянув за ширму. – Ого! Алар! Я думал, ты отправился на юг!

– Отправился, но уже успел вернуться, – улыбнулся Алаойш. – Думаю, нам многое друг другу надо рассказать... и заново познакомиться, пожалуй.

Они проговорили долго, несколько часов, попеременно удивляя друг друга. Весть о гибели старинного приятеля опечалила Телора, а рассказ об оазисе, где кимортов держали в клетках, как скот, и изготавливали дурман на продажу, изрядно разгневал. Даже то, что оазис в конце концов был разрушен, стёрт с лица земли, облегчения не принесло.

– Значит, все записи и свидетельства ты оставил своим друзьям, прибывшим в Ашраб, – пробормотал Телор. – Жаль, жаль. Я бы тоже хотел знать, кто успел замараться во всём этом. Я бы с ними... побеседовал, да.

Морт взвилась вокруг него на мгновение, как пар над котлом, и осела.

Сам же Алаойш с жадностью слушал о том, что произошло в Ульменгарме за последние дни. О том, как были назначены два поединка – и как они превратились в бойню; о появлении Дуэсы Шинраг и о новом разломе; о вырвавшихся на волю тварях, которые теперь охотились по ночам в окрестностях города, и о том, что Фогарта Сойрон после поединка слегла – и до сих пор не пришла в себя.

«Это нормально, – успокаивал Алаойш сам себя, то и дело поглядывая на Иаллама, так же спокойно спящего, несмотря на разговоры у него прямо над ухом. – Если потратить много сил, можно и на два дня оцепенеть, и на три, и на пять; главное, что у неё во время поединка не выступила кровь и седых волос не появилось – значит, она хоть и перетрудилась, но надорвалась... Хорошо».

Но на сердце всё равно было тревожно.

– В Ульменгарме нужна наша помощь, – подвёл итог Телор. – Хоть лорга и пал, но в его делах ещё только предстоит разобраться. Наделал он, кхм, немало... Простые-то люди, конечно, вреда никакого не заметят. Они привыкли к тому, что кимортов у нас мало, если не сказать вовсе, что нет, и к тому, что лекарства и механизмы, сделанные

с помощью морт, везут из Ишмирата. Да что механизмы – ткани даже. «Нет – и без того проживём», – скажут они. Ну, и проживут, конечно, плохо-то жить – дело нехитрое. Но если б были в Ульменгарме другие киморты, эта собачья дочь, Дуэса, не смогла бы – не посмела бы! – натворить такое. Разлом посреди города, ты погляди!

Алаойш нахмурился:

– Ну, надо заметить, что Дуэса Шин-раг – дочь принцессы, хотя не в этом, конечно, вопрос... Не нравятся мне эти разломы. Земные недра нельзя тревожить попусту, можно накликасть большую беду. Кимень-гора давно спит, огонь под ней угас, а Ульменгарм вообще далеко от тех мест, где случаются землетрясения, так что на сей раз обойдётся без последствий, я думаю, но есть места, где даже рудники строить опасно: чуть глубже копнёшь – и тряханёт так, что все окрестные города обратятся в руины. Ну, что делать с Дуэсой, думаю, решим, когда разберёмся с тварями в окрестностях Ульменгарма. Сейчас главное спасти людей, а потом уже я сообщу в цех обо всём, что узнал, да и мои друзья, которые сейчас помогают в Ашрабе, молчать тоже не станут. А пока пойдём-ка, я тебя познакомлю кое с кем; видишь ли, некоторые из спасённых кимортов решили временно обосноваться тут, на севере, а значит, им твоя помощь пригодится.

– За трапезой и познакомимся, – ответил Телор, глянув наружу. – Смотрю, стемнело уже, неплохо было б и поужинать... Мирра, идёшь?

Наместник отмахнулся – и пересел обратно к постели, подложив под зад подушку.

– Пускай сюда принесут и чего-то поесть, и выпить, – откликнулся он. – Здесь поем. Устал.

– Ну, как знаешь, – не стал навязываться Телор. – Вином не увлекайся, завтра утром отправимся в Ульменгарм, я тебе похмелье лечить не стану.

– Да как ты лечишь, что лучше болеть, – огрызнулся Мирра, беззлобно, будто бы по привычке. – Иди уже.

В лагере было спокойно. Заговорщиков вроде бы переловили, кроме тех, кто здешние места знал слишком хорошо – и, что важнее, знал, когда надо бросить всё и бежать, не оглядываясь. Многие в войске лорги открыто радовались тому, что и сражаться-то не пришлось, другим словно бы с самого начала было всё равно: если прикажут командиры – так пойдут вперёд, а прикажут возвращаться –

так вернутся. Сам воздух, кажется, стал мирный; звучали песни; люди из разных дружин готовили пищу у общих костров. Телор, выплетая на ходу венки, продолжал рассказывать о том о сём, перескакивая с одного на другое: верно, поговорив с женой и убедившись воочию в её победе, он воспрял духом.

– Ну и удивил ты меня, признаюсь, – говорил он, пробираясь по лагерю к тому месту, где спутники Алаойша остановились на ночлег; на звук семиструнки, на запах пряной похлёбки по рецепту кьярчи. – Память вернул, надо же! Признаться, если б не видел тебя своими глазами, то не поверил бы. Сильней я удивился, пожалуй, только тогда, когда Омор, моя ученица, на днях тут заявила, что хочет-де постранствовать там и здесь. И не в одиночку, а с табором кьярчи! Каково?

– Ты ведь знаешь, что я и сам с табором половину севера проехал, всё лучше, чем с жадными купцами делить телегу, – усмехнулся Алаойш. – Кьярчи – люди по-своему честные. Так что почему нет? Особенно если кто-то её возьмёт под своё крыло.

– Ну, Тарри клялся всем подряд, что не даст её в обиду. Я перекинулся с ним парой слов; парень неплохой, но у него, конечно, ветер в голове.

– На юге, на Земле злых чудес, такие слова сочли бы за большую похвалу...

Переговариваясь так, наполовину шутя, наполовину всерьёз, они вышли наконец к нужному костру. Тайра и впрямь взялась кашеварить; Дёран по обыкновению терзал семиструнку, скорее, размышляя под мелодичный перебор, чем играя по-настоящему; Рейна, сосредоточенно сдвинув брови к переносице, показывала Мэв, как перевить верёвку с морт и обратить её в оружие или защиту. Чуть поодаль сидели на брёвнышке Киар и Илка; она заплетала его волосы в косицы и жгуты, изобретая какую-то мудрёную причёску, и украшала её синими цветами, а он негромко зачитывал по памяти длинную поэму, невозможно героическую и скучную – но делал это с таким пылом, что можно было заслушаться. Судя по синим узорам на белоснежной хисте, Киар снова потратил несколько часов, чтоб создать себе новую щегольскую одежду. Илку он тоже нарядил на ишмиратский манер, в зелёные и серебряные шелка, и ей это

удивительно шло – и без того миловидная, она сделалась настоящей красавицей.

...когда Телор увидел её, то на мгновение остолбенел.

– Иллейд? – произнёс он тихо. – Да нет, быть не может...

Слух у северянки был чуткий; она вздрогнула поначалу, услышав имя, и закаменела тоже, но почти сразу заставила себя расслабиться, выдохнуть:

– Знакомо звучит. Но ты уж не сердись, добрый человек, если я тебя и знала, то не помню: слишком долго меня поили дурманом, память начисто вымыли-выстирали, она теперь как белёное полотно. Чем хочешь, тем и крась.

Телор тоже вздохнул прерывисто – и улыбнулся, так, словно этой улыбкой боялся разбить кого-то.

Может, Илку; может, самого себя.

– Это не беда, – произнёс он, приближаясь и подсаживаясь на краешек бревна, достаточно далеко, чтоб не мешать. Киар, который до того замолк, теперь с любопытством вертел головой, поглядывая то на подружку, то на незнакомого киморта-северянина. – Теперь всё не беда... Расскажи-ка мне о юге; я там давно не был.

– Да что я видела-то, сидя в оазисе?

– Вот что видела, то и расскажи.

Они так и просидели рядом – и за трапезой, и потом. Проговорили бы, пожалуй, целую ночь, но Алаойш разогнал их и отправил спать: назавтра ведь собирались выступать к Ульменгарму.

А сновидения между тем были тревожными.

...Ему снилась Фогарта – но совсем маленькая, какой он забрал её из семьи; девочка лет четырёх, не больше. Она играла на полу его комнаты, серьёзно насупив рыжие брови, и подползала то к маятнику, то к свитку, спрашивая время от времени: «А это можно?» Он кивал или неопределённо хмыкал в ответ, слишком увлечённый чтением, пока не заметил вдруг, как детская рука тянется к большой чёрной змее.

– Можно?

– Нет! – вскочил он, опрокидывая и стол с горой манускриптов, и чернильницу, но оказалось уже поздно: щёлкнула ширма, и детский силуэт промелькнул уже за ней.

Как и змеиный хвост.

Подбирая на ходу нелепо длинные полы хисты и рукава, Алаойш выскочил наружу, в сад; бежал изо всех сил по скользкой от росы траве, стряхивая липнущие к лицу лепестки чийны, однако никак не мог догнать маленькую беглянку. Он проскочил заросли насквозь, срезая путь, и очутился на поляне, по колени затянутой туманом. Там тоже стояла девочка, но другая, постарше, в том прелестном возрасте, когда дитя превращается в девушку.

– Ты выберешь меня? – тихо спросила она – и обернулась.

У неё были чёрные волнистые волосы и глаза удивительного золотого оттенка; у Алаойша язык присох к нёбу.

– Я...

– Такой красивый! – всплеснула девочка рукавами. – Я тебя люблю!

– Так ты же ещё только ребёнок, – попробовал он урезонить её.

Девочка нахмурилась.

– Ты говоришь это, потому что я стала кимортом в двенадцать лет, а тебе талантливые нужны, – с обидой произнесла она. Алаойш хотел сказать, что это не так, но не смог, потому что онемел; лицо у девочки страшно исказилось, покрываясь змеиной чешуёй. – Ты... тогда я тебя ненавижу!

Она метнулась к нему, вскидывая рукава, и рукава обратились в чёрных змей.

Алаойш отшатнулся – и проснулся наконец.

Сердце у него билось так, словно пыталось вырваться наружу сквозь рёбра.

«Ну и приснится же».

Утренняя трапеза прошла в каком-то полузабытьи; Дёран же, лишь раз глянув на него, точно понял что-то по выражению лица и произнёс, глядя в сторону:

– Если в Ульменгарм отправятся не больше трёхсот человек, я смогу провести их своими тропами. Вчетверо быстрее обычного.

Алаойш хотел ответить, что спешить некуда, но вспомнил тревожный сон – и спросил:

– А сумеешь?

Дёран только фыркнул и откликнулся снисходительно:

– Я ведь не Сэрим, чтобы отнекиваться от собственных сил; лишнего я на себя не возьму, но если уж сказал, что могу, то, значит, могу.

– Тогда я поговорю с наместником, – ответил Алаойш, поднимаясь на ноги.

Через час всё было решено.

Ехали они и впрямь быстро – куда быстрее, чем можно было бы представить. Туман в какой-то момент сделался гуще, и гурны теперь по грудь утопали в нём, почти как в проклятом сне. Пахло то дымом и человеческим жильём, то сыростью и прелостью дремучей чащи. За туманом, как за колдовской завесой, окрестности искажались до неузнаваемости: сторожевая башня обращалась столетним деревом, колодец – бродячей собакой, стена вокруг деревни – непролазными зарослями... Дружинники вскоре притихли и стали стараться ехать друг за дружкой по пятам, чтоб не потеряться. А над всей процессией звучала, не умолкая, печальная, будоражащая, обречённая мелодия – словно семиструнка плакала навзрыд, захлёбываясь.

Киморты тоже зябко ёжились, но по другой причине: морт, холодная, серая и вязкая, колыхалась вокруг, изменялась, и от её беспрестанного движения вскоре начинало мутить.

Когда впереди показались стены Ульменгарма, то с облегчением выдохнули, кажется, все.

Хоть Мирра и прибыл посреди ночи, встречала его целая процессия. Эсхейд в богатом облачении, сопровождаемая не только воинами из её личной дружины, но и воеводами, также разряженными кто во что горазд; Зита с младшими сыновьями лорги, не знающими, куда себя девать, но вышедшими поприветствовать старшего братца; богатые купцы, учёные мужи и простой люд... Сэрим тоже был среди встречающих – и первым шагнул из толпы, сбивая торжественный настрой.

– Друг Дёран! – завопил он, распахивая объятия. – То-то у меня уши свернулись в трубочку! Как чуял, как чуял, что больше никто не может так ужасно играть!

– Друг Сэрим, – с прохладцей откликнулся тот, ловко уворачиваясь от навязанных объятий; на третий или четвёртый раз не выдержал, рассмеялся и сам обнял приятеля, стиснув так крепко, что

рёбра едва не хрустнули. – По карманам можешь не шарить – у меня нынче ни золота, ни серебра.

– Что, на юге так плохо подают? – хмыкнул Сэрим. – Да тебе даже петь не надо, за одну смазливую рожу, небось, кошель выворачивают и последнее отдают.

– Ты, видно, слишком хорошо облегчил там кошель, вот и нечего подавать, – в тон ему ответил Дёран, разжимая наконец объятия. Замер, заглянул в глаза. – Ну что, как тут, на севере?

Ответить он не успел – запоздало грянули трубы, возвещающая о прибытии наместника Мирры и его войска, а затем Эсхейд стала держать речь; пока она говорила, Алаойш искал глазами в толпе знакомое лицо, но так и не разглядел. Тревога его усилилась. Улучив момент, он ухватил Сэрима за рукав и отвёл в сторону, а затем прямо спросил:

– Где Фогарта? С ней всё в порядке?

– Спит, небось, как младенец, часа два или три как ушла от меня. Обсудить, конечно, есть что, но всё подождёт до завтра, – отмахнулся от него Сэрим. И потёр руки. – Ух, и покутим же! Давно мы втроем не собирались, как бы не полвека уже. Знаю я тут одно хорошее заведение... – начал было он говорить, напоказ окидывая взглядом город, и вдруг осёкся. – Да чтоб меня! Дирижабль исчез! Только недавно болтался у причальной мачты!

– Дирижабль?.. – не понял сначала Алаойш. А потом до него дошло. – «Штерра», ну конечно, и её капитан. А теперь, любезный друг, расскажи-ка мне, что такое вы обсуждали с Фогартой, что она посреди ночи сорвалась с места и сбежала... и, главное, куда.

Сэрим повернулся к нему, бледный, с округлившимися глазами:

– Куда – это я, пожалуй, знаю. Но лучше б мне ошибаться.

Алар слушал, не перебивая – про последние слова лорги, про Дуэсу, про подземный огонь и озеро Арирамар. А когда дослушал – выругался и завертел головой в поисках доски.

«Лучше бы дирижабль, конечно, – крутилось в голове, когда он выламывал доску из чьей-то двери, нисколько не заботясь о том, что хозяева, верно, уже спят. – Но где его возьмёшь? Сложно будет догнать, спору нет, но зато направление ясно».

Он наполнил доску морт, заставляя её подняться, и не сразу осознал, что дорогу ему кто-то перегораживает.

– Тайра, – выдохнул он обречённо. Стало совестно. – Прости. Я должен успеть за ней, пока не случилось беды. Я... я вернусь, обещаю тебе.

Она молчала-молчала, скрестив руки на груди, а потом тряхнула волосами – и ткнула в него пальцем:

– Ты посмотри на него, экий виноватый! Только попробуй не обнять её, как увидишь, и не сказать, что скучал! И что любишь! – Глаза у неё яростно сверкнули. – И вот про это кольцо ей скажи! – Она потрясла у него перед носом рукой с перстнем. – Скажи, что оно мне жизнь спасло... и тебе тоже, и что носить я его буду, покуда не помру или не потеряю. И второй раз обними, за меня, и скажи, что мы теперь как сёстры... – Она вдруг точно осипла, втянула в себя воздух шумно и отвернулась. Потом добавила глухо: – Нет, ничего не говори. Глупости всё это. Иди, а там... там сам разберёшься.

Обняла крепко, поцеловала в угол рта – и оттолкнула.

Не медля больше, Алаойш ступил на доску – и поднялся в воздух.

– Я ненадолго! А вы позаботьтесь тут обо всём, пожалуй! – крикнул он, набирая высоту. – Да! И смотрите, чтоб Тайра без меня тут не плакала!

– Вот я тебе поплачу, какой умный! – погрозила она ему снизу кулаком.

Но глаза у неё блестели.

...с высоты было видно многое. И то, какими мрачными взглядами обменялись Дёран и Сэрим; и то, как Мирра выговаривал что-то братьям, указывая то на себя, то на замок, то на мать; и то, как Телор за руку подвёл Илку к Эсхейд – и отступил на шаг, а они замерли, глядя друг на друга с совершенно одинаковыми выражениями лиц...

Но Алаойшу было не до того; вниз он и не глядел.

«Быстрей, быстрей, – стучало у него в висках вместе с током крови. – Только бы успеть».

До озера Арирамар оставался долгий путь.

Опоздать было страшно.

Сердце ныло.

*Фогарта Сой-рон, озеро Арирамар, граница Лоргинариума и
Ишмирата*

Падать было жутко – и очень стыдно.

Фог перевернулась в воздухе несколько раз, мимо в ужасающей близости пронёсся огромный пылающий обломок... Сердце замерло; она сжалась в комок, пытаясь спрятаться, и лишь тогда осознала, что морт уже окутывает её – и хранит. Долгие упражнения перед поединком не прошли даром; за долю мгновения – между осознанием неминуемого краха и крахом – как-то удалось защитить себя, неосознанно, бездумно.

И потому спастись.

«А Сидше?»

Мысль была как удар под дых.

Удерживать саму себя от падения было нелегко: приходилось опираться на собственную одежду, и пояс впивался в живот, а воротник – в горло. Но ещё сложнее оказалось раскинуть прямо в воздухе сеть из морт, широко и далеко, и вслушаться в отклик, не обращая внимания на приступ удушья и одновременно тошноты. На чудовищно долгую секунду почудилось, что Сидше нет нигде, он исчез, рассыпался пеплом, развеялся по ветру... Но затем Фог ощутила его далеко внизу – и подхватила.

Так, как ребёнок сжимает кулак вокруг мотылька, но гораздо бережней.

«Жив, – поняла она, сходя с ума от облегчения; взор заволокло пеленой. – Успела».

Сидше был оглушён, сбит с толку, напряжён, и сердце у него колотилось, кажется, втрое быстрее обычного, однако присутствия духа он не потерял – и даже улыбнулся, когда понял, что уже не падает, а парит в воздухе. Фог подтянула его поближе, затем подманила сундук, который печально кружил над местом крушения, и взгромоздилась на крышку. Когда заметила поляну среди леса, то стала снижаться, чутко вслушиваясь в колебания морт – в ожидании нового удара.

Дуэсы, однако, нигде поблизости не было – или же она слишком хорошо скрывалась.

Очувтившись на твёрдой земле, Фог, как помешанная, оцупала Сидше с ног до головы, и своей силой, и прямо так, руками; серьёзных ран не нашла – то ли ему повезло, то ли часть её защиты досталась и ему, по крайней мере, в первые мгновения.

– Уцелел, – хлюпнула она носом, отчаянно стараясь не разрыдаться, и всмотрелась в полумраке в любимое лицо. – Только перепачкался весь и волосы опалил.

Сидше выглядел пристойно, пожалуй, лишь потому, что накануне облачился во всё чёрное, а на чёрном сажи не видно; глаза у него были широко распахнутыми, взгляд блуждал, а губы растрескались.

От него пахло дымом и неприятной, вязнущей на горле цветочной сладостью.

– У тебя тоже брови обгорели, – сказал он с полуулыбкой.

– Тогда не смотри.

Фог попыталась отвернуться, но Сидше не позволил. Поцеловал сперва одну бровь, затем вторую, щекоча дыханием, и веки поцеловал, и щёки, и лоб; только тогда Фог осознала, что её трясёт.

«Нам просто повезло выжить, – подумала она, леденя, и к горлу снова подступила тошнота. – Дуэса могла нас убить... и она до сих пор рядом».

– В ночь после битвы мне приснилось, что я падаю, – неожиданно шепнул ей на ухо Сидше; голос у него звучал по-странному плоско, безжизненно. – С огромной высоты, такой, что земли не видно. И тогда я подумал: «Вот и хорошо; лучше б ты меня и не спасала».

Ей будто ударили под дых; запах сырой земли и лесных трав показался вдруг невозможно резким, как аптекарская микстура.

– Не смей! – сгребла Фог его за грудки и тряхнула; он просто позволил ей это, не уклоняясь, и продолжил:

– Да, так я подумал – во сне. Но сейчас, когда падал взаправду, то отчаянно желал, чтобы ты не бросала меня, чтобы ты успела... Я никогда не полагался ни на кого, кроме себя и «Штерры», но в небе совсем не на что опереться; я испугался. Хоть и знал, что так лучше, но исчезать не хотел. Трусливо с моей стороны, – усмехнулся он и опустил взгляд.

Ресницы у него были очень длинные – и тоже опалённые, на самых кончиках.

Фог сглотнула.

«Дирижабль, – с запозданием осознала она. – Его больше нет».

– «Штерра» разрушена, – вырвалось у неё беспомощное. – Это... это моя вина.

Прибавить «прости» она не сумела; не представляла, как такое можно простить.

– Теперь уже всё равно, – мягко ответил Сидше; потянулся к ней, прикрыв глаза, точно желая поцеловать снова, но Фог отпрянула, обхватив его лицо ладонями, и попыталась поймать взгляд, уловить то, что словами невыразимо. – Вот и снова ты отталкиваешь меня.

Ей стало больно.

– Неправда! – с жаром откликнулась она. Рассвет постепенно разгорался ярче, отбрасывая розовые блики, и потому казалось, что на скулах у Сидше пламенеют пятна лихорадочного румянца. – Перестань, ты же знаешь, что я... что я... – Она сглотнула. – До тебя я вообще не желала мужчин! Не знала даже, что это такое!

– А я не знаю, что могу тебе дать, кроме собственного тела, – улыбнулся он. Скользнул горячими ладонями ей по плечам, огладил спину, поясницу, вновь провёл вверх. Фог бросило в жар, и она бездумно облизнула губы. – Хотя я столько раз представлял себе... Ты бы, наверное, испугалась, если бы узнала, о чём я думаю.

На мгновение она зажмурилась, чтобы выжечь из-под век образ роя мотыльков на бледной коже, обвивающий спину, талию и уходящий вниз.

«Знал бы ты, о чём я сама думаю».

– Не испугалась бы! – ответила Фогарта вслух, и щёки у неё вспыхнули. – И... и я тоже разное представляю, но... но... – В горле пересохло, и слова разом куда-то подевались. – Но когда я просыпаюсь ночью, и мне страшно... или тревожно, или грустно, то я ищу твою руку, вот так! – Она крепко сжала его пальцы. – И становится хорошо уже оттого, что ты рядом. И я не могу отвести от тебя взгляд, и...

«И я бы вообще не выжила на юге, погибла бы ещё в Дабуре, если б не ты, если б не то, чему ты меня научил», – хотела сказать она, но внезапно кто-то рассмеялся совсем близко, и нежный смех, напоминающий звон хрустальных колокольчиков, прозвучал так жутко, что тело на мгновение одеревенело.

«Дуэса Шин-раг».

– Слова не женщины, но маленького ребёнка, – произнесла Дуэса, ступая на поляну из-под сени деревьев. Почти сразу следом показался Ниаллан, исхудавший за считанные дни; его седые волосы были всклокочены, аккуратная прежде борода завивалась разом в две стороны, а глаза были выпучены, как у морской рыбы, вытащенной из глубины. – Ибо женщина внимательно слушает, что говорит мужчина, когда очерняет себя: как правило, он не лжёт, напротив, преуменьшает. Сидше и впрямь хорош в постели, но больше ни на что не годен. Возьми его как любовника – и испытаешь удовольствие; доверь ему дело – и непременно разочаруешься, потому что он поступит по-своему и в конечном итоге тебя предаст. Видишь ли, коварство в его крови.

Сундук, точно откликаясь на чувства хозяйки, полетел ближе, наполовину заслоняя её; Фог медленно поднялась, сжимая кулаки, и морт забурила вокруг неё, взвилась бездымным пламенем. Сердце дёрнулось – и заколотилось где-то в горле.

Дуэса, улыбаясь, ждала ответа – дивная желтоглазая красавица с покатыми плечами, облачённая в многослойные полупрозрачные одежды цвета золота; силуэт тела угадывался под ними, но лишь настолько, чтобы взбудоражить воображение, не открыв притом лишнего. Её движения были плавными, речи – нежными и сладкими, а тёмные губы сулили удовольствие.

И всё же при взгляде на неё начинало мутить.

«Я и не представляла, – промелькнула мысль, – что можно кого-то ненавидеть так сильно, что даже страх пропадёт».

– Ваши слова безмерно радуют меня, Дуэса Шин-раг! Желая оскорбить, вы лишь превозносите человека: ведь если кто-то не может делать с вами одно дело, то он благороден духом и умеет отличать добро от зла, – упрямо вздёрнула подбородок Фогарта. И, подумав, добавила: – А вы – падшая женщина!

Голос у неё почти не дрожал, когда она говорила это.

– Как неласково! – притворно огорчилась Дуэса, всплеснув рукавами. – К чему столько злобы, милое дитя? Мы ведь делим одних и тех же мужчин, значит, у нас так много общего...

– Мы никого не делим хотя бы потому, что никто из них вам не принадлежит! – выпалила Фог – и заметила с радостью, как у Дуэсы дрогнули и опустились уголки губ.

«Значит, попала в цель, – пронеслось в голове. – Надо продолжать говорить – и стягивать морт. На моей стороне сила; на её – опыт. Значит, нужно больше силы».

– Ты упорствуешь в ненависти, хотя клялась, что будешь мне благодарна за помощь и совет, – с напускной печалью вздохнула Дуэса. Морт вокруг неё тоже колебалась, словно танцевали призрачные змеи. – И если я падшая, то Сидше – и вовсе гнилая грязь под ногами, потому что не счесть женщин, которых он ублажал. Пожалуй, ты верно поступила, когда не стала делить с ним ложе: и впрямь, можно запачкаться.

Первым порывом было отступить на шаг назад – и взять Сидше за руку, заставить разжать плотно стиснутый кулак, поднять голову, перестать прятать лицо...

– Но ведь первой испачкала меня ты, – внезапно произнёс он. – Странно, что ты забыла. Я думал, что киморты ничего не забывают.

– И «падшая женщина» – это не про разврат, который в постели, – добавила Фог с пламенеющими щеками, не столько для Дуэсы, сколько для него. – Это, скорее... как боги падают. А киморт перестаёт быть кимортом и становится существом, у которого есть сила, но нет ничего остального. И я правда благодарна вам за этот урок, Дуэса Шин-раг, – добавила она. – Так что имейте и вы смелость принять мою благодарность.

Слова были простыми; наивными даже, пожалуй. Но лицо у Дуэсы потемнело и поскучнело, а морт вокруг неё задрожала, расплываясь розовым маревом, и повеяло душевной сладостью, как если бы из благоуханных лепестков отцветающей эрисеи сделали ядовитый дым.

– Ты юна и полна возвышенных стремлений, – произнесла Дуэса с обманчивой мягкостью. Фог напряглась, окутывая себя и Сидше морт, как доспехом. – Это выглядит прелестно, но глупо. Мне жаль даже, что я не успела позаботиться о тебе после Дабура и ты угодила в руки этим варварам... о, я бы сумела хорошо тебя воспитать; многому научить. А если бы вела себя послушно и достойно, то я бы даже позволила тебе познать некоторые маленькие женские удовольствия вместе с этим предателем и лжецом, которого ты так трогательно защищаешь... Но поздно жалеть о несбывшемся. Знаешь, что тебя ждёт, гордая дурочка? – понизила она голос. – Лишь печальная смерть и дурная

слава. Когда я покончу с тобой, то вернусь в Шимру и скажу, что ты преследовала меня, желая сразиться из-за мужчины, и что именно из-за твоей силы пробудился разрушительный огонь под озером. Я приду к Великому Ишме; он, конечно, поверит мне – он всегда меня слушает, этот одинокий испуганный мальчик. На всех площадях трижды в день будут оглашать список твоих преступлений: смута на юге, смута на севере и в довершение пламенное бедствие, кошмар, который надолго запомнят по ту и другую сторону озера Арирамар. Тебя станут проклинать; до меня же никому не будет дела. Так всё и случится.

Фогарта слушала её – и холодела. Наполовину потому, что понимала: Дуэсе вполне под силу это осуществить, она не лжёт... А наполовину потому, что в обвинениях была доля истины.

«Из-за меня Ачир отважился восстать против матери, а в конклаве произошёл раскол, – думала она, и становилось тошно. – А здесь, на севере, приняла сторону Мирры и усугубила разлад. Я хотела как лучше, но, может, лорга и прав? Я – зло...»

Невольно она вспомнила и самого лоргу, могучего старика на смертном ложе. Искажённое страданием лицо, страшный смех, прерывистый и хриплый... и слова зазвучали как наяву:

«Ты зло, да. Но есть зло большее».

И дышать отчего-то стало легче.

– Я вам... я тебе не позволю, – произнесла Фог ломким, хрустальным голосом. – Ты искажаешь и портишь всё, к чему прикасаешься; зёрна смуты и горя сеешь именно ты. Можешь оскорблять меня или Сидше, но это просто слова, у которых нет ничего общего с истиной.

– Нет ли? – улыбнулась Дуэса, чуть склонив голову к плечу. – Тогда попроси своего честного и преданного капитана ответить, что он хранит у сердца вот уже четыре... ах, почти пять дней.

Фог порывисто обернулась:

– Что?..

А Сидше, по-прежнему не поднимая взгляда, осторожно достал из-за отворота хисты отрез пурпурного шёлка, до того нежного и тонкого, что почти прозрачного. Ткань выглядела совершенно обычной – на первый взгляд, но если присмотреться...

«Как она это делает? – подумала Фог с отчаянием – но и с восхищением тоже. – Она всегда появляется незаметно, как

бесплотный, дух. Я не заметила подвоха ни в карте, ни в перстне; и Сидше я осматривала, но не почувствовала ничего!»

– Я попросила его сохранить мой подарок, если он хотел бы увидеть меня снова, – улыбнулась Дуэса, чуть сощутив прекрасные золотые глаза. – И что же? Он до сих пор не избавился от платка. Каково чувствовать себя преданной, Фогарта?

А Фог глядела на трепетание нежной ткани на ветру, в расветном сиянии точно бы пламенеющей, и никак не могла найти в себе ни злости, ни обиды.

Только печаль.

«Пожалуй, я понимаю».

Тогда, после побега из Шимры, когда чудом удалось спастись от бури, и потом, на рабском рынке в Кашиме, и в подземельях, где были заточены близнецы, – каждый раз Фог хотелось разыскать Дуэсу, заглянуть ей в лицо и спросить: «Зачем? Зачем всё это?» Но теперь смотрела – и всё понимала без слов.

– Спрашивать нужно не меня, – грустно ответила она. – А того, кто продолжал верить и надеяться, хотя его предавали снова и снова. Ты удивительная женщина, Дуэса Шин-раг: мало кто способен растоптать единственного человека, который видит в тебе божество... Раньше видел. А тебе самой каково стать разочарованием?

Фог едва успела договорить, когда одновременно случилось две вещи. Сидше выронил наконец платок и обернулся к ней, недоверчиво и с надеждой, а Дуэса оскалилась, как зверь – и ударила наотмашь, во всю мощь.

Это было как шторм в пустыне.

Морт взъярилась и нахлынула пурпурной волной, кажется, разом со всех сторон. Фог ждала этого, была готова, но всё равно в первый момент едва не захлебнулась чужой силой. Мир вокруг изменялся, плавился, перетекал из одного обличья в другое; земля обращалась густой смолой и вскипала, воздух жалил – мириад ядовитых игл, свет становился острым клинком... В какой-то момент померещилась странная золотистая вспышка там, где стоял Сидше, но слишком краткая, а потом молнии засверкали уже со всех сторон.

«Значит, так сражаются киморты по-настоящему».

Кокон морт вокруг устоял, не позволил смерти коснуться их; Фогарта сосредоточилась, направляя свою волю вовне, и начала

сминать яростную бурю, усмирять – и делать частью своей силы.

«У меня... получается?»

Она почти не поверила самой себе, когда поняла, что всё закончилось.

Их огибала, замыкая неровное кольцо, широкая полоса запёкшейся почвы, будто бы вдавленная. В воздухе стояла мелкая серая взвесь и запах горечи; за этой рыхлой пеленой Дуэса снова выглядела спокойной и прекрасной, словно и не было дикого всплеска.

– Займи девчонку на несколько минут, – сказала она холодно и слегка подтолкнула вперёд Ниаллана, всё это время простоявшего недвижимо, как каменный истукан. – Я пока довершу начатое.

Силуэт в золотых шелках размылся – и Дуэса исчезла.

Несколько очень долгих секунд Ниаллан Хан-мар просто стоял, немного наклонив кудлатую голову и странно вращая глазами. Фог настороженно наблюдала за ним, потом отважилась произнести:

– Мы на самом деле не враги, наш поединок окончен. Может, нам не стоит сейчас...

И в этот момент он наконец ударил.

На сей раз Ниаллан сражался совершенно иначе – не как тогда, в Ульменгарме, и совсем не так, как Дуэса. Его движения были скупыми, резкими, полными силы; морт он больше не расплывал вокруг, а собирал в тугие жгуты и хлестал, как плетью.

Глаза у него были совершенно безумные – налитые кровью, с дрожащими зрачками.

Фог стало страшно.

«Да он убить меня пытается!»

Ниаллан совершенно не жалел себя, истощал с каждым ударом, но вкладывал такую мощь, что воздух гудел. Пока Фог успевала парировать, но у неё не было ни мгновения, чтобы остановиться, собрать силу – и ответить... Ниаллан же всё ускорялся, входил в раж. Хлыст из морт впился в землю справа, в полушаге; другой срезал ряд деревьев, как острый серп – молодую траву.

А потом мир содрогнулся, весь, целиком, и Фог не сразу осознала, что седой мужчина перед ней ни при чём.

«Дуэса! – пронеслось в голове. – Она и впрямь пытается растревожить недра под озером... А если я не успею?»

Явственно представилась жаркая туча из пепла, камней, пламени и ядовитых газов, а ещё потоки раскалённого камня, вытекающего из-под земли, и...

С гулким звуком хлыст из морт рассёк полосу запёкшейся почвы – и вильнул, закручиваясь перед новым ударом.

– Три шага назад!

Фог повиновалась раньше даже, чем разумом осознала смысл слов. Отскочила в сторону, помогая себе морт, шарахнулась – и увидела, как в плечо Ниаллану ударяется не то мешочек, не то пузырьёк размером с орех, лопается и выпускает облако лёгкой пыли. Серебристо-розовой в утренних лучах, почти красивой...

Стоило Ниаллану её вдохнуть – и он захрипел, а затем повалился набок, расцарапывая себе горло.

И затих.

– Какая неприглядная смерть, – негромко сказал Сидше, выступая из-за сундука. И покачал головой. – Человека ещё можно было бы спасти, если быстро извлечь яд, но киморт не может исцелить самого себя... Поэтому будь всегда настороже, – добавил он и наконец посмотрел на Фогарту прямо.

У него было очень бледное лицо; он немного сутулился – но всё-таки улыбался, пусть и слабо, неуловимо, намёком.

Глаза у Фог защипало.

– Ты меня снова спас. А говоришь, что тебе нечего... что ты ничего... – Она хлюпнула носом и шагнула к нему, чтобы обнять, прижать к себе, обрести хоть мгновение покоя. – Если бы не ты, я бы давно...

Но Сидше уклонился от объятий с беззвучным смехом и отступил, прижимая ладонь к груди. Губы у него стали совершенно бескровные; он покачнулся.

– Ты бы повзрослела и без меня, так или иначе, Фогарта Сойрон, – произнёс он совсем тихо. Замер, взглядываясь в её лицо издали, улыбнулся снова. – Ты и впрямь лучшее, что случилось со мной. Я рад... рад, что встретил тебя.

Её охватила тревога.

– Ты ранен?

– Нет, – ответил Сидше с запинкой. И почти сразу исправился: – Кажется, немного. Не думай об этом, всё... всё потом. Ступай за

Дуэсой. Скверно получится, если твоё имя станут хулить на всех площадях.

Он, конечно, лгал – и почти не скрывал этого. Но землю трясло уже почти постоянно; она колебалась, точно металлическая пластина, которую уронили плашмя, и эта дрожь отзывалась в костях. Фогарте не надо было даже оборачиваться, чтобы почувствовать... *увидеть* бесцветное зарево над озером Арирамар, покоящимся в кольце холмов, точно в огромной чаше.

Времени оставалось совсем мало.

– Я им не позволю, – пообещала Фог, ощущая, как слёзы катятся по лицу. – Я пожалуюсь Сэриму, и он сложит о нас песню, его никакие глашатаи Великого Ишмы не перекричат... Ты ведь дождёшься меня здесь?

– Обязательно, – улыбнулся Сидше лукаво. – Просто отдохну пока под деревом; если станешь меня сейчас лечить, то слишком задержишься, а Дуэсе только этого и надо... Ступай. И спасибо.

Он стоял, чуть склонив голову набок и скрестив на груди руки. Его волосы, ровно подстриженные так, что они едва-едва доставали до плеч, потеряли блеск, точно покрылись слоем сажи; чёрные глаза потускнели; на скуле темнело пятно – не то пепел размазался, не то грязь, не то налился синяк; губы растрескались так, что выступила сукровица.

И всё же он был прекрасен, капитан «Штерры», облачённый в чёрные одежды.

– Я вернусь, – сказала Фог – и, развернувшись, побежала, сперва медленно, потом всё быстрее.

Её душили слёзы; казалось отчего-то, что она совершает непоправимую ошибку.

Озеро Арирамар выглядело так, словно до него рукой подать, но это было иллюзией.

Сперва Фог неслась впрыпрыжку, пока слёзы на лице не высохли, а дыхание не сбилось; затем взобралась на сундук и полетела. Внизу мелькала непрямая трава, перевитая цветами, тянулся вверх кустарник, покачивались тонкие, как прутики, верхушки деревьев... Здесь было красиво. Граница между Ишмиратом и Лоргинариумом проходила точно по озеру, и потому близ него никто не селился, разве

что в полудне пути и дальше. Говорили, что вода Арирамара, чуть кисловатая, очень полезна и едва ли не способна исцелять болезни, и торговцы охотно поддерживали это заблуждение.

Вот о чём никто и никогда не говорил, так это о том, как необычно течёт в окрестностях озера морт – бьёт из-под земли невидимыми фонтанами, рассеивается, поднимается к облакам.

– Похоже, место тут и впрямь странно, – пробормотала Фог. И хлопнула сундук ладонью по крышке. – Быстрее! Быстрее, пожалуйста!

И он летел быстрее.

Отыскать Дуэсу оказалось несложно. Она стояла за кромкой холма, на мысе, далеко вдающемся в озеро. Морт, бледно-розовая, пурпурная и золотая, бурлила вокруг неё, вытягивалась тонкими спицами – и впивалась в озёрное дно; с каждым уколом дрожь становилась всё ощутимее.

– Ты всё-таки явилась, – сказала Дуэса. Её красивое лицо покрылось испариной, на щеках и на лбу проступил некрасивый пятнистый румянец. – Ну что же, я не удивлена... Но ты опоздала. Смотри сама.

Земля сотрясалась уже почти непрерывно; на поверхности озера что-то бурлило; то там, то здесь начинал вздыбливаться холм из воды. Стало ощутимо жарче. Фог коснулась своей морт пурпурных «игл», вонзённых в дно, и проследила за тем, как они уходят на глубину – под глину и песок, через скалы, залежи мирцита и снова скалы, ниже и ниже. Там, в недрах, где не могли выжить даже чудовищные твари – кроме огромных змеев, рождающихся в пламени и умирающих там же – бурлили расплавленные породы.

«Под озером слои скал и земли тоньше, получается как будто перевёрнутая воронка, – ошеломлённо подумала Фог. – И если надавить, то расплавленные породы поднимутся по этой воронке, выбьют узкое горлышко, и... и что тогда?»

Она представила, как жидкий огонь соединяется с водой; как вздымается в вверх, заполняя всё от горизонта до горизонта, смертоносное облако: пар, пепел, камни, кипящий металл – мелкая взвесь, выжигающая всё на своём пути. Если бы оно сдвинулось к Ишмирату, то могло бы, пожалуй, достичь даже Шимры; если бы к Лоргинариуму...

«Нет, – оборвала она сама себя. – Нельзя так думать. И там, и там люди, куда бы облако ни направилось – оно принесёт погибель. Значит, надо не допустить этого».

– У тебя не получится, – сказала Дуэса, точно угадав её мысли. – Думаешь, я тебе позволю?

...на сей раз Фогарта была готова.

Пурпурно-розовая морт вскипела вокруг, обращая сам воздух в сладкий яд, воспламеняя землю. Но тут же навстречу ей взметнулась другая волна – словно алые пески в сердце Земли злых чудес, словно мириады звёзд в ночном небе над недремлющими оазисами, словно бесконечное зелёное море лесов на севере, словно воды Рукава Мира, отделяющего Ишмират от пустынь, словно лепестки чийны на весеннем ветру. Всё, что Фог видела в долгих странствиях, всю ошеломляющую красоту мира она вложила в свой ответ.

И пламя унималось, а на выжженной земле выростала трава и цветы, а воздух наполнялся благоуханием.

Облако морт вокруг Дуэсы сжалось; а тёмные иглы, вонзённые в озёрное дно, задрожали – и начали ломаться, одна за другой, то её красивое лицо исказилось.

– Думаешь, сила решает всё? – крикнула она; у виска билась синеватая жилка, а на коже выступила испарина. – Ты, которой всё и всегда давалось легко... Как ты вообще можешь понять!

Рубеж столкновения двух потоков морт снова сдвинулся – на сей раз к Фог.

«Это мне-то всё давалось легко? – с лёгким удивлением, без обиды даже подумала она. Вспомнились бесконечные бессонные ночи за учением, долгие-долгие попытки повторить то, что у учителя выходило легко и естественно; вспомнилось самое начало путешествия, когда даже настроить поисковый маятник не выходило; и крыша маленького дома в Шимре, случайно перекрашенная тысячу раз... и люди в Дабуре, которых не получалось исцелить, потому что было слишком поздно. – Мне?»

– Неправда, – только и сумела ответить она, но короткое слово, кажется, только ещё больше разъярило Дуэсу.

– Тебе достался лучший наставник! А мне – пьяница и лентяйка, которая требовала ей прислуживать! – процедила она сквозь зубы; губительная морт продвинулась дальше, сминая защиту Фог. – Я,

принцесса по крови, подносила вино её гостям и подметала двор! Пока все восхищались твоим невинным глупым лицом, мне приходилось хитрить, чтобы получать то, что я хочу!

Фог не выдержала и тоже сорвалась на крик:

– Ты хочешь только мучить других! Даже тех, кто любит тебя и верит тебе!

– Снова о своём драгоценном капитане? – Дуэса растянула губы в улыбке, но взгляд у неё стал колючим и злым. – Мне даже захотелось взглянуть на твоё лицо в тот момент, когда ты вернёшься и найдёшь его мёртвым.

– ...что?

Сердце пропустило удар; гул, треск, грохот вокруг – всё стихло, точно звуки вымарали из мира, все, кроме голоса Дуэсы, которая говорила невозможное, невероятное, бессмысленное.

– Сидше мёртв, – повторила она, медленно, внятно, словно наслаждаясь этим. – Зря он не выбросил платок немедленно, потому что в назначенный миг шёлк стал ядом, разъедающим живую плоть. Неторопливо. Мучительно, – оскалила она зубы. – Пока кожа не вспучится и не сойдёт, а мышцы не истлеют, обнажая кости – и лишь тогда, добравшись до самого сердца, морт развеется... Она развеялась только что, я чувствую это. Даже если ты победишь, то вернёшься к мертвецу.

Сознание затуманилось, отказываясь принимать смысл слов. Фог рухнула на колени; в горле стоял комок, и невозможно было дышать. Дуэса расхохоталась – легко, счастливо, звонко, а морт прыснула во все стороны разом – розовыми змейками, пурпурным туманом.

– Этого не может быть, – почти беззвучно выдохнула Фог.

Было изнурительно жарко, но её бил озноб.

– О, может, моя девочка, может, – откликнулась Дуэса. И – простёрла руки. – И смотри! Здесь ты опоздала тоже! Смотри внимательно – это твой конец!

В центре озера вздыбился огромный горб, задрался выше, выше... и с невероятным грохотом разодрался, как нарыв, и в небо ударил поток пара, пепла, огня и камней.

«Вот и всё, – подумала Фог. И потом подумала также: – Но даже если мёртвых не вернуть, то можно спасти тех, кто ещё жив».

Она думала о мальчике-киморте, который провалился в разлом, но уцелел. О Зите, которая взялась воспитывать его, как раньше с нежностью и любовью воспитывала чужих сыновей, как своего собственного.

Об Эсхейд, потерявшей дочь, но не лишившейся милосердия.

Об Онор, которая дала сильное, красивое имя ребёнку, причинившему ей боль своим появлением на свет.

О Сэриме, который видел и пережил так много, что не уместить ни в одну песню. Об учителе, странствующем ныне где-то на юге; о наместнике Мирре и его смешливых всадниках; об Иалламе, который обрёл ясную цель.

О тех, чьи имена она даже не знала, но запомнила их взгляды и улыбки.

...о Сидше, который солгал, что дождётся её, зная, что это не так.

«В мире так много любви, – подумала Фог. – Даже странно, что вся она помещается в нас».

Она закрыла глаза – и призвала морт.

Так много, как сумела.

Сперва откликнулась та сила, которая была поблизости; затем та, что свободно струилась вокруг озера. Фог потянулась дальше – к небу, к недрам земли, к незримым вихрям, что бушевали внутри смертоносного раскалённого облака.

«Пожалуйста, – думала она, обращаясь к миру. – Будь целым и невредимым».

В какой-то момент показалось, что вот предел сил, порог, который не переступить. В груди болело; дышать было трудно; кровь кипела в жилах...

«...ещё немного. Пожалуйста...»

И словно бы прорвался заслон – и Фогарта наконец, впервые за всю жизнь, вдохнула полной грудью.

«Эта сила всегда была рядом, – поняла она, чувствуя, как дрожат на ресницах слёзы, так же ясно, как ощущала каждую раскалённую песчинку в облаке, стремительно расползающемся над озером. И бурлящий огонь в глубине; и безмятежное, ледяное спокойствие там, высоко-высоко. – Почему же я не замечала её?»

Морт пронизывала всё и всех – как жизнь... нет, как нечто большее, чем сама жизнь.

Суть и смысл всего.

...и она была чуткой к чужой воле – и к ясному стремлению.

– Вот что значит, оказывается, быть кимортом, – пробормотала Фог – и открыла глаза.

Всё словно замедлилось – а затем остановилось, замирая в моменте.

«А ведь это делаю я, – отчётливо осознала Фог. – Это моя воля направляет морт».

Глаза у Дуэсы широко распахнулись – тонкие золотые ободки вокруг огромных чёрных зрачков; волосы стремительно белели, а лицо иссыхало и трескалось, как тонкий глиняный черепок.

– Я поняла, – произнесла вдруг она с удивительным, светлым спокойствием. И улыбнулась. – Я поняла, почему он выбрал тебя. Я вижу это так ясно!

«Ты ошибаешься, – хотела ответить Фогарта. – Это всё ни при чём».

Но тут Дуэса вскрикнула, странно изогнувшись, и вспыхнула как сухая тростинка у костра.

Фог осталась одна – в безвременье, посреди бескрайнего океана морт.

Она запрокинула голову к небу, скрытому за серой пеленой в огненных проблесках, и отпустила свою волю вовне, наполняя морт одним-единственным стремлением:

«Пусть всё станет как прежде».

Губительное, пышущее невыносимым жаром облако дрогнуло – и принялось вдруг раскручиваться в обратную сторону, сжиматься, поначалу медленно и неохотно, а затем быстрее, стремительнее. Обвалившиеся в долину скалы с грохотом взгромоздились обратно и вросли на прежнее место. Полоса обугленной до камней земли отступала дальше, дальше, пока не уткнулась в кромку воды, а там, где было пепелище, проросла трава и нежные, мелкие белые цветы с пряным запахом. Поверхность озера выгнулась, а затем расправилась, безмятежная и ровная; ил осел на дно. Вода, чистая и прозрачная, отражала лишь ясное, высокое небо.

Обессиленная, Фог опустилась на землю – а потом вытянулась на берегу, на траве; перекатилась на бок, подтянула колени к подбородку

и крепко-крепко зажмурилась. Но слёзы всё равно просачивались, текли по щекам, горячие, солёные. Рыдания душили её. Вся тяжесть потери словно бы навалилась разом – вместе с осознанием, что это взаправду...

...что есть вещи, которые не исправить даже всей морт этого мира.

– Я должна вернуться, – пробормотала Фог, вытирая лицо рукавом хисты. Прерывисто вздохнула, сжалась в комок. – Я должна. Надо что-то сделать, даже если уже поздно, похоронить его или... – Она не сумела договорить.

Вообразать Сидше мёртвым было нестерпимо больно.

Усилием воли Фог заставила себя выпрямиться и расслабить тело; некоторое время она лежала, бездумно разглядывая узор пёрышек облаков на призрачной лазури небосвода, а затем поднялась, оперлась на изрядно опалённый сундук – и принялась медленно спускаться в долину.

*Алаойш Та-ци, озеро Арирамар, граница Лоргинариума и
Ишмирата*

Что Алаойш усвоил за долгую жизнь крепко, так это простую истину: своевременность – неперемнная составляющая любого чуда.

А ещё – несомненная добродетель.

Беглую ученицу он нагнал уже у самого озера, незадолго до рассвета. Ещё издали увидел дирижабль – и обрадовался, что успевает... но тут же крепко выругался, когда тёмное небо озарила яркая вспышка. Даже издали было очевидно, что дело не в неисправности, не в неотлаженном механизме, а виноват злой умысел. Сперва стало не по себе: а ну как Фог застали врасплох и она не сумела себя защитить? Алаойш сдвинул окулюс со лба на переносицу, подкрутил колёсики, настраивая прибор, и с облегчением разглядел среди дыма и огня плотное скопление морт. Оно качнулось из стороны в сторону, а затем нырнуло вниз; зависло над верхушками деревьев, покружило по округе – и опустилось к земле.

– Жива, – выдохнул он с облегчением. И – заметил, как от озера скачками движется другое облако морт, оставляя длинный хвост

розового тумана. – Ну, этого ещё не хватало! Ты откуда взялась-то? И куда тебя несёт, сидела бы и дальше во дворце, пела бы ишме в ухо – и ему спокойней, и ты при деле, вредить некогда. А, вот же...

Поспешно сунув окулюс в сумку, чтоб не мешался, Алаойш прищипорил доску. Голова немного кружилась от недосыпа, но сознание оставалось ясным; он был готов к битве, как никогда...

...но совершенно не готов к тому, что к ней опоздает.

На несколько минут потоки морт над поляной, куда опустилась Фог и куда устремилась потом Дуэса, словно бы взбесились. Потом наступило краткое затишье, и следом – новая вспышка, такая яростная, что часть деревьев по направлению удара полегла, как трава от ветра. Алаойш ещё прибавил ходу, но когда добрался до поляны, то не обнаружил там никого живого, только следы недавней ожесточённой схватки. Ближе к краю поляны лежал мертвец, седой мужчина с чудовищно перекошенным лицом – настолько, что с трудом удалось признать в нём киморта из цеха в Шимре, достопочтенного Ниаллама Хан-мара. Он происходил из семьи начальника дворцовой охраны и был приближен к самому ишме – не нынешнему, правда, а его прадеду, чьим товарищем по детским играм он стал волею случая.

А молодой ишма его не жаловал; да и сам Ниаллам, точно чувствуя, что ему при дворе не рады, проводил много времени на юге, в пустыне, возвращаясь в цех лишь изредка.

Алаойш помнил его совсем юным – мальчишкой, ещё учеником, который впервые примерил багряные церемониальные одежды придворного, чтобы вместе с наставницей побывать на торжественном пиршестве в честь восхождения очередного правителя на престол. Правитель вскоре состарился и умер. А мальчишка-киморт – повзрослел, а потом и поседел до срока, не рассчитав силы и надорвавшись, когда пришлось спасти город от паводка...

– Кто бы мог подумать, что такой, как ты, сойдётся с Дуэсой, – пробормотал Алаойш, присаживаясь на корточки рядом с трупом. – Ну и помотало тебя... И перенапряжение, и морт-истощение. Ох, ещё и бодрящего дурмана принял, уж не знаю, по своей ли воле... А отчего помер? Интересно, не встречал такой отравы... Что ж, печальная жизнь и нелепый конец – урок всякому, кто это видел.

Он собирался было уже отправиться дальше, к озеру, чтобы догнать Фог, ускользнувшую в очередной раз у него из-под носа, когда

заметил на окраине леса, под большим деревом, живого человека.

Знакомого – хотя узнать его сейчас было нелегко.

– Сидше Джай-рон, – вспомнил Алаойш имя. И улыбнулся дружелюбно. – Скверно выглядишь.

Капитан поднял на него помутневший взгляд. Некогда прекрасное лицо заострилось; кожа посерела и облепила череп. На груди и на животе проступало на чёрной плотной ткани пятно, от которого несло одновременно и кислым, и палёным, и затхлым. Он был тяжело ранен, причём кимортом, и злая, тлетворная морт даже сейчас продолжала разъедать его плоть. Алаойш, конечно, тотчас же опознал бледно-розовую, обманчиво безобидную дымку и понял, чьих рук это дело.

«Дуэса».

– Ты, – выдохнул Сидше, и веки у него дрогнули. – Хорошо... Как хорошо. Ступай за Фог. Спаси её. Она... она будет счастлива, она ведь тебя... – Он прерывисто втянул воздух и замер, стараясь не шевелиться: очевидно, что каждое лишнее движение, каждое слово причиняло ему боль.

«Сколько ему, лет сорок? А выглядит едва на тридцать... Юнец, жить и жить ещё».

– Не пойду, – ответил Алаойш вслух и присел рядом с ним на корточки. С удовольствием отметил, как капитан широко распахнул глаза – недоверчиво, удивлённо. – Фогарта и сама справится, она умная девочка, а сил ей хватит на дюжину таких, как Дуэса Шин-раг. И если кого здесь спасать и надо, так это тебя, дружок.

Сидше хотел, кажется, возразить, но не сумел. Стоило ему двинуться, как боль стала нестерпимой. Он длинно, свистяще выдохнул, дёрнулся – и у него закатились глаза.

– Ну, главное, что жив, – философски пожал плечами Алаойш – и осторожно потянул за краешек розоватого облачка морт, распуская его, как как тонкое рыхлое кружево.

Облачко развеялось – а вместе с ним и губительное стремление, вложенное в него.

Сидше затих и стал дышать чуть ровнее. Алаойш, предчувствуя, что работы много, снова достал окулюс, настроил его для работы теперь уже не с далёкими, а с мелкими предметами – и приступил к делу.

По правде говоря, больше всего это напоминало штопку.

– Как хорошо, что Дуэса любит помучить людей, – бормотал он себе под нос, аккуратно восстанавливая повреждённые рёбра и плоть, наращивая медленно кожу. – Чуть меньше драмы, чуть больше расчётливости – и мы бы тут с тобой не поговорили. Интересно даже, чем ты так провинился, что заслужил такую пытку... Впрочем, известно чем: остался собой, в то время как она хотела из тебя вытесать удобного болванчика, вроде того, что вон там, у пня лежит. Ты его прикончил, кстати?

Сидше слабо пошевелился и моргнул. Он по-прежнему был смертельно бледен, но мутная пелена на глазах исчезла; подумав, Алаойш мазанул ему пальцем по губам, подлечивая трещинки:

«Так говорить сподручнее – да и Фог будет целовать приятнее, когда она вернётся».

Его немного беспокоило, что земля продолжала сотрясаться, да и над озером вдали собрались тучи; но пока дальше этого дело не заходило.

– Она... она бы его не убила, – произнёс вдруг Сидше, и Алаойш вздрогнул, не сразу сообразив, что это не прямой ответ на вопрос, заданный чуть раньше. – Фогарта. Ей ни к чему пачкать руки, а я всё равно... Зачем ты меня спас?

Алаойш проверил напоследок, что рана более или менее затянулась, и, стащив окулюс, устало сел рядом, бок о бок, у дерева, привалившись к Сидше плечом.

«Спать-то как хочется... Загоняла меня ученица».

– Зачем, зачем, – ворчливо откликнулся он. – Затем, чтоб Фог не плакала, когда вернётся. Хотя она всё равно станет рыдать, не от горя – так от радости. Скажи мне лучше, зачем ты-то сам хотел умереть? Я ведь видел тебя в Ульменгарме, на базаре, у наших телег; ни за что не поверю, что такой, как ты, устанет от жизни.

Сидше опустил взгляд:

– Так было бы лучше для всех. Я ведь никто; у меня ни мечты, ни цели.

«Ни дирижабля, – подумал Алаойш, разглядывая его искоса. – Тяжело, наверное, капитану остаться без корабля... Ну да это дело поправимое».

Ему пришла в голову неплохая мысль, но сперва стоило дождаться Фогарту.

– А быть никем не так уж плохо, поверь мне, – вслух произнёс он и улыбнулся. – Уж я-то знаю, мне случалось всё терять, и самого себя тоже. «Никто» – это начало пути, быть никем – значит, иметь возможность стать кем угодно. По живому-то резать сложнее, и меняться сложно тоже... Последние годы я, признаюсь, сам был не свой: всё думал, что незачем браться за что-то, если всё равно вскоре это оставлю. Да и любить, по всему выходило, тоже незачем. Вот только оказалось, что всё не зря и зёрна, посеянные тогда, сейчас дали урожай.

– Фог достойна быть с тем, кто ей ровня, – упрямо повторил Сидше, отворачиваясь.

«Вот ведь упрямец... Это хорошо».

– Я, значит, ей ровня? – спросил Алаойш с той интонацией, услышав которую его ученица тотчас бы сообразила, что пахнет горелым и пора прятаться – к примеру, у Дёрана за плечом. – И мы с тобой, значит, не ровня тоже. Ну что же, справедливо, – усмехнулся он – и, поднявшись, вздёрнул Сидше на ноги. – Гляди-ка, и впрямь я выше, почти на голову: ты мне только до носа и достаёшь. А вот так?

И, покуда Сидше не опомнился, он подхватил его под мышки – и приподнял над землёй.

Трагическое выражение на красивом лице тут же превратилось в глупое; капитан задёргал ногами, пытаясь вывернуться, но куда там! Его крепко держали не только чужие руки, но и морт.

– Смирненно спрашиваю, о спаситель мой: не повредился ли ты умом в долгих странствиях? – кротко он наконец, успокоившись наконец. Алаойш, посмеиваясь, отпустил его. – Светлоокая госпожа тоже порой не чужда сумасбродству, но я и думать не смел, что она этого набралась от собственного... – Он осёкся, а затем скрестил руки на груди, пряча кисти в рукавах, и отвернулся.

Ему явно было неловко – и из-за вспышки, и из-за того, что он наговорил раньше.

И всё-таки он теперь улыбался.

– Вот запомни это чувство, – посоветовал Алаойш, продолжая посмеиваться. – Поменьше серьёзности. Как кьярчи говорят, Аю-Насмешник кислые рожи не чувствует, да и лукавство идёт тебе куда больше возвышенной печали. Оставь-ка её лучше поэтам. И ещё. Никогда не решай за другого человека, кого он любит и с кем хочет

быть... Ну, а теперь, пожалуй, можно и Фогарту догонять, а то что-то больно долго она возится с Дуэсой.

Едва он договорил, как землю трянуло особенно сильно – а потом раздался оглушительный грохот, точно гром грянул стократно, и над озером вырос столб не то дыма, не то тумана – и начал стремительно разрастаться в стороны.

– Вот это плохо, – сощурился Алаойш, вглядываясь в потоки морт. – Очень плохо... поспешим-ка.

А дальше всё менялось так быстро, что даже острый разум киморта не успевал это отмечать.

Сила над озером спустилась в одной точке – и к ней, точно к источнику притяжения, устремилась вся морт, растворённая вокруг в воздухе, в земле, в небе и в недрах. Алаойш едва успел окружить себя и Сидше плотным коконом, вложив ясное стремление – защищать, а иначе и он остался бы совершенно беспомощным. Облако пара и пепла, вырвавшееся из глубин, прекратило разрастаться и замерло... а зачем начало втягиваться обратно.

Погода тоже менялась стремительно.

Пролетели тучи, ливанул дождь – точно кадушка опрокинулась, потом снова вдруг стало солнце, да такое яркое и жаркое, что оно слепило глаза. Цветы и трава тронулись в рост; несколько ригм на опушке встряхнулись, как живые, и плоды на верхних ветках налились, зарумянились...

– Вот это Фог разошлась, – качнул Алаойш головой, не зная, смеяться или плакать. – Завтра будет как с похмелья... Ну что, капитан? Не напугала тебя твоя возлюбленная?

Сидше ничего не ответил, но глаза у него вспыхнули, а на скулах появился румянец.

«Нравится, значит».

Вскоре, впрочем, необычайные явления прекратились, даже ветер утих. Было ещё раннее утро; солнце подсвечивало вершины деревьев, прогревало воздух, и он наполнялся тем особым благоуханием, которое свойственно середине лета, когда ещё хватает цветов, но зреют уже первые плоды. Алаойш предложил не спешить Фог навстречу, а подождать её здесь, чтоб не разминуться по пути.

И не ошибся.

Не прошло и получаса, как она показалась над кромкой леса – понурая, усталая. Сундук летел, вихляя, точно откликался на её настроение. С мрачным отчаянием Фог оглядела поляну... и увидела тех, кого никак не ожидала здесь найти.

– Сидше, – выдохнула она. Спрыгнула сундука, покачнувшись, едва не свалившись, сделала несколько шагов на заплетающихся ногах. По щекам у неё градом катились слёзы; нос покраснел и опух, рыжие волосы топорщились во все стороны, а бирюзовая хиста была сплошь в подпалинах. – У-у-учитель... Я там случайно убила Дуэсу... и починила озеро!

Сказала – и осеклась; видно, подумала, что учитель нынче не тот, чужой человек – не помнит её.

«Много же боли я ей причинил».

– Здравствуй, Фог, – произнёс Алаойш – и ласково улыбнулся, точь-в-точь, как в Шимре, в другой жизни, когда всё было гораздо проще и в то же время сложнее. – Давно не виделись. Смотрю, потрудились ты немало. И озеро починила, да... Осталось починить ещё кое-что. Поможешь мне?

Она недоверчиво вскинулась – и просияла разом, как солнце. Подскочила, схватила его за руку, ощупала грудь, вытащила из-за пазухи камень памяти – и глянула снизу вверх, потешно заламывая брови:

– Ты... ты вспомнил меня, да?

– Да, – ответил Алаойш просто. И – не удержался, провёл ей ладонью по непослушным волосам, которые сейчас и без краски из листьев клиппы были рыжими-рыжими и завивались кольцами. – Так поможешь?

Она, как зачарованная, кивнула.

Алаойш взял её за руку и отвёл чуть в сторону; подмигнул через плечо Сидше – мол, смотри – и затем шепнул ей:

– Я начну, а ты подхватишь. Идёт?

Фог напряжённо закивала снова, всё ещё не понимая.

...самым трудным было дотянуться до всех обломков. Их оказалось великое множество, и рассеяны они были повсюду. Многие части сторели или разрушились безвозвратно, однако память хранила образ, материала вокруг было в достатке – и сил тоже.

А значит – не могло не получиться.

Когда обломки взмыли над лесом и закружились, словно мотыльки, Фог догадалась. Нахмурилась потешно, вытянула зачем-то обе руки, понукая морт... Вместе с ней работалось легче. Играючи, как детскую головоломку, Алаойш собрал каркас, затем одел его и наполнил.

Сидше глядел в небо, как замороженный, и лицо у него было такое, словно на его глазах вершилось таинство.

Рождалось чудо.

Баллон, обшитый тонкими листами металла; гондола снежно-белая – ни пятнышка, ни потёртости, ни даже царапинки на трапе; матово-серебристые лопасти... Нелегко было восстановить сердце дирижабля – двигатель, но с этим справилась Фогарта, легко, словно не раз и не два перебирала его и успела запечатлеть в своей памяти во всех деталях. А дальше было проще. Сила хлынула по проводящим серебряным жилам, опутывающим и баллон, и гондолу, и рулевой механизм, и лопасти, и выпуклые линзы навигаторов... Морт скапливалась в мирцитовых капсулах и таинственно мерцала там – и казалось, что весь корабль дышит.

Как живой.

– Дирижабль – несложный механизм, – усмехнулся Алаойш, оборачиваясь, когда дело было сделано. – Читайте, что это мой подарок. Вам обоим... Ну, ступай. Что замерла?

Оглянувшись на учителя, Фог сделала один несмелый шаг, другой – и бросилась Сидше на шею. Закружила его, стиснула в объятиях – и, привстав на цыпочки, жарко поцеловала. Одна её рука покоилась у него на лопатках; другая – чуть пониже спины.

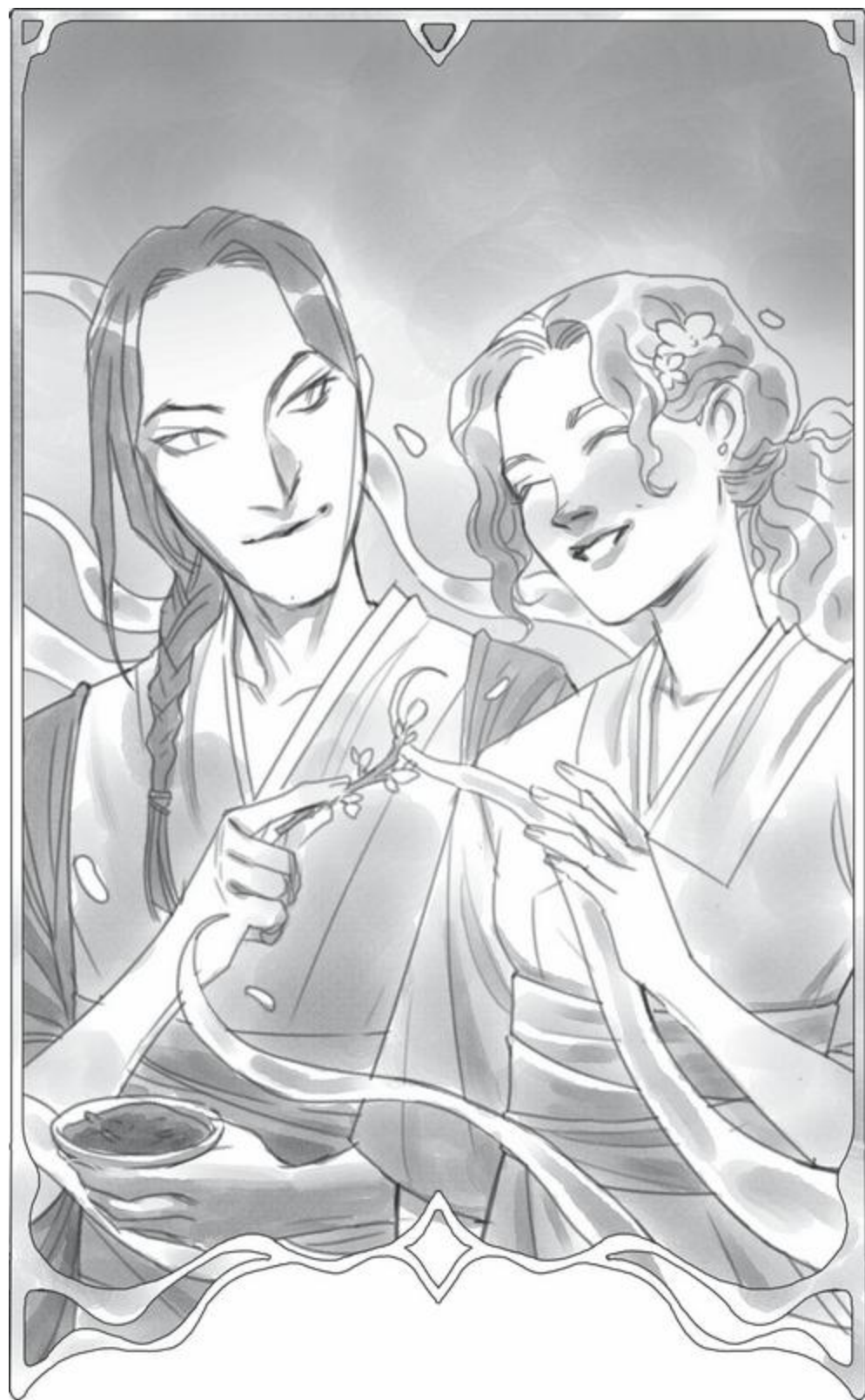
– Я никогда, никогда тебя не оставлю, слышишь, я люблю тебя...

– Я всегда буду с тобой, моё счастье, дева-солнце, мой свет...

Когда признания перешли в тихие стоны, Алаойш деликатно отвернулся и принялся рассматривать пейзаж. Благо озеро Арирамар было очень живописно – лежало на холмах, словно камешек на детских ладонях, зеркально-гладкое, синее-синее.

Дул лёгкий ветер; солнце просвечивало сквозь макушки деревьев; царила ещё утренняя прохлада, но день обещал стать жарким и долгим, как это водится в середине лета. О бедствии, которое угасло, так и не развернувшись во всю мощь, напоминал разве что лёгкий запах гари.

Буря миновала.
Осталось только эхо.

Эпилог

Шимра славится гостеприимством.

Купцы на базаре нередко добавляют к покупке цветную ленту, или маленький отрез ткани на платок, или затейливую кожаную подвеску для хисты, или бусину, или пряник, или спелую ригму – ведь довольный приобретатель непременно вернётся в лавку щедрого хозяина. Хозяева дворцов и особняков по большим праздникам выставляют в своих садах длинные столы, где любой бедняк, странник да и просто голодный путник может отведать несложные яства или осушить чашу подслащённой воды... Что и говорить, и сам Великий Ишма не упускает случая похвастаться тем, как богата и обильна его земля, и приказывает время от времени раздавать еду и вино на улицах столицы, чтобы каждый угостившийся мог восславить его и подивиться его великодушию.

Много здесь есть хлебосольных домов, а всё же второго такого нет.

Этот дом невелик, да и прячется он вдали от богатых кварталов – на тихой улице среди одичалых садов, где чийны с гибкими ветвями и старые кряжистые эрисеи встречаются чаще плодовых деревьев. Крыша у него цвета бирюзы, а стены бледно-лиловые, окна и карнизы расписаны серебром – ни дать ни взять шкатулка с драгоценностями. На заднем дворе, поодаль, высится причальная мачта, а над ней парит дирижабль – снежно-белая гондола, сверкающий баллон и золотистая дымка морт вокруг, невидная взору простого человека.

Сэриму это зрелище кажется очень красивым.

– Сколько ж лет я сюда не заглядывал? – размышляет он вслух, прислонившись к старой ригме. Чешет в затылке, прикидывая; закатывает глаза в задумчивости. – Года, пожалуй, три. Вот и славно; зато рассказов-то накопилось!

Из дома вдруг доносится смех – и следом перебор семиструнки. Красная ящерка, услышав эти звуки, заинтересованно выглядывает из-под ворота рубахи, вертит головой.

– Вот и гости уже собрались, никак я последний, – ворчит Сэрим. – Будто и подождать не могли немного... Небось, и столы уже

пустые!

Когда он поднимается по ступеням, то сундук, прячущийся в тени у порога, приветственно щёлкает крышкой – глядишь, ещё немного и завиляет хвостом... если б хвост у него, конечно, был. Сэрим перегибается через перила, треплет сундук по крышке и идёт дальше, старательно сгоняя улыбку с лица.

– Подумают ещё, – бурчит он, – что я очень радуюсь, нехорошо.

Дом и впрямь полон гостей, а столы пусты – но не потому, что Сэрим опоздал, напротив, кушанья ещё только выносят из кладовых. Точнее, часть блюд вылетает сама – из погреба, из крохотной кухни с жарко растопленным очагом, и Фогарта, хозяйка дома, направляет их своей морт. Рыжие волосы безжалостно стянуты на затылке лентой; лиловая хиста – по-мужски короткая, с рукавами до локтя, а из-под неё торчит серебристая нижняя рубаха с узкими рукавами и красной вышивкой на северный манер, заправленная в коричневые штаны-шаровары, какие носят в пустыне.

Всё вразнобой, но, как думает Сэрим, именно это Фог и идёт.

Тут же и капитан «Штерры», пришвартованной за домом, Сидше – бережно отмеряет чай, добавляя в него ароматные сухие цветы. Волосы его за три года доросли до лопаток; он заплетает их в косицу, перевивая пурпурным шнуром. Одежды по покрою точь-в-точь, как и раньше – другое капитану носить несподручно, однако теперь они алые, как зимний закат.

Алаойш разворачивает гостинцы – вяленое мясо, лесные ягоды, пряники, а рядом с ним на столешнице красуется большая бутылка золотого раймового вина; вторую такую же бутылку на просвет рассматривает Тайра. Судя по тому, что и он, и Тайра одеты, как бродяги-кьярчи, а в углу висят накидки с меховой оторочкой, эти двое только-только вернулись из дальнего странствия – как бы не к самым Белым горам.

Рейна всего за три года доросла учителю до плеча – скоро, глядишь, догонит ростом саму Белую Эсхейд. К поясу у девочки приторочен кнут; густые волосы заплетены в две косы до пояса, а на голове неувядающий цветочный венец. Рейна аккуратно выкладывает на блюде крохотные сладости, по кругу, одно к другому – всё с помощью морт; Мэв, её подруга, которая теперь на целую голову

ниже, украшает цветами огромную запечённую рыбу на блюде посередине стола.

Бездельничает только Дёран; откинув длинные волосы назад, он лениво перебирает струны, поглядывает по сторонам, наблюдая за всеми, – и, конечно, первым замечает припозднившегося гостя.

– Друг Сэрим, – говорит он, улыбаясь так, словно вот-вот скажет гадость. – А я думал, что мы тебя уже не дождёмся. Или дождёмся тогда, когда молодые супруги станут уже немолодыми.

Фогарта на слове «супруги» краснеет до ушей и едва не роняет очередное блюдо, выплывающее из подпола; Сидше молчит, но уголки губ у него подрагивают, словно он силится сохранить серьёзное выражение.

– Да как же я мог не прийти, друг Дёран? – вопрошает Сэрим, округлив глаза. – Как же молодые супруги – да без моих любовных советов?

– Твоих-то? – притворно удивляется Дёран и трогает самую тонкую струну; она отзывается потешным дребезжанием. – С чего бы? В любви ты не разбираешься, только ворчишь, как старый дед.

Сэрим оскорбляется притворно, всплёскивает руками:

– Я-то? Да я во всём хорош, за что ни возьмусь! И в советах, и, кхм-кхм, в постели!

– Сложи об этом песню, – советует Дёран кротко.

Сказать по правде, Сэриму хочется за это его поколотить, даром что старый друг.

За перепалкой становится весело, шумно, живо; стол начинают накрывать вдвое быстрее. Наконец, когда все расселись и утолили первый голод, приходит время обмениваться новостями, и тут-то Сэрим никак не может ударить в грязь лицом.

– На севере, – говорит он важно, – всё мирно. Кимень-гору, правда, изредка потряхивает, но там за ней следят. Телор говорит, что нового раскола не будет, а я ему верю... А главная весть, знаете, какая? Наместник востока, Кальв-Оглобля, жену себе нашёл. Ну, он-то сам, как помните, во. – И Сэрим машет рукой где-то у себя над макушкой. – А жена у него – во. – Он опускает руку к самому полу. – И, представьте, ещё большая зануда, чем он!

Сэрим рассказывает о школе, которую всё-таки обустроил на севере Телор; о том, как верный его соратник, Киар Ар-ишим,

договорился, чтоб кое-кто из цеха в Шимре приехал им помочь; о том, как Иллейд – способность управлять морт так и не вернулась к ней в полной мере – вступила в дружину матери. Зита, вдова прежнего лорги, сперва осталась с сыном, а затем тоже отправилась в Белую Хродду и там, при школе, помогает присматривать за детьми.

Новый лорга, Мирра, пользуется почётом; находят время от времени люди, которые бросают ему вызов, но никто пока и двух минут против него на поле боя не продержался. Недавно он побывал на свадьбе у брата, однако сам обзаводиться женой не спешит, а тех воевод, которые уж слишком настойчиво сватают ему своих дочерей или внучек, сам вызывает на поединок и гоняет по полю до тех пор, пока они не запросят пощады.

– Правда, – усмехается Сэрим, – Мирра от этих брачных предложений так уже устал, что недавно начал всех просителей сперва посылать к своему советнику. Ну, рыжему тому, Иалламу-южанину. Тот, прямо скажем, не рад, но что поделывать? Государево слово – закон... А как на юге дела?

Дёран, услышав вопрос, отодвигает от себя блюдо и подтягивает поближе семиструнку – привык рассказывать истории под перебор струн.

– На юге всё мирно, – говорит он с улыбкой. – Война утихла; даже те города, что поначалу не смирились с победой храма и отказались освободить рабов, ныне постепенно сдаются и принимают новые законы. Сама Вещая Унна их не торопит, понимает, что одно дело – написать закон и совсем другое – изменить уклад. Но есть у неё верные союзники! Вот, к примеру, рагди Ачир из Кашима, города, который из притона работорговцев медленно, но верно, становится городом ремесленников... Но больше всего помогает Унне то, что ходят в народе слухи: мол, к тем городам, где рабства нынче нет, возвращается вода! И правда ведь. Кашим-то нынче зелёный, чисто сад, а мимо – не поверите – протекает река. Храм говорит, что это сами Ветра явили такое чудо... – добавляет он, скромно опуская взгляд, и улыбается лукаво. – Но не мне, простому страннику, об этом судить.

Сэрим не может удержаться и фыркает: он-то, хоть и пропадает теперь всё время на севере, знает прекрасно, отчего его старинный друг Дёран все три года не покидает пустыню и бродит от оазиса к оазису.

Сам Дёран, конечно, не сознается ни за что.

Потом говорят о многом, о разном. О том, что Рейна делает успехи в учении и собирается на год-другой пойти в дружину под началом Эсхейд – отточить навыки, защищая с другими кимортами перевалы Белых гор. О том, что на дальнем-дальнем юге, туда, куда даже караваны исследователей не добираются, стали видеть странных чудовищ – каждое размером с дворец ишмы. О том, что злые бури и губительные вихри на западе в последний год стали немного потише, и в ясные дни видно иногда у горизонта дивные сверкающие башни...

– Вот туда бы я отправился, – говорит неожиданно Алаойш. Отпивает из чаши золотое вино, щурится довольно – чисто змей, хитрый и терпеливый. – Уж больно интересно, что там, за пределом изведанных земель. Вот только Рейну обучу до конца. И придумаю, что Кимень-горой и озером Арирамар делать, чтоб трясло пореже... Ну да в цехе обещали помочь. Если соберусь на запад, поедешь со мной? – спрашивает он, оборачиваясь.

– Поеду, – соглашается Тайра легко; глаза у неё счастливые. – Брата вот только оженю, а то что-то он, дурень, оробел, третий год возлюбленную обхаживает, а признаться никак не решится... А ты что делать станешь? – оборачивается она к Фогарте. – Не скучно тебе здесь после долгих странствий? Я-то сама, признаюсь, подолгу под крышей ночевать не могу...

Фогарта улыбается; на щеках у неё ямочки, нос – в конопушках.

На взгляд Сэрима – редкая красавица.

– Да пока не скучно, – отвечает она. – Думаю, ещё год-другой проживу здесь точно, как раз книгу допишу. Знаешь какую? «О садхамах, о чудесах и о природе людей». Только я вот всё пишу, а она не кончается и не кончается, – добавляет она виновато. Сидше смеётся беззвучно, обнимает её за талию и целует в висок. – А потом... Кто знает? Мир велик – и открыт на все стороны.

Сэрим важно кивает – и поднимает чашу, соглашаясь. Уж с этим он спорить не станет: мир и вправду велик.

И полон чудес.

Приложение

А́йка – кисло-сладкая крупная ягода конической формы, растёт на кустарнике.

А́нцу – гора на юге Ишмирата, огромный потухший вулкан. Извержение Анцу разрушило три огромных города, и лишь четвёртый, Ли-Анцу, устоял, потому что был укрыт семерыми братьями-кимортами.

Арафи́ – всадники пустыни, объезжающие особую породу ящеров-тхаргов. Арафи считаются потомками царских родов. Все прочие люди, кроме кимортов и ныне царствующих семей, должны склонять голову при встрече с ними, иначе всадник имеет право отсечь непокорную голову.

Аргáст – колючий вьюнок, ягоды съедобны, но сильно горчат и красят язык синим.

Арирамáр – очень глубокое, идеально круглое озеро в горах на западе Ишмирата, на границе с Лоргинариумом; вода в нём исключительно чистая и холодная из-за родников. Есть легенда, что раз в тысячу лет озеро Арирамар наполняется огнём вместо воды.

А́ше – междометие, распространённое в Ишмирате, может выражать самые разные эмоции. Чаще всего – покровительственное сочувствие.

Ач́ир – сладкоголосая птица с юга.

Вáйна – знахарка у кьярчи, бродяг.

Гéрка – замена очков в пустыне, полоса затемненного стекла в оправе на ремне.

Гу́рны – ездовые животные; это непарнокопытные млекопитающие, у них длинные уши, а на хвосте кисточка. Гурны разных пород сильно отличаются по размерам и окраске.

И́шма – правитель Ишмирата. Полный титул – Великий ишма.

Ќиморты – люди, способные манипулировать морт.

Кимéнь-гора – гора, где в древности добывали мирцит, на границе между южной и восточной частями Лоргинариума.

Кли́ппа – красно-оранжевый краситель, получаемый из листьев одноимённого кустарника, а также пряность. Сами листья в сыром

виде жёлтые.

Кья́рчи – кочевой народ. Поклоняются Аю-Насмешнику, сами любят хорошую шутку; ловкие, хитрые, не всегда честные.

Ло́рга – правитель на севере.

Лут – островатый сочный корнеплод, хорошо подходит к мясу.

Ма́стер – человек, который занимается изготовлением приборов и предметов, работающих на мирците.

Ми́рцит – металл, способный впитывать морт и усиливать её. Хорошо смешивается с другими материалами. В очищенном виде имеет вид мелкодисперсного текучего порошка или пылицы, даже похож на жидкость, если не приглядываться.

Михра́ни – «Царственная Мать», прозвище и одновременно титул самой влиятельной женщины в оазисе Кашим.

Морт – сила, энергия, пронизывающая весь мир.

На́-джи́ – настольная игра со множеством запутанных правил; для на-джи нужна доска, расчерченная на кратное десяти количество квадратов, и два набора плоских фишек.

О́йга – крепкое вино из айки или другой ягоды.

Окулюс – один или два окуляра на кожаном ремешке. Стёкла обработаны морт и выплавлены с примесью мирцита. Через окулюс лучше видны тонкие потоки морт; есть окулюсы, которые помогают видеть вдаль или различать мелкие частицы.

Отка́т, сброс – потеря кимортом памяти и сил по достижении трёхсотлетия.

Рагди́ – верховный правитель города на юге.

Ра́йма – северный кустарник, из плодов которого делают дорогое и редкое вино. Райма – дикорастущее растение, поддается окультуриванию только при воздействии морт.

Ри́гма – сочный фрукт с оранжевой мякотью. Бывает сладким или кислым; кожица обычно зелёная, но встречаются оранжевые, розоватые, красные экземпляры. Кожица имеет смолистый запах.

Рука́в Ми́ра – очень широкая река между Ишмиратом и пустыней.

Садха́м – «красный ветер», сильная песчаная буря.

Семистру́нка – музыкальный инструмент.

Тха́рги – пустынные ездовые животные, ящеры с гребнем на голове. Говорят, что они были искусственно выведены кимортами в

незапамятные времена.

Хиста – красивая накидка с запахом на левую сторону у мужчин, на правую – у женщин. Под хисту надевается нижнее платье и нательная рубаха. У женщин-придворных нижних одежд может быть до десяти одновременно, мужчины носят не больше четырёх нижних платьев, если они не актеры и не сказители.

Хадары – разбойники, «лихие люди из леса»; в хадары часто идут люди из «чумных поселений», которые сожгли, потому что денег на киморта не хватило.

Чи – зелёный каплеобразный фрукт с большой косточкой и шершавой кожей, солоноватый и горьковатый, очень сытный. Долго хранится. Иногда им заменяют мясо в холодных блюдах.

Чийна – куст, цветет весной. Листья гладкие, тёмно-зелёные, соцветия в виде больших гроздьев синего, фиолетового и лилового цвета. Редко встречается белый. Найти белый цветок чийны среди разноцветных – к большой удаче.

Шимра – столица Ишмирата, **шимри** – тот, кто родился в столице.

Эль-шарих – зловредный пустынный зверёк, лисичка с большими чуткими ушами и тремя хвостами; его передние лапки похожи на человеческие руки.

Эрисея – дерево, цветет ранней весной. Сначала цветы белые, но за одну ночь они становятся пунцовыми, затем опадают.

Эстры – киморты после сброса.

ИМЕНА В ИШМИРАТЕ

В Ишмирате имя может многое сказать о человеке. Условно оно делится на две части: личное и родовое. К имени рода добавляется морфема, которая указывает на положение семьи в обществе. Всего их шесть:

«-така» – это незаконнорождённые и непризнанные дети, а также поселившиеся в Ишмирате чужеземцы неблагородных профессий, мелкие торговцы, слуги и отлучённые от рода, неспособные назвать своих предков до пятого колена. «Така» часто используется как бранное слово в значении «шваль, отбросы».

«-рон» – все богатые торговцы, ремесленники, семьи мастеров с примесью северной или южной крови, а также воины из «нечистокровных» родов.

«-мар» – потомственные чиновники великого ишмы или воины с «чистой» кровью, у которых нет среди предков северян или южан.

«-раг» – семьи мастеров с длинной и незапятнанной родословной, семьи кимортов, жрецы, дальние родственники ишмы, смешавшие свою кровь с посторонними.

«-ци» – потомки кимортских и жреческих родов с исключительно чистой кровью, по древности равные ишме, а иногда и превосходящие его. Корень «ци» или «ки» изначально означал «повелитель, господин».

«-ишим» – сам ишма и его ближайшие родственники.

ХРАМ ПЯТИ ВЕТРОВ

На востоке обожествляют правителя, Великого Ишму. На севере поклоняются духам предков. А на Земле злых чудес властвует храм Пяти Ветров – и он имеет силы и влияния столько же, сколько же и Конклав торговых городов. Это самая молодая религия: она зародилась около пятисот лет назад на руинах южного государства и объединила тех людей, которые, в отсутствие кимортов, пытались сохранить прежний порядок и не позволить наступить по-настоящему тёмным временам.

В храме без всякой платы лечат бедняков, дают кров и пищу нуждающимся.

Любой раб, добравшийся до храма, может попросить у жрецов защиты, и ему не откажут.

Обычно в городском храме пять алтарей, по одному для каждого божества. Жрецы получают от своего божества-покровителя особые таланты.

Ветер Дождей, благодатный и милосердный – покровительствует лекарям и аптекарям, дарует воду в пустыне. Его жрецы являют чудеса исцеления от болезней ума и тела, хорошо разбираются в травах, ядах и аптекарских составах, а также могут отыскивать скрытые под песком воды и пробуждать пересохшие колодцы. Ветер Дождей обычно

изображают в образе молодой женщины или юноши в зелёном покрывале. Когда Ветру Дождей возносят молитву об исцелении, то часто дают зарок отныне помогать голодным, нуждающимся и страждущим.

Ветер Карающий – покровитель воинов и всех тех, кто берёт в руки оружие. Его жрецы – это армия храма. Они проходят особое обучение, затем получают нож или кинжал с багряной рукоятью. Такое оружие хранится в потайных ножнах, в мелких стычках его не достают. Но если приходит нужда, то клинок покидает ножны и не возвращается в них, пока утолит свою жажду крови, и его не могут остановить ни щит, ни доспех – только морт, которую жрецы называют «дыханием мира».

Ветер Ночи – покровитель шпионов и дипломатов. Он дарует своим служителям чуткий слух, зоркие глаза и умение оказываться в нужное время в том самом месте, где произносятся важные речи. Говорят, что жреца в чёрных одеяниях невозможно заметить, пока он сам того не пожелает. К Ветру Ночи обращаются и другие люди, которые вершат свои дела по покровом темноты: его просят об утолении страсти, об удаче в любовных делах.

Справедливый Ветер – судья среди богов и покровитель судей, а также всех тех, кто ведает наказаниями и наградами. Жрецы его различают правду и ложь, к ним обращаются тогда, когда добиться справедливости иным путём не получается. Сбежавшие рабы обычно укрываются именно у алтаря Справедливого Ветра; споры о наследстве также решаются там.

Незримый Ветер – покровительствует странствующим певцам и сказителям, они-то и считаются его жрецами, и он наделяет их пророческим даром. Незримый Ветер пронизывает всё и вся, ведает прошлое, настоящее и будущее. У его алтаря спрашивают об исходе того или иного дела, а также просят благословения перед дальней дорогой.

Есть легенда, что однажды все пять Ветров задуют разом, и пустыня перевернётся вверх дном, и на месте бесплодных, губельных песков снова возникнут и горы, и реки, и леса, и плодородные земли.